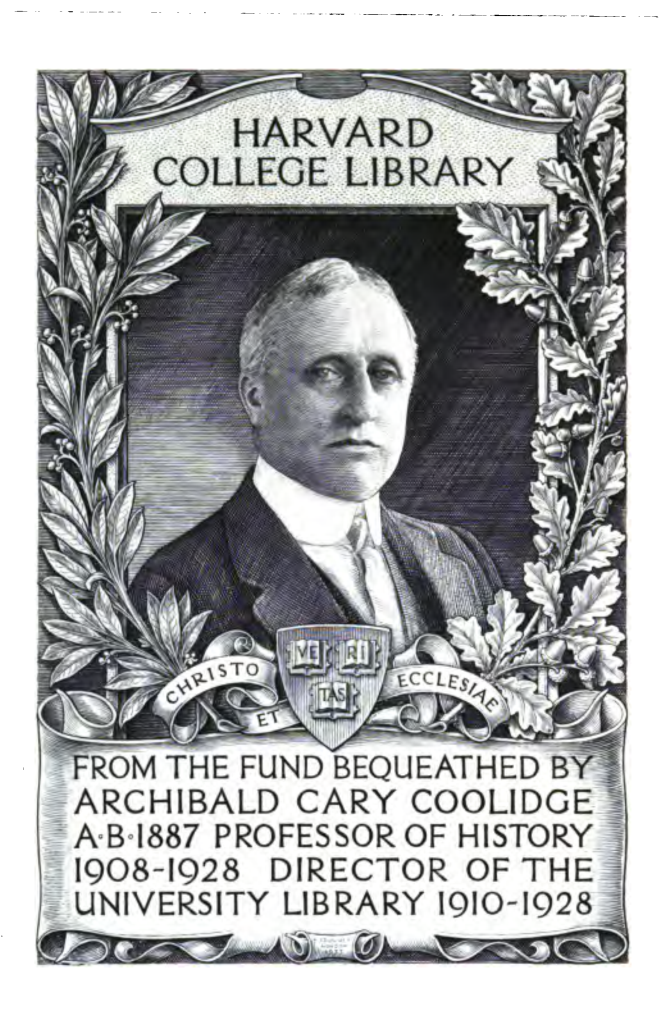

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

1908
9

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ковъ, шкивовъ, шестеренъ и т. п. Gofferjé. Перев. съ нѣмецкаго инжен.-технол. Л. А. Боровичъ. Изд. 2-е, съ атласомъ въ 8 таблицъ чертежей. Ц. 1 р. 50 к.

Графическія данныя раціональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. R. H. Bow. Ц. 3 р.

Курсъ графической статики, изложенный для архитекторовъ, техниковъ, строителей и проч. Schlotke. Съ 9 литографиров. таблицами. Ц. 2 р.

Графическая статика въ приложеніи къ расчету строительныхъ сооруженій. Wilh. Keck. (Дополненіе къ „Основамъ расчета строительныхъ сооруженій".) Съ 83 чертежами въ текстѣ и 4 таблицами. Ц. 1 р. 50 к.

Основы расчета строительныхъ сооруженій по методамъ теоріи упругости. Его же. Перев. съ нѣмецк. П. С. Страхова. Съ 300 чертежами въ текстѣ. Ц. 3 р.

Основы построенія частей машинъ. Унвейна. Переводъ Нетыкса и Кульчицкаго. Ц. 3 р. 50 к.

Простой способъ нагляднаго изображенія сложныхъ строительныхъ деталей. П. С. Страхова. Съ 19 чертеж. Ц. 20 к.

Устройство простыхъ бетонныхъ половъ. Его же. Съ 10 рисунк. въ текстѣ. Ц. 30 к.

Атласъ конструктивныхъ чертежей деталей машинъ. П. К. Худякова и А. И. Сидорова. Изданіе 4-е, проф. А. И. Сидорова, совершенно переработан. имъ вновь согласно современному состоянію машиностроенія. Часть I. Цѣна 6 руб. Часть II. Ц. 6 р.

Атласъ представляетъ руководство по проектированію частей или деталей машинъ и техническому черченію и предназначается для студентовъ высшихъ техническихъ школъ, для учениковъ жел.-дорожн. училищъ и ремесленныхъ школъ, а равно и для всѣхъ лицъ, занимающихся практическою дѣятельностью на поприщѣ машиностроенія.

Детали машинъ. П. К. Худякова, профес. Изд. 2-е bis, пересмотрѣнное и дополненное проф. А. И. Сидоровымъ. Часть 1-я. Ц. 2 р. Часть 2-я. Ц. 2 р. (Руководство при расчетѣ и проектированіи отдѣльныхъ частей машинъ и приводовъ, описаніе и критическая оцѣнка существующихъ конструкцій, способовъ обработки и монтажа ихъ.)

Составленіе перспективныхъ эскизовъ деталей машинъ. К. Фолька, инжен. Перевелъ съ нѣмецк. и дополнилъ инж.-мех. И. Куколевскій. Съ 76 фигурами. Ц. 60 к.

Автоматическіе воздушные тормоза системъ Вестингауза и Нью-Йоркъ. А. М. Калашникова, инж.-технол. Описаніе устройства и дѣйствія, уходъ, болѣзни и лѣченіе. (8 фигуръ въ текстѣ и 9 таблицъ на отдѣльн. листахъ.) Изд. 2-е. Ц. 1 р. 80 к.

Больная паровая машина и первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ съ нею. H. Haeder'а. Практическое руководство къ уходу и надзору за паровой машиной. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія проф. Императорскаго техническаго училища А. И. Сидорова (съ значительными добавленіями). 2-е русское изданіе, въ 2-хъ частяхъ. Часть 1-я. Съ 724 фигурами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к. Часть 2-я. Съ 458 фигурами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Золотниковое парораспредѣленіе въ паровыхъ машинахъ. J. Rose. Съ атласомъ чертежей въ 20 таблиц. Ц. 3 р.

Индикаторъ. Хедера (H. Haeder). Практическое руководство къ изслѣдованію паровыхъ машинъ и котловъ. Для фабрикантовъ, заводчиковъ и техниковъ. Перев. съ 3-го нѣмецкаго изданія инжен.-технол. Л. А. Боровичъ. Со множеств. рисунк., таблицъ и чертежей. Ц. 4 р. 50 к.

Органы парораспредѣленій. Его же. (Парораспредѣленіе въ паровыхъ машинахъ.) Для практики и техническихъ училищъ. Практическое пособіе и справочная книга для проектированія всевозможныхъ системъ парораспредѣленій. Переводъ съ VI нѣмецкаго изданія инж. М. Блокъ. 267 стр. текста съ 700 политипажами, 78 таблицами и 16 листами чертежей. Ц. 3 р.

Паровыя машины. J. Rose. Нѣкоторые типы современныхъ паровыхъ машинъ. Съ атласомъ чертежей въ 29 таблицъ. Ц. 2 р. 75 к.

Паровыя машины, разсмотрѣнныя какъ въ отношеніи большихъ спеціальныхъ паровыхъ установокъ, такъ и въ отношеніи рыночныхъ типовъ. Хедера (H. Haeder). Расчетъ и детали. Съ 1964 политипажами и 270 таблицами. Множество при-

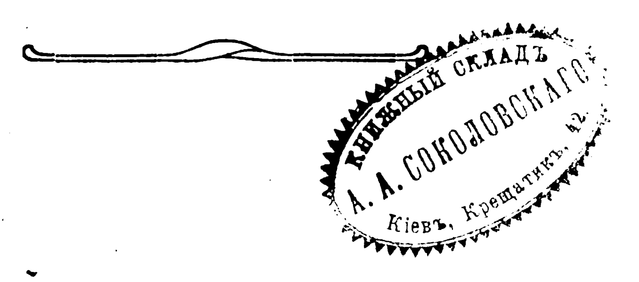
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

1908.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 часовъ дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дн отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаютс

СУДЪ БОЖІЙ.

О. Иларіонъ—монахъ угодный, уменъ и вѣрою крѣпокъ—старецъ. Какъ казначей и духовникъ—на виду и самъ всякаго видитъ. Бдительный—не пропуститъ ни одной службы; много лѣтъ безсмѣнно и въ безмолвіи у мощей стоялъ. Говорятъ, прозорливый; оттого, должно быть, въ монастырь народъ идетъ побывать на духу у старца. Строгій и взыскательный, потачки не дастъ, а глаза хорошіе—всю душу выложишь. Высокій, прямой, борода сѣдая, длиной въ мѣру—не песья. Быстрый: не побѣжитъ, а всюду поспѣетъ. И узнаешь, не глядя: мантія, какъ у прочихъ, а шуршитъ, словно гофреная; въ этомъ шуршаньѣ богомольцы и братія особую благодать видѣли. Въ монастырѣ давно, а когда и почему—неизвѣстно. Одни говорили, что отъ несчастной любви, а другіе—что съ юности возлюбилъ пустыню, а третьи—ничего не говорили, во все вѣруя. А было во что: много разнаго складывали. Показывали, напримѣръ, въ монастырской оградѣ кедры, будто бы вывезенные старцемъ въ Москву съ Вычегды изъ пустыни, а кедры были такіе огромные—вѣкъ, а то и болѣ. Показывали вериги, съ отроческихъ лѣтъ носимыя будто бы старцемъ, и эти вериги—тяжести непомѣрной—надѣвали обыкновенно на бѣсноватыхъ: шибко помогаетъ. И все въ такомъ родѣ. Впрочемъ, что же?—по заслугамъ и честь, такъ изъ головы не выдумаешь.

Всякій разъ, когда въ монастырѣ подымался трудный вопросъ и требовалось уладить какое-нибудь запутанное дѣло, на совѣтъ к[illegible]настоятелю призывался о. Иларіонъ. И не безъ проку: старецъ, о[illegible]дивъ вопросъ, удалялся въ церковь и, промолившись ночь, вын[illegible]лъ на утро рѣшеніе, и было оно мудро и всегда на великую польз[illegible] Живи, не бойся!

[illegible]лучилось однажды, кіевскій владыко, гостя въ Москвѣ, посѣт[illegible] монастырь и, проживъ въ немъ нѣкоторое время, уѣхалъ тро-

нутый и довольный строгимъ уставомъ и образцовымъ порядкомъ. Въ благодарность за такое вниманіе рѣшено было послать владыкѣ подарокъ. А такъ какъ слылъ онъ за большого молебника, то изо всѣхъ монастырскихъ сокровищъ выбрана была чудотворная и издавна чтимая икона Божіей Матери, именуемая Скорбной.

Составляя часть сложной иконы Деисуса, разсказываютъ, что во время пожара, случившагося однажды въ монастырѣ, когда другія двѣ части, изображавшія Исуса и Ивана Крестителя, погорѣли дотла, она одна уцѣлѣла въ огнѣ нетронутой; на ней представлена была Божія Матерь, какъ стояла Она у Распятія. Икона была древняя, ликъ теменъ, но изъ теми явственно видѣлись и скорбь и мука душевная—вся горечь и вмѣстѣ глубокое покорство святого сердца, черезъ которое судимо было, чтобы прошелъ мечъ. Украшенная богатой ризой и цвѣтными камнями, она по размѣрамъ небольшая— подъ силу одному унесть.

Отвезти эту драгоцѣнную святыню въ Кіевъ поручено было о. Иларіону.

Съ перваго шага пошли неудачи.

Купэ второго класса, въ которомъ помѣстился о. Иларіонъ, заняли еще три пассажира. И это было бы куда ни шло. Вскорѣ же оказалось, что всѣ они хоть и очень пріятные и услужливые спутники, но курильщики самые отчаянные. И это было совсѣмъ некстати: ѣхать до Кіева приходилось цѣлыя сутки, а отъ табачнаго дыма у о. Иларіона кружилась голова и болѣло сердце. Что было дѣлать? Просить не курить—совѣстно, перейти въ другой вагонъ—мѣста нѣтъ. И вотъ, чтобы какъ-нибудь уберечься и въ то же время не стѣснять своихъ сосѣдей, о. Иларіонъ, выждавъ контроль, вышелъ на площадку и рѣшилъ оставаться такъ весь путь до Кіева.

Погода выдалась теплая и продувавшій вѣтерокъ не мѣшалъ: легко обвѣвая лицо, подымалъ онъ вскрылія клобука и, играя въ нихъ, шелестѣлъ ими, какъ крыльями.

А любо и хорошо!—весеннія поля, лѣсъ и рѣка шли чередомъ: дружная широко полегла зель и туда и сюда и благодатная укрывала душистымъ ковромъ необъятный край земли до самой сини неба и словно все кликала кликомъ рѣющей пѣсни своего жаворонка, а лѣсъ, зеленѣя молодой клейкой листвой, что-то все говорилъ, шумя, а пробѣгавшія рѣки и рѣчки, вырастая подъ половодьемъ, полноводныя, гудѣли, куда колоколъ.

И оттого ли, что столько лѣтъ проведено было однообразно и на одномъ мѣстѣ въ стѣнахъ городского монастыря среди свѣчей, лам-

падокъ и ладана, или еще отъ чего, что доносилось вѣтромъ и касалось глазъ съ этой шири и дали, почувствовалъ о. Иларіонъ, какъ стало ему весело и странно какъ-то.

Пускай одежда на немъ темная и голова его—сѣдая и душа, принявшая многое множество и самыхъ отчаянныхъ и самыхъ горькихъ признаній, отягчена и утомлена чужими грѣхами и тайнами, а тамъ—все молодо, а тамъ—все свято и полно невѣдѣнія—онъ нисколько не представляется чужимъ, ни одинокимъ и видъ его не рѣжетъ глазъ.

Была ли это молитва—и старецъ молился безъ словъ и мысли единымъ духомъ, какъ пренодобный Коряжемскій Логгинъ молился среди печальныхъ кедровъ вмѣстѣ съ бѣлой ночью и колокольнымъ звономъ, плывшимъ по рѣкѣ изъ Соли Вычегодской; или проходили въ немъ воспоминанія, но какія?—не тѣхъ же дней, которые съ болью прожиты и лишь теперь благословлены?—нѣтъ, не этихъ дней; и что за голосъ онъ слышитъ и куда зоветъ этотъ голосъ?... или видѣлъ онъ руку, показывающую ему дорогу, но не назадъ, а куда-то въ эту ширь и даль: тамъ ложе—земля, а покровъ—небо.

Онъ стоялъ и, не отрываясь, глядѣлъ вокругъ. И если бы захотѣлъ въ тѣ минуты собрать свои мысли, онѣ не сказались бы. И было такъ весело и странно какъ-то. Слезы сами собой подступали и крупныя катились изъ засвѣтившихся, словно у ребенка, веселыхъ и кроткихъ глазъ. И время неслышно шло.

«А не искушеніе ли это?»—шевельнулась чуть внятная мысль, и тотчасъ онъ перевелъ глаза и, вздрогнувъ, потупился: какой-то господинъ, стоя у двери, выходящей на площадку противоположнаго вагона перваго класса, упорно смотрѣлъ на него.

— Искушеніе,—сказалъ самъ себѣ о. Иларіонъ и, подтвердивъ словомъ свою предательскую мысль, всполошилъ мысли: онѣ полѣзли въ голову всякія и подонки ихъ.

Чувствуя на себѣ неспускаемый взглядъ, онъ схватился за четки и съ какимъ-то остервенѣніемъ принялся читать положенную молитву и, читая ее, затверженную, потерявшую всякій смыслъ—пустую, сталъ убѣждаться, что все только что бывшее съ нимъ нечто.

«Дьяволъ,—распалялся монахъ,—Сатана, радующійся, когда удается, какъ сейчасъ, обойти человѣка: заставить размякнуть и разнюниться,—все его рукъ дѣло. Скверную шутку сыгралъ, нечего сказать! Замутилъ память... да развѣ онъ, столько лѣтъ про-в шій въ монастырѣ и столь много потрудившійся для своего и чужого спасенія, могъ самъ собой забыть примѣръ старца, имя кото-

раго принялъ и житію котораго слѣдовалъ? А какъ поступилъ троекуровскій старецъ, попавъ однажды въ такое же положеніе? Выведенный по веснѣ въ садикъ, онъ сказалъ: «Хорошо, очень хорошо, пожалуй захочешь и еще!» и велѣлъ вести себя обратно въ келью...»

И, подводя итогъ пережитому, о. Иларіонъ укорялъ и превозносилъ себя. Онъ допытывалъ: какой это иной путь указанъ ему? и развѣ мыслимо оставить ему монастырь?—онъ его устроилъ, одинъ онъ—вотъ этими руками, и безъ него пропадетъ монастырь; а всѣ эти люди?—вѣдь только изъ-за него они идутъ, отъ него ищутъ себѣ утѣшенія,—что безъ него будутъ дѣлать? куда дѣнутся?—очумѣютъ въ своей темной и жалкой жизни, какъ псы, подохнутъ безъ покаянія. А! онъ догадался, онъ знаетъ этотъ путь, знаетъ, куда ведетъ эта дорожка,—въ міръ звалъ его Сатана, красотой, полями соблазнялъ его. Нѣтъ ужъ, ошибся, не будетъ этого, какъ не можетъ быть снѣгъ черенъ, соль прѣсна! Онъ оставилъ міръ, чтобы спасти его. Это единственное, чѣмъ жилъ, живетъ и будетъ жить. И знаетъ, какъ спасти его, и кто виновникъ страданія. Еще въ молодости, какъ извѣдывалъ и пробовалъ жизнь, хотя среди людей послѣднимъ блудникомъ, воромъ и пьяницей, еще въ тѣ годы, когда, чувствуя силы, искалъ себѣ дѣла, эта мысль о спасеніи—а онъ давно это понялъ,—не покидала его: онъ ею только и мучился.

— Господи, помилуй мя!—произнесъ о. Иларіонъ глухо и съ какой-то обидой, что вотъ Господь попустилъ искушать его; и, поднявъ глаза, онъ снова встрѣтился съ упорно направленнымъ на него взглядомъ: наблюдавшій за нимъ господинъ, выйдя на площадку, стоялъ теперь прямо противъ него.

Коробило отъ этого взгляда.

О. Иларіонъ, бросивъ молитву, сталъ оправляться: поправилъ клобукъ, поправилъ наперсный крестъ, поправилъ рясу. Но одежда все какъ-то лѣзетъ на немъ и стоять становится трудно: воды бы попить! и въ ушахъ звонъ: назойливо стучатъ колеса и гдѣ-то непріятно лязгаютъ цѣпи,—какое-то утомленіе клонитъ его, и ему хочется опуститься тутъ же на площадкѣ, вытянуть ноги и заснуть.

Онъ долго боролся, брался за четки, таращилъ глаза, переминался, но силы оставили его, и, не замѣтивъ, стоя, онъ заснулъ. И хотя спалъ онъ всего какихъ-нибудь нѣсколько секундъ, тягучій и безобразный сонъ довершилъ весь его страхъ и безпокойство.

Представилось ему, будто онъ въ монастырѣ, сидитъ въ трапезной за столомъ и ѣстъ котлеты. Передъ нимъ стоитъ его ученикъ, любимый братъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ еще юнымъ,

и служитъ ему. И вотъ ѣстъ онъ эти котлеты и по мѣрѣ того, какъ входитъ во вкусъ, начинаетъ соображать, что онѣ не говяжьи, а сдѣланы изъ мяса, вырѣзаннаго изъ ногъ этого брата, и ясно видитъ тѣ мѣста, откуда вырѣзано...

Очнувшись, о. Иларіонъ вошелъ въ вагонъ.

Несмотря на раскрытое окно, купэ дымилось, а спутники, примостившись, рѣзались въ карты. Тутъ же стояло угощеніе. Замѣтно было, что они не безъ усердія прикладывались къ рюмкамъ. И было очень весело. Наперерывъ другъ передъ другомъ бросились они потчевать о. Иларіона, но онъ, отъ всего отказавшись, попросилъ себѣ воды. Воду скоро ему доставили. Не выпивъ и нѣсколькихъ глотковъ, онъ почувствовалъ утомленіе. Присѣлъ къ нимъ и, насколько позволяли силы остаться, оставался въ купэ. Беззаботность ли и веселье компаніи, перемѣна ли мѣста, но что-то отрезвило его, и онъ снова вышелъ на площадку.

Былъ уже вечеръ. Сѣло солнце. Попадавшіяся поля, лѣсъ и рѣки ложились по сторонамъ затуманенныя и затихнувшія, и лишь вечернія птицы робко начинали свои позднія пѣсни. А Вечерница—первая звѣзда, восходя по небу, зажигала свѣтъ свой.

Тихій свѣтъ тихо входилъ въ его душу и наполнялъ ее смиреніемъ и покорностью. Ожесточенности не было, а съ нею улеглась гордыня. Онъ ужъ не думалъ о своихъ заслугахъ и трудахъ, ни о томъ, какъ спасаетъ себя и другихъ, не поминалъ дьявола, который будто бы только и ищетъ, чтобы смущать его, не роптал̂ъ. Это былъ простой монахъ, къ которому тянуло и котораго любилъ народъ.

Между тѣмъ все тотъ же господинъ, слѣдившій за нимъ, перешелъ на его площадку и сталъ съ нимъ рядомъ.

И опять страхъ еще пуще овладѣлъ о. Иларіономъ, но онъ не пошевельнулся и продолжалъ стоять смиренно и покорно, готовый все вынести, что бы ни случилось. А что могло случиться, ясно не представлялось, онъ чувствовалъ только недоброе что-то въ сосѣдѣ и въ томъ, что тотъ неотступно преслѣдуетъ его. Такъ стояли они плечо въ плечо.

Погаснулъ вечеръ. Темная протянулась ночь. Безвѣтріе и тишина: слышны были лишь стуки сердца.

— Батюшка,—сказалъ незнакомецъ.

О. Иларіонъ повернулся къ нему и, смиренно наклонивъ голову, далъ понять, что готовъ на все отвѣтить, что бы ни спросили его.

— Вотъ я все смотрю на васъ,—продолжалъ незнакомецъ,—и никакъ понять не могу, скажите пожалуйста, почему это вы стоите тутъ: и днемъ стояли, и вечеромъ, и сейчасъ?

— Въ нашемъ вагонѣ курятъ, а я не могу выносить дыма: у меня голова разбаливается и сердце. Такъ вотъ я и вышелъ сюда.

— А вы далеко ѣдете?—полюбопытствовалъ незнакомецъ.

— Въ Кіевъ, по порученію настоятеля,—сказалъ о. Иларіонъ.

— Такъ знаете, батюшка, переходите ко мнѣ: у меня свободно, я отдѣльное купэ занимаю и во всемъ вагонѣ, кромѣ меня, никого нѣтъ—вагонъ пустой, мы бы вмѣстѣ и размѣстились, а то одному очень скучно.

Голосъ незнакомца пресѣкался, какая-то затаенная мысль, которую онъ ужъ не могъ удержать въ себѣ, а съ ней и тревога прозвучали въ его словахъ,—и это не внушало довѣрія. И видъ его: это былъ молодой человѣкъ самый обыкновенный, какихъ часто встрѣчаешь, безъ всякихъ примѣтинъ,—все было на своемъ мѣстѣ, правильно и даже красиво, но почему-то тоже не внушало довѣрія.

О. Иларіонъ хотѣлъ отказаться, но, не сдѣлавъ даже попытки, какъ-то помимо воли далъ согласіе. Сказавъ, что пойдетъ взять свои вещи, онъ вошелъ въ вагонъ.

Страхъ не отпускалъ его, что-то предостерегало не возвращаться. И это теперь сдѣлать было легко: въ купэ всѣ спали и онъ въ свою очередь тоже могъ бы лечь и хорошо выспаться,—курить не будутъ.

Присѣлъ было на диванъ, сталъ успокаиваться, но, не прошло и минуты, поднялся: совѣсть заговорила въ немъ, она укоряла его въ малодушіи и повелѣвала немедля идти и не бояться, потому что онъ—монахъ, а монахъ ничего не долженъ бояться.

Забравъ съ собой чемоданъ, гдѣ хранилась икона, о. Иларіонъ тотчасъ же вышелъ.

Молодой человѣкъ, поджидавшій его на площадкѣ, помогъ ему перейти въ вагонъ, потомъ, введя въ свое купэ, затворилъ за собой дверь. И снова одни глазъ-на-глазъ они остались въ пустомъ вагонѣ, сидя другъ противъ друга.

Впрочемъ, молодой человѣкъ не заставилъ себя ждать.

— Я такъ измучился,—заговорилъ онъ, волнуясь,—просто нигдѣ себѣ мѣста не найду, пробовалъ читать,—не читается, и спать не могу, вышелъ на площадку—одному тутъ жутко, а вижу, вы стоите, и сталъ я наблюдать за вами и чѣмъ больше вглядывался въ васъ, тѣмъ больше вы мнѣ нравились, и рѣшилъ я: спрошу-ка у васъ,—и какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю.

— Говорите,—тихо произнесъ о. Иларіонъ,—что въ моихъ силахъ, помогу вамъ,—и привычно готовъ былъ выслушать и принять все, что только можетъ открыть человѣкъ отъ перваго преступленія до послѣдняго злодѣйства.

— Я единственный сынъ,—началъ спутникъ,—родители мои очень богатые купцы въ Кіевѣ. Когда я былъ еще мальчикомъ гимназистомъ, они выбрали мнѣ невѣсту и сказали мнѣ, что когда я кончу университетъ, женюсь на ней. Она—моя сверстница и мы часто вмѣстѣ проводили время: сначала, какъ дѣти, играли, потомъ стали вмѣстѣ читать, думать. Отношенія у насъ были самыя лучшія: я къ ней какъ къ сестрѣ относился, она ко мнѣ—какъ къ брату. Кончивъ гимназію, я поѣхалъ въ Москву въ университетъ. Первое время между нами завязалась горячая переписка: я скучалъ безъ нея. Но потомъ, вотъ ужъ два года, какъ я встрѣтилъ одну дѣвушку, полюбилъ ее, и мы сошлись; родился у насъ ребенокъ. Въ Кіевъ родителямъ, не желая огорчать ихъ, я ни слова не написалъ, такъ какъ для нихъ это было бы настоящимъ горемъ; а ее я какъ-то упустилъ изъ виду и даже сталъ забывать, что у меня есть назначенная мнѣ невѣста и что я только на ней и могу жениться. За все это время, отговариваясь разными дѣлами, я ни разу не былъ въ Кіевѣ. Наконецъ, я кончилъ университетъ, жили мы хорошо, я начиналъ подумывать, какъ намъ устроиться, и вдругъ получаю отъ отца телеграмму, въ которой онъ требуетъ, чтобы я немедленно пріѣзжалъ въ Кіевъ, и что день моей свадьбы назначенъ. Сперва я не хотѣлъ ѣхать, мнѣ казалось невозможнымъ и дикимъ такое требованіе, но потомъ что-то заколебалось во мнѣ, сталъ я думать и въ концѣ-концовъ, даже не сказавши дома настоящей причины, взялъ и уѣхалъ. А какъ сѣлъ въ вагонъ, такъ опять все сызнова и пошло: и ни въ чемъ ужъ теперь разобраться не могу, все у меня перепуталось. Вотъ я и рѣшилъ спросить у васъ, и какъ скажете, такъ я и сдѣлаю: ѣхать ли мнѣ въ Кіевъ или въ Москву обратно?

— Какіе пустяки!—сказалъ о. Иларіонъ,—прямое дѣло ѣхать вамъ въ Москву.

— Въ Москву?—и спутникъ при этихъ словахъ такъ подпрыгнулъ отъ радости, что чуть въ окно не выскочилъ.

— Конечно, въ Москву: разъ вы полюбили, то надо и быть вамъ съ тѣми, кого вы любите.

Сказавъ это, о. Иларіонъ почувствовалъ, какъ что-то тяжелое отлегло отъ сердца. Откинувшись на диванъ поудобнѣе, совершенно спокойный, онъ просто руками разводилъ, вспоминая пережитое за день и всего какой-нибудь часъ назадъ: откуда у него страхъ явился передъ этимъ несуразнымъ человѣкомъ, который самъ себя опуталъ кругомъ, и исторія котораго, впрочемъ, какъ и большинство исторій, выѣденнаго яйца не стоитъ?

А несуразный человѣкъ тѣмъ временемъ думалъ: какъ же это

онъ такъ поступилъ необдуманно и, Богъ знаетъ, изъ-за чего,— изъ-за какихъ-то капризовъ родителей поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы связать свою жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ, оставивъ жену и ребенка, которыхъ онъ любитъ; да вѣдь онъ своимъ глупымъ поступкомъ могъ бы всю жизнь себѣ искалѣчить и не только себѣ, вѣдь онъ даже не сказалъ ей, зачѣмъ ѣдетъ, и узнай она настоящую причину, возможно, не перенесла бы этого...

И, будто очнувшись отъ какого-то глубокаго обморока, въ которомъ все время находился, онъ бросился собирать свои вещи, чтобы на первой же станціи, ни минуты не медля, слѣзть и, пересѣвъ въ другой вагонъ, ѣхать обратно въ Москву.

Въ ожиданіи счастливой остановки, болтая всякій вздоръ, сколько любопытнаго успѣлъ передать онъ и про своего маленькаго сынишку и о всѣхъ своихъ планахъ и какъ его встрѣтятъ, и какъ они заживутъ спокойно, и какъ онъ когда-нибудь про все это разскажетъ, и сколько будетъ смѣха, а какіе зимой вечера у нихъ будутъ! и куда на будущій годъ они поѣдутъ, и какія игрушки онъ купитъ, затѣмъ началъ разсказывать какой-то анекдотъ и на самой соли его, не кончивъ, самъ первый же сталъ смѣяться и смѣялся на весь вагонъ раскатисто и молодо,—словомъ, переродился: не узнаешь.

Поѣздъ приближался къ станціи, съ которой надо было слѣзать, и оставалось всего какихъ-нибудь двѣ-три минуты, какъ вдругъ страхъ большій, чѣмъ всѣ бывшіе за этотъ путь, охватилъ о. Иларіона.

— Постойте,—сказалъ онъ своему счастливому спутнику, который одной ногой ужъ былъ за дверью,—обождите немного... я только что сказалъ, что надо вамъ ѣхать въ Москву и считаю, что по-моему разумѣнію другого выхода для васъ нѣтъ, но я человѣкъ и, какъ человѣкъ, могу ошибаться. Признаюсь, сегодня, какъ мы тамъ стояли, я подумалъ, что вы замышляете что-то недоброе, что вы, можетъ быть, убить хотите меня, а на самомъ дѣлѣ вы оказались простымъ и добрымъ человѣкомъ и зла мнѣ никакого не сдѣлали. Вотъ я и хочу предложить вамъ: сдѣлаемте такъ, какъ дѣлаемъ мы въ монастырѣ. Обыкновенно въ трудныхъ вопросахъ, когда представляются нѣсколько рѣшеній, мы пишемъ ихъ на записки и кладемъ у иконы. Потомъ, помолившись, вынимаемъ одну записку и, какъ въ оной говорится, такъ и поступаемъ. За всю мою жизнь не было случая, чтобы указанное такимъ образомъ рѣшеніе приводило къ чему-нибудь дурному, ибо рѣшеніе это божеское и ошибаться не можетъ. Согласны ли вы поступить такъ?

— Согласенъ.

— И что вынется, то и будетъ,—повторилъ о. Иларіонъ.

— Разъ вы говорите, батюшка, я согласенъ.

Въ это время подъѣхали къ станціи, и молодой человѣкъ, видимо, загрустилъ, но когда снова тронулся поѣздъ, онъ понемногу вошелъ въ колею и, хотя смѣха не было слышно, видъ у него былъ веселый. Помогая о. Иларіону распаковывать чемоданъ, онъ заранѣе вполнѣ былъ увѣренъ, что божеское рѣшеніе, которое сейчасъ скажется, не можетъ не совпадать ни съ здравымъ смысломъ, ни съ мнѣніемъ старца.

Взяли они икону, поставили на столикъ, написали двѣ записки, свернули ихъ въ трубочки и, положивъ передъ иконой, сами стали на молитву. И молились горячо и долго, не слыша ни звонковъ, ни остановокъ. Не замѣтили, какъ ночь прошла и свѣтать стало.

Только когда поднялось солнце, о. Иларіонъ, положивъ послѣдніе три поклона, вынулъ записку. Молча прочиталъ, молча передалъ ее. И когда оба они узнали судъ свой, онъ сказалъ твердо, но съ упавшимъ сердцемъ:

— Такова воля Божья.

— Воля Божья,—повторилъ за нимъ сухими губами его убитый, опечаленный спутникъ.

И больше они не проронили ни слова.

Въ вагонѣ было душно и неуютно. И хоть бы окно раскрыть, а тамъ вмѣстѣ съ солнцемъ проснувшаяся и цвѣла, и ворковала лебединая степь, такая широкая—до самаго моря.

Незадолго до Кіева, когда отобрали билеты и о. Иларіонъ поднялся, чтобы идти въ свой вагонъ, молодой человѣкъ остановилъ его, прося исполнить просьбу: придти къ нему на свадьбу.

— Это послѣдняя къ вамъ просьба, батюшка,—сказалъ онъ,— непремѣнно приходите,—и при этомъ назвалъ день, часъ и церковь.

Къ счастью оказалось, что этотъ день о. Иларіонъ проведетъ еще въ Кіевѣ, и онъ обѣщалъ. Такъ они и разстались.

Ужъ навстрѣчу съ холмовъ выходили старые храмы, и поѣздъ, перейдя Днѣпръ, приближался къ вокзалу. О. Иларіонъ, простившись съ своими спутниками, вышелъ съ вещами на площадку. Среди стрѣчающихъ, которыхъ онъ могъ свободно разглядѣть, ему бросился въ глаза старикъ съ пожилой дамой, а съ ними барышня, направлявшіеся всѣ трое къ вагону перваго класса. И онъ сразу догадался, что это—отецъ, мать и невѣста его несчастнаго спутника. Барышня ему страшно не понравилась...

И снова упало сердце.

— Такова воля Божья.

Владыка милостиво принялъ о. Иларіона, а подарку просто не зналъ благодарности. Онъ обѣщалъ, будучи въ Москвѣ, непремѣнно еще разъ побывать въ ихъ монастырѣ и уговаривалъ старца подольше остаться въ Лаврѣ, чтобы, пользуясь его пребываніемъ, получить отъ него нѣкоторые совѣты, въ которыхъ онъ очень нуждался.

Дни проходили незамѣтно.

О. Иларіонъ, ни разу до сей поры не бывавшій въ Кіевѣ, занятъ былъ посѣщеніемъ кіевскихъ святынь и осмотромъ древностей, свободные же часы проводилъ у владыки. Но ни въ пещерахъ, ни за совѣтомъ въ примиренности и умиленіи своемъ передъ видѣннымъ, завершавшимся звономъ печерскихъ колоколовъ и кіевскими распѣвами, мысль о данномъ обѣщаніи своему дорожному спутнику не покидала его.

Наконецъ подошла эта пятница—день назначенной свадьбы и послѣдній срокъ пребыванія о. Иларіона въ Кіевѣ. Онъ собирался было задержаться и еще нѣкоторое время, но изъ Москвы получены были письма, въ которыхъ его торопили, такъ какъ присутствіе его въ монастырѣ оказывалось необходимымъ для рѣшенія какого-то неотложнаго дѣла.

Свадьба назначена была послѣ вечерни, а поѣздъ отходилъ поздно вечеромъ. Хотя промежутокъ времени былъ довольно большой, о. Иларіонъ, опасаясь пропустить этотъ поѣздъ, задумалъ заранѣе взять билетъ.

Послѣ прощальнаго обѣда у владыки, когда зазвонили къ вечернѣ, онъ отправился на вокзалъ и, пробывъ тамъ въ виду встрѣтившихся препятствій долѣе, чѣмъ слѣдовало бы, заторопился взять извозчика. Вечерни давно кончились, а гдѣ находится церковь, онъ не представлялъ себѣ и потому очень безпокоился. Когда же, наконецъ, пріѣхали и онъ увидѣлъ множество экипажей, стоящихъ по обѣ стороны улицы, онъ еще больше забезпокоился: ясно было, что свадьба уже началась. А когда вошелъ въ церковь, тутъ ужъ отъ досады чуть не заплакалъ: посреди церкви стоялъ гробъ.

Ни минуты не медля, онъ поспѣшилъ назадъ и, насилу отыскавъ своего извозчика,—съ упрекомъ сказалъ ему:

— Что же ты меня не туда привезъ, ужъ лучше бы и не брался

— Да вы, батюшка, сказали въ Кирилловскую, я васъ и привезъ въ Кирилловскую.

— Навѣрное, тутъ двѣ церкви Кирилловскихъ,—и о. Иларіонъ не дожидаясь отвѣта, занесъ было ногу въ пролетку,—вези меня скорѣе въ другую.

— Въ какую же другую, батюшка, всего только одна и есть, а другой никакой нѣтъ.

— Ты, можетъ быть, забылъ?—о. Иларіонъ стоялъ на своемъ.

— Такъ спросите кого другого, одно и то же скажутъ,—обидѣлся извозчикъ,—и не такихъ возилъ!

О. Иларіонъ вернулся въ церковь и, еще разъ убѣдившись, что тамъ покойникъ, направился къ церковному ящику: тутъ, думалъ онъ, дадутъ ему самыя точныя справки.

— Это Кирилловская церковь?—спросилъ онъ старосту.

— Кирилловская.

— А еще есть Кирилловская?

— Нѣтъ.

— А можетъ быть, гдѣ-нибудь на окраинѣ или по другому называется?

Но староста, занятый счетомъ денегъ и, видимо, не желая продолжать праздный разговоръ, только покачалъ головой.

Ничего другого не оставалось, какъ уйти. Но куда? Искать несуществующую церковь по меньшей мѣрѣ странно, да если и допустить, что по какой-либо случайности—мало ли что бываетъ—такая церковь и оказалась бы, то все равно ужъ поздно: время пропущено, и никакой свадьбы онъ не застанетъ. Можетъ быть, онъ перепуталъ названіе или день или время? Да нѣтъ, память ему не измѣняетъ, онъ хорошо помнитъ: Кирилловская, пятница, пять. И зачѣмъ понадобилось ему на вокзалъ тащиться? Успѣлъ бы еще тысячу разъ, и билетовъ сколько угодно. Пошелъ бы къ вечернѣ, все разузналъ бы толкомъ...

— Кирилловская, пятница, пять,—повторялъ машинально о. Иларіонъ, проталкиваясь къ выходу; не досада, горечь заливала его сердце: онъ не сдержалъ своего слова, не исполнилъ обѣщанія.

Народу была полна церковь, и почему-то не стояли на мѣстѣ, а все двигались по разнымъ концамъ, какъ у праздника, когда прикладываются. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, уже достигнувъ паперти, онъ помимо своей воли очутился въ круговоротѣ и понесенъ былъ волной назадъ, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ гробъ.

«И что это за порядокъ хоронить послѣ вечерни, нигдѣ такого о лчая нѣтъ! И что если тотъ человѣкъ просто подшутилъ надъ н чъ?»

— Кирилловская, пятница, пять.

О. Иларіонъ на минуту пріостановился, и вдругъ словно холодн водой плеснули ему въ лицо: вскинувъ глаза, онъ застоналъ, и т что увидѣлъ, было просто невѣроятнымъ.

Онъ находился въ нарядной толпѣ расфранченныхъ дамъ и мужчинъ, гроба не было, а тамъ, гдѣ раньше стоялъ гробъ, стояли теперь молодые: женихъ—его спутникъ, невѣста—та барышня, которую въ день своего пріѣзда онъ замѣтилъ на вокзалѣ; кончалось вѣнчаніе.

Присутствіе монаха само собой обратило на себя вниманіе. И не одно оно, а также и скорѣе видъ о. Иларіона и поведеніе его давало пищу толкамъ.

А велъ онъ себя странно: то начиналъ молиться и лежалъ распростертый ницъ, то гордо подымалъ голову, словно вызывая кого-то и крѣпко что-то оспаривая, то испуганно озирался и вертѣлъ головой, желая что-то сбросить съ себя, то опять дерзко сжималъ кулаки, то униженно сгибался весь, словно просилъ отдать ему что-то, что насильно взяли у него и не хотятъ отдать, то застывалъ на мѣстѣ и стоялъ, какъ изваяніе, съ остановившимся взглядомъ человѣка, пораженнаго чѣмъ-то, и потомъ рукой показывалъ, словно объясняя кому-то, что былъ онъ вотъ какой, а теперь—нищій, и просилъ подать Христа ради.

Онъ видѣлъ одно: бракъ, на которомъ онъ присутствуетъ, заключенъ былъ противно всякому здравому смыслу, но по указанію Божьему, и по указанію Божьему, какъ только что открылось ему, станетъ онъ гробомъ. И видя это одно, не могъ понять и все спрашивалъ: какой же смыслъ этого гроба—человѣческихъ страданій, зачѣмъ человѣкъ обрекался на страданія, кому и для чего понадобились эти страданія? Вотъ онъ, старый, прожившій много лѣтъ въ монастырѣ, спасалъ себя и спасалъ другихъ, но онъ не помнитъ, забылъ, какъ спасалъ и какъ спасался, а забылъ потому, что прежде понималъ, а теперь не можетъ понять, какой смыслъ страданій его и тѣхъ людей, которые приходили къ нему, зачѣмъ они и кому и для чего страданія всѣхъ этихъ жалкихъ плодящихся, какъ моль, ничтожныхъ жизней. Передъ нимъ проходили жизни, Боже мой, какія калѣчныя!—и онъ не видѣлъ имъ оправданія и просилъ, не умѣя отвѣтить, подать этотъ отвѣтъ, какъ милостыню.

— Не сына ли его и не дочь ли его вѣнчаютъ?

— Нѣтъ, это его любовница.

— Тоже монахъ, а пьяный: ишь какъ назюкался!

— Блаженный, поди!

— Представляется: знаетъ, купцы.

Многое еще говорилось и все, какъ самое достовѣрное; и одни жалѣли, другіе ругали и насмѣхались, третьи—этимъ все равно: некогда было.

Молодые приложились къ иконамъ, отошелъ молебенъ, и весь народъ хлынулъ къ паперти.

Поздравивъ, когда полагалось поздравить, новобрачныхъ, о. Иларіонъ вышелъ изъ церкви и пошелъ по незнакомымъ улицамъ, какъ-то чудно размахивая руками, будто не монахъ, а спѣшащій за чѣмъ-то наряженный въ монашеское платье простой міррянинъ. Но спѣшилъ онъ не въ Лавру, чтобы проститься, и не на вокзалъ, чтобы ѣхать въ Москву въ монастырь, онъ никуда не спѣшилъ.

Далеко ужъ отъ церкви нагналъ его извозчикъ:

— Эй, батюшка, а что же вы деньги-то?

О. Иларіонъ, вынувъ кошелекъ, подалъ ему.

«Рехнулся!»—подумалъ извозчикъ и, посмотрѣвъ вслѣдъ удалявшемуся странному сѣдоку, сказалъ:

— Придурай.

О. Иларіонъ ходилъ весь вечеръ и ночь, исшагалъ городъ вдоль и поперекъ, не останавливаясь и не оглядываясь. На разсвѣтѣ дня, выйдя за городъ на дорогу, онъ нагналъ какого-то, не то странника, не то бродягу.

— Куда идешь?—спросилъ его.

— Куда глаза глядятъ,—отвѣтилъ странникъ.

И онъ пошелъ за нимъ. И скоро степь закрыла ихъ.

Алексѣй Ремизовъ.

Дни умиранія.

Давно и тихо умирая,
Я—какъ свѣча въ тяжелой мглѣ.
Лазурь сіяющаго рая
Мнѣ стала явной на землѣ.

Мнѣ стали странно-чужды рѣчи,
Весь гулъ встревоженныхъ рѣчей.
И стали дни мои—предтечи
Святыхъ, вѣщающихъ ночей.

Звучатъ мнѣ радостью обѣта
Мои пророческіе сны.
Мнѣ въ нихъ доносятся привѣты
Святой, сіяющей весны.

Я тихо, тихо умираю.
Свѣтлѣетъ отблескъ на стѣнѣ.
Я внемлю шепчущему раю,
Уже открывшемуся мнѣ.

Какой-то шопотъ богомольный,
Иль колыханье тихихъ нивъ.
Иль въ синемъ небѣ колокольный,
Влекущій, радостный призывъ...

Викторъ Гофманъ.

ТРИ ПРОЛОГА.

Гуго фонъ-Гофмансталя.

I.

Прологъ для театра маріонетокъ.

Открытое мѣсто въ лѣсу. Дорога, поднимающаяся вверхъ справа, теряется въ глубинѣ сцены среди высокихъ елей. Слѣва стѣна утеса, маленькій водопадъ. Лѣсъ полонъ движенія. Голоса птицъ, шумъ листьевъ.

Является поэтъ. Онъ съ непокрытой головой, будто онъ только что всталъ изъ-за письменнаго стола и поднялся сюда для прогулки.

Поэтъ.—Будто во снѣ шелъ я по улицѣ, какъ со связанными ногами, и все же мнѣ кажется, что никогда въ жизни я еще такъ не бодрствовалъ. Слѣпо долженъ былъ я спѣшить вверхъ, будто невидимый водоворотъ былъ готовъ увлечь въ себя волну моей жизни. Вотъ я стою, гдѣ стоялъ уже сто разъ,—напротивъ растетъ земляника, я знаю это съ дѣтства,—и все же мнѣ кажется, будто я здѣсь первый разъ отъ вѣчности и по предназначенію вѣчности, а прежніе разы выступаютъ только какъ тѣни вокругъ изъ зеленыхъ зеркалъ и соединяются во мнѣ. «Все какъ прежде, и только,—хочется сказать моей головѣ,—высоко и тихо стоятъ деревья здѣсь въ горахъ, синевой сквозятъ черезъ нихъ долины»... почему же мнѣ сегодня чудится, что я могу все это выпить, вобрать въ себя какъ напитокъ весь этотъ міръ солнца и потомъ упасть безсильно, съ обнаженной душой, подобно вывороченной перчаткѣ.

(Онъ осматривается, какъ будто ищетъ чего-то.)

Я чувствую стѣсненіе и все же полонъ мужества, я будто плодъ, ж[illegible]ущій устъ, въ которыхъ онъ долженъ растаять, здѣсь хочется мнѣ [illegible]нуться, и все же меня гонитъ дальше въ чащу, я напился до-сыта и снѣдаемъ жаждою, я окруженъ живымъ и ищу живого, мнѣ хочется прижаться къ землѣ, обвить руками дерево, хочется внутрь и

внизъ и вверхъ! Содержаніе моего существа, мое *я* таетъ какъ слишкомъ мягкая свѣча, и надъ нею какъ прозрачное бѣшеное тихое пламя горитъ *ты*, невидимое *ты!*

(Въ лѣсу движенье, дикій голубь воркуетъ, кукушка кукуетъ.)

Прячешься ты въ животныхъ? Можетъ быть, они—мои братья и введутъ меня, когда ворота растворятся? Я не хочу взглянуть, не растутъ ли уже у меня когти или скользкая чешуя рыбъ: я чувствую, головокруженіе рожденія потрясаетъ меня съ головы до ногъ: пусть я буду животнымъ, заставь меня ворковать какъ голубь, заставь меня выброситься изъ волны какъ щука... сдѣлай меня такимъ безстыднымъ, такимъ цѣломудреннымъ какъ они, такимъ нагимъ и одѣтымъ, такимъ дикимъ и довѣрчивымъ: прими меня въ сонмъ твоихъ вѣстниковъ, странствующихъ по твоимъ нагимъ слѣдамъ! Насталъ часъ моей звѣзды, я это чувствую; ты для меня положила поясъ, таящій исполинскія силы, ты для меня спрятала въ кустахъ крылья орла, и все совершится такъ же легко, какъ я легко касаюсь теперь земли... но нужно еще послѣднее чудо: нужно ли мнѣ сбросить платье, смѣю ли я вмѣсто него набросить на свои плечи, какъ свой плащъ, весь міръ? Надо ли мнѣ сдѣлать три шага назадъ или семь впередъ? Долженъ ли я втиснуть въ сердце предчувствіе смерти и при этомъ сдѣлать прыжокъ черезъ свою тѣнь? Дай отвѣтъ, вели твоимъ людямъ отвѣтить мнѣ, тѣмъ, кто сторожитъ меня вокругъ голубовато-зелеными глазами воздуха! Дай отвѣтъ: я оставлю за собой свою жизнь, я смѣлъ, какъ ребенокъ, котораго незнакомые бродяги завели въ лѣсъ, а онъ смѣется и кидаетъ цвѣты къ рукамъ, готовымъ его задушить, но уже крылья вырастаютъ у него... Дай мнѣ отвѣтъ!

(Снова воркуетъ голубь, кукуетъ кукушка.)

Чу, какъ меня зовутъ, какъ рдѣетъ призывно въ темнотѣ! Какъ жизнь струится въ каждой моей жилѣ: все, что я зналъ до этого часа, былъ тупой полусонъ! Если сейчасъ тихо подымется нѣчто, подыметъ свое живое тѣло съ зеленаго ложа въ пещерѣ, золотого, полнаго соковъ броженія, и станетъ ко мнѣ приближаться... оно идетъ! Руки всего міра, обхвативъ крѣпко мое тѣло, не сорвали бы меня съ мѣста... скорѣе пустилъ бы я корни! ...но оно идетъ! Пигмаліонъ, ты цѣловалъ камень, я цѣлую для жизни ту, чье покрывало никогда никѣмъ не совлекалось, богиню, вѣчную природу! Что тамъ во тьмѣ движется ко мнѣ, что подымается ко мнѣ, блаженному, изъ вѣчно каменной тайны среди свѣтлаго дня для брачной ночи: это она! Я чувствую тебя: всѣ мои чувства заранѣе обнимаютъ тебя въ восхищенной силѣ! вотъ я лежу у тебя!

(Старуха выступаетъ изъ лѣса; она съ трудомъ тащитъ вязанку сухого дерева. Испуганная мужчиной, который передъ нею упалъ, она кричитъ: Іисусъ, Марія, Іосифъ! роняетъ ношу и стоитъ тяжело дыша. Поэтъ быстро вскакиваетъ.)

Старуха, согнутая какъ крючокъ удочки! Неужели это—моя Галатея? Неужели напрасно течетъ въ моихъ жилахъ это чувство блаженной силы? Напрасно устремлены всѣ чувства, запыхавшіяся какъ стая собакъ, по слѣдамъ безконечнаго? О нѣтъ, теперь или никогда дѣло касается болѣе чѣмъ моей души, дѣло идетъ о блаженствѣ моего тѣла! За этой личиной изъ трупнаго воска цвѣтутъ ланиты ангела для смѣлыхъ губъ! Я обниму это отвратительное тѣло, и все распадется пепломъ, и въ моихъ рукахъ будетъ извиваться какъ угорь самая жизнь! Прими какую угодно личину, божественная возлюбленная, ты не обманешь меня. *(Онъ обнимаетъ ее.)*

Старуха.—Пусти, шутъ! пусти, негодяй!

Поэтъ *(выпускаетъ ее)*.—Есть адскіе знаки, которыми дѣйствительность будитъ насъ внезапно среди глубочайшаго сна. Этотъ единственный зубъ, отвратительно выдающійся въ пустотѣ, гдѣ какъ червь извивается увядшій языкъ!

Старуха.—А онъ все говоритъ. Чего ему нужно? *(Подставляетъ, прислушиваясь, руку къ уху.)*

Поэтъ *(про себя)*.—О, я понялъ тебя! Не землю долженъ я цѣловать, не водопадъ прижать къ груди... я долженъ обнять себѣ подобныхъ. Вотъ твой отвѣтъ. *(Вблизи кукуетъ кукушка.)* Ты издѣваешься надо мной, птица, спрятанная въ листвѣ? а вы, деревья, вы обвѣваете меня съ удвоенной отчужденностью? Я чуждъ всему и одинокъ, одинокъ и осмѣянъ, осмѣянъ и враждебно окруженъ стерегущими меня! о міръ, міръ!

Старуха.—Что, деньги? Да, это хорошо бы. Ужъ мнѣ хотѣлось бы, да, да!

Поэтъ.—Это—равное мнѣ? Ближе мнѣ, чѣмъ всѣ другія созданія? Такое чуждое, до глубины души чуждое.

Старуха.—Что, рубаха? Ему моя рубаха не хороша? Есть у меня дома получше, такъ ту я берегу для похоронъ. Да, да, я мѣщанская дочь изъ Гернальса, что-жъ, мнѣ безъ бѣлаго савана остаться? Что онъ смотритъ на меня, чего ему нужно, а?

Поэтъ.—И живетъ и тащитъ домой связку дровъ, погрѣть эти члены! И радуется, что есть у нея въ сундукѣ чистая рубаха для почетнаго дня тлѣнія!

Старуха.—Ахъ, еслибъ опять взвалить дрова-то!

Поэтъ.—Она—равная мнѣ! Вотъ гонцы, посланные тобою. Ты же сама остаешься вѣчно-нѣмою.

Старуха.—Онъ молится, что ли. Еслибъ опять взвалить дрова-то.

Поэтъ (*помогаетъ ей поднять тяжелую вязанку*).—Вотъ твои дрова. Неси домой на своей спинѣ тепло, которое уже не бродитъ болѣе въ твоихъ увядшихъ жилахъ. Великій царь Соломонъ искалъ того же, когда велѣлъ молодой рабынѣ сѣсть на его охладѣвшія колѣни.

Старуха.—Аминь, аминь. Вотъ и помогъ. Что-жъ это раньше-то было, шутъ. (*Уходитъ.*)

Поэтъ.—Потащилась. А въ гору подымаются люди и поютъ, вотъ она ихъ привѣтствуетъ, они даютъ ей денегъ, ей будетъ чѣмъ заплатить перевозчику, и лодка понесетъ ее по волнамъ, закачается подъ нею легко и гордо, будто подъ молодой принцессой, и тѣнь горы протянетъ свои исполинскія руки надъ нею и надъ рѣкою. Но вѣдь все это такъ похоже на искусственные часы, а я только часть ихъ. Между тѣмъ, какъ старуха исчезаетъ за ивами, въ моихъ глубинахъ возникаютъ другія явленія. Мнѣ чудится, будто во мнѣ рудники, и тамъ въ глубокихъ темныхъ шахтахъ движутся тысячи жизней. Всѣ особенности и тайны моей крови стекаются вмѣстѣ и становятся образами и фигурами. Во мнѣ открываетъ глаза моя прабабка, какъ я самъ когда-то во чревѣ ея внучки; я чую, какъ скупой ласкаетъ жадными холодными пальцами свои червонцы въ полномъ чулкѣ; дикари мечутъ воинственные взгляды, какъ молніи кометъ, въ моей крови. Возникаетъ сознаніе и гнѣвная воля совсѣмъ позабытыхъ людей, вѣрующіе склоняютъ колѣна передъ алтарями, крестьянинъ ведетъ борозду, горожанинъ строитъ себѣ домъ, воръ заглядываетъ къ нему въ окно жадными глазами, добрыя и злыя дѣти выростаютъ какъ цвѣтокъ и крапива, и въ тѣни моего сердца любовники дѣлятъ между собою сердце какъ плодъ, и я чую двойную боль и двойное наслажденіе мужчины и женщины.

(*Кукушка кукуетъ вблизи.*)

Зови, зови, и вы—шумите, шумите, деревья, вторгайтесь вы всѣ въ тотъ міръ, который я хочу построить: вторгайтесь такъ нѣжно, какъ сонъ вспоминается во снѣ. Изъ этого сновидѣнья и я вступаю въ другой, чье имя жизнь и міръ человѣка: я иду за бѣдной старухою, и слѣды ея рдѣютъ для меня, какъ драгоцѣнные камни на зеленой травѣ; я пересѣкаю тропу пустынника и охотника, я прыгаю черезъ завѣтный кругъ искателя кладовъ, я плыву по рѣкѣ съ тѣми, кто радостенъ, прячусь во тьмѣ со злодѣями, спускаюсь съ могильщи

комъ въ вырытую имъ могилу и ѣду въ каретѣ съ богачомъ-расточителемъ.

(Къ зрителямъ.)

Вы услышите скоро стукъ игральныхъ костей и звонъ цѣпей невинно заключеннаго; передъ вами появится Каспаръ Гаузеръ, загадочный сирота; графиня Женевьева будетъ страдать и умирать передъ вами, все прекраснѣе станетъ, какъ полевая трава, которая пахнетъ слаще всего, когда она лежитъ скошенная; Леда будетъ любиться со своимъ лебедемъ и докторъ Фаустъ съ призракомъ Елены. И все это вы увидите столько разъ, сколько пожелаете: когда пожелаете, я вамъ все это представлю, и кукушка не такъ часто кукуетъ, какъ часто мы будемъ играть для васъ всѣ эти вещи съ жестами, голосами, музыкой и танцами, и притомъ въ разномъ освѣщеніи: солнечномъ, лунномъ, звѣздномъ, при свѣтѣ пожара и преисподней.

(Уходитъ. Кукушка кукуетъ нѣсколько разъ.)

(Занавѣсъ падаетъ.)

II.

Прологъ къ «Антигонѣ» Софокла.

Въ театрѣ.—Главная декорація (дворецъ Креона) поставлена.—Играющіе собираются уходить.—Рабочіе тушатъ огни.

На авансценѣ первый и второй студентъ.—Второй уже одѣтъ.—Первый съ непокрытой головой, съ большимъ темнымъ плащомъ на рукѣ.

Второй студентъ.

Конецъ вѣдь репетиціи. Идемъ.

Первый студентъ *(заглядываетъ за кулису, которая представляетъ дверь дворца).*

Дай мнѣ взглянуть, кто тамъ стоитъ во тьмѣ.

Второй студентъ.

Гдѣ?

Первый студентъ.

Тамъ, въ дверяхъ.

Второй студентъ.

Не вижу никого.

Первый студентъ.

Не видишь! Такъ гибка, прильнула къ двери,
Какъ тѣни полоса стремится вверхъ.
Не видишь, платье какъ зашевелилось?

Второй студентъ.

Да, вижу. Имъ сквозной играетъ вѣтеръ.

Первый студентъ.

Кѣмъ?

Второй студентъ.

Платьемъ, тамъ виситъ оно во тьмѣ.

Первый студентъ.

Ты видишь только платье? Я—другое.

(Второй студентъ уже уходя, между тѣмъ какъ всѣ другіе тоже ушли и только въ глубинѣ сцены осталось скудное освѣщеніе.)

Вильгельмъ, идемъ.

Первый студентъ.

Иду.

(Снова медлитъ.)

Второй студентъ.

Сейчасъ запрутъ.

(Исчезаетъ, захлопывая за собою тяжелую, обитую желѣзомъ дверь. Становится совсѣмъ темно.)

Первый студентъ.

Иду сейчасъ.

(Хочетъ идти. Геній выходитъ изъ дверей дворца и медленно подымается по ступенямъ. На немъ струящаяся одежда и на лицѣ трагическая маска. Молочно-бѣлое мерцаніе окружаетъ его. Первый студентъ, внѣ себя.)

Она выходитъ, Генрихъ!

Она взглянула на меня!

(Вполголоса, успокаивая себя улыбкой.)

Актриса!

(Геній останавливается передъ нимъ: на его обнаженныхъ рукахъ прекрасныя запястья; правой рукою онъ держитъ высокій посохъ вѣстника.)

Студентъ.

Сударыня, смѣшно довольно было
Пугаться васъ. Но кончено ужъ все,
И такъ нежданно встрѣтились мы здѣсь.

(Смущенно умолкаетъ, улыбается, мѣняетъ тонъ.)

Я новичекъ и въ этомъ мірѣ сцены,
Гдѣ ночь и день, пещера и дворецъ
Смѣняются, созданія искусства.—

(Снова умолкаетъ подъ властью таинственнаго, на него устремленнаго взора; отступаетъ на шагъ назадъ, говоритъ принужденно оживляясь.)

Фантазію все возбуждаетъ здѣсь,

Ничтожнѣйшее тайнъ не лишено,
Всегда съ собой уносишь даже что-то......

(Снова умолкаетъ, усиліемъ воли придумываетъ выходъ.)

Вѣдь греки далеки отъ насъ,—но вы,
Вы какъ свою ихъ носите одежду,
Вы—у себя среди обманныхъ стѣнъ,
Васъ окружаетъ и питаетъ тайна:
Скажу невольно: какъ завидно это!

(Послѣ мертваго молчанія пауза; подходитъ къ нему съ напускнымъ легкомысліемъ.)

Прелестнѣйшая маска, взоръ твой блещетъ!
Не говори еще: прекрасенъ мигъ.
Таинственность—одежда красоты:
Вамъ надо бы всегда ходить въ личинахъ,
Черты свои сокрытыми хранить,
Даваться взору, лишь когда онъ любитъ.
Но дай мнѣ руку; руки говорятъ!

(Коснувшись руки, отъ отшатывается блѣдный и дрожа.)

Ахъ! ты—не женщина! Не человѣкъ!
Ужасное присутствіе чего-то
Передо мной; оно сжимаетъ плоть
Какъ трутъ. Зачѣмъ со мной случилось это!

(Сильно.)

Какъ! я вѣдь—здѣсь, а ты—изъ тѣхъ предѣловъ?

(Шепотомъ.)

Я только грежу. Справа у кровати
Мои часы, а тамъ окно; да,—гдѣ?
Бѣлѣетъ холстъ у той стѣны, а я
Вообразилъ, что призракъ тамъ ночной.
Но гдѣ-жъ кровать? Такъ явственно все это,
Мнѣ кажется, что слышать я могу
Какъ пальцы рукъ ея сжимаютъ посохъ.
Нѣтъ мужества хоть отвести глаза.
Видѣнье, грёза, хочешь ты чего?

Геній.

Какое имя далъ ты мнѣ сейчасъ?

Студентъ.

Возставшее откуда-то, чей видъ
Безумьемъ леденитъ меня! Ты, странникъ,
На чьихъ подошвахъ пыль не пристаетъ!
Я знаю, что проснусь; упалъ съ кровати,

Я на полу лежу одинъ; все вздоръ.
Скажи мнѣ слово! Дай мнѣ что-нибудь!
Ужъ я охваченъ сладостью безумства.

Геній.

Живущіе безсмертно шлютъ меня
Къ тебѣ съ прекрасной вѣстью.

Студентъ.

Голосъ твой—
Я говорю съ нимъ!—такъ прекрасенъ, значитъ
И вѣсть твоя должна быть хороша.
Вздымаетъ счастье голосъ твой, какъ парусъ
На кораблѣ у края небосвода
Гдѣ любящіе весь забыли міръ.
Благословенны волны твоей рѣчи
Какъ золотой осенній день, чью роскошь
Благословляютъ старцы чистымъ взоромъ
И свѣжею рукой, блуждая тихо
Вдоль стѣнъ, гдѣ виноградники густые.
Все это грезилось когда-то мнѣ,—
Но ты еще прекраснѣй.

Геній *(ударяетъ посохомъ въ полъ.)*

Я—не сонъ.
Вотъ вѣсть; я приношу ее тебѣ.
Ты долженъ вѣрить, чтобъ понять меня.

Студентъ.

Тебѣ повѣрить? Кто ты?

Геній.

Кто ты самъ?

Студентъ.

Я? Я стою же здѣсь,—стою живой;
Вотъ сцена, здѣсь разучивали мы
Трагедію античную; а тамъ
Уходятъ, запираютъ двери люди,
Такіе же, какъ я, мы всѣ подобны;
А дальше городъ, улицы безъ счета;
Несутся поѣзда, гремятъ мостами
Чрезъ дымный воздухъ на просторъ полей;
Тамъ рощи,—ихъ мы ищемъ иногда,
Но всюду мы окружены судьбою,
Дѣйствительность не вѣдаетъ дремоты;
Нѣтъ пустоты,—дорогу какъ нашелъ ты,

Изъ тѣхъ предѣловъ какъ скользнулъ сюда,
Кто вырылъ въ воздухѣ живомъ пещеру
Для гостя страннаго? Зачѣмъ ты здѣсь?

Геній.

Живущіе безсмертно шлютъ меня
Къ тебѣ съ прекрасной вѣстью.

Студентъ.

Ты—видѣнье,
Ты порожденъ подмостками, ихъ свѣтомъ
Невѣрнымъ, ихъ обманными стѣнами,
Всѣмъ легіономъ сновъ, живущихъ здѣсь.
Прекрасное видѣнье, ты—дитя
Уродливое дома, гдѣ витаютъ
Пустые и возвышенные сны.

Геній.

А самъ спѣшишь сюда, чтобы коснуться
Необычайности судебъ высокихъ,
Чтобъ видѣть въ тускломъ зеркалѣ души
Царя Эдипа страшные глаза,
Блуждающіе въ безднѣ ослѣпленья
И залитые кровью подъ конецъ.
И нынѣ ты пришелъ, и жаждешь видѣть
Тѣнь Антигоны, лучшей изъ сестеръ:
Когда же выйдетъ и заговоритъ
И понесетъ для смерти свое тѣло
Святымъ и мѣрнымъ шагомъ,—съ устъ ея
Духовный подвигъ полетитъ къ тебѣ,
Онъ на душу твою наложитъ узы,
Чтобы она, нагая какъ рабыня,
Пошла за колесницею побѣдной
Сказавъ: «Свершиться это такъ должно!
Я такъ хочу, и такъ хочу погибнуть.
Дѣйствительность я вижу только въ этомъ,
Все остальное—притча и игра».

Студентъ.

Возможно это, только вижу я
Все въ дымѣ, и ничто не остается.

Геній.

Сумѣй схватить. Другихъ явленій нѣтъ.
На гребнѣ волнъ такъ отдыхаетъ чайка;
Пусть на бѣгущемъ держится твой духъ,

Его престолъ прозраченъ и подвиженъ.
Сумѣй схватить! Дай потрясти себя!
Съ вершинъ, цвѣтущихъ въ свѣтѣ неизмѣнномъ,
Я сброшенъ былъ къ тебѣ съ высокой вѣстью:
Я шествую предъ тѣнью Антигоны
Въ ея возобновленный смертный часъ,
Благоговѣнье сѣю здѣсь вокругъ.
Хватаю воздухъ сильными руками
Его держу, чтобъ онъ застылъ на время
Незримымъ лономъ для ея судьбы.
Я пошлость душную изгналъ отсюда;
Здѣсь тысячи толпятся—я волью
Въ сердца ихъ одиночество пустыни,
Смирю тревогу, время задержу,—
(Ударяетъ съ силою посохомъ въ полъ.)
Ему мои творенья не подвластны.
(Тихая музыка начинаетъ сопровождать слова.)

Студентъ.

Твое дыханье смѣло. Но подъ маской
Скрываешь ты лицо. Какъ вѣрить мнѣ?
Двусмысленны закрытыя черты:
Чудесна твоя маска, но ты самъ
Мнѣ кажешься еще, еще чудеснѣй!
(Порывисто.)
Узнать бы все, какъ сталъ бы я увѣренъ!
(Устало и уныло отступая.)
Но этотъ видъ питаетъ только грёзы.

Геній.

Я говорилъ съ тобой, догадки вѣрны,
Зачѣмъ ты жаждешь новыхъ откровеній!
Ты мною тронутъ,—чѣмъ, не все ль равно?
Я звалъ тебя, касался, значитъ—есмь.
Но маски ты не долженъ разрушать:
Любимѣйшіе изъ людей всегда
Передъ тобой съ личиной на чертахъ:
Дѣйствительность для васъ невыносима.
Глашатай тѣни, я стою въ личинѣ,—
Ты вѣришь мнѣ?

Студентъ.

Я вѣрить бы хотѣлъ.
(Музыка нарастаетъ въ силѣ.)

Генiй.

Дыханьемъ я касаюсь твоихъ глазъ.

(Студентъ склоняется передъ нимъ, онъ дышитъ на него. Сильная дрожь потрясаетъ его тѣло. Генiй отступаетъ и медленно поднимается по ступенямъ ко дворцу, два раза оглядываясь. Студентъ выпрямляется. Онъ блѣденъ. Онъ озирается съ совершенно измѣненнымъ выраженiемъ глазъ. Музыка внезапно обрывается.)

Студентъ.

Ступени эти страшны. Тамъ сидѣлъ
Эдипъ; слетали съ губъ его проклятья
И кровь катилась съ ослѣпленныхъ глазъ!

(Смотритъ вверхъ.)

О бремя кровли, подъ которой жили
Они, и старый Лай! Надъ ними солнце
И небосводъ, блестящiй, какъ металлъ.—
Убрать скорѣй отсюда свое тѣло!
Какъ пригвожденный, солнца свѣтъ лежитъ
Предъ этой дверью,—все открыто мнѣ!
Я долженъ знать и видѣть все снаружи
И все внутри. Меня обвѣялъ воздухъ
Тяжелою и тонкою струею,
Въ немъ запахъ пыли и недобрый духъ
Какъ будто разлагающейся плоти.

(Со страхомъ озирается.)

Несетъ оттуда, гдѣ въ открытомъ полѣ
Лежитъ мертвецъ. О, если бы подулъ
Могучiй вѣтеръ и покрылъ бы прахомъ
Того, кто тамъ лежитъ! Когда-бъ напиться
Чего-нибудь и позабыть о немъ!
Я слышу, въ домѣ ходятъ. Ты не въ силахъ
Помочь? Скажи,—не можешь отклонить?

Генiй *(отрицательно качаетъ головою и исчезаетъ въ дверяхъ дворца.)*

Студентъ *(дикимъ голосомъ кричитъ ему вслѣдъ.)*

Чему, чему я обреченъ тобою?
Какъ могъ ты растворить мнѣ поры тѣла?
Какимъ ужаснымъ зрѣньемъ одарилъ?
Зачѣмъ мнѣ быть участникомъ чего-то
Жестокаго, что здѣсь должно случиться?
Я вижу черезъ тяжесть этихъ стѣнъ
Судьбы сосудъ блестящiй,—Антигону,—

(Опять начинаетъ играть музыка и нарастаетъ съ новой силою.)

Я вижу ея дѣвственныя плечи
И волосы, опущенные просто,
Ко мнѣ несутся ея ноги, платье,
На лбу ея семь знаковъ близкой смерти!
Она идетъ, какъ въ морѣ. Справа, слѣва—
Жизнь разступилась передъ ней смиренно
Прозрачно-каменѣющей волною.

(Ему кажется, что видѣніе дѣйствительно выходитъ изъ темноты дворца. Темный плащъ вьется вокругъ его безпокойнаго стана, какъ облако. Музыка пріобрѣла полнозвучность оркестра и переходитъ уже здѣсь въ настоящую увертюру.)

Лучистое созданье, ты—безсмертно!
Разъ побѣдивъ, ты побѣждаешь вѣчно!
Она идетъ, и плоть моя какъ трутъ
Сжимается подъ вѣяньемъ огня.
Безсмертная душа дрожитъ во мнѣ:
Изъ всѣхъ существъ ихъ тайна выступаетъ
И носится сверкая вкругъ меня;
Я близокъ, близокъ сестринской душѣ,
Исчезло время, жизнь—безъ покрывала;
Скорѣй въ свой плащъ зароюсь я лицомъ,
Чтобы меня видѣнья пощадили:
Мы гибнемъ подъ дыханьемъ божества
И таютъ мысли, претворяясь въ звуки!

(Онъ падаетъ, закрывъ лицо плащомъ, на ступени дворца. Занавѣсъ опускается и остается спущеннымъ, пока длится увертюра.)

III.

Прологъ къ «Лизистратѣ» Аристофана.

Драматургъ *(передъ опущеннымъ занавѣсомъ, къ зрителямъ)*.— Вы немного испуганы, господа, что человѣкъ въ черномъ сюртукѣ вышелъ къ вамъ изъ-за занавѣса. «Ахъ,—подумали вы конечно,—это драматургъ!» И призракъ скуки уже всталъ передъ вами. «Кому же, какъ не ему, и выдумать было преподнести намъ воскрешенную греческую комедію. Драматургъ! Это вѣдь неудачникъ, сбившійся съ пути приватъ-доцентъ. И вотъ онъ явился уже, и говоритъ, и дѣйствуетъ. То, что онъ тутъ затѣялъ, онъ назоветъ «опытомъ» и станетъ потирать себѣ руки отъ удовольствія. Съ его губъ такъ и а-

каплетъ словечко «культура». Доски, которыя у него подъ ногами, онъ назоветъ оркестрой, и «парабаза» будетъ то слово, надъ которымъ онъ подыметъ шлюзы своей учености. Онъ еще рта не раскрылъ, а мы уже знаемъ, что̀ у него на душѣ. Нынче вѣдь его день. Кто бы сталъ терпѣть его здѣсь передъ занавѣсомъ, еслибъ на афишѣ стоялъ Шекспиръ, или «Разбойники», или Ибсенъ! О, Господи, и чего онъ только стоитъ. Должно быть, плохи дѣла, если онъ явился. Несчастная драма, передъ которой посылаютъ къ публикѣ драматурга. Драматурга—lucus a non lucendo! Вотъ Родосъ, такъ прыгай, а не говори».

Охотно согласился бы я, господа, чтобы вы еще дольше поговорили обо мнѣ. Необозримое множество мѣткихъ и остроумныхъ словъ можетъ вызвать мое присутствіе. Но мнѣ дано всего нѣсколько минутъ,—и я горю желаніемъ сбросить съ себя отвѣтственность почти за все то, что сейчасъ тутъ произойдетъ, какъ только я освобожу для актеровъ это пространство въ десять метровъ шириною.

Признаюсь, я не люблю театра. Онъ слишкомъ часто портитъ мои мечты. Хотя надо сказать, что всѣ мои мечты постоянно вьются у театра: что дѣлать, таковъ маленькій парадоксъ моей жизни. Во всякомъ случаѣ, я долженъ сознаться во всегдашней слабости къ актерамъ. Что-то есть въ нихъ, что опьяняетъ меня: они *все* хотятъ подчинить власти настоящаго. Они восхитительно переоцѣниваютъ мгновеніе. У нихъ нѣтъ ни малѣйшей перспективы для прошедшаго. Въ этомъ они схожи съ дѣтьми и съ греками. Но кажется было обѣщано, что я вамъ не стану разсказывать про грековъ. И вотъ въ силу моей любви къ чему-то, свойственному имъ, я держусь ихъ общества,—я говорю объ актерахъ. Но иногда я бросаю имъ какое-нибудь слово, которое ихъ поражаетъ и безпокоитъ. Этого требуетъ моя природа для установленія равновѣсія. Скажемъ, они играютъ комедію,—комедію Шекспира, или современную. Тогда я нахожу все, что они дѣлаютъ, блѣднымъ. Характерецъ, или два противоположныхъ характерца. Явленьице. Я имъ говорю, что нахожу все это безконечно мѣщанскимъ, жалкимъ. Я даю понять, что гдѣ-то въ сокровищни- ихъ моего внутренняго міра дремлетъ видѣніе комедіи,—гигантской медіи, міровой комедіи, гдѣ мчатся въ пляскѣ боги, люди, звѣри; ѣ безстыдство обнимается съ граціей,—комедіи, въ которой осу- ествлена и затѣмъ въ божественномъ своеволіи нарушена совершен- йшая форма,—комедіи,—я очень люблю возбуждать любопытство шихъ актеровъ. Мимоходомъ я вплетаю имя: Аристофанъ. Говорю ъ, конечно, объ Аристофанѣ. Аристофанъ!—повторяю я.—Пони- те ли вы? О, еслибъ я могъ дать вамъ понятіе о немъ! Какой на-

питокъ смѣшалъ бы я для васъ! Вообразите нѣчто, передъ чѣмъ музыка Моцартова *Фигаро* прѣсна и *Вакханалія* кисти Рубенса тяжеловѣсна! Вообразите пляску, истинную пляску, изобрѣтенную по восхитительно-умному плану,—и вообразите, что все, носящее у васъ названіе «явленія»—только моменты и фигуры этой пляски; вообразите весь міръ въ личинахъ и пляшущимъ въ преизбыткѣ самыхъ разнузданныхъ движеній,—вообразите всю тяжесть жизни, превращенную не въ темнордѣющіе сны какъ у Шекспира, но въ водоворотъ движеній,—безстыднѣйшее безстыдство, облагороженное неизъяснимымъ подъемомъ,—представьте себѣ все это: и надъ этимъ сіяніе росы первобытнаго времени и дыханіе вѣтра надъ моремъ Греціи, дыханіе шафрана и крокуса, и цвѣточная пыль пчелъ Гимета! Представьте къ этому еще жизнь,—окровавленныя копья Пелопонесской войны, Сократовъ кубокъ яда, предателя, ползущаго во тьмѣ, народное собраніе въ десять тысячъ человѣкъ, гетэръ Алкивіада, пестрыхъ и легкокрылыхъ, какъ дерзкія легкія птицы, и надо всѣмъ этимъ—золотой щитъ Аѳины. Представьте себѣ все это въ цѣломъ: въ водоворотѣ такой жизни такую комедію, которая пляшетъ будто волчокъ, подгоняемый хлыстомъ буйныхъ дѣтей,—представьте себѣ это, и потомъ ступайте, играйте ваши комедіи.

У меня это искусный пріемъ — время отъ времени наводить на нихъ немножко унынія. Я люблю намекнуть, что есть вещи, которыя навсегда останутся для нихъ закрытыми. Развѣ можно жить совмѣстно и не установлять время отъ времени разстояніе между нами?

Все же случалось, что мнѣ приходилось читать имъ то или другое изъ Аристофана. Признаюсь вамъ, мнѣ трудно бываетъ отказаться отъ такого предложенія. Можетъ быть, я люблю актеровъ за то, что имъ дано нѣчто для меня недоступное: способность превращаться. Но когда я читаю, я тоже превращаюсь. Я тогда Тригей-поселянинъ и Клеонъ-демагогъ. Я тогда Миррина, женщина, и Кинезій, мужчина. Я тогда пѣвецъ-соловей, я — куликъ, коршунъ, фламинго, всѣ птицы вообще. Потомъ я захлопываю книгу и удаляюсь. Вы скажете, что я не достаточно энергично удаляюсь. Но результатъ все же какъ бы оставляетъ за нами вину. Я самъ не знаю, какъ объяснить вамъ, что мы всетаки сейчасъ сыграемъ передъ вами Лизистрату Аристофана. Сыграемъ такъ, будто пьесу написали сегодня. Какъ будто не существуетъ нѣсколькихъ тысячелѣтій. Сыграемъ по фантазіи актеровъ, у которыхъ нѣтъ перспективы для прошедшаго. Все это, господа, случилось, такъ сказать, черезъ мою голову. Меня такъ часто называютъ педантомъ, что я самъ въ себѣ запутался. Въ актерахъ я могу противустоять всему, кромѣ и[illegible]ъ

фантазіи. Я становлюсь голосомъ ихъ сокровеннѣйшихъ желаній, даже вопреки своимъ собственнымъ. Ихъ безграничная жажда движеній по небывалому новому ритму, кровь пляски и шутовства въ нихъ, вотъ что меня восхищаетъ. Я предполагаю въ нихъ тогда силы, которыхъ не знаютъ ни тихій читатель, ни погруженный въ мысли ученый. Мнѣ кажется тогда, что ихъ живое тѣло—инструментъ, которому дано отворять міровыя дали; что только они, и больше никто, могутъ вникнуть въ сладкое ядро Аристофана, въ это ядро нагой человѣчности, шутовства, идилліи, близости моря, близости звѣздъ. Я усваиваю себѣ ихъ самые смѣлые софизмы и даже, если нужно, обращаю ихъ противъ самого себя, и снова говорю себѣ, что люблю ихъ потому, что они умѣютъ все подчинить настоящему. Я становлюсь ихъ защитникомъ, и хочу сейчасъ сознаться, что они выслали меня,—педанта,—къ вамъ, потому что имъ все же страшно стало передъ двадцатью пятью столѣтіями, надъ которыми ихъ фантазія сдѣлала прыжокъ, какъ будто это ровъ шириною въ два съ половиною фута.

Я слышу уже за занавѣсомъ Лизистрату, умную и дерзкую; она собираетъ подругъ. Найдите удовольствіе въ дикой пляскѣ, въ которой движеніе равноцѣнно слову и веселый контрастъ—истинѣ. Простите ошибки въ отдѣльномъ ради цѣлаго; мы тревожились и стремились создать живое и цѣльное, вотъ и все.

(Драматургъ уходитъ, занавѣсъ поднимается, Лизистрата стоитъ на сценѣ.)

Переводъ Сергѣя Орловскаго.

САНАТОРІЯ.

(Письмо.)

Прошумѣлъ ливень. А теперь дождь идетъ прямой, упорный, безнадежный. Изъ водосточныхъ трубъ вода льетъ маленькими каскадами. На улицахъ стоятъ огромныя лужи, въ нихъ отражается бѣлое небо, и оттого онѣ кажутся бездонными. Тротуары, крыши домовъ, зонтики и «непромокайки» прохожихъ, извозчичьи пролетки съ поднятымъ верхомъ лоснятся, словно смазанные масломъ. Ворона, вся мокрая и растрепанная, гуляетъ вдоль тротуара большими энергичными шагами, такъ же бодро, какъ въ ведреный день.

Кабы не дождь, докторъ погналъ бы меня на прогулку. Какой докторъ? Конечно, не старый нѣмецъ (того мы видимъ только мелькомъ), а его помощникъ, душа санаторіи, Рафаилъ Алонзіевичъ. Каково имечко? языкъ сломаешь! Наши дамы заглаза зовутъ его «Рафаэлемъ». Для краткости и я буду звать его такъ же. У насъ нѣтъ ни двора, ни садика. Поэтому мы, больные, гуляемъ въ сосѣднемъ гаденькомъ скверикѣ. А для этого приходится пройти до конца нашу улицу да еще длинный извилистый переулокъ.

Самое мое завѣтное желаніе—залѣзть какъ таракану въ печную щель и прятаться тамъ отъ людей и отъ жизни. А вмѣсто того я должна идти по улицѣ подъ раздражающими лучами великопостнаго солнца, слушать грохотъ пролетокъ, назойливыя выкрикиванія разносчиковъ и глотать ѣдкую пыль. А прохожіе? Я вижу ясно по ихъ лицамъ: они всѣ до единаго догадываются, что я иду изъ санаторіи на прогулку по приказанію доктора. Одни смотрятъ съ холоднымъ любопытствомъ, другіе—съ обиднымъ состраданіемъ, третьи—съ насмѣшкой. Я ощущаю на лицѣ физическое прикосновеніе этихъ взглядовъ: они клейки, какъ паутина.

Смущенная и злая, съ судорожно-сжатыми зубами и неровно бьющимся сердцемъ, я прохаживаюсь по боковой, наиболѣе безлюд-

ной дорожкѣ сквера. Разъ... два... три... пять обязательныхъ туровъ,—и мое испытаніе кончено.

На мое счастье сегодняшній дождь зарядилъ надолго. Съ отраднымъ сознаніемъ безопасности я примащиваюсь поудобнѣе въ жесткомъ нескладномъ креслѣ и раскрываю томикъ любимаго Апухтина. А изъ книги выскальзываетъ узенькій розоватый кусочекъ картона и падаетъ мнѣ на колѣни.

Это ваша фотографія. Помните?... та, которую я снимала на балконѣ торнтоновской дачи... И мнѣ такъ живо представился старинный домъ, широкій балконъ съ традиціонными пятью колонками. Внизу ослѣпительно-бѣлая лента шоссе, а за нею безбрежное ярко-синее море. Ваша красивая смуглая голова откинута на спинку кресла и кажется еще смуглѣе отъ бѣлаго кителя. Глаза смѣются изъ-подъ надвинутой на лобъ фуражки, шелковистые усы вздрагиваютъ отъ улыбки, сверкаетъ полоска ослѣпительно бѣлыхъ ровныхъ зубовъ. Слышу мой любимый пронзительный крикъ цикадъ. Мягкій вѣтеръ съ моря ласкаетъ разгоряченное лицо.

И, охваченная волной воспоминаній, я сажусь писать это письмо. Попади оно въ постороннія руки, тотъ, чужой, сказалъ бы: «Женщина никогда не знаетъ чувства мѣры. На фонѣ картинныхъ декорацій и ея герой непремѣнно долженъ быть красивый смуглый брюнетъ».

Ну, чѣмъ же я виновата, что все правда такъ и было! Видъ съ нашего балкона былъ такой дивный, что когда я взглянула на него первый разъ, у меня сердце замерло, какъ отъ быстраго полета.

Весь балконъ завитъ маленькими красными розами и душистой каприфоліей. Цвѣтутъ глициніи. Пышные лиловые гроздья красиво свѣшиваются со стѣнъ крохотной кухоньки Савельича. Бѣдный Савельичъ! Однажды онъ разставилъ на площадкѣ великолѣпные столики «подъ мраморъ» для удобства господъ дачниковъ, которыхъ онъ кормитъ «отъ себя». Но безпощадный управляющій приказалъ немедленно убрать ихъ, говоря, что они портятъ видъ парка. И востроглазая Саша попрежнему летала, какъ пуля, разнося обѣды по безчисленнымъ сосѣднимъ дачкамъ.

Мы съ вами, несмотря на палящую жару, храбро приходили обѣдать подъ развѣсистымъ платаномъ, ибо, на наше счастье, колченогій столикъ не подвергся остракизму. Надъ нами, по верхней дорогѣ, стонала и горько жаловалась на что-то маджара, навьюченная хворостомъ, а погонщикъ-татаринъ невозмутимо тянулъ свою заунывную пѣсенку. Проходили гуськомъ запыленные поденщики-дан-га[illegible]аки, мелькали продавцы фруктовъ и расшитыхъ чадръ. Старый

Ахметъ, съ сивыми усами на бронзовомъ морщинистомъ лицѣ, бережно отбиралъ самые крупные душистые персики, клалъ ихъ передъ нами на скатерть и величественно уходилъ, не дожидаясь платы. «Дэнги? зачѣмъ дэнги? Послэ отдашь—успѣешь».

Проходили дачницы съ влажными отъ купанья волосами, разомлѣвшія отъ морской воды. Съ каждой изъ нихъ—если только она не была старымъ уродомъ—вы старались встрѣтиться взглядомъ и потомъ долго-долго смотрѣли ей вслѣдъ. Какой вы были типичный homme à femmes! Кого тутъ только не было: и дамы свѣта и полусвѣта, и швейки, и горничныя.

Встрѣча съ женщиной означала для васъ коротенькій романъ, неизбѣжно заканчивавшійся тѣмъ, что французы такъ очаровательно легкомысленно называютъ la bagatelle.

Вы пользовались огромнымъ успѣхомъ,—это было такъ понятно. Но что вы сами увлекались каждой новой «ею» со всѣмъ пыломъ пятнадцатилѣтняго гимназиста, этого я рѣшительно не постигала. И при этомъ такая подкупающая искренность, ни тѣни фатовства или цинизма.

— Увѣряю васъ, что это только упрочиваетъ, скрѣпляетъ дружбу,—убѣждали вы.

— Это возмутительная ересь, теорія жителя Гонолулу.

— Ну, что же дѣлать, если я родился со взглядами дикаря? Зовите меня зулусомъ, но будьте снисходительны ко мнѣ.

— По-моему у васъ скорѣе лицо калабрійскаго бандита, mais va pour le zoulou.

А «зулусъ» улыбался такой обезоруживающей улыбкой и такъ почтительно цѣловалъ у меня руки...

И я всѣми силами старалась выработать въ себѣ снисходительность. Чѣмъ онъ виноватъ, разсуждала я; можетъ быть, основаніемъ всего этого является несчастная наслѣдственность? Неправильное воспитаніе додѣлало остальное. Вѣдь его вырастило то привилегированное учебное заведеніе, которое споконъ вѣку поставляло изящныхъ кавалеровъ для столичныхъ баловъ. Или, можетъ, его въ дѣтствѣ «мамка уронила»?

Въ концѣ-концовъ я пріучила себя смотрѣть на вашу грѣховность, какъ на физическій изъянъ. Господи Боже мой! вѣдь могли бы вы оглохнуть на одно ухо, охромѣть? Развѣ это измѣнило бы мое отношеніе къ вамъ? Напротивъ!

И все пошло у насъ очень гладко. Пока въ одинъ прекрасный день вамъ не пришла въ голову несчастная мысль заняться моимъ

«обращеніемъ». Вы принялись за проповѣдь со всѣмъ фанатизмомъ сектанта. Всю мою терпимость какъ рукой сняло.

— Вы упускаете изъ виду, что я очень учена на этотъ счетъ. И какъ это вы, мужчины, такъ удивительно быстро дознаетесь, что та или иная жена «въ разводѣ» или «разъѣздѣ» съ мужемъ? По наитію? Или, сами того не подозрѣвая, мы носимъ печать Каина на своемъ челѣ?—И не теряя времени ведете атаку. Очень тонкую—только жаль, всегда по одному и тому же шаблону. Чуть не со слезами въ голосѣ говорите вы о неудачныхъ бракахъ, о разбитыхъ иллюзіяхъ. Но все же не слѣдуетъ отчаиваться. Надо жить и наслаждаться жизнью. Она такъ коротка! Это даетъ и утѣшеніе и успокоеніе. (Отчего ужъ прямо не сказать: склеиваетъ разбитое сердце?) Конечно, нуженъ партнеръ. Но... онъ тутъ, близко, онъ къ вашимъ услугамъ.

— Этотъ монологъ всегда проникнутъ такимъ братскимъ участіемъ или отеческой заботливостью,—это уже глядя по возрасту утѣшителя. Увѣряю васъ, всѣ эти сострадательные люди очень скоро убѣждались, что они сердобольны—en pure perte. Съ вами я не хочу быть рѣзкой. Вы этимъ злоупотребляете. И потому ваша проповѣдь носитъ такой непростительно настойчивый характеръ.

И правда. Своимъ упрямствомъ вы нарушили очарованіе многихъ полуденныхъ часовъ. Балконъ на дачѣ Торнтона. Тихо и знойно. Все полно нѣги и сладкаго покоя. Я вытянулась въ покойномъ chaise longue'ѣ. Такъ хорошо! Лѣнь шевельнуться. Безъ конца смотрѣла бы на синее море и воздушныя сказочныя горы съ жемчужнымъ отливомъ, голубѣющія на краю неба. Тѣло нѣжится въ удобной позѣ. И душѣ тоже хочется отдохнуть и «распуститься». Говорить о томъ, что на небѣ ни облачка, а нарзанъ упоительно холоденъ, говорить разныя platitudes,—все, что придетъ въ голову. Но... я чувствую на себѣ вашъ пристальный взглядъ. У васъ въ глазахъ тотъ особенный лихорадочный блескъ, который я такъ хорошо изучила. Опять предстоитъ краснорѣчивая проповѣдь! И, подавивъ невольный вздохъ, я вся подбираюсь, какъ лошадь на мундштукѣ. Высмѣиваю полковника «по трафарету», передразниваю нашу хозяйку, высчитываю, во что мнѣ можетъ обойтись починка желтыхъ ботинокъ... Все годится! Лишь бы не дать вамъ говорить, только бы убѣдить васъ, что я безчувственная деревяжка. Временами украдкой взглядываю на васъ. Слава Богу, кажется, достаточно расхолодила.

Дни шли за днями. Фанатическій пылъ «накатывалъ» на васъ все рѣже и рѣже... Мы часами бродили по берегу моря и бросали камешки «рикошетомъ». Или узенькой тропочкой шли въ глубокую зе-

ленную долину, туда, гдѣ заброшенная сакля пріютилась подъ раскидистымъ столѣтнимъ орѣшникомъ. Пили ледяную воду изъ родника и бросали другъ въ друга цвѣтами... Сеибъ-Аметъ, черный, какъ жукъ, съ глазами, похожими на маслины, приводилъ намъ верховыхъ лошадей. Мы ѣхали то въ татарскую деревушку, затерявшуюся въ горахъ, то въ вѣковые сосновые и дубовые лѣса, которыми поросли склоны Яйлы. А возвращаясь по шоссе, гладкому какъ паркетъ, скакали на перегонки...

Мнѣ уже не нужна была моя бдительность. Вы держались такого непринужденнаго товарищескаго тона. Откуда онъ у васъ взялся? Всю жизнь вы изучали «науку страсти нѣжной». А мужчинъ-пріятелей у васъ не было.

Какъ хорошо и легко намъ было вмѣстѣ... А потомъ... потомъ пришла телеграмма: тетушка съ Дона просила васъ встрѣтить ее въ Севастополѣ. Вы ее встрѣтили и показывали ей окрестности историческаго города, потомъ проводили ее до Ѳеодосіи, а оттуда вмѣстѣ проѣхали въ Харьковъ.

Можетъ, «она» была и не тетушка и не съ Дона. Но фактъ тотъ, что на дачѣ Торнтона васъ больше не видали. Вы писали мнѣ коротенькія письма—такія нѣжныя и искреннія! Грустить о васъ долго мнѣ не пришлось. Въ то время мои личныя дѣла сложились такъ скверно. «Все вперерѣзъ и въ переплетъ», какъ говорила одна старушка. Пришлось и мнѣ уѣхать на сѣверъ... И когда я вспоминала то крымское лѣто, оно казалось мнѣ поэтичнымъ, какъ недопѣтая пѣсня.

Прошелъ годъ, и я собралась вамъ отвѣтить. Я—въ санаторіи. И все же мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы представляли себѣ, будто я одѣта въ сѣрую хламиду, какъ оперная Маргарита въ послѣднемъ актѣ, и прикована цѣпью къ стѣнѣ.

Каково мнѣ живется? Разскажу, какъ сумѣю. Не смѣйтесь, если выйдетъ сбивчиво и нескладно. У меня нѣтъ ни на грошъ описательнаго таланта. Выводы и обобщенія... ce n'est pas mon fort... Когда все складывается для меня ужъ слишкомъ сумбурно и я пробую хотя немного разобраться въ этой сумятицѣ, у меня никогда ничего не выходитъ. Скажешь только: «что ужъ! гдѣ ужъ тамъ!» да и махнешь рукой.

Оглядываю свою комнату. Она узенькая, темная, смахиваетъ на купе вагона. Казенная обстановка. Обои сомнительной свѣжести: непозволительно-свѣтлые—по сѣрому фону голубенькіе цвѣточки-самоварчики. Веселенькаго рисунка, чтобы поддерживать въ насъ бо-

рость духа. А несвѣжіе, дабы вселять въ больныхъ чувство христіанскаго смиренія.

Когда меня привезли сюда, еще совсѣмъ слабую послѣ перенесенной мною тяжелой болѣзни, я рыдала цѣлыми часами. Каждый цвѣточекъ-самоварчикъ я оплакала въ отдѣльности.

Я чувствовала себя такой ничтожной, безпомощной, одинокой... Приходилъ Рафаэль, одѣтый какъ модная картинка. Необычайные воротнички, то блѣдно-розовые, какъ цвѣтъ яблони, то нѣжно-голубые, то rouge crevette... А къ нимъ стильные галстуки диковинныхъ рисунковъ. Они положительно «говорили»... Бородка колышкомъ; усики выведены въ стрѣлку. Синіе глаза съ красивымъ разрѣзомъ, которыми онъ удивительно фокусничаетъ. Похожъ не то на потомка Валуа, не то на парикмахера. Отъ него вѣетъ необыкновенно пряными духами... Мнѣ почему-то кажется, что это то самое «амбре» о которомъ мечтала гоголевская городничиха.

Все это я разглядѣла гораздо позднѣе, а тогда... тогда я плакала, а Рафаэль тихонько поглаживалъ меня по рукѣ и приговаривалъ своимъ красивымъ баритономъ: «полно, голубчикъ, полно».

Сквозь дымку слезъ мнѣ не видно было ни холеныхъ усиковъ, ни наигранныхъ глазъ. Такъ по-дѣтски хотѣлось ласки и участія. Я жадно ловила звуки мягкаго голоса—въ немъ слышалось такое безплотное состраданіе, и на душѣ становилось легче. Рыданія затихаютъ. Я скатываю въ тугой клубочекъ намокшій платокъ, словно хочу закатать въ него мое горе, смигиваю послѣднія слезы съ покраснѣвшихъ глазъ и послушно пью валерьянку.

Я не представляю изъ себя исключенія. Наши дамы удивительно слезливы. Онѣ плачутъ за утреннимъ чаемъ, передъ ванной, послѣ прогулки. Призываютъ Рафаэля. И онъ похлопываетъ ихъ по плечу, поглаживаетъ по рукѣ и успокаивающе приговариваетъ: довольно, голубушка, довольно!... И больная затихаетъ.

Прямо непостижимо, сколько женскихъ слезъ осушилъ Рафаэль этимъ немудрымъ средствомъ. Но есть и другія, болѣе сложныя. Насъ лѣчатъ душами и обливаньями, ваннами—углекислыми, паровыми и ... де какими-то, массажемъ, электричествомъ... да всего и не прип... нишь!

Мнѣ кажется иногда, что насъ, какъ механическихъ куколъ, с... ли въ починку. И вотъ намъ здѣсь подклеиваютъ руки, ноги и г...)вы. Клей не особенно прочный, потому что на моихъ глазахъ і... гія куклы попадали вторично въ руки мастера.

Утромъ, послѣ душа, обязательная прогулка, послѣ обѣда го... і... гулять снова. Просовываешь руки въ рукава пальто и дума-

ешь, съ отвращеніемъ глядя на швейцара: вотъ этотъ рыжій «унтеръ» ежедневно доноситъ докторамъ, когда какой больной вышелъ изъ дома и когда возвратился. Чувствуешь себя какой-то занумерованной и зарегистрированной вещью. И невыносимо страдаетъ самолюбіе. Теперь я понимаю, почему бабы такъ чураются больницы. А ужъ онѣ ли не забиты! Должно быть, свобода такая хорошая вещь, что человѣкъ судорожно цѣпляется за самый ея призракъ.

У насъ нѣтъ ни рояля, ни книгъ (кромѣ разрозненныхъ томовъ «Нивы») нѣтъ общей комнаты, гдѣ мы могли бы собраться вмѣстѣ. Больные лѣниво, какъ осеннія мухи, бродятъ по коридорамъ, ссорятся, сплетничаютъ. Тоскливо, тягуче идутъ однообразные дни. Иногда мнѣ начинаетъ казаться, что время остановилось. Вамъ случалось когда-нибудь ѣхать по степи иглистыми зимними сумерками?

Бѣлое небо и бѣлый снѣгъ. Небо сливается съ землей и линія горизонта пропадаетъ. Передъ вами, вокругъ васъ—однообразная бѣлая пелена. И ничего на ней: ни жилья, ни деревца, ни даже кустика полыни. И вамъ начинаетъ казаться, что вы висите въ воздухѣ и ни чуточки не двигаетесь, а лошади такъ только для виду перебираютъ ногами. У меня здѣсь часто является ощущеніе, очень сходное съ этимъ.

Наступаетъ вечеръ. Стучится Маша и говоритъ казеннымъ голосомъ: Пожалуйте ужинать!... Хмурая столовая скупо освѣщается двумя электрическими лампочками. За длиннымъ столомъ насъ помѣщается восемнадцать человѣкъ: девять дамъ съ одной стороны и восемь мужчинъ съ другой, а на предсѣдательскомъ мѣстѣ фельдшерица Инна Ивановна. У нея невѣроятно высокіе каблуки, которыми она рѣзко стучитъ по паркету, свистящія шелковыя юбки и «шикарныя» блузки. Зеленые глазки безпокойно бѣгаютъ по сторонамъ. Она непомѣрно стягивается и гордо выставляетъ впередъ пышный бюстъ, словно носитъ его на блюдѣ. Она душится тѣмъ же «амбре», что и Рафаэль. За столомъ мужчины перешептываются, фыркаютъ, подталкиваютъ другъ друга локтями, заводятъ между собой разговоръ въ «клубничномъ» стилѣ. Инна Ивановна сидитъ безучастно, какъ каменное изваяніе. Она не прикасается къ ѣдѣ изъ боязни еще растолстѣть. Для нея ужинъ—потерянное время. Вѣдь теперь она уже сидѣла бы въ комнатѣ Рафаэля (если онъ въ добромъ духѣ, конечно), кушала бы конфеты или стянула бы у него папиросу. Онъ бросился бы догонять грабительницу, изловилъ бы... и у нихъ завязалась бы «французская борьба»... Чаще и мы и наши визави угрюмо молчимъ. Слышно только звяканье ножей и вилокъ.

Попросишь сосѣдку передать что-нибудь и сама испугаешься своего голоса.

Кормятъ насъ по большей части разными гадостями: форшмакъ съ «душкомъ», печенка, синяя простокваша. (Доброкачественный столъ необязателенъ по мнѣнію нашихъ врачей.) Видя мою пустую тарелку, Инна Ивановна вдругъ спохватывается:

— Вы, кажется, этого не кушаете, Ольга Петровна?

— Нѣтъ, Инна Ивановна.

— Однако мы не можемъ для каждаго больного готовить отдѣльныя блюда...

— Но вѣдь я и не прошу объ этомъ.

Видно—«гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость». И Инна Ивановна торжественно приказываетъ зажарить для меня яичницу. Ужинъ тянется томительно долго. А яичницы все нѣтъ, какъ нѣтъ. Понемногу столъ пустѣетъ. Я тоже порываюсь встать.—Куда же вы? вѣдь яичницу нарочно для васъ жарятъ,—подчеркиваетъ Инна Ивановна. Она сидитъ на концѣ стола, вся красная отъ гнѣва, а я, готовая провалиться сквозь землю, на другомъ, а между нами—широкая бѣлая поляна скатерти. Входитъ Маша. Отъ нея вѣетъ молчаливымъ укоромъ. Она ставитъ передо мной микроскопическую сковородку. Мнѣ кажется, что даже «глазокъ» яичницы смотритъ на меня съ упрекомъ. Я краснѣю, давлюсь, обжигаюсь.

Неужели опоздала на электризацію? Слава Богу, нѣтъ. Мужчинъ электризуетъ нѣмецъ, а насъ—Рафаэль. Съ нами, «живущими», онъ не тратитъ времени попусту. Вѣдь его еще дожидается цѣлая толпа приходящихъ больныхъ. Лѣченіе электричествомъ—новинка въ Х. А потому въ нашу санаторію хлынула волна туземныхъ «сливочныхъ» дамъ. Анемичныя барышни, скучающія дамы, мѣстныя красавицы, старухи, дрожащія какъ желе. И у старыхъ и у молодыхъ лица слегка подрисованы. Таковъ обычай. Х. былъ когда-то въ чертѣ татарскихъ владѣній. И это, конечно, слѣдъ монгольскаго вліянія.

Эти паціентки наперебой восхищаются интереснымъ докторомъ и тѣмъ упрочиваютъ его славу. Рыжій швейцаръ безпрестанно таскаетъ наверхъ таинственныя цвѣточныя приношенія. А вышитыхъ подушекъ въ кабинетѣ Рафаэля больше, чѣмъ въ саклѣ богатаго татарина.

Надо его видѣть на одномъ изъ такихъ сеансовъ. Колесо электрической машины монотонно гудитъ. Рафаэль плавно движется вокругъ больной и картинно-ловко управляетъ проводами. Они такъ мелькаютъ въ его гибкихъ рукахъ. Онъ чертитъ ими въ воздухѣ

какія-то причудливыя линіи и фигуры. И кажется, что это не врачъ, электризующій больную, а чародѣй, завораживающій свою жертву.

Жж...? Проводъ быстрѣе молніи скользитъ отъ затылка къ таліи... отъ плеча къ кисти руки.

— Вамъ не больно, «птичка?»—звучитъ надъ самымъ ухомъ ласкающій голосъ. И, не дожидаясь отвѣта, напѣваетъ вполголоса:

Какъ фату... дорогія надежды
Я надѣну, мой другъ, на тебя-я...

— Траля-ля... траля-ля... Скажите правду... Ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы я причинить птичкѣ хотя минутное страданіе... Траля...ля...

О не рви ихъ!... За нихъ свою ду-ушу
Я къ ногамъ твоимъ бросилъ, ди-итя!

А «птичка» только моргаетъ хорошенькими глазками. Что ей отвѣтить? Прикосновеніе электрическаго тока такъ необычайно, а тутъ еще рядомъ эта диковинная машина... А возлѣ, за ея плечомъ, красивый докторъ. Ей такъ хотѣлось бы хоть чуть-чуть отодвинуться отъ него, но шевелиться нельзя. А онъ все подсвистываетъ, напѣваетъ, говоритъ безъ умолку—и кружитъ надъ нею, какъ ястребъ. У нея горятъ щеки и сердце бьется неровно и часто... Но, можетъ, такъ и всегда бываетъ на электризаціи?

...Я бреду къ себѣ и принимаюсь вышивать безконечную «никчемную» полосу en point hongrois. Это «подневольная» работа, начатая по приказанію Рафаэля. Она должна успокоить мой мятежный умъ и сломить злую волю.

Пять, десять, пятнадцать стежковъ... Два взволнованныхъ голоса—мужской и женскій—горячо спорятъ о чемъ-то. Долетаютъ обрывки фразъ и отдѣльныя слова... Ну, конечно! Это купчиха изъ Солигалича. Мы всѣ давно знаемъ ея исторію.

«Я вышла замужъ по шестнадцатому году, душечка, можно сказать со школьной скамьи и ровнехонько ничего не понимала. Дѣтей не было. Мужъ вѣчно въ разъѣздахъ. Свекровь-вѣдьма поѣдомъ меня ѣла. Только у себя наверху отъ нея и спасалась. Все бываю сижу и пелены да воздухи въ церковь шью. Такъ пятнадцать лѣтъ какъ въ казематѣ и просидѣла. Привезъ меня мужъ сюда, а у меня ровнымъ счетомъ ни души знакомой! На кого меня оставить? Спасибо, у мужа тутъ пріятель нашелся. Онъ меня ему и поручилъ.

— Ты, говоритъ, Клавочка, за всѣмъ къ нему обращайся. Онъ, говоритъ, тебѣ меня замѣнитъ,—проникновенно цитируетъ Клавочка-

ка мужнины слова и поводитъ своими выпуклыми вѣчно удивленными глазами.

Пріятель мужа свято исполняетъ волю отсутствующаго друга и всѣ вечера проводитъ у больной Клавочки. За дверью слышится заглушенный звукъ поцѣлуя... еще и еще...

Tant pis! Зачѣмъ Клавочку держали въ казематѣ такъ долго! И потомъ: развѣ она виновата, что поняла слова мужа слишкомъ буквально?... А все же не надо мѣшать имъ.

Нѣжная парочка пріютилась на крохотномъ диванчикѣ въ коридорѣ, какъ разъ напротивъ моей двери. Пріемной у насъ нѣтъ: «нѣмецъ» считаетъ это излишней роскошью. А потому больные общихъ палатъ принимаютъ своихъ посѣтителей, гдѣ посчастливится—въ коридорахъ, на лѣстницѣ. Съ трудомъ поднимаюсь наверхъ въ столовую. Тамъ у краешка стола пріютился тощій юнецъ съ забинтованной головой, а возлѣ него маленькая сморщенная старушка, судя по сходству—его мать. Ба!... у меня есть еще уголокъ. На площадкѣ лѣстницы, въ глубокой амбразурѣ окна. По дорогѣ спугиваю еще одну парочку: нашъ фельдшеръ на кривыхъ ножкахъ только что собрался облапить вертлявую Машу, бѣгущую наверхъ съ подносомъ въ рукахъ.

Уфъ! наконецъ-то кончились мои мытарства... Забираюсь съ ногами на широкій подоконникъ и заботливо расправляю складки портьеры. На лѣстницѣ густой сумракъ: мы экономимъ на электричествѣ. «Просятъ въ электрическій кабинетъ», доносится снизу голосъ швейцара. Мимо меня, легкой походкой, задерживая прерывистое дыханіе, проскальзываетъ стройная блондинка подъ густой вуалью. Въ дежурные дни Рафаэль принимаетъ своихъ «приватныхъ» посѣтительницъ въ электрическомъ кабинетѣ. «Входъ посторониимъ воспрещенъ», гласитъ надпись. Узенькая полоска свѣта падаетъ на лѣстницу сквозь неплотно притворенную дверь. Отсюда вижу эту картину.

За день у Рафаэля изсякъ запасъ сладкихъ словъ, чарующихъ взглядовъ и медовыхъ улыбокъ. А потому онъ принимаетъ разочарованно-холодный видъ, небрежно прислоняется къ столу и застываетъ ь эффектной позѣ. Выхоленная рука привычнымъ движеніемъ кру-итъ усы, а ихъ обладатель насвистываетъ всевозможные мотивы. отъ что-то страстное изъ «Карменъ» и приторно-грустное изъ «Манонъ», а вотъ задорный припѣвъ шансонетки... А бѣдная гостья о краснѣетъ, то блѣднѣетъ, хруститъ тоненькими пальчиками, рвно мнетъ концы пушистаго боа. Слова замираютъ на ея губахъ. когда не рѣшится она сказать... Какъ же такъ? Вчера онъ былъ

совсѣмъ инымъ... Ей показалось... Тогда она была увѣрена... Она думала, что онъ иначе приметъ ея попытку... А онъ такъ неприступно холоденъ... и такъ обаятеленъ въ своей холодности.

Давно когда-то слыхала я деревенскую пѣсню о красавцѣ-атаманѣ. Явясь на rendez-vous, онъ:

Снимаетъ черну шляпу,
Самъ крутитъ усы,
Кладетъ на столъ перчатки
И смотритъ на часы...

И по тому, какъ бережно выводили эти слова звонкіе дѣвичьи голоса, ясно было, что атаманъ казался пѣвицамъ образцомъ изящества. Очевидно, и не имъ однѣмъ...

Если бы вы знали, какъ я устала отъ всего этого!

И, чтобы чуть-чуть отдохнуть отъ опостылѣвшей обстановки, я крѣпко, крѣпко зажмуриваю глаза да еще прикрываю ихъ сверху ладонями. И сижу такъ долгое время безъ единой мысли въ головѣ. А когда я опоминаюсь—сквозь дверную щель уже не падаетъ свѣта. Наверху Маша звякаетъ чашками и ложечками. Сейчасъ подадутъ чай, а потомъ насъ, больныхъ, разгонятъ по нашимъ комнатамъ... чуть не сказала—камерамъ.

За окномъ черезъ улицу видна ветхая церковь съ облупившимися стѣнами и синими главками-луковицами. А надъ нею, на блѣдно-зеленомъ небѣ четко вырисовывается узенькій серпъ молодого мѣсяца.

Что видѣла она въ своей юности? Не было тогда ни санаторіи, ни автомоболей, ни кэкъ-уока... И люди принимали жизнь проще, любили крѣпче, умирали мужественнѣе.

Помните, однажды вы показали мнѣ перстень такой оригинальный формы? На немъ была выгравирована надпись по-арабски: «И это пройдетъ». Его носятъ на указательномъ пальцѣ. Когда араба постигнетъ горе, сказали вы, онъ покорно складываетъ руки и, не отрываясь, смотритъ на мудрое изреченіе перстня...

«И это пройдетъ».

Конечно, да. Пройдетъ цѣлый рядъ дней, полныхъ безысходной тоски и будничныхъ заботъ, дней, отравленныхъ людской пошлостью и мелкой тупой злобой. Они пройдутъ, потому что уже цѣлая вереница такихъ дней осталась позади. Лишь бы скорѣе настало то, что уже никогда не проходитъ...

Збышко.

Воронье.

(Изъ П. Дюпона.)

Въ краю, гдѣ камень да песокъ,
Гдѣ и былинка не растетъ,
Гдѣ зной со стужей дѣлитъ годъ,
Гдѣ человѣкъ бы жить не могъ,—
Тамъ башня ветхая стоитъ,
Въ дни оны—крѣпость и жилье;
Въ ней пріютившись, воронье
Окрестность криками страшитъ.

За силуэтомъ силуэтъ
На синемъ небѣ ловитъ взглядъ:
То стаи черныя спѣшатъ
Военный выставить ведеттъ;
Влечетъ ихъ вѣрное чутье
На громъ, на дымъ пороховой,
Когда идутъ солдаты въ бой:
Гдѣ трупы, тамъ и воронье.

По горло сытые, въ свой домъ
Летятъ обратно вѣщуны;
Была бы дань взята съ войны:
Ни снѣгъ, ни градъ имъ нипочемъ.
И тотъ же вновь грабежъ полей,
И то же вновь житье-бытье,—
И мрачно внемлетъ воронье
Кровавымъ былямъ прежнихъ дней.

Изъ глубины временъ война
Рѣкою бурною течетъ;
Изъ рода въ родъ горой встаетъ
Ея багровая волна...
Иль вѣчно будемъ на нее
Мы въ смертномъ ужасѣ взирать—
И вѣчно будетъ пожирать
Останки наши воронье?!

В. Лихачовъ.

LA MOUCHE *).

Романъ на смертномъ одрѣ. **Акселя Лундегорда.**

(Съ шведскаго.)

VIII.

Наступили тягостные, сумрачные зимніе дни. Они исчезали одинъ за другимъ подобно чернымъ кисейнымъ завѣсамъ, поднимающимся одна за другой, а она сидѣла и смотрѣла на этотъ волнующійся мракъ въ состояніи ужаснаго, раздирающаго нервы напряженія. Скоро поднимется послѣдняя завѣса, и ей прямо въ глаза заглянетъ окостенѣлое лицо смерти, искаженное страшной, блѣдной гримасой. Она встрѣчала каждый новый день съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами и съ трепещущимъ сердцемъ отъ сдерживаемаго крика отчаянія, который замеръ у нея въ горлѣ. Сегодня? Завтра? Она трепетала, предчувствуя ужасъ одиночества, которое распространится на всю ея жизнь съ той минуты, когда его не станетъ больше на свѣтѣ.

Этотъ день былъ уже близокъ. Блѣдный призракъ, разрушитель, уже поселился въ комнатѣ больного, терпѣливо ожидая, когда пробьетъ его часъ. Блѣдный призракъ, освободитель, стоялъ уже съ натянутымъ лукомъ, какъ костлявый Геркулесъ, прицѣливающійся смертоносной стрѣлой, чтобы прекратить страданія, которыя, подобно коршуну, раздирали измученное тѣло больного. Она ясно слышала стоны, которые вырывались иногда сквозь судорожно сжатыя губы умирающаго поэта,—какъ бы подъ давленіемъ посторонней силы.

Также и въ запискахъ, которыя онъ присылалъ Марго, прорывался этотъ болѣзненный стонъ почти помимо его воли.

Разъ какъ-то она принесла ему съ собой нѣсколько конвертовъ съ надписаннымъ на нихъ своимъ адресомъ,—она сдѣлала это, что-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1908 г.

бы избавить его слабую руку отъ излишняго труда ясно вырисовывать на конвертѣ ея адресъ и имя; и уже на слѣдующее утро онъ послалъ ей одинъ изъ этихъ конвертовъ обратно.

«Спѣшу воспользоваться однимъ изъ этихъ хорошенькихъ конвертовъ,—писалъ онъ,—и цѣлую руку, которая такъ изящно написала адресъ.—У меня была очень тяжелая ночь; я кашлялъ такъ, что уже думалъ, что умираю, и теперь я не могу говорить.—Благодарю также за прекрасную копію съ письма къ госпожѣ фонъ-Р.

«Привѣтъ, ласки! Я смѣюсь отъ боли, я скрежещу зубами, я теряю разсудокъ.

Г. Г.».

Мгновенія, въ которыя онъ былъ совершенно свободенъ отъ страданій, становились все рѣже и рѣже. Сонъ бѣжалъ отъ него по ночамъ, но зато усталость тѣмъ болѣе брала верхъ днемъ. Онъ могъ лежать цѣлыми часами безъ сознанія, растянувшись на постели, и въ это время подъ вліяніемъ жара воображеніе создавало въ его мозгу одну картину за другой. Эти картины тѣснились въ его головѣ и перегоняли другъ друга: воспоминанія о пережитыхъ приключеніяхъ, о бурныхъ ночахъ любви, о страданіяхъ и борьбѣ—грозные призраки и улюбающіяся, свѣтлые образы—все проносилось передъ нимъ пестрой, безпрерывной вереницей. Онъ то вздыхалъ, то стоналъ, какъ подъ гнетомъ кошмара, то протягивалъ руки въ пустомъ пространствѣ и молилъ небо о пощадѣ.

Въ такихъ случаяхъ она должна была часами сидѣть у его постели. Если она поднималась, чтобы уйти, то на его лицѣ появлялось выраженіе безпокойства, и онъ дѣлалъ движеніе, доказывавшее, что сознаніе его было только подавлено, но что оно не вполнѣ угасло.

А когда онъ наконецъ приходилъ въ себя послѣ такого забытья, то онъ разсказывалъ ей, что ему грезилось.

«Я видѣлъ своего отца,—разсказалъ онъ ей однажды. Онъ долго лежалъ тихо и спокойно дышалъ; но вдругъ по всему его тѣлу прошла дрожь, онъ глубоко вздохнулъ и проснулся.—Я видѣлъ его, какъ бы сквозь облако пудры—его причесывали. Я такъ обрадовался, увидя его, что бросился къ нему. Но чѣмъ больше я приближался къ нему, тѣмъ туманнѣе становился его образъ, а когда я взялъ его руку, чтобы поцѣловать, то меня охватила дрожь: пальцы на рукѣ были сухими сучьями, а самъ отецъ былъ не что иное, какъ бездушный стволъ дерева, вѣтви котораго были покрыты инеемъ».

Во всѣхъ его видѣніяхъ было нѣчто фантастическое и въ то же время страшное. Они производили на нее странное, смѣшанное впечатлѣніе леденящаго ужаса и чего-то прекраснаго. Въ то время, какъ

она сидѣла у постели больного, она испытывала двойное ощущеніе: ей казалось, что ее привлекаютъ къ себѣ двѣ нѣжныя руки и въ то же время ее отталкивало чувство ужаса, какъ передъ призракомъ. Душа ея разрывалась между этими двумя крайностями, и, наконецъ, все превратилось въ ней въ какой-то хаосъ, мракъ котораго порождалъ поступки, являвшіеся не результатомъ ея воли, а инстинктивной реакціей нервовъ.

Однако ее привязывали къ поэту не только его горячечныя видѣнія. Случалось часто, что онъ дрожащей рукой протягивалъ ей нѣсколько пожелтѣвшихъ листовъ и просилъ прочесть ему ихъ. Это были неизданныя стихотворенія, относящіяся къ времени страданій, къ вздохамъ и галлюцинаціямъ заживо погребеннаго Лазаря, воспѣтаго поэтомъ.

— Вотъ посмотри,—сказалъ онъ ей однажды, протягивая нѣсколько пожелтѣвшихъ листовъ.—Прочти мнѣ эти стихотворенія— я хочу еще разъ услышать ихъ передъ смертью.

Она взяла верхній листокъ и прочла:

Ахъ, какъ медленно ползетъ
Ужасная улитка—время!
А я недвижно здѣсь лежу,
Влача болѣзни тяжкой бремя.

Ни солнца, ни надежды лучъ
Не проскользнетъ въ мое жилище;
Я знаю: мрачный мой пріютъ
Замѣнитъ мнѣ одно кладбище.

Быть можетъ, я давно ужъ мертвъ,
И лишь мечты воображенья,
Ночные призраки одни
Творятъ въ мозгу свое броженье.

Не духи ль это древнихъ лѣтъ
Въ лучахъ языческаго свѣта?
И мѣстомъ сборища теперь
Имъ черепъ мертваго поэта.

И страшно сладкую игру,
Безумный пиръ ночной ватаги,
Поэта мертвая рука
Передаетъ потомъ бумагѣ *).

*) Переводъ Ф. Б. Миллера (сборникъ *Нивы* за 1904 г., т. VI, книга 15, изд. А. Ф. Маркса).

Послѣ того, какъ она кончила читать, онъ лежалъ нѣсколько мгновеній молча. Казалось, словно онъ ждалъ, чтобы она сказала что-нибудь. Но она не могла произнести ни слова, а онъ не видалъ, что глаза ея полны слезъ.

— Это во всякомъ случаѣ такъ,—сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторой горечью.

Опять на нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе. Онъ лежалъ тихо и ждалъ, чтобы она читала дальше.

И она продолжала:

Morphine.

Двухъ юношей прекрасныхъ близко сходство,
Хотя одинъ блѣднѣе и на видъ
Какъ будто строже, царственнѣе даже,
Чѣмъ тотъ другой, который заключилъ
Такъ ласково меня въ свои объятья.
О, какъ тогда плѣнительна была
Его улыбка нѣжная и кроткій,
Спокойный взглядъ! Не мудрено, что могъ
Его вѣнокъ изъ маковыхъ цвѣтовъ
И моего чела слегка коснуться
И, испуская чудный ароматъ,
Прогнать мою печаль... но ненадолго.
Поправиться вполнѣ я лишь тогда
Могу, когда потушитъ тоже факелъ
И братъ другой, такой серьезный, блѣдный..
Прекрасенъ Сонъ, Смерть краше—хоть, конечно,
Всего бы лучше вовсе не родиться *).

Тихо повторилъ онъ послѣднюю строфу. Голосъ его звучалъ глухо, какъ замогильное эхо. Въ этихъ пяти маленькихъ стихахъ какъ будто сосредоточивалось глубочайшее человѣческое отчаяніе; а голосъ, которымъ онъ ихъ повторилъ, прожегъ ими ея сердце.

Но она боялась дать волю своему волненію. Это слишкомъ сильно подѣйствовало бы на его нервы, если бы онъ услыхалъ, что она плачетъ, и она собрала все свое мужество, чтобы не выдать себя.

— Онъ *былъ* моимъ лучшимъ другомъ,—сказалъ онъ немного спустя. Но какъ и всѣ друзья, онъ измѣнилъ мнѣ теперь. Теперь можетъ помочь только другой.

— Друзей рѣдко имѣешь даромъ,—продолжалъ онъ съ оттѣнкомъ старой ироніи.—Этотъ другъ стоилъ мнѣ болѣе 500 франковъ

*) Переводъ Д. Д. Минаева (сборникъ *Нивы* за 1904 г., т. VI, книга 16, изд. Ф. Маркса).

въ годъ—не думаю, чтобы я проглотилъ пищи хотя бы на половину этой суммы.

Она слушала его слова съ рыданіями въ горлѣ. Она боялась что-нибудь сказать, такъ какъ голосъ ея могъ выдать, какъ глубоко она была взволнована.

— Читай дальше. Я наслаждаюсь, прислушиваясь къ звукамъ твоего голоса: онъ похожъ на прекрасную мелодію,—это аккомпанементъ къ моимъ стихотвореніямъ.

Она взяла новый листокъ и начала читать:

Воспоминаніе.

О, грустно милое мечты моей созданье!
Затѣмъ ко мнѣ пришла ты вновь?
Ты смотришь на меня: покорная любовь
Въ твоихъ глазахъ—твое я чувствую дыханье...
Да, это ты! Тебя, ахъ знаю я,
И знаешь ты меня, страдалица моя!

Теперь я боленъ, сердце сожжено,
Разбито тѣло, все вокругъ темно...
Но не такимъ я былъ въ тѣ дни былые,
Когда тебя увидѣлъ я впервые.
Исполненъ свѣжихъ, гордыхъ силъ,
Я быстро шелъ дорогой шумной
Вослѣдъ мечтѣ моей безумной!
Весь міръ моимъ владѣньемъ былъ—
Сбирался шаръ земной я растоптать ногами
И свергнуть сводъ небесъ, усыпанный звѣздами!

О, Франкфуртъ! Много ты ословъ и злыхъ людей
Въ стѣнахъ своихъ хранишь; но, несмотря на это,
Люблю тебя: ты далъ землѣ моей
Хорошихъ королей и лучшаго поэта,
И ты—тотъ городъ, гдѣ въ былыя времена
Со мною встрѣтилась она..

По главной улицѣ бродилъ я. Это было
Во время ярмарки. Толпа вокругъ меня
Волнами двигалась... Брань, пѣсни, болтовня,
Все это голову мою ошеломило
И я смотрѣлъ, какъ будто сквозь туманъ,
На этотъ пестрый океанъ.

И вдругъ—она! Съ блаженнымъ изумленьемъ
Увидѣлъ я небесный свѣтъ очей,

И дуги мягкія бровей,
И станъ, колеблемый чарующимъ движеньемъ...
Она взглянула и прошла—
И сила страстная за ней меня влекла.
Все далѣе и далѣе тянуло...
Вотъ уличка, таинственно темна;
Здѣсь съ милою улыбкою она
Ко мнѣ головку повернула
И въ домъ вбѣжала. Я скорѣй
Туда послѣдовалъ за ней.

Старуха-бабушка своей корыстной страсти
Цвѣтущее дитя на жертву принесла;
Но милая себя мнѣ отдала
Не подъ напоромъ этой власти—
Нѣтъ, добровольно; и въ душѣ
Помина не было у ней о барышѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь; во всемъ прекрасномъ полѣ,
А не въ однихъ лишь музахъ знатокомъ
Я сталъ давно, и не обманетъ болѣ
Меня никто смазливенькимъ лицомъ.
Такъ биться грудь притворная не станетъ,
И *такъ* свѣтло ложь никогда не взглянетъ.
Какъ хороша она была!
Богиня пѣною морскою
Рожденная, не превзошла
Ее небесной красотою.
Ахъ, это не она ль еще въ дни дѣтства мнѣ,
Какъ чудный духъ, являлася во снѣ?

Я не узналъ ея. Какой-то тьмою странной
Подернулся мой умъ... Спала душа моя
Въ оковахъ чуждыхъ чаръ... То счастіе, что я
Искалъ вездѣ, всегда, такъ жадно, неустанно,
Лежало, можетъ быть, у сердца моего,
И я—я не узналъ его!

Съ чудеснымъ существомъ, въ чудесномъ упоеньѣ
Прогрезилъ я три цѣлыхъ дня,
И—вновь безумное стремленье
Идти впередъ проснулось у меня...
Ахъ, милая еще прекраснѣй стала,
Когда предъ ней вѣсть страшная упала;

Когда, проснувшись вдругъ отъ сладостнаго сна,
Вся обезумѣвши отъ безысходной муки,

Съ распущенной косой, ломая дико руки,
Отчаянно-звала она меня
И съ воплемъ пала предо мною,
Къ моимъ ногамъ приникнувъ головою.

Ахъ, Господи! Въ желѣзѣ шпоръ моихъ
Несчастная своими волосами
Запуталась... Я видѣлъ кровь на нихъ...
И—вырвался... Все кончилось межъ нами...
Я потерялъ тебя, ребенокъ мой,
И болѣе не встрѣтился съ тобой...

Минувшихъ дней безумное стремленье
Исчезнуло; но гдѣ бы ни былъ я,
Малютка бѣдная моя
Передо мной, какъ грустное видѣнье...
Гдѣ ты теперь, въ какомъ глухомъ краю?
Я растопталъ, убилъ всю жизнь твою *)?...

Въ то время, какъ она читала, она иногда поднимала глаза отъ рукописи и бросала бѣглый взглядъ на его лицо; ей показалось, что подъ застывшими чертами отражаются всѣ оттѣнки чувствъ, выраженныхъ въ стихотвореніи: любовь, горе, угрызенія совѣсти. И вдругъ она почувствовала, что на сердцѣ у нея стало такъ холодно.

— Ты не находишь, что это прекрасно?—Казалось, будто онъ догадывается, что это стихотвореніе не произвело на нее такого впечатлѣнія, какъ другія.

— Н-да.

Она протянула этотъ отвѣтъ и въ голосѣ ея прозвучала холодная нотка.

— Н-да?—переспросилъ онъ съ маленькой усмѣшкой.

— Тутъ есть нѣкоторая идеализація.

— Ты находишь?—сказалъ онъ, какъ бы забавляясь ея замѣчаніемъ.

— Да. Я нахожу, что это было очень...—она искала слова— ...очень обыкновенное приключеніе, которое позолочено фантазіей, позабавившейся въ одиночествѣ.

— Обыкновенное?—Онъ засмѣялся тихимъ, сухимъ смѣхомъ. Но вдругъ онъ обратилъ вниманіе на то, что голосъ ея былъ необыкновенно рѣзокъ, когда она высказала ему свое мнѣніе.

— Почему ты такъ думаешь?—спросилъ онъ.

*) Переводъ П. И. Вейнберга (сборникъ *Нивы* за 1904 г., т. VI, кн. 15, изд. А. Ф. Маркса).

— О,—это такъ кажется.

— Кажется?—Ея холодъ, повидимому, раздражалъ его. Онъ помолчалъ нѣкоторое время, какъ бы обдумывая, какая могла быть этому причина.

— Это происходитъ оттого, что ты сама вкладываешь что-нибудь въ это стихотвореніе,—прибавилъ онъ наконецъ.

Его слова прозвучали сарказмомъ, и она почувствовала себя оскорбленной.

— Я не вѣрю въ эту позолоту,—сказала она почти рѣзко. И съ отчаянной попыткой подавить свое волненіе она поднялась съ мѣста, подошла къ окну и начала перелистывать корректуру, которая тамъ лежала. Она чувствовала, какъ у нея со дна души поднимается горькое чувство, похожее на ненависть, нѣчто тяжелое, сумрачное, какъ декабрьскій воздухъ, обволакивавшій обнаженныя деревья на Champs Elysées. И въ то же время всю ее охватило чувство одиночества и тоски; ей страстно захотѣлось, она сама не отдавала себѣ отчета, чего именно,—чистаго, свѣжаго воздуха, солнечнаго свѣта, благоуханія цвѣтовъ и пѣнія птицъ, и еще чего-то другого, чего-нибудь живого, какое-нибудь живое существо, горячее и отзывчивое, внушающее довѣріе, въ которомъ можно было бы найти поддержку и къ которому можно было бы привязаться.

Она чувствовала смертельную усталость. Она устала отъ всего темнаго, мрачнаго, что окружало ее, ее утомила эта комната больного, она устала быть вѣчно скованной волей этого умирающаго человѣка—быть прикованной къ трупу.

И подъ всѣмъ этимъ, въ самой глубинѣ ея души копошилось сознаніе, что у нея нѣтъ силъ освободиться отъ этого гнета, что стòитъ ему только дотронуться до одной изъ тысячи нитей, которыя привязывали ее къ нему, и она снова будетъ возлѣ него, полная преданности, любви и состраданія.

Но вотъ съ постели раздался его глухой, надтреснутый голосъ съ нервной интонаціей, которая придавала его словамъ выраженіе приказанія.

— Ты не хочешь больше читать?

Она должна была употребить надъ собою страшное усиліе. Она [illegible]ва сѣла на свое мѣсто, взяла желтые листы и прочла:

Обманчивый сонъ.

Мнѣ снился сонъ: я бодръ и свѣжъ душою,
Я молодъ вновь... Вотъ мирный, скромный домъ,
За нимъ обрывъ... Тропинкою крутою
Съ Оттиліей бѣжали мы вдвоемъ...

Какъ строенъ станъ у этой чудной крошки!
Мнѣ свѣтитъ вновь волшебный блескъ очей...
Какъ быстро вдаль ее уносятъ ножки!
Все прелестью и силой дышитъ въ ней...

И вновь звучитъ свободно и правдиво,
Какъ откликъ сердца, чистый голосокъ.
Въ ея рѣчахъ все такъ умно и живо,
Ея уста прекрасны, какъ цвѣтокъ.

То не любовь, не сладкое томленье!
Я страстныхъ грезъ въ душѣ не нахожу...
Въ моей груди царитъ лишь умиленье,
Я руку ей цѣлую и дрожу...

И помню я, какъ сорванную мною
Я лилію ей подалъ—и сказалъ:
«Утѣшь меня и будь моей женою,
Чтобъ счастливъ былъ и чистъ я сердцемъ сталъ»!..

Я не узналъ, какой отвѣтъ былъ милой...
Проснулся я безсильнымъ и больнымъ,—
На ложѣ скорби, въ комнатѣ унылой,
Ужъ много лѣтъ въ страданьяхъ недвижимъ *)...

То горькое, тяжелое настроеніе, во власти котораго она только что находилась, разрѣшилось горячими слезами. Она плакала тихо, не произнося ни слова. Но, повидимому, онъ это почувствовалъ, хотя онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Нравится тебѣ это?—спросилъ онъ ее съ гордостью и съ примѣсью укоризны.

— Да.

Ей казалось, что каждое слово, кромѣ этого единственнаго, было бы дерзостью съ ея стороны. Она чувствовала себя такой маленькой, а онъ такъ неизмѣримо высоко стоялъ надъ ея похвалой.

Но вотъ онъ протянулъ свою руку за стихотвореніями, выбралъ два изъ нихъ и передалъ ей.

— Прочти также и эти два. А потомъ ты освободишься отъ меня на этотъ день. Одно изъ нихъ религіознаго содержанія, а другое политическаго.

Она прочла:

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя!

---

*) Перевелъ Юрій Веселовскій.

На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это, полно *)?

— Ну?

Ей нечего было сказать. Въ этихъ безхитростныхъ строфахъ вопіяло само страданіе; это были гордыя, пламенныя слова, направленныя въ пустое пространство побѣжденнымъ, побитымъ, который корчился въ судорогахъ въ лужѣ собственной крови подъ тяжелой стопой злого рока.

Онъ чувствовалъ всѣми своими нервами, что она была увлечена; и онъ наслаждался этимъ сознаніемъ. Его опьяняла мысль, что эти стихотворенія переживутъ его, что они, какъ жгучіе вздохи страдальца, облетятъ весь свѣтъ, свидѣтельствуя о его безграничномъ несчастьи и о той силѣ, съ которой онъ переносилъ его, и что это заставитъ дѣтей грядущаго времени склонить свои головы отъ чувства восторга.

Съ какимъ-то лихорадочнымъ, нервнымъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ, чтобы она продолжала.

Она взяла слѣдующій листъ и начала читать:

Enfant perdu.

Забытый часовой въ войнѣ свободы,
Я тридцать лѣтъ свой постъ не покидалъ;
Побѣды я не ждалъ, сражаясь годы;
Что не вернусь, не уцѣлѣю—зналъ.

---

*) Переводъ М. Л. Михайлова (сборникъ *Нивы* за 1904 г., т. VI, кн. 15, изданія Ф. Маркса).

Я день и ночь стоялъ, не засыпая,
Пока въ палаткахъ храбрые друзья
Всѣ спали, громкимъ храпомъ не давая
Забыться мнѣ, хоть и вздремнулъ бы я.

А ночью—скука, да и страхъ порою:
Дуракъ лишь не боится ничего...
Я бойкимъ свистомъ или пѣснью злою
Ихъ отгонялъ отъ сердца моего.

Ружье въ рукахъ, всегда на стражѣ ухо,
Чуть тварь какую близко разгляжу—
Ужъ не уйдетъ: какъ разъ дрянное брюхо
Насквозь горячей пулей просажу.

Случалось—и такая тварь, бывало,
Прицѣлится и мѣтко попадетъ.
Не утаю—теперь въ томъ проку мало—
Я весь израненъ, кровь моя течетъ.

Гдѣ-жъ смѣна? Кровь течетъ, слабѣетъ тѣло...
Одинъ упалъ—другіе подходи!
Но я не побѣжденъ: оружье цѣло,
Лишь сердце порвалось въ моей груди *).

Наступило долгое молчаніе послѣ того, какъ она кончила читать.

— Да, да,—сказалъ онъ наконецъ,—долго это не можетъ больше тянуться. Въ одно прекрасное утро, когда ты придешь сюда, ты найдешь меня мертвымъ.

Слова вырывались у него нервно, лихорадочно, подъ давленіемъ мыслей, которыя перегоняли другъ друга.

— Для меня это будетъ самое лучшее и для тебя, быть можетъ, также. Эта долгая борьба со смертью утомила тебя, но когда меня не станетъ больше, то вспоминай обо мнѣ съ любовью, и много, много лѣтъ спустя вспоминай это время съ чувствомъ гордости, потому что ты поняла меня лучше другихъ и любила меня больше.

Онъ снова замолкъ и лежалъ тихо; на блѣдныхъ, страдальческихъ чертахъ появилось выраженіе величія и серьезности, и голосъ звучалъ полнѣе и глубже, когда онъ продолжалъ:

— Настанетъ время, когда свистъ и оскорбленія замолкнутъ в[illegible] кругъ моего имени, когда моя великая, дорогая родина протретъ сво[illegible] глаза и проснется, когда молодое поколѣніе пойдетъ на поклонен[illegible]

---

*) Переводъ М. Л. Михайлова (сборникъ *Нивы* за 1904 г., т. V, кн. 14, и[illegible] А. Ф. Маркса).

на кладбище бѣдныхъ и несчастныхъ въ Парижѣ, и возложитъ на могилу изгнанника тотъ лавровый вѣнокъ, который нѣкогда мнѣ протянула Германія, и который за послѣдніе годы такъ усиленно старались вырвать у меня. Наступитъ время, когда меня будутъ лучше понимать и больше любить, и которое будетъ снисходительнѣе относиться ко мнѣ, и проститъ мнѣ мои недостатки и ошибки, ибо оно пойметъ, что я никогда не измѣнялъ святому долгу человѣчества и свободы.

И онъ тихо прибавилъ:

— Это видно изъ моихъ произведеній... Не знаю, заслужилъ ли я, чтобы на мою могилу возложили лавровый вѣнокъ... Но пусть на мой гробъ положатъ мечъ, ибо я былъ храбрымъ солдатомъ въ великой войнѣ человѣчества за свободу.

Послѣднія слова замерли во мракѣ и воцарилось молчаніе, но въ ея душѣ они повторились, какъ дрожащее эхо, нѣсколько разъ.

Лампа горѣла на маленькомъ ночномъ столикѣ возлѣ кровати и бросала слабый, неясный свѣтъ на блѣдный ликъ страдающаго Христа, покоившійся на подушкѣ; лицо это было такъ неподвижно и безжизненно, какъ если бы все уже было кончено, какъ если бы покинутая, убитая жертва излила уже послѣднюю каплю крови въ песокъ.

Она взяла его тонкую, блѣдную руку, поцѣловала ее на прощанье и тихо, на цыпочкахъ, вышла изъ комнаты.

IX.

Однажды утромъ въ декабрѣ, когда Марго вошла въ комнату больного, то она нашла свое кресло у постели занятымъ: въ креслѣ сидѣла бѣлокурая дама съ добрымъ лицомъ лѣтъ 40 слишкомъ, которая, повидимому, чувствовала себя тамъ, какъ дома. Облокотившись о письменный столъ, стоялъ господинъ съ наружностью военнаго, и всѣ трое вели оживленный разговоръ.

Больной находился въ очень возбужденномъ состояніи; на его чертахъ лежалъ тотъ же отблескъ свѣтлой радости, который каждый разъ появлялся, когда Марго входила къ нему въ комнату. При видѣ эт[illegible]го сердце ея больно сжалось: вотъ настало то, чего она такъ боя[illegible]сь!

Она подошла къ больному, тотъ протянулъ ей руку, привлекъ е[illegible]къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ, нимало не смущаясь присутс[illegible]ующими.

— Вотъ это моя Mouche,—сказалъ онъ.— А это моя сестра Л[illegible] и мой братъ Густавъ.

Дама встала и протянула Марго руку съ ласковымъ и довольнымъ выраженіемъ на лицѣ, а господинъ вѣжливо поклонился. У обоихъ въ манерѣ держать себя съ нею было что-то довѣрчивое, какъ если бы она была ихъ старой знакомой. И ее охватила ликующая радость при мысли о томъ, что она не была для нихъ чужою, что Гейне писалъ имъ о ней, говорилъ, говорилъ и писалъ съ чувствомъ благодарности и преданности.

Казалось, словно онъ немного ожилъ за это время. Маленькая Лотта проводила ежедневно по нѣсколько часовъ у постели больного брата; и по отношенію къ La Mouche Лотта была сама нѣжность. Дружелюбное и задушевное отношеніе родныхъ Гейне къ Марго представляло собою самый рѣзкій контрастъ съ тѣмъ бросающимся въ глаза непріязненнымъ отношеніемъ, которое госпожа Матильда съ самаго начала нашла нужнымъ выказывать ей. Марго сознавала, что сестра Гейне любитъ ее, потому что *онъ* любилъ ее; она чувствовала, что Лотта смотритъ на нее его глазами, что она благодарна ей за любовь и нѣжную заботливость, которыми она окружала больного.

La Mouche не была чужой въ этомъ семейномъ кружкѣ, чужой была та, которая называлась его женой. Госпожа Матильда вносила съ собой холодъ, когда входила иногда въ комнату больного, гдѣ всѣ собирались вокругъ его постели; дружеская бесѣда замирала и замѣнялась пустой болтовней; а когда она уходила, то у всѣхъ вырывался вздохъ облегченія.

Гейне старался сгладить это нѣсколькими ласковыми словами, относящимися къ «бѣдному, толстому дитяти», нѣсколькими словами сожалѣнія по поводу того, какъ она будетъ одинока, когда его не станетъ больше на свѣтѣ. И въ основѣ всего того, что онъ о ней говорилъ, звучала искренняя нота настоящей преданности, какъ и во всѣхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ ей. Но эта преданность казалась лишь слабымъ отблескомъ того, что *было*, въ сравненіи съ глубокой горячей любовью, которую онъ питалъ къ ней—къ La Mouche.

Это сознаніе дѣлало ее счастливой и невыразимо гордой. Да! Да! Это такъ! И эта милая женщина, его сестра, знала, что это такъ, потому-то она и полюбила La Mouche. А въ такомъ случаѣ, какое ей дѣло было до грубой ревности другихъ!

Эти любовныя отношенія, благородныя и цѣломудренныя, представятся послѣдующимъ поколѣніямъ въ гораздо болѣе прекрасномъ свѣтѣ, нежели его отношенія къ той, которая была его законной женой!

Маленькая Лотта была солнечнымъ лучомъ въ продолженіе тѣхъ

нѣсколькихъ недѣль, которыя она провела у постели своего брата; и эти недѣли были самыми спокойными, которыя когда-либо переживала Марго съ тѣхъ поръ, какъ она впервые переступила порогъ комнаты умирающаго поэта. То непріятное чувство страха, которое она часто испытывала, когда сидѣла одна у постели умирающаго, совершенно исчезло. Она также замѣтила, что вспышки безсильной страсти, которая готова была навсегда поработить ее и увлечь за собою въ черную бездну, бывали теперь рѣже. Онъ сталъ тише, кротче и ровнѣе, и нервозность его стала слабѣе.

Но едва уѣхала сестра, какъ тяжелое время снова наступило. Онъ походилъ на обнаженный музыкальный инструментъ съ тонкими натянутыми струнами, которыя звучали отъ малѣйшаго прикосновенія вѣтерка. Онъ былъ жертвой постоянно возраставшаго безпокойства. Онъ не могъ лежать спокойно въ своей постели, по его тѣлу отъ времени до времени безъ всякой видимой причины пробѣгала судорога, и онъ вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ. Если случалось, что Марго опаздывала и приходила хоть на двѣ минуты позже, нежели было уговорено, то она находила его въ состояніи крайняго нервнаго возбужденія, напоминавшемъ припадокъ истерической женщины. И это тотчасъ же отражалось на ея собственныхъ нервахъ; она переносила точь въ точь всѣ тѣ же болѣзненныя ощущенія, которымъ подвергался онъ. Постоянное возбужденное состояніе, которое являлось слѣдствіемъ этого, тяжело отозвалось на ея здоровьѣ. Она понемногу потеряла все то, что ей удалось пріобрѣсти въ смыслѣ здоровья во время ея пребыванія на водахъ. Снова начались нервныя боли и безконечныя безсонныя ночи. Возбужденное состояніе не покидало ея днемъ ни на одно мгновеніе. Она старалась проводить меньше времени у постели больного, но и это волновало ее. Когда она получала одну изъ хорошо знакомыхъ записокъ, то она начинала трепетать съ ногъ до головы, и ей казалось, что у нея отнимаются ноги. Эти письма волновали ее еще больше, нежели ежедневныя посѣщенія,—настолько они были проникнуты крайнимъ нетерпѣніемъ пишущаго. Даже буквы носили ясные слѣды нервной, дрожащей руки, а содержаніе!

Однажды это нервное нетерпѣніе вылилось въ формѣ стиховъ; мѣсто письма онъ послалъ ей стихотвореніе, но что это было за тихотвореніе!

Вели мнѣ тѣло рвать клещами.
Терзай и раны растравляй,
Меня избить вели бичами,
Но ждать меня не заставляй.

Прибѣгни къ пыткамъ всевозможнымъ,
Вели мнѣ кости изломать,
Но ждать не заставляй напрасно:
Нѣтъ хуже пытки ждать и ждать.

Вчера до вечера прождалъ я
Тебя, волшебница моя,
Но ты не шла—часы бѣжали,
И обезумѣлъ словно я.

Меня душило нетерпѣнье,
Какъ змѣю; дрогнетъ лишь звонокъ—
Бросался я къ тебѣ навстрѣчу,
Но ты не шла... я ждать не могъ.

Ты не пришла—я бѣсновался,
А демонъ мнѣ шепталъ не разъ:
Какъ надъ тобой, безумецъ старый,
Смѣется лотосъ въ этотъ часъ *)!

Онъ не написалъ ей ни одного слова за исключеніемъ этой импровизаціи, но по неровному тону стихотворенія она догадалась, что онъ былъ во власти крайняго нервнаго возбужденія, когда писалъ ихъ. Она пошла въ свою комнату, заперла за собою дверь и разразилась истерическими рыданіями.

Но у него бывали еще свѣтлые часы, хотя они становились все рѣже и рѣже,—часы, кагда онъ, казалось, забывалъ свои страданія, когда тѣло его лежало неподвижно на постели въ то время, какъ духъ сверкалъ и искрился надъ развалинами. Въ такія минуты у нея вдругъ являлась мимолетная надежда на свиданіе послѣ смерти. Казалось такъ невѣроятно, чтобы этотъ великій, сильный духъ умеръ, изгладился, исчезъ только потому, что жизненные соки изсякли въ этомъ маленькомъ, слабомъ тѣлѣ. Вѣдь это тѣло не было его «я»; ей оно было совершенно чуждо; то, что она знала, что любила, чѣмъ восхищалась, была душа, которая жила въ этой развалинѣ.

Старый годъ пришелъ къ концу, наступилъ новый. Въ первый день новаго года онъ былъ настолько боленъ, что не могъ принять ее; однако, онъ послалъ ей новогодній подарокъ, элегантную, маленькую бонбоньерку. Подарокъ сопровождался письмомъ:

«Милое дитя!

Посылаю тебѣ по случаю наступленія новаго года пожелані

---

*) Переводъ Д. Д. Минаева (сборникъ *Нивы* за 1904 г., т. VI, кн. 15, изда А. Ф. Маркса).

счастья и коробочку съ шоколадомъ—надѣюсь, что содержимое придется тебѣ по вкусу. Я хорошо знаю, что тебѣ не доставитъ особеннаго удовольствія то обстоятельство, что я исполняю по отношенію къ тебѣ долгъ вѣжливости; но я это дѣлаю главнымъ образомъ ради окружающихъ насъ людей, чтобы не дать никому ни малѣйшаго повода заподозрѣть насъ въ недостаткѣ уваженія другъ къ другу; а потому я пользуюсь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выказать тебѣ маленькое вниманіе, предписываемое обычаемъ. Что касается до меня самого, то я люблю тебя такъ безгранично, что нахожу совершенно лишнимъ давать особыя доказательства моего уваженія къ тебѣ. Ты моя милая Mouche, и я легче переношу страданія, когда думаю о твоей красотѣ и о твоихъ душевныхъ качествахъ. Къ сожалѣнію, я ничего не могъ сдѣлать для тебя и мнѣ остается только послать тебѣ эти теплыя слова. Мои лучшія пожеланія къ новому году я не высказываю.—Слова! Слова!

Завтра мнѣ удастся, быть можетъ, снова принять мою Mouche. Во всякомъ случаѣ послѣ завтра она должна навѣстить своего

Навуходоносора II,

бывшаго королевскаго прусскаго атеиста, въ настоящее время поклонника цвѣтка лотоса».

Его творческая способность какъ будто возрастала съ каждымъ днемъ. Онъ писалъ, писалъ безъ остановки до тѣхъ поръ, пока карандашъ не выпадалъ изъ его онѣмѣвшей руки и не наступалъ нервный припадокъ. Все новое, что онъ писалъ за послѣднее время, она должна была всегда прочитывать ему вслухъ. «Переложи на музыку мое стихотвореніе», говорилъ онъ.

Его воображеніе всегда вращалось только вокругъ нея и ихъ отношеній другъ къ другу, а также вокругъ его близкой кончины. Повидимому, онъ смутно предчувствовалъ приближеніе конца. Это предчувствіе, по всей вѣроятности, никогда не было вполнѣ сознательно, но то лихорадочное возбужденіе, въ которомъ онъ жилъ, было слѣдствіемъ этого предчувствія.

Однажды онъ попросилъ ее прочесть одно стихотвореніе, которое произвело на нее болѣе сильное впечатлѣніе, нежели какое-нибудь другое, которое она читала раньше. Въ этомъ стихотвореніи была страшная увѣренность въ приближеніи смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ оно было проникнуто торжествомъ—поэтъ какъ будто улыбался съ сознаніемъ—но въ то же время его улыбка наводила ужасъ—надъ тѣмъ, что она не переживетъ его. Та жизнь, которой она будетъ жить послѣ его смерти, будетъ однимъ лишь прозябаніемъ. Ея мыс-

ли, ея чувства, ея стремленія, ея мечты—все послѣдуетъ за нимъ въ черную бездну.

Вотъ это стихотвореніе, которое она ему прочла:

Обрученные судьбою.

Ты молча слезы льешь—и думаешь порою,
Что плачешь надъ моей страдальческой судьбою...
Но нѣтъ! когда слеза туманитъ взоръ очей,
Повѣрь, что плачешь ты надъ участью своей.

Иль, можетъ, ты сама всю правду поняла,
Догадку смутную въ душѣ своей нашла?
Быть можетъ, и тебѣ предчувствіе открыло,
Что сблизить насъ съ тобой судьбѣ угодно было,
Что наша жизнь вдвоемъ счастливой быть должна,
Пробьетъ разлуки часъ—намъ гибель суждена?

Стояло съ давнихъ поръ въ великой книгѣ рока,
Что суждено любить другъ друга намъ глубоко!
Ты лишь со мной однимъ могла счастливой быть;
Я могъ въ твоей душѣ сознанье пробудить,
Тебя я призванъ былъ спасти отъ прозябанья,
Тебѣ, о мой цвѣтокъ, отдать свои лобзанья,
Передъ тобой раскрыть жизнь новую, иную,
И до себя поднять, и душу дать живую!...

Теперь, когда былыхъ загадокъ нѣтъ для насъ,
Когда мнѣ смерть грозитъ, насталъ послѣдній часъ,
О, не рыдай, молю! Свершиться все должно!
Ты отцвѣтешь одна,—такъ было суждено!
Раскрыться не успѣвъ, завянешь, какъ цвѣтокъ,—
Угаснетъ твой огонь,—хоть вспыхнуть онъ не могъ!
Ты грозной смерти власть не отразишь ничѣмъ,
Ты умереть должна, хоть не жила совсѣмъ!

Я понялъ все теперь, и все мнѣ стало ясно.
Я въ жизни лишь тебя любилъ!... О, какъ ужасно—
Въ тотъ мигъ, когда душа всю правду познаетъ,
Разстаться навсегда!... Но часъ разлуки бьетъ!
Прощаньемъ грустнымъ сталъ мой пламенный привѣтъ!
Сегодня я навѣкъ покину этотъ свѣтъ,
Простимся же,—и знай: напрасны ожиданья—
Не будетъ въ небесахъ желаннаго свиданья!...
Здѣсь—участь красоты, какъ жалкій прахъ истлѣть,
Разрушиться навѣкъ, исчезнуть, умереть...

Удѣлъ пѣвцовъ иной, и доля ихъ прекрасна:
Ихъ побѣдить и смерть сама не властна!
Нѣтъ гибели для нихъ, и нѣтъ уничтоженья;
Да, вѣчно будемъ жить мы въ царствѣ вдохновенья,
Пріютъ нашъ—чудныхъ грезъ волшебная страна!
Прости-жъ навѣкъ, о ты, что трупомъ стать должна! *).

Съ трудомъ, едва владѣя собою, она закончила послѣднюю строфу. Она отвернулась, и слезы тихо, одна за другой, покатились по ея щекамъ. Въ ея горлѣ остановилось рыданіе, которое готово было каждое мгновеніе вырваться наружу; и лицо ея исказилось, какъ въ судорогахъ, отъ усилій сдержать рыданія.

Онъ этого не видалъ. Хриплымъ, глухимъ голосомъ повторилъ онъ отрывистой прозой послѣднія строфы стихотворенія:

— Разстаться мы должны навѣкъ!—Не будетъ въ небесахъ желаннаго свиданья.—Красота твоя превратится въ прахъ—исчезнетъ.—Но удѣлъ пѣвцовъ—иной.

Въ этихъ словахъ было нѣчто ужасающе безсердечное. По ея спинѣ прошла леденящая струя, и мало-по-малу все ея тѣло заледенѣло. У нея появилось странное чувство въ корняхъ волосъ, и она посмотрѣла на него широко раскрытыми, испуганными глазами.

— Прости-жъ навѣкъ, о ты, что трупомъ стать должна!—произнесъ онъ заключительныя слова. На его увядшихъ, блѣдныхъ губахъ играла безобразная улыбка. Ей казалось, что она видитъ передъ собой одного изъ сказочныхъ вампировъ, которые выходятъ въ полночь изъ могилъ, впиваются въ тѣло живыхъ и высасываютъ кровь изъ ихъ жилъ...

Она хотѣла встать и бѣжать, но у нея не было силъ сдѣлать ни одного движенія. Ея тѣло было какъ бы парализовано, и эта улыбка вампира гипнотизировала, сковывала ее какой-то демонической силой. Въ это мгновеніе онъ внушалъ ей отвращеніе, она ненавидѣла его, какъ голубь ненавидитъ коршуна, когда бьется въ судорогахъ подъ его когтями. И въ то же время она сознавала, что ненависть ея безсильна, что она никогда не освободится... вотъ почему она сидѣла, какъ въ столбнякѣ, и не могла бѣжать.

Чувство ужаса сжало ея горло, какъ въ судорогахъ; ей казалось, го если бы только она могла говорить, сказать хоть одно слово, то а судорога прошла бы; но, несмотря на всѣ усилія, она не могла ıдавить изъ своего горла этого единаго слова.

Въ это мгновеніе онъ сѣлъ въ постели, приподнялъ правымъ ука-

---

*) Переводъ Юрія Веселовскаго.

зательнымъ пальцемъ свое парализованное вѣко и посмотрѣлъ на нее. И вдругъ выраженіе его лица измѣнилось: безпокойство, нѣжность, скорбь отразились на его чертахъ подобно отблеску невидимаго свѣта.

— Прости,—промолвилъ онъ только.—Но скоро все это кончится.

Если бы онъ позволилъ себѣ въ это мгновеніе одну изъ обычныхъ ласкъ, то она была бы способна прибить его по лицу. Но то глубокое отчаяніе, которымъ были проникнуты эти нѣсколько словъ, совершенно обезоружило ее.

Она чувствовала, что должна во что бы то ни стало сказать ему хоть что-нибудь въ утѣшеніе, и она ухватилась за первую мысль, которая пришла ей въ голову. Она стала развивать мысль, вложенную въ стихотвореніе; она заговорила о геніи и о славѣ, о томъ, что мысли поэта переживаютъ его, что пѣсни его долго еще будутъ пѣть грядущія поколѣнія... которыя въ восхищеніи будутъ склоняться передъ его геніемъ...

Онъ тихо лежалъ и прислушивался къ ея словамъ; на его губахъ играла печальная и усталая улыбка.

— На что все это,—сказалъ онъ,—если завоевываешь весь свѣтъ, но губишь свое тѣло.

Онъ произнесъ эти слова съ грустной ироніей, стараясь скрыть свое глубокое отчаяніе.

Когда Марго шла домой, то она находилась въ такомъ ужасномъ нервномъ состояніи, что все ея тѣло потрясала дрожь. Ея зубы стучали другъ о друга и она чувствовала ознобъ. Она шла быстро, желая согрѣться; у нея было такое чувство, какъ если бы кто-нибудь гнался за ней и хотѣлъ схватить ее. Нѣсколько разъ она невольно оглядывалась и затѣмъ ускоряла шаги. Но когда она дошла до Rue de la Paix, то силы измѣнили ей, и она сѣла въ фіакръ и велѣла везти себя домой.

Ночью у нея сдѣлался жаръ, и во снѣ ей казалось, что за ней гонится какая-то тѣнь. Она бросилась бѣжать, все быстрѣе и быстрѣе неслась она по комнатамъ, почти не касаясь пола, пока наконецъ не упала куда-то внизъ—тогда она проснулась со вздохом облегченія, вся въ испаринѣ. Потомъ ей грезилось, что она лежит на землѣ и не можетъ двинуть ни однимъ членомъ, а у нея на груд сидитъ вампиръ и давитъ ее свинцовой тяжестью, вытягивая сво блѣдныя, увядшія губы. Но вотъ онъ склоняется впередъ и губы е приближаются къ ней медленно, медленно, въ то время какъ онъ ги пнотизируетъ ее своимъ взоромъ... онъ все приближался, становил

все тяжелѣе... она уже видѣла его отвратительную, кровожадную улыбку... О, Боже!... Она подняла свою руку и ударила... и въ то же мгновеніе она почувствовала, что ее уноситъ куда-то назадъ съ головокружительной быстротой...

— Что съ тобой, дитя мое?—спросила ея мать, которая стояла, склонясь надъ ея кроватью, въ своемъ ночномъ костюмѣ.—Я услыхала, что ты кричишь, стонешь такъ страшно,—и потомъ ты размахивала руками.

— Это ничего. У меня, кажется, маленькій жаръ... простуда...

Весь слѣдующій день она бродила, какъ во снѣ. Жаръ не проходилъ, въ вискахъ у нея стучало, голова болѣла. Малѣйшій шумъ заставлялъ ее вздрагивать; иногда ей казалось, что въ воздухѣ раздается свистъ, какъ отъ порыва вѣтра—и тогда вся кровь приливала ей къ сердцу и оно начинало биться съ такой скоростью, что грозило разорваться, и она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобы хоть немного успокоиться. Но даже и тогда, когда она двигалась, ей казалось, что ее подстерегаетъ кто-то, и что она безсильна бѣжать...

Послѣ обѣда она получила одну изъ обычныхъ записокъ:

«Милое дитя!

У меня припадокъ мигрени; боюсь, что онъ будетъ продолжаться и завтра, и даже усилится, быть можетъ. Спѣшу увѣдомить тебя объ этомъ, чтобы ты знала, что завтра тебѣ не надо приходить въ школу, и что ты можешь располагать своимъ днемъ. Но зато я разсчитываю увидать тебя послѣ завтра (воскресенье). Если ты не можешь придти въ этотъ день, то увѣдомь меня объ этомъ, мое милое, прелестное дитя. Я не буду тебя бить, если бы ты даже и заслужила это какой-нибудь слишкомъ большой глупостью. Я недостаточно силенъ, чтобы владѣть тростью. Я угнетенъ, боленъ и печаленъ.

Цѣлую les pattes de Mouche.

Твой другъ

Г. Г.».

Она съ облегченіемъ вздохнула, когда прочла это письмо. Итакъ, н… годня и не завтра! Если бы онъ приказалъ ей придти сейчасъ, т… на *должна* была бы послушаться.

Послѣдующіе дни она сдѣлала послѣднюю попытку вырваться и… власти умирающаго. Она употребила всѣ усилія, чтобы разор… ъ оковы...

…залось, словно онъ почувствовалъ, что̀ происходило въ ней. В… акимъ посланіемъ онъ далъ ей понять это:

Своими думами тебя я ковалъ,
И все, что думалъ я, и все, о чемъ мечталъ,
Должна ты думать, ты должна мечтать—
Отъ духа моего тебѣ не убѣжать.

Онъ вѣетъ на тебя всей страстью огневой;
Куда ты ни идешь—онъ слѣдомъ за тобой.
И днемъ, и ночью, и на тихомъ ложѣ сна
Лобзаніямъ его ты отдана.

Умру я, и тебя покину навсегда;
Зато мой духъ тебя не кинетъ никогда.
Я знаю это... Словно домовой,
Онъ будетъ жить въ твоемъ сердечкѣ, ангелъ мой!

Устрой тамъ тепленькое гнѣздышко ему,
Мой другъ, блажному духу моему;
Хотя-бъ въ Японію бѣжала ты, въ Китай—
И тамъ дастъ знать себя несчастный негодяй.

Онъ будетъ вѣдь всегда въ твоемъ сердечкѣ жить,
И будешь ты всегда его съ собой носить,
И думать станешь то, чѣмъ я свой умъ питалъ,
Своими думами тебя я оковалъ *).

Съ тѣхъ поръ эти строфы неотступно звучали у нея въ ушахъ. Да, это было такъ. Она была окована силою его думъ. И ей не было спасенья. Гдѣ бы она ни была, куда бы ни пошла, она всегда слышала могучіе взмахи крыльевъ его духа.

Ей показалось, что прежде она не знала, что значитъ страдать. Какая-нибудь положительная боль—это есть нѣчто опредѣленное; тогда знаешь, что это такое, можно на это указать... Но этотъ ужасъ, это постоянное нервное напряженіе, это метаніе изъ стороны въ сторону... это была невыносимая пытка! Порою ей казалось, что она желаетъ... чего? Она боялась формулировать свою мысль до конца. Она представляла себѣ, что онъ умеръ... и на мгновеніе она дышала какъ будто легче отъ сознанія, что сама она осталась среди живыхъ. Но въ слѣдующее мгновеніе ей казалось, что все ея суще ство свернулось въ комочекъ. Его нѣтъ больше, онъ ушелъ, ушел навѣки! Она никогда больше не увидитъ его! Никогда! При этой мы сли сердце ея разрывалось на части. Въ одно мгновеніе лобъ покрылс холоднымъ потомъ, а потомъ и все тѣло... Никогда больше не ви

*) Переводъ А. Гилярова. (Сборникъ *Нивы* за 1904 г., т. VI, кн. 15, изд. А. Ф Маркса.)

дѣть его! Весь свѣтъ представлялся ей темной, замерзшей, безлюдной пустыней. Никогда больше у нея не будетъ ни одной свѣтлой минуты... ея жизнь была окончена.

И вотъ она переживала мысленно—съ молніеносной быстротой—всѣ свѣтлыя и прекрасныя воспоминанія того времени, когда она была его единой радостью... и ее охватила тоска. Она почувствовала неудержимое желаніе быть возлѣ него, видѣть его еще разъ, пока не поздно. Она взяла фіакръ и поѣхала къ нему. Ей казалось, что лошади ползли, какъ улитка, и что она никогда не пріѣдетъ къ нему. Она не видала кипучей жизни, которая происходила вокругъ нея. Она сидѣла и смотрѣла прямо передъ собой и въ головѣ у нея была только одна мысль: что̀ если онъ уже умеръ?

Она стала бѣгомъ подниматься по лѣстницѣ; но на площадкѣ третьяго этажа въ глазахъ у нея потемнѣло. Она нащупала скамью, опустилась на нее... и потеряла сознаніе.

Когда она пришла въ себя, то не могла дать себѣ отчета, долго ли пролежала тамъ; но ей стало гораздо легче. Тревожное состояніе прошло. Медленно и осторожно, шагъ за шагомъ, поднялась она въ пятый этажъ.

— Наконецъ-то ты пришла,—встрѣтилъ онъ ее словами, когда она вошла въ его комнату. Онъ узналъ ея шаги.

И вотъ она снова сѣла на свое обычное мѣсто, говорила и слушала, какъ онъ говорилъ, и читала ему вслухъ тѣ стихотворенія, которыя онъ написалъ за послѣднее время:

Двѣ птицы со злобою страстной
Борьбу надо мною ведутъ,
То борются бѣлая съ красной,—
Ихъ жизнью и смертью зовутъ.

Ихъ споръ изъ-за тѣла больного,
Что двинуться можетъ съ трудомъ!
Онѣ пожираютъ глазами
Другъ друга въ презрѣньѣ нѣмомъ.

Вотъ, острые вытянувъ когти,
Сцѣпились, сплелись онѣ вновь...
На бѣлой рубашкѣ я вижу
Соперницъ озлобленныхъ кровь.

Какъ хлопаютъ страшныя крылья!
Изъ глазъ моихъ искры летятъ,—
Концы ихъ такъ остры, что слезы
Въ глазахъ ослабѣвшихъ блестятъ.

Въ слѣпомъ увлеченьи борьбою
Садится, какъ хищникъ, на грудь
Зловѣщая красная птица...
Мнѣ больно и тяжко вздохнуть!

Могу лишь стонать я безсильно...
А тамъ, надо мной, впереди—
Все бѣлыя, красныя перья...
Кончай же, о смерть! пощади!

О, красная птица! ты когти
Вонзи въ мое тѣло скорѣй,
Чтобъ кровью истекъ я, и распрю
Покончилъ я смертью своей!

Ты-жъ, бѣлая, борешься смѣло!—
Но ты не осилишь въ борьбѣ!
Пусть та растерзаетъ мнѣ тѣло—
Возьми-жъ мою душу себѣ *)!

Послѣднее стихотвореніе, написанное его рукой, носило посвященіе:

Къ La Mouche.

Мнѣ приснилось, что въ лѣтнюю ночь вкругъ меня,
Въ лунномъ свѣтѣ, вдали отъ движенья,
Видны были развалины храмовъ, дворцовъ,
И обломки временъ возрожденья.

Изъ-подъ груды камней выступалъ рядъ колоннъ
Въ самомъ строгомъ дорическомъ стилѣ,
Такъ насмѣшливо въ небо смотря, словно имъ
Стрѣлы магній невѣдомы были.

Тамъ лежали порталы, разбитые въ прахъ,
На массивныхъ карнизахъ скульптуры,
Гдѣ смѣшались животныя вмѣстѣ съ людьми—
Сфинксъ съ Центавромъ, Сатиръ и Амуры...

Тамъ ничѣмъ не закрытый стоялъ саркофагъ,
Пощаженный вполнѣ разрушеньемъ,
И лежалъ въ саркофагѣ мертвецъ, какъ живой,
Блѣдный, съ грустнымъ лица выраженьемъ,

Съ напряженіемъ вытянувъ шеи, его
На ладоняхъ несли карьятиды;

*) Переводъ Юрія Веселовскаго.

И изваяны были съ обѣихъ сторонъ
Барельефовъ различные виды.

Вотъ Олимпъ съ цѣлымъ сонмомъ безпутныхъ боговъ,
Сладострастно раскрывшихъ объятья:
Вотъ Адамъ рядомъ съ Евой, и фиговый листъ
Замѣняетъ имъ всякое платье;

Вотъ паденіе Трои, Елена, Парисъ,
Гекторъ самъ предъ воинственнымъ станомъ;
Моисей съ Аарономъ, Юдиѳь и Эсфирь,
Олофернъ тоже рядомъ съ Аманомъ;

Вотъ Меркурій, Амуръ, Аполлонъ и Вулканъ,
И Венера съ кокетливой миной,
Вотъ и Бахусъ съ Пріамомъ, и толстый Силенъ,
И Плутонъ со своей Прозерпиной.

И оселъ Валаама былъ тутъ же (оселъ
Былъ со сходствомъ большимъ изваянный)
Испытанье Творцомъ Авраама, и Лотъ
Съ дочерьми, окончательно пьяный;

Съ головою Крестителя блюдо; за нимъ
Въ танцѣ бѣшеномъ Иродіада;
Петръ Апостолъ съ ключами отъ райскихъ воротъ,
Сатана и вся внутренность ада;

И развратникъ Зевесъ въ похожденьяхъ своихъ
Былъ представленъ здѣсь—какъ онъ побѣду
Надъ Данаей дождемъ золотымъ одержалъ,
Какъ сгубилъ, въ видѣ лебедя, Леду;

Тамъ съ охотою дикой Діана спѣшитъ,
А вокругъ нея нимфы и доги;
Геркулесъ въ женскомъ платьѣ за прялкой сидитъ
И кудель онъ прядетъ на порогѣ.

Тутъ же рядомъ Синай, у подошвы его
Вотъ Израиль съ своими быками;
Тамъ ребенокъ Христосъ съ старками ведетъ
Богословскіе споры во храмѣ.

Миѳологія съ библіей рядомъ стоятъ,
И контрасты намѣренно рѣзки,
И, какъ рама, кругомъ обвиваетъ ихъ плющъ
Въ видѣ общей одной арабески.

Но не странно-ль? Межъ тѣмъ какъ смотрѣлъ я, въ мечты
Погруженный душою дремавшей,
Мнѣ казалось, что самъ я тотъ блѣдный мертвецъ,
Въ саркофагѣ открытомъ лежавшій.

Въ головѣ же гробницы моей росъ цвѣтокъ
Ярко-желтый и вмѣстѣ лиловый,
Онъ по виду причудливъ, загадоченъ былъ,
Но дышалъ красотою суровой.

«Страстоцвѣтомъ» его называетъ народъ,
Выросъ будто—о томъ есть преданье—
Тотъ цвѣтокъ на Голгоѳѣ, когда Іисусъ
На крестѣ изнемогъ отъ страданья.

Какъ свидѣтельство казни, цвѣтокъ, говорятъ,
Всѣ орудія пытки Христовой
Отразилъ въ своей чашкѣ среди лепестковъ,
Обличить постоянно готовый.

Атрибуты Христовыхъ страстей въ томъ цвѣткѣ,
Какъ въ застѣнкѣ иномъ сохранились;
Напримѣръ: бичъ, веревки, терновый вѣнецъ,
Крестъ и чаша тамъ вмѣстѣ таились.

Надъ моею гробницею этотъ цвѣтокъ
Нагибался и, трупъ мой холодный
Охраняя, мнѣ руки и лобъ, и глаза
Цѣловалъ онъ съ тоской безысходной.

И по прихоти сна, тотъ цвѣтокъ страстоцвѣтъ
Образъ женщины принялъ мгновенно...
Неужели я, милая, вижу тебя?
Это ты, это ты несомнѣнно!

Ты была тѣмъ цвѣткомъ, дорогая моя!
По лобзаньямъ я могъ догадаться;
У цвѣтовъ нѣтъ такихъ жаркихъ, пламенныхъ слезъ,
Такъ не могутъ цвѣты цѣловаться.

Хоть глаза мои были закрыты, но я
Все же видѣлъ съ нѣмымъ обожаньемъ,
Какъ смотрѣла ты нѣжно, склонясь надо мной,
Освѣщенная луннымъ мерцаньемъ,

Мы молчали, но сердцемъ своимъ понималъ
Я всѣ мысли твои и желанья:

Нѣтъ невинности въ словѣ, слетающемъ съ устъ,
И цвѣтокъ любви чистой—молчанье.

Разговоры безъ словъ! Можно вѣрить едва,
Что въ бесѣдѣ безмолвной, казалось,
Та блаженно ужасная ночь, словно мигъ,
Въ сновидѣньѣ прекрасномъ промчалась.

Говорили о чемъ мы—не спрашивай, нѣтъ!...
Допытайся, добейся отвѣта,
Что волна говоритъ набѣжавшей волнѣ,
Плачетъ вѣтеръ о чемъ до разсвѣта;

Для кого лучезарно карбункулъ блеститъ,
Для кого льютъ цвѣты ароматы?...
И о чемъ говорилъ страстоцвѣтъ съ мертвецомъ—
Не старайся узнать никогда ты.

Я не знаю, какъ долго въ гробницѣ своей
Я плѣнительнымъ сномъ наслаждался...
Ахъ, окончился онъ—и мертвецъ со своимъ
Безмятежнымъ блаженствомъ разстался.

Смерть! Въ могильной твоей тишинѣ только намъ
И дано находить сладострастье...
Жизнь страданья одни да порывы страстей
Выдаетъ намъ безумно за счастье.

Но—о, горе!—исчезло блаженство мое;
Вкругъ меня шумъ внезапный раздался—
И въ испугѣ бѣжалъ дорогой мой цвѣтокъ...
Съ бранью топотъ ужасный смѣшался.

Да, я услышалъ кругомъ ревъ, и крики, и брань
И, прислушавшись къ дикому хору,
Распозналъ, что теперь на гробницѣ моей
Барельефы затѣяли ссору.

Заблужденія старыя въ мраморѣ плитъ
Стали спорить кругомъ неустанно;
Моисея проклятья въ томъ спорѣ слились
Съ бранью дикаго лѣшаго Пана,

О, тотъ споръ не окончится! Споръ красоты
Съ словомъ истины—онъ безпредѣленъ;
Человѣчество будетъ разбито всегда
На двѣ партіи: варваръ и эллинъ.

Проклинали, шумѣли, ругались они,
Увлеченные гнѣвомъ стариннымъ;
Но оселъ Валаамскій боговъ и святыхъ
Заглушилъ своимъ крикомъ ослинымъ.

Слушать дикіе звуки его, наконецъ,
Отвратительно стало и больно,
Возмутилъ меня этотъ глупѣйшій оселъ,
Крикнулъ я и—проснулся невольно *).

X.

Наступилъ февраль и принесъ съ собой ненастные, сырые зимніе дни.

Марго должна была прекратить свои посѣщенія больного. Она сама заболѣла и слегла. Ея нервы были издерганы до послѣдней степени, а теперь къ этому присоединилась еще и простуда. Каждую ночь она горѣла въ сильномъ жару. Кашель не давалъ ей ни минуты покоя, и она мысленно рѣшила, что легкія ея затронуты; но у нея не было ни малѣйшаго проблеска силы, чтобы противостоять болѣзни.

Да, теперь она умретъ. Онъ увлечетъ ее съ собой въ великій мракъ. Она думала о своей близкой смерти съ леденымъ чувствомъ, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ. Она чувствовала фатальное спокойствіе. Ею овладѣла страшная усталость—да и стоило ли бороться противъ неизбѣжнаго?

Мать сидѣла у ея постели, тихая и молчаливая, какъ всегда, со своимъ рукодѣліемъ. Онѣ мало разговаривали другъ съ другомъ, но Марго чувствовала себя спокойнѣе, когда старушка сидѣла возлѣ нея.

Дни проходили, какъ въ какомъ-то туманѣ. Казалось, словно всѣ ощущенія, внѣшнія и внутреннія, потеряли форму и окраску. Казалось, словно само время стало уже блѣднѣть и увядать. Она жила, собственно, только ночными сновидѣніями.

И всегда ее преслѣдовалъ ужасный страхъ, видоизмѣнявшійся на тысячу ладовъ, но въ основѣ остававшійся всегда однимъ и тѣмъ же: ей всегда казалось, что ее преслѣдуетъ тѣнь. Тѣнь была смертью, уничтоженіемъ. Она бѣжала съ головокружительной быстротой по громаднымъ, пустымъ пространствамъ безконечности; ея грудь тяжело дышала, каждый нервъ былъ натянутъ отъ безумнаго страха—впередъ! впередъ! Этотъ сонъ, который неизмѣнно повторялся, го

*) Переводъ Д. Д. Минаева (сборникъ *Нивы* за 1904 г., т. VI, кн. 15, изданіе А. Ф. Маркса).

своему страшному, потрясающему дѣйствію на нервы напоминалъ предсмертныя мгновенія. Каждый разъ, когда ея сердце сжимала леденящая рука, она переживала все, что переживаетъ приговоренный къ смерти въ то безконечно краткое мгновеніе, когда сѣкира падаетъ на него.

Часто по ночамъ ея мать слышала, какъ она кричитъ; а когда старушка спѣшила къ дочери, то она находила Марго сидящей въ постели, блѣдную, съ крупными каплями холоднаго пота на лбу и съ дико устремленными въ пустое пространство, испуганными глазами. Тогда матери приходилось оставаться возлѣ нея: Марго боялась одиночества, не рѣшалась заснуть.

Долго оставались нервы послѣ такого сна въ состояніи болѣзненнаго напряженія. А въ мысляхъ ея то и дѣло поднимался одинъ и тотъ же леденящій вопросъ: не умеръ ли онъ? Она перестала получать письма, и волненіе ея росло съ каждымъ днемъ. Неизвѣстность стала невыносимой. Воображеніе работало постоянно, стараясь создать какое-нибудь представленіе о его состояніи, нѣчто конкретное, на что можно было бы опереться: но это значило работать безъ результата, стараться создать картину изъ тьмы. Ей стало казаться, что страданія ея облегчились бы, если бы она только узнала нѣчто опредѣленное, хотя бы самое худшее,—и это сознаніе стало, наконецъ, такимъ сильнымъ и всеподавляющимъ, что оно пробудило въ ней силу дѣятельности. Она *должна* была предпринять что-нибудь, чтобы прекратить мучительную неизвѣстность.

Она сѣла въ постели и начала писать письмо. Но когда интимныя, полныя любви слова стали выливаться на бумагу, то ее вдругъ охватилъ страхъ: что, если онъ уже умеръ? Тогда это письмо попадетъ въ чужія руки, и...

Она разорвала письмо на мелкіе клочки, которые остались въ ея судорожно сжатой рукѣ.

Послѣ полудня она встала. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и должна была употребить всю свою силу воли, чтобы удержаться на ногахъ; однако она одѣлась безъ посторонней помощи, и когда мать вошла въ ея комнату, то она стояла уже въ пальто и поправляла вуалетку передъ зеркаломъ.

Старушка поспѣшно подошла къ ней и посмотрѣла на нее безпокойнымъ, испытующимъ взоромъ, какъ если бы она заподозрѣла, что дочь не въ полномъ своемъ разумѣ.

— Ты собираешься выходить изъ дому?

Марго обернулась къ ней:

— Да.

Она произнесла это такимъ тономъ, который исключалъ всякую возможность противорѣчія. Мать слишкомъ хорошо знала, какъ тонъ, такъ и складку между бровями—не стоило и пытаться отговаривать ее.

— Нельзя ли мнѣ, по крайней мѣрѣ, проводить тебя?—попросила старушка.

Марго ласково провела рукой по ея щекѣ.

— Не надо,—сказала она.—Я возьму фіакръ.

Она спустилась съ лѣстницы твердой походкой.

— Avenue Matignon, 3. Поѣзжайте скорѣе!—приказала она кучеру, тотъ хлопнулъ бичомъ, и лошади тронули.

Она почувствовала вдругъ, что ея напряженное, тревожное состояніе прошло. Лихорадочное возбужденіе смѣнилось ледянымъ спокойствіемъ. Казалось, что вся ея сила зависѣла отъ этого ледяного спокойствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала, что ледъ легко могъ проломиться, а потому она старалась отдалять отъ себя всѣ тяжелыя мысли. Она заставляла себя думать только о томъ, что скоро мучительная неизвѣстность прекратится. Подобно гипнотизеру, который сосредоточиваетъ всѣ зрительныя впечатлѣнія того, кого онъ усыпляетъ, на одной свѣтящейся точкѣ, она старалась направить всѣ свои мысли на одинъ пунктъ: скоро прекратится неизвѣстность.

Она медленно поднялась по лѣстницѣ, отдыхая на каждой площадкѣ. Чтобы не потерять власти надъ собой, она старалась избѣгать также и всякаго физическаго переутомленія; и ей удалось это.

Скоро она снова стояла съ бьющимся сердцемъ на порогѣ его комнаты. Она вошла къ нему и сейчасъ же услыхала хорошо знакомыя слова:

— Наконецъ-то ты пришла!

Быть можетъ, это было случайно, или же это былъ обманъ слуха, но ей показалось, что голосъ его былъ такой необыкновенно серьезный и строгій. И въ то же мгновеніе она почувствовала, что ледяное спокойствіе, которое ее до сихъ поръ поддерживало, вдругъ прекратилось. Все ея тѣло вдругъ надломилось, и она, какъ подкошенная, упала въ кресло у его постели. Она не потеряла сознанія, но усталость, безсиліе овладѣли ею. Она не могла двинуть ни однимъ фибромъ. Мысль о томъ, какъ несправедливъ былъ его упрекъ, породила въ ней горькое чувство, которое до боли сжало ея сердце, и он разразилась слезами. Она плакала тихо, беззвучно, безъ рыданій; п ея щекамъ катились, одна за другой, крупныя, прозрачныя, как роса, слезы.

По его безжизненнымъ чертамъ пробѣжала тѣнь глубокой скор

онъ почувствовалъ ея страданія своими нервами, хотя его закрытые глаза ничего не видали. Онъ протянулъ свою руку, взялъ ея руку и привлекъ ее къ себѣ. Безвольно склонилась она къ нему на постель, и ея горячія слезы закапали прямо на его лобъ.

И вотъ казалось, словно это мраморное лицо вдругъ ожило, и на немъ появилось выраженіе глубокаго, безмолвнаго состраданія и неутѣшнаго горя. Онъ поднялъ свою дрожащую руку и взялъ ленты, которыми была завязана ея шляпа.

— Сними шляпу, чтобы я могъ тебя лучше видѣть,—сказалъ онъ.

Она отвела его руку; опираясь обѣими руками объ его изголовье, она склонила свое лицо къ его лицу, и долго сдерживаемая буря, наконецъ, разразилась. Изъ ея груди вырвались громкія, отчаянныя рыданія. Она плакала, какъ плачутъ дѣти, съ тѣми глухими звуками, которые напоминаютъ журчанье лѣсного ручья и которые исходятъ изъ самой глубины сердца. Двѣ крупныя, прозрачныя капли вытекали также изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ больного, но ни одна черта не измѣнилась на мраморномъ лицѣ, какъ если бы его уже коснулось холодное дыханіе смерти.

Такъ они лежали долго-долго, щека къ щекѣ и грудь на грудь,— страданіе, которое трепетало и стонало, и это нѣмое горе. Не слышно было ни одного звука за исключеніемъ ея истерическаго рыданія. Онъ нѣсколько разъ ласково проводилъ своей дрожащей рукой по ея щекѣ, желая успокоить ее.

Мало-по-малу вспышка горя стала ослабѣвать и рыданія прекратились. Она продолжала лежать все въ томъ же положеніи, съ закрытыми глазами, прижавшись своей щекой къ его щекѣ. Отъ времени до времени по ея тѣлу проходила дрожь—остатки волненія послѣ душевной бури.

Но вдругъ она почувствовала, что онъ положилъ обѣ свои руки на ея щеки. Потомъ онъ поднялъ ея голову и, когда она подняла глаза, то встрѣтилась со взоромъ его голубого глаза, который смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ нѣжнаго и скорбнаго вниманія. Потомъ онъ снова привлекъ ее къ себѣ и запечатлѣлъ на ея лбу долгій, горячій поцѣлуй.

— Теперь уходи,—сказалъ онъ съ покорной рѣшимостью, дѣлая надъ собой усиліе. Въ голосѣ его было что-то надтреснутое.

Она встала, машинально надѣла на себя пальто, шляпу и пошла къ двери. На порогѣ она обернулась, и ея взоръ быстро и внимательно облетѣлъ всю эту комнату, которая заключала въ себѣ самыя прекрасныя, самыя счастливыя и самыя печальныя воспоминанія ея

жизни. Въ ея душу закралось безотчетное, гнетущее предчувствіе: она была увѣрена, что въ послѣдній разъ видитъ эту комнату, въ которой все носило отпечатокъ души поэта, и которая навсегда останется въ ея памяти такою, какою она тогда была.

«Приходи завтра, слышишь? Непремѣнно!» —раздалось еще разъ съ его постели. Она вздохнула съ облегченіемъ и въ то время, какъ она проходила по наружной комнатѣ, она подумала: Да, да! Завтра! Казалось, словно надеждѣ необходимо было это «завтра», чтобы было къ чему-нибудь прицѣпиться и держать въ отдаленіи мрачныя предчувствія.

Но на слѣдующій день она лежала въ страшномъ жару и произносила безсвязныя рѣчи. Она то говорила нѣжныя и теплыя слова, напоминавшія любовный шепотъ, то у нея вырывался рѣзкій, испуганный крикъ, то голосъ ея дрожалъ отъ невыразимой тревоги, то въ немъ слышались бурныя ноты страсти.

Руки ея безостановочно двигались поверхъ одѣяла. То онѣ ласкали нѣчто невидимое, то онѣ протягивались въ воздухѣ, какъ если бы она хотѣла защититься своими тонкими растопыренными пальцами отъ чего-то страшнаго. Тогда ея лихорадочно сверкавшіе и широко раскрытые отъ ужаса глаза дико всматривались въ пустое пространство и смертельный ужасъ отражался въ каждой чертѣ пылающаго лица, обрамленнаго цѣлымъ руномъ бѣлокурыхъ волосъ.

Часто борьба съ чѣмъ-то невидимымъ принимала такіе ужасающіе размѣры, что походила на борьбу со смертью. Она стонала, какъ если бы ее угнетала непосильная тяжесть. Это бывало тогда, когда блѣдный вампиръ сидѣлъ у нея на груди и протягивалъ къ ней свои увядшія, синія губы. Она отбивалась отъ него руками.— Нѣтъ, нѣтъ! Она не хочетъ умирать, не хочетъ! О, Боже! Неужели же никто не можетъ помочь ей? И дрожащимъ отъ волненія голосомъ она начинала бормотать молитву, которой выучила ее мать, когда она еще была ребенкомъ. Но среди молитвы она вдругъ умолкала, искаженное отъ ужаса лицо мѣняло выраженіе и оно дѣлалось свѣтлѣе. Ей чудилось, что она видитъ Христа, который идетъ по поверхности необозримаго моря. Маленькій и согбенный, шелъ онъ впередъ усталыми, тяжелыми шагами, какъ бы придавленный людскими грѣхами, которые онъ несъ. Его голова рѣзко вырисовалас на фонѣ горизонта, а вокругъ нея сіяло багровое сѣверное сіяні подобно вѣнцу изъ огня, крови и пурпура,—и все это отражалось въ сверкающей водѣ, по которой шелъ его путь. Небо было темно безъ звѣздъ и безъ луны. Она стояла на берегу и смотрѣла на него и вдругъ онъ повернулся къ ней и сдѣлалъ ей знакъ рукой. Онъ г

взглянулъ на нее, такъ какъ вѣки его были закрыты, но онъ зналъ, что она здѣсь стоитъ, и онъ сдѣлалъ знакъ: Иди! Онъ хотѣла броситься къ нему, но ноги ея были прикованы къ землѣ, и она не могла двинуться съ мѣста. Онъ ждалъ—но она все не шла. Тогда онъ склонилъ голову, какъ подъ ударомъ—голова на мгновеніе исчезла и на горизонтѣ переливало только багровое сѣверное сіяніе—но вотъ на фонѣ сіянія снова показалось блѣдное лицъ—изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ выкатились двѣ крупныя капли крови—онъ повернулся и пошелъ дальше, и вдоль зеркальной поверхности воды пронесся его вздохъ, какъ порывъ вѣтра. Тогда она собрала всѣ свои силы, оторвалась отъ земли и бросилась за нимъ по водѣ; но вода разступилась подъ ея ногами, и она, какъ камень, пошла ко дну,—но въ то время, какъ она опускалась въ глубину, она искала его взоромъ—онъ росъ съ каждымъ шагомъ, который дѣлалъ—и надъ горизонтомъ возвышалась его голова, какъ пылающее солнце, высоко-высоко на голубомъ небѣ—и лучи этого солнца кололи, раздражали, жгли ея мокрые, расширенные отъ ужаса глаза.

Она проснулась вся въ слезахъ.

Два дня спустя насталъ кризисъ, вслѣдъ за которымъ наступило медленное выздоровленіе. Бредъ прекратился, тревожныя мысли исчезли, безпокойное состояніе прошло. Казалось, что туманъ снова покрылъ своей мягкой дымкой всѣ внѣшнія и внутреннія ощущенія. Неестественно напряженные нервы потребовали покоя. Всѣмъ своимъ существомъ почувствовала она ласкающую усталость, ту благодѣтельную усталость, которую чувствуетъ поденщикъ послѣ дня тяжелой работы, которую чувствуетъ измученный страданіями человѣкъ, когда страданія вдругъ прекращаются послѣ того, какъ они достигли высшей точки напряженія.

Съ тихой грустью думала она о томъ времени, которое прошло. Все казалось ей такимъ отдаленнымъ. Если бы она пролежала въ постели больная десять лѣтъ сряду, то и тогда всѣ воспоминанія не казались бы ей такими далекими, какъ теперь. Но воспоминанія эти остались довольно слабыми въ ея воображеніи, а воображеніе освѣщало ихъ такимъ прекраснымъ свѣтомъ; и они отошли такъ далеко—это было тако давно, такъ давно!

Однако по мѣрѣ того, какъ шли дни и силы прибавлялись, ей стало казаться, что она снова приближается къ тому, что прошло, шагъ за шагомъ.

Но вотъ наступило 17 февраля. Это было воскресенье; солнце сіяло на лазурномъ весеннемъ небѣ и привѣтствовало одинъ изъ тѣхъ благодатныхъ дней, которые вдругъ появляются со своей бодря-

щей улыбкой среди зимней ненастной погоды, и заставляютъ каждое живое существо стремиться на волю, въ высь, къ теплу и свѣту; къ болѣе синему небу, къ болѣе чистому воздуху, стремиться страстно, безотчетно къ *чему-то*, неизвѣстно къ чему. Такіе дни являются праздниками природы; тогда духъ обновленія и духъ разрушенія справляютъ свои свадьбы и свои похороны; тогда на многихъ губахъ горитъ первый, трепещущій поцѣлуй любви; тогда не изъ одной груди вырывается послѣдній дрожащій вздохъ умирающаго.

Около восьми часовъ утра солнечные лучи врывались въ щели ставенъ спальни Марго. Она лежала въ постели съ закрытыми глазами; она находилась въ неопредѣленномъ состояніи полусна и прислушивалась къ странному звуку, который раздражалъ ея слухъ: это было нѣчто, похожее на шумъ легкихъ крыльевъ, какъ если бы въ комнату влетѣла бабочка, которая бьется и ищетъ выхода, натыкаясь на окна, въ тщетныхъ поискахъ свободы, въ стремленіи къ воздуху и свѣту. Этотъ трепещущій шумъ легкихъ крыльевъ безостановочно раздавался у нея въ ушахъ, и ея воображеніе породило сонъ, который остался у нея въ памяти съ поразительною ясностью галлюцинаціи.

Ей грезилось, что она видитъ землю въ видѣ необозримой, замерзшей равнины. Тамъ и сямъ виднѣлись города и деревни, оголенные лѣса, покрытыя снѣгомъ горы, замерзшія озера и пѣнящіеся потоки; но все было такъ мало, такъ мало; живыя существа двигались среди всего этого, какъ муравьи.

Высоко надъ всѣмъ простирался безконечный небесный сводъ, ярко синій и освѣщенный сверху сіяющимъ солнцемъ, лучи котораго не могли проникнуть до самой земли, но которое всетаки давало представленіе о безконечномъ теплѣ и безконечномъ свѣтѣ; а до замерзшей земли доходили только блѣдные отблески яркихъ лучей.

Къ сіяющему, голубому небесному своду летѣло маленькое насѣкомое, которое безпокойно махало крыльями и сновало взадъ и впередъ, какъ бы отыскивая что-то. Оно летѣло снизу, гдѣ небо было холоднаго, голубого оттѣнка, и съ жужжаніемъ поднималось все выше, гдѣ солнечные лучи разливали блѣдный свѣтъ, и, наконецъ, оно достигло зенита, гдѣ находился солнечный дискъ, и когда насѣкомое достигло зенита, то оно вдругъ исчезло съ шипящихъ звукомъ, какъ это бываетъ, когда комаръ налетаетъ на пламя.

Марго открыла глаза и встрѣтила солнечный лучъ, который проникалъ въ окно,—и на фонѣ золотого луча ясно вырисовывалось насѣкомое, гигантскихъ размѣровъ съ темными, распростертыми крыльями.

И въ то же мгновеніе ее вдругъ пронзило сознаніе, что онъ умеръ. Увѣренность въ этомъ не поразила ея своей неожиданностью,— она уже давно примирилась съ этой мыслью. Она отдавала себѣ ясный отчетъ только въ томъ, что она должна встать. Было не болѣе половины девятаго утра. Она одѣлась, не торопясь, почти безсознательно. У нея было только ощущеніе чего-то темнаго и тяжелаго, что наполняло все ея существо, притягивало всѣ ея мысли и чувства, топило ихъ въ какомъ-то неподвижномъ, безжизненномъ хаосѣ.

Она пошла пѣшкомъ черезъ Парижъ, ничего не видя и ничего не слыша, ее велъ какой-то безсознательный инстинктъ по той дорогѣ, по которой она такъ часто раньше ходила. Она шла быстро, потому что ей было холодно. Она не замѣтила, что солнце сіяетъ, не почувствовала его теплыхъ лучей, она совсѣмъ не думала о себѣ, она только шла и шла. Около десяти часовъ она позвонила у его дверей. Госпожа Матильда сама отворила ей дверь; она была въ трауръ и глаза ея носили слѣды слезъ.

Обѣ женщины не обмѣнялись ни однимъ словомъ, но госпожа Гейне отступила въ сторону, оставляя проходъ свободнымъ. Марго прошла мимо нея въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ.

Сидѣлка Катерина хлопотала вокругъ его ложа; а когда она увидала Марго, то она сейчасъ же начала разсказывать о его послѣднихъ минутахъ:

Въ среду онъ еще проработалъ шесть часовъ. «Теперь мнѣ осталось работы только на четыре дня, и тогда мое произведеніе будетъ окончено»,—сказалъ онъ. Въ четвергъ у него сдѣлался сильный припадокъ головной боли; въ пятницу его состояніе ухудшилось. Когда въ субботу къ нему пришелъ врачъ, то больной замѣтилъ, что въ голосѣ послѣдняго звучали печальныя, безнадежныя ноты. «Такъ, значитъ, я теперь умру»,—спросилъ онъ. Въ субботу вечеромъ его состояніе еще ухудшилось—сдѣлался припадокъ судорогъ. Катерина просидѣла у него всю ночь—госпожа Гейне ушла въ свою комнату и легла. Въ пять часовъ утра онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Весь этотъ разсказъ, переданный плаксивымъ тономъ, произвелъ на Марго впечатлѣніе какого-то посторонняго звука, который только ударялъ по ея барабанной перепонкѣ; она ничего не понимала, она ничего не соображала.

Она опустилась въ кресло. Она сидѣла и пристально смотрѣла на это тѣло, которое лежало передъ ней на постели въ своемъ бѣломъ покойницкомъ одѣяніи,—на это дѣтское тѣло, высѣченное изъ мрамора. Лицо едва ли было блѣднѣе, нежели какимъ она его раньше видѣла

много разъ; но смерть наложила величественное спокойствіе на прекрасныя черты и изгладила страдальческое выраженіе своей любящей, нѣжной рукой. Это лицо Христа было идеально по своей неземной красотѣ.

Она сидѣла и смотрѣла на него безъ единой слезы, все еще во власти тяжелаго, безжизненнаго горя, изъ глубины котораго, казалось бы, не можетъ прорваться наружу никакая мысль и никакое чувство. Слезы жгли ея глаза подъ вѣками, но глаза были сухи. Машинально протянула она свою руку и взяла бѣлую, тонкую руку покойника; она была холодна и неподвижна; по всему тѣлу Марго, съ головы до ногъ, прошла дрожь; она встала и вышла изъ комнаты.

Она вышла, не бросивъ прощальнаго взгляда на эту комнату, которая за эти мѣсяцы была для нея раемъ счастья и горя. Теперь комната была мертва, мертва, какъ и мраморное лицо покойника, который въ дни жизни наполнялъ ее своей душой.

Эпилогъ.

Наступила весна. Послѣ гнетущихъ, мрачныхъ, зимнихъ февральскихъ дней мартъ принесъ съ собой борьбу тепла съ холодомъ и потоки горячихъ солнечныхъ лучей, нрорывающихся сквозь разорванныя снѣговыя тучи и чередующихся съ ливнемъ и градомъ. Подъ вліяніемъ дождя земля оттаяла, растенія пустили побѣги, почки на деревьяхъ разбухли. А когда, наконецъ, въ началѣ апрѣля солнце серьезно принялось за свою работу обновленія, то земля и деревья вдругъ зазеленѣли, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

Весеннее солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ надъ цвѣтущими каштанами тюльерійскаго сада, надъ сверкающими фонтанами и надъ зелеными газонами съ разбросанными по нимъ яркими весенними цвѣтами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Цѣлый отрядъ нянекъ съ дѣтскими колясочками, въ которыхъ спали малютки, выступилъ для завоеванія своей лѣтней резиденціи; тамъ и сямъ сидѣли блузники и читали газеты на свѣжемъ воздухѣ, наслаждаясь первымъ тепломъ послѣ долгой зимней стужи. Играющія дѣти снова носились взадъ и впередъ по аллеямъ, а на скамьѣ подъ Спартакомъ Фуатье сидѣла Марго съ раскрытымъ зонтикомъ; глаза ея были внимательно устремлены на песчаную аллею, теряющуюся среди зеленыхъ группъ деревьевъ и кустовъ.

Для нея этотъ день—13 апрѣля—былъ первымъ весеннимъ днемъ.

За все то время, которое прошло съ тѣхъ поръ, какъ она въ по-

слѣдній разъ была въ Avenue Matignon и узнала, что *его* не было больше въ живыхъ, всѣ ея внѣшнія ощущенія были совершенно парализованы. Она погрузилась въ бездну горя и лежала тамъ, неподвижная, безчувственная, мертвая. Правда, отъ времени до времени та или другая одинокая мысль пробивалась изъ этой тьмы и взирала на будущее безъ всякой надежды; потому что мысли ея не видали впереди ничего, кромѣ долгаго, темнаго пути, которымъ ей предстояло идти одиноко среди жизненной пустыни. Ея тревожное состояніе прошло, но его замѣнило безнадежное отчаяніе, какое овладѣваетъ потерпѣвшимъ крушеніе, послѣ того какъ онъ избѣгъ смерти въ волнахъ для того, чтобы быть выкинутымъ одному на необитаемый островъ.

Это состояніе остраго отчаянія было настолько невыносимо, что она съ тоской вспоминала тѣ тревожные дни, когда нервы ея были болѣзненно напряжены, и она горячо желала вызвать эти дни къ жизни изъ своего мертваго прошедшаго. Смертельный, терзающій нервы ужасъ, непреодолимый страхъ—все это казалось ей ничѣмъ въ сравненіи съ чувствомъ пустоты, съ сознаніемъ безграничнаго, непоправимаго одиночества, которое обволокло теперь все ея существованіе безпроглядными, холодными, сѣрыми сумерками.

За послѣдніе мѣсяцы она пережила тотъ кризисъ, который переживаютъ женщины, когда онѣ съ сердцемъ, полнымъ еще желаній, вступаютъ въ извѣстный возрастъ и имъ приходится примириться съ мыслью, что онѣ не будутъ больше любимы. Этотъ осенній переходъ для женщинъ опаснѣе и болѣзненнѣе, и болѣе потрясаетъ всѣ основы ихъ внутренняго существа, нежели то безотчетное весеннее пробужденіе, которое имъ приходится переживать въ ранней юности. Въ это осеннее время жизни сердце горитъ послѣдними вспышками пламени, содрогается отъ послѣднихъ приступовъ лихорадки; и чувства становятся багровыми, рыжевато-красными, огненно-желтыми, оранжевыми и блѣдно-желтыми, наподобіе листвы въ природѣ, когда она переноситъ послѣднюю борьбу съ морозомъ, прежде чѣмъ съ покорностью склоняется передъ неумолимой, все уничтожающей зимой, послѣ того какъ послѣдніе, замерзшіе листья отрываются осеннимъ вѣтромъ и безпомощно падаютъ на землю.

Марго прошла черезъ этотъ кризисъ. Она была еще молода, ей не было и тридцати лѣтъ; тѣмъ труднѣе ей было заставить покориться свое трепещущее сердце.

Но *теперь* оно покорилось; оно было мертво. Въ немъ не пробудилось ни малѣйшаго мимолетнаго чувства за эти мѣсяцы, съ того самаго дня, какъ она въ галлюцинаціи увидала его душу, которая,

подобно темному насѣкомому, исчезла въ пламени подъ голубымъ небеснымъ сводомъ. Она знала хорошо: никогда, никогда не будетъ она больше любима, ибо сама она не способна больше любить. Всѣ лучшія чувства, на какія только была способна ея душа, сосредоточились въ этой болѣзненной любви къ умирающему, какъ горько, какъ горько было это сознавать! На благодатной, плодотворной почвѣ ея сердца не взросло ничего, кромѣ этой единой малокровной орхидеи, этого прекраснаго цвѣтка безъ запаха, съ болѣзненной, блѣдной окраской, онъ выросъ, какъ по волшебству, между двумя безполыми руками—черной рукой смерти и бѣлой рукой жизни.

Она знала, что отнынѣ жизнь ея будетъ не чѣмъ инымъ, какъ вазой для этого увядшаго цвѣтка, урной, въ которой медленно истлѣетъ это воспоминаніе.

Сознаніе этого уже какъ будто отразилось на ея лицѣ. Оно состарилось за эти короткіе мѣсяцы. Правда, волосы ея не посѣдѣли и морщины не успѣли еще обезобразить ея черты, но впечатлѣніе старости производило, главнымъ образомъ, выраженіе лица. Въ немъ не было больше того, что не поддается опредѣленію, и что разливаетъ особенный свѣтъ на все существо женщины, когда сердце ея еще молодо: въ глазахъ не было блеска, цвѣтъ лица и волосы потускнѣли, пе было больше той свѣжести, которая свидѣтельствуетъ, что сердце способно еще надѣяться и любить.

Ея сердце потеряло способность любить, ему не на что было больше надѣяться. Но съ того дня, какъ передъ ея глазами прошла погребальная процессія подъ обнаженными деревьями Champs Elysées, въ ея сердцѣ зародилось непреодолимое желаніе поговорить съ какимъ-нибудь человѣкомъ, который былъ дѣйствительно близокъ къ *нему;* и какъ-то безотчетно, подъ впечатлѣніемъ минуты, она написала письмо Альфреду Мейснеру. Онъ любилъ его также, какъ и она; онъ понималъ его, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ она могла бы говорить о немъ. Она попросила его пріѣхать въ Парижъ; и онъ отвѣтилъ, что пріѣдетъ въ этотъ день.

Это была та внѣшняя побудительная причина, которая заставила ее выйти изъ состоянія апатіи и глубокой грусти, въ которой она жила. Потому-то она сидѣла теперь тамъ, гдѣ они прежде часто встрѣчались—на скамьѣ подъ бронзовой статуей Спартака.

Какъ все было иначе въ былыя времена! Но она раскрыла ему въ письмѣ все свое сердце и она знала, что онъ понялъ ее.

Но вотъ онъ идетъ, быстро шагая по бѣлому песку аллеи, извивавшейся между купами деревьевъ и кустовъ. Онъ былъ еще въ дорожномъ платьѣ; его темные волосы покрывала широкополая мягкая

шляпа, изъ-подъ которой уже издали мягко блестѣли глаза съ выраженіемъ нѣжности и участія.

Она поднялась. Ея стройная, тонкая фигура въ простомъ, черномъ платьѣ мягко вырисовывалась на зеленомъ фонѣ. Когда она протянула ему руку, то ея большіе голубые глаза наполнились слезами.

Онъ быстро подошелъ къ ней и, взявъ ея руки въ обѣ свои, посмотрѣлъ ей въ лицо тѣмъ же участливымъ и нѣжнымъ взоромъ. Онъ сейчасъ же замѣтилъ, что она состарилась съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись въ послѣдній разъ.

— Марго,—сказалъ онъ только.

Но она поняла по его голосу и по выраженію его глазъ, что то, что *было* между ними, не оставило ни малѣйшей капли горечи въ его душѣ, и что въ будущемъ онъ будетъ любить ее именно такъ, какъ она этого хотѣла, не требуя того, чего она не могла ему больше дать.

Ее охватило чувство глубокой благодарности и спокойствія. Она взяла его подъ руку, и они пошли по аллеямъ сада.

Она разсказала ему о своемъ первомъ посѣщеніи Гейне.

— Помнишь, какъ часто ты говорилъ со мною о немъ? И ты знаешь, конечно, что я любила его съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. А потому ты можешь себѣ представить, какое всеподавляющее впечатлѣніе онъ произвелъ на меня, когда я его увидала.

Они пошли дальше. Одно воспоминаніе за другимъ получали очертанія и окраску и благоуханіе, выливаясь въ ея словахъ. Она разсказала о послѣднихъ дняхъ умирающаго поэта, разсказала о ихъ отношеніяхъ другъ къ другу въ тѣхъ теплыхъ выраженіяхъ, которыя вкладывало въ ея уста ея глубокое чувство. Какъ безгранично онъ любилъ ее! Ея лицо снова стало молодымъ, пока она говорила объ этомъ. А она!—и выраженіе ея лица сразу измѣнилось—она скорбѣла, что не умерла вмѣстѣ съ нимъ! — глаза ея наполнились слезами.

Однако по мѣрѣ того, какъ она углублялась въ подробности и различные эпизоды изъ своей прошедшей жизни, она становилась спокойнѣе. Повидимому на нее благотворно вліяла возможность высказаться. Отъ времени до времени она даже улыбалась прозрачной, блѣдной улыбкой.

Онъ слушалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ, затаивъ дыханіе. Интересъ ко всему тому, что она разсказывала, притягивалъ его съ такой непреодолимой силой, что онъ забылъ все другое и превратился въ слухъ. Но когда эта странная любовная исторія получила опре-

дѣленные контуры и все стало для него яснымъ, то въ душѣ у него стало понемногу пробуждаться чувство любопытства. Это было то же самое чувство, которое овладѣвало имъ раньше по отношенію къ этой загадочной, таинственной женщинѣ, и онъ ждалъ съ нервнымъ нетерпѣніемъ, чтобы она приподняла хоть край той завѣсы, за которой скрывалась ея прошедшая жизнь.

— Ты писала въ своемъ письмѣ,—сказалъ онъ, наконецъ, когда она замолкла на мгновеніе,—что познакомилась съ Гейне сейчасъ же послѣ того, какъ возвратилась изъ Англіи.

На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ особенное удареніе.

— Да.

По ея лицу прошла тѣнь смущенія, и онъ понялъ, что она догадалась, что̀ скрывалось подъ его вопросомъ.

— Спасибо тебѣ!

Онъ произнесъ эти слова отрывисто и рѣзко, съ маленькимъ оттѣнкомъ ироніи, которая не могла скрыть укора, таившагося въ словахъ.

Она ничего не отвѣтила. Она шла съ опущенными глазами, и рука ея, которая лежала на его рукѣ, стала вдругъ такой легкой. Онъ почувствовалъ, что она дрожитъ.

Его настроеніе вдругъ измѣнилось.

— Извини, что я коснулся этого! Но ты понимаешь... мнѣ такъ хотѣлось знать...

— Это *меня* ты встрѣтилъ въ Регентъ-Стритѣ.

Она произнесла это такъ тихо и покорно, но въ то же время въ ея голосѣ было нѣчто такое, что говорило ему, что она никогда больше не произнесетъ ни одного слова по этому поводу.

Онъ постарался перемѣнить разговоръ:

— Мнѣ было тогда очень больно, но что дѣлать, вѣдь ты всегда была для меня загадкой.

Нѣсколько минутъ они шли молча. Потомъ она снова начала разсказывать про Гейне, про письма, которыя онъ ей писалъ. И понемногу она снова завладѣла его вниманіемъ.

Онъ въ то время былъ какъ разъ занятъ тѣмъ, что заканчивалъ книгу о Генрихѣ Гейне, книгу, въ которой онъ описывалъ своего еретическаго друга и учителя въ самыхъ яркихъ краскахъ и съ самой глубокой симпатіей. Онъ написалъ эту книгу въ пику общественному мнѣнію, онъ старался освѣтить характеръ, на которомъ не было пятенъ, показать сердце, которое подъ кажущейся холодностью скрывало цѣлыя сокровища доброты и человѣколюбія, онъ хотѣлъ первый очистить память, запятнанную злословіемъ тысячи языковъ. И [illegible]-

перь ему пришло въ голову, что эти письма могли бы быть ему очень полезны при созданіи картины послѣднихъ дней умирающаго поэта, послѣдней стадіи его восьмилѣтней борьбы со смертью.

— Если ты посѣтишь меня когда-нибудь, то я покажу тебѣ всѣ мои реликвіи.

При этихъ словахъ его глаза заблестѣли.

— Нельзя ли мнѣ пойти къ тебѣ сегодня? Къ тебѣ на домъ?

Итакъ, завѣса, скрывающая ея жизнь, наконецъ, приподнимается!

— Да,—она отвѣтила нерѣшительно.—Теперь ты можешь посѣтить меня. Старыхъ узъ не существуетъ больше. Я живу теперь у моей матери, госпожи де К.

Это было старинное прусское дворянское имя, которое она назвала; только нѣмецкое фонъ было замѣнено французскимъ де

— Тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Элиза де-К.

Его охватило чувство радости при доказательствѣ этого довѣрія съ ея стороны. У него вдругъ стало весело на душѣ, и онъ заговорилъ съ той беззастѣнчивой легкостью, съ которой онъ говорилъ съ ней въ былыя времена, когда онъ питалъ ея душу анекдотами изъ литературнаго міра.

— Знаешь ли ты исторію о возлюбленной Людовика Тика? У которой было два имени?

— Нѣтъ.

— Старый Тикъ написалъ разсказъ, и его рукопись отправили прямо въ типографію. Въ одинъ прекрасный день издатель Брокгаузъ замѣтилъ, что героиня, которая сперва является подъ именемъ Евгеніи, на послѣднихъ страницахъ неукоснительно называется Эмиліей. Брокгаузъ испугался и поспѣшилъ къ автору. Однако Тикъ принялъ непріятное извѣстіе съ величайшимъ спокойствіемъ. Онъ вставилъ только въ продолженіи разсказа слѣдующую великолѣпную реплику: «Милая Евгенія, которую я называлъ также иногда и Эмиліей, ты дорога мнѣ одинаково подъ обоими именами».—Этотъ анекдотъ можно прочесть въ одномъ изъ старыхъ номеровъ *Ураніи*.

Она улыбнулась. Казалось, что тотъ тонъ, на который онъ перешелъ, разогналъ тяжелое настроеніе, вызванное воспоминаніями, и возстановилъ между ними старое довѣріе.

— Я говорю, какъ Тикъ: Милая Элиза, которую я прежде называлъ Марго—не поѣдемъ ли мы теперь къ тебѣ домой?

— Да, какъ хочешь.

Они взяли фіакръ и поѣхали въ Rue Navarin. Она ввела его въ

маленькую, изящно меблированную квартирку, и представила его своей матери, старой дамѣ съ почтенной наружностью, которая сидѣла у окна за рукодѣліемъ. Онъ обмѣнялся нѣсколькими словами со старушкой и затѣмъ вошелъ въ будуаръ Марго, свѣтлую, элегантную комнату съ мебелью, картинами и драпировками, свидѣтельствовавшими о вкусѣ ихъ обладательницы.

— Какъ у тебя уютно!

Но у нея на лицѣ появилась недовольная гримаса, и она отвѣтила, слегка пожимая плечами:

— У тебя, право, слишкомъ мало претензіи на уютъ! Я нахожу, что эта комната ужасна. Такія ли комнаты у меня бывали прежде!

Ея слова и тонъ снова пробудили то принужденное настроеніе, которое разсѣялось подъ впечатлѣніемъ ея маленькаго довѣрія. У него явилось сознаніе, что онъ былъ совершенно чужой для нея. Это сознаніе породило мучительную увѣренность въ томъ, что эта женщина ни для кого, даже для него, не выступитъ изъ того таинственнаго мрака, которымъ она окружила себя съ первой минуты. При этой мысли на душѣ у него появилось чувство горечи. Всѣ только что отогнанныя мысли, догадки всплыли снова, всѣ старыя подозрѣнія снова воскресли. Кто она такая? Да, теперь онъ это зналъ, и всетаки! Что ему думать?

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, глядя передъ собой отсутствующимъ взоромъ; а она съ безпокойствомъ слѣдила за нимъ глазами, какъ бы угадывая его мысли.

— Отчего ты замолкъ?

Выраженіе ея лица измѣнилось, стало мрачнымъ и грустнымъ. Она какъ будто хотѣла сказать: «Я не могу заставить тебя вѣрить мнѣ; но на моей чести нѣтъ пятна».

Онъ вперилъ свой испытующій, горящій взоръ въ ея большіе голубые глаза, какъ если бы хотѣлъ въ самой глубинѣ ихъ почерпнуть тайну ея жизни; и онъ получилъ непреодолимое впечатлѣніе душевной красоты, ума и сердечной доброты; передъ этимъ отвѣтомъ замолкли всѣ вопросы.

— Хочешь теперь просмотрѣть письма?—спросила она наконецъ.

— Да, благодарю.

Она принесла маленькую шкатулку, отперла ее маленькимъ ключомъ, который она носила у себя на груди, и протянула ему ее. С чувствомъ благоговѣнія онъ увидалъ, что шкатулка была наполнена записками, написанными такъ хорошо извѣстнымъ почеркомъ Гейн

— Цѣлая сокровищница, полная реликвій! И, поднимая на нее влажный взоръ, онъ спросилъ:—Можно мнѣ прочесть?

— Да. *Тебѣ* можно.

Ея голосъ дрожалъ отъ сдерживаемыхъ слезъ... «Едва ли нужно прибавлять, что ты первый и единственный, кому придется читать ихъ».

Онъ уже углубился въ чтеніе писемъ; и онъ читалъ ихъ съ возрастающимъ волненіемъ, одно за другимъ.

Она сидѣла и слѣдила за выраженіемъ его лица, которое становилось все мягче и печальнѣе послѣ каждаго письма, которое онъ прочитывалъ. Когда онъ кончилъ, онъ снова посмотрѣлъ ей глубокимъ взоромъ прямо въ глаза, но не испытующимъ и строгимъ, какъ только что передъ чтеніемъ писемъ, а кроткимъ и мягкимъ и какъ бы съ сознаніемъ своей вины. Онъ упрекалъ самого себя въ томъ, что мысленно только что отказалъ въ уваженіи этой женщинѣ, которая такъ заслуживала его. Теперь она уже не была больше легкомысленной, молодой дѣвушкой, которую онъ когда-то любилъ—отъ этихъ писемъ исходилъ свѣтъ, который, подобно сіянію, собирался вокругъ ея головы; теперь она была для него святыней, такой же святыней, какой бываетъ глубокая, серьезная скорбь.

Они долго сидѣли молча, погруженные въ тихую печаль, которая всегда овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ видитъ дорогія воспоминанія прошедшаго въ освѣщеніи настоящаго; и особенно, если это случается въ то время его жизни, когда въ его душѣ въ первый разъ поднимается смутное чувство, или, вѣрнѣе, неопредѣленное, безотчетное предчувствіе того, что майскіе дни его жизни прошли и никогда-никогда больше не возвратятся.

Ему первому удалось сбросить съ себя гнетъ этого настроенія, стряхнуть его силой своей воли.

— Не могу ли я списать нѣкоторыя изъ этихъ писемъ?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ тебѣ все это?

— Я написалъ книгу, посвященную памяти Гейне. Я думаю, что эти записки во многихъ отношеніяхъ пополнили бы тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщаю относительно послѣднихъ годовъ его жизни.

Она задумалась на мгновеніе. Ей было такъ тяжко представить себѣ, что содержаніе этихъ интимныхъ писемъ будутъ читать глаза профановъ.

— Ну, хорошо,—сказала она наконецъ,—если ты думаешь, что это можетъ быть полезно, то я не имѣю права хранить ихъ только для себя.

— Можно? — переспросилъ онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ если бы не вѣрилъ, что она рѣшится позволить. — Подумай о сплетняхъ! И о госпожѣ Гейне!

Тогда она гордо подняла голову и сверкнула своими голубыми глазами.

— Въ нашихъ отношеніяхъ не было ничего такого, что надо было бы скрывать, а что касается до госпожи Гейне, то мнѣ совершенно безразлично, что̀ она подумаетъ и что̀ скажетъ. Я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя. Ни въ чемъ! На мою долю выпало счастье разлить немного солнечнаго свѣта на его послѣдніе часы. Развѣ я могу не гордиться этимъ—и не быть благодарной за это?

Она умолкла. Огонь потухъ въ ея большихъ глазахъ, но на ея лицѣ лежалъ еще странный блѣдный отблескъ, какъ бы отражавшій пламя, тихо горѣвшее внутри.

— Списывай, что хочешь,—сказала она тихо,—и опубликовывай, что хочешь. Что могутъ подумать по этому поводу другіе, меня ничуть не заботитъ.

Онъ низко склонилъ свою голову передъ величіемъ этого горя. Онъ ничего не могъ сказать, но онъ взялъ ея руку и горячо поцѣловалъ ее.

Много лѣтъ спустя можно было встрѣтить въ салонахъ выдающихся членовъ нѣмецкой колоніи въ Парижѣ даму, которую представляли подъ именемъ госпожи Сельденъ.

Она была уже не молода. Она давно оставила позади себя ту границу, которая раздѣляетъ весну отъ лѣта, и ту, которая раздѣляетъ лѣто отъ осени. Она была уже въ октябрѣ своей жизни.

Художникъ избралъ бы эту женщину въ натурщицы, если бы онъ захотѣлъ изобразить на своемъ полотнѣ осень. Онъ написалъ бы ее лицо такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности: блѣдное лицо женщины среднихъ лѣтъ съ парой большихъ, голубыхъ глазъ, печальныхъ, меланхолическихъ, мечтательныхъ. Въ каштановыхъ вьющихся волосахъ уже сверкала не одна серебряная нить...

Такой онъ нарисовалъ бы ее безъ всякихъ символическихъ атрибутовъ, безъ винограднаго вѣнка въ волосахъ и съ пустыми ру-ками,—выраженія глазъ было бы совершенно достаточно, чтобы про-извести впечатлѣніе осенняго одиночества.

Быть можетъ, если бы онъ былъ великимъ мастеромъ, то ем[у] удалось бы оживить свою картину той дымкой тихой печали, котор[ая] всегда покрывала всѣ ея черты.

«— Я не могу представить себѣ ее иначе,—пишетъ одинъ н[...]

мецкій писатель, который встрѣчался съ ней въ Парижѣ передъ самымъ объявленіемъ франко-прусской войны,—какъ озаренную какой-то необыкновенной серьезностью, что присуще людямъ, перенесшимъ великія страданія и живущимъ болѣе въ прошедшемъ, нежели въ настоящемъ. Эта элегія, которой вѣяло отъ всего ея существа, не носила характера чего-то бросающагося въ глаза; въ ней было что-то скромное, какъ это всегда бываетъ со всѣмъ, что истинно и благородно. Ничто не было ей такъ чуждо, какъ претенціозная внѣшность мученика, въ которую люди живописно драпируются при помощи жалкихъ лоскутьевъ своего горя».

Вотъ какія впечатлѣнія вынесъ тотъ же авторъ послѣ посѣщенія ея.

«Она жила въ то время въ маленькой, хорошенькой квартиркѣ по близости Avenue des Fernes. Я такъ живо помню тотъ холодный февральскій вечеръ, когда я, пройдя по пустыннымъ аллеямъ Champs Elysées, свернулъ къ отдаленному дому, въ которомъ она жила. Съ очаровательной любезностью исполняла она свои обязанности хозяйки. Она вела разговоръ оживленнѣе, чѣмъ когда-либо. Она заставляла даже забыть ту загадку, которая всегда скрывалась въ выраженіи ея мечтательнаго лица, и надъ разгадкой которой невольно хотѣлось раздумывать. Она съ любовью говорила объ англійской литературѣ, а также и о нѣмецкой; изъ англійскихъ поэтовъ Байронъ былъ, повидимому, ея любимцемъ. Имя Генриха Гейне никогда не произносилось ея устами. Сердечная рана, которую нанесла ей его смерть, казалось, никогда вполнѣ не заживала. Только этимъ и можно объяснить ея молчаніе, ея сдержанность, ея упорное скрываніе своего инкогнито».

Мракъ, которымъ окружена была ея жизнь, никогда не разсѣялся. Быть можетъ, она еще жива, а можетъ быть она уже умерла—тихо, какъ и жила.

Въ 1884 году она выпустила въ свѣтъ свою книгу: «Послѣдніе дни Генриха Гейне». Какъ авторъ, была обозначена: «Камилла Сельденъ».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ раздался пистолетный выстрѣлъ, эхо отъ котораго пронеслось по нѣмецкой литературѣ—Альфредъ Мейснеръ палъ жертвой отъ своей собственной руки.

«Надъ писателями Германіи тяготѣетъ проклятіе».

Перевела **М. Благовѣщенская.**

* *
*

Посвящается Грэси.

Не скажу тебѣ, зачѣмъ я въ часъ, когда приходишь ты,
На порогѣ разсыпаю снѣжно-бѣлые цвѣты.
Не скажу тебѣ, зачѣмъ я, какъ я въ комнатѣ одна,
Алый цвѣтъ заткнувши въ косы, тихо сяду у окна.
Самъ ты знаешь! Угадаешь! Сердце скажетъ, умъ пойметъ,
Бѣлый цвѣтъ о чемъ разскажетъ, алый цвѣтъ о чемъ споетъ.
Я скажу тебѣ, зачѣмъ я въ часъ, когда луна нѣжнѣй,
Въ огонекъ лѣсной бросаю горсть примятую стеблей,
Что за грѣшную молитву шепчутъ блѣдныя уста.
А вокругъ меня ночная, неживая красота.
И въ лѣсной огонь бросая горсть примятую стеблей,
Объ одномъ молюсь я небу,—чтобы умеръ ты скорѣй.

Александръ Беклемишевъ.

ПОРА ЛЮБВИ.

Романъ Жераръ д'Увилля.

Съ французскаго.

> Aimons donc, aimons donc! de l'heure fugitive
> Hâtons nous, jouissons!
> L'homme n'a point de port, le temps n'a point de rive,
> Il court et nous passons!
>
> *A. De Lamartine.*

I.

Проснувшись нынче утромъ, прежде чѣмъ вспомнить, что я молоденькая женщина,—да, совсѣмъ молодая, хорошенькая и свободная, и нельзя сказать, чтобъ недовольная жизнью,—я вообразила себя старымъ брюзгой, котораго одолѣваетъ насморкъ, такъ усердно я принялась кихикать и чихать... А затѣмъ расхохоталась, потому что волосы щекотали мнѣ шею, и я почувствовала себя снова тѣмъ, что я есть въ дѣйствительности: Лорансъ—вѣрнѣй, Лореттой,—23 лѣтъ; красивой—по мнѣнію мужчинъ, изящной—это признаютъ и женщины; а публика, та даже находитъ во мнѣ и талантъ—впрочемъ, публика ничего въ этомъ не понимаетъ. Ну-съ, что же еще? независимой, благоразумной, не безъ иллюзій, конечно—еще бы, въ эти годы!... но извѣдавшей и разочарованія... уже?—впрочемъ, я на это не сѣтую.

Кхи-кхи!...—положительно я немного простужена. Сама виновата—это все вчерашняя прогулка. Надо же было поѣхать кататься н лодкѣ по Сенѣ въ холодный ноябрьскій день, въ густой туманъ. О ной? О, разумѣется, нѣтъ! Съ моимъ другомъ Раулемъ Савіанжъ. Э онъ выдумалъ кататься на лодкѣ. У него вѣчно фантазіи. Мы з ѣхали очень далеко, потомъ еще долго стояли на мосту, болтая о р ныхъ разностяхъ. Мы съ Раулемъ въ большой дружбѣ и отлично л имъ между собою. Иногда онъ беретъ меня подъ руку и говор ь:

— Ну что, дружище?

Дружба... какая это прелесть—дружба! Только вотъ бѣда—сегодня утромъ я убѣдилась, что оба мы не слишкомъ-то благоразумны. Что подѣлаешь? Рауль вѣдь тоже молодъ и, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, изъ насъ двухъ онъ больше «дитюшка», чѣмъ я. А я его слушаюсь и покоряюсь всѣмъ его капризамъ, потому что онъ вдобавокъ еще и балованное дитя... Лишь бы только онъ не простудился!... Мнѣ что? Поставитъ мнѣ Нанетта на спину хорошій колючій горчичникъ—и я опять здорова... Стучатся въ дверь... Это она... Позвольте вамъ представить Нанетту, мою молочную сестру.

Ибо у меня есть молочная сестра, какъ—въ классическихъ комедіяхъ. Она прехорошенькая, со своей круглой розовой мордочкой подъ бретонскимъ чепцомъ, который она имѣетъ благоразуміе предпочитать рыночнымъ моднымъ шляпкамъ, и въ своей черной суконной юбкѣ съ бархатной каймой, собранной густыми трубчатыми сборками вокругъ тонкой таліи.

— Съ добрымъ утромъ, Нанонъ!...

И я начинаю кашлять.

Она хотѣла поставить па столъ подносикъ съ чашкой дымящагося шоколада, но теперь въ негодованіи подымаетъ его выше своей головы.

— Святой Іосифъ! вы простудились, мадамъ Лоретта.

— Да, Нанонъ, немножко.

Я вся съеживаюсь и смиряюсь,—мнѣ еще въ дѣтствѣ доставалось отъ моей Нанонъ, когда мы играли и шалили вмѣстѣ, и теперь частенько достается. Она по-своему бережетъ меня и бранитъ, говоря, что я способна «и ангела вывести изъ терпѣнія» и что «какъ же тутъ, на милость Бога, не схватить простуды—въ рубашкахъ и чулкахъ изъ паутинки и въ шелковыхъ юбкахъ, такихъ воздушныхъ, что ихъ и наощупь не чувствуешь, да еще съ кучей сквозныхъ прошивокъ, при видѣ которыхъ соблазнилась бы сама Мать Пресвятая Богородица... Вѣдь это, ежели у кого царь въ головѣ—прямо жалость смотрѣть...»

Но выбранивъ меня всласть, она смягчается, прощаетъ меня и принимается баловать.

Она прощаетъ мнѣ даже мою работу надъ статуэтками, которыя кажутся ей «безстыжими», но тѣмъ не менѣе всякій разъ крестится, входя въ комнату, которая служитъ мнѣ мастерской.

— Неужто вы меньше бы зарабатывали денегъ, еслибъ лѣпили боженекъ?—наивно допытывается она.

Но успокоивается, вспоминая, что я при всемъ томъ тиха и

скромна и что мнѣ никогда не приходитъ фантазіи разгуливать самой въ скудномъ костюмѣ моихъ маленькихъ нимфъ... которыя Нанонъ зоветъ «идолишками».

Бѣдная милая Нанонъ! Сколько свѣчей она ставитъ за обращеніе мое на путь вѣры!

— Съ каждаго франка по одному су откладываю—все на это...

И вѣдь не переубѣдишь ея: слишкомъ упряма...

Она открыла окно и ставни. Молочно-бѣлый туманъ проникъ въ комнату легкимъ дымкомъ, холоднымъ клубящимся паромъ. Пахнуло зимой...

Нанонъ спѣшитъ затворить окно и, присѣвъ на корточки передъ каминомъ, разводитъ большой веселый огонь.

Съ мягкой постели, въ которой я нѣжусь, мнѣ виденъ только широкій крупъ Нанонъ подъ разошедшимися сборками юбки и слышно невнятное гудѣнье, потомъ быстрое веселое потрескиванье; языки огня все удлиняются, изъ розовыхъ становятся алыми. Нанонъ подымается, ставитъ на столикъ возлѣ меня мой шоколадъ, подаетъ завтракъ и уходитъ, ворча, дѣлать горчичникъ.

Нанонъ, какъ ты мнѣ дорога! Не только потому, что ты предана, добра, честна и такъ любишь меня, но и потому еще, что съ тобой одной я могу говорить о своемъ дѣтствѣ, о своей юности. Правда, у меня есть еще старые друзья—Паскаль Фламмеръ и г-жа ла-Шармоттъ, которые любили мою мать... Но они не знаютъ, какъ ты, Нанонъ, всѣхъ тропинокъ, всѣхъ цвѣтовъ возлѣ нашего стараго дома—увы!—проданнаго въ чужія руки; не знаютъ многаго, что̀ знаешь ты—отъ разрозненной и утратившей свой прежній обликъ мебели на чердакѣ, гдѣ мыши танцуютъ балетъ, до количества яблокъ на большой яблонѣ въ фруктовомъ саду... не знаютъ всѣхъ грезъ и надеждъ юныхъ лѣтъ—скользившихъ, неуловимыя, какъ лунный лучъ, по цвѣтущимъ лугамъ...

Ну вотъ, я и загрустила. Совершенно лишнее! Довольно и того, что у меня заложило грудь. Поглядѣться въ зеркало?... Здравствуй, Лоретта! Однако для дамы съ насморкомъ ты не такъ ужъ безобразна. Здравствуй, здравствуй! Что это выглядываетъ изъ-подъ темнаго шелка кудрей, закрывшихъ лицо? Пара большихъ глазъ, кончикъ носа, кошачій подбородокъ. Ну-ка, посмотримъ, какого у меня нынче цвѣта глаза? Сѣрые, какъ утренній туманъ, съ мерцающими въ нихъ золотисто-зелеными искорками. Забавно имѣть такіе глаза, постоянно мѣняющіеся,—они лучше меня самой знаютъ, что у меня на душѣ.

На одѣялѣ лежитъ моя рука, которой восхищается Рауль, съ

крохотной кистью... Да я и вся сегодня какая-то маленькая, какъ дѣвочка,—маленькая и жалкая. Мнѣ грустно. Почему?

Не знаю. Вѣдь моя жизнь сложилась почти такъ, какъ я хотѣла. Откуда же эта грусть, которая порой такъ больно давитъ сердце? Моя старая пріятельница, г-жа ла-Шармоттъ, сказала бы, покачавъ своей красивой головой подъ серебряной короной волосъ: «Это ничего. Это молодость!»

Не такъ ужъ это весело изо-дня въ день быть молодымъ. Ребенкомъ грезить о будущемъ, и эта пора жизни—молодость—представляется сплошной, сверкающей радостью. Двадцать лѣтъ! Когда же, наконецъ, мнѣ будетъ двадцать лѣтъ!... Какое заблужденіе! И ни одна добрая душа не скажетъ вамъ въ пятнадцать: моя бѣдная дѣвочка, ты на порогѣ самаго труднаго, самаго сложнаго періода твоей жизни—когда ты будешь требовать слишкомъ многаго, а жизнь будетъ давать тебѣ слишкомъ мало. Твоя красота, умъ, грація, очарованіе (если все это есть у тебя)—все это станетъ оружіемъ противъ тебя. Тебя будутъ любить—тебя заставятъ страдать... Ты думаешь, что ты хороша, и молода для себя, для собственнаго твоего удовольствія? Бѣдная глупышка! Все это для другихъ. Другіе будутъ тѣшиться и любоваться свѣжестью твоего тѣла и души. Берегись, изъ цвѣтка ты становишься соблазнительнымъ плодомъ. Смотри, какъ бы тебя не сорвали...

Нанонъ возвращается съ чѣмъ-то мягкимъ, положеннымъ на салфетку, и съ важнымъ видомъ приплюскиваетъ это мягкое ладонью своей лѣвой руки... Ничего не подѣлаешь, надо терпѣть. Нанонъ, подставляю тебѣ мою спину. Но въ награду дай мнѣ бюваръ и мой «stylo»—надо дать знать моему другу, чтобъ онъ пришелъ посидѣть со мной, если только онъ и самъ не схватилъ простуды...

II.

Четыре часа... Почти смерклось. У меня нехватаетъ мужества зажечь лампу, и я пишу карандашомъ, положивъ бюваръ на колѣни, при свѣтѣ догорающаго огня... Въ сущности, вѣдь это я для васъ, Рауль, пытаюсь привести въ порядокъ свои мысли и воспоминанія. Для того, чтобы когда-нибудь смиренно преподнести эту тетрадь вамъ, талантливому писателю, который умѣетъ писать такъ красиво... Здѣсь исторія моей жизни *до* того, какъ я узнала васъ, исторія моего сердца съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю. Ибо есть вещи, которыхъ даже самымъ искреннимъ, самымъ близкимъ друзьямъ не можешь, не умѣешь сказать. Я напишу ихъ, вы прочтете,

и, быть можетъ, взамѣнъ, я попрошу васъ о такомъ же дарѣ, чтобы мы съ вами все до конца знали другъ о другѣ, сложили бы вмѣстѣ сокровища нашего прошлаго, стали бы одинъ для другаго читанной и перечитанной книгой, каждое слово которой начертано въ насъ самихъ.

Кстати, сегодня какъ разъ день мертвыхъ, день призраковъ, день, когда прошлое завладѣваетъ живыми, вызывая въ памяти далекіе образы... Прошлое—уже? Только что пора ступить черезъ порогъ, и уже чувствовать за собой столько угасшихъ желаній, безплодно погибшей нѣжности, такую пустоту!...

Мое дѣтство рисуется мнѣ иногда маленькой поэмой.

Милый старый домъ! Не могу не возмущаться при мысли, что въ твоихъ священныхъ для меня стѣнахъ звучатъ чужіе голоса, на клумбахъ цвѣтутъ другіе цвѣты, что чужіе люди вырубили мои любимые деревья и спугнули цѣлый рой грезъ моей ранней юности, еще ютившихся въ тѣни боскета или въ амбразурахъ оконъ.

Милый старый домъ! ты видѣлъ мое дѣтство, пробужденіе моего сердца и ума; ты видѣлъ, какъ глаза мои впервые глянули на свѣтъ въ той самой комнатѣ, гдѣ мать моя потомъ навсегда закрыла свои.

Отца я помню смутно и о немъ у меня нѣтъ пріятныхъ воспоминаній. Онъ былъ рѣзокъ, угрюмъ, крутенекъ характеромъ, а когда, въ добрыя минуты, удостоивалъ замѣчать мое существованіе, онъ бросалъ мнѣ мячикъ, словно собачкѣ, или кошкѣ. Мнѣ было всего лѣтъ семь, когда онъ умеръ. О его смерти мнѣ сказали не сразу, боясь огорчить меня. Но я отнеслась къ ней совершенно безучастно. Мысль, что я больше не услышу грубаго голоса, при звукѣ котораго я всякій разъ испуганно вздрагивала, была скорѣй успокоительна. Мнѣ говорили: «Отецъ твой на небѣ», и это немало способствовало тому, чтобы отбить у меня охоту стремиться въ рай... Нѣтъ, самое печальное воспоминаніе моего дѣтства не смерть отца, а другое... Я играла на лугу, въ высокой травѣ, доходившей мнѣ до пояса. Былъ августъ, полдень. Изъ теплой, пахучей травы роями вылетали крохотные голубенькіе мотыльки съ прозрачными крылышками—однодневки, словно сотканные изъ свѣта и зноя! Мнѣ они казались красоты несказанной, и я съ восторгомъ любовалась трепетаньемъ лазурныхъ крылышекъ. Мнѣ самой чудилось, что я лечу вмѣстѣ съ ними... Я ловко поймала одного въ кулачекъ; раскрываю, тихонько отводя пальцы, и вижу—хрупкій мотылекъ раздавленъ... Сердце мое сжалось мучительной болью. Я плакала, плакала безъ конца. Ни мать, ни Нанонъ, ни кормилица не въ силахъ были меня утѣшить...

Мать моя была удивительно кроткое существо, всегда грустное и нѣжное. Она жила, казалось, только для меня. Никогда не забуду, съ какой невыразимой граціей склонялся надъ моей дѣтской головкой ея печальный и чистый обликъ, сколько заботы и ласки было въ ея миломъ голосѣ, когда она говорила мнѣ: «Дѣтка моя»... Милая мама! какъ она холила, ласкала, баловала меня!... Играть со мной она не умѣла, но при ней у меня какъ-то сами собой выдумывались совсѣмъ особенныя прелестныя игры. Не умѣла она и разсказывать сказокъ, даже не читала ихъ мнѣ, но, свернувшись клубочкомъ у нея на колѣняхъ, прижавшись головой къ ея груди, къ атласнымъ, благоуханнымъ рукамъ, я сама изобрѣтала удивительнѣйшія волшебныя сказки, полныя самыхъ необычайныхъ приключеній... Всегда закутанная въ легкій шарфъ, или въ какую-нибудь шаль съ вышитымъ сложнымъ узоромъ, мать часами сидѣла въ креслѣ, задумавшись, или за вышиваньемъ. И какъ примѣрно я вела себя, когда она позволяла мнѣ присѣсть у ея ногъ, играя свободнымъ концомъ ея шарфа, или бахромой шали, которую я заплетала въ косички и расплетала безъ конца.

Я до сихъ поръ не могу взять въ руки шелковой бахромы безъ того, чтобы для меня не воскресли эти сладкіе часы моего дѣтства. И мнѣ снова чудится, что я у ногъ моей благоуханной красавицы-мамы свиваю и развиваю волшебныя нити чьихъ-то судебъ, волосы карлицъ, сплетенные феями въ волшебный мотокъ...

Зиму и весну мы проводили въ Парижѣ. Я ходила въ школу, гдѣ училась музыкѣ, рисованію и «французскому». Училась я не плохо, но больше всего любила миѳологію и стихи и еще больше то, чему меня не учили. Я самоучкой лѣпила изъ глины человѣческія лица, животныхъ, плоды, цѣлыя группы. Мать это забавляло, и она мнѣ не препятствовала.

Гостей у насъ бывало мало, и жили мы очень просто. Чаще всѣхъ бывала г-жа ла-Шармоттъ, другъ нашей семьи, веселая, жизнерадостная; при ней оживлялась немного и моя вѣчно-грустившая мама. Приходилъ еще другъ г-жи ла-Шармоттъ, извѣстный поэтъ, всегда и всѣмъ недовольный, Паскаль Фламмеръ; его я съ дѣтства побаивалась, но въ то же время очень любила. И еще братъ моего отца, дядя Франсуа; онъ былъ женатъ, жилъ въ деревнѣ и въ Парижѣ бывалъ наѣздами, одинъ, безъ семьи. Г-жа де-Шивръ, подруга дѣтства моей матери, привозила къ намъ иногда погостить свою дочку, Агнесу, съ которой мы въ концѣ-концовъ сдружились. Позже сталъ бывать еще Сентъ Элье, уже тогда прославленный скульпторъ, произведеніями котораго я, къ сожалѣнію, слишкомъ восхищалась, и еще

нѣсколько молодыхъ художниковъ, поэтовъ и скульпторовъ, съ которыми насъ знакомили г-жа ла-Шармоттъ и ея другъ. Всѣ они были очарованы моей несравненной красавицей-мамой, но, повидимому, не находили дурнушкой и меня—потомъ, когда я выросла. Назову изъ нихъ лишь одного—Шарля Мереллъ, начинающаго поэта, которому покровительствовалъ Паскаль Фламмеръ. Остальные прошли въ моей жизни безслѣдно, обстоятельства толкнули насъ на разныя дороги, и теперь мы почти не видимся, или видимся рѣдко.

Не странно ли, не грустно ли, Рауль, что такъ, случайно, безъ причины, помимо воли, теряешь изъ виду друзей своего дѣтства? И наоборотъ, иной разъ случайное знакомство, волею судьбы, оставляетъ въ вашей жизни глубокій, порою неизгладимый слѣдъ.

Такой случайной встрѣчей былъ для меня Шарль Мереллъ. Въ немъ было какое-то неуловимое обаяніе. Мы часто видѣлись, играли вмѣстѣ, почти какъ дѣти,—мнѣ было всего 15 лѣтъ, ему—22. Агнеса, моя подруга, не разстававшаяся съ нами, была повѣренной и моей любви, о которой она догадалась первая. Ни мать моя, ни г-жа ла-Шармоттъ и Паскаль ничего не имѣли противъ нашей дружбы, все возраставшей. Эти два года, отъ пятнадцати до семнадцати, были, пожалуй, самыми счастливыми въ моей жизни. Полная невинность, никакихъ разочарованій, никакого запрета надеждамъ...

Впрочемъ, почти для каждой женщины это лучшіе годы—нѣчто вродѣ перепутья между дѣтствомъ, уже закончившимся, и расцвѣтающей молодостью. Словно ангелъ, на порогѣ родного дома пробующій развернуть свои крылья и зашнуровывающій новенькія сандаліи, чтобъ устремиться навстрѣчу радостямъ, которыя сулитъ ему будущее. Будущее! Въ эти годы оно носитъ обликъ любви, и руки его полны сочныхъ плодовъ и душистыхъ цвѣтовъ.

Все, что уже знаютъ старшіе, ново для насъ, дивитъ насъ и сладко пугаетъ. Лѣсъ, гдѣ старое человѣчество сосчитало всѣ деревья и всѣ листы, разстилается передъ нами неизвѣданной дѣвственной пущей, гдѣ мы останавливаемся на каждомъ шагу, ловя пѣсню птички, шорохъ вѣтвей, срывая, какъ намъ кажется, невиданные міромъ цвѣты. Мы еще не блуждали въ другомъ лѣсу, таинственномъ и болѣе мрачномъ, гдѣ охотится вооруженный ребенокъ, но намъ уже понятно обаяніе музыки, чары стиха, красота статуй, картинъ. Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ мы поймемъ это лучше, полнѣе, но и сейчасъ все, что сколько-нибудь выходитъ за предѣлы чистаго инстинкта,—все это ужъ наше; жадными руками мы тянемся къ міру и хотимъ все поймать, все удержать, какъ балованный ребенокъ ловитъ солнечный лучъ.

Чудная пора—увы!—слишкомъ краткая. Пора несчетныхъ смутныхъ надеждъ, окутывающихъ даль плѣнительной розовой дымкой. Пора, когда почти нѣтъ прошлаго, ибо воспоминанія дѣтства становятся выпуклыми и значительными уже потомъ, когда поживешь, а въ будущемъ, кажется намъ, мы все расположимъ и устроимъ посвоему, какъ запахи и краски въ букетѣ...

Лѣто моего шестнадцатаго года и сейчасъ представляется мнѣ самымъ лучшимъ, самымъ теплымъ, яркимъ и красочнымъ изъ всѣхъ пережитыхъ мною. Никогда, кажется, не бывало на небѣ столько звѣздъ въ августовскія ночи. Какъ сейчасъ вижу мою дорогую мамочку на крыльцѣ, обвитомъ глициніями. На ней мягкій желтый шарфъ такого же цвѣта, какъ чашечки раскрывающихся въ сумерки ночныхъ красавицъ; какъ всходящая на горизонтѣ луна—цвѣта меда и амбры. Я сижу и думаю о томъ, что мать моя всегда овѣяна грустью и тайной, какъ эти сумерки, спускающіяся надъ міромъ, что во всей ея фигурѣ есть что-то трогательное, словно прощаніе. Въ тридцать восемь лѣтъ она казалась бы, пожалуй, не старше меня, еслибъ не сѣдая прядь, упавшая серебрянымъ цвѣткомъ на каштановые вьющіеся волосы. Въ ея большихъ глазахъ свѣтится то какая-то покорная наивность, то жгучая тоска. Каждый жестъ ея, каждое движеніе прекрасны, совершенны. Задумается ли она въ небрежной позѣ, слушаетъ ли внимательно, или мечтаетъ—хочется навѣки обезсмертить ея позу въ рисункѣ, статуѣ, картинѣ. Ни въ одной изъ женщинъ, чьей красотой всѣ восхищались и которыя мнѣ самой казались красивыми, я не встрѣчала потомъ этой невыразимой прелести, этого почти божественнаго дара разливать вокругъ себя красоту, дѣлая самыя простыя, самыя обыденныя вещи.

Мать часто подолгу сидѣла задумавшись, молча, и въ эти минуты мысли ея кроткой души, казалось, витали вокругъ насъ, задѣвая насъ своими крылами. И были какія-то странныя волшебныя чары въ ея безмолвіи. Старый поэтъ Фламмеръ и теперь иногда говоритъ мнѣ: «Когда я сидѣлъ возлѣ твоей матери въ такія минуты, любуясь ея усталой позой, вдыхая ароматъ ея духовъ, во мнѣ зарождались новыя мысли, образы, идеи; отдѣльные фразы, стихи сплетались въ вѣнки будущихъ поэмъ. И ни разу она не нарушила раньше времени этихъ особенныхъ чаръ, и, прерывая молчаніе, произносила какъ разъ то слово, какого я ждалъ, какое мнѣ нужно было, чтобъ украсить лучшимъ цвѣткомъ вѣнокъ, безъ ея вѣдома сплетенный въ душѣ»...

Только лѣто мы проводили въ нашемъ помѣстьѣ, гдѣ столько ручьевъ, ручейковъ и прудовъ, что его прозвали «Зеркаломъ». Нашъ

домъ, тонувшій въ зелени рощъ и фруктовыхъ садовъ, былъ тѣнистымъ оазисомъ въ безлѣсной солончаковой степи, изрѣзанной продолговатыми или квадратными мелкими озерками, откуда медленно испаряется вода, копя бѣлую блестящую соль. Кромѣ босоногихъ сборщицъ соли, пробирающихся по узенькимъ тропкамъ межъ сверкающихъ бѣлыхъ бугровъ, въ этой пустынѣ не увидишь живой души... Какъ я любила этотъ яркій и въ то же время грустный пейзажъ, отражавшій всѣ мои грезы! Какъ любила нашъ домъ, старый и немного запущенный; съ каждой зимой онъ все больше ветшалъ, но весна снова прикрывала изъяны цвѣтами... Милое «Зеркало!» въ моей памяти ты живешь сказочнымъ дворцомъ; самое имя твое—символъ того, что отражаетъ съ неизмѣнной вѣрностью все измѣнчивое и преходящее...

Мы были всѣ въ сборѣ: мать моя, г-жа Ла-Шармоттъ, Паскаль, Агнеса и я.

Какъ я уже говорила, мать моя сидѣла на верандѣ, подъ тѣнью отцвѣтшихъ глициній. О чемъ она думала? Я сидѣла у ногъ ея. Агнеса пѣла въ темномъ саду. Въ открытыя окна и двери лился изъ комнаты желтоватый свѣтъ нѣсколькихъ лампъ. Обернувшись, я могла видѣть г-жу Ла-Шармоттъ за круглымъ столомъ въ гостиной, углубившуюся въ чтеніе своей любимой газеты, и Паскаля, который шагалъ и жестикулировалъ, вполголоса читая стихи. Я подняла глаза на маму. Она сидѣла, опершись локтемъ на колѣни, подбородкомъ на руки и... плакала.

Это было для меня страннымъ откровеніемъ: такъ у моей матери есть заботы, тайное горе? У нея, казавшейся мнѣ какимъ-то особеннымъ существомъ, недосягаемымъ ни для чего земного?—О чемъ она плачетъ? Я робко прижалась къ ней. Она обвила рукой мою шею и шепнула чуть слышно:

— Какая ты уже большая, дѣтка моя.

И только. Я не спросила, о чемъ она плакала. Мнѣ казалось, что я угадала причину.—Она думаетъ о томъ днѣ, когда меня оторвутъ отъ нея, отнимутъ во имя любви, и эти слезы какъ будто лились мнѣ в сердце. Лишь впослѣдствіи я поняла истинный смыслъ того, что м ѣ казалось жалобой и страхомъ за меня...

Милая, кроткая мама!...

Мнѣ хотѣлось успокоить ее, убѣдить, что я еще много лѣтъ ост усь съ нею, и я возразила шутя:

— Нѣтъ, нѣтъ! я не большая! я совсѣмъ еще маленькая, моя к ивая мама.

Она поцѣловала мои распущенные волосы и вернулась въ гостиную.

Въ саду рисовался тонкій силуэтъ Агнесы; она что-то пѣла вполголоса. Я окликнула ее. Она подошла, и мы сѣли рядомъ, обнявшись, щекой къ щекѣ; моя—блѣдная, ея—розовая. Агнеса была старше меня и носила уложенными въ шиньонъ съ кудряшками свои прелестные бѣлокурые волосы, обрамлявшіе ангельски-невинное личико. Я любила ее, какъ любятъ въ эти годы, ревниво и ярко, больше всѣхъ,—кромѣ мамы и, можетъ быть, еще одного человѣка, имя котораго уже и тогда слишкомъ часто срывалось съ моихъ устъ.

— Агнеса, о чемъ ты думаешь?

— А ты, Лоретта?

— Я смотрю на звѣзды... Ты не боишься звѣздъ, Агнеса?

— Разумѣется, нѣтъ.

— А я такъ очень боюсь, *такъ* боюсь!... Закинь голову, смотри, какія онѣ далекія, яркія, какъ мерцаютъ! Говорятъ, каждая изъ нихъ особый міръ. Можетъ быть, и тамъ гдѣ-нибудь сидятъ двѣ подруги, обнявшись, какъ мы, на верандѣ съ растрескавшимися ступенями; можетъ быть, и тамъ люди любятъ другъ друга...

— Лоретта, ужъ не влюбилась ли ты въ обитателя какой-нибудь планеты?

— О, нѣтъ!

— Не правда ли, это совершенно лишнее? И на землѣ есть милые люди. Надо удовольствоваться ими, сударыня.

— Я не прочь.

— Пари держу, что ты все еще думаешь объ этомъ вѣтренникѣ Шарлѣ, съ которымъ мы такъ много музицировали прошлой зимой. Пари держу, что онъ влюбленъ въ насъ обѣихъ.

— Не говори такъ, я не хочу!

— Фи! ревнивица!... Почему же не говорить? Вѣдь я не влюблена въ него, какъ ты. Я о немъ и думать забыла.

— Однако, ты первая заговорила о немъ, Агнеса.

— Потому что я прочла его имя въ твоихъ глазахъ,—ты скрытница!... Меня... не интересуютъ такіе юнцы. Я, навѣрное, скоро выйду замужъ за этого добродушнаго толстяка, который такъ нравится мамашѣ, потому что онъ зарабатываетъ много денегъ своими соусниками и тарелками. Я не романтична.

— Гораздо больше моего.

— Поди ты! Ты вѣчно думаешь о всякихъ пустякахъ. Деньги тебя нимало не заботятъ. А меня такъ очень, ибо папаша съ мамашей постоянно жалуются на безденежье.

— Но вы живете такъ, какъ будто у васъ есть деньги.

— Будутъ! Будутъ, когда я выйду замужъ за своего посуднаго фабриканта... Видишь, глупенькая, какая у насъ разная судьба: я выйду замужъ за того, кто дѣлаетъ посуду, а ты—за того, кто бьетъ ее.

Какъ сейчасъ слышу ея смѣхъ—такой серебристый, звонкій...

— Давай смотрѣть на звѣзды, Лоретта; забудемъ о земномъ... Въ этомъ мѣсяцѣ много падающихъ звѣздъ. Говорятъ, если успѣешь пожелать чего-нибудь, покуда катится звѣзда, желаніе исполнится.

— Смотри, вонъ упала... Какъ быстро! Я всетаки успѣла пожелать...

— И я.—Можетъ быть, одного и того же.

— Злая! Зачѣмъ дразнить? Ты не могла желать того же.

— Нѣтъ, нѣтъ! Успокойся. Я и не загадывала... я бы побоялась, что желаніе исполнится.

— Ты все шутишь.

— А между тѣмъ, изъ насъ двухъ я одна серьезна.

— Серьезна? нѣтъ! Только практична. И это вовсе не идетъ къ твоему ангельскому личику.

— Къ моему ангельскому личику отлично пойдутъ красивые туалеты, драгоцѣнности и экипажи. Будь спокойна, Лоретта, я не надѣну на голову чашекъ и блюдечекъ.

— О, въ этомъ я увѣрена...

Послѣ этихъ полудѣтскихъ разговоровъ, гдѣ дѣвочки-подростки, сами того не зная, иной разъ шуткой опредѣляютъ свою судьбу, мы умолкали. Агнесѣ скоро надоѣдало смотрѣть на звѣзды, и она уходила въ темныя аллеи дышать ароматомъ безвѣстныхъ цвѣтовъ. А я долго еще любовалась сверкающей безпредѣльностью ночи, пока меня не охватывалъ какой-то священный трепетъ.—Какъ пугала меня эта таинственная вѣчность и мысль о томъ, что я такая маленькая, ничтожная и такъ скоро должна умереть. Какой ужасной казалась мнѣ неизбѣжная, неумолимая смерть!... И въ этой смѣси кружащаго голову страха, нѣжности и сладкаго счастья моя юная душа не понимала, что она, какъ все, что начинаетъ жить, страшится собственно не смерти, не погребенія, а того, что жизнь будетъ прожита недостаточно ярко.

Да, это было чудесное лѣто!... Какъ сейчасъ вижу передъ собой Агнесу,—которую я такъ любила и которая не любитъ меня больше,—такую тоненькую, стройную, воздушную, въ сіяніи золотыхъ, какъ солнце, волосъ и съ вкрадчивой улыбкой, въ которой я тогда еще не умѣла подмѣтить оттѣнокъ коварства... Однажды, дивной

лунной ночью, она одѣлась пажомъ—прелестный, нѣсколько рискованный костюмъ, сшитый ей зимой для перваго костюмированнаго бала—и задала мнѣ серенаду.

Во снѣ я услыхала звонкіе отрывистые звуки; полусонная приподнялась, увидѣла лунные лучи, пробивающіеся сквозь щели ставень, и съ просонокъ вообразила, что это духъ ночи играетъ на какой-то волшебной арфѣ съ свѣтящимися струнами. Но скоро узнала голосокъ Агнесы, звонкій и въ то же время мягкій, вскочила съ постели, распахнула окно и увидала внизу подъ окномъ бѣлокураго пажа, съ черезчуръ длинными волосами подъ токомъ съ эгреткой, и съ гитарой въ рукахъ. Пажъ плясалъ по куртинѣ, какъ расшалившійся Эльфъ, безжалостно топча цвѣты и распѣвая серенаду Донъ-Жуана.

Плотно прилегающій атласный костюмъ цвѣта *crême* такъ очаровательно шелъ къ юному стройному тѣлу. Сама Агнеса въ эту минуту, кажется, искренно вообразила себя бѣлокурымъ пажомъ, влюбленнымъ въ спящую даму. Окончивъ пѣсню, она швырнула гитару въ кусты и съ необычайной ловкостью взобралась по вѣткамъ персиковаго дерева, росшаго возлѣ окна.

— Склонись ко мнѣ, царица моихъ думъ!

Она цѣплялась обѣими руками за вѣтку, но все же не могла достать до подоконника. Я наклонилась; волосы наши смѣшались, и въ душистой тѣни ихъ я ощупью нашла смѣющійся ротикъ подруги.

— Посмѣй теперь сказать, что я не романтична!—вскричала она, ловко спрыгивая на землю.

Подняла гитару и убѣжала въ садъ, залитый серебрянымъ свѣтомъ луны, отвѣшивая мнѣ оттуда почтительные, церемонные поклоны, при чемъ длинные волосы почти касались земли, а гитару она слегка прижимала къ сердцу. А ночь благоухала жасминомъ и златоцвѣтомъ.

Всѣ окна заразъ растворились. Въ одномъ показалась г-жа Ла-Шармоттъ въ полосатомъ капотѣ и чепчикѣ съ множествомъ рюшей и лентъ, въ другомъ Паскаль, съ головой повязанной фуляромъ, кончики котораго торчали, какъ рожки.

— Въ чемъ дѣло?—допытывалась у него г-жа Ла-Шармоттъ.

— Зачѣмъ здѣсь звонъ гитары?—съ лѣнивымъ любопытствомъ освѣдомилась и моя мама, въ свою очередь появляясь въ окнѣ. Ея волнистые волосы, слегка стянутые голубой лентой, разсыпались по плечамъ; обнаженная рука, протянувшаяся, чтобъ распахнуть ставни, при лунномъ свѣтѣ казалась еще бѣлѣй и прекраснѣй.

— Послушай-ка, Лоретта, кто это тебѣ тутъ поетъ серенады?

— Я думала, это—мнѣ,—пошутила г-жа Ла-Шармоттъ.

Я не успѣла отвѣтить, какъ у крайняго окна появился прелестнѣйшій изъ пажей.

— Сударыни, господа, прошу прощенія—это я виновникъ всей кутерьмы.

— Въ честь кого же была серенада, плутишка?—невольно смѣясь, спросила г-жа Ла-Шармоттъ.

— Въ честь кого?—проворчалъ старый поэтъ.—Разумѣется, въ честь прекраснаго лѣта, юности и луны.

И съ шумомъ захлопнулъ окно.

Милый бѣлокурый пажикъ! Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много горя ты мнѣ причинилъ, но я помню тебя и думаю о тебѣ безъ злобы.

III.

Нанетта не любила Агнесы.—Что это,—говорила она бывало.—Нешто это человѣкъ?... Такъ какая-то балаболка безъ сердца. Дикій овесъ...

Дикій овесъ! Какъ шло это сравненіе къ воздушной граціи моей подруги, къ ея вѣчно подвижной фигуркѣ съ развѣвающимися по вѣтру бѣлокурыми волосами...

Вотъ и она, моя строгая Нанонъ. Она несетъ мнѣ горячій чай съ горячими только что поджаренными гренками, съ которыхъ такъ аппетитно капаетъ масло. Она подкладываетъ угля въ каминъ, спускаетъ шторы, зажигаетъ лампу и подаетъ мнѣ телеграмму отъ Рауля. Онъ придетъ только завтра послѣ обѣда.

— Нанонъ, ты уже уходишь?

— Да. Отъ меня пахнетъ лукомъ, а вы вѣдь не выносите этого запаха... Ну что, теперь меньше кашель? Отдохните хоть денекъ безъ работы и безъ болтовни. Вотъ я поставлю около васъ ваши розы съ букетомъ—все не такъ скучно.

И Нанонъ уходитъ, плотно притворяя двери, чтобы до моего капризнаго носика не дошелъ запахъ ея стряпни.

Я снова одна до завтра. Но почему же Рауль не пришелъ обѣдать? Какое тебѣ дѣло? Твоя дружба слишкомъ требовательна. И то ужъ мило съ его стороны, что онъ завтра посвятитъ мнѣ весь вечеръ, когда столько молодыхъ женщинъ, привлекательныхъ и не слишкомъ щепетильныхъ, навѣрное, не прочь были бы раздѣлить его...

...ернитесь же, милыя и злыя тѣни прошлаго. Пахните на меня внов[ь] ароматомъ розъ моей шестнадцатой весны!...

Когда мы съ мамой выѣзжали изъ *Зеркала*, былъ холодный ноябрьскій день, сырой и туманный. А въ концѣ октября, когда только еще начинали золотиться листья, мнѣ исполнилось 17 лѣтъ.

Всю эту осень какая-то грусть щемила мнѣ сердце. Было ли то предчувствіе грядущихъ бѣдъ? Не знаю. Но такъ жаль было, что кончилось яркое лѣто. А казалось бы, надо было мнѣ только радоваться, что я ѣду въ Парижъ, гдѣ встрѣчусь съ Агнесой и Шарлемъ, котораго не видала всю осень. Но ранняя юность полна причудъ и противорѣчій. Разлука кажется вѣчной, а между тѣмъ не причиняетъ особенныхъ мукъ даже и любящему юному сердцу. Развѣ я знала, за что люблю Шарля Мерелля? Развѣ помнила ясно его лицо, манеры, слова? Едва ли. Меня точно опоили волшебнымъ зельемъ, подъ вліяніемъ котораго сонъ становится такимъ же яркимъ, если не ярче дѣйствительности. Я переживала возрастъ, когда надо любить, и любила свою любовь. А между тѣмъ иногда отъ такой случайной встрѣчи зависитъ вся жизнь.

Вдали отъ Шарля мое воображеніе работало такъ интенсивно, какъ это бываетъ только у новичковъ чувства. *Его* образъ, мечты *о немъ* наполняли мою жизнь. Могло ли его присутствіе что-нибудь прибавить къ этому невинному счастью? Сомнѣваюсь. И это смѣшитъ меня теперь, когда близость просто друга стала для меня необходимостью.

Передъ отъѣздомъ я ходила прощаться въ садъ, въ лѣсъ, на салины. Въ лѣсу ужъ не было рыжихъ бѣлокъ, которыя во время моихъ лѣтнихъ прогулокъ перепрыгивали съ дерева на дерево, словно пажи передъ маленькой королевой, салютуя, какъ султаномъ на шляпѣ, пушистымъ хвостомъ. Не благоухали гвоздики на песчаныхъ тропинкахъ, говорящихъ о близости моря. Не сверкали своими рубиновыми крылышками въ лучахъ заката прозрачныя стрекозы, любительницы приморскихъ сосенъ и соленыхъ травъ. Исчезли бабочки, и жучки ужъ не копошились въ трубочкахъ георгинъ.

Георгины!—Бѣлые съ каймой цвѣты мальвы, напоминающіе индюка съ распущеннымъ хвостомъ; красныя, желтыя, круглыя, словно чалма; темно-гранатовыя; блѣдныя какъ лунный свѣтъ, съ голубыми прожилками; плоскія съ остроконечными лепестками, такъ называемыя чортовы звѣзды; и совсѣмъ простыя желтенькія, цвѣта негрѣющаго, осенняго солнца, при которомъ онѣ распустились. Мнѣ всѣ онѣ нравились, такія тяжелыя, мокрыя, склонявшіяся передо мной, когда я шла мимо, словно прощаясь. Недавній дождь усѣялъ дорожки листьями и цвѣтами; двѣ огромныхъ бѣлоснѣжныхъ даліи, сломанныя, лежали на мокрой травѣ. Ихъ разбитыя трубочки каза-

сь кисточками отъ башмаковъ Пьеро или Коломбины. Онѣ навѣ-
ли грустныя мысли о конченномъ веселомъ маскарадѣ. Мѣстами
стья лежали кучами, золотые и алые, словно забытые впопыхахъ
ера. Подъ глициніями ихъ накопилось безъ счета. Въ лѣсу и паркѣ
насъ росли купами деревья самыхъ различныхъ породъ; осенью
и купы превращались въ букетъ, поражавшій разнообразіемъ кра-
окъ. Лимонно-желтые, оранжевые, розовые съ коралловыми эгрет-
ами на верхушкѣ. На иныхъ можно было прослѣдить полную гам-
у рыжихъ, золотыхъ и мѣдныхъ тоновъ; были вѣтки ярко-красныя
лилово-багряныя. А ряды тополей, окаймлявшихъ луга, казались
рялками съ намотанной на нихъ желтой пряжей, приготовленной
я черезчуръ прилежныхъ пальцевъ осени. Еще подальше, въ ви-
ноградникѣ, иные покоробившіеся багряные листья напоминали маску
тараго Силена, покраснѣвшаго отъ выпитаго вина.

Отцвѣтшіе лютики, приплюснутые, какъ разноцвѣтные бумажные
онарики, показывали свое длинныя восковыя сердечки, напоминаю-
щія погасшія свѣчи. Да, праздникъ лѣта конченъ, послѣдніе огни
огашены. Я взяла на память пару блестящихъ каштановъ, вынувъ
хъ изъ колючей скорлупы, и набрала цѣлый букетъ листьевъ ди-
каго винограда, подобныхъ перьямъ феникса въ огнѣ.

Я шла дальше, вдыхая запахъ сырой земли, который любила.
Ноги мои оставляли четкіе слѣды на дорожкахъ. На старомъ розовомъ
кустѣ, стоявшемъ въ цвѣту съ іюня до октября, еще уцѣлѣло двѣ
перламутровыхъ розы. Онѣ были блѣднѣе прежнихъ, но пахли осо-
бенно сильно и какъ-то грустно. Мнѣ не хотѣлось оставить ихъ здѣсь,
на этомъ узловатомъ старомъ кустѣ, который былъ много старше
меня. Я сорвала ихъ и обняла старый кустъ, грызя его послѣдніе
листики. Прощай, красное лѣто; прощайте, юныя розы!

У квадратнаго прудка, смутно отражающаго въ своемъ затянув-
шемся зеленой ряской зеркалѣ водяныя растенія, стояла моя люби-
мая статуя—нагой крылатый мальчикъ съ каменнымъ лукомъ въ ру-
кахъ, ни разу не пустившемъ стрѣлы. Даже птицы не боялись этого
неподвижнаго стрѣлка и прыгали на его мокромъ пьедесталѣ, въ на-
несенныхъ вѣтромъ листьяхъ.

Какъ глубоко я чувствовала въ это осеннее утро печаль всего,
что кротко и нѣжно... Я вскарабкалась на пьедесталъ, спугнувъ
птицъ, и въ застывшіе пальцы Амура вложила стебель розы, еще теп-
лый отъ моихъ живыхъ пальцевъ.

Потомъ обняла безчувственную голову и съ улыбкой, лукавой и
грустной, прижалась свѣжими устами къ устамъ статуи, потемнѣв-
шимъ отъ времени, отъ вѣтровъ и дождей.

И холодный камень былъ сладокъ моему поцѣлую...

Что сталось съ тобою, зябкій Амуръ въ старомъ саду? И кому придетъ въ голову при видѣ твоего обвѣтрившагося каменнаго лица, что это тебѣ былъ данъ мой первый поцѣлуй—такой наивный, нѣжный, робкій, полный мольбы и обѣтовъ... Амуръ, ты мнѣ не возвратилъ моего поцѣлуя!...

Другая роза, съ самымъ яркимъ листомъ изъ моего букета, украсила поясъ мамы.

Она тоже грустила, уѣзжая, и вернулась сюда, только чтобъ умереть.

Всю зиму мать провела у камина, вѣчно больная и въ угнетенномъ состояніи духа. Молодой на видъ, организмъ ея былъ страшно истощенъ, и сердце отказывалось служить—это бѣдное сердце, которое билось слишкомъ часто и сильно.

Въ уходъ за ней я вкладывала всю свою нѣжность и ласково журила маму, убѣждая принимать лѣкарства, ѣсть яйца и пить молоко. Но она не хотѣла быть благоразумной, возражая съ граціей, свойственной только ей одной: «Не надо меня удерживать... Я ухожу»...

Она умирала, какъ умираетъ цвѣтокъ, до послѣдняго вздоха разливая вокругъ себя красоту и ароматъ своей души. Порой она говорила мнѣ, словно отгоняя самую главную свою заботу. «Лоретта, обѣщай мнѣ, что ты будешь счастлива».

Ей хотѣлось еще разъ увидать наше помѣстье. Ее перевезли туда, какъ только наступила весна, ибо откладывать было нельзя. Она еще могла бродить подъ руку со мной въ фруктовомъ саду, облитомъ бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ.

Я никогда не бывала въ «Зеркалѣ» ранней весной и не узнала стараго дома. Глицинія волшебнымъ трельяжемъ обвила всѣ балконы и окна, радуя взоръ несчетными тяжелыми гроздьями. Иные кусты, которые я видала только зелеными, стояли словно въ снѣгу, покрытые бѣлымъ цвѣтомъ. Изгороди превратились въ сплошныя гирлянды. Фруктовый садъ весь сіялъ; черныя вѣтки вишень, сквозь которыя глядѣло такое ясное синее небо, были усѣяны словно хлопочками шелковой ваты. Персиковыя деревья и яблони осыпали меня дождемъ бѣло-розовыхъ лепестковъ, а налетавшій вѣтеръ гналъ передъ собой бѣло-розовыя облачка, которыя тоже казались цвѣтами.

Солнце свѣтило ярко, но на воздухѣ было свѣжо. Въ каминахъ пылали припасенныя съ осени сосновыя шишки, и мама пололгу

смотрѣла на нихъ своимъ кроткимъ, усталымъ взглядомъ, терпѣливо дожидаясь, когда и для нея настанетъ чередъ превратиться въ пепелъ.

Я была мужественна, но все же терзалась отчаяніемъ и страхомъ передъ этой завѣдомо близкой смертью, которая должна была взять у меня мое самое дорогое. Когда наступала ночь, мы съ Нанонъ испуганно переглядывались, ибо всякій разъ намъ казалось, что мамѣ ужъ не увидѣть разсвѣта. А моя кормилица, мать Нанонъ, ворчала, что она предвидѣла несчастье еще годъ тому назадъ, когда мама по неосторожности разбила зеркало и выбросила куда-то осколки... Всякій знаетъ, что, если разобьетъ зеркало, осколки нужно бросить въ море, лунною ночью, чтобъ отвратить бѣду.

Пріѣхали Паскаль съ г-жей Ла-Шармоттъ. Но мама мало бывала съ ними. Она только меня не отпускала отъ себя ни на шагъ, говоря:

— Знаю, что это эгоистично... Но намъ такъ мало осталось быть вмѣстѣ.

Время отъ времени писала Агнеса изъ Италіи. Она-таки вышла за своего посуднаго фабриканта и теперь совершала съ нимъ свадебное путешествіе. Но я почти безучастно отнеслась къ ея замужеству; я стала равнодушной ко всему, даже къ любовному вниманію Шарля, съ тѣхъ поръ, какъ поняла, что мама должна умереть.

Напрасно Паскаль и г-жа Ла-Шармоттъ, заодно съ докторомъ, изъ жалости убаюкивали меня обманчивыми надеждами. Я *знала*, какъ знала и сама мама, что надъ ней уже рѣютъ крылья ночи.

Когда она засыпала, такая красивая и блѣдная, на своей широкой кровати, я сидѣла у ея изголовья, держа ея руку въ своихъ. Вѣрная Нанонъ сидѣла тутъ же, безмолвно прикорнувъ у камина; а въ прорѣзъ окна мнѣ видна была маленькая, но четкая на фонѣ весенней листвы статуя Амура надъ квадратнымъ прудомъ.

Любовь! Она пришла вмѣстѣ со смертью...

Это было утромъ, на зарѣ. Едва свѣтало, и цвѣты на кретонѣ, обивки стѣнъ, казалось, гримасничали въ полутьмѣ, околдованные и волнующіе.

Я не ложилась эту ночь, хотя больная съ вечера чувствовала себя лучше. Она никому не позволяла ухаживать за ней кромѣ меня, и меня пугала ея слабость. Нанонъ спала въ уголкѣ, на полу у камина, а въ сосѣдней комнатѣ дремали, одѣтыя, моя кормилица и г-жа Ла-Шармоттъ.

Мама позвала меня и говоритъ:

— Дай мнѣ зеркало.

— Но вѣдь еще не разсвѣло, мамуся. Можетъ быть, лампу зажечь?

— Нѣтъ. Дай мнѣ зеркало.

Я подала.

— Какъ странно!—(и уронила зеркало на одѣяло).—Какъ странно!... Когда же это мои волосы успѣли посѣдѣть? А твои все темные и такіе красивые, вьющіеся.

И нащупала руками мою голову. Чтобы волосы не падали мнѣ на лицо и не мѣшали, когда я наклонялась надъ мамой, укладывая ее или подавая ей пить, я заложила ихъ узломъ на макушкѣ, и это дѣлало мою голову круглой, какъ у мальчика. Я думала, что маму удивляетъ это, но она продолжала:

— У Лоретты совсѣмъ такіе же волосы... Но какъ же это? Ты не уѣхалъ, Франсуа?... Ты вернулся? Ты здѣсь, со мной?

— Это я! я! мамочка! любимая моя! Я—Лоретта.

Но она разслышала и поняла одно только слово: «любимая». И, слабо улыбнувшись, сказала:

— Не уѣзжайте... не уѣзжай, мой любимый... не покидай меня!

Пытаясь приподняться, она смотрѣла на меня и шептала:

— Какъ ты молодъ!—все еще молодъ.—А я сѣдая... Какъ ты молодъ и какъ Лоретта похожа на тебя!...

Удивленная этимъ бредомъ, я наклонилась надъ гаснущими дорогими очами, но они ужъ не узнавали меня: на моемъ мѣстѣ, сквозь меня, они видѣли *другого*.

Руки больной задвигались безпокойно по одѣялу.

— Почему вы молчите?... Ты опять ушелъ, Франсуа?

Растерянная, не смѣя понять, я глядѣла на маму; въ лицѣ ея было столько жгучей тоски, что слезы покатились у меня по щекамъ.

— Я здѣсь,—выговорила я тихо,—я больше не уйду отъ тебя.

— О Франсуа! Ты всетаки любишь меня? Несмотря ни на что? Больше всего на свѣтѣ?

Я повторила:—Больше всего на свѣтѣ.

И горько зарыдала. Мучительная ревность и боль терзали мое дѣтское сердце: мама, жившая только для меня, умираетъ, не замѣчая, что я здѣсь, возлѣ нея—ея дитя, ея Лоретта!...

Она продолжала:

— Я любила только тебя, Франсуа,—тебя и Лоретту. Какъ она похожа на тебя, мой любимый!

Я покрывала поцѣлуями ея лицо. Мнѣ хотѣлось заставить ее замолчать, или понять, что это *я*. Но душа ея была цѣликомъ во вла-

сти чувства, которое было тайной ея жизни, которое измучило ее и преждевременно свело въ могилу.

— Мамочка! Мама!—звала я ее.

Но она, обнявъ мою голову, лежавшую у нея на груди, прижимала руки къ моему горячему лбу и шептала:

— Мой дорогой, мы больше никогда не разстанемся.

И—странная милость небесъ—то, что очевидно было мукой всей ея жизни, въ послѣднюю минуту стало отрадой.

— Мы снова вмѣстѣ, Франсуа, навѣки вмѣстѣ!... И въ чемъ же была наша «вина», какъ мы ее называли? Развѣ великая, истинная любовь можетъ быть преступной?... Что намъ пустыя слова: «долгъ», «добродѣтель», «жертвы»—люди только прикрываютъ ими ложь, тамъ, гдѣ нѣтъ любви... Зачѣмъ я велѣла тебѣ уѣхать? Зачѣмъ ты послушался меня? Не надо было слушаться. Но что за бѣда! Теперь мы снова вмѣстѣ, мой ненаглядный, и больше ужъ не разстанемся!

Я горько плакала.—О мама, мама! Такъ вотъ секретъ твоей задумчивости, грусти, печальной нѣжности во взорѣ, когда ты прижимала меня къ своему сердцу. Я думала, что царю въ немъ одна, нераздѣльно,—а оно все время было полно другимъ, и ты любила меня въ память этого другого, и этотъ другой укралъ у меня твою послѣднюю мысль, твой послѣдній взглядъ!...

А она, съ каждой минутой слабѣя, повторяла прерывающимся голосомъ:

— Скажи же, скажи, что мы больше не разстанемся.

Я, удерживая рыданія, наклонилась къ самому уху ея и сказала:

— Я никогда больше не покину тебя.

— Любовь моя!...—чуть слышно шепнула она.

И я повторила, какъ эхо:

— Любовь моя!...

Тогда она открыла глаза, полные нѣжности—сколько слезъ, должно быть, пролили эти бѣдные глазки!—И послѣднимъ словомъ ея было:

— Поцѣлуй меня!

Я кинулась къ ней на шею, душа ее въ своихъ объятіяхъ, покрывая поцѣлуями ея лицо, щеки, глаза. И, въ часъ кончины, эта святая дочерняя ложь дала ей отраду.

Потомъ почти уронила ее на подушки.

Она стала опять молодой и красивой, какой я ея никогда не видала. Въ ея чертахъ было довѣрчивое спокойствіе юности, еще не знавшей страданія; уста ея улыбались.

Стоя на колѣняхъ возлѣ кровати, я беззвучно плакала.—Милая, милая мама! ты всегда меня утѣшала. Кто утѣшитъ меня теперь, когда въ материнской груди ужъ нѣтъ для меня тепла?...

Потомъ подняла на нее глаза. Такъ близка и ужъ такая далекая! Словно какое-то сіяніе озарило ея лицо вмѣстѣ съ величавымъ покоемъ смерти.

— Мама! мама! Такъ я не одна жила въ твоей бѣдной душѣ... Такъ значитъ и сердцу матери можетъ быть дорого не только ея дитя... Я была твоей плотью и кровью, твоей «маленькой дѣткой», но душой твоей души былъ другой. И я пережила за тебя всю твою муку, въ то время, какъ для тебя передъ смертью ожило твое незабытое счастье...

Я поднялась съ колѣнъ. Мнѣ не пришло въ голову позвать кого-нибудь. Мама говорила чуть слышно, Нанонъ уснула сидя, свѣсивъ голову на грудь. Мнѣ бросился въ глаза букетъ вишневаго цвѣта на столикѣ у кровати, такой бѣлый въ розовѣющемъ свѣтѣ ранняго утра... Какъ запоминаются въ такія минуты всѣ эти мелочи, какъ онѣ прилипаютъ потомъ къ воспоминанію, которое хотѣлось бы сохранить единымъ и цѣльнымъ!...

Я взяла цвѣтущую вѣтку и вложила ее въ руку мамы. Она имѣла видъ маленькой блѣдной уснувшей святой.

Долго-долго глядѣла я на нее. И къ моей глухой обидѣ примѣшивалось новое чувство благоговѣйнаго уваженія къ матери, затопившее мой умъ, сердце, все мое существо. Не за то, что она умерла, но за то, что она любила. Добрая, ласковая, нѣжно любимая, мама все же при жизни казалась мнѣ иногда далекой. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобъ она могла чувствовать то, что уже чувствовала,—вѣрнѣй, предчувствовала я. А теперь она стала мнѣ какъ-то ближе, роднѣе. Любящая, страдающая, мама была для меня теперь не только матерью, но и сестрой.

Я отворила окно. День занялся розовый, ясный; птицы пѣли. Свѣжій ароматный воздухъ былъ еще влаженъ отъ росы. Внизу у пруда Амуръ натягивалъ свой обезвреженный лукъ...

— Нанонъ,—сказала я, разбудивъ спящую,—поди, скажи имъ всѣмъ, что теперь они могутъ придти...

Я никогда еще не видала, какъ умираютъ. Я наклонилась надъ мамой. Она лежала недвижимая, холодная. Я схватила ея окоченѣвшую руку и, только тутъ сознавъ, что она на самомъ дѣлѣ мертва, упала безъ чувствъ.

IV.

Рауль, ваши родители тоже не съ вами: они живутъ въ деревнѣ— вы въ Парижѣ, но вы, по крайней мѣрѣ, знаете, что они живы, и свиданіе съ ними—радость для васъ, какъ ни различны ваши взгляды и характеры. Вамъ невѣдома невыразимая тоска, которая охватываетъ насъ, когда у насъ отнимутъ существо намъ безконечно близкое и дорогое, необходимое намъ, какъ свѣтъ и воздухъ. Это существо нѣжно любило насъ, лелѣяло, оберегало; намъ смутно казалось, что оно—неотъемлемая часть окружающаго міра и должно жить, пока живетъ этотъ міръ. И вотъ это существо недвижимо: не глядитъ, не слышитъ, не ласкаетъ... И мы чувствуемъ себя ограбленными, измѣннически, предательски... Вѣдь это тѣло, это сердце были нашими.— По какому же непостижимому, нелѣпому, страшному праву кто-то смѣлъ отнять у насъ наше самое драгоцѣнное благо и превратить его въ прахъ?

Едва успѣла я замѣтить, какъ много невѣдомыхъ мнѣ думъ и чувствъ таилось въ душѣ моей матери, еще такой молодой; едва озарились передо мною тайныя глубины этой души, какъ холодный вѣтеръ погасилъ шаткое пламя, и все опять погрузилось во мракъ. Сколько жизней умираетъ съ одной угасшей жизнью! Сколько образовъ, воспоминаній, ощущеній и чувствъ, которыя эта угасшая жизнь дѣлила съ другими и внушала другимъ... Сколько непонятыхъ, неоцѣненныхъ сокровищъ мысли и духа...

Я не пыталась проявить ненужное мужество и побороть свой ужасъ передъ застывшей неподвижностью той, кто при жизни была вся гибкость, гармонія, ласка... Я не въ состояніи была оставаться возлѣ нея. Моя кормилица и г-жа Ла-Шармоттъ взяли на себя уборку тѣла; Паскаль позаботился о похоронахъ, очень простыхъ. Я сдѣлала только одно: немедля отправила дядѣ Франсуа телеграмму, настоятельно прося его пріѣхать на похороны. Г-жа Ла-Шармоттъ и Паскаль увѣряли, что мама не хотѣла, чтобъ ее провожалъ въ могилу кто-либо, кромѣ друзей, которые были при ней въ часъ кончины. Но мнѣ казалось, что я исполняю священный долгъ и, только убѣдившись, что дядя пріѣдетъ, я цѣликомъ ушла въ свое горе.

Религіозность не могла смягчить его. Я не была религіозной; мама не стѣсняла меня въ этомъ отношеніи, а набожность кормилицы и Нанонъ была скорѣе суевѣріемъ, чѣмъ христіанствомъ. Я росла въ обществѣ Паскаля, озлобленнаго атеиста, и остроумно трунившей надъ религіей г-жи Ла-Шармоттъ. Но у меня сложилась своя религія: поклоненіе природѣ, звѣздамъ, деревьямъ, цвѣтамъ, благоговѣніе,

сотканное изъ благодарности, экстазы передъ красотой мотылька или розы, похожіе на молитвы... И я шла съ своимъ горемъ въ садъ, въ тѣнь едва распустившихся деревьевъ, и каждому новому цвѣтку, зазеленѣвшей вѣткѣ, бродячему облачку ввѣряла душу своей матери. Я, рыдая, кидалась на траву, зарывалась лицомъ въ буквицы и фіалки и молила землю быть легкой для ея хрупкаго тѣла, быть ласковой къ той, кто была вся—ласка и нѣжность, быть матерью для лучшей изъ матерей.

Съ экзальтаціей дѣтскаго отчаянія я до самаго вечера бродила по саду, по всѣмъ дорожкамъ и лужайкамъ парка, обнимая деревья, которыя считала ея любимыми, безъ воплей, почти безъ слезъ поручая мою любимую природѣ, въ лоно которой она должна была возвратиться.

Кормилица пришла за мной, умоляя вернуться въ домъ.—Я уже цѣлый часъ хожу ищу тебя. Будь же благоразумна; мертвыхъ не воскресить слезами.

Она говорила спокойно—простыя души принимаютъ неизбѣжное съ какой-то невѣроятной покорностью,—но по морщинистому лицу ея катились слезы. Она была кормилицей моей матери, за двадцать два года до того, какъ вскормить меня и свою послѣднюю дочку, Нанонъ. И я невольно смотрѣла на могучую грудь подъ бумажнымъ корсажемъ, вскормившую маму и меня—обѣихъ однимъ молокомъ словно сестеръ, и думала объ устахъ, которыя закрылись навѣки.

— Я все хочу тебя спросить, — продолжала кормилица, тревожно вглядываясь въ мое лицо,—что это тебѣ вздумалось вызвать по телеграфу твоего дядю Франсуа? Извѣстила бы—и довольно. Вѣдь онъ почти и не бывалъ у насъ. И мамашенька не хотѣла никого посторонних на похоронахъ.

— Мама передъ смертью вспоминала о дядѣ Франсуа, и я думала...

— Вспоминала?... Что жъ она говорила, бѣдняжка?... Да она вѣрно въ бреду... Почему же ты меня не позвала?

— Я не знала, что она такъ скоро кончится, мамка, не то бы я позвала тебя... и послала бы за священникомъ... Мама не испугалась бы его—она даже не замѣтила бы.

Старушка, сѣменившая рядомъ со мной, вытащила изъ кармана клѣтчатый платокъ и шумно высморкалась.

— Я не хотѣла тебя попрекнуть, что ты не послала за священникомъ. Наша бѣдняжка и такъ пойдетъ въ рай—она была такая кроткая. Я только хотѣла... Что бы ни говорила въ бреду твоя мать... что бы ни разсказывалъ тебѣ твой дядя Франсуа... я хотѣла сказать

тебѣ, что дѣтямъ родителей не слѣдъ судить. И святые грѣшили... Поняла?... Иной грѣхъ и въ грѣхъ-то вмѣнить нельзя, особливо, когда его человѣкъ потомъ всю жизнь искупалъ... хоть онъ и не отпущенъ попомъ...

Взволнованная, я цѣловала изрытыя морщинами мокрыя щеки кормилицы, повторяя:

— Мамка, мамка, молчи!...

Но нескладныя трогательныя рѣчи кормилицы привели мнѣ на память слова мамы и окончательно убѣдили меня въ истинѣ того, что мнѣ могло казаться бредомъ умирающей. И я съ тревогой ждала пріѣзда дяди Франсуа.

Онъ пріѣзжалъ къ намъ ненадолго почти каждую зиму, этотъ дядя Франсуа со мной былъ милъ, но безъ порывовъ; говорилъ обо мнѣ: «она выросла, она хорошо выглядитъ»... и дарилъ мнѣ что-нибудь—куклу, книгу, альбомъ... Я знала о немъ только то, что раньше онъ жилъ вмѣстѣ съ мамой и отцомъ, потомъ женился на подругѣ мамы и круглый годъ жилъ въ деревнѣ, въ имѣніи своей жены.

Отецъ умеръ, должно быть, вскорѣ послѣ этой женитьбы. Я почти сердилась на него, зачѣмъ онъ не умеръ раньше... Меня воспитывали не строго. Паскаль и г-жа Ла-Шармоттъ не стѣснялись при мнѣ въ выборѣ темъ для разговора; читала я много и безъ разбора... И воспоминанія о прочитанныхъ романахъ помогли моему наивному воображенію возстановить простую, грустную исторію:—Мужъ тиранъ, суровый, злой, какъ разсказываетъ кормилица, молодая жена; братъ мужа, много моложе его и, конечно, много симпатичнѣе. Онъ развлекаетъ молодую женщину, оберегаетъ ее, утѣшаетъ... Но зачѣмъ онъ такъ поспѣшилъ жениться, бѣжалъ отъ мамы?... Я представляла себѣ ихъ горе, тоску, угрызенія этой мрачной тревожной любви; потомъ—томительное отчаяніе, когда уже ненужная свобода, словно въ насмѣшку, пришла слишкомъ поздно... И это вѣчное сожалѣніе о томъ, что было, что могло бы быть и никогда не будетъ, подточило хрупкій организмъ моей матери. Не будь меня, она бы, навѣрное, еще раньше сошла въ могилу.

Она не могла забыть, утѣшиться, но переносила разлуку съ любимымъ человѣкомъ безъ ропота и безъ злобы. Ея страданія были красивы, какъ все въ ней, она постепенно увядала, какъ вянетъ вцѣтокъ, и умерла, любя...

Такъ складывался въ моей головѣ этотъ романъ, и, быть можетъ, онъ былъ вѣренъ дѣйствительности. Но я рѣшила ни съ кѣмъ больше не говорить о немъ—ни съ мамкой, ни съ г-жей Ла-Шармоттъ, хотя убѣждена, что она была другомъ и повѣренной мамы.

Мнѣ, конечно, не приходило въ голову съ воплемъ кинуться на шею дядѣ Франсуа. Но разъ она его любила и онъ ее, какъ мнѣ хотѣлось думать—не требовала ли простая справедливость дать ему увидѣть ее еще разъ?

Но онъ не увидѣлъ ея. Когда онъ пріѣхалъ, она уже спала въ бѣломъ атласномъ ящикѣ, куда ее уложили, словно сломанную дорогую игрушку.

Онъ пріѣхалъ совсѣмъ просто, вечеромъ, къ обѣду, наканунѣ похоронъ. Паскаль встрѣтилъ его на вокзалѣ; мы съ г-жей Ла-Шармоттъ ждали въ гостиной.

Онъ подошелъ прямо ко мнѣ, обнялъ меня и сказалъ:

— Моя бѣдная Лоретта, вѣрь, что я дѣлю твое горе.

На меня повѣяло холодомъ. Я ждала чего-нибудь болѣе теплаго, болѣе непосредственнаго.—Развѣ онъ не могъ меня назвать: «Дитя мое»...

Я моментально взяла себя въ руки.

— Дядя, ужъ поздно; я провожу васъ въ вашу комнату.

Я шла съ нимъ рядомъ по длиннымъ, темнымъ коридорамъ, освѣщая его свѣтомъ всѣхъ трехъ свѣчъ шандала, и жадно вглядывалась въ его черты. А онъ говорилъ что-то безсвязное.

— Какъ это случилось?... Такъ скоро!... Ты, должно быть, страшно устала... Возмутительная дорога; вагоны не топлены; я умираю отъ холода и усталости...

Я думала: «Она умерла отъ горя, а онъ»... Онъ казался мнѣ такимъ безучастнымъ. Но вслухъ я сказала:

— Тѣмъ болѣе я вамъ признательна за то, что вы пріѣхали.

Мы вошли въ его комнату, куда уже принесли ему лампу, воды и его чемоданы. Я все держала шандалъ и смотрѣла на дядю. Онъ открылъ дорожный сакъ, досталъ носовой платокъ, высморкался...

— Да, онъ похожъ на меня: тѣ же глаза, тѣ же волосы и дугообразный изгибъ рта... Но лицо отяжелѣло; контуры расплылись... И всетаки какое сходство! Но сказать мнѣ ему было нечего, а я, видя, какъ ему неловко со мной, печалилась и дивилась, что онъ мнѣ такой чужой, а я ему—чуть не враждебна.

— Вполнѣ естественно было съ моей стороны пріѣхать, разъ ты меня просила, Лоретта... вполнѣ естественно. Твоя тетка поручила мнѣ передать тебѣ ея искреннее сочувствіе.

Я сказала только:—Она очень добра. Поблагодарите ее отъ меня.

И ушла...

За обѣдомъ мы встрѣтились снова. Обѣдъ!... Въ горѣ еще больнѣй отъ того, что, помимо воли, всетаки возвращаешься къ обычному

строю жизни... Но дядя, повидимому, не думалъ объ этомъ; онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

И рано ушелъ къ себѣ. Но, уходя, попросилъ разрѣшенія у г-жи Ла-Шармоттъ на минутку зайти въ ея комнату, и они долго бесѣдовали... О чемъ? Не знаю. Плакалъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, горькими и жгучими слезами, какихъ заслуживала прелестная, кроткая женщина, отдавшая ему навѣкъ свою душу?...

Я не могла уснуть въ эту ночь. Едва разсвѣло, я одѣлась въ черное платье, сшитое мнѣ искусницей Нанонъ—и не узнала себя въ зеркалѣ, полуребенокъ превратился въ задумчивую, серьезную женщину съ глубокими глазами.

Смутно помню все остальное—шаткое пламя свѣчъ, запахъ ладана, тоненькіе голоса пѣвчихъ. А потомъ... потомъ ее оставили одну—ее, при жизни всегда окруженную восхищеніемъ, дружбой, любовью?... Одну, подъ тѣнью высокихъ сосенъ, на песчаномъ кладбищѣ, гдѣ растетъ только верескъ и дикая гвоздика съ нѣжнымъ запахомъ, который *она* такъ любила.

А мы вернулись домой—безмолвные, удрученные, стиснутые въ тряскомъ «breack'ѣ». Дядя объявилъ, что онъ ѣдетъ сейчасъ послѣ завтрака, чтобъ успѣть провести два-три дня въ Парижѣ, прежде чѣмъ вернуться домой.

Не знаю, оттого ли, что я и мамка слишкомъ пристально смотрѣли на него, или отъ чего другого, но только ему видимо было не по себѣ... Да, скорѣй это, чѣмъ горе... Однако я замѣтила его блѣдность тамъ, на кладбищѣ, и какъ его пальцы судорожно сжали край шляпы... И рѣшила,—не отпущу его, не сказавъ, что послѣднія мысли мамы были о немъ.

Я увела его въ садъ и сѣла съ нимъ на скамью, вся черная подъ бѣлымъ вишневымъ цвѣткомъ.

— Дядя, послѣдній разъ, какъ мама гуляла здѣсь, она сидѣла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь.

— Лоретта, я знаю, какъ ты любила свою мать. Ты не скоро привыкнешь къ ея отсутствію. Помни, что мой домъ всегда будетъ твоимъ.

Наконецъ-то его голосъ дрогнулъ. Я была тронута.

— Благодарю васъ отъ всей души. Но я мало знаю тетю... Вы е обижайтесь, но я хочу сперва погостить нѣсколько мѣсяцевъ у -жи Ла-Шармоттъ.

Онъ молча кивнулъ головой. Мнѣ вдругъ показалось, что онъ 'воленъ этой комбинаціей.

— Я хочу поблагодарить васъ за то, что вы пріѣхали издалека

на такое короткое время. Васъ, быть можетъ, удивляетъ, что я такъ настойчиво просила васъ пріѣхать...

— Но, Лоретта, какая ты странная!... Это же было такъ естественно... Наше родство...

— Не въ томъ дѣло... Мама не хотѣла, чтобъ на ея похоронахъ былъ кто-нибудь, кромѣ своихъ. Но мнѣ хотѣлось, чтобы вы, именно *вы* были возлѣ нея въ послѣднюю минуту, потому что послѣднимъ именемъ, которое она назвала, было ваше имя... И... мнѣ даже завидно, что ея послѣдняя мысль была мысль о васъ.

Лицо его выразило такую мучительную растерянность, такой испугъ, что на мигъ мнѣ захотѣлось кинуться ему на шею и шепнуть:

— Я больше ничего не скажу... ничего не прошу у тебя... но прижми же меня къ своей груди, поплачь со мною безъ стѣсненія о той, которая любила тебя до послѣдняго вздоха!...

Но тотчасъ же я поняла, что лучше молчать. И печально умолкла.

— Твоя мать,—помолчавъ, началъ дядя,—была женщиной чудной души, но весьма романтичной. Боюсь, что и ты унаслѣдовала отъ нея слишкомъ пылкое воображеніе.

Онъ говорилъ еще что-то, но я ужъ не слышала. Я напрягала всѣ силы, чтобы удержать рвавшійся изъ груди крикъ:

— Романтична! Еще бы! Какъ же не романтична, если всю жизнь не могла забыть неблагодарнаго!

Я сдержалась-таки и на видъ осталась даже довольно спокойной.

— Пора, Лоретта. Не то я опоздаю на поѣздъ.

Очевидно, если дядѣ Франсуа и нравились когда-нибудь сложныя комбинаціи, теперь онъ ужъ не тотъ.

— Вотъ здѣсь ближе пройти къ дому.

Мы встаемъ и идемъ рядомъ.

— Г-жа Ла-Шармоттъ обѣщала извѣщать меня обо всемъ, что тебя касается. Боюсь, милая Лоретта, что дѣла твои нѣсколько запутаны. Твоя мать была довольно-таки не бережлива...

— Вы хотите сказать: щедра и великодушна?

— Да, конечно... но когда имѣешь дѣтей, заботиться объ ихъ будущемъ не менѣе великодушно.

— Увѣряю васъ, дядя, я не дорожу богатствомъ; разъ мама считала нужнымъ такъ поступать, она поступала хорошо. Она меня любила, баловала, ни въ чемъ мнѣ не отказывала, и, если, по-вашему, она не заботилась о моемъ будущемъ, зато настоящее она сумѣла сдѣлать для меня такимъ радостнымъ, что за это ей простится все остальное.

— Даже если она разорила тебя?... О, я надѣюсь, до этого еще не дошло. Но однако можно ждать всего, судя по тому, что я знаю о вашихъ дѣлахъ... Я давалъ иногда благоразумные совѣты, но ихъ не слушали...

— Разорила?—я грустно оглядѣлась вокругъ.—Одно только мнѣ было бы больно: продать эту усадьбу. Остальное—все равно... Я выйду замужъ... или буду работать.

— Ахъ, молодежь! Какъ она вѣритъ въ себя!—вздохнулъ дядя.

Онъ прошелъ впередъ, чтобъ отворить мнѣ калитку. Онъ былъ еще молодъ и въ былое время, несомнѣнно, красивъ; почему же теперь онъ не казался красивымъ? Обусловливалось ли это неловкостью его положенія относительно меня и тѣмъ, что онъ читалъ мнѣ нотаціи вмѣсто того, чтобы отдаться порыву нѣжности, быть можетъ, и неосторожному, но, по крайней мѣрѣ, искреннему и благородному?...

Мнѣ было досадно на него за это и, глядя, какъ онъ идетъ, останавливается, наклоняется, отодвигаетъ деревянную задвижку, я думала:

«Такъ вотъ онъ, возлюбленный моей матери—ея радость и мука, ея жизнь и смерть и судьба!»

Дядя поднялъ голову:

— Проходи же, Лоретта.

И, должно быть, прочелъ въ моемъ лицѣ иронію и горечь, наполнявшія мою душу, потому что видимо удивился, замолкъ, и ужъ до самаго дома мы не сказали ни слова.

V.

Теперь, когда я могу судить обо всемъ этомъ спокойнѣе и справедливѣе, я нахожу, что была тогда слишкомъ строга къ дядѣ Франсуа. Онъ—человѣкъ, какъ всѣ, не лучше и не хуже другихъ. По всей вѣроятности, онъ былъ огорченъ, но немножко трусъ, немножко эгоистъ—не смѣлъ отдаться цѣликомъ своему горю. Онъ женатъ, у него законныя дѣти: сынъ и дочь, онъ не нуждался въ ласкахъ маленькой Лоретты, пугавшей его своей экзальтированностью; стройный, пылкій юноша успѣлъ за это время нажить брюшко и сдѣлаться добрымъ семьяниномъ, уравновѣшеннымъ, солиднымъ, спокойнымъ. И все же, дядя Франсуа, напрасно вы тогда были со мною такъ чопорны—вы, можетъ быть, никогда въ жизни не видѣли такой горячей дочерней ласки, какую я готова была вамъ подарить. Вѣдь изъ таинственнаго, такъ мало знакомаго мнѣ дяди-отца я уже успѣла создать героя трагедіи. Въ моей душѣ, еще такой нетронутой, что

она была доступна самымъ неожиданнымъ чувствамъ, корректный господинъ, возившій мнѣ конфеты, вдругъ преобразился въ неутѣшнаго, гонимаго рокомъ возлюбленнаго. И, само собой, на него обрушилась вся горечь моего разочарованія, когда я увидѣла передъ собой просто родственника, видимо, очень огорченнаго потерей близкой ему особы, но не желавшаго ни опоздать на поѣздъ, ни создавать себѣ новыя и никому не нужныя обязанности, ни слишкомъ усердно копаться въ прошломъ. Онъ исполнилъ свой долгъ, явившись на похороны, и предложилъ мнѣ гостепріимство въ своемъ домѣ. Большаго отъ него нельзя было требовать. Онъ поступилъ по совѣсти, по неумолимому закону, въ силу котораго люди мѣняются и забываютъ.

Но маленькой дѣвочкѣ съ сердцемъ, тяжелымъ отъ накипѣвшихъ слезъ, было такъ мало нужно!... Обними онъ меня, какъ дочь, скажи онъ мнѣ: «Бѣдная моя дѣвочка, все хорошее и прекрасное въ мірѣ умерло вмѣстѣ съ твоей матерью!...» и я была бы довольна. Мнѣ вѣдь не нужно было ни признаній, ни обязательствъ, только доброе слово и ласка.

Но люди сплошь и рядомъ не понимаютъ другъ друга. У насъ съ дядей Франсуа это такъ и осталось. Онъ не особенно настаивалъ, чтобъ я жила у нихъ, и я еще ни разу тамъ не была. Да и его вижу теперь все рѣже и рѣже, такъ какъ онъ почти безвыѣздно живетъ въ своемъ имѣніи. Позови онъ меня, я, вѣроятно, поѣхала бы къ нему; но онъ не зоветъ. Мы переписываемся очень любезно, держимъ другъ друга въ курсѣ важныхъ событій нашей жизни. Но такъ какъ важныхъ событій, по крайней мѣрѣ, офиціальныхъ, въ жизни мало, то намъ попрежнему почти нечего сказать другъ другу.

И, должна сознаться, я до сихъ поръ еще ревную къ нему, къ мысли, что мама, можетъ быть, больше любила его, чѣмъ меня. Что вы хотите? Вѣдь я еще съ дѣтства привыкла думать, что безраздѣльно царю въ сердцѣ матери.

Г-жа Ла-Шармоттъ увезла меня въ Парижъ къ себѣ. Мы взяли съ собой только Нанонъ; кормилица осталась въ деревнѣ, у старшей замужней дочери, возиться съ ея ребятишками.

Г-жа Ла-Шармоттъ поселила меня въ своей маленькой гостиной, превращенной въ спальню, и дѣлала все, чтобы, если не развлечь меня, то, по крайней мѣрѣ, снова привить мнѣ вкусъ къ жизни.

Ей помогала въ этомъ Агнеса, какъ всегда задорная, живая, веселая, и Паскаль, водившій меня гулять и въ концерты, но больше всего—присутствіе Шарля Мерелля.

Мы видѣлись часто. Паскалю онъ очень нравился, и старь

поэтъ часто звалъ насъ обоихъ пить чай къ себѣ, въ свой рабочій кабинетъ, заваленный книгами. Г-жа Ла-Шармоттъ, въ увѣренности, что изъ насъ выйдетъ отличная пара, приглашала Шарля къ обѣду и оставляла насъ цѣлыми часами играть въ четыре руки. Агнеса организовывала экскурсіи въ окрестности Парижа, въ Булонскій лѣсъ, и я не противилась властному обаянію, которое влекло меня къ Шарлю. Для юности и въ самой горькой чашѣ есть капли нектара. И, подъ своей траурной вуалью, я невольно улыбалась тому, что считала своимъ будущимъ счастьемъ...

На лѣто Агнеса увезла меня къ себѣ, въ большое помѣстье ея мужа въ Сенъ-Клу. Къ намъ въ деревню нельзя было ѣхать, ее пришлось продать. Я, дѣйствительно, была почти разорена. Мама, мало смыслившая въ денежныхъ дѣлахъ, выдала полную довѣренность человѣку неумѣлому или нечестному. И мнѣ могла остаться на прожитіе самая ничтожная сумма—гроши, которые въ наше время даже не называютъ приданымъ, потому что надо же оставить господину, который женится на васъ, хоть удовольствіе похвастать, что онъ женился на безприданницѣ.

Мужъ Агнесы, г. Гюрде, былъ очень славный. Уже не первой молодости, лысоватый и не особенно красивый, онъ былъ страшный добрякъ, обожалъ хорошенькую игрушку, которую взялъ себѣ въ жены, и, не считая, бросалъ золото въ ея кукольныя жадныя лапки. Агнеса въ глаза смѣялась надъ своимъ «влюбленнымъ глупышомъ»; но онъ, повидимому, находилъ это забавнымъ и даже милымъ.

Со мной онъ былъ очень деликатенъ и относился ко мнѣ съ большой симпатіей, на которую я искренно отвѣчала тѣмъ же.

Изъ Сенъ-Клу я часто ѣздила въ Парижъ къ Паскалю и г-жѣ Ла-Шармоттъ, которые не хотѣли покинуть свой возлюбленный городъ. Иногда и они пріѣзжали къ намъ обѣдать—не часто: Паскаль своими бурными вспышками и геніальными причудами пугалъ нашего добродушнаго хозяина, казался ему совершенно особеннымъ существомъ, необычайнымъ и весьма неудобнымъ въ общежитіи. Г-жѣ Ла-Шармоттъ Агнеса внушала больше любопытства, чѣмъ симпатіи, и ея доброе отношеніе къ моей подругѣ объяснялось скорѣе ея привязанностью ко мнѣ.

Шарль Мерелль тоже гостилъ въ Сенъ-Клу, у Гюрде и, когда хозяинъ нашъ уѣзжалъ на заводъ,—что бывало не рѣдко—мы были свободны, какъ птицы. Шарль прилагалъ всѣ старанія, чтобы развеселить меня, и я была признательна ему за это, хотя одного его присутствія было достаточно, чтобы все показалось мнѣ милѣе и краше. Иногда мы бѣгали взапуски въ паркѣ, и, останавливаясь, чтобы пе-

ревести духъ, я дивилась, что я еще не разучилась смѣяться, несмотря на мое горе. Гостей у насъ не бывало. Агнеса говорила, что мать ея превосходно чувствуетъ себя въ Швейцаріи, что кузены съ кузинами «изводятъ» ее, а друзей и знакомыхъ она не зоветъ, потому что, въ виду моего траура и нѣсколько пошатнувшагося здоровья, посторонніе не могутъ быть мнѣ пріятны. «Съ насъ достаточно Шарля—не правда ли?»—говорила она съ ангельски ясной улыбкой.

Я была благодарна ей за эту деликатность и еще больше привязалась къ ней.

Должно быть, мы составляли красивое тріо на фонѣ зеленыхъ лужаекъ: Агнеса, бѣлая и розовая, въ свѣтломъ полотнѣ или батистѣ; я—юная, блѣдная, въ дымкѣ прозрачнаго чернаго газа; Шарль Мерелль—стройный, гибкій, съ увѣренной граціей въ каждомъ движеніи. Въ деревнѣ онъ носилъ обыкновенно мягкую рубашку съ высокимъ поясомъ, безъ жилета, и длинный галстукъ съ развѣвающимися свободно концами. Онъ держался, какъ свой человѣкъ, но воспитанный, милый; говорилъ глупости съ видомъ балованнаго ребенка; катался по травѣ, стараясь, однако, не спутать волосъ и не попортить пробора, и въ то же время комически вздыхалъ, говоря: «Не мѣшало бы, однако, и поработать!...»

И мы обѣ не могли обойтись безъ него. А онъ былъ такъ любезенъ и милъ съ нами обѣими, что я и не знала бы, кого изъ насъ онъ предпочитаетъ, еслибъ онъ самъ не твердилъ мнѣ этого ежедневно. За игрой или во время горѣлокъ на поворотахъ аллей, подымая мячъ или накидывая мнѣ на плечи манто, онъ быстро-быстро шепталъ: «Лоретта, я васъ люблю, я васъ люблю...» Порой онъ тихонько выдергивалъ гребень, придерживавшій мой первый, неумѣло скрѣпленный шиньонъ; волосы разсыпались у меня по плечамъ; онъ погружалъ въ нихъ обѣ руки, гладилъ ихъ, цѣловалъ, вдыхая ихъ запахъ—и вдругъ убѣгалъ, словно боясь разсердить меня. А я обожала его.

Такъ съ каждымъ днемъ юный Орфей велъ къ свѣту и жизни маленькую блѣдную Эвридику. Еще одинъ шагъ—и маленькая Эвридика покинула бы мрачное царство тѣней, завоеванная любовью. Судьба не хотѣла этого...

Въ началѣ октября г-жа ла-Шармоттъ убѣдила меня вернуться къ ней. Она допытывалась у меня, не «флиртуетъ» ли Шарль съ Агнесой.

— Ничего подобнаго!—рѣшительно завѣрила я.

Тогда я даже не поняла хорошенько, на что она намекаетъ. Я думала, что ее безпокоитъ, почему Шарль до сихъ поръ не сдѣлалъ

мнѣ предложенія. Но вѣдь я же знала, что его завѣтная мечта—назвать меня своей женой, и, если онъ не проситъ моей руки, то лишь потому, что чтитъ мое недавнее горе.

Онъ вернулся въ Парижъ почти одновременно съ нами, и мы возобновили наши послѣобѣденныя занятія музыкой. Однажды, въ осенній сѣренькій день, мы играли въ четыре руки простенькую, но прелестную мелодію Моцарта. Въ гостиной было почти темно, но такъ какъ рояль стоялъ у окна, мы не зажигали свѣчей. Въ темнотѣ алымъ пятномъ выдѣлялся каминъ, гдѣ пылалъ яркій огонь. Осеннія сумерки темнили голубой, немного выцвѣтшій шелкъ обоевъ, картины, ковры, стушевывали краски, ткали паутину вокругъ хрустальныхъ подвѣсокъ люстры. Въ промежуткахъ аккордовъ явственно слышалось тиканье старыхъ часовъ, а когда по улицѣ проѣзжала ломовая телѣга, люстра начинала звенѣть.

— Ничего не видно,—сказала я,—вы все время фальшивите.

— Это правда.

— Надо зажечь огонь.

Я хотѣла слѣзть со своего табурета, на который положено было два тома Шатобріана—помню и эту деталь... Но меня схватили за талію и опрокинули назадъ. Руки мои очутились въ рукахъ Шарля, лицо его все ближе наклонялось къ моему. Онъ цѣловалъ мои волосы, лобъ, говоря:

— Лоретта, милая, право же я не могу больше. Мнѣ слишкомъ хочется жениться на васъ! Вы должны согласиться.

Я улыбнулась; онъ поцѣловалъ эту улыбку.

— Да?

— Да, да, только не душите меня... Вонъ г-жа Ла-Шармоттъ чего-то возится въ своей комнатѣ; того и гляди войдетъ.

— Она права. (Послѣдовала длиннѣйшая хроматическая гамма.) Когда дѣти перестаютъ шумѣть, значитъ, они что-нибудь напроказили... До завтра, Лоретта, согласны? Я сейчасъ не расположенъ видѣть никого, кромѣ васъ... Итакъ, завтра, въ пять часовъ у насъ будетъ серьезный разговоръ... До свиданья! Я такъ счастливъ, что мнѣ надо сегодня вечеромъ побыть одному... такъ счастливъ, Лоретта!... счастливъ надолго!... Радость моя, какъ я люблю тебя!

Первой тѣнью, омрачившей мое счастье, было это слово: «надолго». Я сказала бы: «навсегда»...

— Ты что-то очень задумчива,—сказала, войдя, г-жа Ла-Шармоттъ.—Что же это? Шарль ушелъ?... не простившись со мной?

— Онъ не хотѣлъ васъ видѣть, Шармотточка. Вы тамъ закопошились въ своей комнатѣ, а ему хотѣлось побыть со мной одному.

(Я невольно улыбнулась). Онъ какъ разъ въ это время просилъ моей руки.

Лицо моей старой пріятельницы приняло вдумчивое, серьезное выраженіе. Она посадила меня къ себѣ на колѣни, какъ маленькую.

— Ты довольна, что выйдешь за него замужъ?

Я не отвѣтила. Мнѣ вспомнилось «Зеркало», большая комната, обитая кретономъ, умирающая мама... И я расплакалась, въ смятеніи, сама не зная о чемъ.

— Поплачь, дѣвочка!—говорила г-жа Ла-Шармоттъ, нѣжно цѣлуя меня.—Я понимаю тебя. Поплачь. Въ счастливыя минуты бываетъ иной разъ такъ грустно...

О, этотъ запахъ земли, смерти, зимы, запахъ ржаво-золотистыхъ хризантемъ, на столѣ, въ дымчатой вазѣ!... Мнѣ чудится, я и сейчасъ слышу этотъ запахъ...

VI.

Вечеръ я провела въ размышленіи, сидя по-турецки, поджавъ подъ себя ноги, на коврѣ у камина. Неподалеку отъ меня Паскаль Фламмеръ съ г-жей Ла-Шармоттъ играли въ домино, наклоняясь надъ стариннымъ столикомъ. Въ мягкомъ свѣтѣ лампы, затѣненной зеленымъ шелковымъ абажуромъ, г-жа Ла-Шармоттъ казалась очаровательной старушкой. Капотъ изъ лиловой парчи, волны кружевъ у шеи и на рукавахъ, полукороткихъ, изъ которыхъ видны были еще красивыя руки; напудренные бѣлоснѣжные волосы, высоко зачесанные и прикрытые очаровательнѣйшей тюлевой наколкой, чуточку румянъ на щекахъ,—все это дѣлало ее похожей на пастель XVIII в. На пухлыхъ пальцахъ съ тоненькими кончиками сверкали дорогія кольца. Время отъ времени г-жа Ла-Шармоттъ нетерпѣливо постукивала по полу высокимъ каблукомъ своего башмачка изъ чернаго шевро съ большой серебряной пряжкой, и тогда видна была полоска изящнаго вышитаго чулка. Вышитый носовой платочекъ, надушенный ея любимыми духами, лежалъ на столѣ, рядомъ съ черепаховыми очками, которыя г-жа Ла-Шармоттъ надѣвала иногда изъ кокетства, потому что это «къ ней шло», а видѣла она и до сихъ поръ превосходно.

Паскаль, сидя напротивъ, слѣдилъ за нею въ монокль, ища на ея выразительномъ лицѣ отклика волненій игры. Но ихъ не было: старушка играла главнымъ образомъ для того, чтобъ доставить удовольствіе старому другу. Паскаль же былъ убѣжденъ, что въ этой игрѣ ему нѣтъ равнаго, и терпѣть не могъ проигрывать. На мраморѣ

камина ждала своей очереди большая трубка, на которую нашъ другъ поглядывалъ не безъ жадности. На обѣдъ къ своей старинной пріятельницѣ онъ являлся въ домашнемъ костюмѣ—черномъ бархатномъ пиджакѣ, обшитомъ тесьмой, уже не первой свѣжести, немного вытертомъ, но безукоризненно чистомъ и отлично приспособленномъ ко всѣмъ его движеніямъ—съ бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ и огромнымъ галстукомъ «Лавальеръ», съ свободно брошенными концами. Его изящныя руки—настоящія руки поэта—были всегда въ рамкѣ безукоризненно чистыхъ манжетъ съ какими-то странными японскими запонками. Его бюстъ, посадка головы были величественны. Черепъ—голый, но сзади на шеѣ волосы были густые и вьющіеся, каштановые, безъ единой серебряной нити. Въ молодости онъ былъ рыжій, и волосы его съ годами темнѣли, вмѣсто того чтобы сѣдѣть.

Глаза у него были удивительно яркіе, но цвѣта ихъ я никогда не могла разглядѣть—трудно было смотрѣть въ эти глаза,—столько въ нихъ было какого-то нестерпимаго блеска ума и ироніи. Прямой носъ, бритыя губы, двѣ глубокихъ складки, прорѣзавшихъ щеки, соединяясь углами рта, въ состояніи покоя опущенными,—въ цѣломъ надменное, озлобленное лицо, съ выраженіемъ безконечной горечи. Рѣчь Паскаля была то заносчивой, властной, гнѣвной, то холодноѣдкой, хлеставшей, какъ бичъ. Даже я, отлично знавшая, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ добрѣйшій, смирнѣйшій человѣкъ, страшно впечатлительный, всегда готовый растрогаться—даже я пугалась иной разъ его громоносныхъ рѣчей и готова была провалиться сквозь землю.

Итакъ, въ этотъ вечеръ Паскаль и Шармоточка играли въ домино. А я сидѣла молча, углубившись въ свои мысли. Порой, когда Паскаль ревѣлъ: «Клянусь безсмертными богами!» и сердито стучалъ кулакомъ по столу, видя, что у него нехватаетъ очка, я невольно вздрагивала, но это не мѣшало мнѣ думать. И я дивилась, почему я не радуюсь, а только глубоко взволнована. Шарль—тотъ былъ очаровательно веселъ. Онъ, словно играя, обнялъ меня и поцѣловалъ. Оттого я и не возвратила ему поцѣлуя, я была слишкомъ проста и непосредственна, чтобы смутиться отъ близости любимаго человѣка; но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ наши уста слились въ благоговѣйномъ безмолвіи. Хотѣлось отдать ему въ медленной застѣнчивой ласкѣ всю мою влюбленную душу, мою скорбь и волненіе.

Прозрачные алые угли гасли одинъ за другимъ. Когда уголекъ выпадалъ, я щипцами клала его обратно и продолжала мѣшать догоравшій огонь, между тѣмъ какъ въ душѣ моей разгоралось все ярче живое пламя надеждъ и сомнѣній.

— Послушай-ка, Лоретта,—загремѣлъ юпитерскій басъ Паскаля,—ты что же это загрустила?

— Гдѣ же вы видали, мой другъ, чтобы въ семнадцать лѣтъ были веселы, когда мечтаютъ?—защебетала въ отвѣтъ г-жа Ла Шармоттъ.— Молодежь бываетъ весела только въ тѣ рѣдкія минуты, когда она ни о чемъ не думаетъ. Стоитъ ей задуматься, какъ она становится грустной. Будущее такъ страшно, Паскаль... А прошлое, даже въ небольшомъ количествѣ, иногда такъ печально...

Паскаль вмѣсто отвѣта закурилъ трубку.

На другой день я съ самаго утра съ нетерпѣніемъ ждала пяти часовъ. Въ три позвонили. Въ мою комнату вошла Агнеса. Лицо у нея было странное, сконфуженное. Такой я ея никогда еще не видала.

Болѣе чѣмъ когда-либо она казалась хрупкой и прелестной въ темныхъ мѣхахъ, такъ выгодно оттѣнявшихъ ея красоту, сотканную изъ золота и перламутра. Но всегда смѣющіяся губки на этотъ разъ были плотно сжаты. Меня она не поцѣловала, только протянула мнѣ обѣ руки, при чемъ уронила муфту. Подошла ко мнѣ вплотную и сказала прямо въ лицо:

— Лоретта, мнѣ надо поговорить съ тобой—глазъ на глазъ... прошу тебя...

— Въ чемъ дѣло? (Нѣсколько встревоженная, я подняла муфту и положила ее на стулъ.) Говори, не стѣсняйся. Насъ никто не услышитъ. Шармоточка у своей портнихи, а Нанонъ шьетъ въ столовой.

— Лоретта! Ты не должна выходить замужъ за Шарля Мерелля.

Я такъ растерялась отъ этихъ словъ, что даже не успѣла спросить ее:

— Откуда ты знаешь?...

Она продолжала взволнованно, смѣлѣя съ каждымъ словомъ.

— Не должна, не должна! Если онъ женится на тебѣ, я тебя возненавижу... Нѣтъ, не возненавижу, но тогда мнѣ нельзя будетъ видѣться съ нимъ, любить его... Это невозможно!... Слушай, Лоретта! Онъ мой любовникъ... понимаешь, мой любовникъ!... И онъ хочетъ жениться на тебѣ!... Ты думаешь, онъ разлюбилъ меня? Ничуть. Онъ и тебя любитъ, но по другому, и вотъ, запутался, потерялъ голову, самъ не знаетъ, чего ему больше хочется. Или, вѣрнѣе, знаетъ... Конечно, того, чего онъ еще не имѣлъ, то-есть тебя! И вотъ, онъ готовъ жениться... Но я-то, со мной-то что же будетъ? Вѣдь *я*-то люблю его... а женщины любятъ *послѣ*, какъ мужчины ихъ любятъ *до*... Я безъ памяти люблю Шарля, я съ ума схожу...

Ну да... еще съ прошлой весны... Ахъ, я знаю, что это нехорошо. Можетъ быть, даже очень дурно... но это мнѣ все равно. Вѣдь замужъ-то я шла безъ любви. Не правда ли? Такъ надо же мнѣ любить кого-нибудь... Ахъ, да скажи же что-нибудь, скажи, что ты на меня не сердишься! Скажи, что я правильно поступила, признавшись тебѣ!... Подумай только! Вчера въ шесть часовъ онъ является на наше *rendez-vous,* причемъ опоздалъ, и говоритъ мнѣ такъ просто, какъ будто самую естественную вещь: «Моя бѣдная милочка, мы должны разстаться. Останемся друзьями... Мнѣ очень грустно, но что же дѣлать, намъ лучше разойтись». Я сразу догадалась и крикнула: «Ты женишься на Лореттѣ!»—«Ну да. При такихъ обстоятельствахъ, ты сама понимаешь... не могу же я жить съ вами обѣими»...

— Это еще, по крайней мѣрѣ, честно съ его стороны,—выговорила я мрачно.

— О, какъ ты смотришь на меня, Лоретта! Какъ ты презираешь меня!

— Презираю? Нѣтъ, Агнеса... ты слишкомъ огорчена, чтобъ я могла презирать тебя...

Отъ этихъ ласковыхъ словъ она расплакалась и опустилась на коверъ къ моимъ ногамъ.

— Лоретта, голубушка, другъ мой, ты не поймешь этого, твое сердце не билось у него на груди... Ахъ, не слѣдовало бы мнѣ говорить съ тобой о такихъ вещахъ... Но вѣдь ты же, если не знаешь, такъ предчувствуешь, догадываешься, не правда ли? Тебя вѣдь не держали въ полномъ невѣдѣніи... Да нѣтъ, что я говорю?... Я съ ума схожу, я совсѣмъ потеряла голову... Всю ночь напролетъ я думала: Такъ онъ достанется Лореттѣ! Такъ это ей онъ будетъ говорить, какъ мнѣ, тѣмъ же голосомъ, съ той же улыбкой: «Моя милая дѣтка!» и шептать ей: «Радость моя, какъ я люблю тебя»!...

Я вздрогнула; вчера я слышала эти слова, эти самыя.

Агнеса плакала, закрывъ лицо руками, уткнувшись головой въ мое платье.

— Агнеса! Агнеса! могла ли я думать, что ты способна такъ любить?

— Да, я люблю его, люблю! А иногда ненавижу. Вчера я ненавидѣла его и онъ меня тоже. Мы наговорили другъ другу ужасныхъ вещей. Я попрекнула его этимъ лѣтомъ, въ Сенъ-Клу, когда онъ днемъ ухаживалъ за тобой, а ночью—если мужъ былъ въ отъѣздѣ—приходилъ ко мнѣ...

— Довольно! Молчи!... (Я поднялась такъ быстро, что Агнеса, прислонившаяся къ моимъ колѣнямъ, почти упала на полъ.) Доволь-

но, довольно!... Уходи! бери его себѣ! и хорошенько смотри за нимъ, потому что другая, пожалуй, въ свой чередъ отниметъ его у тебя...

— О, не презирай меня!—молила она.—Подумай, что я, можетъ быть, спасла тебя! Смотри, какой онъ ненадежный, вѣтреный, лживый...

— И ты такая же: ненадежная, вѣтреная, лживая. Развѣ нѣтъ? Развѣ ты не лжешь, не надуваешь своего мужа? О, прости, Агнеса, я тоже страдаю!...

Я помогла ей встать. Она цѣплялась за меня, заглядывала мнѣ въ лицо.

— Что ты скажешь Шарлю?

— Что ты сейчасъ была здѣсь, говорила со мной и что я никогда не буду его женой.

— О, Боже мой! Боже мой! Онъ разсердится на меня! Онъ никогда не проститъ мнѣ этого! Придумай, что хочешь, только чтобъ онъ не зналъ!

— Я не могу сказать ему ничего другого, такъ какъ вчера я уже дала ему слово.

— Какъ хочешь... Хорошо... какъ хочешь... только оставь мнѣ его... и прости меня.

— Что мнѣ тебя прощать? Каждый имѣетъ право любить.

— Прости мнѣ, что я пригласила тебя гостить въ Сенъ-Клу для того, чтобы мужъ позволилъ мнѣ пригласить и Шарля... Прости... Это было гнусно съ моей стороны. Я видѣла, что онъ тебѣ нравится... что ты готова полюбить... но я сама такъ безумно влюбилась; я сама не знала, что дѣлаю...

Пока она говорила, я смотрѣла на ея хорошенькое личико, распухшее отъ слезъ, и думала о грустной молодости моей матери, угасшей въ безплодныхъ сожалѣніяхъ. Еслибъ я вышла замужъ за Шарля Мерелля, неужели Агнеса страдала бы, какъ нѣкогда страдала моя мать? Этому я не могла повѣрить, но причинить ей боль мнѣ было такъ же невозможно, какъ ей было легко огорчить меня.

— Агнеса, прежде чѣмъ полюбить Шарля Мерелля, я любила тебя; дружба была раньше любви. Могла ли я думать, что любовь такъ лжива, дружба такъ ненадежна... Агнеса, что же останется мнѣ?

— Ты сомнѣваешься въ моей дружбѣ?—вскричала она съ великолѣпнѣйшимъ эгоизмомъ.

— Однако ты не бросишь Шарля?

— Еслибъ я хотѣла его бросить, зачѣмъ же бы я пришла сюда?

— Хотя бы затѣмъ, чтобъ открыть мнѣ глаза, показать, какого человѣка я полюбила... Будь онъ близокъ не съ тобой, а съ кѣмъ-

нибудь другимъ, и ты бы знала это, ты бы пришла предупредить меня?

— Возможно.

— Стала бы ты отговаривать меня идти за него замужъ?

— Нѣтъ, конечно,—наивно созналась она.

— Значитъ, то, что ты сдѣлала сегодня, ты сдѣлала не для меня, а для себя... Развѣ это дружба, Агнеса?

Она возмутилась.

— Но, Лоретта, какъ же *ты* поступила бы на моемъ мѣстѣ?

— Еслибъ я была увѣрена, что моя подруга любитъ и любима, я бы не препятствовала свадьбѣ. Можетъ быть, потомъ я бы всю жизнь плакала объ этомъ человѣкѣ, но я не сочла бы себя въ правѣ разбить не только его счастье, но и счастье ни въ чемъ неповинной молоденькой дѣвушки, разрушить ея иллюзіи.

— Ты сердита на меня?—протянула она, уже передъ зеркаломъ, прикладывая мокрый платокъ къ глазамъ и освѣжая пудрой лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ! но прошу тебя, уходи, Агнеса. У меня страшно расходились нервы. Дай мнѣ собраться съ духомъ для предстоящаго мнѣ объясненія съ... твоимъ любовникомъ.

При этомъ словѣ она испуганно взглянула на меня, потомъ кинулась мнѣ на шею съ такой, повидимому, искренней признательностью, что по уходѣ ея я уже не знала, люблю я ее или ненавижу.

На полу лежалъ букетикъ фіалокъ, отколовшійся отъ корсажа Агнесы. Я машинально подняла его и положила на туалетъ. Сколько времени я простояла такъ, не трогаясь съ мѣста? Въ которомъ часу ушла Агнеса? Я еще стояла, какъ застывшая, у туалета, когда вошелъ Шарль Мерелль. Нанонъ впустила его въ гостиную; дверь въ мою комнату была открыта; онъ увидѣлъ меня и пошелъ прямо ко мнѣ.

Въ эту минуту я безумно любила его: отчаяніе, ревность, гнѣвъ превратили спокойное, дѣтски-чистое чувство въ пылкую страсть. Ахъ, какъ я любила его!—а хотѣла ненавидѣть, рѣшила отказаться отъ него навсегда! Въ этотъ вечеръ я поняла, сколько противорѣчій можетъ уживаться въ любви, поняла, что любовь бываетъ губительной и грозной, какъ буря. И молча, вся дрожа, цѣплялась за столъ, словно для того, чтобы устоять противъ бури.

— Что съ вами, Лоретта?

— Ничего,—прошептала я.

И, вдругъ ослабѣвъ, почти упала въ кресло, то самое, гдѣ я сидѣла раньше, во время разговора съ Агнесой. Воспоминаніе объ этомъ придало мнѣ силъ. Мой голосъ окрѣпъ.

— Здѣсь только что была Агнеса (Шарль замѣтно взволновался), Она мнѣ сказала... что вы ее любили... что она васъ любитъ... что слѣдовательно, бракъ нашъ невозможенъ... и я того же мнѣнія.

— Нашъ бракъ—невозможенъ?... Лоретта, слушайте... Быть можетъ, я и виноватъ: я увлекался одно время г-жей Гюрдэ; но васъ—васъ я люблю, Лоретта! Милая, постарайтесь понять меня. Вы не найдете ни одного молодого человѣка, у котораго бы до женитьбы не было... приключеній... который не «флиртовалъ» бы болѣе или менѣе съ молодыми женщинами... Это не мѣшаетъ ему любить свою невѣсту горячей, искренней любовью... Лоретта, дѣтка моя милая, вѣдь это же не одно и то же! Ну, не гнѣвайтесь на меня! простите!

— Мнѣ очень трудно объяснить вамъ это. Я молода—мнѣ только восемнадцать лѣтъ, я не знаю жизни... Можетъ быть, вы и правы... И всетаки нашей свадьбѣ не бывать.

— Но вы же меня любите, Лоретта, и я васъ люблю.

— Не знаю, правда ли, что вы меня любите, но слишкомъ хорошо знаю, какъ я васъ люблю!

Въ голосѣ моемъ дрожали слезы.

Онъ схватилъ мои руки, цѣловалъ ихъ, ласкаясь, какъ ребенокъ, заглядывалъ мнѣ въ глаза. О, еслибъ я ничего не знала! Какой благодатной, какой милосердой казалась мнѣ ложь!... Зачѣмъ, зачѣмъ я узнала?

— Клянусь тебѣ, клянусь!—повторилъ Шарль, цѣлуя мои колѣни,—клянусь, я не любилъ ея... Минутный капризъ, увлеченіе, ничего больше... Всякій мужчина простилъ бы то, чего ты даже, можетъ быть, и не понимаешь, какъ слѣдуетъ... А тебя, тебя я люблю... всѣмъ сердцемъ, не хочу потерять тебя!... Хоть это-то ты понимаешь?... Радость моя, ты чувствуешь это?

Опять это слово!... Я физически не въ состояніи была вынести больше. Я высвободила свои руки.

— Да... да... Но я понимаю и то, что объ этой иной любви вы будете говорить мнѣ тѣми же ласкательными словами и обнимать меня тѣми же руками, которыя... Нѣтъ, нѣтъ! Видите ли: или не надо было сходиться съ моей подругой, или надо было сдѣлать такъ, чтобъ я этого не узнала; я не могу, не въ силахъ послѣ этого быть вашей женой!

— Но, дитя мое, это ревность, а ревность та же любовь!... Не будь горделивой, дай умолить тебя, моя Лоретта... не калѣчь жизни себѣ и мнѣ... Дѣточка милая, ты просто нервничаешь. Успокойся, подумай... Я увѣренъ, потомъ ты разсудишь иначе.

— «Нервничаю»? Вотъ какъ у васъ это зовется? Я въ отчаяніи,

я такъ несчастна, какъ никогда не думала, что могу быть, а вы говорите: «нервничаешь!»

— Я неудачно выразился... Лоретта, да взгляни же на меня! Я у ногъ твоихъ, я молю тебя, я тебя обожаю!... Не огорчай меня. Не стоитъ того эта женщина, которую я презираю и которой никогда не любилъ...

Я оттолкнула его почти съ отвращеніемъ.

— Такъ вотъ она ваша любовь, таинственное влеченіе половъ... Отвѣдалъ запретнаго плода и спѣшитъ швырнуть его прочь! Безсовѣстный! Эгоистъ! А о ней-то вы подумали хоть сколько-нибудь? Вѣдь она-то, можетъ быть, еще любитъ васъ и страдаетъ... Нѣтъ, у васъ явилась новая прихоть и вы бѣжите за ней и говорите ей тѣ же самыя слова, какія говорили другой... А потомъ, можетъ быть, будете говорить ихъ третьей... Да вѣдь она только что была здѣсь, эта женщина, къ которой вы вчера побѣжали, увѣривъ меня, что вы «такъ счастливы, что вамъ необходимо побыть одному». И ужъ навѣрное, прежде чѣмъ сказать ей о разрывѣ, цѣловали ее, обнимали... Зачѣмъ лгать? Зачѣмъ? Вотъ она ваша любовь! Не хочу я ея! Не хочу! Мнѣ надо, чтобъ меня любили иначе, лучше!—рыдала я, ломая руки.

— А между тѣмъ невозможно любить больше, чѣмъ я тебя люблю, Лоретта!

— Ну, такъ значитъ я хочу невозможнаго. А съ вашей любовью идите къ Агнесѣ.

— Къ ней? Да я ее видѣть теперь не могу!

— А она-то какъ умоляла не отнимать васъ у нея!... Ну, будетъ, довольно! — овладѣвъ собою, я рѣшительно поднялась съ мѣста.—Прощайте! У меня нѣтъ злобы ни къ вамъ, ни къ ней... Не бросайте ея. Не дѣлайте ея несчастной. Даже если вы разойдетесь, я все равно не выйду за васъ.

— Но, Лоретта, я люблю тебя!

— По какому праву вы говорите мнѣ: ты?

— Ну, хорошо, я уйду... но я вернусь.

— О, нѣтъ! Ради Бога!

Этотъ невольный крикъ выдалъ мою слабость. Глаза молодого человѣка блеснули торжествомъ; онъ кинулся ко мнѣ. Я вырывалась, но онъ схватилъ меня въ свои объятія, осыпая поцѣлуями мое заплаканное лицо. На меня повѣяло запахомъ его духовъ, уже такимъ знакомымъ и милымъ. На минуту я почувствовала себя побѣжденной. Простить! Забыть! Крикнуть: «Да, я презираю тебя, боюсь тебя,

но люблю! Возьми меня! Не отпускай! Удержи!» О, какъ я его любила!

Но въ эту минуту подъ руку мнѣ попался букетикъ фіалокъ съ корсажа Агнесы. Мнѣ представилась она въ слезахъ, въ отчаяніи, еще болѣе трогательной отъ того, что оно такъ не шло къ ея жизнерадостной внѣшности, въ ушахъ раздался прерывающійся жалобный голосъ. Она, по крайней мѣрѣ, была искренна. А онъ, не лжетъ ли онъ даже и въ эту минуту самому себѣ! Вѣдь и та, другая, молода и красива; и за ней онъ ухаживалъ, увлекался ею, а теперь говоритъ: «ненавижу, презираю, никогда не любилъ». Теперь ему кажется, что онъ любитъ меня, потому что меня труднѣе взять. А потомъ, потомъ онъ будетъ говорить другой: «Лоретта? Развѣ можно къ ней ревновать? У меня къ ней спокойная привязанносъ, привычка, не больше»!...

Я, наконецъ, вырвалась и указала ему на упавшія на полъ фіалки.

— Подымите, Шарль. Это ея букетъ... Снесите ей.

Онъ почувствовалъ, что на этотъ разъ игра проиграна и не настаивалъ. Наступилъ каблукомъ на фіалки, растопталъ ихъ, бросилъ мнѣ вызывающій взглядъ и быстро вышелъ.

Г-жа Ла-Шармоттъ нашла меня въ полуобморочномъ состояніи, привела въ чувство, и я ей все разсказала.

Къ великому моему удивленію Шармоточка стала оправдывать Шарля.

— Молодые люди всѣ одинаковы: вѣтренничаютъ, балуются, а потомъ создаютъ запутанныя положенія... Надо быть снисходительнѣе, душа моя. Если Шарль дѣйствительно тебя любитъ, чему я вѣрю, постарайся простить его и—выходи за него.

— Но, Шармоточка, вѣдь я же не за то на него сержусь, что онъ любилъ кого-нибудь до меня, а за то, что это было одновременно, что это была моя подруга, Агнеса.

— Агнеса—маленькое чудовище, не заслуживающее никакого состраданія.

— Но почему? почему?... Она любитъ, она страдаетъ...

— Ба! Черезъ мѣсяцъ она забудетъ.

— Но *я* не забуду. Вѣдь это онъ теперь говоритъ, что презираетъ ее и все такое. А выйди я за него, онъ, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ вернется къ ней. Ну, милая, голубушка, скажи искренно, не для того, чтобы утѣшить: ты не думаешь, что это возможно?

Моя старая пріятельница отвѣтила не сразу.

— Увы! моя милочка, боюсь, что, можетъ быть, ты и права.

— Да... права... И еще одно. Еслибъ я вышла за Шарля, а она, Агнеса, осталась бы на всю жизнь неутѣшной, печальной,—она, созданная для веселья, для радости,—я не знала бы покоя отъ угрызеній.

— Какое ты странное дитя! Несмотря ни на что, ты всетаки любишь эту обманщицу.

— Ну да, люблю. Разумѣется, она невѣрный другъ, но все же—какая она прелестная! Мы были съ ней дружны раньше, чѣмъ я полюбила Шарля. Не могу я сознательно причинить ей такое жестокое горе, хотя бы даже на время. Ну, что ты хочешь, я и ненавижу ее немножко и всетаки люблю.

— Дѣвочка моя, но вѣдь ты любишь Шарля?

Я отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— А если и онъ тебя любитъ, вѣдь ему тоже будетъ больно.

— Надѣюсь! Но онъ утѣшится съ Агнесой, такъ какъ Агнеса готова удовольствоваться тѣмъ немногимъ, что онъ ей можетъ дать... А мнѣ этого мало, Шармоточка. Я хочу быть любимой глубоко, безраздѣльно... не «надолго», какъ онъ говорилъ, а навсегда.

— Быть можетъ, онъ былъ искреннѣе того, кто скажетъ тебѣ: «навсегда».

— Можетъ быть, но—изъ предусмотрительности. Разумѣется, надъ будущимъ никто не властенъ. И когда говоришь: «навсегда», не знаешь, не придется ли потомъ нарушить клятву. Но, если вѣрить, хотя бы только въ ту минуту, что никогда не разлюбишь, то вѣдь въ клятвѣ нѣтъ лжи...

И я не вышла замужъ за Шарля Мерелля.

Перев. **З. Журавская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. К.

Синихъ глазъ не опечалю.
Бѣлый парусъ подыму.
И отъ берега отчалю,—
Чтобы плакать одному.
Буду помнить вечеръ, вѣтки,
Заслоняющія садъ,
И въ березовой бесѣдкѣ
Легкій, розовый нарядъ:
Дѣтскій лобъ, блѣднѣвшій томно,
И глаза въ сіяньи грезъ,
Подъ вѣнкомъ, сплетеннымъ скромно
Изъ каштановыхъ волосъ.

Яковъ Годинъ

ХУДОЖНИКИ.

Повѣсть.

I.

— Здравствуйте, Евфросинья Андреевна! Какъ живется-можется? Работаете? А вашъ супругъ, глава дома и повелитель? Не спитъ?

— Какой тамъ спитъ? Съ утра злится, съ ума сходитъ!...

— Что случилось?

— Да чему у насъ случиться? Собрался на этюды идти, хватился, какой-то штуки нехватаетъ... Накинулся на меня: «Ты, говоритъ, куда-нибудь засунула... Ты всегда мнѣ поперекъ дороги становишься!» И пошелъ, и пошелъ. Потомъ нашелъ эту самую штуку, а на этюды все же не пошелъ. Злится, хандритъ. Говоритъ, все настроеніе испорчено... Да вы, Николай Сергѣичъ, проходите къ нему!

Богомоловъ поднялъ съ пола свой ящикъ съ красками, къ которому былъ привязанъ ремнями складной стулъ, большой зонтъ сѣрой парусины и складной же мольбертъ.

— Да идти ли еще мнѣ къ нему?—спросилъ онъ молодую женщину, которая посторонилась, чтобы дать ему дорогу.

— Конечно же, идите! Ну, поворчитъ на васъ, а все же, свои люди... Идите, идите... А а полчасика поработаю...

У Богомолова мелькнула мысль, что если бы онъ могъ справиться съ трудною, не по его силамъ, задачею—написать жену Тулова, такъ, какъ она стояла сейчасъ передъ нимъ, рисуясь эфектнымъ свѣтлымъ пятномъ на темномъ фонѣ старой, грязной стѣны сѣнецъ, залитая лучами весенняго солнышка, не сознающая того, какъ она хороша сейчасъ,—вышла бы сильная вещь.

Евфросинья Андреевна стирала, склонившись надъ неуклюжимъ почернѣвшимъ корытомъ, откуда поднимались вверхъ пары только

что налитой горячей воды. На ней была свѣтлая кофточка изъ какого-то вылинявшаго грошового ситчика, сохранившаго свой колоритъ только въ складкахъ да вообще въ мѣстахъ, рѣже подвергающихся вліянію свѣта.

Рукава были засучены гораздо выше локтей, и обнаженныя молодыя, нѣжныя, но сильныя и крѣпкія руки контрастировали своею молочно-розовою атласистою кожею съ голубымъ ситцемъ кофты.

Въ работѣ женщина не замѣчала того, что ея наскоро сдѣланная прическа растрепалась, пряди тонкихъ, золотистыхъ волосъ выбились изъ-подъ тяжелой змѣи косы, свернутой жгутомъ, и лучъ солнца, скользя по этимъ золотистымъ волосамъ, зажигалъ въ нихъ огнистыя искорки.

Воротъ кофточки былъ разстегнутъ, обнажая странно бѣлѣющуюся шею и часть груди. Короткая, сильно заношенная, но безукоризненно чистая синяя юбка мягкими складками льнула къ стройнымъ сильнымъ ногамъ.

Было жарко, молодая женщина немного устала, ея нѣжно-очерченная грудь вздымалась чаще обыкновеннаго, а все лицо покрылъ тонкій румянецъ.

Въ общемъ ею можно было залюбоваться.

Она замѣтила скользнувшій по ней взглядъ Богомолова, и ея лицо еще болѣе порозовѣло. Инстинктивнымъ движеніемъ она, наклонивъ голову, заправила разстегнувшійся воротъ и опустила рукава кофты.

— Что вы такъ на меня смотрите?—сказала она тихимъ голосомъ художнику,—или на мнѣ какіе узоры есть?

— Узоры, не узоры... А только...

Голосъ Богомолова понизился до шепота. Въ его словахъ зазвучали какія-то особенныя нотки.

— Что только? Договаривайте!...

— Только... Ахъ, да говорилъ я вамъ уже...

— Вы про старое?

— Иное старое лучше новаго... Говорилъ и говорю, и буду говорить, не тутъ бы вамъ жить, Евфросинья Андреевна... И не съ этимъ... животнымъ!

Онъ мотнулъ головою въ сторону комнатъ.

Въ это время оттуда послышался рѣзкій окрикъ:

— Кого тамъ черти еще принесли, Фрося? Веди сюда...

Богомоловъ перешагнулъ черезъ груду вымытаго бѣлья, лежавшую на низенькой скамеечкѣ, которая загораживала дорогу въ комнаты.

Его ящикъ съ красками гулко ударился угломъ о стѣну и загрохоталъ. Дверь растворилась и затворилась за нимъ. Молодая женщина мгновеніе постояла въ раздумьѣ, словно забывъ о ждущей ее работѣ, потомъ, какъ будто отгоняя назойливо осаждающія ея голову мысли, тряхнула головою, нагнулась надъ корытомъ, и ея нѣжныя бѣлыя руки съ ожесточеніемъ затормошили какую-то тряпку, вздымая горы расцвѣченной всѣми цвѣтами радуги мыльной пѣны, а брызги полетѣли во всѣ стороны, оставляя на плохо оштукатуренныхъ стѣнахъ сѣнецъ мокрыя, сползающія внизъ пятна.

Когда изъ комнаты послышались глухіе голоса мужчинъ, Евфросинья Андреевна выпрямилась, оставляя, однако, руки въ водѣ корыта, и пристальнымъ, упорнымъ взоромъ посмотрѣла на дверь мастерской, гдѣ съ гостемъ разговаривалъ о чемъ-то ея мужъ, Харитонъ Іонычъ Тулуповъ.

Ея губы были крѣпко стиснуты, краска сбѣжала съ лица, лучъ солнца уже не игралъ въ ея золотистыхъ волосахъ, и вся ея тонкая, стройная фигура какъ-то потускнѣла, поблекла, а на блѣдномъ лицѣ легли какія-то тѣни.

— Ну, какимъ вѣтромъ тебя сюда занесло?—встрѣтилъ Богомолова при входѣ въ комнату Тулуповъ.

— Вѣтромъ не вѣтромъ, а по маленькому дѣлу!—сказалъ Тулупову Богомоловъ, опускаясь на единственное свободное мѣсто, на кровать, покрытую тонкимъ, вытертымъ солдатскимъ шерстянымъ одѣяломъ.

— Охъ, дѣловой человѣкъ ты, Колька!... Такой дѣловой, такой дѣловой! Далеко пойдешь, братецъ! Только напрасно ты за живопись берешься!... Тутъ, братъ, дѣловые люди не требуются. Тутъ ты лишній...

— Отчего же, Харитонъ Іонычъ? На всякомъ поприщѣ...

— Знаемъ эту мелодію. Играйте дальше... А только дѣльцамъ въ нашей средѣ дѣлать нечего... Поступай на службу—на желѣзную дорогу. Въ банкъ—еще лучше. Или еще какъ-то къ биржѣ пристраиваются... Я точно не знаю. Но тамъ ты развернешься. Знаю! Вѣрю! А среди художниковъ... Ей-Богу, дѣльцы не нужны! Совсѣмъ, совсѣмъ... Таланты нужны! Геніи нужны! А дѣлечество...

— Да чему оно помѣшаетъ, Харитонъ Іонычъ? Ей-Богу, я такъ смотрю: практичнымъ человѣкомъ всякій долженъ быть. Таланты, геніи—очень хорошо! Да много ли не только что геніевъ, а просто талантовъ? Вотъ у насъ въ городѣ, скажемъ... Много ли у насъ талантовъ?

Повидимому, эти слова затронули слабую струнку въ сердцѣ Ту-

лупова. Онъ швырнулъ въ сторону какой-то подрамникъ, который только что досталъ изъ груды полотенъ, наваленныхъ въ углу, и закричалъ:

— Таланты? Проходимцевъ, ремесленниковъ, мастеровыхъ— сколько угодно... Всѣ эти Багрянцевы, Шиповы, Корфы, Фрости, Ашенберги, Блинковы, Тянковы... Если сегодня всѣ они передохнутъ, то искусство, святое искусство—оно не почешется даже... Потому что все это не дѣти искусства, не дѣти солнца... Это пасынки... Четвероюродные племянники, присосавшіеся, чортъ бы ихъ дралъ, къ искусству... Приспособившіеся... И ты ничуть не ниже ихъ. И не выше. Хоть ты въ рисункѣ совершенно безграмотенъ, о линейной перспективѣ понятія не имѣешь, хоть ты—мазилка... И торгашъ... А, да ну васъ всѣхъ къ дьяволу!... Одного Плывушина цѣню: могъ бы кое-что сдѣлать! Да и того судьба слопаетъ, какъ меня слопала!

Богомоловъ привыкъ къ такого рода рѣчамъ Тулупова, и онѣ давно не производили на него никакого впечатлѣнія. Онъ зналъ, что Харитонъ Іонычъ желченъ, что онъ любитъ покипятиться, а потомъ, набурлившись вволю, стихаетъ, успокаивается.

И потомъ...

Выходило всегда какъ-то такъ, что почти каждое посѣщеніе квартиры Тулупова давало кое-что Богомолову: то наткнется на старый этюдъ Харитона Іоныча, работы тѣхъ дней, когда на Тулупова возлагали большія надежды, и выпроситъ этотъ этюдъ «снять маленькую копійку». То самъ Харитонъ Іонычъ швырнетъ ему чуть не въ голову недоконченную картину съ расчерченными контурами и скажетъ:

— Домазывай! Опротивѣла эта штука мнѣ... Видѣть ее не могу... А ты если домажешь, продать можешь .. Богатѣй на здоровье!... Все равно, рано или поздно, нашу кровь пить будешь... Дѣловой человѣкъ!...

А если нѣтъ этого, то все же отъ Харитона Іоныча можно кое-чѣмъ позаимствовать: онъ ругательски-ругаетъ принесенный этюдъ Богомолова, быть можетъ, размажетъ его пальцемъ, даже въ азартѣ плюнетъ на него. Онъ десять разъ обругаетъ самого Николая Сергѣича, обзоветъ его тупицею, бездарностью, мазилкою... Но все это можно принять за... Ну, за желчныя выходки больного человѣка... А въ то же время, мелькомъ, Богомоловъ будетъ ловить каждое слово, будетъ принимать во вниманіе каждое указаніе старика. И эти указанія, Богомоловъ знаетъ по опыту, имѣютъ большую цѣнность.

— Покажи, что намазалъ сегодня!—сказалъ, нѣсколько успо-

коившись, Харитонъ Іонычъ, толкая небрежно ногою ящикъ съ красками Богомолова.

Тотъ началъ развязывать ремни. Тѣмъ временемъ Тулуповъ подошелъ къ двери и крикнулъ:

— Фрося! Брось ты свою дурацкую стирку!

— Что надо?—прозвучалъ покорный голосъ молодой женщины.

— Голова трещитъ у меня... Нѣтъ ли водочки?

— Нѣту, Харитонъ Іонычъ.

— Такъ достань!

— Дайте денегъ.

— Достань безъ денегъ!

Отойдя отъ дверей, Тулуповъ сказалъ Николаю Сергѣичу:

— Видѣлъ? Стираетъ! Понимаешь? Не мое бѣлье стираетъ, чортъ бы ее побралъ! Чужое беретъ. Понимаешь? Полтинники выколачиваетъ... По сосѣдямъ таскается... Какъ заправская прачка... И воображаетъ, что она этимъ—мнѣ помогаетъ... Еще, пожалуй, думаетъ, что она мнѣ настоящее благодѣяніе оказываетъ... Кормитъ меня!... Я ей сто тысячъ разъ говорилъ: дай ты мнѣ спокойно поработать какой-нибудь мѣсяцъ. Не раздражай ты меня! Уйди ты съ глазъ моихъ! Чтобы я вновь почувствовалъ себя свободнымъ, ни съ кѣмъ не связаннымъ, никому не обязаннымъ человѣкомъ... Только одинъ мѣсяцъ!... Я проработаю, какъ проклятый. Но я напишу что-нибудь. Что-нибудь серьезное, что-нибудь такое, подъ чѣмъ не стыдно мое имя подписать... Я получу за это столько, сколько ты своею проклятою стиркою или своимъ шитьемъ въ десять лѣтъ не заработаешь... Я тебя же, идіотку, въ шелкъ и бархатъ разряжу... Но только дай мнѣ поработать. Не растравляй меня своими вздохами, своими причитаніями... Знаешь, Колька, по совѣсти тебѣ говорю... Если ты хочешь быть художникомъ,—хоть у тебя микроскопическія способности, хоть ты, по существу, дальтонистъ настоящій, слѣпая ворона, и вкуса у тебя котъ наплакалъ... Но если ты хочешь сохранить душу,—душу свободнаго художника, не путайся съ бабами... Слышишь? Все равно: красивая, некрасивая, умная, дура, деревенская дѣвка, образованная барышня, молодая, старая, говорю тебѣ, все равно!...

— Но почему?

— Да потому... Душу вымотаетъ твою. Слышишь? Душу выѣстъ... И такъ, что ты и придраться не можешь... Возьми мою Фроську. Что можно про нее дурного сказать? Ничего. Вѣрна, какъ собака. Работаетъ, какъ проклятая. Слова наперекоръ не скажетъ.

Я ругаю ее. Самымъ невѣроятнымъ образомъ ругаю. Какъ послѣднюю тварь. Какъ животное грязное... Что же? Молчитъ. Какъ воды въ ротъ наберетъ!... Я приду домой—доползу, чуть ли не на четвереньках. Пьяный, въ грязи... Хоть бы слово попрека!... Я по недѣлямъ не подаю вида, что замѣчаю ея присутствіе, что она, вообще говоря, существуетъ. И что же? Молчитъ! Терпитъ! Только вздыхаетъ... Вотъ круто намъ сейчасъ. За всю зиму я ни гроша не заработалъ. Голодали. И что же? Молчитъ. Работаетъ... И при всемъ этомъ... И, говорю тебѣ, будь она проклята! Будь проклятъ тотъ день, когда я ее встрѣтилъ, когда перевѣнчался съ нею...

— Почему?

— Ты не поймешь... Въ душу залѣзть нужно! Въ душѣ моей порыться! Потому... Утромъ я просыпаюсь. Голова свѣжа. Душа спокойна. Въ мозгу образы мелькаютъ. То, что называется—настроеніе... Идіоты называютъ высокопарно вдохновеніемъ. Лежу, думаю,—сейчасъ сяду за работу... Вся душа полна однимъ: жаждою работы... Жаждою творчества. Но надо чай пить. Иду. Самоваръ кипитъ. Мой стаканъ стоитъ. Ложечка около положена, булочка порѣзана, масло придвинуто, все чистенько, аккуратненько... И за столомъ—восковая фигура: моя супруга... моя неотъемлемая собственность. Съ розовымъ личикомъ, съ ясными глазками. «Тебѣ еще стаканъ налить?» спрашиваетъ. А у меня уже что-то въ душѣ колотится... Вотъ я сяду работать. Она уйдетъ, чтобы мнѣ не мѣшать. Она будетъ на цыпочкахъ ходить. Пѣть любитъ—пѣть не будетъ. Голоса не подастъ... Вся полна одною думою—какъ бы не помѣшать мнѣ... А у меня все больше и больше душа, тоскуя, колотится... Зачѣмъ я буду писать? Зачѣмъ я буду писать? Зачѣмъ я буду творить? Для того, чтобы, во-первыхъ, за квартиру заплатить, по книжкѣ въ лавочку. Потомъ, чтобы женѣ шубку, кофточку, юбку какую-то купить... Потомъ дюжину платковъ носовыхъ... Нѣтъ, ты пойми это: я зачертилъ чью-нибудь фигуру—это дюжина носовыхъ платочковъ. Съ голубенькою каемочкою... Я записалъ фонъ—это кофточка... А это столько-то бутылокъ водки и столько-то селедокъ... А это—шубка. Квартира, еще что тамъ... Каждый мазокъ—расцѣненъ. Каждый взмахъ кисти—по гривеннику. Да нѣтъ же! Не хочу, не хочу, не могу! И я бросаю чай. Я ухожу въ мою комнату. Я тупо смотрю на натянутое на подрамникъ полотно... И мнѣ хочется съ нимъ вотъ что сдѣлать...

Тулуповъ подошелъ къ приставленной къ стѣнѣ недоконченной картинѣ и ударомъ кулака прорвалъ полотно, потомъ швырнулъ подрамникъ подъ кровать.

Богомоловъ вздрогнулъ и принужденно улыбнулся.

— Нервы это у васъ, Харитонъ Іонычъ.

— Нервы? По-твоему—нервы. По-моему—душа болитъ. Душа тоскуетъ. По свободѣ плачетъ. По непродажному творчеству. Вотъ что...

II.

Дверь отворилась, и въ комнатѣ появилась Евфросинья Андреевна. Она внесла на жалкомъ черномъ, облѣзшемъ подносѣ бутылку водки, двѣ рюмки, порѣзанный ломтями соленый огурецъ на блюдечкѣ, два ломтя чернаго хлѣба.

Тулуповъ, молча, налилъ дрожащею рукою рюмку водки, выпилъ ее, не закусывая, налилъ другую и для Богомолова.

Молодая женщина тихо вышла, словно выскользнула изъ комнаты.

Тулуповъ проводилъ ее тупымъ, холодно враждебнымъ взглядомъ.

— Ушла? Ну, пей! Я тоже выпью... Да, такъ о чемъ мы съ тобою говорили? О томъ, что... Впрочемъ, ну его къ дьяволу!... Я еще выпью. Пей и ты. Не хочешь? Напрасно. Впрочемъ, тебѣ виднѣе. Ты, должно быть, отъ нѣмца родился. Цирлихъ-манирлихъ, ганцъ аккуратъ. Если и нашкодишь, то—цирлихъ-манирлихъ, ганцъ аккуратъ... Пакость кому-нибудь сдѣлаешь, цирлихъ-манирлихъ, ганцъ аккуратъ... Но чортъ съ тобою! Да! Ты хотѣлъ показать, что ты написалъ сегодня, какую чепуху? Покажи, покажи!... Ага. Ну, вотъ, ну, да... Только идіоты такъ пишутъ. Да ученики академіи! Ну, да... Мумія тебѣ понадобилась? Ахъ, ты!... Да я тебѣ сколько разъ говорилъ, что мумію ты выкинуть долженъ? Въ печку! Къ чорту ее. И бейншварцъ, и графитъ туда же! А это что? Ты не видишь, что тутъ у тебя на лицѣ получилось зеленое пятно? Пойми: зеленое пятно! На рожѣ! Не у трупа. Да, да. Знаю: ты зелени не бралъ. И ея нѣту тутъ въ дѣйствительности. Но рефлексъ... А ты могъ его предвидѣть... Вотъ, гляди. Это—къ чорту. Это—туда же! Такъ. Дай крапълакъ золотистый! Дай японскую желтую. Бѣлилъ еще. Не жалѣй бѣлилъ. Ими крыши можно красить. А ужъ подоконники—навѣрное... Вотъ, смотри...

И Тулуповъ небрежными мазками покрывалъ записанное этюдно Богомоловымъ лицо.

— Вотъ тутъ и тутъ. Глаза? Развѣ у тебя глаза? Черносливы! Мы ихъ такъ... И такъ еще...

Затаивъ дыханіе, Богомоловъ глядѣлъ на работу старика. Теперь онъ видѣлъ, до чего неудачно было все, что онъ сегодня сдѣлалъ,

сколько грубыхъ ошибокъ онъ допустилъ. Со щеки исчезло волшебствомъ противное зеленое пятно, хотя Богомоловъ и не дотронулся кистью до щеки, а только мазнулъ чѣмъ-то по фону. Глаза засвѣтились жизнью. Губы вдругъ сложились въ полузастывшую улыбку.

— Ну, видѣлъ? Вотъ какъ надо писать!—сказалъ старикъ, отходя отъ мольберта и бросая въ сторону прямо на полъ грязную кисть.—А теперь забирай свой ящикъ, свою мазню и можешь убираться... Постой! Ты что-то про дѣло говорилъ? Выпей рюмку, закуси огурцомъ, разсказывай.

Бутылка оказалась опорожненною, и Фрося сбѣгала уже вторично «за подкрѣпленіями». Тулуповъ замѣтно охмелѣлъ. Но зато онъ какъ-то пріободрился, окрѣпъ, его голосъ звучалъ спокойнѣе, увѣреннѣе, глаза блестѣли.

— Ну, разсказывай! Выкладывай! Что въ вашемъ муравейникѣ приключилось?—сказалъ Тулуповъ.

— Наши затѣваютъ въ сентябрѣ выставку здѣсь устроить. А теперь мудрятъ, обмозговываютъ интересное дѣло: хотятъ на товарищескихъ началахъ художественный магазинъ... Чтобы всѣ матеріалы шли изъ первыхъ рукъ, и чтобы...

— Стой. Что за чепуха? Ты не пьянъ, Колька?

— Ну, что это вы, Харитонъ Іонычъ?... Я серьезно говорю: Багрянскій, Блинковъ, Ашенбергъ, эта, какъ ее, барышня художница...

— Не оскорбляй святого имени! Назови ее барышнею живописицею или иначе, какъ хочешь... Но не художницею!...

— Ну, словомъ, Тянкова, потомъ Фростъ, и еще...

— Стой. Перечислять всю челядь не стоитъ. Нѣтъ ни малѣйшей надобности. Ты говоришь, что они затѣваютъ въ сентябрѣ выставку? Какую выставку?

— Ну, это подробности. Еще не выяснено, что̀, собственно, будетъ. Конечно, картины. Масляныя краски, акварель. Но Фростъ дастъ скульптуру. Тянкова, вѣроятно, тоже...

— Ха-ха-ха... Съ ума сошли люди, что ли? Выставка?... У насъ? Въ этомъ омутѣ?... Для кого? Зачѣмъ? Для какихъ знатоковъ и любителей искусства? Для мѣстныхъ папуасовъ и зулусовъ? Ха-ха-ха... Уморить хотятъ! Но пей водку, Николай. Пей, говори дальше! Потомъ, ты говоришь, какую-то лавку, амбаръ, лабазъ хотятъ устроить?

— И вовсе не лабазъ и не амбаръ... Вѣдь, согласитесь сами, Харитонъ Іонычъ, мы, художники...

— Стой! Ты не имѣешь еще права употреблять мѣстоименіе «мы», когда рѣчь идетъ о художникахъ...

— Ну, извините. Такъ я говорю, художники находятся въ экономическомъ рабствѣ. За кисти, за краски, за полотно съ насъ дерутъ Богъ знаетъ какія цѣны. Два магазина въ городѣ торгуютъ этими вещами, и что хотятъ, то и берутъ.

— Дальше!

— Затѣмъ, гдѣ сбытъ нашимъ... То-есть, вообще художественнымъ работамъ? Блинковъ въ прошломъ году написалъ «Малороссійскаго кобзаря»... Я, конечно, не судья, не признаю себя компетентнымъ лицомъ...

— И правильно дѣлаешь. Сапожникъ! Не суди выше сапога!

— Но вы же сами говорили, что вещь интересная.

— Ну? Дальше!

— Онъ продалъ ее Бранденбургу за пятьдесятъ рублей. А Бранденбургъ черезъ мѣсяцъ продалъ ее за двѣсти какому-то помѣщику. А если бы тотъ же самый Блинковъ могъ поставить ее гдѣ-нибудь на продажу.

— Не въ табачныхъ ли магазинахъ?

— Ну, вотъ... Сами видите: или къ Бранденбургу, или къ Гомулину. Или къ Гомулину, или къ Бранденбургу. Заколдованный кругъ, такъ сказать... Ну, и вотъ...

— Постой! Выпьешь еще рюмку водки? Пей! На душѣ легче становится. Мысли проясняются... И языкъ меньше путается... Ты замѣчаешь, что у тебя языкъ какъ-то словно путается?

Богомоловъ улыбнулся, онъ выпилъ только двѣ рюмки водки, и если ужъ говорить о томъ, что у кого-то путается языкъ, то именно о Тулуповѣ, который, доканчивая вторую бутылку, былъ уже почти совсѣмъ пьянъ и какъ-то размякъ.

— Ну, и вотъ,—продолжалъ Богомоловъ свою рѣчь, говоря, повидимому, больше для себя, уясняя положеніе именно себѣ, а не собесѣднику,—и вотъ, если примѣнить и въ этомъ отношеніи ко-о-пе-ра-тивное начало...

— Ой, видишь у тебя языкъ заскакиваетъ! Выпей лучше! А то я самъ выпью, а на третью бутылку не раскошелюсь...

— Спасибо! Пейте! Мнѣ что-то не хочется...

— Потому что ты ни рыба, ни мясо... Ну, дальше!

— То, говорю я, мы могли бы до извѣстной степени освободиться отъ экономической эксплоатаціи...

— Чепуха! Художникъ на то и созданъ, чтобы его кровь пила всякая мразь. Иначе—онъ не художникъ. Онъ долженъ только творить. А если онъ пустится въ гешефтмахерство...

— Да какое же здѣсь гешефтмахерство, Харитонъ Іонычъ? Вы только вникните...

И молодой человѣкъ, котораго, повидимому, идея устройства товарищескаго художественнаго магазина сильно интересовала, сталъ довольно пространно толковать эту идею. Но хозяинъ слушалъ плохо.

На него нашелъ періодъ энергіи. Онъ вытаскивалъ одно полотно за другимъ изъ-подъ своего убогаго ложа, изъ-за шкафа, снималъ ихъ со стѣнъ. Иныя онъ швырялъ небрежно на полъ, ходилъ по нимъ, другія, наоборотъ, бережно разглаживалъ, смахивалъ рукою пыль, обтиралъ паутину своимъ рукавомъ, иногда слюнилъ палецъ и имъ протиралъ какой-нибудь уголокъ.

— Выставка? Хо-хо! Посмотримъ, что они выставятъ,—бормоталъ онъ.—Поглядимъ! Полюбуемся! Но и мы поставимъ кое-что... Мы покажемъ имъ, этимъ Багрянскимъ, Блинковымъ, Фростамъ и прочимъ—что мы можемъ, что мы умѣемъ...

По временамъ онъ, поставивъ картину на мольбертъ, долго-долго смотрѣлъ на нее, отходилъ, приближался, смотрѣлъ въ кулакъ, поворачивалъ къ свѣту, такъ или иначе, чтобы не было отсвѣта, что-то бормоталъ.

Все это были начатыя и недоконченныя вещи.

Вотъ мелькнуло лицо съ характерными казачьими длинными висячими усами. Но лицо мертво: не написаны глаза, или написаны, да энергичнымъ мазкомъ замазаны...

Уголокъ сада. Высокая трава, которую не тронула коса. Пестрая клумба. Стволъ березки на первомъ планѣ. Дорожка.

Чувствуется, что это—только фонъ. На этомъ фонѣ должно быть что-то, какое-то живое существо, душа картины... Но ея нѣтъ, этой души...

Вечерняя зорька. Усталый день уходитъ на покой. Гладь рѣки отражаетъ игру красокъ догорающей зари. И полотно перекрещено двумя черными полосами... Вещь испорчена... Ее не возстановишь, ее надо переписать заново...

И еще, и еще...

Богомоловъ только вздыхалъ, глядя на эти недоконченныя, испорченныя вещи... Онъ самъ никогда, ни за что не бросилъ бы ни одного начатаго полотна... Вѣдь изъ каждаго да можно что-нибудь сдѣлать... И можно продать... За грошъ хотя бы... Но продать, а не держать, покуда мыши изгрызутъ или сырость съѣстъ, какъ вотъ этотъ этюдъ, весь покрывшійся какими-то бѣлесыми пятнами...

— Ухъ! Усталъ! Ну его все это къ чорту!—сказалъ неожидан

но Тулуповъ, и, бросивъ за сундукъ какой-то картонъ съ написанною широкими мазками обнаженною женщиною, присѣлъ на кровать.

Его клонило ко сну. Минуту спустя звучный храпъ возвѣстилъ, что онъ спитъ.

Богомоловъ всталъ со своего мѣста, досталъ изъ-за сундука картонъ, поглядѣлъ, потомъ, вздохнувъ, положилъ его обратно, взялъ собралъ свои вещи, упаковалъ ихъ и выбрался въ сѣнцы.

Евфросинья Андреевна работала попрежнему надъ бѣльемъ, но уже доканчивала работу: она выжимала воду своими маленькими сильными руками, беря вещи по очереди изъ корыта, потомъ клала ихъ на скамеечку.

— Уходите уже, Николай Сергѣевичъ?—спросила она гостя.

— Да, приходится...

— А мой... мужъ?

— Во блаженномъ успеніи...

Помолчали.

Было слышно, какъ вода изъ-подъ рукъ молодой женщины льется и падаетъ звучно струйкою въ полупустое корыто.

— Евфросинья Андреевна!—началъ тихимъ голосомъ Богомоловъ.

— Что скажете хорошенькаго?

— Не знаю, хорошенькое, или не хорошенькое...

— Ну, слушаю!

Она выпрямилась, бросила какую-то тряпку въ сторону, разогнула усталый станъ, оправила однимъ движеніемъ руки волосы и теперь смотрѣла пристально на Богомолова, который въ свою очередь глядѣлъ на нее упорнымъ, вызывающимъ взглядомъ.

— Евфросинья Андреевна! Развѣ это жизнь?

Она молчала.

— Развѣ это не каторга? И въ голодѣ, и въ холодѣ, и попреки... И бьетъ онъ васъ...

— А вы не вѣрьте: пальцемъ не тронулъ!... Грозить—грозилъ: это вѣрно. Но и то не въ своемъ видѣ... А пальцемъ не тронулъ до сихъ поръ...

— Ну, все равно. Къ тому идетъ!...

— Можетъ быть.

— Ну, я и говорю: развѣ это—жизнь? А если бы вы захотѣли...

— Ну? чего мнѣ хотѣть-то?

— Да всегда возможно было бы... Конечно, если за большимъ не гнаться... Конечно, Харитонъ Іонычъ—настоящій художникъ. Можно сказать, артистъ. Но только, такъ сдается мнѣ, онъ про-

шлымъ живетъ. Все позади осталось. Пять лѣтъ я съ нимъ знакомъ. Что онъ написалъ за это время? Ничего... Ни одной картинки... И не напишетъ...

— Ну, это нельзя сказать...

— Нѣтъ, ужъ повѣрьте!... А если и напишетъ что, такъ не сбудетъ. Гордый онъ. Онъ за свою картину, какъ Рѣпинъ, пять тысячъ заломитъ... Знаю я его характеръ... И, опять же, что онъ за эти пять лѣтъ заработалъ? Ну, какъ перевѣнчался тогда онъ съ вами—уроки еще были. И хорошіе уроки. Я знаю. По три рубля за часъ бралъ... А потомъ все растерялъ... Молодежь идетъ, она за все берется. А онъ пьетъ къ тому же...

— Можетъ, Богъ дастъ, броситъ...

— Дай-то Господи. Я первый порадуюсь. Такой талантъ погибаетъ... Да только, скажу, положа руку на сердце: такихъ, которые начинаютъ пить, много видѣлъ. А такихъ, которые, втянувшись, бросаютъ,—ей-Богу, не видѣлъ. И вы не видѣли... Потомъ, если терпѣть, такъ надо знать, за что терпѣть... За какія провинности? А если бы захотѣли...

— Ну?

— Ну, не гонясь за большимъ, конечно... Нашелся бы человѣкъ, который... Ну, конечно, не знаменитость какая. Но человѣкъ вѣрный и человѣкъ самостоятельнаго характера... Съ постоянною службою, съ кускомъ хлѣба... И который могъ бы оцѣнить васъ...

— Это кто же? Что-то не знаю такихъ...

Богомоловъ смѣшался, густо покраснѣлъ, потомъ двинулся къ выходу.

— До свиданья, Евфросинья Андреевна!

— До свиданья, Николай Сергѣичъ.

— А вы, всетаки, не забывайте мои слова...

— Какія?

— Да всякія. Ну, и если надумаетесь...

— Ой, нечего надумываться-то!...

— Ну, какъ знаете. Прощайте! Зайду въ слѣдующее воскресенье: служба. Только по воскресеньямъ и могу на этюды выбраться.

Пройдя шаговъ десять, Богомоловъ вернулся.

— Слушайте! Вотъ что я скажу. Вы только не подумайте ничего дурного... Не перетолкуйте въ дурную сторону...

— Да мнѣ некогда ни въ какую сторону перетолковывать... Видите сами, еще работы сколько?

— Ну, если вы... если вамъ... деньги нужны...

— Всегда нужны!

— Ну, вотъ... Только если вамъ лично, не для Харитона Іоныча нужны... Скажемъ, пять, или даже десять рублей... Ну, вы только скажите мнѣ... Я сейчасъ добуду...

— Прощайте, Николай Сергѣичъ! Некогда! Пойду бѣлье вѣшать!

И дверь захлопнулась передъ Богомоловымъ.

Онъ медленно и нерѣшительно двинулся впередъ, неся на отлетъ ящикъ съ погромыхивающими красками.

Отойдя довольно далеко, онъ оглянулся, и ему показалось, что Фрося, выйдя на улицу, смотритъ ему во слѣдъ.

II.

Общее собраніе членовъ художественнаго кружка происходило въ квартирѣ Багрянскаго, единственнаго состоятельнаго человѣка изъ всего кружка.

Собрались въ сумерки, долго сидѣли, не зажигая лампъ: какъ-то не хотѣлось яркаго свѣта...

Большинство сидѣло, застывъ на мѣстахъ. Только самъ хозяинъ и иниціаторъ собранія, моложавый красивый брюнетъ итальянскаго типа, съ выхоленною бородою и роскошными усами,—Багрянскій,—все время почти не присаживаясь, расхаживалъ по комнатѣ.

Идея кружка какъ-то невзначай родилась въ его головѣ и не во всѣхъ деталяхъ была выяснена имъ самому себѣ.

Но въ этой идеѣ было нѣчто новое, нѣчто интересное.

Это подходило для той роли, которую среди мѣстныхъ художниковъ привыкъ играть Багрянскій,—роли идущаго впереди всѣхъ, служащаго чѣмъ-то связующимъ между этою затерявшеюся въ глуши обывательщины кучкою какъ-никакъ служителей искусства, и столицами, являющимися метрополіею для провинціальныхъ художниковъ...

Багрянскій раньше каждый годъ выставлялъ двѣ, три картины и нѣсколько этюдовъ на передвижныхъ выставкахъ, куда проникнуть даже въ качествѣ экспонента удается далеко не многимъ. И только теперь его картины что-то не шли.

Багрянскій долго жилъ въ Италіи, потомъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ.

Багрянскій, кажется единственный человѣкъ изъ всего города, побывалъ не только въ Лондонѣ, но и въ Нью-Іоркѣ.

Онъ зналъ нѣсколько языковъ, былъ знакомъ съ современною европейскою литературою, особенно по вопросамъ искусства.

Въ его домѣ было много картинъ, большею частью подаренныхъ ему товарищами по искусству, въ его кабинетѣ всѣ столы были завалены папками съ дорогими эстампами.

Рубенсъ, и рядомъ дикій фантастъ, поэтъ кошмара, Гойя, Ванъ-Дикъ и около него Рошгроссъ, лѣса Шишкина и моря Айвазовскаго...

Во всемъ городѣ ни у кого больше нельзя было найти хоть десятой доли того, что было собрано у Багрянскаго.

И художники, которые приходили къ нему, особенно цѣнили то, что Багрянскій охотно не только показывалъ свои коллекціи, но, показывая, увлекался и читалъ цѣлыя лекціи.

Провѣрить, правъ ли онъ, сообщаетъ ли онъ дѣйствительно точныя свѣдѣнія, или то, что онъ говоритъ, является только его собственными мнѣніями—было некому.

Да это и не требовалось; что бы ни говорилъ онъ, всетаки было для остальныхъ очень цѣнно, потому что никто изъ нихъ не выбирался изъ своего угла, никто не зналъ иностранныхъ языковъ, никто не могъ выписывать непосредственно изъ Берлина или Мюнхена, изъ Парижа или Флоренціи все выходящее въ печати по искусству...

Сейчасъ Фростъ и Тянкова, занимающіеся скульптурою, пересматривали альбомы галлерей скульптуры Лувра и фотографіи Миланскаго собора.

Плывушинъ, молодой еще худощавый блондинъ съ мягкимъ грустнымъ лицомъ и близорукими глазами, держалъ на колѣняхъ альбомъ Гойя, Богомоловъ добрался до какого-то собранія офортовъ Шишкина и сосредоточенно перелистывалъ офорты, соображая, какъ въ сущности легко перелицовывать картины Шишкина и продавать за свои собственныя, если умѣло пририсовывать къ нимъ избушку, изгородь, полотно желѣзной дороги, или вообще что-нибудь подобное...

Блинковъ, наиболѣе близкій къ хозяину изъ всей компаніи человѣкъ, сидѣлъ, забравшись съ ногами на турецкую тахту, покрытую вывезеннымъ съ Кавказа ковромъ, и молча курилъ. Онъ давно хворалъ, былъ боленъ грудью, и вообще избѣгалъ много говорить, чтобы не утомлять больныхъ легкихъ.

— Я говорю,—обратился къ Фросту и Тянковой Багрянскій,—что для васъ обоихъ наше предпріятіе не обѣщаетъ особенныхъ... Ну, не обѣщаетъ вообще дать что-нибудь болѣе или менѣе серьезное. Вамъ не нужно ни полотно, ни краски, ни кисти. Мрамора мы имѣть не можемъ, глину вы берете изъ Москвы... Но это, такъ сказать, чисто матеріальная сторона вопроса. А есть вѣдь и другая. Сторона, такъ сказать, идейная... И, мнѣ кажется, нашъ призывъ долженъ найти сочувственный откликъ и въ васъ. Что объединяетъ всѣхъ насъ? Искусство! Но гдѣ та почва, на которой мы могли бы сойтись?

Ну, прекрасно: вотъ, вы всѣ мои пріятели. Я радъ всегда васъ

видѣть. Вы приходите. Приходите запросто. По пятницамъ въ прошломъ году у насъ были свои кружковыя собранія. На Рождество я уѣхалъ—собранія прекратились. Осенью я ѣду въ Парижъ. Собранія вновь прервутся. Наконецъ, представьте себѣ такую картину: кто-нибудь почему-либо надулся на меня. Напримѣръ, ну Богомоловъ...

— Что вы, право, Викторъ Викторовичъ? Изъ-за чего я...

— Ну,—усмѣхнулся Багрянскій,—я, дѣйствительно, выбралъ мало удачный примѣръ... Ну, вотъ, старикъ Тулуповъ... Онъ оскорбился какъ-то изъ-за какого-то чисто теоретическаго спора года четыре назадъ, и съ тѣхъ поръ ко мнѣ ни ногою... У васъ, Елизавета Ѳедоровна, тоже особая чувствительность. Въ прошлый разъ моя жена по разсѣянности не подала вамъ руки. И если бы я не напомнилъ моей женѣ этого, то вы, надо думать, насмерть разобидѣлись бы и, по крайней мѣрѣ, нѣсколько недѣль, покуда какимъ-нибудь образомъ не выяснилось бы наше недоразумѣніе,—вы не показывались бы ко мнѣ... Я бы недоумѣвалъ, что это означаетъ, терялся бы въ догадкахъ, и потомъ пришлось бы разъяснять недоразумѣніе, толковать... Жена, конечно, поѣхала бы къ вамъ съ извиненіемъ... Словомъ, настоящая канитель...

Но все это слишкомъ многословно... Я только формулирую свою мысль: у насъ долженъ образоваться собственный клубъ, который представлялъ бы собою нейтральную почву. Въ этомъ клубѣ могли бы сходиться всѣ мы, не считаясь ни съ чѣмъ.

Я въ нѣсколько обостренныхъ отношеніяхъ съ Липскимъ. Къ себѣ я его не приглашу, да онъ и не пойдетъ. Но если мы встрѣтимся съ нимъ на нейтральной почвѣ, мы сумѣемъ обойти щекотливый пунктъ нашей размолвки и, уважая нейтралитетъ клуба, останемся въ его стѣнахъ если не пріятелями, если не товарищами въ русскомъ смыслѣ, то коллегами...

А это все необходимо, страшно необходимо!...

Теперь почти всѣ мы замкнулись въ свою скорлупу.

Это проклятая чисто русская черточка—спрятаться въ свой уголъ и заботливо охранять этотъ уголъ отъ чужого взора...

У насъ есть пословица, рекомендующая сора изъ избы не выносить. И мы накопляемъ, выражаясь фигурально, неимовѣрное количество этого самаго сору въ нашихъ избахъ... До тѣхъ поръ, покуда мы въ немъ не начинаемъ положительно задыхаться...

— Что вамъ, Аннушка?—прервалъ Багрянскій свою рѣчь, увидя, что въ кабинетъ вошла высокая, стройная, щеголевато одѣтая горничная его жены.

— Барыня извиняются, просятъ васъ на одну минутку пожаловать!—доложила горничная.

И всѣ въ комнатѣ почувствовали какъ-то инстинктомъ, что рѣчь будетъ идти именно о нихъ, о собравшихся здѣсь...

— Сейчасъ не могу. Скажите барынѣ, что я прошу ее или сюда пожаловать, или обождать. Черезъ полчаса я... Вы меня извините тогда на одну минуту, господа?—обернулся онъ къ остальнымъ.

Послышались увѣренія, что никто не будетъ въ претензіи. Горничная ушла.

— Ну-съ, такъ вотъ... О чемъ я говорилъ?—снова вернулся къ своей рѣчи Багрянскій.—Да, помню. Итакъ, необходима, во-первыхъ, нейтральная территорія, на которой каждый изъ насъ чувствовалъ бы себя не только гостемъ, но и до извѣстной степени хозяиномъ. Во-вторыхъ, мы не можемъ долѣе обходиться, говоря по совѣсти, безъ объединенія. Эта наша рознь, эта жизнь по угламъ создаетъ невозможныя условія для нашей работы, служитъ тормозомъ для общаго развитія. Несомнѣнно, въ городѣ есть талантливая молодежь, но она не знаетъ, куда идти. Она не знаетъ, что предпринять. Показать ей ея дорогу, направить ее по надлежащему пути... Да что я говорю? У меня вчера былъ одинъ такой юноша, который признался, что онъ полгода не можетъ добыть самыхъ простыхъ свѣдѣній объ условіяхъ пріема въ академію. У Бранденбурга и у Гомулина этого никто не знаетъ. Идти къ намъ, къ художникамъ? Но онъ, какъ онъ мнѣ говорилъ,—«боялся рѣзкаго пріема». Положимъ, это исключительный случай, такая особая скромность и застѣнчивость... Но это—фактъ... Потомъ... Оглянитесь вокругъ!

Вотъ въ углу сидитъ Богомоловъ, мысленно выкраивая «картинки» изъ вещей Шишкина...

— Викторъ Викторовичъ!—закричалъ, багровѣя, Богомоловъ.

— Не конфузьтесь, юноша!... Вы попали на такую линію, что... Но я даже утилизирую васъ, какъ рѣзко показательный, убѣдительный примѣръ. Если бы, начиная писать, вы попали въ такой товарищескій кружокъ, въ которомъ вы нашли бы авторитетныя указанія, поддержку, если бы вы—что легко осуществимо,—вмѣсто малеванія грошовыхъ «картинокъ» для сбыта по мебельнымъ магазинамъ, занялись подъ руководствомъ моимъ, или Плывушина, или Блинкова,—дѣйствительно искусствомъ, и занялись бы тогда, когда васъ еще не отравилъ демонъ выколачиванія трех-и пятирублевокъ за ваши «картинки»... Ну, мы сумѣли бы васъ направить иначе... Да, господа, намъ нужна точка опоры; нужно, чтобы кто-нибудь помогалъ, не давалъ потонуть, бросилъ, быть можетъ, соломинку чело-

вѣку, чтобы не дать ему погрязнуть въ омутѣ, какъ погрязаетъ, напримѣръ, Тулуповъ около своей жены-прачки.

— Что вамъ, Аннушка?

— Барыня убѣдительно просятъ на одну минуту!—сказала вновь появившаяся на порогѣ кабинета горничная.

Багрянскій, прикусивъ губу, извинился передъ товарищами и, пообѣщавъ скоро возвратиться, вышелъ.

Гости по уходѣ Багрянскаго заговорили какъ-то свободнѣе. Заговорилъ даже обыкновенно молчавшій и внимательно слушавшій рѣчи другихъ Богомоловъ. Онъ повелъ рѣчь о томъ, что, при условіи открытія магазина кружкомъ товарищей, цѣны на матеріалы, потребные для работы художниковъ, понизятся на пятьдесятъ процентовъ, что можно придумать многое.

Его никто не слушалъ. Онъ подошелъ къ Плывушину и заискивающимъ голосомъ попросилъ разрѣшенія скопировать послѣдній его этюдъ—заглохшій прудъ съ мостками и прачкою на нихъ. Плывушинъ насмѣшливо сказалъ:

— Продали кому-нибудь?

— Ахъ, Господи... Да почему вы всѣ такъ дурно обо мнѣ думаете?—возразилъ Богомоловъ.

— Да потому, что вы, голубчикъ, попросту говоря,—мародерствуете... Если бы вы учились—каждый изъ насъ счелъ бы долгомъ помочь, показать, научить... Но вы что дѣлаете? Скажите, развѣ не правда, что вы на прошлой недѣлѣ продали сразу около пятидесяти «картинокъ» какому-то скупщику?

— Да что же тутъ дурного? Вы сами знаете, Иванъ Яковлевичъ, какое я жалованье получаю: сорокъ пять въ мѣсяцъ. А у меня мать старуха... Ей каждый мѣсяцъ посылаю. Сестра есть... Ту поддержать надо... Ну, и малюю... Знаю, что дрянь работа... Да я на нее такъ и смотрю... Вы вѣрно сказали: сорокъ восемь штукъ онъ у меня взялъ. Я на дощечкахъ отъ сигарныхъ ящиковъ намазалъ...

— Вотъ видите, въ васъ какая-то скверная жадность заговорила. Вы готовы хламъ всякій писать. Не работать, не развиваться, а только дешевку... Вамъ все равно, что написать: море, такъ море, хоть вы его никогда въ глаза не видали... Лѣсъ, такъ лѣсъ... И васъ никогда не останавливала мысль, что вы, въ сущности, обманываете того, кому продаете свою «картинку», какъ вы называете?

— Ахъ, Господи!—взмолился Богомоловъ:—да какой же это обманъ? Я понимаю, если бы я написалъ, что это Айвазовскаго картина, это Шишкина... А это Маковскаго... Вѣдь я же этого не дѣлаю? что за деньгами гонюсь... Господи! Да кто же за деньгами не го-

нится? Я человѣкъ молодой. Жизнь впереди... Мое счастье, что я хоть такъ малевать могу... На что я могу впереди разсчитывать на службѣ? Добьюсь до семидесяти пяти, да такъ и застряну... А если женюсь? Дѣти пойдутъ... Ну, и бьюсь я... Обезпечить себя хочется. Что же тутъ дурного? Конечно, если бы могъ такъ писать, какъ Викторъ Викторовичъ пишетъ, или какъ вы... Развѣ я этою фабрикаціею занялся бы? Да никогда, въ жизни никогда!... Самому надоѣло... Мажешь, мажешь, не разгибаясь... Сразу наклеишь на доску двѣнадцать дощечекъ, разведешь краски на палитрѣ и жаришь небо. Потомъ двѣнадцать хатокъ. Потомъ двѣнадцать деревьевъ. Потомъ... Ей-Богу, самому противно...

Фростъ подошелъ къ говорящимъ.

— О чемъ вы тутъ? Ахъ, о фабрикаціи «картинокъ?» Зараза... Это съ легкой руки нѣмцевъ пошло... Смотрите, Берлинъ сколько присылаетъ этого хлама? Пропасть... Я въ Москвѣ и въ Петербургѣ видѣлъ: всѣ мебельные магазины завалены этой грошовкою... Да и въ самомъ Берлинѣ... На Унтеръ-денъ-Линденъ, на Фридрихъ-штрассе, Потсдамеръ-штрассе, вездѣ... Огромные магазины, колоссальныя зеркальныя окна, раззолоченныя рамы и сверхъ-естественная мазня... Но чисто по-нѣмецки дрянная мазня—въ нелѣпой, но дорогой рамкѣ, и на рамкѣ мѣдная таблетка съ именемъ автора. Ведется дѣло на широкую ногу... Должно быть, цѣлыя фабрики существуютъ...

Подошла Тянкова.

— А я знаю тоже въ Одессѣ,—сказала она:—на весь югъ Россіи двѣ фабрики работаютъ. Берутъ самыя дешевыя краски, загрунтовываютъ деревянныя дощечки и пишутъ... Но тамъ больше марины: копіи съ старыхъ вещей Айвазовскаго...

Подумавъ мгновенье, Плывушинъ сказалъ въ свою очередь.

— Да, это такъ: фабричное производство вторгается всюду. Но противъ этого явленія необходимо бороться. Это—гибель для искусства. Это—его смерть... Эти вещи принижаютъ вкусъ толпы, пріучаютъ глазъ къ дряни...

— Э, полноте!—возразилъ Фростъ раздумчиво.—Мы, скульпторы, больше другихъ могли бы жаловаться на это... Однѣ гипсовыя отливки чего стоятъ! Я безъ содроганія не могу видѣть ихъ. Помните Фаустъ и Маргарита, Ромео и Джульета... Или еще что-нибудь... Но что же дѣлать, въ сущности? Вѣдь наши настоящія скульптурныя произведенія—недоступны широкимъ слоямъ публики. Музеевъ нѣтъ. Частныхъ собраній мало, и народу—въ точномъ смыслѣ этого слова—все это недоступно. А спросъ есть. Ну, и пускай этотъ

спросъ удовлетворяется тѣмъ, что есть. Пусть берутъ покуда «Ромео и Джульету» за полтора цѣлковыхъ. Потомъ...

— Вы думаете, что настанетъ когда-нибудь это ваше «потомъ?» — спросилъ Плывушинъ, улыбаясь мягкою улыбкою извѣрившагося во всемъ человѣка.

Фростъ вспыхнулъ.

— Да, да! Если бы не вѣрить въ это, можно было бы въ отчаяніе придти... Тоска заѣла бы...

Вотъ, я работаю. Ну, хорошо. Вы обрушиваетесь на Богомолова. А я что дѣлаю? Двѣнадцать лѣтъ. Двѣнадцать долгихъ лѣтъ! Мастерская... Что она у меня работаетъ? Два раза я сдѣлалъ камины горельефъ. За двѣнадцать лѣтъ! Шесть, семь бюстовъ. А все остальное время—надгробные памятники... И какіе?!

И Фростъ безнадежно махнулъ рукою и отошелъ въ сторону.

Въ это время на порогѣ кабинета показался Багрянскій.

— Извиняюсь, господа!—сказалъ онъ нервно:—я долженъ васъ покинуть... Неотложныя дѣла... Необходимо поѣхать...

Гости заторопились уходить.

Прощаясь, Плывушинъ вполголоса спросилъ хозяина: — Что-нибудь случилось?

— Ахъ, старая исторія!—отмахнулся рукою Багрянскій и прикусилъ губы.

— Изъ-за чего?

— Спроси лучше—изъ-за кого... Постой. Я пойду тебя проводить до угла... Нервы не выдерживаютъ. Кажется, найдись рѣшимость, пулю въ лобъ себѣ всадилъ бы... Понимаешь, изъ-за Тянковой! Въ прошлый разъ жена намѣренно игнорировала ея присутствіе. Не подала Елизаветѣ Федоровнѣ руку. Ну, помнишь?

Плывушинъ кивнулъ головою.

— Ну, вотъ... Кое-какъ удалось урезонить, уломать, Тянкова не какая-нибудь сирена, не львица. Сѣренькій человѣчекъ. Я не могу на нее смотрѣть, какъ на женщину даже...

Тогда начинается новая исторія: жена заявляетъ, что она не допуститъ больше меня компрометировать себя знакомствомъ съ Тянковою.

— Ты можешь,—заявляетъ она,—встрѣчаться съ этою неряхою и грязнухою, гдѣ угодно, но нашъ домъ она положительно компрометируетъ. Она стрижетъ волосы, носитъ пенснэ, грызетъ ногти... Вотъ и всѣ обвиненія... А, да ну его!... къ Богу! Надоѣло все... Жду, не дождусь осени: поѣдемъ въ Парижъ. Знаешь, Ваня, смѣшно это: но какъ-то легче тамъ чувствуешь себя... Даже въ этомъ отно-

шеніи... Это странное чувство: здѣсь какъ будто все тычетъ мнѣ въ глаза, что я продался богатой пошлой бабѣ, продалъ себя, какъ мужчину, продалъ свой талантъ, все... Тамъ, за границею, этого я не чувствую... Ну, прощай...

Отойдя на нѣсколько шаговъ отъ Плывушина, Багрянскій возвратился, окрикнулъ его:

— Относительно кружка—докончимъ разговоръ завтра. Въ кондитерской у Реншильда, въ двѣнадцать. Притащи съ собою Фроста, Блинкова... Да, пожалуй, покуда и довольно... Хорошо? Прощай же!

III.

Плывушинъ добрался домой, на окраину города, гдѣ онъ занималъ крошечный домикъ особнячекъ, довольно поздно, около десяти часовъ.

Весенній вечеръ былъ тихъ и тепелъ. По соннымъ улицамъ окраины было тихо и безлюдно.

Тусклые керосиновые фонари тщетно боролись съ наплывающею мглою ночи.

По временамъ тихій вѣтерокъ откуда-то доносилъ волну влажнаго и напоеннаго ароматомъ воздуха.

Шаги Плывушина по доскамъ деревянныхъ тротуаровъ будили дремлющую окрестность. Часто изъ-за тянущагося на значительномъ пространствѣ кривого, уродливаго забора вдругъ слышался яростный хриплый лай двороваго пса, гремѣла цѣпь, на которой метался вдоль забора неугомонный четвероногій стражъ. Его лаю отвѣчалъ лай справа, слѣва. Поднимался цѣлый концертъ, цѣлый хаосъ звуковъ остервенѣлаго лая.

Потомъ лай оставался позади, и опять только шаги Плывушина нарушали царившую тишину.

Но вотъ, наконецъ, художникъ добрался домой.

Онъ усталъ за день, ему хотѣлось только одного—отдохнуть и лечь пораньше спать, чтобы завтра приняться за работу.

Двери ему отворила его жена, Агнія Николаевна.

— Здравствуй, Агнія!—сказалъ онъ ей усталымъ голосомъ.— Что, все благополучно? Какъ бы ты дала мнѣ стаканчикъ чайку...

Молодая женщина молчала.

— Что съ тобою, Агнія? Что случилось?

Плывушинъ тутъ только замѣтилъ, что его жена была одѣта, какъ одѣвалась для прогулки въ городъ. Онъ взглянулъ на ея лицо, и мгновенно его душу охватилъ порывъ злого, враждебнаго чувства

по отношенію къ этой женщинѣ, смотрѣвшей на него какими-то мертвыми глазами.

Онъ швырнулъ въ уголъ шляпу и почти закричалъ, приближаясь къ женѣ:

— Будешь ты говорить сегодня? Я тебя русскимъ языкомъ спрашиваю, что случилось?

— Ничего не случилось!—отвѣчала она какъ будто равнодушнымъ и холоднымъ голосомъ, но въ его ноткахъ прорывалось что-то тупо злобное. И этотъ голосъ какъ-то больно задѣвалъ всѣ нервы Плывушина, будоражилъ все въ его душѣ, заставлялъ кровь кипѣть въ жилахъ.

— Если ничего не случилось, то что значитъ твое поведеніе?

— Никакого моего поведенія... А ты бы шлялся до утра...

— До утра? Ты съ ума сошла? Сейчасъ десяти еще нѣту.

— На какихъ это часахъ?

— На, смотри! Видишь?

— По твоимъ—можетъ быть...

— Покажи твои.

— Мои остановились... Но я знаю, что ты до полуночи шляешься...

— Если бы и такъ, то что же изъ этого?

— Ахъ, такъ? Вамъ, конечно, пріятно сидѣть въ компаніи съ какими-нибудь... тварями... А жена? Ну, о женѣ вы и не думаете... Вамъ безразлично, что она измучена...

— Постой! Я совершенно не понимаю, въ чемъ дѣло?

— Кажется, понять нетрудно... Я хотѣла сегодня пойти въ «Тиволи». Собралась, одѣлась...

— Постой. Вѣдь я первый пригласилъ тебя, но ты наотрѣзъ отказалась...

— Ну, да... Потому и отказалась, что видѣла, какъ ты приглашаешь...

— Но какъ же?

— Да такъ... Лишь бы отдѣлаться... Какъ отъ собачки... На, тебѣ, собачка, кусочекъ хлѣбца, только отстань...

— Послушай. Ты отказалась идти или нѣтъ? Говори: отказалась?

— Ну, что же, что отказалась? Если бы ты настаивалъ...

Плывушинъ схватился за голову.

Онъ чувствовалъ, что каждое ея движеніе, каждый ея жестъ только доводятъ его раздраженіе до высшей степени напряженія. Все это было такъ нелѣпо, такъ безсмысленно!

Онъ попытался овладѣть собою.

— Послушай,—сказалъ онъ, сдерживаясь, превозмогая свой гнѣвъ.—Послушай. Скажи, чего ты хочешь?

Она молчала.

— Ты хочешь пойти въ городской садъ?

Она молчала.

— Если хочешь, собирайся. Пойдемъ!

— Здравствуйте! Люди расходиться будутъ, а мы къ шапочному разбору пожалуемъ...

— Лжешь! Начало въ девять, сейчасъ нѣту десяти. Мы черезъ полчаса будемъ тамъ. Задолго до разгара...

— Покорно благодарю, я не охотница приходить, когда все началось...

— Пойми ты, однако...

— Нечего понимать. Все и такъ понятно...

— На открытой сценѣ пять отдѣленій программы. Мы поспѣемъ ко второму. Собирайся! Самое интересное—второе и третье отдѣленія...

— Конечно, для васъ—можетъ быть... Если васъ тамъ кто-нибудь ждетъ... Съ кѣмъ нибудь сговорились, если такъ настаиваете...

Плывушинъ не выдержалъ и стукнулъ кулакомъ по столу:

— Ты съ ума сошла?

— Ахъ, вамъ такъ хочется изъ меня сумасшедшую сдѣлать? Отдѣлаться отъ меня хочется? Но вамъ это не удастся...

— Замолчи!

— Не буду молчать. Пусть всѣ знаютъ... Мнѣ нечего скрываться! Я въ своемъ правѣ... На что я замужъ выходила? Для того, развѣ, чтобы гнуть спину, какъ на каторгѣ? Людей не видѣть? Никуда показаться нельзя. Куда ни придешь, всюду спрашиваютъ: что, вашъ супругъ не устроился гдѣ-нибудь на мѣстѣ? Оглядываютъ мой костюмъ съ сожалѣніемъ... Другія, поумнѣе, чѣмъ я, одѣты, какъ люди... Я въ лохмотьяхъ какихъ-то... У другихъ квартира, какъ квартира... А мы у чорта на куличкахъ... Манька Долгарева—рожа рожею, у нея свой экипажъ, свои лошади...

Плывушинъ застоналъ.

— А мы ребятъ наплодили... Нищихъ... Проклятыхъ!... Какъ колода на моей шеѣ висятъ... Никуда ни пойти, ни людей посмотрѣть... Проклятье какое-то... Хоть бы они передохли... А-а-а...

И Агнія Николаевна, швырнувъ подвернувшуюся подъ ея руки книгу, закричала дикимъ голосомъ и упала на полъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ давно уже, въ самомъ началѣ этой безобразной сцены, слышались дѣтскіе голоса, раздался отчаянный плачъ, потомъ крикъ. Двери изъ дѣтской растворились, и въ комнату съ воплемъ вбѣжалъ шестилѣтній мальчикъ, полураздѣтый...

Увидѣвъ лежащую на полу мать, онъ самъ упалъ и забился въ истерическихъ рыданіяхъ.

Прибѣжала нянька и стала безтолково толочься то около Агніи Николаевны, попрежнему дико вскрикивавшей, то около ребенка. Плывушинъ схватилъ мальчика на руки, отнесъ его въ спальню, положилъ въ постельку, потомъ подбѣжалъ къ женѣ и вылилъ ей на голову трясущимися руками воду изъ графина.

Молодая женщина вскрикнула, потомъ смолкла, открыла глаза и тихимъ голосомъ спросила мужа, силившагося приподнять ее:

— Что случилось, милый? Почему я на полу? Упала я, что ли? И голова вся мокрая...

— Помолчи! Поднимись, я положу тебя на кровать.

— Ахъ, не надо... Я сама... я сама...

Она съ трудомъ поднялась, присѣла, потомъ встала и шатаясь прошла въ свою спаленку.

Плывушинъ прошелъ за нею. Она улеглась въ постель.

— Посиди около меня, милый!—сказала она мужу разслабленнымъ голосомъ.

Онъ присѣлъ.

— Сядь поближе... Ты все сторонишься отъ меня... Никогда не приласкаешь свою Агничку... Свою рыбку золотую... Помнишь, когда ты жилъ у мамы въ меблированныхъ комнатахъ, а я къ тебѣ забѣгала на минутку, ты меня ласточкою называлъ, рыбкою... А теперь отъ тебя слова не добьешься... По цѣлымъ днямъ за своею работою сидишь, подойти къ тебѣ нельзя... Будь она проклята, твоя работа. Вотъ что я скажу...

— Не волнуйся. Тебѣ вредно!

— Ахъ, оставь... Я ничуть не волнуюсь... Только у меня голова почему-то болитъ... Я говорю, отчего у другихъ, счастливыхъ, не такъ все идетъ? Развѣ ты живешь со мною? Утромъ—хочется съ тобою пойти погулять, ты отказываешься: работа. Торопиться будто бы надо. Подано обѣдать, ты глотаешь наскоро, бѣжишь въ мастерскую... Вечеръ пришелъ, чѣмъ пойти бы куда-нибудь, посидѣть вмѣстѣ, ты опять за работу...

— Ты же знаешь, что если я не буду работать, мы безъ куска хлѣба сидѣть будемъ... Ты же не ребенокъ. Должна понимать!...

— А отчего прежде можно было и день, и два ничего не дѣлать? Помнишь, какія прогулки мы съ тобою дѣлали?

— Но насъ было двое... Теперь насъ четверо... У насъ двѣ прислуги... Запаса нѣтъ. Поддержки ни откуда...

— Ахъ, не то, не то!... Просто, ты меня разлюбилъ и только... Что же? Надо терпѣть... Такой крестъ Богъ послалъ... Я не ропщу. Я знаю, что я тебѣ не пара... Ты долженъ былъ жениться не на мнѣ, ни къ чему не способной, ничего не знающей дѣвушкѣ... Развѣ я не понимаю? Ты художникъ, долженъ былъ жениться на художницѣ... Вы работали бы вмѣстѣ. Работа не отнимала бы тебя у твоей жены, наоборотъ, она связывала бы васъ... Вы жили бы общими интересами... А я—полное ничтожество. Я стараюсь понять, что тебя интересуетъ, чѣмъ ты занятъ... Я сама взялась бы работать... Но я сколько разъ просила тебя: научи меня рисовать...

— «Научить» рисовать нельзя. Надо имѣть способности...

— Отчего же другія учатся и у нихъ выходитъ? Наконецъ, и у меня были способности... Я въ гимназіи рисовала... Цвѣточки рисовала... И всѣ восхищались... Но твоихъ красокъ я терпѣть не могу... Отъ нихъ такой тяжелый воздухъ... Но я поборю себя. Ты только будь добръ ко мнѣ... Ты все показывай мнѣ. Я буду учиться...

— А дѣти?

— Ахъ, дѣти? Ну, что же? Мы возьмемъ для дѣтей бонну. Ты самъ видишь, я совсѣмъ плохая мать... Я только врежу дѣтямъ... И съ бонной имъ будетъ гораздо лучше... Они привыкнутъ къ работѣ, будутъ постоянно на свѣжемъ воздухѣ... А я буду работать съ тобою... Хорошо?

— Хорошо! Только не волнуйся!

— Знаешь, я сошью себѣ рабочій костюмъ. Вѣроятно, есть такіе спеціальные костюмы для художницъ. Совсѣмъ простенькая прическа какая-нибудь... Только чтобы не остричься. Терпѣть не могу стриженыхъ... И простенькое холстинковое платье. И непремѣнно съ узенькими рукавами... И каждое утро мы будемъ приниматься за работу. Какъ ты думаешь, Ивасикъ, черезъ сколько мѣсяцевъ я буду въ состояніи тебѣ помогать?

— То-есть какъ это?

— Ну, я не знаю, какъ... Можетъ быть, ты только не сердись, я такая глупая... Можетъ быть, можно такъ: ты размѣтишь картину, скажешь, какою краскою надо небо покрыть, ну, лѣсъ, воду... А я буду сидѣть и писать... А потомъ ты поправишь, только, такъ сказать, окончательную отдѣлку дашь... Я хочу попробовать... Ты

мнѣ покажешь все. И мы будемъ вмѣстѣ работать... Мы заработаемъ много денегъ. Я увезу тебя въ Италію. Ты тамъ отдохнешь. Ты станешь знаменитостью. За твои картины будутъ платить бѣшеныя деньги...

Увлекшись разговоромъ, Агнія Николаевна поднялась и съ мечтательною улыбкою усѣлась на колѣни къ мужу, обвивъ его шею рукою и прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ.

Ея волосы щекотали лобъ Плывушина. Ему было жарко, но онъ не хотѣлъ отталкивать жену.

— Мы поселимся гдѣ-нибудь въ Крыму,—продолжала она мечтать вслухъ.—На самомъ берегу моря... У насъ будетъ маленькій, маленькій уютненькій домикъ, весь заросшій дикимъ виноградомъ. И передъ окнами будутъ кусты палевыхъ и алыхъ розъ... Или еще лучше, знаешь, въ самомъ дѣлѣ, если мы поѣдемъ въ Италію или въ Швейцарію... Я не могу безъ ненависти слушать, какъ Багрянская разсказываетъ объ этомъ... Ну, о томъ, какъ они съ мужемъ плавали въ гондолахъ въ Венеціи, ѣздили на ослахъ на Везувій... Воображаю, какъ она удивится, эта фря, если когда-нибудь мы встрѣтимся съ нею гдѣ-нибудь въ Неаполѣ, и я съ нею заговорю по-итальянски? А я непремѣнно, непремѣнно хочу выучиться говорить поитальянски... И, само по себѣ разумѣется, по-французски... Ты только не разочаровывай, не расхолаживай меня. Я все, все сдѣлаю. Но какъ только ты скажешь, что изъ этого ничего не выйдетъ, у меня руки опускаются, и я чувствую себя дура-дурою... Тебѣ неудобно? Жарко? Но я не отпущу тебя... Ты—мой? И я не отдамъ тебя никому, никому...

Неожиданно молодая женщина нагнулась и поцѣловала руку мужа. Потомъ прильнула къ нему и стала осыпать жгучими поцѣлуями его лицо.

— Правда, ты еще любишь меня? Ты не промѣнялъ меня на кого-нибудь? Поцѣлуй же меня...

Часъ спустя Плывушинъ улегся спать въ своемъ маленькомъ кабинетѣ.

Ему не спалось, хотя онъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы заснуть.

Онъ тщетно старался не думать ни о чемъ, считалъ до ста и опять до ста. Досталъ какую-то книгу, но читать не могъ.

Думы роемъ кружились въ переутомленномъ мозгу.

То выплывалъ образъ Багрянскаго, вспоминались его слова о его семейной неудачной жизни, о томъ, что его жена купила его, щедро заплатила ему, но за эту плату требуетъ, чтобы онъ не имѣлъ другой воли, какъ ея волю, не имѣлъ другихъ интересовъ, какъ ея ин-

тересы, думалъ бы только о ней, о ней одной, угадывалъ бы ея желанія.

«Да. Но та, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно купила его. Она, по крайней мѣрѣ, заплатила ему... А эта? Во имя чего она требуетъ такого же, въ сущности, рабства? Что она сдѣлала, чѣмъ она пріобрѣла право предъявлять такія требованія? Любовью...»

И горькая усмѣшка искривила губы художника.

Онъ потушилъ свѣчу, улегся. Но сонъ все не шелъ къ нему, мысли одолѣвали его.

Накинувъ на себя одѣяло, онъ прошелъ въ дѣтскую.

Нянька крѣпко спала и не пошевельнулась при скрипѣ двери. Дѣти спали такъ же, но спали тревожно. Доля разметался по постелькѣ, его лобикъ былъ горячъ, онъ во снѣ что-то бормоталъ. Нюся зарылась головкою въ подушечку и похрапывала.

Плывушинъ постоялъ надъ дѣтскими постельками, потомъ перекрестилъ дѣтей и ушелъ. Входя въ свою комнату, онъ замѣтилъ, что въ окно уже льется сѣрый свѣтъ нарождающагося дня.

IV.

Второе собраніе кружка художниковъ для обсужденія вопроса объ устройствѣ товарищескаго магазина состоялось въ кондитерской у Ренгшильда.

Кромѣ Багрянскаго, Плывушина, молчаливаго и застѣнчиваго Блинкова, кромѣ отпросившагося со службы Богомолова и нервничавшаго больше обыкновеннаго блѣднаго Фроста, присутствовалъ еще Тихонъ Захаровичъ Сумцовъ.

Его приходъ всѣ художники встрѣтили радушно.

— Ну, современный коммерсантъ? Какъ дѣла? Что видно на политическомъ горизонтѣ? Замѣчаются ли симптомы выступленія на арену нашей политической жизни мощной буржуазіи, которая смѣнитъ нынѣ царствующую бюрократію и проглотитъ насъ всѣхъ?— сказалъ, подавая руку, Багрянскій.

— Погодите. Не торопитесь!... Наше время впереди!... Потихонечку, полегонечку... Исторія прыжковъ не знаетъ... Прыгнуть-то можно, но можно, прыгнувъ, оборваться и шлепнуться въ пропасть!—отвѣчалъ онъ, усаживаясь и оправляя туго накрахмаленный воротникъ, подпиравшій подбородокъ.

— Видѣлъ вашего папашу, Иванъ Яковлевичъ!—продолжалъ, здороваясь, новопришедшій.

— Ну, какъ старикъ?—спросилъ Плывушинъ.

— А по-старому... Спросилъ меня, что вы подѣлываете, не думаете ли, какъ онъ выражается, «бросить свое баловство» — сирѣчь, служеніе искусству и возвратиться къ ларамъ и пенатамъ домашняго очага. Но я, разумѣется, отвѣтить на этотъ вопросъ не имѣлъ возможности. Да и вообще избѣгаю вторженія въ чужія дѣла...

— Ба, Альбертъ Карловичъ! Какъ мы поживаемъ? Кого изъ камня высѣкаемъ?—продолжалъ, поворачиваясь отъ Плывушина къ Фросту, Сумцовъ.

— Благодарю васъ. Не настолько хорошо, чтобы вы лопнули отъ зависти, и не настолько плохо, чтобы вы лопнули отъ восхищенія!—пробормоталъ Фростъ, который не ладилъ съ Сумцовымъ и не упускалъ случая оборвать его.

Но Сумцовъ былъ не изъ легко смущающихся.

— Люблю за откровенность Альберта Карловича! Хо-хо!... А я для васъ, Альбертъ Карловичъ, новинку принесъ. Анекдотецъ маленькій... Видите ли, для характеристики, такъ сказать, того положенія, которое въ настоящее время занимаетъ скульптура. Исторія такова. Два рисунка. На одномъ надпись: скульпторъ въ Мюнхенѣ...

— Знаю! Видѣлъ! Можете оставить анекдотъ при себѣ!—сказалъ хмуро скульпторъ.

— На другомъ—скульпторъ въ Берлинѣ...

— Сказалъ же, что знаю? Зачѣмъ же вы даромъ порохъ тратите?

— Вы-то знаете, а другіе, можетъ быть, не знаютъ... Ну-съ, такъ вотъ. Скульпторъ въ Мюнхенѣ сидитъ въ пустой мастерской, самъ тощій, голодный, по всѣмъ признакамъ. Никакой работы. Никакого заказа. За бутербродъ съ ветчиною заплатить нечѣмъ. Но за то—служитель свободнаго искусства... Другая картина. Скульпторъ въ Берлинѣ. Толстый, сытый, солидный, ордена на фракѣ, сигара въ зубахъ. Стоитъ около телефона и объясняется:

— Двадцать бюстовъ императора Вильгельма? Хорошо! Сорокъ прусскихъ орловъ? Къ январю? Боюсь, что не успѣю... Заваленъ заказами!... А еще что? Ахъ, памятникъ въ честь денщика Мольтке? Не готовъ... не успѣваю...

Анекдотъ произвелъ слабое впечатлѣніе, но Сумцова и это не смутило.

Онъ занялъ мѣсто поудобнѣе и изрекъ:

— Наслышанъ о вашемъ предпріятіи, и такъ какъ считаю за особую честь то, что вы не гоните меня изъ своего высоко интелли-

гентнаго общества, то позволилъ себѣ явиться на это собраніе, предполагая, что мой практическій опытъ можетъ имѣть кое-какое значеніе... Не прогоните?

Багрянскій кивнулъ головою.

Лакей подалъ кофе и пирожныя. За кофе приступили къ выясненію, что можно дѣлать теперь же.

Говорили долго и много. Въ концѣ-концовъ выяснилось, что для открытія магазина нужно имѣть наличными деньгами около трехъ тысячъ рублей, такъ какъ ставить дѣло надо сразу, чтобы оно сразу же пошло полнымъ ходомъ, иначе и затѣвать не стоитъ.

Стали подсчитывать, каковъ можетъ быть основной капиталъ товарищества.

Багрянскій сталъ записывать.

Первымъ онъ поставилъ себя, записавъ цифру 500 р. Плывушинъ записалъ двѣсти, Богомоловъ сто, Фростъ двѣсти за себя и пятьдесятъ за Тянкову, Блинковъ пятьдесятъ. На этомъ запись остановилась.

— Эхъ, раскошелюсь и я начисто! — съ паѳосомъ заявилъ Сумцовъ.—Хоть и не художникъ, зато около васъ толкусь...

Багрянскій подсчиталъ. Всего на все оказалось 1,200 рублей.

— Съ этою суммою нечего и начинать!—рѣшительно сказалъ Багрянскій.

— Да, но больше собрать положительно неоткуда. Я и то съ трудомъ наскребу двѣсти...—отозвался Фростъ и добавилъ:— Я это предвидѣлъ. Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано... Человѣкъ! Дайте еще чашку кофе!

Сумцовъ откашлялся и заговорилъ:

— А дозвольте освѣдомиться, милостивые государи, въ какомъ положеніи обстоитъ дѣло съ предположенною выставкою и въ какомъ отношеніи находится она къ предположенному магазину товарищескаго кружка?

— Конечно, прежде всего, ни въ какомъ отношеніи. Два совершенно самостоятельныхъ дѣла. Выставку мы думаетъ организовать въ сентябрѣ. Я полагаю, что никакого матеріальнаго значенія она имѣть не будетъ. Дай Богъ, чтобы свести концы съ концами!—отозвался Багрянскій.

— Такъ! Но вы позволите мнѣ, хотя я и не художникъ, продолжать говорить?—вновь поднялся Сумцовъ.

— Говорите.

— И могу ли я быть признаннымъ, хотя бы на сіе время, полноправнымъ членомъ кружка?

— Ну, что же? Предположимъ!

— Такъ что, если я внесу, предположимъ, совершенно даже дикое съ вашей, артистической, точки зрѣнія предложеніе, то вы на меня не обрушитесь громомъ и молніею?

— Вносите ваше «дикое» предложеніе. Посмотримъ...

Сумцовъ зажмурилъ глаза, какъ бы желая фиксировать въ мозгу рисующуюся картину.

Помолчавъ немного, онъ заявилъ:

— Во-первыхъ, я вижу коренную ошибку въ томъ, что вы, господа, отдѣляете эти два предпріятія одно отъ другого... Они, на мой чисто коммерческій взглядъ, наоборотъ, совершенно неотдѣлимы. Даже больше: выставка должна предшествовать магазину. И, скажу еще, выставка должна, непремѣнно должна дать средства для магазина...

— То-есть, это же какимъ образомъ? Что-то фантастичное!— сказалъ Багрянскій, постукивая небрежно пальцами руки по холодному мрамору столика.

— Видите ли, господа... Вы—артисты. Всѣ артисты,—это общеизвѣстная истина, въ нѣкоторомъ родѣ даже аксіома,—люди талантливые, но, увы,—крайне непрактичные... Я не художникъ, конечно, только трусь въ вашей средѣ, но, мнѣ кажется, если бы вы дали мнѣ нѣкоторыя полномочія... Мнѣ кажется, я могу гарантировать вамъ сборъ въ суммѣ по меньшей мѣрѣ двѣ тысячи рублей чистыхъ. Говорю—по меньшей мѣрѣ—двѣ тысячи. Ибо на самомъ дѣлѣ убѣжденъ, что получу три... И это безъ особыхъ жертвъ съ вашей стороны. По крайней мѣрѣ, безъ жертвъ наличными деньгами, каковыхъ денегъ не соберешь... Есть одна простая, но легко осуществимая комбинація... Но при условіи: картъ-бланшъ...

— Ничего компроментантнаго?—спросилъ Багрянскій.

— Разумѣется!

— Но тогда какимъ же путемъ?

— Выставка-лотерея. И лотерея именно изъ вашихъ же, не находящихъ почему-либо сбыта, залежавшихся вещей,—ихъ же, увѣренъ, отыщется немало.

— Что такое?

— Да очень просто: лотерея. Не понимаете? Ну, я поясню. Слышали про идею супруги начальника губерніи? Сегодня концертъ— въ пользу пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ слѣдующее воскресенье—народное гулянье. Думали они устроить лотерею, но отказались отъ этой идеи, ибо нужно что-нибудь новенькое, что-нибудь интересное... А лотерей за прошлую зиму было около десяти.

И лошадей разыгрывали, и коровъ, и сервизы китайскаго фарфора... И всѣмъ это надоѣло. Ну-съ, моя идея такова: я предложу лотерею произведеній мѣстныхъ художниковъ. Сначала выставку—весь сборъ въ пользу означеннаго пріюта. Потомъ—аукціонъ. Потомъ—что не продано—въ лотерею. Или наоборотъ: сначала лотерея, а что не сбыто—на аукціонъ. И если все это организовать, какъ слѣдуетъ...

Багрянскій запротестовалъ:

— Это какое-то скверное гешефтмахерство. Я умываю руки.

— Погодите, Викторъ Викторовичъ. Руки умыть вы всегда успѣете... Вы скажите, согласны ли вы будете просто-напросто дать мнѣ картины съ выставки, намѣтивъ ихъ цѣну? Съ условіемъ: если я все сбуду, совершенно устраняя васъ въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ отъ всего предпріятія? Вы продаете свои картины первому встрѣчному? Хоть ростовщику? Хоть круглому невѣждѣ? Ну? Почему же вамъ не продать ихъ супругѣ начальника губерніи? Всякая отвѣтственность съ васъ падаетъ. Она ложится цѣликомъ на устроителей аукціона и лотереи... То-есть, если хотите, на одного меня... Вы никакой стороною не будете ни къ чему соприкосновенны...

Немного подумавъ, Багрянскій отвѣтилъ:

— Да, на такихъ условіяхъ, конечно. Но помните уговоръ, Сумцовъ.

— Ахъ, Господи. Да конечно же!... Не смѣю себя сравнивать съ вами. Но вы вспомните, господа, и у насъ есть то, чѣмъ приходится дорожить... Я позволю себѣ привести въ примѣръ хотя бы отца Ивана Яковлевича, старика Плывушина... Почему онъ такъ относится къ Ивану Яковлевичу? Потому... Вы позволите, Иванъ Яковлевичъ, весьма осторожно коснуться этого обстоятельства?

— Развѣ для кого-нибудь это интересно? А, впрочемъ...

— Ну-съ, видите ли... У почтеннѣйшаго Якова Петровича фабрика. Дѣло старинное. Около ста лѣтъ. Его отецъ работалъ, дѣдъ работалъ. При прадѣдѣ дѣло начато. Пятое, значитъ, поколѣніе было бы при одномъ дѣлѣ, если бы Иванъ Яковлевичъ не отошелъ въ сторону. Но онъ отошелъ. А съ точки зрѣнія старика—онъ крѣпонекъ, и при своихъ убѣжденіяхъ очень самостоятеленъ,—съ его точки зрѣнія это до извѣстной степени, такъ сказать, измѣна традиціямъ, нарушеніе всѣхъ правилъ... Я бы сказалъ—позорное пятно... Вѣдь трудно, разсуждая по стариковски, оправдать Ивана Яковлевича, ибо его отстраненіе отъ стараго, твердо стоящаго и зарекомендованнаго дѣла является авантюрою. Разумѣется, *мы* не такъ будемъ

смотрѣть на это. Но съ *своей* точки зрѣнія старикъ-то правъ: по его мнѣнію, Иванъ Яковлевичъ бросилъ живое дѣло, взялся за какіе-то пустяки... Старикъ такъ и говоритъ: за фитюльки взялся Ивасикъ... Картинки малюетъ... Какъ будто бы не могъ, если бы ему этихъ картинокъ захотѣлось, позвать маляровъ дюжину, дать по десяткѣ—пусть валяютъ...

— Вы извините, Иванъ Яковлевичъ, что я такъ говорю

— Извиняю. Но мнѣ интересно знать, къ чему вы все это разсказываете? Никого это, кромѣ меня и отца, не интересуетъ. Все это чисто наше семейное-дѣло.

— Позвольте.. Я, между прочимъ, нарочно заговорилъ по порученію вашего папаши.

— По порученію?

— Такъ точно. Потому что вчера мы съ нимъ столкнулись въ одномъ мѣстѣ, ну, заговорилъ онъ самъ. И просилъ переговорить... Или, впрочемъ, если вамъ здѣсь говорить неудобно, то не позволите ли вы къ вамъ пожаловать? Хотя секрета не вижу... И, собственно говоря, по нѣкоторымъ соображеніямъ было бы желательно при вашихъ товарищахъ, какъ свидѣтеляхъ.

Плывушинъ зналъ, о чемъ будетъ идти рѣчь. Эти переговоры возобновлялись регулярно каждые полгода, со дня его женитьбы, и ни къ какому результату не приводили. О нихъ зналъ весь городъ.

— Ну, говорите!—сказалъ онъ Сумцову.

— Видите ли, почтенный Иванъ Яковлевичъ... Дѣло въ томъ, что вашъ папаша вчера затребовалъ отъ меня сообщенія ему адреса Матвѣя Константиновича Плывушина. Онъ вамъ приходится троюроднымъ, а мнѣ, какъ изволите знать, тоже троюроднымъ братомъ. Я, конечно, сообщилъ. Но поинтересовался, зачѣмъ адресокъ понадобился. Вашъ папаша и объяснилъ: непремѣнно ему хочется, чтобы фабрика не ушла изъ Плывушинскаго рода-племени. Пробовалъ онъ приспособить Егора Егоровича, а тотъ оказался несамостоятельнаго характера и алкоголикомъ. Померъ на прошлой недѣлѣ, какъ вы, можетъ быть, знаете.

— Знаю. Дальше!

— Ну, за Егоромъ Егоровичемъ изъ Плывушиныхъ остается Матвѣй Константиновичъ. Его-то и хочетъ вашъ папаша выписать. А онъ въ Ташкентѣ... Между прочимъ, человѣкъ нестерпимаго характера, и даже какъ будто далеко не во всѣхъ отношеніяхъ вмѣняемый.

— И я не имѣю никакихъ сомнѣній въ томъ, что изъ выписки

его на вашу... виноватъ... на вашего отца фабрику толку не будетъ: пересорятся.

— И я счелъ долгомъ начистоту предупредить вашего отца. Онъ и отвѣтилъ: пусть сынъ вернется, «фитюльки» броситъ, дѣломъ займется. Тогда же, при жизни, фабрику ему передамъ. Повѣрю ему на слово, что онъ продолжать дѣло будетъ и послѣ моей смерти... Онъ слово держать умѣетъ... А не вернется—пусть не пеняетъ: по духовной запишу фабрику на имя Мотьки.

— Значитъ, васъ, Сумцовъ, мой отецъ уполномочилъ быть посредникомъ между мною и имъ?

— Такъ точно.

— Ну, хорошо... Такъ вотъ будьте любезны передайте вы моему отцу, что, во-первыхъ, онъ мой адресъ отлично знаетъ,—вѣдь хоть рѣдко да заходитъ къ намъ? Во-вторыхъ, что въ такомъ дѣлѣ никакіе посредники не нужны.

— Я это ему говорилъ!—отозвался Сумцовъ, не смущаясь:— но что вы со старикомъ подѣлаете? Кряжистъ, крѣпонекъ... Привыкъ по-своему все дѣло обдѣлывать.

— А въ-третьихъ, что «фитюлекъ» я не брошу, хотя бы пришлось голодать, на фабрику не вернусь, никакого слова продолжать несимпатичное мнѣ дѣло не дамъ. Поняли?

— Отлично понялъ! Значитъ, это дѣло покончено! Теперь вернемся къ нашему вопросу. Итакъ, господа, я долженъ оставить пріятную для меня компанію и удалиться. Значитъ, по вопросу о выставкѣ вы даете мнѣ, такъ сказать, неограниченныя полномочія? Конечно, не въ художественномъ отношеніи. Вы образуете художественное жюри, я буду безпрекословно исполнять всѣ ваши предписанія, указанія художественнаго характера. Но практическая сторона вопроса цѣликомъ въ моемъ распоряженіи. Весь рискъ я принимаю на себя. Назначаю себѣ вознагражденіе: отъ каждой проданной картины десять процентовъ. Ничего не имѣете?

Багрянскій кивнулъ головою. Плывушинъ поддакнулъ.

— Да, еще: повторяю,—продолжалъ Сумцовъ,—весь рискъ денежный—мой. Я обязуюсь въ случаѣ неудачи выставки, лотереи и такъ далѣе,—всѣ вещи возвратить авторамъ, или за каждую сбытую такъ или иначе уплатить столько, сколько будетъ назначено въ качествѣ продажной цѣны... А затѣмъ простите и до свиданія.

Онъ сунулъ мелочь въ руку лакею, надѣлъ шляпу, взялъ трость и вышелъ, насвистывая что-то.

За нимъ выскочилъ слѣдомъ Богомоловъ.

Въ кондитерской остались Фростъ, Блинковъ, разсматривавшій нѣмецкіе юмористическіе журналы, Плывушинъ и Багрянскій.

Плывушина, повидимому, взволновалъ нѣсколько разговоръ съ Сумцовымъ объ отцѣ. Онъ сидѣлъ нахмурившись. Руки его дрожали.

— Будешь ѣсть мороженое?—спросилъ его Багрянскій.

Плывушинъ утвердительно кивнулъ головою. Черезъ минуту лакей принесъ на блюдечкѣ мороженое. Художникъ взялъ ложечку дрожащею рукою, прикоснулся къ мороженому и выронилъ ее.

— Что случилось?—спросилъ Багрянскій, замѣтивъ, что на лицѣ Плывушина появилось странное выраженіе.

— А, чортъ... Что такое? Понимаешь...

Плывушинъ повернулся лицомъ къ свѣту, потомъ обратно къ Багрянскому и сказалъ:

— Посмотри на мой правый глазъ. Ничего не замѣчаешь?

— Ничего. А что? Засорилъ, что ли? Промой холодною водою...

— Нѣтъ, не засорилъ... Но, понимаешь, я почти ничего не вижу: словно какая-то ярко-цвѣтная сѣтка быстро-быстро плыветъ внизъ, внизъ, внизъ... И отъ этого все кружится, кружится голова...

— Закрой глаза. Отдохни. Просто переутомился. Работаешь вѣдь пропасть?

Плывушинъ молча и съ закрытыми глазами утвердительно кивнулъ головою.

— И по ночамъ работаешь?

— Послѣднее время очень часто...

— Ну, вотъ... Отдыхъ нуженъ...

Минуту спустя Плывушинъ открылъ глаза.

— Ну, прошло. Вижу все отлично. А я, признаться, испугался!...—сказалъ онъ.

— Да, но отдыхъ необходимъ... Знаешь что? Поѣдемъ со мною въ Парижъ на мѣсяцъ?—обратился къ нему Багрянскій.

— Денегъ нѣтъ. Не съ чѣмъ.

— Пустяки! Съ твоими вкусами ты на грошъ съѣздишь. Сто туда, сто на обратный путь, сто тамъ. Триста рублей нужно. Я одолжу тебѣ. Продашь на передвижной пару этюдовъ—вернешь... всякомъ случаѣ, сочтемся...

— Да. А семья? Оставить ее здѣсь?

— Ну, конечно... Куда же съ дѣтишками? Свяжутъ по рукамъ ю ногамъ...

— Постой. Предложеніе соблазнительно. Я могу реализировать іюню—іюлю кое-что... Понажму, понатужусь...

— Повторяю, надо обмозговать... Быть можетъ...

— А какъ хорошо было бы, Фростъ! Присоединяйтесь къ намъ!

Скульпторъ хмуро улыбнулся.

— Да, отлично... И Блинкова захватить... Всею колоніею... Но дѣла очень плохи. Я сегодня разсчиталъ двухъ рабочихъ... Нѣтъ, не могу... Скорѣе въ Берлинъ поѣду. Тамъ родственники.

Багрянскій подозвалъ лакея и расплатился.

Всѣ гурьбою вышли на улицу.

V.

Сумцовъ взялъ къ себѣ въ помощники Богомолова, и работа по организаціи выставки закипѣла. Нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго въ послѣдней главѣ разговора въ кондитерской Реншильда, каждый художникъ, даже невѣдомые никому диллетанты, вплоть до мало-мальски владѣющихъ перомъ или кистью учениковъ мѣстныхъ реальнаго и желѣзно-дорожнаго училища, получилъ извѣщеніе, за подписью «администратора Тихона Сумцова», что въ ближайшемъ будущемъ предполагается выставка картинъ масляными красками, акварелей, пастелей, рисунковъ углемъ и карандашомъ, скульптуры, художественной керамики, выжиганія по дереву, кустарныхъ художественныхъ издѣлій и т. д.

Художники приглашались въ трехъ-четырехъ недѣльный срокъ представлять для выставки свои произведенія.

Одновременно въ двухъ мѣстныхъ газетахъ появились сначала замѣтки о симпатичномъ починѣ, имѣющемъ цѣлью объединеніе мѣстныхъ художественныхъ силъ, организаціи художественнаго кружка.

Замѣтки заинтересовали публику.

Потомъ было напечатано нѣсколько фельетоновъ съ воспоминаніями старожиловъ о мѣстныхъ художникахъ прошлаго, о тѣхъ изъ художниковъ, кто имѣлъ какое-либо отношеніе къ городу, родился въ немъ, учился, болѣе или менѣе долго жилъ. Въ фельетонахъ отмѣчались всѣ сколько-нибудь значительныя мѣстныя собранія, даже отдѣльныя картины.

Время стояло глухое, въ печати не появлялось ничего интер[illegible] наго, и указанныя статьи, представлявшія интересъ извѣстной [illegible] визны, были встрѣчены со вниманіемъ. О кружкѣ, о выставкѣ за[illegible] ворили.

Жюри, которое составилось изъ Багрянскаго, Плывушина, Фр[illegible] та и старика Краевскаго, преподавателя рисованія въ мѣстныхъ уч[illegible] ныхъ заведеніяхъ, нашлось много работы, такъ какъ «админис[illegible]

торъ Тихонъ Сумцовъ» каждый день сталъ доставлять цѣлые транспорты вещей.

По его настоянію на выставкѣ было предположено устроить отдѣлъ ученическихъ работъ, и, противъ ожиданій, для этого отдѣла нашлось скоро довольно много рисунковъ итальянскимъ карандашомъ.

Еще большею удачею было слѣдующее: въ пригородномъ имѣніи нѣкогда очень богатой старой дворянской семьи оказалась цѣлая коллекція портретовъ членовъ этой семьи кисти художниковъ XVIII и начала XIX вѣка. Среди нихъ было нѣсколько положительно шедевровъ школы Боровиковскаго, работы никому невѣдомаго мастера, по преданіямъ крѣпостного художника, погибшаго при трагическихъ условіяхъ. Онъ былъ дворовымъ мальчикомъ, въ немъ рано обнаружились художественныя наклонности; жившій въ имѣніи гувернеръ-французъ настоялъ на посылкѣ мальчика въ Петербургъ, потомъ въ Парижъ.

Молодой человѣкъ обѣщалъ стать гордостью своихъ учителей. Но въ это время умеръ добродушный крѣпостникъ, согласившійся послать пастушонка Кузьку въ Парижъ, его преемникъ не отличался сантиментальностью, «Кузьку» вытребовали изъ Парижа угрозою расправы съ его семьею, и когда онъ возвратился, его обратили и въ двороваго художника, обязаннаго устраивать фейерверки, расписывать потолки амурами, и... въ лакея.

Онъ сталъ пить, схватилъ скоротечную чахотку и умеръ въ конурѣ. Послѣ него осталось нѣсколько мастерски написанныхъ широкою кистью портретовъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ мѣстной газеты, вспомнивъ эту исторію, въ довольно большомъ разсказѣ описалъ судьбу «Кузьки». Фельетонъ имѣлъ успѣхъ и усилилъ интересъ къ выставкѣ, на которой предполагалось выставить всю коллекцію магнатовъ.

Въ другомъ мѣстѣ у какого-то отставного кавказскаго рубаки Сумцовъ раздобылъ интересную коллекцію стариннаго оружія, латъ и щитовъ чеченцевъ, быть можетъ, сохранившихся съ незапамятныхъ временъ, когда въ жестокихъ сѣчахъ въ горахъ Грузіи гибли дружины загнанныхъ сюда судьбою крестоносцевъ.

Еще одна коллекція обѣщала быть интересною: подъ городомъ боталь самородокъ кустарь-гончаръ. Онъ работалъ обыкновенную ›шовую глиняную посуду для базара, но по временамъ, отрываясь ь погони за жалкимъ кускомъ хлѣба, лѣпилъ изъ простой гончар‑ глины мелкія статуэтки. У него была душа настоящаго художа, у этого деревенскаго гончара, и его «фигуры», какъ онъ ихъ ›валъ, расходившіяся по деревенскимъ базарамъ по полтиннику

за штуку, были полны какого-то самобытнаго, крѣпкаго, подчасъ даже соленаго и горькаго юмора.

Сумцовъ съѣздилъ въ слободу, гдѣ жилъ гончаръ, и купилъ у него цѣлую партію «фигуръ».

Когда онъ привезъ ихъ на судъ Багрянскаго и остальныхъ членовъ коммиссіи,—это произвело сенсацію: «урядникъ», «кумъ мирошникъ», «волостной писарь», «панъ старшина»—фигурки были полны жизненной правды.

Багрянскій заговорилъ, что гончара надо вытащить изъ слободы, надо помѣстить въ какое-нибудь скульптурное заведеніе. Два, много три года работы и—изъ него выйдетъ настоящій скульпторъ.

— И будетъ подыхать съ голоду... Или будетъ вытесывать могильныя плиты!—перебилъ Фростъ, все время жаловавшійся, что дѣла идутъ изъ рукъ вонъ плохо.

— Нѣтъ, оставьте его! Человѣкъ живетъ въ привычной средѣ, у него ограниченныя потребности, свое дѣло... Вы вырвете его, какъ рыбу изъ воды. Вы перенесете его туда, гдѣ борьба за существованіе принимаетъ такія острыя формы... Жизнь измолотитъ его. Искалѣчитъ, изуродуетъ... Вы думаете, онъ будетъ благодаренъ вамъ? Оставьте! Онъ проклянетъ васъ.

— А впрочемъ...

Фростъ махнулъ рукою.

— А, впрочемъ, вытаскивайте. Я возьму его въ свою мастерскую. Научу, что̀ знаю самъ.

Но вопросъ о гончарѣ отложили до будущаго, болѣе свободнаго времени, тѣмъ болѣе, что на очереди было много другихъ вопросовъ.

По иниціативѣ Багрянскаго и Плывушина, Сумцовъ, разрядившійся во фракъ, самолично съѣздилъ къ Харитону Іонычу Тулупову, прося его дать для выставки что-нибудь, хотя старые этюды.

Тулуповъ, все время сторонившійся мѣстныхъ художниковъ и позволявшій себѣ весьма рѣзкіе отзывы о нихъ, былъ какъ-то даже испуганъ приглашеніемъ.

Онъ не зналъ, какъ принять Сумцова, куда посадить его, путался и сердился на себя самого.

Въ то время какъ Сумцовъ сидѣлъ у Тулупова, туда забѣжалъ и Богомоловъ.

— Вотъ, не знаю вашего имени, отчества,—сказалъ Тулуповъ Сумцову.

— Тихонъ Захаровичъ.

— Ну, Тихонъ Захаровичъ, Захаръ Трифоновичъ... Все ра[illegible],

въ сущности... Я говорю, вы большую ошибку сдѣлали, что ко мнѣ пріѣхали...

— Почему?

— Даромъ потратили время...

— Да почему же?

— А потому... Развѣ къ мертвымъ, къ покойникамъ кто-нибудь ѣздитъ?

— Да какой же вы покойникъ?

— Въ прямомъ смыслѣ, конечно, нѣтъ. Даже водку съ солеными огурцами глушить могу... За сегодня вторую... Нѣтъ, даже третью полубутылку кончаю... Не знаю только, откуда жена деньги достаетъ? Ухитряется...

При этихъ словахъ старика Богомоловъ чуть-чуть покраснѣлъ, но потомъ справился съ собою и смотрѣлъ ему прямо въ лицо упорными, свѣтлыми глазами.

— У насъ говорятъ такъ — медленно и вѣско сказалъ Сумцовъ:—пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ...

— Такъ-то такъ... Но не о мертвыхъ говорятъ такъ. Просто о пьяныхъ. А я мертвъ. Не мертвецки пьянъ, а просто мертвъ...

— Я четыре года кисти въ руки не беру... Вотъ, развѣ этотъ юный пасынокъ искусства, Колька Богомазовъ, ко мнѣ забѣжитъ, крохою отъ моихъ былыхъ знаній попользоваться... Практичный малый!... А-то я бы и кистей въ руки не бралъ...

Но Сумцовъ настаивалъ. Онъ предложилъ, что самъ отберетъ, хотя бы изъ старыхъ вещей Тулупова, изъ его этюдовъ молодыхъ годовъ.

Тулуповъ сначала согласился, но потомъ, когда узналъ, что судьба всѣхъ картинъ, предназначенныхъ для выставки, будетъ рѣшаться жюри, сталъ на дыбы.

— Какъ? Меня будутъ судить? И кто же? Молокососы? Багрянскіе? Къ чорту! Не хочу! Не дамъ ничего...

И какъ ни бился Сумцовъ, Тулуповъ остался непреклоннымъ.

Сумцовъ собрался уходить и позвалъ съ собою Богомолова. Николай Сергѣичъ, однако, попросилъ разрѣшить ему остаться. Про[...]кая Сумцова, онъ сказалъ ему на ухо:

— Идите, идите... Я безъ васъ попробую уломать старика.

— Да не стоитъ возиться съ старымъ пьяницею!—отвѣтилъ [...]министраторъ», раздосадованный, что въ первый разъ за все вре[...] хлопотъ о выставкѣ ему пришлось наткнуться на такую непріят[...]ть.

[...]нако Богомоловъ остался.

Тулуповъ, взволнованный разговоромъ съ Сумцовымъ, потребовалъ еще водки. Фрося сбѣгала за нею, и скоро Тулуповъ заснулъ. Тогда Богомоловъ вышелъ въ комнатку къ хозяйкѣ и сѣлъ около нея.

Фрося что-то шила.

Богомоловъ молча слѣдилъ за ея работою.

Машины у молодой женщины не было, она шила на рукахъ, иголка такъ и мелькала въ проворныхъ, тонкихъ, длинныхъ пальцахъ. По временамъ Фрося бросала иголку и откусывала нитку крѣпкими, ровными, бѣлыми зубами.

— Ну, какъ у насъ дѣла?—спросилъ молодую женщину пониженнымъ голосомъ Богомоловъ.

— А никакъ... Все по-старому... Вчера напугалась я сильно...

— Бить хотѣлъ?

— Какое бить? Слышу, на разные голоса разсказываетъ кто-то. Ну, думаю, вы пришли, или кто... А я на минутку къ сосѣдямъ бѣгала. Потомъ прислушалась,—оказывается, самъ съ собою Харитонъ Іонычъ разсказываетъ...

— Что же онъ говоритъ?

— Да страшное что-то... Про лампу разсказывалъ...

— Про какую?

— Да такъ говоритъ: хотите, говоритъ, я разскажу сказку? Про лампу. Жила была лампа. Была она полна керосину. Былъ въ ней новый фитиль. Горѣла она яркимъ огнемъ. И всѣ говорили, что она прекрасная лампа. Но никто не думалъ, что въ лампу надо подливать керосину. Мало-по-малу керосинъ весь выгорѣлъ. На фитилѣ на палецъ копоти набралось. Горитъ фитиль одинъ. А люди ходятъ мимо и удивляются, отчего лампа тускло горитъ? Отчего копоть идетъ? Воздухъ заражаетъ? Другимъ дышать не даетъ? И на кой чортъ эта лампа.

Ну, а потомъ лампа догорѣла, погасъ огонь. Одна копоть осталась. А люди идутъ мимо и говорятъ:

«Отчего не выкинуть эту лампу, разъ она горѣть не можетъ?»

— Къ чорту старую лампу!...

Фрося помолчала.

Подумавъ немного, Богомоловъ сказалъ:

— Въ сущности, ничего страшнаго, Фросичка... Вотъ если онъ чертей видѣть сталъ, гоняться за ними, признаюсь... Не люб я этого...

Потомъ, совсѣмъ близко нагнувшись къ уху молодой женщи онъ спросилъ ее:

— Ну, а денегъ нужно? Всѣ вышли?

Фрося, не поднимая глазъ отъ шитья, отвѣтила ему:

— Не понимаю, зачѣмъ вы расходуетесь? Все равно, ничего не будетъ изъ этого.

— Почемъ знать? Да я, въ сущности, и не требую ничего... Такъ, по добротѣ... Жаль мнѣ васъ, Фросичка... Достанься вы другому человѣку...

— Жалѣете? Охъ, смотрите: говорятъ у насъ такъ—жалѣлъ волкъ кобылу, оставилъ хвостъ да гриву.

Богомоловъ возмутился:

— Напрасно такъ думаете. Я къ вамъ съ открытымъ сердцемъ.

Потомъ онъ полѣзъ въ карманъ жилета, досталъ десять рублей и передалъ Фросѣ.

Она молча положила деньги въ ящичекъ стола и вновь принялась за работу. Богомоловъ ушелъ въ комнату Харитона Іоныча и сталъ тамъ копаться въ его старыхъ этюдахъ.

Изъ комнаты Фроси доносилась пѣсня:

«Понапрасну, мальчикъ, ходишь,
Понапрасну ноги бьешь...»

VI.

У большинства художниковъ не было ничего готоваго для выставки, но ко дню ея открытія, конечно, можно было успѣть кое-что сдѣлать, хотя срокъ и не былъ особенно продолжительнымъ.

Закипѣла работа.

Плывушинъ рѣшилъ выставить одно большое полотно, съ идеею котораго носился давно. Содержаніе было таково:

По пыльной, безобразной, покрытой колеями и выбоинами шоссейной дорогѣ отъ города въ перерѣзанную холмами долину несутся вскачь телѣги крестьянъ, возвращающихся съ базара.

На базарѣ распроданы всѣ продукты, пріобрѣтены обновки, куплено ядовитое зелье-водка. Молодые парни и бабы, старики и старухи всѣ возбуждены, полупьяны. Они гонятъ заморенныхъ лошадей, они хлещутъ ихъ кнутами и хворостинами, и десятокъ телѣгъ въ дикомъ безпорядкѣ, подъ грохотъ пьяныхъ пѣсенъ несется по дорогѣ.

На передней телѣгѣ правящій парой космоногихъ лошадей парень не сидитъ, а лихо стоитъ и оретъ что-то. Его спутница, молодая и пригожая женщина, полусвалилась на дно телѣги и барахтается, цѣпляясь за борта телѣги, смѣясь полусознательнымъ смѣхомъ. За телѣгою клубы рыжевато-сѣрой ѣдкой пыли, во мглѣ ко-

торой вырисовываются лошадиныя морды, человѣческія лица, жилистыя руки, машущія кнутами.

По временамъ Плывушину казалось, что картина не по его силамъ. Трудно, почти невозможно на полотнѣ сравнительно небольшихъ размѣровъ размѣстить и лошадей, и телѣги, и фигуры людей, дать центръ картины, ея душу, и въ то же время не упустить того, что было, по мнѣнію художника, особенно важнымъ: тамъ позади, за безпорядочно-скачущею гурьбою, должна была вырисовываться въ полутуманѣ куча нагроможденныхъ, отнимающихъ другъ у друга воздухъ и свѣтъ городскихъ построекъ.

Впереди—просторъ полей, необозримая ширь.

Сюда, въ эти поля, вырвался уголокъ жизни шумнаго, безтолково суетливаго города.

И мчатся по пыльной дорогѣ подпрыгивающія телѣги, и бьются безпощадно подгоняемыя слабосильныя, заморенныя лошади, и виситъ въ воздухѣ отравленная городомъ, безтолковая, суетливая пѣсня, которую орутъ охваченные нелѣпымъ порывомъ люди.

У Плывушина раньше было уже сдѣлано нѣсколько этюдовъ для задуманной картины. Одинъ изъ нихъ—изображавшій двѣ центральныя фигуры, молодого лихого, стоящаго на несущейся стремглавъ телѣгѣ парня и его спутницы, казался ему вполнѣ удавшимся. Но остальными онъ былъ мало удовлетворенъ, и теперь торопился наверстать, торопился записать еще нѣсколько новыхъ этюдовъ, для чего по утрамъ съ маленькимъ альбомчикомъ или съ походнымъ ящикомъ съ красками онъ отправлялся на базаръ, толкался въ переполнявшей площадь толпѣ, выбирался на шоссе, сторожилъ, когда начинали тянуться изъ города вереницы пустыхъ телѣгъ.

Возвращался онъ къ обѣду, а послѣ обѣда до вечера лихорадочно работалъ, компануя картину.

Въ его маленькой мастерской съ большимъ окномъ на сѣверъ по стѣнамъ висѣло уже нѣсколько начатыхъ и брошенныхъ полотенъ, которыми онъ былъ недоволенъ.

Работа подвигалась плохо. Художникъ волновался и нервничалъ. Ему почему-то казалось, что отъ выставки зависитъ все, что нельзя не поставить на нее именно задуманной имъ картины. А она легк могла не удаться.

Иванъ Яковлевичъ не обращалъ вниманія на то, что дѣлаетс дома, увлекшись работою, отдавшись ей всею душою.

Проходя черезъ комнаты жены, онъ видѣлъ, что Агнія Никол евна возится съ какими-то матеріями, кроитъ, шьетъ. Онъ мельком замѣчалъ, что относительно какого-то костюма у Агніи Николаев

идутъ серьезныя совѣщанія съ приглашенной ею портнихою. И онъ совершенно не замѣчалъ, что въ эту работу внесенъ почему-то элементъ какой-то таинственности: при его появленіи что-то съ улыбкою прячется, разговоръ перескакиваетъ на другую тему, женщины словно переглядываются, нетерпѣливо выжидая, когда онъ уйдетъ и дастъ имъ возможность на свободѣ заняться ихъ серьезнымъ и важнымъ дѣломъ.

И однажды утромъ, когда онъ собирался уходить съ ящикомъ и складнымъ мольбертомъ на шоссе, чтобы тамъ записать этюдъ фона предположенной картины, за дверью послышалась какая-то возня, какое-то радостное шушуканье, и на порогѣ показалась Агнія Николаевна. Ея лицо было оживлено, глаза сверкали. Она остановилась на порогѣ.

— Что тебѣ, Агнія?—спросилъ ее разсѣянно Плывушинъ.

— Ты ничего не видишь?—отвѣтила она на вопросъ вопросомъ.

— Что такое?

— Ахъ, ты не замѣчаешь?—и въ ея голосѣ послышались нотки разочарованія, обиды.

— Да въ чемъ же дѣло? Скажи!

— Ну, я исполняю мою программу...

— Какую?

— Ну, ту, о которой мы говорили. Видишь ли, я непремѣнно хочу сдѣлаться достойною тебя, милый... И я твердо рѣшилась работать, работать, работать... Я сшила себѣ рабочій костюмъ... Видишь?

Въ самомъ дѣлѣ, на ней было какое-то особенное платье съ узкими рукавами, съ закрывающимъ всю шею высокимъ воротничкомъ, съ чѣмъ-то вродѣ изящнаго передничка съ карманчиками.

И вся она имѣла видъ какой-то институтки, что ли, стоящей передъ строгимъ учителемъ съ миною покорнаго, но мило шаловливаго полуребенка.

— Ахъ, да... Хорошо, хорошо. Но я долженъ торопиться!—сказалъ, разсѣянно озирая этотъ маскарадъ, Плывушинъ.

Лицо молодой женщины поблекло, поблѣднѣло. Глаза ея потухли.

— А я думала... Я думала...—бормотала она.

— Что ты думала?

— Я думала, ты сдержишь свое слово.

— Какое?

— Ну, мы примемся за работу. Ты поставишь для меня маленьмольбертъ возлѣ твоего мольберта, и мы будемъ работать вмѣстѣ.

— Но ты же видишь, что я вожусь съ картиною для выставки.

— Ахъ, съ картиною?! Еще будетъ ли выставка... И стòитъ ли еще съ этой картиною возиться такъ?

— Будетъ, не будетъ, это вѣдь все равно. Но я взялся за картину, тороплюсь ее окончить, работа серьезная.

— Да, вотъ такъ... Какая-то нелѣпая картина—«серьезная работа», а тò, отъ чего зависитъ счастье человѣка, это—не серьезная работа...

Плывушинъ поставилъ на полъ ящикъ съ красками.

— Не понимаю. Говори яснѣе: отъ чего зависитъ чье-то счастье и кто этотъ несчастный. Ты, что ли?

— Хотя бы и я. Я такъ радовалась, такъ возилась съ портнихою, думала, тебя тоже порадуетъ...

— Что именно? Твое новое платье?

— Ну, и платье, и все...

И она съ разочарованнымъ видомъ стала теребить кружевца, которыми были обшиты края фартучка.

Плывушинъ опять взялся за ящикъ съ красками.

Онъ сознавалъ, что необходимо сдержаться, необходимо уйти немедленно, не давая возможности разыграться нелѣпой сценѣ, которая уже висѣла въ воздухѣ. Онъ чувствовалъ, что каждый глотокъ воздуха въ присутствіи этой женщины отравляетъ его, убиваетъ мысль, убиваетъ творческія силы.

— Пропусти меня!—сказалъ онъ сдержанно.

— Ахъ, Господи? Да кто же тебя держитъ?—раздраженно отвѣтила жена, сторонясь и давая дорогу.

Въ столовой Плывушинъ задержался. Доля подбѣжалъ къ нему, обнялъ его ноги, уцѣпился за него.

— Куда ты, папа? Опять на базаръ? Мужиковъ рисовать?

— Да, мужиковъ рисовать.

— Возьми меня съ собою!

— Не могу, милый. Далеко пойду! Устанешь.

Въ это время руки Агніи Николаевны буквально оторвали тѣльце ребенка отъ отца и швырнули его въ уголъ.

— Дрянь... Дрянь мальчишка!—кричала Агнія Николаевна съ перекосившимся отъ злобы лицомъ и сверкающими глазами.

— Что ты, Агнія? Что онъ сдѣлалъ?—удивился Плывушинъ

— Мерзкій, подлый, отвратительный мальчишка! Я тебя, пог... ты у меня... Я тебя искалѣчу еще... Все равно пропадать, т... пропадать всѣмъ!

— Агнія!

— Я двадцать пять лѣтъ знаю, что я Агнія... Я ему пока...

Пусть пріучается безъ отца... Пусть, пусть! Все равно, отецъ бросаетъ насъ!

— Агнія!

— Да, Агнія. Исколочу тебя, гаденышъ!

Ребенокъ, смертельно перепуганный, прижался къ дивану и глядѣлъ на грозящую ему кулаками мать остолбенѣлыми глазами. Въ его лицѣ не было ни кровинки.

Плывушинъ загородилъ дорогу.

— Пусти! Пусти меня!—кричала, порываясь къ ребенку, Агнія Николаевна, скрежеща зубами.—Пусти! Да пусти же! Я несчастна, пускай и онъ несчастенъ будетъ... Пускай, меня ты бросилъ, какъ грязную тряпку, ну, такъ и онъ пускай знаетъ!

Плывушинъ взялъ жену за руку, увелъ ее въ мастерскую, заставилъ ее выпить стаканъ холодной воды. Когда она пила, ея зубы колотились о чашку мелкою дрожью. Она была и жалка ему, и безконечно противна.

Да, противна!

Онъ не въ первый, не въ десятый, не въ сотый разъ твердилъ это себѣ.

Онъ чувствовалъ, какъ мало-по-малу отчаянная, безысходная, холодная ненависть къ этому изломанному, отравляющему жизнь всего окружающаго существу охватываетъ его душу.

Эта ненависть давно уже родилась въ немъ. Еще въ первые годы ихъ совмѣстной жизни. Тогда, когда они оба еще были молоды, когда ихъ въ сущности еще ничто почти не связывало.

Не было дѣтей.

Можно было разстаться. Уйти. Освободить другъ друга.

Но тогда она, зная, что нить, привязывающая его къ ней, очень тонка и легко можетъ оборваться,—старалась изо всѣхъ силъ сдерживать свой характеръ, старалась опутать мужа, усыпить его тысячью нѣжныхъ ласкъ. Сцены, подобныя тѣмъ, которыя теперь стали такими частыми и обыкновенными,—были тогда очень рѣдки. Но и тогда доходило до открытаго разлада, до разрыва.

Однажды онъ не выдержалъ, она ушла отъ него.

Онъ вздохнулъ свободно.

Онъ зналъ, что его жизнь испорчена, что отрава, которую внесла а женщина въ его жизнь, неизгладима. Но безъ нея какъ-то легче шалось. Онъ зналъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ можетъ работать.

Два дня онъ прожилъ безъ нея. На третій утромъ она была у его ѣ. она рыдала навзрыдъ, она ползала у его ногъ, умоляя убить

ее, но не прогонять. Она грозила, что она убьетъ себя тутъ же, у дверей его комнаты, если онъ не проститъ ея.

И онъ сдался, простилъ...

Пошли дѣти. Одинъ, другой, третій.

И съ каждымъ ребенкомъ все неразрывнѣе становилась связь между мужемъ и женою...

Бросить? Уйти отъ нея?

Но дѣти, дѣти...

Вѣдь они осуждены на гибель...

И Агнія Николаевна словно сознательно показывала всѣмъ своимъ отношеніемъ къ мужу, что она знаетъ это.

Спасала работа.

Въ ней одной Плывушинъ находилъ отдыхъ, покой, самоудовлетвореніе.

И въ то же время не могъ не сознавать, что и работа при этихъ ненормальныхъ условіяхъ не можетъ быть нормальною, такъ какъ она шла черезъ пень въ колоду.

Словно какой-то демонъ толкалъ молодую женщину мѣшать мужу работать.

Она и гордилась тѣмъ, что онъ—художникъ, что у него уже есть имя. И въ то же время она ненавидѣла эту работу, считая, что работа отнимаетъ у нея ея полную собственность, ея мужа.

Отъ времени до времени она заводила разговоръ на старую тему: почему Иванъ Яковлевичъ не примирится съ отцомъ, почему онъ не уступитъ, хоть для вида, старику? Вѣдь старикъ не вѣченъ. Онъ рано или поздно умретъ, и тогда... Тогда они будутъ богаты, свободны. Тогда фабрику можно продать, все дѣло ликвидировать и съ большимъ состояніемъ вернуться къ искусству.

Старикъ зналъ ея мысли. И онъ относился насмѣшливо къ ея планамъ.

Отъ времени до времени онъ заходилъ къ сыну, усаживался, не раздѣваясь, въ столовой, угощалъ внуковъ принесенными съ собою грошовыми конфетами и заводилъ разговоръ съ Агніею:

— Ну, а нашъ маляръ какъ? Малюетъ попрежнему? Слышалъ, слышалъ! Пошелъ къ Зуровымъ, показываютъ нортретъ Семен Дмитрича: работа сынка вашего, говорятъ. Сто цѣлковыхъ съ нас слупилъ...

Помолчавъ немного, онъ говорилъ:

— Покорился бы отцу, бросилъ бы фитюльки, мазню свою, сал другимъ малярамъ заказывалъ бы...

Потомъ добавлялъ:

— А я думаю духовное завѣщаніе написать... Но только вы не думайте, что вамъ что-нибудь отпишу... Обойдетесь!...

Иногда старикъ говорилъ въ болѣе милостивомъ тонѣ:

— Ну, еще понимаю, если бы Иванъ ангельскіе лики писалъ. Господа Бога Саваоѳа со святымъ его воинствомъ... А то мажетъ, мажетъ... Заборъ намалевалъ. Корову. Нищаго. Пьянчугу какого-то. И кому это нужно? Эхъ, Иванъ, Иванъ! Сгубили тебя злые люди, испортили!...

И потомъ, грузно поднимаясь, говорилъ:

— Ну, прощенья просимъ!

. . . .

Обо всемъ этомъ думалъ сейчасъ Иванъ Яковлевичъ, сидя противъ тихо плачущей, всхлипывающей, какъ всхлипываетъ несправедливо разобиженный ребенокъ молодой жены.

— День пропалъ,—думалъ онъ съ тоскою.

И, въ самомъ дѣлѣ, онъ зналъ, что этотъ, по крайней мѣрѣ, день потерянъ: онъ не въ состояніи взять карандаша и кисти въ руки.

Онъ не положитъ ни одного мазка на полотно...

— День пропалъ...

Агнія Николаевна этого не чувствовала: полчаса спустя за дверями мастерской Ивана Яковлевича звучалъ ея серебристый беззаботный смѣхъ. Она возилась съ дѣтишками, что-то напѣвая. По временамъ она тормошила ихъ, принималась таскать Долю по комнатѣ, танцовать.

— День пропалъ... Еще одинъ день пропалъ!—угрюмо думалъ художникъ, съ холодною, тупою злобою глядя на стѣны своей мастерской.

М. Первухинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

МРАМОРЪ.

Разсказъ.

...Мы были случайные гости въ домѣ мраморныхъ копей... Стоялъ онъ на вершинѣ острой горы, въ уединеніи лѣса. Къ самымъ окнамъ его подступали мачтовые стволы сосенъ, и сквозь ихъ гранитные переплеты сіяли хрустальныя воды шхеръ... Отливали атласомъ стѣны, сложенныя изъ вѣкового смолистаго лѣса, блестѣли высокія окна съ каймой изъ синихъ и желтыхъ стеколъ, отсвѣчивала матовымъ серебромъ крыша, увѣнчанная алой полосой развѣвающагося флага.

Широки были ступени входа съ огромной дубовой дверью, покрытой узорами желѣзной рѣзьбы, но въ ея плавно-тяжеломъ движеніи и важномъ вздохѣ былъ гулъ склепа.

Упрямое честолюбіе, сильная рука и ревнивая мысль: «мой домъ—пусть будетъ единственный!»—собрали подъ одинъ кровъ великое множество разнообразнѣйшихъ вещей.

Вдоль стѣнъ стояли кованые мѣдью сундуки, потемнѣвшіе отъ времени, какъ орѣховая скорлупа; изъ далекихъ аландскихъ деревень были привезены они—хранилища родовыхъ цѣнностей: тонкаго полотна, тяжелыхъ серебряныхъ украшеній и тѣхъ затѣйливыхъ коронъ невѣстъ, что напоминаютъ букеты изъ малиновыхъ, золотыхъ и восковыхъ розъ, изъ травъ и узкихъ лентъ, дрожащихъ на незамѣтныхъ проволокахъ,—богатствъ, накопленныхъ чернымъ суровымъ трудомъ и переходившихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Допотопнымъ чудищемъ смотрѣлъ на пришельца огромный бу фетъ, татуированный витіеватыми рисунками и украшенный груб ми фигурами птицъ—плодъ труднаго творчества художника, им котораго навсегда потонуло въ темныхъ пучинахъ времени.

Важные, оловянные и серебряные, кубки скучали на черныхъ желтыхъ полированныхъ полкахъ въ чинномъ обществѣ массивны

блюдъ, фаянсовыхъ и глиняныхъ кружекъ, расписанныхъ полосами киновари и охры.

Тамъ и тутъ висѣли рѣдкія вышивки: красные рыцари на коричневыхъ лошадяхъ, выѣзжающіе въ часы желтыхъ закатовъ, силуэты башенъ на синевѣ неба, свитки мѣловыхъ облаковъ, бѣлые лебеди на черныхъ водахъ съ золотой рябью отраженій.

А длинныя блѣдныя зеркала въ матово-бѣлыхъ рѣзныхъ рамахъ повторяли и умножали предметы.

Съ невольнымъ почтеніемъ оглядывалъ пришелецъ великолѣпныя печи—истыя божества подавляющей тяжести: кафельныя,—похожія на жертвенники изъ яшмы, и другія, мягкаго корельскаго камня, сиренево-сѣраго, съ высѣченными въ немъ неуклюжими бѣлками и головами медвѣдей; съ немалой осторожностью усаживался въ кресла-качалки, инкрустированныя мозаикой и позолотой; попиралъ ногами серебристыя и бурыя шкуры; дивился на рога оленей о двѣнадцати вѣтвяхъ, на острые клыки вепрей.

Но гдѣ только было мѣсто—на полкахъ, на широкихъ бѣлыхъ подоконникахъ, на особыхъ подставкахъ изъ полированнаго чернаго дерева—виднѣлся мраморъ: бѣлые мертвые плоды, вазы съ безжизненными, безкровными цвѣтами или просто обломки, куски, то блестящіе и мелко-зернистые, какъ сахаръ, то стекловидные, грязно-сѣрые съ темными прожилками, и между ними на почетномъ чугунномъ треножникѣ—маленькая бѣлоснѣжная пирамида съ водянисто-розовыми крапинами.

Еще и еще были куски, вещи, бездѣлушки. И всякая имѣла свое опредѣленное мѣсто. Ни пылинки, ни соринки,—всюду одинъ блескъ и порядокъ. О, какого неустанно-напряженнаго вниманія, сколькихъ часовъ усилія должно было это стоить!...

Утомленная, какъ бы окутанная легкимъ туманомъ мысль просила отдыха. Чья-то рука медленно натягивала нервы, точно они были не чувствующими живыми волокнами, а металлическими струнами на деревянномъ станкѣ. Странный сухой холодъ нисходилъ на тѣло и какая-то несознанная, но сущая въ каждомъ уголкѣ тяжесть давила его... Какъ будто вещи испаряли мертвый духъ изжитыхъ желаній, мыслей и образовъ, покоряя живое чувство и силой недвижнаго покоя, силой каменныхъ чаръ обращая душу въ раба.

Хозяинъ сидѣлъ, небрежно опершись о спинку дивана, съ вырѣзными по бокамъ наивными яичными львами; упираясь толстыми подошвами покрытыхъ мраморной пылью ботинокъ въ черный медвѣжій мѣхъ, весь бѣлый въ своей просторной парусинѣ домашней

выдѣлки, говорилъ рѣзкимъ трубнымъ голосомъ о своей жизни, а изломы его бѣлесыхъ бровей судорожно двигались надъ глазными впадинами, гдѣ свѣтился странный блѣдный огонь. О, мы должны были знать, чего стоилъ ему этотъ домъ, ему, сыну бѣдныхъ корельскихъ крестьянъ...

Бѣлый человѣкъ этого не скрывалъ: въ дымной лачугѣ дальнихъ ботническихъ шхеръ родился онъ, выросъ на жесткой олeнинѣ и твердыхъ, какъ камень, кругахъ ржаныхъ лепешекъ, и если бы не дядя, капитанъ шхуны, то маленькій Гаммелинъ корчевалъ бы на родинѣ пни, прокладывалъ дороги въ непроходимыхъ чащахъ или ловилъ треску неуклюжими сѣтями.

До десяти лѣтъ онъ жилъ какъ молодой волкъ въ заросляхъ, на болотахъ, въ снѣгахъ, и потому, какъ у рыси, остры его глаза и мускулы такъ крѣпки; съ сокомъ весеннихъ березъ впиталъ онъ въ себя силу лѣса, и ее потомъ не могли отнять годы страшнаго, нечеловѣческаго труда.

Потому что въ мужицкую голову трудно вбивается наука: какъ гвозди въ дубовую доску. И нелегко было отъ мшистыхъ камней далекаго сѣвера и гудѣнія лѣсовъ перейти на шхуну стараго морского волка и плыть въ Англію, потомъ съ палубы шхуны быть выброшеннымъ на мостовую столичнаго города, попасть сначала въ одну, потомъ въ другую школу, кончить высшій лицей. Но стальной бичъ нужды и воли гналъ дальше и дальше. Какъ быкъ съ упертыми въ землю рогами, съ налитыми кровью глазами—прошелъ Гаммелинъ свою молодость—не зная отдыха, а когда поднялъ голову, то понялъ, что онъ дважды силенъ и многое можетъ!... И началъ молотъ дробить жизнь, пробивая себѣ дорогу: сначала узкую тропинку, гдѣ не приходилось гнушаться никакой работой... Былъ слесаремъ, машинистомъ, шахтеромъ. Ну, а потомъ, потомъ—тропинка стала широкимъ путемъ, гдѣ шло много такихъ же, какъ онъ, и гдѣ каждый искалъ своего, только своего и скалилъ зубы на прочихъ. И Гаммелинъ нашелъ только свое: дорогу въ мраморныя копи. Надъ пластами неисчерпаемыхъ богатствъ тупые неумѣлые люди собирали скудныя жатвы, только-только не умирая отъ нужды. Инженеръ заглянулъ вглубь земли, ударилъ кайломъ—и брызнуло золото.

Мраморъ въ объятіяхъ пламени далъ золото, золото дало домъ, жену, дѣтей, вещи, вещи... Онъ вставалъ, ходилъ, съ руками, засунутыми въ карманы парусиновыхъ, слегка заношенныхъ брюкъ, опять садился и опять вставалъ, съ еле уловимыми нервными подергиваніями мускуловъ коренастаго тѣла, бралъ куски мрамор[а], взвѣшивалъ, гладилъ: «этотъ стекловидный, грубаго зерна, пох[...]

на гранитъ—образчикъ низшей породы. Этотъ уже лучше, но въ бѣлизнѣ его, не правда ли, есть порокъ: сѣрая вода. Но зато этотъ—превосходенъ: хочется его лизнуть, какъ сахаръ... Въ этомъ году мы его уже добыли 30,000 тоннъ, а подъ нимъ долженъ быть не мраморъ, а настоящая тайна! Я вамъ говорю: не камень, а бѣлоснѣжный храмъ, га-га-га!

Онъ говорилъ, а губы его вздрагивали и блѣдный странный огонь разгорался подъ изломами бѣлесыхъ бровей.

До самаго вечера бродили мы съ Гаммелиномъ по копямъ. Узкими, извилистыми дорогами, вырубленными въ чащѣ лѣса и вѣковомъ гранитѣ, сопровождаемые безконечнымъ полотномъ вагонетнаго пути—спускались мы въ каменныя гнѣзда, откуда то и дѣло доносились глухіе взрывы и короткій грохотъ умирающихъ пластовъ.

Вверхъ и внизъ грузно ползли неуклюжія желѣзныя коробки, то пустыя, то заваленныя кусками побѣжденнаго мрамора. Но ихъ влекли существа мало похожія на побѣдителей—въ этихъ корявыхъ опоркахъ, изъѣденныхъ известкой, въ заплатанныхъ одеждахъ, покрытыхъ слоями каменной пыли и напитанныхъ запахомъ селитры и дыма, съ этой сѣрой коричневатостью сухихъ вдавленныхъ щекъ. На граняхъ внезапныхъ, пугающихъ обрывовъ глазъ открывалъ огромныя ямы, изорванныя, избуравленныя пропасти, сѣро-бѣлыя, крупитчато-блестящія, мокрыя чаши труда. Здѣсь стлалось и таяло голубоватое облако недавняго взрыва; тамъ дятлы-люди гулко долбили желѣзными клювами обнаженныя нѣдра и закладывали динамитные патроны; тутъ—среди тяжелой и печальной музыки молотовъ—разбивали упавшія глыбы, обтесывали куски, нагружали громыхающія вагонетки. Всюду въ медленной битвѣ усталый человѣкъ вяло, но упрямо боролся съ каменнымъ схимникомъ, сдирая съ него темную грубую кожу, поросшую сочной травой и кустами низкой хвои, оскверняя грязными ногами стекловидныя, истерзанныя ткани, увозя частицы исполинскаго тѣла. А заклятый страшнымъ обѣтомъ схимникъ недвижно лежалъ, и только раны его источали росу бѣлой, холодной крови...

Мы еле поспѣвали за инженеромъ. Передъ нами поперемѣнно ...ькали то его пронзительные глаза, то упорная складка выпячен...хъ губъ, то крупный затылокъ, блестящій надъ бронзой шеи. Го...ъ, какъ бы выходящій изъ мѣдной глотки, оглушалъ насъ раска...и тяжелаго, остраго смѣха: «га-га...», внезапными замѣчаніями, ...зломы мрамора гулко повторяли слова, усиливая ихъ звучность. ...ѣпкія, жилистыя руки кидали вправо и влѣво, впередъ и назадъ

отрывистыя указанія, брали куски мрамора, останавливали рабочихъ, приглашали поднять молотъ.

— Вѣситъ болѣе тридцати пяти фунтовъ! Помахать этакимъ весь день—не шутка, га-га! Впрочемъ, дѣло привычки и желанія. Увѣряю васъ, именно—дѣло желанія. Всѣ эти разсказы о чрез-мѣрномъ трудѣ мало, га-га, вѣроятны. Я не могу ни минуты оставаться безъ работы. Я тогда боленъ, га-га! И, конечно, всѣ эти люди, мои рабочіе, тоже не могутъ оставаться ни минуты безъ дѣла.

Онъ переводилъ духъ, дружелюбно кивалъ круглой головой молчаливымъ дятламъ, что при нашемъ приближеніи устало разгибали узкоплечія спины и хмуро, исподлобья внимали рѣчамъ главнаго инженера; онъ съ размаху хваталъ молотъ и разбивалъ первый попавшійся обломокъ и, радостно поворачиваясь въ сторону взрывовъ, алчно раздувалъ тонкія ноздри, вбирая въ себя запахъ разсѣивающагося облака.

— Га-га! Какъ тутъ сидѣть безъ дѣла! Поймите, до меня тутъ почти не было ни-че-го! Такъ—жалкія раскопки, такъ—больше ковырялись и портили матеріалъ. Но прошло пять лѣтъ, и видите, я и компанія все переустроили... Да, да, пять лѣтъ моей жизни вложены въ эти камни. Считая на вашъ вѣсъ—полтора милліона пудовъ годовой добычи, получимъ пять лѣтъ или семь съ половиною милліоновъ пудовъ камня. Га-га!

Въ эту минуту пушечный гулъ потрясъ воздухъ, за нимъ перекатился мѣрный грохотъ обломковъ.

Разбѣжавшаяся кучка людей снова спѣшила къ мѣсту взрыва. Только одинъ, лица котораго не было видно, стоялъ на мѣстѣ, разставивъ ноги и слегка пошатываясь, какъ дерево, колыхаемое вѣтромъ. Стоялъ и зачѣмъ-то трогалъ себя за голову.

— Ага!—сказалъ инженеръ—неосторожность. Неглубоко забили патронъ. Это слышно было по взрыву. Одну минутку...

Онъ быстро пошелъ къ шатавшемуся человѣку, возлѣ котораго уже образовалась группа. Опять изломы мрамора гулко отбрасывали прикосновенія трубоподобнаго голоса. Потомъ одинъ изъ группы пьяно побрелъ къ малиновому домику, на краю высокаго обрыва, а инженеръ вернулся къ намъ.

— Ничего серьезнаго. Бываетъ гораздо хуже. А, знаете, как[illegible] разъ приблизительно съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, начинается [illegible] глубинѣ десяти метровъ тотъ пластъ чудеснѣйшаго мрамора, той- [illegible] га-га!—тайны, на которую я уже намекалъ вамъ... И мы до не[illegible] доберемся, о, да... Прошу васъ дальше...

Мы вновь спѣшили за бѣлымъ человѣкомъ. Мы поднимались въ высокія кирпичныя зданія, въ мрачные, невыносимо душные овалы этажей, гдѣ, словно обугленные, люди съ желтовато-красными бѣлками невыразимыхъ глазъ двигались, какъ автоматы, съ желѣзными клюкообразными рычагами въ черныхъ рукахъ. Чугунные черепа безчисленныхъ отдушинъ усѣяли горячій, черный отъ угля полъ. Рычаги непріятно шуршали, приподнимая то одинъ, то другой колпакъ и сгребая въ отдушины пыльное топливо. Подъ одними черепами, холодно-бурыми, зіяла темная пустота, подъ другими, грязно-бѣлыми, неслись съ тихимъ посвистомъ надъ грудами мрамора, въ трещинахъ и проходахъ, ручьи краснаго пламени; подъ третьими, почти розоватыми, гудѣли адскія пучины, кипѣло раскаленное безуміе огней.

— Ну-ка, Эллисъ, подсыпьте сюда угля. Вотъ такъ, превосходно. Пусть горитъ: это его святая обязанность... Га-га... Единственная обязанность... Рекомендую вамъ: Эллисъ Дальбергъ, нашъ старѣйшій рабочій, весьма заслуженный... Га-га...

Костлявый, лохматый человѣкъ въ скрюченныхъ сапогахъ, болѣе похожій на обожженный молніей сукъ, прикоснулся корявыми пальцами къ лапоухой шляпѣ и попробовалъ изобразить на своемъ черномъ лицѣ, измученномъ лицѣ, улыбку, но получилась жалкая, страшная гримаса.

— Да, мы съ нимъ увидимъ тотъ, знаете, пластъ...—Гаммелинъ значительно разсмѣялся и побѣжалъ дальше по трепещущимъ сходнямъ, а навстрѣчу бѣлому человѣку обугленные рабочіе везли тяжелыя тачки, полныя блестящаго чернаго топлива.

Вслѣдъ за инженеромъ мы спустились въ низкіе сводчатые овалы подземелій. Тамъ въ бѣлесой темнотѣ, среди удушающей, тропической жары люди, словно вылитые изъ гипса и пыльныхъ линючихъ красокъ,—одни строили баррикады изъ острыхъ, блестящихъ глыбъ, грозящихъ обваломъ, другіе замуровывали ихъ, готовя бѣлому схимнику медленную огневую смерть; третіе отмуровывали пышащія нестерпимымъ жаромъ стѣны; четвертые подвозили мраморъ на вагонеткахъ или увозили на свѣтъ Божій испепеленныя мощи для того, чтобы тамъ, на широкихъ площадкахъ въ облакахъ бѣлаго шипящаго пара утолить ихъ мучительную жажду струями студеной воды. Въ атмосферѣ разслабляющаго сухого жара, среди ѣдкихъ испареній, приникающихъ къ тѣлу тысячами разгоряченныхъ сухихъ устъ, подъ стукъ вагонетокъ и зловѣщій ритмическій гулъ невидимыхъ потоковъ пламени, шла неустанная работа кашляющихъ гипсовыхъ людей—и мраморъ претворялся въ известь...

А упрямый человѣкъ съ бѣлесыми глазами все старался перекричать бормотаніе стихій, съ необыкновенной ловкостью взбирался на мраморныя баррикады, стучалъ въ стѣны, объяснялъ, ходилъ, сопровождаемый все тѣми же загадочными, исподлобья взглядами рабочихъ и вздрагивая будто отъ холода.

— Не правда ли, хорошенькая температура... Га-га, болѣе ста градусовъ... Но въ будущемъ я надѣюсь повысить ее. А вотъ боковыя отдушины: это центральная тяга... Высота трубы—тридцать саженей, га-га.. Осторожнѣе, осторожнѣе, а то васъ задавитъ вагонетка. Люди, которые ее толкаютъ, не видятъ, что дѣлается впереди... Все можетъ случиться!

Изъ темноты подземелій черезъ облака густого, выѣдающаго глаза пара мы перешли въ огромные зонтикообразные амбары, гдѣ высились горы каменной муки; гдѣ съ вышины тусклыхъ отверстій свергались все новыя лавины извести; гдѣ люди-мельники съ бѣлой растительностью сгребали всегда однѣми и тѣми же деревянными лопатами всегда одно и то же—кучи извести въ одну гору. И миріады крошечныхъ, ядовитыхъ существъ густо рѣяли вокругъ да около рабовъ амбара.

Выбившіеся изъ силъ, потные, одурманенные, съ красными глазами и блѣдными щеками, брели мы дальше за Гаммелиномъ туда, гдѣ безобразными чудищами разсѣлись машины, гдѣ жирными стальными лапищами махали ловкіе рычаги и поршни, гдѣ съ монотоннымъ звономъ бѣжали на одномъ мѣстѣ огромныя колеса, какъ бы изъ самихъ себя выкидывая безконечныя ленты ремней...

Туда, гдѣ была разлита все та отравляющая тяжесть невидимаго желѣзнаго долга и созданное, сотворенное человѣкомъ жило собственной таинственной жизнью, давило творца кошмарами неизмѣнности, обращало его въ невольника, пило его сердце, душу, дни...

И когда, наконецъ, вдругъ замолкшій и поблѣднѣвшій инженеръ снялъ бѣлую шляпу и, потирая виски, обильно покрытые пылью, быстро повелъ насъ прочь отъ взрывовъ, облаковъ извести и машинъ по извилистымъ лѣснымъ дорогамъ... когда обвѣяла насъ смолистая прохлада хвои и сладкій запахъ кашки пролился въ грудь,—мы благословили молчаніе, атласныя колонны лѣса и румяный ликъ божества, уходящаго въ перламутровыя воды, и дыханіе тишины...

...Мы сидѣли въ голубой гостиной на бѣлыхъ прямыхъ стульяхъ, обведенныхъ тонкой позолотой, за бѣлымъ лакированнымъ столомъ и пили красный ликеръ изъ синихъ рюмокъ на высокихъ ножкахъ.

Уже сиреневыя воды спускающагося вечера вливались въ открытыя окна, и старинныя зеркала тонули въ полумракѣ, отсвѣчивая потускнѣвшимъ серебромъ. Иногда входилъ легкій вѣтеръ, трогалъ прозрачныя занавѣски, вздыхалъ и уходилъ. Гости—почетное мѣстное общество: пасторъ и учитель съ женами, докторъ и полновѣсная дама съ малиновыми румянцами, затянутая въ кофейный панцырь, сидѣли очень чинно, очень прямо, дѣлали маленькіе глотки и любезно передавали другъ другу корзинку съ печеньями. Быть приглашенными въ домъ инженера Гаммелина по особому случаю считалось, конечно, событіемъ немаловажнымъ, а потому и одежды и настроеніе носили характеръ праздничный, даже торжественный: мужчины щеголяли черными сюртуками и пестротой бархатныхъ жилетовъ, женщины—атласомъ и щитками серебряныхъ брошей. Было много изысканной предупредительности, пріятности въ голосахъ и движеніяхъ. И хотя слова сплывали тягуче и медленно, прерываемыя покашливаніями и вздохами,—бесѣда, а съ ней и время подвигались впередъ.

Монументальный, четвероугольный учитель, важно упирая бритыя щеки въ воротники, а кулаки въ колѣни, говорилъ внушительно, какъ будто объяснялъ урокъ:

— Родина! Что можетъ быть выше! Только свое—истинно дорого. Конечно, почитаю Шиллера и Гете какъ свѣтила изящной словесности, но преклоняюсь лишь передъ Рунебергомъ.

«Vårt Land, vårt Land, vårt Fosterland!»

продекламировалъ онъ съ деревяннымъ паѳосомъ.

— О! Когда я возвращался изъ Германіи и послѣ всѣхъ этихъ тамъ Рейновъ увидалъ свою Ауру, то вѣрите ли даже заплакалъ, а когда дома жена поставила передо мной блюдо съ толокномъ, мнѣ показалось, что вкуснѣе я ничего не ѣдалъ...

— Я предпочитаю форель... Кушанье тоже національное!—сказалъ пасторъ, желчный человѣкъ съ ѣдкой улыбкой и тяжело опущенными вѣками надъ выкатомъ черныхъ, алмазныхъ глазъ.

— Уха изъ сиговъ тоже недурна!—согласился учитель, подбирая бритыя губы.—Все это наши финскія женщины приготовляютъ въ совершенствѣ.

— Значитъ, вы не знаете, какъ приготовляютъ рыбу южанки!—проведя кончикомъ языка по своимъ синеватымъ губамъ, возразилъ пасторъ.—Въ приготовленіи рыбы и сластей южанки, многоуважаемый, не-за-мѣнимы... Да, незамѣнимы!...

И онъ бросилъ неуловимый взглядъ въ сторону своей жены, молча перебиравшей длинными пальцами цѣпочку на плоской груди.

Изъ нѣсколькихъ, уже брошенныхъ вскользь фразъ мы знали, что пасторъ собственно пришелецъ въ странѣ шхеръ и лѣсовъ и что предки его были французскіе рыцари. И, правда: въ изгибахъ его черныхъ съ просѣдью волосъ и въ тонко закрученныхъ усахъ виднѣлась южная манерность, а подвижныя ноздри и скрытые блески глазъ говорили, что ни благолѣпіе сна, ни холода сѣвера не могли, да, не могли убить всѣхъ страстей, что онѣ еще горятъ и перегораютъ, оставляя въ душѣ тяжелый, черный уголь.

Маленькій докторъ—лѣсной человѣкъ,—заросшій по самыя брови мшистой растительностью, страдалъ и оттого, что такъ топорщилась его туго-накрахмаленная манишка, и оттого, что приходилось сидѣть такъ прямо и слѣдить за разговоромъ. Онъ все чаще полной горстью бралъ свою опаленную солнцемъ и временемъ бороду, засовывалъ въ ротъ и жевалъ ея порыжѣлые концы, а глаза маленькіе и блестящіе, какъ у звѣря, томились, бродя по стѣнамъ и часто уходя за окно въ лѣсъ. Иногда онъ прислушивался, нервно двигался на стулѣ, хотѣлъ что-то сказать, но только издавалъ носомъ фыркающіе звуки.

Хозяинъ, напротивъ, какъ-то весь опустился, сидѣлъ мѣшковато, широко разставивъ локти, разсѣянно подливалъ себѣ и другимъ. Его разговорчивость пропала и выраженіе угрюмости и озабоченности лежало въ бровяхъ и выпяченныхъ губахъ.

Учитель спросилъ:

— Господа, конечно, посѣтили копи? Не правда ли, какое счастливое сочетаніе природы и искусства рукъ человѣческихъ? Тутъ—шумъ взрывовъ, грохотъ молота, а вокругъ—тишина, уединеніе лѣсовъ и пастбищъ, свѣжесть воздуха...

— Вы... съ вашимъ воздухомъ,—фыркнулъ докторъ и на этотъ разъ весьма вызывающе.—Я вамъ говорю: тутъ все пропитано пылью... мраморной пылью... у однихъ легкіе и одежды,—это еще лучшее, у другихъ—голова и кровь!

Прищуривъ лѣвый глазъ, онъ посмотрѣлъ на инженера, потомъ на пастора и свистнулъ какъ иволга.

Легло непріятное молчаніе, и Гаммелинъ съ сдержаннымъ раздраженіемъ стукнулъ толстой подошвой о полъ.

— Нашъ милѣйшій докторъ всегда немного преувеличиваетъ...—мягко, но съ сожалѣніемъ началъ учитель, кашлянувъ въ руку.—По его мнѣнію мы всѣ тутъ, чѣмъ-нибудь... хе, хе, хе... страдаемъ...

Онъ не договорилъ, потому что дверь отворилась, и въ комнату вошла женщина.

Была минута, когда вдругъ все: и люди, и вещи, и едва оборвавшіеся звуки голосовъ исчезли и осталась она одна, стоящая такъ, въ матовомъ полумракѣ со своими дѣтьми,—мать и дѣти, точно сотканныя изъ тончайшей бѣлизны, потому что отъ нея и отъ нихъ исходилъ неуловимый свѣтъ, отъ блѣдности ихъ лицъ, серебра волосъ и прозрачности глазъ.

— Моя жена, фру Эдитъ, и мои дѣти, Эльза и Эрикъ, Эрикъ-завоеватель!—сказалъ Гаммелинъ, и въ первый разъ въ деревянности его лица промелькнула горделивая радость. Онъ протянулъ руки, и покорно, съ нѣжной торопливостью молодая женщина передала ему своего луннаго ребенка. На молодую весеннюю луну походили они, странныя дѣти, съ ихъ круглыми безкровными лицами и тихой серьезностью.

Отецъ пощекоталъ сыну подъ подбородкомъ и два раза подбросилъ его, но мальчикъ не улыбнулся: изъ пушистыхъ рукавовъ вязаной фуфайки безпомощно висѣли сжатые кулачки и вѣки не моргали надъ шириной водянисто-голубыхъ глазъ.

Легко опустивъ тонкую, полуоткрытую руку на голову дѣвочки, молодая женщина стояла посреди комнаты, и ея взглядъ, ея полураскрытыя губы, слабая улыбка летѣли къ сыну, видѣли только его... И мука, и радость, и робкая стыдливость юнаго материнства стояли вокругъ нея, какъ нѣжное дыханіе распускающейся весны, но уже, какъ опущенныя завѣсы свершоннаго, на исхудаломъ лицѣ съ обрѣзанными щеками лежали тѣни усталости и изнеможенія. Какъ слишкомъ тонкое, слишкомъ юное дерево гнулась она, надломленная ранностью своего расцвѣта.

Легкія свѣтлыя одежды не скрывали полноты ея стана, а осторожность движеній и задумчивость глазъ говорили, что хрупкое тѣло носитъ въ себѣ опять новую жизнь.

— Прелестныя дѣтки!—произнесъ учитель и сдѣлалъ «буку».

— А вы, фру Гаммелинъ, опять выглядите хуже!—улыбнулась дама въ кофейномъ панцырѣ такъ, точно сообщала что-то очень пріятное и радостное.

— Я... нѣтъ... отчего вы думаете?—отвѣтила молодая женщина и, смущенная, сѣла, привлекая къ колѣнямъ дѣвочку и словно загораживая себя отъ назойливыхъ любопытныхъ взглядовъ. И такъ какъ мужъ исподлобья, точно чего-то не одобряя, взглянулъ на нее, фру Эдитъ застѣнчиво, ладонью пригладила спустившуюся прядь и добавила падающимъ голосомъ:—Нѣтъ... я чувствую себя превосходно, но только вотъ Эрикъ... Эрикъ нездоровъ... Я хотѣла спросить васъ, докторъ...

— Докторъ завтра будетъ, тогда и поговоримъ,—отрѣзалъ инженеръ, раскачивая мальчика на колѣнкѣ.

Докторъ передернулъ плечами.

— Я говорилъ и говорю: плюньте на все!

Шея Гаммелина покраснѣла.

— Вы опять за старое...

— Что же дѣлать, если люди— слѣпы!

У обоихъ въ глазахъ вспыхнули клинки.

Тогда очень громко, выставляя впередъ свое острое лицо и лошадиные зубы, пасторша спросила:

— А мы, фру Гаммелинъ, видѣли новый подарокъ, который вамъ преподнесъ вашъ супругъ! Великолѣпное пано! Не вѣрится, что оно сдѣлано изъ сукна: ну, совершенно нарисовано. Вы, что же, такъ и оставите его въ столовой?

— Да, оно очень красиво, но я, право, не знаю, какъ уберечь его отъ пыли! Всѣ эти вещи...—взглядъ фру Эдитъ безпомощно обвелъ стѣны, зеркала, мраморъ, вазы съ цвѣтами,—такъ страшно пылятся... Аксель сердится... но вѣдь мужчины не понимаютъ, какъ это трудно! Цѣлый день ходишь, ходишь!...

Гаммелинъ внезапно расхохотался такъ, какъ хохоталъ на ломкахъ:

— Какая ты смѣшная! Но вѣдь мы всѣ ходимъ, ходимъ... Значитъ, нужно!...

И сталъ серьезенъ.

— Почему нужно?!—голосъ молодой женщины дрогнулъ, а мгновенный румянецъ окрасилъ щеки и опять схлынулъ.—Впрочемъ... Оставимъ этотъ разговоръ...

Но Гаммелинъ упорствовалъ:

— Если тебѣ мало прислуги, найми еще, еще!...

Его голосъ повысился до крика.

Тогда произошло нѣчто неожиданное: сидѣвшій на колѣняхъ у отца, какъ восковая неподвижная кукла, ребенокъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, вытянулся и, прежде чѣмъ Гаммелинъ успѣлъ подхватить его—уже лежалъ на рукахъ фру Эдитъ. Точно подхваченная порывомъ вѣтра, брошенная впередъ страшнымъ толчкомъ, она уже стояла возлѣ мужа и прижимала къ груди ребенка... Своимъ дыханіемъ, своими нѣжными руками силилась остановить судорожный трепетъ маленькаго тѣла, шептала надъ посинѣвшимъ лицомъ нѣжныя, ласковыя слова:

— Ты его испугалъ, Аксель... О, Аксель!... Милый, милый, ты откроешь глазки... посмотри: вонъ тамъ, зайчикъ, маленькій зай-

чикъ!... Докторъ... докторъ!...—ея голосъ сломался, точно чья-то рука сдавила, сжала ея горло.

Но такъ осторожно докторъ уже велъ ее къ креслу, къ открытому окну.

— Ну, фру Гаммелинъ! Зачѣмъ такъ... Ну, вотъ, видите: ему уже лучше... гораздо лучше!

Онъ приложилъ палецъ къ губамъ, и стало такъ тихо, точно въ комнатѣ было только двое: мать и больной ребенокъ... Красные мертвые рыцари выѣзжали на коричневыхъ лошадяхъ въ часы желтыхъ закатовъ, бѣлые мертвые лебеди плыли по чернымъ водамъ. Бѣлѣли въ полумракѣ куски неподвижнаго мрамора... А въ мертвомъ великолѣпіи дома родилась протяжная, колыбельная пѣснь и какъ тихая жалоба поплыла надъ ребенкомъ къ вечернимъ водамъ мерцающихъ шхеръ...

...Дѣтей унесли. Тяжелымъ, точно спутаннымъ языкомъ Гаммелинъ бросилъ одну фразу:

— Они не выносятъ людей!—и сѣлъ, вытирая платкомъ лобъ.

Женщины перешептывались.

— Бѣдная фру Эдитъ!... Такая молодая!...

— Конечно, потерявъ одного ребенка—всегда будешь дрожать за другихъ! Эти ужасныя судороги... Такія прелестныя дѣти!...

— А вы видѣли: у нея—ни кровинки въ лицѣ... Шесть лѣтъ тому назадъ у нея былъ замѣчательный румянецъ...

Голоса осторожно жались другъ къ другу, чуть слышно шелестѣли на губахъ, не долетая въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ инженеръ.

Докторъ все еще стоялъ у окна, у теперь уже пустого кресла, и въ тяжело опущенной головѣ его, въ понурой спинѣ была большая, серьезная дума.

Густота сумерекъ налила комнату по самые края и загадочно туманны были очертанія предметовъ.

И, какъ бы встряхивая всѣхъ ото сна, голосъ учителя, трезвый и громкій, произнесъ:

— А господа, конечно, слышали новость, для насъ очень важную новость: нѣсколько дней тому назадъ г. Гаммелинъ выразилъ полную увѣренность въ томъ, что на разстояніи слѣдующихъ десяти метровъ находится настоящій, да, настоящій, не уступающій итальянскому, мраморъ! Съ подтвержденіемъ этого факта для нашей мѣстности несомнѣнно открывается новая эра...

— Я предупреждала! Я говорила!—вдругъ перебила учителя жена, такъ взволнованно, что гдѣ-то на канделябрахъ зазвенѣли подвѣски.—Подожди продавать, Августъ! Но вѣдь мы вездѣ долж-

ны быть первыми... вездѣ! Вотъ, господинъ пасторъ дождался и теперь онъ продастъ свой клочокъ за другую цѣну!...

Пасторъ сдѣлалъ рѣзкое, внезапное движеніе на стулѣ, но тотчасъ же принялъ прежнюю позу, и только голосъ, несмотря на холодную иронію, вздрагивалъ:

— Почему вы думаете, госпожа Викштрэмъ, что я намѣренъ продать свою землю? Я очень люблю садоводство, а у меня какъ разъ привились такіе прекрасные персики!

— Персики! У него лежитъ капиталъ, зарытый въ землю, а онъ—персики!...

— У васъ лежитъ въ банкѣ, у меня въ землѣ, въ этомъ только разница! Отчего вы собственно такъ волнуетесь, уважаемая фру Викштрэмъ?

— Нѣтъ, знаете... собственно говоря,—вступился учитель и въ темнотѣ руки его никакъ не могли попасть платкомъ въ отверстіе кармана.—Вы поступили не по-сосѣдки... да...

— Позвольте!...

— Вы могли предупредить, посовѣтовать...

— Ну, ужъ, знаете, господинъ Викштрэмъ!—воскликнула дама въ панцырѣ.—Относительно совѣтовъ вы бы лучше помолчали! Я, конечно, вдова, женщина... и вы, собственно, уговорили меня продать за безцѣнокъ мой клочокъ! Вы втянули меня въ невыгодную сдѣлку!...

— Я... васъ? Я? Въ невыгодную сдѣлку? Нѣтъ, позвольте... Знаете... это слишкомъ! Это...

Учитель не могъ продолжать.

Казалось, чья-то невидимая рука сдавила всѣхъ за горло, стерла улыбки, любезность словъ, оскалила въ каждомъ взглядѣ острые клыки. Казалось, еще мгновеніе—и то скрытое, задавленное, что каждый носилъ въ себѣ и пряталъ отъ другихъ, вырвется какъ сломавшій свою клѣтку звѣрь.

Но голосъ доктора, пронзительный и злобный какъ взмахъ бича, упалъ надъ головами:

— Выгода! Ха-ха! Выгоднѣе всѣхъ, говорю я вамъ, продалъ старый Іонасъ: продалъ и повѣсился!...

Былъ ударъ, отрезвленіе. И уже всѣ глаза въ маленькомъ раб· лѣпномъ страхѣ обратились къ инженеру.

Но, неподвижный и бѣлый, онъ сидѣлъ какъ истуканъ.

Тогда съ порога, вмѣстѣ съ упавшей полосой свѣта, усталь і голосъ фру Эдитъ, голосъ еще полный тихой колыбельной пѣсı ı сказалъ:

— Бѣдный Іонасъ! Онъ все считалъ деньги... и не могъ счесть... и сошелъ съ ума! Теперь, когда въ копяхъ воетъ вѣтеръ, люди говорятъ: то плачетъ душа бѣднаго Іонаса!... Господа...—добавила она,—ужинъ готовъ.

Канделябры горѣли жаркимъ блескомъ, и надъ каждой свѣчей стоялъ золотисто-зыбкій кругъ. Въ граняхъ хрустальныхъ вазъ загадочно играли цвѣта. Какъ снѣгъ блестѣло тонкое полотно и новенькое серебро сіяло ровными отливами. Пышныя темно-карминовыя и нѣжно-желтыя розы граціозно свѣшивались въ благоуханной истомѣ. А за окномъ, за бѣлизной тонкихъ занавѣсокъ безшумно плыла лунная синева ночи.

Прямая и высокая какъ сосна служанка съ массивными косами вносила и уносила дымящіяся блюда, но блѣдныя руки хозяйки сами принимали ихъ и ставили на столъ. Сама она презентовала гостямъ то голубую форель и алую семгу, то сладко испаряющійся желтоватый картофель и масляные сыры, то жирную утку въ уборѣ изъ вишенъ и лисичекъ и темно-красную оленину. Сама она наливала въ узкіе, граненые стаканы темный старый эль изъ каменнаго жбана, тяжелаго и росистаго отъ прохладной тѣнистой влаги. Время отъ времени вставала, неслышными шагами обходила столъ и гостей, потчуя то тѣмъ, то другимъ, одѣляя каждаго привѣтливыми тихими улыбками, и опять возвращалась на свое мѣсто, стройно неся полноту округлаго стана. Вскидывала изрѣдка свѣтлыми прозрачными глазами и съ еле уловимымъ, неизъяснимымъ недоумѣніемъ въ мягкомъ и тающемъ какъ сотовый воскъ голосѣ спрашивала:

— Фру Линквистъ! Прошу васъ, объясните мнѣ: почему вы хотите открыть еще одинъ магазинъ. Нужно? Дѣло требуетъ? Но почему нужно, я этого не понимаю... У васъ и такъ много хлопотъ и вы такъ состоятельны, не дѣлайте этого...

Или говорила женѣ учителя:

— Вы очень хорошо толкуете сны... А мнѣ вотъ сегодня подъ утро снилось, что я шла по длиннымъ, длиннымъ бѣлымъ скатертямъ... Онѣ были разостланы между высокихъ горъ, а на горахъ росли черные колокольчики и звенѣли. Къ дальнему путешествію? Да, возможно... Но куда же мы можемъ уѣхать?! Я не понимаю...

По мѣрѣ того, какъ таяли свѣчи и разгорались лица гостей, а раскаты хохота все чаще, благодаря смѣнившему старый эль молодому «тодди» изъ горячей воды, сахара и рома, колыхали огни канделябръ, слабая краска сбѣгала съ лица фру Эдитъ, застывала улыб-

ка и тѣни темнѣли вокругъ глазъ. Легкія, какъ бисеръ, росинки выступили на гладкомъ лбу, и бѣлокурые волосы прядями прилипли къ влажнымъ вискамъ. Но гости не замѣчали этого, менѣе всего мужъ ея и господинъ этого большого, красиваго дома. Плоскогрудая пасторша, поджимая губы и вспыхивая повеселѣвшими отъ «тодди» зрачками, разсказывала тучной дамѣ въ кофейномъ панцырѣ, румянцы которой уже превратились въ бураки, о томъ, какъ развратно сельское населеніе и какъ парни посѣщаютъ по ночамъ дѣвушекъ, не стѣсняясь высотой помѣщенія. Обѣ дамы негодовали, но такъ, какъ если бы судьба соблазняемыхъ созданій была вовсе ужъ не такъ ужасна. Косматый докторъ, страшно возбужденный горячимъ напиткомъ, комкалъ бороду и низвергалъ громы на медицину и человѣчество, утверждая, что медицина ни къ чорту не годна, ибо въ концѣ-концовъ всякій врачъ льетъ воду въ бездонную бочку, а человѣчество такъ мерзко, что и лѣчить-то его не стоитъ, въ томъ числѣ и самого себя. Пасторъ допытывался у Гаммелина, на скуластыхъ щекахъ котораго горѣли два темныхъ пятна, скоро ли онъ начнетъ разработку «того» мрамора. Хозяинъ отнѣкивался, но потомъ сказалъ, сдвинувъ брови:

— Ну, если это васъ такъ занимаетъ, такъ знайте: къ концу третьяго года, считая съ нынѣшняго мѣсяца, я облицую нашъ домъ прекраснѣйшимъ мраморомъ, съ водянисто-розовыми прожилками. Га-га...

— Ого!—воскликнулъ учитель и взволнованно дважды поправилъ очки,—это великолѣпно, это почти Греція!...

Всѣ насторожились и замолкли, повернувшись въ сторону инженера. И среди молчанія значительно тихо проплыло замѣчаніе хозяйки:

— Домъ будетъ очень тяжелъ.

Гаммелинъ пододвинулъ канделябръ такъ, что тотъ скрылъ отъ него лицо жены. Опершись на локти, долго смотрѣлъ на куски мрамора, игравшіе у стѣнъ холодными, мертвыми блестками. Всталъ, подошелъ къ одному изъ нихъ, безсознательно провелъ по его шероховатости ладонью руки и, точно получивъ электрическій ударъ, весь передернулся. Опять блѣдный, странный огонь вспыхнулъ въ бѣлесыхъ глазахъ, и Гаммелинъ, садясь возлѣ жены, отрывисто бросилъ:

— Я это сдѣлаю.

А фру Эдитъ устало вымолвила:

— Ты слишкомъ много работаешь, Аксель... Ты по ночамъ сталъ вскрикивать.

— «Онъ» стóитъ труда.

— Возможно. Но только я начинаю его бояться. Когда я подойду къ ломкамъ и гляжу внизъ, мнѣ всякій разъ чудится, что кто-то невидимый, кто-то бѣлый и холодный поднимается ко мнѣ со дна этихъ скользкихъ ямъ... И...

— Воображеніе!—оглушительно оборвалъ инженеръ.

Тутъ вмѣшался пасторъ. Одна его рука катала хлѣбные шарики, другая то и дѣло подносила къ синеватымъ губамъ стаканъ съ «тодди» и губы пили маленькими, сладенькими глотками, и черные алмазы глазъ какъ бы тайно смаковали дѣвичьи линіи плечъ и головы фру Эдитъ, а когда та случайно взглядывала на него, вцѣплялись въ нее якоремъ.

— Но что вы будете дѣлать въ этомъ... мраморномъ домѣ?

— Тамъ буду жить я, моя жена, мои дѣти. Prosit!—кинулъ Гаммелинъ, допивая стаканъ.

— Ахъ, какъ счастлива фру Эдитъ!...—вздохнули дамы, получивъ отъ пастора взоръ, полный черной ненависти.

— Украшеніе и благословеніе всякаго дома есть женщина. Но что дѣлаютъ съ ней большинство нашихъ мужчинъ, эти истые сѣверные варвары? Развѣ они видятъ, чувствуютъ тѣ мистическія глубины, что кроются въ глазахъ женщины шхеръ?—онъ беззвучно засмѣялся и, выцѣдивъ такой сладкій глотокъ, продолжалъ, не спуская черныхъ алмазовъ съ хозяйки.—О, эти женщины достойны гораздо болѣе умѣлыхъ, я скажу—искусныхъ рукъ! Prosit!

— Ну, тому, кто попытался бы отыскать эти глу-би-ны въ глазахъ моей жены,—проронилъ инженеръ,—я бы разбилъ черепъ вотъ этой кружкой... и... умочилъ концы пальцевъ моихъ въ его крови, какъ то дѣлали варвары сѣвера.

— Ахъ, Вальгалла, Вальгалла...—попробовалъ было учитель спасти положеніе и сказать интересную фразу, но докторъ такъ сердито фыркнулъ, что привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе.

— Три года, три года!!! А вдругъ произойдетъ подземная катастрофа и вашъ мраморъ трахъ-тарарахъ-тахъ... И домъ—ау, ау... Не лучше ли плюнуть?!

— Какая катастрофа?! Вѣчно вы изображаете изъ себя вѣщаго ворона!!

— О, да, да, съ моей стороны это, вѣроятно, глупо. Согласенъ, никакой катастрофы не будетъ: такъ, сболтнулъ! Ну, а скажите,—правда, что соціалисты вносятъ въ сеймъ законопроектъ о томъ, что нѣдра земли—собственность націи?

— Пусть себѣ вносятъ эти утописты, что хотятъ!—громко засмѣялся Гаммелинъ и судорожно щелкнулъ пальцами.—Бумага...

на бумагѣ все можно. А я все же выстрою домъ изъ розоваго мрамора, и, почтеннѣйшій докторъ, га-га, вы будете попрежнему лѣчить мою семью! Га-га-га...

— Я вамъ говорю, что скоро буду лѣчить васъ, именно васъ... И... больше ничего, и нѣтъ мнѣ никакого дѣла ни до кого, и пусть себѣ соціалисты дѣлаютъ, что имъ угодно... Prosit.

Всѣ сразу заговорили. Учитель, дѣлая эффектные жесты жирными руками, съ негодованіемъ разсказывалъ, что съ дѣтьми рабочихъ-соціалистовъ невозможно сладить. Родители не допускаютъ никакихъ серьезныхъ мѣръ и даже легкихъ тѣлесныхъ наказаній и все время грозятъ судомъ «чуть только что». Докторъ ругалъ все человѣчество огуломъ, безъ различія классовъ. Дама въ панцырѣ бурлила, какъ котелъ, и утверждала, что «эти соціалисты» разоряютъ «государство», въ доказательство чего сообщила ту сумму, которую она потеряла во время «штрейка», къ которому должны были примкнуть и ея служащіе.

Гаммелинъ осторожно пояснилъ, что любитъ энергичныхъ людей, но, конечно, насиловать чужую волю и переходить на незаконную почву не слѣдуетъ. Пасторъ оказался ярымъ—до дрожи—противникомъ соціализма, такъ какъ соціалисты хуже язычниковъ: послѣдніе—не знаютъ, первые—подкапываются подъ храмъ. А пасторша съ великой наивностью замѣтила:

— О, я согласилась бы любить ихъ, если бы они были мраморными статуэтками, знаете, такими красивыми и чистенькими...

Отъ грянувшаго смѣха заколыхались язычки свѣчей и звякнуло въ стаканахъ, и перелились отраженія серебра. Въ шумѣ потонуло замѣчаніе хозяйки—робкое и смущенное, «что она очень занята и не успѣла ознакомиться съ этими людьми, но жизнь такъ тяжела, какъ очень большой домъ и, вѣроятно, имъ живется не легко»...

Докторъ уже молчалъ и углубился въ свой стаканъ. Остальные, кромѣ хозяевъ, продолжали шумный, но стройный, какъ хорошо сыгравшійся оркестръ, и пересыпанный сентенціями разговоръ все на ту же тему о «соціалистахъ», и было похоже на то, какъ если бы каждый изъ нихъ услужливо вытаскивалъ занозу у другого, а заноза была для всѣхъ одинакова: «эти люди».

Синева ночи потускнѣла и замутилась. За стѣнами дома рождались тихіе, дремотные гулы. Гаммелинъ сидѣлъ, сгорбившись, угрюмо приподнявъ брови и обнявъ плечо жены лѣвой рукой. А фру Эдитъ наклонилась, очень блѣдная, съ полузакрытыми вѣками, надъ столомъ и, неподвижная, приникла губами къ махрово-красной розѣ. За ними и надъ ними висѣло на стѣнѣ узкое длинное зеркало съ зе-

ребряными грифами и въ темной пустотѣ его сіяло пять свѣчей отраженнаго канделябра. Подъ зеркаломъ высился массивный конусъ мрамора. И въ странномъ, случайномъ сочетаніи, въ игрѣ пламени и мертвыхъ блестокъ бѣлый камень, выкинувъ пять отраженныхъ огней, придавилъ холодной стопой двухъ усталыхъ людей...

Косматый докторъ поднялъ голову, всмотрѣлся, протеръ глаза. Опять взглянулъ и, вдругъ заволновавшись, съ шумомъ всталъ и отодвинулъ далеко въ сторону канделябръ. Зеркало потухло, сочетаніе распалось, а инженеръ и фру Эдитъ изумленно осмотрѣлись. Докторъ не садился.

— Въ чемъ дѣло?—испуганно спросила фру Викштрэмъ, вѣрившая въ привидѣнія.

— Ничего!—отрѣзалъ маленькій человѣкъ.

— Когда нашъ милѣйшій докторъ начинаетъ галлюцинировать, значитъ пора по домамъ...—сказалъ пасторъ и, грузно вставая, загремѣлъ тяжелымъ стуломъ.

Было рѣшено закончить вечеръ прогулкой на «моторѣ», да кстати отвезти домой доктора и пастора съ женой. Викштрэмы и кофейная дама пожелали отправиться пѣшкомъ, лѣсной дорогой.

Обѣ группы простились на широкой лѣстницѣ, но Гаммелина уже не было: гдѣ-то внизу подъ его быстрыми шагами осыпались камни. Фру Эдитъ вышла, когда окна дома погасли, кромѣ послѣдняго, гдѣ сонно свѣтилась желтая занавѣска. На молодой женщинѣ былъ надѣтъ темный плащъ съ капюшономъ, и въ оправѣ его матовое лицо казалось головой камеи.

— Какъ непріятно холодно!—недовольно пробормоталъ пасторъ, зябко запахивая полы летучки.

— Пустяки!—сказалъ докторъ.—Послѣ «тодди» не можетъ быть холодно! Итакъ, впередъ!

Не очень вѣрно ступая, онъ сталъ спускаться подъ откосъ.

Тихая, сдержанная тревога бродила по лѣсу, изрѣдка протяжно гудя и вздыхая. Бродила, останавливалась, шевеля верхушками сосенъ и всматриваясь въ мѣняющіеся просвѣты молочно-луннаго неба. Вверху безшумно плыло блѣдное лицо мѣсяца въ слоистой мглѣ. Внизу рождались и умирали безсильныя тѣни, пятна, изгибы, перелетаясь и словно куда-то торопясь. На водѣ отъ мрачной черной каймы отраженнаго и опрокинутаго берега спѣшно убѣгала, испуганно захлебываясь, чешуйчатая зыбь, и бѣлый «моторъ», на привязи изъ звякающихъ цѣпей, расплескивая чернильныя полосы, все

пытался уйти къ далекимъ купамъ призрачныхъ острововъ, изрѣзанныхъ кое-гдѣ тонкими полосами тумана.

— Осторожнѣе, — предупредила бѣлая фигура инженера, наклонившагося надъ вздрагивавшимъ двигателемъ. — Мостки очень скользки, а вода холодна.

А докторъ предложилъ пастору:

— Садитесь, коллега, на руль.

— Коллега?—переспросилъ тотъ, опускаясь на корму, какъ большая черная птица.

— Ну, да: вѣдь мы съ вами оба возимся вокругъ смерти!

Упали цѣпи. Забилъ винтъ. Живой гулкой дрожью задрожалъ бѣлый «моторъ», качнулся назадъ и вдругъ ринулся впередъ, въ бѣлизну ночи, упруго взрѣзая лезвіемъ носа таинственныя воды и разбрасывая пригоршни матовыхъ жемчужинъ. И широко разошлись двѣ стальныхъ дороги, упираясь въ черноту уходящаго берега. И все было какъ въ прозрачномъ снѣ. Словно лодка вздрагивала и чуть колыхалась все на одномъ и томъ же мѣстѣ. А въ печальномъ и высокомъ небѣ безшумно скользилъ блѣдноликій мѣсяцъ, преслѣдуемый толпами бѣлыхъ видѣній. Струилась навстрѣчу короткая зыбь, тихо плескалась и бѣжала дальше, неся въ изломахъ своихъ мракъ глубины, въ изгибахъ невѣдомые блески и сіяніе вспыхивающихъ и потухающихъ глазъ. Неслышно появлялись и проплывали мимо смутныя тяжелыя очертанія острововъ, какъ сказочныя развалины замковъ и крѣпостей. Сквозили и пропадали позади туманныя лужайки, и странныя, корявыя существа варили тамъ, на нихъ сѣдое пиво ночи. Прибрежный гранитъ отсвѣчивалъ оголенностью старыхъ огромныхъ череповъ. И опять былъ просторъ: ночь разстилала матово-серебряныя дороги, недосягаемы были стѣны мглистыхъ далей, бѣжалъ мѣсяцъ отъ видѣній и тревожно струилась зыбь. Но иногда налетало дыханіе вѣтра, гасило на мигъ блески и приносило съ собой тяжелыя смолистыя струи, и болотную сырость, и запахъ водорослей. Тогда гудѣло что-то въ лѣсахъ, какъ если бы въ огромныхъ пещерахъ вздыхали сквозь сонъ великаны-медвѣди... И снова сіяли, струились воды, и только «моторъ» отсчитывалъ въ тишинѣ вздрагивающіе удары винта.

— Скоро будутъ старыя ломки,—такой далекій и слабый прозвучалъ голосъ фру-Эдитъ.—Я не люблю этого мѣста.

— Держите правѣй къ острову, въ проливъ,—кинулъ инженеръ, и странныя нотки зазвенѣли въ его голосѣ.—Помните, что тамъ камни и держитесь берега.

Низко, надъ самой водой, плыло навстрѣчу лодкѣ большое бар-

хатное крыло тѣни. Тамъ и сямъ всплывали камни, сначала круглые и низкіе, какъ щиты черепахъ, потомъ высокіе и острые, какъ молчаливая стража пролива. Уже надвинулся островъ и тѣснился противоположный берегъ, уже тихо шуршали первые камыши, сжимая широкій разлетъ зыби. Чѣмъ дальше, тѣмъ плотнѣе сдвигались они, переговариваясь стрѣлками и какъ бы прячась другъ за дружку. Запутавшись въ ихъ густотѣ, полной затхлой теплоты и влажной гнили, лежала вода—безсильная, мертвая, какъ ничего не отражающая жидкая смола. «Моторъ» замедлилъ ходъ и медленно двигался—въ шорохѣ и шепотѣ—впередъ, въ тѣнь, словно увозя траурную процессію людей въ темныхъ плащахъ съ бѣлымъ изваяніемъ Гаммелина посрединѣ. И опять былъ гулъ, тревога въ лѣсу и вздохи...

— Геркуланумъ и Помпеи! Геркуланумъ и Помпеи!—громкимъ шепотомъ произнесъ докторъ, нахлобучивая глубже черную шляпу.

— О чемъ бормочете, кол-лега?—иронически-глухо переспросилъ пасторъ.

— Жили были два города: ну, тамъ, пиры разные, золото, портики... А что если бы предупредить жителей: милые, почтенные мои, уносите-ка ноги, не то трахъ-тарарахъ-тахъ?! Ушли бы или нѣтъ? Что дороже: жизнь или ея видимость—драгоцѣнности, дессерты, портики?...

— Да вѣдь подземные, предупреждающіе удары были,—равнодушно замѣтила пасторша.

— Вотъ, вотъ: подземные удары, именно! Не все въ порядкѣ, люди, слышите?

Изъ внезапно разступившихся камышей «моторъ» крутымъ поворотомъ скользнулъ въ глубокій заливъ, и въ полномъ свѣтѣ мѣсяца встало дикое и печальное зрѣлище. Въ тяжеломъ, мрачномъ уборѣ изъ гранита и черной бахромы лѣса громоздились причудливыя кручи: нависли странно бѣлые, холодно и мелко, какъ снѣжная парча, блестящіе отвѣсы, безсильно грозили острые изломы, маячили широкіе проходы, полные призрачнаго сіянія, и алебастровыя глыбы какъ бы застыли въ неизбѣжности паденія. Тамъ повержены были колонны; тамъ неровно расколоты плиты и расщеплены стѣны; тамъ мертво - блестящія нѣдра, разодранныя страшнымъ ударомъ, извергли бѣлые гробы и обрушили хаосъ обломковъ на груды костей, на черные скелеты давнихъ построекъ; а матовые уступы шли въ зеркальную глубину водъ и тамъ неприступными карнизами упирались въ опрокинутое небо. Странныя, мглистыя видѣнія бродили въ проходахъ, кто-то прозрачный ползъ вдоль стѣнъ, дымки курились надъ грудами, и какъ бы ослабѣвшія басовыя струны печально гу-

дѣли въ глубинѣ заброшенныхъ копей, и прочь скользилъ тихій мѣсяцъ, но уйти никуда не могъ...

— Ага!—многозначительно произнесъ пасторъ.—Кладбище!

Гаммелинъ однимъ движеніемъ, точно въ согнутомъ тѣлѣ развернулась пружина, вскочилъ на ноги, качнувъ «моторъ», и черезъ головы всѣхъ кинулъ бѣшенымъ раскатомъ:

— Я шутокъ больше не по-зво-ляю! Какое кладбище?! А?!

Неуловимая тревога пронеслась въ воздухѣ. Пасторша прижалась къ борту. Темная фигура фру Эдитъ наклонилась къ фигурѣ доктора.

Тотъ заволновался и хотѣлъ что-то сказать, но пасторъ, вперивъ въ инженера черные, зловѣщіе алмазы зрачковъ, громко и членораздѣльно продолжалъ:

— Да, кладбище! Развѣ инженеръ Гаммелинъ забылъ, что здѣсь обваломъ погребено десять человѣкъ, что никто съ тѣхъ поръ не желаетъ работать на этихъ ломкахъ... что мѣсто это мертвое?!

— Га!—крикнулъ Гаммелинъ, подался назадъ, точно отъ удара въ грудь, и рванулъ рычагъ машины.

Оборвался стукъ, замеръ винтъ. Отъ неожиданности пасторъ на мгновеніе измѣнилъ направленіе, и лодка, широко раскачиваясь, тихо пошла къ берегу.

А страшный бѣлый человѣкъ съ судоржно-сжатыми кулаками, съ безумно-круглыми глазами, въ которыхъ зловѣще вспыхивали фосфорическія искры, уже стоялъ на носу, надъ загадочной бездной. И плыло передъ нимъ широкими излучинами надъ опрокинутыми мраморными карнизами длинное бѣлое отраженіе, и оглушительный, мѣдный голосъ гналъ къ кручамъ слова за словами, а камни рождали мрачные отвѣты, глухіе и непонятные.

— Кладбище, га-га-га... Вы смѣетесь надо мной! Вы смѣетесь всѣ надо мной!... Я тоже смѣюсь! Да... Я знаю: вы считаете меня сумасшедшимъ, су-ма-сшед-шимъ! Пусть! Вы меня ненавидите! Пусть! Нѣтъ, не мертвое! А, они не хотятъ, отказываются, от-ка-зываются работать... Га-га!... Я выпишу ита-льян-цевъ—слышите! Сто, двѣсти... Га-га-га!...

— О, Господи!—пронесся и упалъ, какъ жалоба чайки, голосъ фру Эдитъ.—Онъ поскользнется! Докторъ, держите!...

И въ ту же минуту ея руки уже обвили кольцомъ станъ бѣлаго человѣка, а губы лихорадочно повторяли: «милый, милый!» Черный косматый докторъ возился какъ гномъ, стараясь совладать съ правой рукой инженера, содрогавшагося отъ внутренняго напряженія, отъ судорожно-сведенныхъ мускуловъ. Пасторша приникла къ мужу и

громко шептала молитву, а лодка все сильнѣе раскачивалась уже на одномъ мѣстѣ, разбрасывая взволнованныя, бѣлыя и черныя, отраженія, ломая карнизы. Въ глубинѣ копей сильнѣй и гуще клубился и ползъ къ шхерамъ туманъ и гудѣли басовыя струны...

— Га!—еще оглушительнѣе крикнулъ Гаммелинъ и за нимъ громыхнули ломки, обвалы, кручи...—Гопъ-гопъ!

— Сядьте, да сядьте же, прошу васъ убѣдительно!... Успокойтесь!—бормоталъ гномъ.

— Аксель, успокойся! Аксель!

— Нѣтъ, оставьте меня. Я здоровъ, я совершенно здоровъ и силенъ. Нѣтъ, не мертвое! Будетъ жизнь, да, да!... Я приглашу сто, двѣсти! Я выстрою трубу! Никто не помѣшаетъ: я доберусь до него, слышите, никто... Я построю, да, построю домъ изъ розоваго мрамора... Я не сумасшедшій. Гопъ! Эй, вы, тамъ слышите... Вы... Гопъ, гопъ, гопъ! Пустите меня!—бѣшено потрясалъ онъ свободной рукой.—Гопъ, гопъ!—звалъ онъ.

Въ проходахъ и на уступахъ рождались угрюмые каменные голоса и сзывали другъ друга. Гудѣніе невидимыхъ струнъ перешло въ ноющій свистъ. И внезапно тьма окрестныхъ лѣсовъ наполнила ночь мощнымъ, глухимъ ворчаніемъ. Налетѣлъ сильный, холодный вѣтеръ, зажегъ на мигъ громко плещущіе огни и потушилъ ихъ, но оставилъ плескъ, безпокойно-частый. А туманъ старыхъ копей вдругъ заколыхался, выросъ, поднялся какъ огромный, бѣлый призракъ, съ длинными рукавами прозрачной рясы и неслышно быстро поплылъ на лодку, на шхеры, неся передъ собой противное дыханіе заброшенности, гніющихъ кочекъ, лужъ, ѣдкой извести...

— Го...!—не кончилъ инженеръ, задохнулся и, неожиданно ослабѣвъ, безпомощно махнулъ рукой. Махнулъ и почти опустился на руки жены и доктора. Съ рукъ на скамью лодки и, ослабѣвъ еще больше, прилегъ на влажное дерево. А женщина съ лицомъ блѣдной камеи наклонилась надъ бѣлымъ человѣкомъ, накрыла его полой темнаго плаща своего и такъ замерла, тихо стуча зубами...

— Обратно!—хмуро бросилъ докторъ, берясь за рычагъ машины.

Большая черная птица, сидѣвшая на кормѣ, кивнула головой.

И въ быстромъ полукругѣ бѣлая лодка съ дрожью ринулась въ открытыя шхеры, въ нелюдимый тусклый просторъ. А за ней гналась мгла, холодная и гнилая, и уже не было мѣсяца, ибо она потушила его.

К. и О. Ковальскіе.

Ѳлегія.

Бѣлый мраморъ надъ юностью милой
Въ тихой за̀води милыхъ тѣней—
Знакъ лилейный надъ ранней могилой,
Гдѣ легла очарованность дней.

Что̀ на камнѣ, въ движеньи несмѣломъ,
Мнѣ начертитъ моя же рука?
Изсѣку ли на мраморѣ бѣломъ:
Смерть да будетъ свѣтла и легка?

На путяхъ, не разгаданныхъ мною,
За любовью любовь хороня,
Укрываю могильной плитою
Сердце хрупкое каждаго дня.

А надъ сердцемъ послѣднимъ, на камнѣ,
Что начертитъ чужая рука?
Изсѣчетъ ли надъ прахомъ она мнѣ:
«Смерть да будетъ свѣтла и легка»?

Викторъ Стражевъ.

Восемь мѣсяцевъ въ сибирской тюрьмѣ.

Изъ воспоминаній ссыльно-поселенца.

Предлагаемыя воспоминанія бывшаго уголовнаго каторжника, теперь поселенца, заканчивающаго свое существованіе въ одной изъ деревень Восточной Сибири, являются неприкрашенной правдой. Авторъ не предназначалъ ихъ для печати, но я упросилъ его дать мнѣ на это право, имѣя цѣлью внести лепту въ далеко еще не полную литературу о сибирскихъ тюрьмахъ и ссылкѣ, поглотившихъ безслѣдно такъ много человѣческихъ силъ и такъ мало еще знакомыхъ большой публикѣ.

Авторъ воспоминаній—человѣкъ изъ интеллигентнаго круга и двадцать лѣтъ тому назадъ не чуждъ былъ политическимъ движеніямъ провинціальной молодежи въ Россіи. Въ 80-хъ годахъ онъ сидѣлъ въ «Крестахъ», въ Петербургѣ, за пропаганду народовольчества, былъ выпущенъ, по окончаніи срока, подъ надзоръ полиціи, и вотъ этотъ-то надзоръ и былъ косвенной причиной, доведшей его до тюрьмы, каторги и ссылки уже по «уголовному преступленію». Я ставлю въ кавычкахъ это выраженіе потому, что на самомъ дѣлѣ никакого уголовнаго преступленія не было. Всѣмъ достаточно извѣстно, до какой степени было печально положеніе поднадзорныхъ въ мрачную эпоху репрессій правительства 80-хъ годовъ. Беззастѣнчивость полиціи въ обращеніи съ политическими поднадзорными доходила до того, что она не давала имъ возможности пристроиться нигдѣ и ни при какомъ дѣлѣ мало-мальски сносно и прочно. Авторъ, несмотря на свое спеціальное техническое образованіе, былъ вынужденъ бѣжать отъ надзора добровольно въ Сибирь, на строившуюся тогда желѣзную дорогу, но и здѣсь жандармерія и гражданская полиція не давали ему покоя и изводили его. Онъ не могъ поступить ни на какую штатную должность по дорогѣ, благодаря протестамъ полиціи, а когда ему это удавалось, его увольняли, какъ только становилось извѣстнымъ его поднадзорное состояніе. Травлѣ не предвидѣлось конца, и, раздраженный, онъ сталъ чрезмѣрно чуткимъ ко всякой обидѣ, подозрительнымъ по отношенію ко всѣмъ окружающимъ.

Воспользовавшись одной изъ бурныхъ вспышекъ развинченнаго нервами человѣка, враги воздвигли противъ него цѣлое фиктивное дѣло по обвиненію въ покушеніи на убійство, и вотъ онъ очутился въ к—ской тюрьмѣ, которую и описываетъ. Судили его безъ присяжныхъ, безъ защитника, и—дѣло было сдѣлано, человѣкъ погибъ.

В.

I.

Первый вечеръ и ночь въ подсудимомъ отдѣленіи к—ской тюрьмы. Камера № 4-й. „Собачій концертъ" и „мельница".

Это было въ концѣ іюля 1897 г. Послѣ мучительныхъ полутора сутокъ, проведенныхъ мною въ к—скомъ полицейскомъ участкѣ, гдѣ меня заключили въ темный карцеръ и гдѣ я все время лежалъ пластомъ непосредственно на человѣческихъ экскрементахъ, устилавшихъ весь полъ, я былъ, наконецъ, около восьми часовъ вечера препровожденъ въ к—скую тюрьму.

Канцелярія тюрьмы, въ которую ввелъ меня полицейскій, была размѣрами не болѣе одной квадратной сажени, въ ней стоялъ единственный, залитый чернилами столъ у единственнаго раскрытаго настежь окна да шкафъ «съ дѣлами». Въ канцеляріи никого не было, а черезъ открытую же боковую дверь изъ нея въ другія комнаты, очевидно, занимаемыя смотрителемъ, не видно было тоже ни души. Заглянувъ туда, полицейскій оставилъ меня въ канцеляріи и, не притворивъ за мной выходной двери, ушелъ кого-то разыскивать.

Я сѣлъ на единственный стулъ и сталъ дожидаться. Несмотря на сквернѣйшее самочувствіе, я не могъ не обратить вниманія на такую патріархальность. Растворенныя кругомъ двери, отсутствіе людей, уходъ послѣдняго стража отъ «преступника», приведеннаго для заключенія, и «преступникъ», которому какъ бы предоставлялось на свободный выборъ: или спокойно дожидаться, когда явятся надзиратели и запрутъ его въ тюрьму, или сдѣлать два шага въ комнату смотрителя, снять любой костюмъ изъ висѣвшихъ противъ двери и спокойно выйти опять на площадь, гдѣ шло и ѣхало достаточно народа, имѣлись свободные извозчики.

Но желанія бѣжать у меня не было, хотѣлось лишь скорѣе добраться до какого-либо угла въ тюрьмѣ и лечь, только лечь и лежать, пока не сдѣлается хоть крошечку покойнѣе израненому, избитому тѣлу.

Полчаса ожиданія показались мнѣ съ десятокъ часовъ, когда, наконецъ, снова показался мой полицейскій вдвоемъ съ тюремнымъ надзирателемъ. Въ этомъ надзирателѣ, сухомъ и длинномъ, странно выдѣлялся только носъ, кривой и острый, и когда я услыхалъ потомъ впервые въ тюрьмѣ кличку «носъ» въ примѣненіи къ старшему надзирателю, я уже понялъ, что старшій надзиратель—это то самое лицо, которое меня приняло отъ полицейскаго.

— Сколько разовъ вамъ говорилось не приводить арестантовъ опосля повѣрки, всетаки прутъ,—ворчалъ онъ, входя и на ходу вырывая разносную книгу изъ рукъ полицейскаго.—Однако не сбѣжалъ бы онъ до утра *)!

Полицейскій улыбался.

— Ты со слѣдователемъ переговори, голова словая,—отвѣтилъ онъ.— А намъ чего,—не мы распоряжаемся.

Надзиратель просмотрѣлъ бумагу, гдѣ сообщалось о моемъ препровожденіи и отрывисто, вскинувъ на мгновеніе глаза въ мою сторону, спросилъ:

— Фамилія?

Я сказалъ.

— По какому дѣлу?

— За нападеніе на подрядчиковъ желѣзной дороги,—объяснилъ за меня полицейскій.

— А!...

Надзиратель взглянулъ на меня снова и уже съ нѣкоторымъ удивленіемъ:

— Этакій-то сморчокъ! Какъ же онъ управился съ такими быками? Чудно!

— Досталось и ему, однако,—возразилъ полицейскій, тоже, очевидно, впервые поглядѣвъ на меня съ нѣкоторымъ вниманіемъ:—ишь, чуть сидитъ!

— Н-да!... Не мудрено, что и маху далъ: началъ во здравіе, а кончилъ за упокой... Чуть бы еще не спятиться—ищи тогда тебя, вѣтра, въ полѣ! Сплоховалъ-таки, парень!

Онъ расписался въ разносной, возвратилъ ее полицейскому и обратился снова ко мнѣ, уже по начальнически:

— Вставай,—переодѣнешься. Вишь отъ тебя какими ароматами прётъ. Мѣста нѣтъ на одежѣ живого; арестанты и подъ нары тебя въ такомъ видѣ не пустятъ.

Но, разсидѣвшись, я не могъ подняться безъ стона отъ страшной боли во всемъ тѣлѣ.

Стража не обратила вниманія на этотъ стонъ, считая, очевидно, болѣзненное состояніе вновь приводимыхъ арестантовъ вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. Надзиратель терпѣливо дождался, когда я приму вполнѣ стоячее положеніе и повелъ меня въ другое зданіе.

Тамъ, какъ я послѣ узналъ, помѣщались кордегардія, нѣсколько карцеровъ и женская тюрьма. Между этими двумя зданіями, равно мрачными, приземистыми, полуслѣпыми и старыми, получался какъ бы предтюремный дворикъ, открытый со стороны площади и ограниченый въ глубинѣ палями тюрьмы. Здѣсь, въ паляхъ, было двое воротъ съ калиточками, надъ

*) Слово *однако* употребляется въ разговорѣ сибиряка въ смыслѣ: я думаю, полагаю, кажется.

которыми висѣли черныя дощечки съ надписями, надъ лѣвыми: «подсудимое отдѣленіе» и надъ другими, правѣе, «тюремная больница».

Надзиратель ввелъ меня въ кордегардію, гдѣ въ это время находилось человѣкъ пять-шесть солдатъ. Солдаты сидѣли на полу, покрытомъ вершковой грязью, и азартно играли въ карты. На наше появленіе они не обратили никакого вниманія.

Изъ ларца, стоявшаго у входныхъ дверей, надзиратель выбросилъ мнѣ одно за другимъ: рубаху, порты, бушлатъ и коты, весь арестантскій костюмъ, въ которомъ мнѣ отнынѣ предстояло быть долгіе годы, и приказалъ переодѣться.

Я надѣвалъ свой рваный и грязный арестантскій костюмъ съ спокойствіемъ человѣка, порѣшившаго всѣ счеты съ прошлымъ и будущимъ. Послѣ страшнаго возбужденія, въ которомъ я передъ тѣмъ находился, мною овладѣла глубокая реакція. Я пересталъ чувствовать къ себѣ, ко всему происходившему со мной и вокругъ меня что̀ бы ни было, кромѣ холоднаго, но ненасытимаго любопытства посторонняго наблюдателя. Реакція была такъ сильна, что если бы неожиданно меня повели прямо на смертную казнь—я не почувствовалъ бы волненія. Мое духовное я какъ бы отрѣшилось отъ моего тѣла и даже физическія боли этого тѣла только докучали мнѣ своими претензіями на мое вниманіе.

Когда переодѣваніе было окончено, надзиратель вывелъ меня изъ кордегардіи и подвелъ къ воротамъ подсудимаго отдѣленія. У воротъ уже ожидалъ насъ изъ земли выросшій «подворотный» надзиратель и пропустилъ въ калиточку на дворъ тюрьмы. Когда мы вошли, калиточка шумно захлопнулась. Странно отозвался этотъ шумъ въ моемъ мозгу, гдѣ промелькнуло сознаніе, что съ этого момента мой міръ ограниченъ на долгое время предѣлами окружающихъ палей. Въ мозгъ мой какъ бы кольнуло что-то тонкимъ, холоднымъ остріемъ и на мгновеніе даже ощутилась физическая боль, но сердце продолжало биться ровно.

Въ слѣдующій же моментъ я обратилъ свое холодное вниманіе на длинное, мрачное одноэтажное зданіе, стоявшее посрединѣ двора и долженствующее проглотить меня. По его долевому фасаду, подъ самой крышей, шелъ рядъ рѣдкихъ, маленькихъ и узенькихъ окошечекъ безъ стеколъ и рамъ, но съ необычайно толстыми желѣзными рѣшетками, между переплетами которыхъ едва оставалось мѣсто для пропуска свѣта. За окошечками сидѣли сотни будущихъ моихъ товарищей по заключенію и они давали знать о себѣ неумолчнымъ гуломъ многихъ голосовъ.

Вмѣстѣ съ гуломъ и отдѣльными выкриками особенно рѣзкихъ голосовъ неся—не то что изъ окошечекъ, а вообще отъ всего зданія—особый, специфическій запахъ тюрьмы, противнокислый, затхлый, прѣлый тяжелыми, теплыми волнами, которыми онъ врѣзался во внѣшнюю атмосферу, сначала побѣждаемый ею, а затѣмъ, по мѣрѣ нашего приближенія, побѣждающій и торжествующій. Ни у меня, ни у надзирателя, однако, не закружились головы, по той простой причинѣ, что оба мы предварите-

«притерпѣлись»: я за полтора сутокъ пребыванія въ какомъ-то отхожемъ мѣстѣ городской полиціи, а надзиратель за многомѣсячное сношеніе со своей тюрьмой.

Дверь тюрьмы со стороны воротъ была открыта, и мы вошли въ душный, темный и длинный коридоръ, шедшій по срединѣ зданія во всю его длину.

Гулъ голосовъ, врывавшійся сюда изъ камеръ справа и слѣва черезъ полуторадюймовыя отверстія въ запертыхъ дверяхъ (волчки), былъ еще слышнѣе, нежели со двора, но сливался во что-то однообразное, мощное и жалкое вмѣстѣ, какъ сдержанное рычаніе укрощеннаго огромнаго звѣря.

Пройдя саженъ около восьми, надзиратель остановился у одной камеры въ концѣ коридора, съ громомъ отперъ висячій замокъ двери, отбросилъ въ сторону тяжелую желѣзную накладку и растворилъ камеру.

Дверь тотчасъ же захлопнулась за мной и заперлась съ тѣмъ же грохотомъ. Я сдѣлалъ два шага во внутрь камеры и окинулъ ее первымъ общимъ взглядомъ.

Два узенькихъ окошечка были еще загромождены наполовину кусками хлѣба и почти не пропускали свѣта, но, выйдя изъ болѣе темнаго коридора, я всетаки увидѣлъ, что очутился въ проходѣ между нарь, тянувшихся до противоположной стѣны. Оба ряда нарь были вплотную застланы грязными до черноты соломенными тюфяками, а поверхъ тюфяковъ стояли, сидѣли, лежали тѣсно другъ къ другу арестанты въ числѣ до пятидесяти человѣкъ.

Привлеченные шумомъ, они всѣ глядѣли на меня; но тотчасъ же добрая половина изъ нихъ, видимо, считавшая ниже своего достоинства интересоваться мною, занялись прерваннымъ дѣломъ: у игроковъ появились карты, невѣдомо гдѣ скрывавшіяся при надзирателѣ и также невѣдомо откуда явившіяся по его уходѣ у пяти-шести человѣкъ одновременно; кучка лезгинъ или чеченцевъ принялась за неоконченное чаепитіе изъ самодѣльнаго жестяного чайника-самовара; нѣсколько солидныхъ арестантовъ возобновили поиски насѣкомыхъ на своихъ рубахахъ и портахъ, которые съ себя поснимали; но не менѣе половины наиболѣе любопытныхъ тотчасъ же меня окружили съ большимъ вниманіемъ и немедленными разспросами: кто, откуда, по какому дѣлу и т. д.

Я не торопился отвѣчать. Вслѣдъ за бѣглымъ осмотромъ я былъ озабоченъ необходимостью найти себѣ поскорѣе какое бы ни было мѣстечко для отдыха, чувствовалъ, что силы окончательно покидаютъ меня.

— Дайте мнѣ сначала мѣсто,—отвѣтилъ я довольно угрюмо.—Вы видите, что я избитъ и измученъ. Сами, небойсь, бывали въ передѣлкѣ!

Просьба была уважена при единодушномъ крикѣ: «мѣсто! мѣсто!» съ такой быстротой и готовностью, что черезъ нѣсколько секундъ я уже сидѣлъ на очень удобномъ мѣстѣ, вблизи окна, причемъ на мою долю было уступлено по полутюфяку отъ праваго и лѣваго сосѣдей.

Тотчасъ же мой сосѣдъ справа—здоровенный мужчина съ сизо-багро-

вымъ носомъ и разноцвѣтной щетиной вмѣсто бороды, откуда-то извлекъ такой же, какъ у кавказцевъ, чайникъ-самоваръ и налилъ полную деревянную чашку горячаго, густого, какъ деготь, кирпичнаго чаю; лѣвый сосѣдъ—румынъ, плечистый, съ веселыми, ласковыми глазами парень,—протянулъ мнѣ кусокъ грязнаго сахару, огрызенный въ форму грецкаго орѣха, а кто-то изъ окружившихъ меня двойнымъ полукругомъ, почти мгновенно, съ удивительной ловкостью, свернулъ, закурилъ и сунулъ мнѣ прямо въ ротъ махорочную папиросу.

Все это было донельзя вò-время и кстати. Перегрѣтый кирпичный чай, отзывавшійся вѣникомъ, показался мнѣ живительнымъ нектаромъ, а махорочная «цыгарка» нѣжнѣе самой дорогой сигары.

Но на послѣдовавшіе вперебой вопросы я тѣмъ не менѣе отвѣчалъ осторожно. Дѣло въ томъ, что какимъ-то непонятнымъ мнѣ путемъ тюрьмѣ было уже извѣстно о моемъ «преступленіи» и меня ждали. Разумѣется, мотивомъ преступленія и для нихъ являлась попытка къ грабежу: истинная причина не была, къ сожалѣнію, извѣстна никому, кромѣ потерпѣвшихъ; но фантазія развивается въ тюрьмахъ еще пышнѣе, чѣмъ на волѣ, а потому изъ моего маленькаго дѣла въ головахъ тюремныхъ обитателей выросло грандіознѣйшее предпріятіе въ героическомъ вкусѣ, а я, мирный, заурядный смертный, превратился въ отчаяннаго разбойника. То, что я выглядѣлъ теперь особенно жалкимъ, ихъ отнюдь не обезкураживало: они практически знали, что самыя смѣлыя, самыя обдуманныя, но дерзкія преступленія совершаются именно съ виду жалкими и слабыми тихонями и святыми.

Все это выяснилось немедленно изъ самаго характера допросовъ. Во-первыхъ, когда меня спросили, по какому дѣлу я приведенъ, то тотчасъ же добавили, не за подрядчиковъ ли? во-вторыхъ, дѣйствительно ли я напалъ на нихъ одинъ среди бѣла дня? въ-третьихъ, какъ я дознался, что у подрядчика были въ этотъ разъ съ собой большія деньги и сколько именно ихъ было? Успѣлъ ли я ихъ выхватить при нападеніи и *перетырить* *) кому-либо и т. д. въ такомъ родѣ.

Я отлично понялъ, что съ моей стороны было бы непростительной, печальной по послѣдствіямъ глупостью передать имъ происшедшее въ истинномъ свѣтѣ. Донъ-Кихотовъ не жалуютъ въ тюрьмахъ. А взглянувъ на ихъ любопытныя, жадныя и вмѣстѣ сочувственныя лица, я рѣшилъ, что это даже и невозможно. Разрушь только я ихъ фантазію, такъ хорошо отвѣчающую ихъ наклонностямъ, понятіямъ, страстямъ,—я пріобрѣлъ бы во всѣхъ самыхъ неумолимыхъ, самыхъ злѣйшихъ враговъ; да и могъ ли я еще разрушить? Повѣрили бы они мнѣ или вообразили бы, что я ихъ вздумалъ одурачить?

Я порѣшилъ, что мнѣ спокойнѣе остаться въ плащѣ разбойника, нежели въ рыцарскомъ костюмѣ Донъ-Кихота, и чтобы разъ навсегда о-

*) *Перетырить*—перепрятать, передать.

кончить съ допросами и выпытываніями, разсказалъ имъ свое дѣло въ желательной для нихъ формѣ, съ добавленіемъ такихъ вымысловъ, какіе мнѣ и самому даже не снились.

Оказалось, что мои слушатели далеко не были строгими критиками, сочинительство къ тому же вещь общепринятая въ тюрьмѣ, а потому разсказъ произвелъ большое впечатлѣніе. Раздались вздохи, сожалѣнія. Одинъ кавказецъ, бросившій пить чай при моемъ разсказѣ, особенно близко къ сердцу принялъ мою *неудачу*. Глаза его горѣли, и когда я закончилъ разсказъ, онъ хрипло, почти съ ненавистью ко мнѣ, ротозѣю, крикнулъ изъ-за спинъ переднихъ слушателей:

— Э-эхъ, какой твой яманъ башка *)!... Зашэмъ ходилъ съ желѣза? Ханжалъ (кинжалъ) надо ходить! Ханжалъ—вѣрна товарищъ!... А-эхъ, ва-ва-ва! какой бульшой дэла!

— А ты съ кинжаломъ ходилъ—зачѣмъ тюрьма попалъ?—крикнулъ на это мой сосѣдъ съ веселыми глазами.—Нѣтъ, братъ, Атаевъ, это кому какой фартъ **).

— Ва-ва! фартъ!...—заоралъ Атаевъ еще громче и раздраженнѣе:—не за ханжалъ мой сидитъ, за урусъ сидитъ ***)!... урусъ—яманъ товарищъ!

— Пой! Всѣ мы любимъ на другихъ сваливать, когда сами влопаемся! Лучка вѣрно говоритъ, кому какой фартъ, братцы,—загалдѣли кругомъ слушатели.—Всякій изъ насъ, сидя вотъ тутъ, на нарахъ, чудесно языкомъ чужія дѣла рѣшать можетъ, а почему-то всѣ мы, въ тюрьмѣ, какъ дома, а на волѣ, какъ въ гостяхъ.

— И Атаевъ правильно говоритъ,—послышалось возраженіе со стороны высокаго, сумрачнаго арестанта, не проронившаго до сихъ поръ ни слова:—потому, по-моему, гости мы на волѣ, что товарищи дурные, не умѣютъ себя соблюдать. Попалъ ему фартъ—даже и скрыться никуда не поспѣшитъ: тутъ же, гдѣ дѣло сдѣлано, крутится, какъ мотылекъ вокругъ огня, покудова крылышки не спалитъ... Какіе наши товарищи,—затычки кабацкія!

Возраженіе это онъ старался сдѣлать спокойнымъ тономъ, но сколько жестокой ненависти слышалось въ этомъ тонѣ! Чувствовалась злая угроза кому-то и за что-то; чувствовалось, что эта угроза переживетъ многіе годы и непремѣнно будетъ приведена въ исполненіе при первой возможности надъ тѣмъ, къ кому относилась.

Онъ былъ кривъ, одного глаза не было совсѣмъ и пустая орбита была акрыта ввалившимся вѣкомъ; но единственный глазъ въ настоящую минуту блестѣлъ и кололъ, какъ холодное лезвее отточеннаго ножа.

Мощь скрытой угрозы этого арестанта на мгновенье какъ бы смутила

*) Яманъ—дурной, плохой.
**) Фартъ—удача, счастье.
***) Урусъ—русскій.

всѣхъ, но потомъ снова поднялось еще болѣе неудержимое галдѣнье на ту же тему, а мой веселый сосѣдъ, котораго звали Лучкой, объяснилъ мнѣ, кивнувъ на отошедшаго кривого:

— Это Казаковъ. Не слыхалъ?

— Не знаю.

— Тотъ самый, который мѣсяца два тому назадъ въ Рыбномъ семью вырѣзалъ. Двѣнадцать человѣкъ порѣзалъ, изрубилъ на мелкіе кусочки да по лавкамъ избы и разложилъ. Мясная лавка и вышла! ха-ха-ха!

Лучку, повидимому, это звѣрство приводило въ смѣшливое настроеніе.

Понемногу, съ продолжающимся галдѣньемъ, арестанты стали расходиться по своимъ мѣстамъ, но нѣкоторые еще оставались и, сидя у моихъ ногъ, старались удовлетворить свое любопытство относительно моей личности.

— Ты *самоходъ* *)?

— Не совсѣмъ. Въ свое время сидѣлъ по политическому дѣлу и меня выжилъ изъ Россіи полицейскій надзоръ. Мнѣ житья не стало отъ него въ Россіи **).

— Полноправный?

— Да.

— Деньги у тебя есть?

— Ни гроша. Передъ арестомъ я только что получилъ жалованье и у меня всѣ деньги покрали полицейскіе.

— Плохое твое дѣло. Здѣсь съ тебя завтра потребуютъ три рубля *за парашу* ***) и назначатъ еще налогъ за палача и въ тюрьму ****).

— И много?

— А это ужъ какъ сходка назначитъ. Завтра о тебѣ соберутъ сходку и тамъ твое дѣло порѣшатъ. Такой у насъ порядокъ. Вся бѣда въ томъ, что ты полноправный. У насъ берутъ съ такихъ много,—самое меньшее четвертную, а съ богатаго и до тысячи, случается. Налога нѣтъ только на поселенцевъ, съ которыхъ берутъ за одну парашу рубль, да на бродягъ, съ которыхъ совсѣмъ ничего не берутъ. Можетъ, у тебя имущество есть, какое можно продать?

— Откуда оно у меня? Я—холостякъ, человѣкъ бездомовый, заѣзжій. Есть, конечно, у меня на квартирѣ одеженка, бѣлье и книги, но, во-первыхъ, не извѣстно, цѣло ли это все, такъ какъ хозяева мои не изъ очень

---

*) *Самоходами* называютъ въ Сибири всѣхъ, прибывающихъ изъ Европейской Россіи добровольно.

**) Въ Сибири, говоря объ Европейской Россіи, принято называть ее просто Россіей.

***) Параша—ночной ушатъ.

****) Палачомъ въ к—ской тюрьмѣ былъ одинъ срочный арестантъ и жалованье по своей „должности“ получалъ отъ тюремной администраціи; тѣмъ не менѣе, было въ обычаѣ платить ему особо отъ тюрьмы, за что палачъ былъ обязанъ не драть плетьми и розгами слишкомъ жестоко, или, напротивъ, засѣчь до смерти. Смертныхъ же казней при к—ской тюрьмѣ не случалось.

добродѣтельныхъ, а во-вторыхъ, одежда моя форменная, бѣлье непригодное для простонароднаго покупателя, а книги научныя. Если и найдутся, значитъ, покупателя, то едва ли дадутъ за все больше 15—20 рублей.

— Плохо. За парашу не уплатишь—въ лапы майдана попадешь, а налогъ тюрьма вымучитъ само собой: заставитъ доставать гдѣ хочешь, хоть изъ земли, и будетъ бить.

— Болтай больше,—вступился Лучка.—Не за такое дѣло онъ попалъ. Тюрьма понимаетъ тоже. Кто его тронетъ? Онъ вотъ и такъ чуть живъ, акромя, что въ Сибири безъ роду-племени. Не бойся ничего!—успокоилъ онъ меня.—Вѣрно, что на сходку у насъ имѣютъ право собираться только поселенцы да бродяги, а полноправныхъ даже и для опроса не всегда налицо приводятъ; только твое дѣло особое: не за кражу попалъ, не любовницу придушилъ и не посельгу́ обидѣлъ, а самоходовъ же. Тебѣ грозитъ каторга.

— Лучка говоритъ правильно,—подтвердилъ и сосѣдъ мой справа, владѣлецъ сизаго носа.—Конечно, тюрьма зря человѣка не обидитъ; но и то надо въ предметъ взять, въ какомъ духѣ бродяжеская камера окажется. Какъ ни какъ, а ты вѣдь не нашъ-братъ мужикъ, а вродѣ, какъ бы баринъ да еще желторотый *). Души не вымотаютъ, это вѣрно, битью тоже не предадутъ, потому—не такая твоя категорія; ну, а все же надѣяться нельзя, чтобы все сошло на нѣтъ. Такого случа̀я никогда еще въ тюрьмѣ не бывало.

— Я и не желаю такого случая,—отвѣтилъ я.—Что возможно будетъ для меня—тому я подчинюсь охотно, а что невозможно—того, надѣюсь, не потребуютъ. Во всякомъ случаѣ, таскать парашу теперь я еще не могу, потому что съ великимъ трудомъ собственное тѣло таскаю.

Лучка разсмѣялся.

— Не потащишь параши, будь спокоенъ. Ученой головѣ и другое дѣло найдется. Вонъ у насъ теперь, къ примѣру, вся тюрьма въ толковомъ писарѣ нуждается. Никто прошенія правильно написать не можетъ. Вотъ и опредѣлятъ тебя опчественнымъ присяжнымъ строчилой.

— Вѣрно,—подхватило нѣсколько голосовъ съ оживленіемъ,—потребуемъ писаря!

И опять пошелъ усиленный гомонъ по всей камерѣ. Въ толковомъ писарѣ очень нуждалась тюрьма. Пошли разсужденія о томъ, сколько прошеній было возвращено канцеляріей смотрителя по совершенной нелѣпости ихъ, сколько оставлено безъ отвѣта товарищемъ прокурора, слѣдователями, судьями. А между тѣмъ, грамотныхъ было въ тюрьмѣ много. Одинъ даже офиціально числился тюремнымъ учителемъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, никакого ученія въ тюрьмѣ не происходило и даже помѣщенія не имѣлось. Одинъ полякъ до заключенія своего служилъ въ должности письмоводи-

---

*) *Желторотыми* въ тюрьмахъ называютъ новичковъ, не извѣдавшихъ еще ни тюрьмы, ни поселенческихъ мытарствъ.

теля при мировомъ судьѣ; но о немъ Лучка выразился въ самомъ оскорбительномъ смыслѣ, пустивъ такое презрительное словечко, отъ котораго вся тюрьма захохотала.

Въ дверь послышался сильный стукъ и раздался голосъ дежурнаго надзирателя:

— Лампу зажигай!

Кто-то поднялся съ наръ и зажегъ пятилинейную лампу, торчавшую въ простѣнкѣ оконъ. Стекло этой лампы было черно отъ копоти и отъ засидѣвшихъ его мухъ, и пламя черезъ него пріобрѣло грязно-красный цвѣтъ, ничего не освѣщая въ двухъ шагахъ.

Вскорѣ оказалось однако, что камера и не нуждалась въ казенной лампѣ для своихъ цѣлей. Когда совершенно стемнѣло, въ разныхъ мѣстахъ засвѣтились свои, самодѣльныя лампы, устроенныя изъ аптечныхъ пузырьковъ и косушечныхъ бутылочекъ изъ-подъ водки.

Мой сосѣдъ справа—тоже зажегъ такую, ламповымъ резервуаромъ которой послужила именно косушечная бутылка, заткнутая пробкой, черезъ которую проходилъ фитилекъ изъ крученой шерсти со дна бутылки на восьмую дюйма наружу. Бутылка доверху была наполнена керосиномъ. Керосинъ для своихъ лампочекъ тюрьма добывала, какъ объяснилъ мнѣ сосѣдъ, заправляя свою лампочку, отъ ламповщика, срочнаго арестанта, обходившаго ежедневно всѣ лампы тюрьмы и заправлявшаго ихъ съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣ волки были сыты и овцы цѣлы.

Самодѣльная лампочка свѣтила только подъ самымъ носомъ хозяина, но моему сосѣду, напримѣръ, бо̀льшаго отъ нея и не требовалось для его дѣла. А дѣло, которымъ онъ занялся, немедля, было очень важнымъ. Изъ-подъ вороха неопредѣленнаго рванья, которое находилось у него въ изголовьи, онъ вытащилъ мѣшочекъ, изъ мѣшочка свертокъ кожи, изъ свертка мотокъ дратвы и шило изъ гвоздя. Свертокъ оказался двумя большими обрѣзками грубой сапожной кожи, вырѣзанными въ формѣ трапецій и нѣсколькими ремешками болѣе мягкой кожи. Сосѣдъ терпѣливо, каждую ночь и, видимо, издавна, прошивалъ эти обрѣзки фигурными строчками и предупредительно объяснилъ мнѣ, что готовитъ себѣ *подкандальники* и *поджильники* къ ожидаемымъ кандаламъ.

— Конечно, къ кандаламъ полагаются казенные подкандальники и поджильники,—добавилъ онъ,—только не дай Богъ на нихъ разсчитывать. Первое—ихъ получишь только, когда назначатъ въ партію, а кандалы могутъ навѣсить мѣсяца за два, сейчасъ же послѣ суда, прямо на голыя ноги; а второе—въ нихъ въ пути и десяти верстъ не прошагаешь — потому матеріалъ гнилой, дешевый и безъ всякаго тебѣ удовольствія.

— Асмодей онъ у насъ,—вмѣшался Лучка *), лукаво кивая въ [illegible]о сторону,—деньги имѣетъ, а небойсь, не закажетъ сро̀бить ихъ кому [illegible]гому, побѣднѣе.

*) Асмодей—скупой, жадный, нелюдимый человѣкъ

— Не асмодей, врешь,—возразилъ тотъ,—а только поумнѣй тебя, дурака. Пошагай-ко съ мое, не довѣришь этого дѣла отцу родному. Свои-то подкандальники—они, коль ты знать хочешь—масломъ на ногѣ-то сидятъ.

— Вѣкъ бы тебѣ этимъ масломъ маслиться!—расхохотался Лучка.— Сказалъ тоже: масломъ!

— Мудренаго нѣтъ, что и тебѣ вѣкъ приведется съ подкандальниками коротать: лиха-бѣда надѣть кандалы... Какъ тоже пофартитъ, другъ! Вотъ тогда-то и вспомнишь, правду ли тебѣ старый Марсовъ насчетъ масла говорилъ.

— Не каркай, воронъ! такое и желѣзо еще не добыто, изъ котораго бы Лучкѣ вѣчные кандалы выковали. А для тѣхъ, какіе надѣну ли, нѣтъ ли—у меня масло такое найдется, что мигомъ съ ногъ соскочатъ!

— Ладно. Живы будемъ—поглядимъ. Эхъ, другъ! вѣдь и я еще не такъ старъ,—оживился вдругъ Марсовъ,—и насчетъ масла я тебѣ въ такомъ смыслѣ и говорю. Примѣта у меня: восемь разовъ шилъ я себѣ это самое украшеніе и во всѣ восемь разовъ кандалы съ моихъ ногъ чудесно сползали. На однихъ только первыхъ, казенныхъ подкандальникахъ продержались они долгонько, чуть не до костей съ ногъ мясо выскоблили. И не снять бы мнѣ было еще съ той поры кандаловъ до нынѣшнихъ дней, кабы не надоумилъ меня одинъ, блаженной памяти, товарищъ задушевный! «Коли хочешь,—сказалъ онъ,—еще разъ на волькѣ погулять, прими мой совѣтъ, сбрасывай казенные подкандальники, надѣвай скорѣй своей работы. И чѣмъ больше ты на нихъ труда своего да пота положишь, тѣмъ скорѣе кандалы свои снимешь». И вѣрно сказалъ онъ, другъ. Двухъ мѣсяцевъ не продержались кандалы на подкандальникахъ моей работы. Слѣзли какъ по маслу въ одну ночку темную и не прозвякнули... Такъ-то!

— Вонъ ты куда погнулъ,—догадался Лучка.—А мнѣ и не вдомекъ! Коли вѣрно говоришь—такъ, пожалуй, и мнѣ за то же рукомесло приняться не скучно покажется.

— Вѣрно говорю! Примись-ка, примись, другъ!

На противоположныхъ нарахъ продолжали рѣзаться какіе-то завзятые игроки. Игра ихъ не только не приходила къ концу, но, видимо, разгоралась сильнѣе. Голоса играющихъ повышались. Явственно слышались отрывистыя фразы: «уголъ!» «рѣжь», «атанде», «иду на пэ!» и т. п. По временамъ чей-то голосъ кричалъ: «Акимка, давай еще рубль!» Акимка приподнимался изъ дальняго угла наръ и покорно бросалъ черезъ головы стоящихъ и сидящихъ серебряную монету, которая ловко ловилась зрителями, окружившими игроковъ, и передавалась адресату. Игра шла «въ банчокъ».

Прислушавшись къ какому-то спору между игроками, Лучка тоже перескочилъ къ нимъ, за что я мысленно сказалъ ему спасибо, потому что теперь только отъ меня зависило поддерживать разговоръ со своимъ сосѣдомъ справа. Онъ, очевидно, не былъ настроенъ къ продолженію бесѣды, а я давно уже ничего не хотѣлъ такъ сильно, какъ отдыха. Поэтому я ...енно откинулся на деревянное изголовье наръ и закрылъ глаза.

Утомленіе мое было такъ велико, что я тотчасъ же почувствовалъ, какъ что-то словно закачало меня и помчало куда-то съ возрастающей быстротой, заволакивая сознаніе. Не то видѣнія, не то обрывки фразъ, неуловимыя по значеніямъ, роемъ закружились вокругъ меня и полетѣли вмѣстѣ со мной куда-то въ бездонную тьму. Но онѣ не только вились и летѣли со мной, а и жались ко мнѣ увеличивающейся свинцовой массой, давили на грудь и мѣшали дыханію.

Вдругъ я проснулся отъ странныхъ звуковъ: въ коридорѣ раздавался яростный лай двухъ, невѣдомо откуда взявшихся собакъ. Одна заливалась тонкимъ, злобнымъ, торопливымъ лаемъ, а другая отвѣчала полнымъ достоинства басомъ барбоса. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что у двери стоялъ Лучка, глядѣлъ въ волчокъ, хохоталъ и во все свое мощное горло оралъ; «нохъ, нохъ» *)!

Въ разгарѣ лаянья собаченка вдругъ завизжала жалобно и куда-то помчалась, что можно было понять по удаляющемуся и затихающему визгу, а барбосъ, торопливо и испуганно тявкнувъ раза три-четыре еще, замолчалъ.

Въ крайнемъ недоумѣніи, я посмотрѣлъ на остальныхъ арестантовъ, которые оставались спокойными на своихъ мѣстахъ, нисколько не интересуясь такимъ необычайнымъ концертомъ, и перенесъ недоумѣвающій взоръ на Марсова, продолжавшаго сосредоточенно строчить свои подкандальники.

— Это шпана потѣшается,—объяснилъ онъ мнѣ **), когда замѣтилъ мой взглядъ.—Дежурнаго надзирателя будитъ. Есть такіе у насъ два олуха: одинъ еще бродяга, въ бродяжескомъ номерѣ сидитъ, а другой—такъ себѣ, *жиганишко* изъ камеры противъ насъ ***). Нонче «преставленный вечеръ». Это комедь номеръ первый, а потомъ будетъ еще «мельница». Ты ужъ потерпи спать, а не то, пожалуй, перепужаешься. «Мельница»-то куда пошумнѣе: тутъ вся тюрьма завозится.

Я едва въ состояніи былъ повѣрить объясненію Марсова, такъ неподражаемо-естественно былъ исполненъ этотъ «собачій концертъ», и сталъ съ невольной тревогой ожидать «мельницы». Что это за «мельница», какъ и въ чемъ она выразится—я положительно не могъ себѣ представить, но и спросить не рѣшился. Дремоту мою—какъ рукой сняло.

Я сталъ наблюдать за Лучкой. Но Лучка, нахохотавшись вдоволь у волчка, отошелъ и снова присоединился къ зрителямъ, окружавшимъ игроковъ. Прошло довольно много времени. Ничто, казалось, не предвѣщало обѣщанной Марсовымъ «мельницы», и я уже опять сталъ дремать, какъ

---

*) „Нохъ! нохъ!“—призывной окликъ собакъ, перенятый сибиряками отъ инородцевъ.

**) *Шпана, шпанка*—тюремная и поселенческая „мелкота“—воришки, карманники и т. п. Есть ей и другое прозвище—*кобылка*.

***) Жиганы—люди никогда ничего не имѣющіе, несчастливые игроки, пьяницы, гуляки, *прожигающіе жизнь*.

вдругъ сравнительную тишину камеры нарушилъ тихій и долгій свистъ изъ коридора. Тотчасъ камера пришла въ тихое, но необычайное движеніе. Безъ разговоровъ лежавшіе арестанты сѣли, игроки бросили карты, зѣваки соскользнули въ проходъ между нарами, а Лучка мягкимъ прыжкомъ очутился снова у волчка. Какъ только замолкъ первый свистъ, ему отвѣтилъ откуда-то другой, за другимъ третій и т. д. и, наконецъ, засвистѣлъ и Лучка. Пока происходило пересвистываніе, наши арестанты быстро заворачивали наполовину свои тюфяки со стороны края наръ и усаживались кучками на голыя доски. Къ Лучкѣ присоединились еще двое и стали въ условленныя заранѣе позы: одинъ съ двумя пальцами, вложенными въ ротъ, а другой съ приставленными ко рту ладонями.

Всѣ приготовились, и на минуту настала совершенная тишина.

Но вотъ раздался новый, далекій, тихій свистъ, за нимъ оттуда же другой, короткій, словно оборвавшись и... тутъ ужъ трудно описать, что̀ произошло. Сотни кулаковъ и ногъ тюрьмы разомъ и во всю силу забарабанили по голымъ доскамъ наръ и половъ; что-то заревѣло и завизжало оглушительнымъ образомъ въ то же время; сотни свистковъ запѣли на всевозможные тоны слѣва, сзади, спереди, у насъ и изъ коридора. Все зданіе буквально задрожало, и я вынужденъ былъ зажать уши и ждать, что вотъ-вотъ голова моя разлетится вдребезги отъ поднявшагося невообразимаго, невозможно-дикаго шума. Минуты двѣ продолжалось все это, звуки становились ежесекундно громче, пока не превратились въ ревъ, и вдругъ, словно по мановенію чьей-то волшебной палочки, неожиданно оборвались, оставивъ послѣ себя только одинъ, откуда-то несшійся и куда-то уходящій тонкій-тонкій свистъ.

Тотчасъ же по прекращеніи «мельницы» тюфяки приняли прежнее положеніе, игроки съ тихимъ смѣхомъ взялись за карты, зѣваки ихъ окружили, лежавшіе раньше—снова улеглись, все вошло въ обычный видъ, безъ разговоровъ на тему о происшедшемъ.

Марсовъ не участвовалъ въ этомъ «номерѣ» и за всю «мельницу» не оторвался отъ своей работы. Лицо его оставалось безучастнымъ, только гдѣ-то, въ уголкахъ его мясистыхъ губъ, едва-едва дрожала насмѣшливая улыбка и опущенные на работу глаза имъ отвѣчали тѣмъ же.

Когда шумъ стихъ, онъ мелькомъ только метнулъ въ мою сторону этими глазами, но словно воды въ ротъ набралъ.

Я не поблагодарилъ его за предупрежденіе, но сознавалъ, что безъ этого предупрежденія я лишился бы разсудка. Какъ себя чувствовалъ дежурный надзиратель и что съ нимъ теперь?—подумалось мнѣ. Я не услышалъ никакой тревоги ни во дворѣ, ни въ коридорѣ и долженъ былъ признать, что «мельница» подсудимаго отдѣленія К—ской тюрьмы такое явленіе, съ которымъ администрація уже свыклась.

II.

Первый день.—Сходка.—Майданъ.—Медицинская помощь.—Арестантская „баланда“ и пайки.—Послѣобѣденное времяпрепровожденіе.—Тюремное населеніе.—Вечерняя повѣрка.

Послѣ «мельницы» я могъ уснуть невозбранно и, дѣйствительно, уснулъ крѣпко, но—увы!—не надолго. Съ полуночи, когда всѣ уже спали, меня разбудили не тюремные «номера», а собственныя боли. Кости мои мучительно заныли, а въ правый бокъ что-то подступило, такъ что каждая попытка вздохнуть сопровождалась жестокимъ колотьемъ. Всѣ мои старанія избѣгнуть колотья перемѣною положенія, старанія сами по себѣ мучительныя, не приводили ни къ чему, пока я не принялъ, наконецъ, сидячее положеніе. Въ такомъ положеніи я и заснулъ снова, уже на зарѣ, неслышно, затѣмъ свалился на бокъ и проспалъ не только повѣрку, но и казенный чай. Впрочемъ, чай этотъ, приносимый парашниками въ деревянныхъ бачкахъ, въ которыхъ разносились и щи въ обѣденное время, такъ сильно пахъ этими щами, въ чемъ я убѣдился по остаткамъ, и такъ мало заключалъ въ себѣ собственно чаю, судя по вкусу ржаного хлѣба, что я не очень сожалѣлъ, что проспалъ его *).

Поднявшись послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, я кое-какъ дотащился до крыльца, гдѣ умылся, за отсутствіемъ умывальниковъ, изъ деревянной чашки, на чистомъ воздухѣ, который послѣ ночи въ отвратительной атмосферѣ тюрьмы показался мнѣ до упоенія пріятнымъ. Всѣ камеры, а ихъ было десять, стояли съ растворенными настежь дверями, и арестанты сновали свободно, гдѣ хотѣли,—по камерамъ, по коридору и по двору. Дежурнаго надзирателя днемъ совсѣмъ не было при отдѣленіи. Желая освѣжиться болѣе основательно, нежели умываньемъ, я протащился по двору вокругъ тюремнаго зданія. Дворъ представлялъ правильный прямоугольникъ шириною въ тридцать, а длиною въ шестьдесятъ саженъ, съ тюрьмою посрединѣ. Отдѣлялся онъ отъ больничнаго двора досчатымъ заборомъ въ сажень высотою, къ которому примыкала вплотную деревянная невысокая колокольня самой примитивной постройки. Колокольня принадлежала тюремной церкви, а церковь помѣщалась, какъ я узналъ въ этотъ же день, въ одной изъ больничныхъ палатъ. По праздничнымъ и табельнымъ днямъ въ ней происходило богослуженіе, въ продолженіе котораго всѣ остальныя палаты запирались.

Когда я возвратился въ свою камеру, Марсовъ уже разогрѣлъ свой чайникъ-самоваръ и настоятельно потребовалъ, чтобы я «составилъ ему компанію». Конечно, я не отказался. Чайникъ-самоваръ—это чисто тюремное и, кажется, сибирское усовершенствованіе обыкновеннаго жестяно[го]

---

*) Я узналъ вскорѣ, что кирпичнаго чаю выдавалось на котелъ слишкомъ ничтожное количество, изъ котораго старосты еще урывали долю себѣ; а потому кипятокъ, *для колера,* бросалось внушительное количество ржаныхъ корокъ, т[акъ] что чай состоялъ, собственно, изъ хлѣбныхъ выварокъ.

чайника. Онъ отличается отъ послѣдняго только тѣмъ, что дѣлается овальной формы, съ двумя отверстіями въ верхней крышкѣ, изъ которыхъ одно приходится на трубу, укрѣпленную ко дну чайника, какъ въ обыкновенномъ самоварѣ. Дно подъ трубой вырѣзается, замѣняется рѣшеткой, чайникъ устанавливается на ножкахъ—и самоваръ готовъ. Въ свободное отверстіе чайника наливается вода, которая охватываетъ трубу кругомъ; въ трубу засыпаются угли, разжигаются, и вода очень скоро закипаетъ. Всѣ остальные признаки чайника—носо̀къ, дужка, наглухо запаянная верхняя крышка—остаются безъ измѣненія, но только выработываются болѣе или менѣе изящно, иногда съ добавленіями—фигурными колпачками для дымового и кипяточнаго отверстій, камфоркою для чайничка, особо дѣлаемою и наставною трубой для лучшей тяги. Стоимость такого чайника-самовара вполнѣ доступна для арестантовъ и колеблется, смотря по величинѣ, отдѣлкѣ и добавочнымъ деталямъ отъ 50 копеекъ до 2 рублей. Нѣкто, Сережка Безотчества, бродяга, молодой парень, хорошій слесарь, работавшій въ тюремной мастерской срочнаго двора, смастерилъ мнѣ, напримѣръ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя самоваръ въ формѣ паровоза, съ предохранительнымъ клапаномъ и свисткомъ. Когда закипала вода, свистокъ начиналъ свистѣть, чѣмъ далѣе, тѣмъ пронзительнѣе, а когда я замѣшкивался заваривать чай, открывался въ клубахъ пара и предохранительный клапанъ. Этотъ самоваръ Сережка изготовилъ мнѣ «въ презентъ» передъ уходомъ моимъ въ каторгу, но знатоки оцѣнивали его въ три-четыре рубля *).

Во время чаепитія Марсовъ напомнилъ, что сегодня соберется сходка обо мнѣ и что на сходкѣ изъ нашей камеры будетъ около половины и между прочимъ—онъ.

— Мы похлопочемъ, чтобы тюрьма не прижимала тебя крѣпко. Человѣкъ ты, похоже, съ головой и тюрьмѣ будешь надобенъ не одними деньгами. Поэтому много не робѣй, хотя въ случаѣ, когда тебя позовутъ самого на сходку, покажись парнемъ покорнымъ, языку воли много не давай, говори только о томъ, что у тебя спросятъ. Главнымъ дѣломъ—постарайся понравиться нашимъ старикамъ-бродягамъ: бродяги въ нашей тюрьмѣ—самые сильные люди.

Сдѣлавъ это наставленіе, Марсовъ неожиданно нахмурился, досадливо двинулъ въ сторону чашку съ чаемъ, такъ что часть выплеснулась на нары; но черезъ минуту смягчился.

— Впервой я занимаюсь такъ съ новичкомъ,—сказалъ онъ,—можетъ, оно и не слѣдовало бы такъ, потому что я тебя совсѣмъ не знаю, что т за человѣкъ есть. Только вотъ угодилъ ты по душѣ мнѣ: пришелъ ты п серьезному дѣлу, побитый, одинокій, а головы не повѣсилъ и Лазаря

*) Самоваръ мой постигла жалкая участь: онъ былъ раздавленъ ножищами разд ленныхъ конвойныхъ на одномъ изъ этаповъ по пути моего слѣдованія въ алек ндровскую каторжную тюрьму черезъ нѣсколько моментовъ послѣ того, какъ о ъ изъ моихъ товарищей по чаепитію, Курбанъ Али-оглы былъ разстрѣлянъ на к этапа при своей попыткѣ бѣжать.

не поешь. Видно, что голова-то эта у тебя на своемъ мѣстѣ и не трухой набита. Ты сиживалъ когда?

— Сидѣлъ, лѣтъ десять тому, въ Петербургѣ, въ «крестѣ». Только тамъ одиночныя камеры.

— По какому дѣлу?

— По политическому. Но и съ уголовными сходился въ пересыльныхъ тюрьмахъ и московскомъ централѣ.

— Политическіе—народъ крѣпкій и хорошій. Приводилось и мнѣ бывать съ ними. Только не съ руки они нашему брату—уголовному. Вровняхъ они себя съ нами не ставятъ. Былъ у меня въ партіи разговоръ съ однимъ. «Скоро,—говоритъ,—должна наша сторона силу взять. Тогда, говоритъ, всѣхъ ослобонимъ, какіе по тюрьмамъ и ссылкѣ находятся: всѣмъ права вольныя дадимъ». И намъ, уголовнымъ, спрашиваю. «Нѣтъ,—говоритъ,—ваше дѣло особенное: ваше преступленіе при всякомъ порядкѣ преступленіемъ останется и наказаніе ему должно всегда быть. А свобода, говоритъ, для насъ, политическихъ, должна за то выйти, что мы за народъ страдаемъ». Ну, говорю я, въ этомъ правильности нѣтъ и головы ваши пустыя, выходитъ.

Пока мы такъ бесѣдовали, послышались голоса въ коридорѣ, сзывающіе на сходку. Въ нашу камеру торопливо вбѣжалъ Лучка и, крикнувъ во все свое широкое горло «на сходку! во второй номеръ!», снова скрылся.

— Ты, покудова, сиди да пей себѣ чай,—посовѣтовалъ Марсовъ, вставая.—Когда за тобой придутъ наши скороходы, тогда пойдешь. Значитъ—въ бродяжескомъ номерѣ галдѣнье-то наше откроется: второй номеръ—бродяжескій.

— У васъ здѣсь сидятъ по категоріямъ?—спросилъ я, съ единственной цѣлью показать, что я отнюдь не взволнованъ предстоящимъ обсужденіемъ моей участи.

Марсовъ махнулъ рукой.

— Ну!... Оно, дѣйствительно и «носъ», и смотритель то и дѣло сортируютъ насъ, а только что все понапрасну. Нынче разсадятъ по категоріямъ, а глядь—на завтра опять все перепутается по-старому. Ты ужъ не думаешь ли, что въ нашей камерѣ, къ примѣру, всѣ пятьдесятъ человѣкъ за убійство? Такихъ не больше двадцати человѣкъ. Я вотъ первый сижу за побѣгъ съ каторги; есть за побѣгъ съ мѣста причисленія, за грабежъ, за конокрадство. Только въ бродяжескомъ номерѣ никого нѣтъ изъ другихъ категорій; но сами они тоже вездѣ поразсовались: всякъ норовитъ пристроиться гдѣ ему сподручнѣе,—по товариществу, по к -точной игрѣ, а не то изъ-за удобнаго угла—какъ вотъ я, къ примѣр

Марсовъ вышелъ, и я остался одинъ, такъ какъ часть нашихъ уг а на сходку еще ранѣе созыва на нее, а остальные разбрелись по други ь камерамъ и по двору. Я выпилъ еще чашку чаю и въ ожиданіи прил ь на голыя нары (тюфяки на день убирались въ свободный, десятый -меръ) и задремалъ.

Къ сходкѣ, гдѣ обсуждалась въ данное время чуждыми мнѣ людьми моя судьба, мое быть или не быть—я, дѣйствительно, не чувствовалъ боязни. Апатія еще не оставила меня. Странное это было состояніе! Я все видѣлъ, все слышалъ, всѣмъ до мелочей интересовался, все запоминалъ, хотя и холодно, какъ чѣмъ-то абстрактнымъ—и ничуть, ни на мгновеніе не озабоченъ былъ собой—или, точнѣе, только инстинктивно, только тѣломъ и для тѣла склонялся къ желанію покоя. Не думалось мнѣ ни о прошедшемъ, ни о будущемъ, не было ни раскаянія, ни сожалѣнія о потерянныхъ службѣ, свободѣ и добромъ имени. Чувствовалъ я только усталость, усталость двойную—физическую и моральную, ощущалъ только одну боль разбитаго тѣла да назойливую потребность въ поддержаніи этого тѣла.

Довольно долго никто не безпокоилъ меня. Я, было, уснулъ совершенно, какъ вдругъ меня кто-то сталъ дергать за ноги. Открывъ глаза, я увидѣлъ Лучку и еще неизвѣстнаго мнѣ человѣка—маленькаго роста, широколицаго, бѣлобрысаго, съ безцвѣтными, но добродушными глазами.

— Вставай!—кричалъ Лучка, пуча на меня глаза, которыми тщетно хотѣлось ему выразить важность момента и тревогу:—ребята требуютъ!

Проклятая боль опять помѣшала мнѣ подняться сразу. Увидѣвъ, какихъ усилій мнѣ это стоитъ, Лучка вскочилъ на нары, подхватилъ меня подъ-мышки и крикнулъ товарищу:

— Помогай, Блоха, ставь его на ноги!

Но Блоха не успѣлъ этого сдѣлать, какъ онъ поднялъ меня всего на воздухъ, словно котенка, и ловко опустилъ на ноги въ проходѣ между наръ.

— Эка тебя отдѣлали!—возмутился онъ, видя мое печальное положеніе, и выругался при этомъ такимъ трехъэтажнымъ словомъ, какого я еще никогда не слыхалъ, по адресу «отдѣлывателей».—Поведемъ его, Блоха, подъ-руки, а то, однако, ему не дойти!

И меня повели, чему я сопротивляться не сталъ. Въ коридорѣ насъ обступили въ два ряда арестанты, не имѣвшіе еще права участія въ сходкѣ, и съ любопытствомъ провожали до камеры номеръ второй, а Лучка болталъ:

— Оно, гляди, къ лучшему этакъ. Старики увидятъ, что въ тебѣ душа чуть держится, и пообмякнутъ. Съ одного быка двухъ шкуръ не дерутъ. Полноправнымъ видно—до кой поры-мочи тебя въ дѣлѣ-то утѣшили,—не посмѣютъ горло драть, что тебѣ поблажка дана... А ужъ и легокъ же ты, парень!... Блоха, какъ ты думаешь: ежели его вотъ сейчасъ вывести во дворъ да раскачать,—можно его черезъ пали перебросить? Ха-ха-ха!...

Блоха не отвѣтилъ, потому что отворялъ уже дверь второй камеры, которую плотно притворилъ снова, когда мы вошли и остановились въ проходѣ наръ, посрединѣ камеры.

Камера была биткомъ набита народомъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, было человѣкъ до сотни. Передніе сидѣли, свѣсивъ ноги съ наръ, остальные стояли на нарахъ тѣсно другъ къ другу, и всѣ при нашемъ появленіи

глядѣли на меня: одни довольно сурово, другіе съ любопытствомъ и только передніе, очевидно самые главные судьи, важно-равнодушно. Въ большинствѣ присутствовавшіе какъ-то походили другъ на друга, по общему зеленовато-блѣдному цвѣту лицъ и по выраженію; но среди переднихъ были и очень замѣчательныя физіономіи.

Особенно выдѣлялись двое, предъ которыми я и былъ поставленъ. Они сидѣли одинъ противъ другого по обѣ стороны прохода. Это были, какъ я узналъ послѣ, извѣстные по Сибири бродяги Сохатый и Пашка Трубочникъ, почти неограниченные властители и законодатели К—ской тюрьмы въ то время. Къ нимъ я еще вернусь въ своемъ повѣствованіи, а здѣсь только замѣчу, что они по внѣшнему виду были совершенными противоположностями другъ другу.

Сохатый, согласно своему прозвищу *), былъ огромнаго роста и богатырской силы субъектъ, съ большой косматой головой, темнокарими, проницательными глазами, правильнымъ, почти пріятными чертами лица и небольшою темнорусою бородкой. Онъ смотрѣлъ на меня съ тонкою насмѣшкой однихъ глазъ и вмѣстѣ испытующе, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ самые недоступные уголки моей души, но, встрѣтившись съ моими спокойными глазами, не сталъ выдерживать своего взгляда и перевелъ его на визави—Пашку Трубочника.

Этотъ субъектъ, наоборотъ, при ростѣ ниже средняго, сухой, слабогрудый, съ пергаментнаго цвѣта, безбородымъ, морщинистымъ лицомъ, съ рыбьими, ничего не выражающими глазами, безцвѣтными бровями и такими же, очень короткими волосами на головѣ,—выглядѣлъ скорѣе заморенымъ молитвою и постомъ схимникомъ, нежели важнымъ воротилою тюрьмы, безжалостнымъ убійцею, душителемъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Глядя на меня въ упоръ своими мертвыми глазами, онъ какъ бы не видѣлъ во мнѣ ничего, кромѣ моей физической фигуры, и первый задалъ мнѣ вопросъ какимъ-то бабьимъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Ты самоходъ?

Я отвѣтилъ такъ же, какъ и при допросѣ своихъ сотоварищей по камерѣ.

— Полноправный?

— Да.

— Ты пришелъ за убійство съ цѣлью грабежа. Это намъ извѣстно. Знаемъ тоже, что тебѣ не пофартило и насчетъ денегъ. А свои есть у тебя? Вотъ майданщикамъ, по нашимъ порядкамъ, нужно уплатить за парашу три рубля,—онъ указалъ на двухъ здоровенныхъ, бородатыхъ татаръ, важно сидѣвшихъ рядомъ противъ него;—потомъ на тюремнаго палача пять-шесть рублей и налогъ въ тюремную кассу, по средствамъ, рублей тридцать-пятьдесятъ. Можешь внести?

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ, не могу утвердительно обѣщать это. По-

---

*) Сохатыми называютъ по Сибири лосей-самцовъ.

лучать мнѣ съ дороги нечего,—я все жалованье получилъ какъ разъ передъ арестомъ и у меня все до копейки повытащили полицейскіе, когда я былъ въ безпамятствѣ отъ побоевъ. Въ Сибири я одинокъ, безъ цѣннаго личнаго имущества, безъ товарищей. Въ Россіи есть друзья и если ихъ извѣстить—они помогутъ, но на это потребуется много времени, да и можно ли отсюда—еще не знаю. Всетаки я попытаюсь, потому что безъ денегъ мнѣ и самому будетъ трудно, помимо уплаты вамъ.

— Такъ. Мы твое дѣло обсуждали и порѣшили покудова тебя не стѣснять, примѣрно—на мѣсяцъ, на полтора, до той поры, значитъ, какъ ты окрѣпнешь отъ побоевъ. Эту отсрочку тюрьма даетъ тебѣ за твою категорію. Но ты долженъ такъ и такъ постараться, чтобы къ окончанію твоей отсрочки деньги тебѣ пришли, хоть съ неба свалились, иначе будетъ плохо,—помни! Денегъ же всѣхъ присуждено съ тебя: за парашу три рубля, на палача три и налогу двадцать пять,—всего, значитъ, тридцать одинъ рубль. Ну, а за то, что тюрьма порѣшила тебѣ дать такую льготу, палагаемъ мы на тебя повинность быть нашимъ общимъ писаремъ, немедля и на все время, до суда. Можешь ты писать прошенія, письма и что потребуется?

— Могу и съ удовольствіемъ принимаю такую повинность.

— Ладно. Твоего удовольствія мы не спрашиваемъ. А присудили такъ: всѣмъ поселенцамъ, бродягамъ и осужденнымъ съ лишеніемъ правовъ писать безплатно при твоемъ строчильномъ орудіи и бумагѣ; но полноправнымъ обязательно за деньги, брать съ нихъ не меньше четвертака за письмо и полтины за прошеніе. Если будетъ дознано, что кому-нибудь изъ нихъ ты напишешь безплатно, безъ нашего на то разрѣшенія,—получишь *банки* за первую вину, а за вторую—*темную* *). Про третью не говоримъ (смѣхъ въ заднихъ рядахъ). Деньги съ полноправныхъ никто у тебя отбирать не будетъ,—куда хочешь, туда ихъ и дѣвай, не наше дѣло. Слышалъ?

— Слышалъ.

— Ну вотъ и все. Можешь теперь идти и отдыхать. Только помни наше рѣшеніе! Тюрьма словъ на вѣтеръ не бросаетъ. Иди!

Послѣ его словъ—какъ плотину прорвало. Совершенная тишина смѣнилась общимъ говоромъ, шумомъ, все пришло въ движеніе. Лучка заоралъ что-то надъ самымъ моимъ ухомъ и почти поволокъ меня изъ камеры. За нами хлынула вся сходка, частью расходясь по камерамъ и на

---

*) *Банки ставятся* въ наказаніе слѣдующимъ образомъ: сваливаютъ приговоре[нн]аго навзничъ или ничкомъ, обнажаютъ ему животъ или спину, вбираютъ въ го[рс]ть лѣвой руки кожу, сильно натягиваютъ ее кверху и другой рукой пересѣкаютъ горизонтально, отчего получается сразу громадный синякъ, а иногда и кровь. Пр[и] наказаніи *темной* накрываютъ внезапно сзади халатомъ, простыней или одѣяломъ съ головой, сваливаютъ на полъ и бьютъ руками и ногами,—иногда до увѣчья и [да]же смерти, отбивая внутренности жертвы, но не причиняя наружныхъ поврежд[ені]й.

дворъ, и частью слѣдуя за мной. Послѣдняя часть состояла почти вся изъ людей нашей камеры и была довольна, что я благополучно отдѣлался. Лучка шипѣлъ мнѣ на ухо слышнымъ всей публикѣ шопотомъ, отъ котораго грозила лопнуть перепонка, что всему причиной Сохатый, который вчера выигралъ большую сумму «въ банчокъ» въ пятомъ номерѣ и потому благодушно настроенный, и Марсовъ, съ которымъ Сохатый всю сходку шептался. Я искалъ глазами Марсова, но его не было, а когда, передъ обѣдомъ, онъ явился въ нашу камеру, то глядѣлъ умышленно такимъ сердитымъ и былъ такъ молчаливъ, что я не рѣшился выразить ему благодарность, смекнувъ, что ему нежелательно было ее слышать.

Послѣ сходки меня офиціально, такъ сказать, признали въ тюрьмѣ за «своего». Даже тѣ арестанты, которые еще утромъ игнорировали мое существованіе, теперь открыто и просто разговаривали со мной, какъ будто я десятокъ мѣсяцевъ жилъ съ ними. Между прочимъ, на мое замѣчаніе, что въ сущности свое положеніе я не могу назвать улучшившимся, такъ какъ мнѣ дана лишь отсрочка, по прошествіи которой меня, всетаки, можетъ ждать жестокая расправа,—всѣ дружно и добродушно разсмѣялись. Думать такъ—значитъ дураками считать стариковъ. Старики отлично поняли, что съ меня ни теперь, ни послѣ взять нечего и отсрочка была дана лишь «для видимости», для того, чтобы у другихъ полноправныхъ не было повода ссылаться на меня. Дѣйствительную отсрочку на недѣлю, на двѣ, а также и разсрочку уплаты на мѣсяцъ или два тюрьма практиковала только по отношенію къ мѣстнымъ крестьянамъ, горожанамъ и купцамъ, имущественное положеніе которыхъ ей всегда было извѣстно до тонкости, и только съ этихъ лицъ она неумолимо вытягивала все до копейки, всѣми мѣрами, до смертнаго боя включительно.

Моя «категорія» спасла меня не отъ побоевъ, а только отъ *параши*, т.-е. отъ унизительнаго и тяжелаго положенія пролетарія тюрьмы, человѣка, отданнаго въ полное распоряженіе *майдана*.

Майданомъ называлось въ К—ской тюрьмѣ своего рода торгово-хозяйственное обзаведеніе тюрьмы—одна изъ ея важнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ общественныхъ статей. К—ская тюрьма сама не «открывала» майдана, а передавала—обыкновенно на годичный срокъ—право на открытіе его кому-либо изъ желающихъ богатыхъ арестантовъ *съ торговъ*, за наивысшую единовременную сумму взноса въ общественный капиталъ тюрьмы. Получившій право (или получившіе, потому что допускалась и компанія изъ нѣсколькихъ арестантовъ) могъ, во-первыхъ, *открывать лавочку*, т.-е. торговать чаемъ, сахаромъ, табакомъ, бумагой—всякимъ товаромъ, ка[illegible]й могъ доставать съ воли явно или тайно; во-вторыхъ, монопольно влад[illegible]ъ картами, вслѣдствіе чего всякая карточная игра велась только на карт[illegible], принадлежащія майдану, который и бралъ за пользованіе ими «съ игр[illegible]» или съ положеннаго времени однажды установленную тюремной сход[illegible]й плату; въ-третьихъ, получать съ новоприбывшихъ арестантовъ деньг[illegible]а парашу и нанимать парашниковъ (уборщиковъ камеръ), на обязанн[illegible]и

которыхъ было содержать камеры въ чистотѣ, т.-е. мыть полы, нары, выносить и вычищать ночныя параши (кадки), подметать, разносить чай, обѣдъ, мыть посуду, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, хранить общественныя суммы и частные вклады (вкладывать въ майданъ свои деньги представлялось на свободную волю каждаго, тѣмъ болѣе, что случаевъ кражи другъ у друга не только денегъ, но и чего-либо другого въ тюрьмѣ не существовало), выдавать частные вклады по личнымъ требованіямъ вкладчиковъ, уплачивать изъ общественныхъ денегъ жалованье палачу или выдавать изъ нихъ же *дорожныя дачи* арестантамъ, выходившимъ изъ К—ской тюрьмы въ другую, или въ ссылку, или въ каторгу,—каждый разъ по указанію и назначенію схода. Вообще, майданъ всегда былъ на отчетности въ зависимости отъ схода и безъ его распоряженія, самовольно не могъ устанавливать даже цѣны на товаръ своей лавочки. Сходъ же выдавалъ въ майданъ «головой» и неплательщиковъ за парашу, и въ такомъ случаѣ майданъ имѣлъ право дѣлать съ выданнымъ ему неплательщикомъ положительно все, что ему вздумается, даже убить. Отсюда понятна печальная участь такого несчастливца, но, къ чести тюрьмы, такія выдачи были рѣдки. Обыкновенно же майданъ К—ской тюрьмы нанималъ парашниковъ изъ числа бѣднѣйшихъ арестантовъ за плату по соглашенію.

Къ сказанному надо прибавить, что ко времени моего прибытія въ тюрьму въ ней произошла замѣчательная реформа относительно майдана. Неизвѣстно кѣмъ и на какомъ именно сходѣ было внесено и утверждено предложеніе, по которому майданъ сталъ выдаваться тюрьмой не непосредственно капиталистамъ тюрьмы, а тѣмъ изъ арестантовъ, очередь которымъ приходилась идти на долгосрочную каторгу, и не одинъ разъ въ годъ, а два раза,—передъ зимнею и весеннею партіями. Если такихъ арестантовъ было нѣсколько, то право выдавалось имъ всѣмъ по совокупности, а они уже отъ себя перепродавали свое право капиталистамъ по взаимному соглашенію и полученную сумму дѣлили между собой. Что касается арестантовъ съ небольшими сроками каторги, а также пересылаемыхъ въ другія тюрьмы или въ дальнѣйшую ссылку,—порядокъ снабженія ихъ *дорожными дачами* оставался прежній, т.-е. изъ общественныхъ тюремныхъ суммъ по назначенію схода, который каждый разъ спеціально для этого собирался.

Понятно, что вслѣдствіе такого нововведенія тюрьма лишалась очень большого дохода, такъ какъ при мнѣ были, напримѣръ, два случая, въ которыхъ зимній майданъ далъ одному осужденному на двадцать лѣтъ каторги сто пятьдесятъ рублей, а другому, безсрочному, въ весенній—сто рублей съ чѣмъ-то; но тюрьма не поступилась принятой формой взаимопомощи и съ лихвой стала наверстывать убытки повышеніемъ налога на несчастныхъ *челдоновъ* *), которые, благодаря только что учрежденнымъ

*) Челдонъ или чалдонъ—насмѣшливое, уничижительное прозвище, данное поселенцами сибирякамъ.

въ Сибири мировымъ судьямъ вмѣсто прежнихъ засѣдателей, стали прибывать въ тюрьму все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ количествѣ. До какихъ жестокостей стала доходить при этомъ ужаснѣйшая изъ сибирскихъ тюремъ безсудная К—ская тюрьма, скажу ниже.

Передъ обѣдомъ, часовъ около одиннадцати, раздался голосъ подворотнаго:

— Въ больницу, къ фельдшеру!

Въ числѣ другихъ потащился къ воротамъ и я. У воротъ набралось уже около двадцати человѣкъ, изъ которыхъ, однако, замѣтно нездоровыми не выглядѣло ни одного. Черезъ 15—20 минутъ ожиданія передъ запертою калиткой, изъ-за нихъ послышался снова голосъ подворотнаго:

— Всѣ, что ли?

— Всѣ,—былъ отвѣтъ.

Тогда, звякнувъ запорами, калиточка отворилась, и мы, одинъ за другимъ, стали проходить чрезъ нее и сворачивать въ другую, на больничный дворъ, а оттуда въ коридоръ больничнаго корпуса. Аптека, а вмѣстѣ и амбулаторная больница помѣщалась въ противоположномъ концѣ коридора, на всемъ же протяженіи до нея шли справа палаты больныхъ, запертыя въ это время на замки, а слѣва—помѣщеніе тюремной церкви, судя по надписи на одной изъ ея дверей. У камеры съ надписью «аптека» мы остановились и въ святая святыхъ фельдшера входили уже по одному, и не ранѣе, какъ прежде вошедшій возвратится. Несмотря на то, что въ толпѣ я, по крайней болѣзненности, оставался послѣднимъ, ждать мнѣ пришлось не болѣе четверти часа,—такъ быстро фельдшеръ отпускалъ своихъ больныхъ. Всѣ они получили по порошку pulvis Doveri и только отъ одного запахло іодоформомъ.

Когда дошла очередь до меня, то, отворивъ дверь, я немедленно наткнулся на высокаго сердитаго человѣка съ лицомъ цвѣта дубленаго полушубка и свѣтлорусой ощипаной бородкой. Онъ стоялъ одинъ противъ меня, заложивъ руки въ карманы брюкъ, и грубо-выжидательно произнесъ тотчасъ же:

— Ну!

— Побои,—отвѣтилъ я такъ же коротко и, поднявъ рубаху, показалъ ему свое синее, исполосованное тѣло,—грудь, бока и спину.

— Отлежишься. Пошелъ!

— Но я не могу даже лежать, даже дышать безъ боли,—возразилъ я.—Окажите помощь!

— Пошелъ, тебѣ говорятъ!—топнувъ ногой, крикнулъ онъ.—Не попадайся въ тюрьму!

Я вышелъ.

— Ну, что?—полюбопытствовали ожидавшіе меня сотоварищи,—выгналъ?

— Выгналъ.

— Онъ (крѣпкая, чисто арестантская ругань) такъ всегда, особ... о

съ новенькими. Звѣрь! Только не долго ему измываться передъ нами: тюрьма доберется до него!

Таковъ былъ результатъ моего обращенія къ медицинской помощи. Но я не былъ изъ числа овечекъ и по выходѣ изъ больничнаго двора немедленно потребовалъ, чтобы меня повели къ смотрителю.

— Пшелъ въ тюрьму! Какой тебѣ еще смотритель!—закричали на меня стоявшіе цѣпью надзиратели.

Но мое требованіе было такъ энергично поддержано сотоварищами, что поднялся порядочный шумъ, и надзиратели струсили.

Смотритель, должно быть, находился въ канцеляріи, окно котораго выходило на предтюремный дворикъ и было открыто, и потому вышелъ немедленно самъ, въ сопровожденіи «Носа». Онъ оказался молодымъ еще человѣкомъ, съ физіономіей довольно интеллигентнаго вида, въ очкахъ.

— Что за шумъ?

Надзиратели указали на меня, какъ виновника, и я, сообщивъ ему объ отказѣ фельдшера дать мнѣ помощь, сталъ просить о приглашеніи врача для освидѣтельствованія моего состоянія и принять отъ меня жалобу на грубое обращеніе фельдшера, при чемъ добавилъ, что если моя просьба не будетъ уважена имъ, смотрителемъ, то мнѣ ничего не останется, какъ заявить обо всемъ прокурорскому надзору.

Смотритель иронически улыбнулся и, обратившись къ «Носу», спросилъ:

— Это новенькій?

— Точно такъ. Былъ приведенъ вчера послѣ повѣрки изъ полиціи по дѣлу о нападеніи на подрядчиковъ.

— А!... Ну, вотъ что, миленькій,—обратился онъ ко мнѣ:—по правилу, за нарушеніе тюремной дисциплины я долженъ былъ бы отправить тебя сейчасъ же въ карцеръ, но первую вину прощаю въ виду твоего состоянія. Кромѣ того, объясняю тебѣ, что хотя фельдшеръ и выгналъ тебя, очевидно, за грубость, но лѣкарство, навѣрное, тебѣ пришлетъ, когда оно будетъ готово. Для прихотей каждаго арестанта (онъ подчеркнулъ слово *каждаго*) нѣтъ возможности тревожить врача, а жалобу прокурорскому надзору можешь подать мнѣ, если не раздумаешь, сегодня вечеромъ на повѣркѣ. Понялъ?

— Понялъ,—отвѣтилъ я.

— Ну—и маршъ на свое мѣсто! архаровцы!—вдругъ грозно скомандовалъ онъ.

Мы спокойно, съ показной неторопливостью, полѣзли гуськомъ въ калитку подсудимаго отдѣленія.

Здѣсь шумъ нашъ тоже былъ услышанъ, и къ воротамъ, намъ навстрѣчу, выскочило изъ тюрьмы нѣсколько десятковъ арестантовъ. Узнавъ причину, они одобрительно стали хлопать меня по плечу, отчего мнѣ пришлось трудненько.

— Это по-нашему! Ты, знать, не изъ кисленькихъ, парень! молод-

цомъ! А до фельдшера мы доберемся, будь покоенъ: онъ у насъ на очереди.

Лѣкарство, дѣйствительно, было мнѣ прислано вскорѣ и оказалось летучей мазью, но прислано было, очевидно, лишь по совѣту смотрителя. Лучка заподозрилъ мазь и просилъ меня бросить ее въ ретирадъ, если я не желаю отравиться; но я не только не послѣдовалъ его совѣту, а напротивъ убѣдилъ Лучку помочь мнѣ хорошенько смазаться. Лучка помогъ, но, несмотря на свое желаніе дѣлать все возможно осторожнѣе, довелъ-таки меня до слезъ при растираніи спины. Его усердіе не исключало, однако, его глубокаго убѣжденія въ томъ, что мазь отравлена, и въ теченіе остальной части дня онъ справлялся у меня нѣсколько разъ, не начинаю ли я чувствовать себя хуже.

Настало время обѣда. Обѣдъ принесли со срочнаго двора, гдѣ находилась кухня для всѣхъ отдѣленій тюрьмы, и распоряжался распредѣленіемъ порцій для подсудимаго отдѣленія нашъ староста, выбранный сходомъ изъ бродягъ. Огромный ушатъ со щами срочные арестанты-носильщики поставили на дворѣ; рядомъ другіе четверо поставили двѣ огромныхъ корзины съ пайками чернаго ржаного хлѣба на каждаго арестанта и явился староста съ доской, на которой кучками находилось мясо на каждую камеру. Камерные парашники, выкликая номера своихъ камеръ, стали принимать отъ старосты, по выпискѣ, бывшей у него, порціи и разносить по камерамъ. Нѣкоторые арестанты-доброхоты имъ помогали.

Отъ щей несло такое зловоніе, что далеко не всѣ,—вѣрнѣе, очень немногіе арестанты ѣли ихъ. Помимо сквернаго запаха, они были и мало питательны. Арестанты разсказывали мнѣ потомъ, что однажды, въ присутствіи товарища прокурора, щи эти, или «баланда», какъ называетъ ихъ тюрьма, были поданы смотрительскимъ свиньямъ—и тѣхъ даже палками нельзя было подогнать къ нимъ. «Просто потому, что свиньи сыты», рѣшилъ товарищъ прокурора, ретируясь къ самымъ воротамъ отъ зловонія «баланды» и закрывая носъ платкомъ.

Порція мяса на пятьдесятъ одного человѣка нашей камеры оказалась не болѣе полутора фунтовъ—и при томъ, какъ и щи, отвратительнаго вида и запаха. Такъ какъ раздѣлить полуторафунтовую порцію на всѣхъ представлялось невозможнымъ, то было издавна установлено получать ее цѣликомъ на два человѣка по очереди, что доставляло возможность каждой парѣ арестантовъ лакомиться мясомъ приблизительно черезъ двадцать пять дней.

Разумѣется, мнѣ не пришлось имѣть доли въ мясѣ, а отъ щей я отказался, какъ и большинство, предпочитая удовольствоваться пайкомъ ржаного хлѣба съ солью и чаемъ, который предложилъ неизмѣнно Марсовъ.

Въ пайкѣ хлѣба далеко не было двухъ съ половиной фунтовъ, какіе полагались, хлѣбъ оказался испеченымъ дурно,—снизу съ закаломъ, сверху съ отставшей коркой, чрезвычайно кислый и черный; но голодъ не тетка и я съѣлъ его наполовину, запивая чаемъ. Вскорѣ, однако, я раскаялся

что позволилъ себѣ поѣсть такъ много. Наступила такая мучительная изжога и такъ долго меня донимала, что я не зналъ, куда дѣваться и какія средства предпринять. Соды не нашлось ни у кого, а запиваніе водой, по совѣту Лучки, не приносило облегченія. Изжога изводила меня и потомъ, послѣ каждаго даже небольшого пріема арестантскаго хлѣба: желудокъ окончательно отказался приспособиться къ нему; но къ счастію вскорѣ я получилъ возможность, благодаря заработкамъ по писарству, покупать лепешки, *шаньги* по-сибирски, ежедневно продаваемыя приходящими бабами за воротами тюрьмы, и ими исключительно питаться. *Шаньги* продавались по копейкѣ за штуку и величиной были такія, что на фунтъ ихъ приходилось штукъ десять. Онѣ готовились изъ обыкновенной пшеничной муки, на водѣ—и только сверху смазывались масломъ,—но, Боже мой, какъ вкусны онѣ показались послѣ невозможнаго арестантскаго хлѣба!

Послѣ обѣда тюрьма нѣсколько призамолкла, потому что многіе легли отдыхать. Легъ и я, но не могъ уснуть опять—и теперь не только отъ болей, но и отъ изжоги.

Къ вечеру тюрьма оживилась, снова выползла изъ душныхъ камеръ на дворъ, и арестанты—либо расхаживали группами по двору, либо играли въ карты, въ чехарду, пѣли пѣсни, но не арестантскія. Тюрьма, видимо, не любила спеціальныхъ тюремныхъ пѣсенъ, стремилась отводить душу больше въ «вольныхъ», напоминавшихъ утерянную свободу, которой въ страстныхъ мечтахъ постоянно жила.

Особенно неутомимымъ пѣвцомъ оказался Лучка. Его звучный теноръ, навѣрное, былъ слышенъ далеко за предѣлами полей. Онъ пѣлъ съ увлеченіемъ всякія пѣсни, такъ какъ ему не было дѣла до словъ и значенія пѣсенъ, сдорилъ при этомъ немилосердно; но въ глазахъ его свѣтилось столько удовольствія, что, глядя на него, на его жизнерадостную, могучую фигуру, странно нечувствительную къ тюремному воздуху и пищѣ, фигуру единственную по неувядаемой свѣжести среди блѣдно-зеленыхъ, чахлыхъ товарищей, невольно хотѣлось улыбнуться.

Особенно старательно выводилась пѣвцами одна сибирская казацкая пѣсенка, въ которой разсказывалось, какъ молодой казакъ просился у своего полковника на побывку къ молодой женѣ, какъ полковникъ совѣтовалъ ему напиться отъ тоски холодной воды и какъ казакъ

„Пилъ воду, пилъ холодну
Да не напивался“,

а потомъ съ тоски померъ, и даже Атаевъ, свирѣпый лезгинъ, неистово вы рикивалъ, въ подражаніе пѣвцамъ:

„Бульковнику, пульковику,
Отпузи а тома“,

вм зто: «полковничекъ, полковничекъ, отпусти до дому», чѣмъ очень смѣши ъ слушателей.

В.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Изъ исторіи австрійской реакціи.

«Сумасшедшій годъ», какъ въ консервативныхъ кругахъ западной Европы принято называть 1848 г., нигдѣ не далъ тѣхъ результатовъ, которые ожидались сторонниками либеральныхъ политическихъ доктринъ отъ тогдашняго народнаго движенія. Реакція, спохватившись послѣ растерянности, въ которую ее ввергали первыя, повсюду для нея неожиданныя, волны революціоннаго движенія, отбирала все, что только можно было взять обратно изъ вынужденныхъ уступокъ. Во Франціи, наприм., борьба общественныхъ силъ, вызванная февральской революціей, завершилась государственнымъ переворотомъ 2 декабря 1851 года и режимомъ второй имперіи. Въ Пруссіи она привела къ октроированію конституціи и измѣненію избирательнаго закона. Въ Австріи она закончилась отмѣной конституціи и возвращеніемъ къ абсолютизму.

Исторію этого періода въ Австріи отъ начала революціоннаго движенія, до ликвидаціи его путемъ формальной отмѣны конституціи, излагаетъ извѣстный австрійскій историкъ Генрихъ Фридюнгъ въ недавно вышедшей книгѣ *), съ содержаніемъ которой мы намѣрены познакомить читателей. Авторъ только въ общихъ чертахъ рисуетъ внѣшній, достаточно извѣстный, ходъ событій. Его вниманіе обращено, главнымъ образомъ, на изученіе измѣненій, произошедшихъ въ соціально-политической структурѣ государства подъ вліяніемъ народнаго движенія. И при внимательномъ изученіи оказывается, что это движеніе совершенно безслѣдно не прошло, и если торжество реакціи и было почти полнымъ въ сферѣ чисто политической, то въ области соціальныхъ отношеній 1848 году провелъ рѣзкую борозду между эпохами до и послѣ революціи въ Австріи.

Австрійская революція 1848 г. отличалась, какъ извѣстно, тѣмъ [illegible]тъ одновременныхъ движеній въ другихъ государствахъ, что въ ней пол[illegible]ическія и соціальныя проблемы были еще чрезвычайно осложнены на[illegible]о-нальными противорѣчіями. Когда рухнула политическая система Мет[illegible]р-

*) Oesterreich von 1848 bis 1860, von Heinrich Friedjung. Erster Band. Die [illegible]re der Revolution und der Reform 1848 bis 1851, Stuttgart und Berlin.

ниха,—система, о которой канцлеръ говорилъ, что она является частью свыше установленнаго мірового строя,—то оказалось, что расползается по швамъ не только политическій строй Австріи, но что и государство распадается на части. Помимо борьбы съ оппозиціей въ самой Австріи, правительство оказалось вынужденнымъ завоевать вновь Венгрію и Италію. Вполнѣ естественно, что при такомъ осложнившемся положеніи сторонники дореформеннаго режима на первыхъ порахъ совершенно растерялись и предоставили событіямъ идти своимъ чередомъ. Только послѣ того, какъ Радецкій подавилъ возстаніе въ Италіи, а Виндишгрецъ усмирилъ Чехію и затѣмъ одержалъ побѣду надъ революціей въ Вѣнѣ, дворъ и реакціонные круги вновь почувствовали твердую почву подъ ногами. Неудачный для революціи исходъ вѣнскаго возстанія въ октябрѣ 1848 г. и обнаружившееся къ тому же времени уже съ несомнѣнной ясностью безсиліе франкфуртскаго парламента въ дѣлѣ разрѣшенія общегерманскаго вопроса придали бодрости любителямъ старины, и они принялись за ликвидацію революціоннаго движенія. Исполненіе этой задачи выпало на долю князя Шварценберга, зятя усмирителя вѣнскаго возстанія, генерала Виндишгреца. Чрезвычайно интересная въ этомъ отношеніи дѣятельность кабинета Шварценберга превосходно описана въ книгѣ Фридюнга.

Центральными фигурами министерства, назначеннаго въ ноябрѣ 1848 г., были князь Шварценбергъ, графъ Стадіонъ и Александръ Бахъ.

Прежде чѣмъ занять мѣсто премьера, Феликсъ Шварценбергъ служилъ, начиная съ 1824 года, въ различныхъ австрійскихъ посольствахъ, между прочимъ, и въ Петербургѣ, гдѣ былъ друженъ съ нѣкоторыми декабристами. Онъ былъ надѣленъ отъ природы проницательнымъ умомъ, любилъ читать древнихъ классиковъ и слегка занимался анатоміей, но солиднымъ образованіемъ не обладалъ. Состоя на дипломатической службѣ, онъ преимущественно занимался ухаживаніемъ за красивыми женщинами. Типичный аристократъ, онъ былъ полонъ безграничнаго презрѣнія ко всему, что носило демократическій характеръ; конституціонному режиму онъ не придавалъ никакого значенія и такъ мало интересовался народнымъ движеніемъ, что въ моментъ своего назначенія на постъ премьера даже не зналъ, чѣмъ программы оппозиціонныхъ партій отличаются между собою. Задача народа состояла, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы повиноваться, управленіе же должно быть всецѣло дѣломъ монарха и его совѣтниковъ. Человѣкомъ холодной, черствой и непреклонной души называетъ его баронъ Гюбнеръ, въ то время бывшій его секретаремъ и пользовавшійся его вѣріемъ.

Графъ Стадіонъ тоже принадлежалъ къ одному изъ самыхъ аристократическихъ семействъ Австріи, но по своему политическому міровоззрѣнію ъ рѣзко отличался отъ Шварценберга. Онъ больше всего напоминалъ ударственныхъ дѣятелей типа Роберта Пилля въ Англіи или Штейна Пруссіи. Искренній монархистъ, онъ въ то же время былъ не менѣе еннимъ сторонникомъ конституціи и реформъ. Съ нуждами государ-

ства онъ былъ прекрасно знакомъ по своей службѣ въ качествѣ намѣстника въ Тріестѣ, а затѣмъ въ Галиціи. Шварценбергъ, знавшій искренность конституціонализма Стадіона, сначала было не хотѣлъ приглашать его въ кабинетъ, но въ концѣ-концовъ долженъ былъ поручить ему портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ всесильному въ то время генералу Шварценбергу казалось, что аристократическое происхожденіе Стадіона является достаточной гарантіей его благонадежности.

Совсѣмъ другого рода человѣкъ былъ Александръ Бахъ. Выдающійся вѣнскій адвокатъ, онъ принадлежалъ къ наиболѣе виднымъ руководителямъ оппозиціи. Онъ былъ однимъ изъ составителей петиціи, поданной въ началѣ марта 1848 г. по иниціативѣ либеральныхъ членовъ нижне-австрійскаго ландтага о созывѣ общеимперскаго представительнаго учрежденія съ правомъ установленія налоговъ и участія въ законодательствѣ. Когда вѣнское возстаніе 26 мая 1848 года заставило правительство согласиться на требованія демократіи: введеніе однопалатной системы и назначеніе выборовъ въ учредительное собраніе для разработки демократической конституціи, Бахъ всецѣло примкнулъ къ радикаламъ и въ рѣчи, произнесенной въ вѣнской ратушѣ, сказалъ, что народъ выразилъ свои желанія «разборчивымъ баррикаднымъ почеркомъ (in leserlicher Barrikadenschrift)», хотя онъ самъ незадолго до этого принималъ весьма близкое участіе въ составленіи гораздо болѣе умѣренной конституціи министерства Пиллерсдорфа, основанной на двухпалатной системѣ и цензѣ для избранія депутатовъ. Однако съ той же легкостью, съ которою онъ примкнулъ къ болѣе лѣвому теченію, когда оно одержало побѣду, Бахъ присоединился къ реакціи, лишь только онъ замѣтилъ, что торжество ея неизбѣжно. Уже въ качествѣ министра юстиціи въ кабинетѣ Вессенберга-Добльгофа, онъ все болѣе и болѣе рѣшительно высказывался за необходимость «сохраненія порядка». Въ парламентѣ ему все чаще приходилось выступать противъ лѣвыхъ, и придворныя сферы, въ первое время относившіяся къ нему съ величайшимъ недовѣріемъ, начинали возлагать на него надежды. Еще менѣе смущало демократическое прошлое Баха князя Шварценберга. Шварценбергъ умѣлъ узнавать слабыя стороны людей и пользоваться ими въ своихъ интересахъ. Поэтому ему не стоило большого труда подмѣтить основной недостатокъ Баха, именно его честолюбіе, покладистость и отсутствіе твердости въ отстаиваніи своихъ убѣжденій. Изъ ряду вонъ выходящія знанія, работоспособность и умъ не сопровождались у Баха аналогичными достоинствами въ нравственномъ отношеніи,—онъ всегда подчинялся силѣ. Шварценбергъ ясно видѣлъ, что Бахъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, что онъ не будетъ въ силахъ устоять, во им. своихъ внутреннихъ убѣжденій, противъ соблазна власти и поэтому он пригласилъ «баррикаднаго министра»,—какъ называлъ Баха Виндишгрецъ,- въ свой кабинетъ въ качествѣ министра юстиціи. Событія показали, ч Шварценбергъ не ошибся въ этой своей оцѣнкѣ Баха.

Такимъ образомъ, главными силами министерства являлись: реакціон-

Шварценбергъ, для котораго вопросъ объ упраздненіи конституціи являлся лишь вопросомъ времени, искренній, но умѣренный конституціоналистъ Стадіонъ, и недостаточно твердый въ своихъ принципахъ Бахъ, въ душѣ хотя и убѣжденный въ необходимости конституціи, но готовый въ случаѣ надобности служить реакціи съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ либеральному режиму.

Этимъ неоднороднымъ составомъ министерства и объясняется то, что оно не стало съ перваго же момента слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ фельдмаршала Виндишгреца и его единомышленниковъ, желавшихъ полнаго возстановленія меттерниховскаго режима. Единственное, на что фельдмаршалъ готовъ былъ согласиться, было созданіе «имперскаго сената (Reichssenat)», въ которомъ должны были бы засѣдать представители отдѣльныхъ сеймовъ австрійской имперіи, причемъ большинство должно было быть обезпечено за депутатами отъ крупнаго землевладѣнія. Шварценбергъ, однако, сосредоточилъ свое главное вниманіе прежде всего на возстановленіи внѣшняго престижа Австріи,—какъ по отношенію къ Пруссіи, такъ и по отношенію къ другимъ государствамъ,—на покореніи Венгріи и на возстановленіи порядка въ другихъ частяхъ имперіи. Онъ поэтому предоставилъ своимъ товарищамъ по министерству свободу осуществлять реформы, будучи убѣжденъ, что ихъ, въ случаѣ надобности, всегда можно будетъ взять обратно. Изъ такихъ соображеній, именно изъ нежеланія осложнять свою непосредственную задачу, онъ на первыхъ порахъ мирился съ существованіемъ ненавистныхъ ему парламентскихъ учрежденій, откладывая вопросъ объ ихъ упраздненіи до болѣе благопріятнаго времени. И мы увидимъ, что на этой почвѣ очень скоро между Виндишгрецомъ и Шварценбергомъ возникли серьезныя разногласія.

Намъ здѣсь нѣтъ надобности подробно излагать ходъ революціи въ Венгріи. Русскимъ читателямъ хорошо извѣстно, что зарево возстанія въ Венгріи было залито въ значительной мѣрѣ русской кровью. Приводимъ лишь разсказъ Фридюнга о томъ, какъ отнеслись прусскіе и русскіе правящіе круги къ мысли о вмѣшательствѣ въ борьбу между Австріей и Венгріей съ цѣлью оказанія помощи первой. Реакціонные прусскіе государственные люди не менѣе русскихъ правящихъ сферъ желали подавленія въ Венгріи. Но они всетаки заботились объ интересахъ своего государства и готовы были оказать помощь габсбургской династіи только въ томъ случаѣ, если Австрія взамѣнъ оказанной ей услуги откажется въ пользу Пруссіи отъ своихъ притязаній на господство въ сѣверной Германіи. Росся же принесла въ венгерскомъ походѣ огромныя жертвы, ничего за нихъ е потребовавъ,—такъ сказать, исключительно «pour l'empereur d'Autriche».

«Консервативные совѣтники короля Фридриха Вильгельма,—говоритъ идюнгъ,—всецѣло овладѣвшіе его вниманіемъ послѣ событій 1848 г., ничего имѣли бы противъ того, чтобы придти съ оружіемъ въ рукахъ на помощь тріи. Генералъ-адъютантъ короля, Герлахъ, развивалъ тотъ взглядъ, Пруссія должна отказаться отъ мысли достиженія объединенія всей

германской націи, но взамѣнъ этого заключить союзъ съ сѣверо-германскими королями и князьями съ цѣлью установленія военной гегемоніи Пруссіи. Если вѣнскій дворъ готовъ согласиться на это условіе, Пруссія должна помочь ему въ дѣлѣ усмиренія Венгріи. Однако въ Вѣнѣ не соглашались купить поддержку Пруссіи такой цѣной. Въ Вѣнѣ такъ же мало желали отказаться отъ господства въ Германіи, какъ утратить его въ Италіи. Шварценбергъ энергически отстаивалъ права Австріи занимать первое мѣсто въ Германіи».

«Весьма вѣроятно,—продолжаетъ Фридюнгъ,—что Шварценбергъ долго колебался, прежде чѣмъ послѣдовать совѣту генерала Виндишгреца и пригласить русскія войска въ Венгрію, такъ какъ Австрія такимъ образомъ становилась зависимой отъ Россіи. Когда Николай I предложилъ свою помощь, его отчасти побуждало къ этому то соображеніе, что побѣда венгерской революціи могла бы повлечь за собою отпаденіе Польши отъ Россіи, такъ какъ въ венгерской арміи служили многія тысячи поляковъ. Однако не это обстоятельство явилось для него рѣшающимъ, а то, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на защитника монархизма и консервативныхъ традицій въ Европѣ. Кромѣ того, онъ далъ обѣщаніе императору Францу при свиданіи съ нимъ въ Мюнхенгрецѣ въ 1833 году оказывать его сыну помощь въ случаѣ надобности. Николай I былъ рыцаремъ, ибо въ другомъ случаѣ не двинулъ бы въ Венгрію огромной арміи, не выторговавъ себѣ за это никакого вознагражденія. Самый обыкновенный расчетъ требовалъ, чтобы онъ заручился содѣйствіемъ вѣнскаго кабинета при походѣ на Константинополь. Но Николай I полагалъ, что Австрія, обязанная ему своимъ спасеніемъ, все равно не будетъ въ состояніи уклониться отъ такого выраженія своей благодарности. Австро-русскій походъ противъ венгерцевъ разсматривался, какъ семейное дѣло обѣихъ правящихъ династій: Николай I велъ себя, какъ отечески любящій другъ своего юнаго сосѣда, а Шварценбергъ умѣлъ, несмотря на полное отсутствіе сантиментальной жилки, поддерживать это чувство при помощи дамъ австрійскаго царствующаго дома».

Параллельно съ подавленіемъ возстанія въ Венгріи шло и «возстановленіе порядка» во всѣхъ другихъ областяхъ монархіи, въ которыхъ революціонное движеніе приняло болѣе или менѣе крупные размѣры. Для этого были пущены въ ходъ обычныя въ такихъ случаяхъ средства. Осадное положеніе было объявлено въ Венгріи и Трансильваніи (за исключеніемъ Кроаціи, оставшейся лойяльной), въ итальянскихъ областяхъ, въ Галиціи, наконецъ, въ Вѣнѣ и Грацѣ. Только въ Тріестѣ, тоже было объявленномъ въ 1848 году на осадномъ положеніи, оно было отмѣнено въ сентябрѣ 1849 года въ виду того, что оно вредно отражалось на внѣшней торговлѣ, въ другихъ же частяхъ имперіи оно дѣйствовало гораздо дольше. Въ двухъ третяхъ всей имперіи политическіе процессы разбирались военными судами и безпрерывно выносились суровые приговоры отъ смертной казни до заключенія въ тюрьму, а въ Венгріи е

подвергались конфискаціи и имущества. Еще въ 1853 г. бывали случаи приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Такъ, въ Вѣнѣ былъ казненъ ассистентъ при политехническомъ институтѣ, Цезарь фонъ-Безордъ, за участіе въ заговорѣ. Производились безчисленные обыски и въ предварительномъ заключеніи цѣлыми мѣсяцами томились люди, которые затѣмъ оказывались ни въ чемъ неповинными. Послѣ подавленія октябрьскаго мятежа (въ 1848 г.) въ Вѣнѣ нечего было болѣе бояться повторенія возстанія. Тѣмъ не менѣе осадное положеніе было сохранено и носило характеръ безсмысленнаго произвола и мелочнаго преслѣдованія. Генералы Вельденъ и Келшенъ совершенно игнорировали конституцію и гарантированныя закономъ права гражданъ. Начальнику полиціи въ Вѣнѣ, Вейсу фонъ-Старненфелсу, казались, наприм., подозрительными въ политическомъ отношеніи всѣ тѣ, которые носили ставшіе модными во время революціи длинные волосы и широкополыя шляпы. Изобличенные въ такихъ проступкахъ люди подвергались задержанію, и полиція остригала имъ длинные волосы и бороды. Печать подвергалась чрезвычайнымъ гоненіямъ. По усмиреніи возстанія въ Вѣнѣ болѣе 170 газетъ должны были прекратить свое существованіе. Преслѣдованія направлялись и противъ умѣренныхъ газетъ. И когда одна изъ нихъ (*Presse*) вынуждена была перенести редакцію изъ Вѣны, гдѣ власти ее ужъ очень донимали, въ Брюннъ, гдѣ осаднаго положенія не было, вѣнскій военный губернаторъ, генералъ Вельденъ, угрожалъ предать суду всѣхъ ея вѣнскихъ подписчиковъ.

Не менѣе сурово, чѣмъ въ Вѣнѣ, расправлялся военный судъ и въ Прагѣ, гдѣ онъ былъ очень щедръ на наказанія шпицрутенами. Командовавшій въ Прагѣ генералъ князь Хевенгюллеръ (Khevenhüller) однажды даже жаловался на гражданскаго начальника Чехіи, что тотъ недостаточно энергически борется съ революціонерами. Когда Хевенгюллеръ былъ переведенъ изъ Праги въ Галицію, онъ воскликнулъ: «великолѣпная область, лучшая послѣ Венгріи, такъ какъ тамъ на осадномъ положеніи не одна только столица, а вся, рѣшительно вся страна!»

Главнокомандующимъ и начальникомъ гражданскаго управленія въ Венгріи былъ назначенъ генералъ Гайнау (Haynau), за свою жестокость прозванный въ Италіи «гіеной Брешіи», и о которомъ фельдмаршалъ Радецкій говорилъ, что это—«бритва, которую по употребленіи необходимо тщательно спрятать». По венгерскимъ источникамъ въ Венгріи было приведено въ исполненіе 114 смертныхъ приговоровъ, а 1,765 человѣкъ приговорены къ тюремному заключенію на разные сроки. Смертные приговоры в зосились совершенно произвольно. Даже такіе враги революціи, какъ к игиня Меттернихъ, всецѣло раздѣлявшая политическіе взгляды своего м ка, по поводу этихъ казней писала въ своемъ дневникѣ: «болѣе 60 чел ѣкъ казнено въ несчастной Венгріи, и никто, ни мы, ни публика, н знаетъ, почему жребій палъ именно на одно лицо, а не на другое»... И эна Лудвига Кошута, графа Юлія Андраши и 73 другихъ, которые с слись бѣгствомъ, были прикрѣплены къ висѣлицѣ.

Однимъ словомъ, на протяженіи всей австрійской имперіи установился режимъ, давшій поводъ Морицу Гартману сравнить Австрію съ нагруженнымъ рабами кораблемъ, пассажиры котораго могутъ разсчитывать на свободу только въ томъ случаѣ, если корабль разобьется вдребезги о какую-нибудь скалу. Общественное мнѣніе въ Европѣ было до такой степени настроено враждебно противъ австрійскихъ генераловъ-усмирителей, въ частности противъ Гайнау, что когда послѣдній пріѣхалъ, послѣ выхода въ отставку, въ Англію и пошелъ осматривать знаменитый пивоваренный заводъ Барклая, узнавшіе его англійскіе рабочіе, читавшіе о его жестокостяхъ въ газетахъ, нещадно его избили.

Таковъ былъ режимъ, при помощи котораго въ странѣ постепенно было достигнуто такое успокоеніе, что можно было 31 декабря 1851 г. формально отмѣнить конституцію. Но, несмотря на то, что этотъ актъ нигдѣ не вызвалъ болѣе или менѣе серьезнаго протеста со стороны народа, осадное положеніе не было снято и оставалось въ силѣ еще до 1854 г.

Подавленіе возстанія въ Венгріи потребовало очень много времени. Гергей сдался со своей арміей въ плѣнъ Паскевичу при Вилагошѣ 13 августа 1849 г., послѣ чего Паскевичъ послалъ императору Николаю I свое извѣстное, такъ обидѣвшее австрійцевъ, донесеніе: «Венгрія у ногъ Вашего Императорскаго Величества», а крѣпость Коморнъ продержалась еще до начала октября. Вообще же вся Австрія, Германія и Италія были настолько глубоко потрясены революціоннымъ движеніемъ, что реакціонные круги не могли рѣшиться немедленно же возстановить старый режимъ. Такимъ образомъ Стадіонъ и Бахъ имѣли возможность осуществить рядъ реформъ, которыя имѣли огромное значеніе для дальнѣйшаго развитія австрійской имперіи.

Графъ Стадіонъ, занимавшій, кромѣ поста министра внутреннихъ дѣлъ, временно еще и мѣсто министра народнаго просвѣщенія, былъ убѣжденнымъ централистомъ. Его идеи легли въ основу конституціи, разработанной имъ въ то время, когда парламентъ засѣдалъ въ чешскомъ захолустномъ городѣ Кремницѣ (Kremsier), гдѣ его пренія были почти въ буквальномъ смыслѣ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Въ противоположность дворянской партіи, во главѣ которой находился Виндишгрецъ, желавшей прежде всего сохраненія дворянскихъ привилегій и для этого готовой вернуться къ сеймамъ отдѣльныхъ земель австрійской монархіи въ томъ видѣ, въ которомъ они существовали до 1848 года, Стадіонъ видѣлъ главную основу государственной мощи въ централизованной бюрократіи, рядом [illegible]ъ которою среднее сословіе и образованные классы страны должны [illegible]ли быть допущены къ участію въ управленіи страной въ парламентѣ, [illegible]й-ствительно заслуживавшемъ этого названія. Идеаломъ Стадіона была [illegible]и-стема бюрократической централизаціи Франціи, и онъ мечталъ о [illegible]ь, чтобы разбить разноплеменную и разноязычную австрійскую импері[illegible]а административныя единицы, которыя соотвѣтствовали бы франц[illegible]ъ

департаментамъ. Удовлетвореніе справедливыхъ требованій разныхъ національностей ему казалось вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ при помощи предоставленія низшимъ ступенямъ административной лѣстницы: коммунѣ, волости и уѣзду, возможно широкой автономіи. По проекту Стадіона, вошедшему затѣмъ и въ октроированную конституцію 4 марта 1849 г., общеимперскій парламентъ долженъ былъ состоять изъ двухъ палатъ: нижней, которая должна была избираться на основаніи извѣстнаго имущественнаго ценза, и верхней, половина членовъ которой назначалась короной, другая же половина избиралась отдѣльными сеймами монархіи. Виндишгрецъ рѣшительно протестовалъ противъ такого умаленія прерогативъ дворянства, но къ мнѣнію графа Стадіона, неожиданно для фельдмаршала, присоединился и Шварценбергъ. Вполнѣ раздѣляя въ душѣ реакціонные взгляды Виндишгреца, премьеръ былъ, однако, того мнѣнія, что монархическая власть въ Австріи не должна связывать своихъ судебъ съ сохраненіемъ привилегій дворянства. И не потому, конечно, что онъ питалъ какія-нибудь симпатіи къ демократіи, а потому, что глубоко презиралъ австрійское дворянство. «Было бы легко,—пишетъ Шварценбергъ Виндишгрецу въ письмѣ отъ 11 февраля 1849 года,—придать новой конституціи аристократическую окраску, но я считаю невозможнымъ сдѣлать нашу аристократію жизненной и придать ей силу сопротивленія, такъ какъ для этого нуженъ классъ политически-образованный, хорошо организованный и обладающій мужествомъ. Такого класса у насъ нѣтъ. Я не знаю во всей имперіи и дюжины людей нашего сословія, которые могли бы при нынѣшнимъ условіяхъ съ пользой занимать мѣста въ верхней палатѣ. Отъ учрежденія же, которое не было бы въ состояніи справиться со своей задачей,—быть защитникомъ консервативнаго принципа, я ожидаю только затрудненій для правительства». Въ такомъ же смыслѣ писалъ Шварценбергъ Меттерниху:—«Мы не имѣемъ политически-годной аристократіи. Учрежденіе же, соотвѣтствующее англійской верхней палатѣ, въ Австріи не имѣло бы практическаго смысла и могло бы только создать безконечныя затрудненія правительству».

Въ одно и то же время парламентъ въ Кремницѣ и министерство, засѣдавшее при дворѣ, находившемся тогда въ Ольмюцѣ, разрабатывали проекты конституціи. Между этими проектами было, конечно, весьма мало общаго, такъ какъ исходныя точки зрѣнія были совершенно разныя. Парламентъ исходилъ изъ аксіомы о народномъ суверенитетѣ, въ то время когда министерство стремилось прежде всего къ тому, чтобы сдѣлать власть онарха возможно болѣе сильной. Въ первыхъ числахъ марта 1849 г. параментская коммиссія закончила обсужденіе проекта конституціи и приняла го единогласно. Между партіями было достигнуто тайное соглашеніе о приятіи проекта цѣликомъ безъ долгихъ преній въ одномъ засѣданіи пленума. инистерство тогда рѣшило поспѣшить, распустило въ ночь съ 3 на 4 мар- 1849 г. парламентъ и октроировало конституцію 4 марта, несмотря на то,) главный вдохновитель этой конституціи, графъ Стадіонъ, еще въ послѣд-

нюю минуту готовъ былъ согласиться на компромиссъ съ парламентомъ. Примѣненіе этой конституціи подъ разными предлогами все откладывалось, пока она не была формально упразднена 30 декабря 1851 г. Венгерская конституція 1848 г. ею была отмѣнена, если не на словахъ, то на дѣлѣ, такъ какъ по ст. 67 акта 4 марта за всѣми провозглашенными до тѣхъ поръ конституціями отдѣльныхъ земель австрійской монархіи признавалась сила закона только постольку, насколько послѣднія не противорѣчили конституціи 4 марта. Единственное, что осталось отъ конституціи 4 марта, было провозглашенное въ ней единство всей имперіи въ таможенномъ и промышленномъ отношеніи, сопровождавшееся предоставленіемъ всѣмъ гражданамъ правъ свободнаго передвиженія, пріобрѣтенія недвижимости и занятія промыслами безпрепятственно по всей имперіи. Это положило разъ навсегда конецъ безчисленнымъ особенностямъ венгерскаго экономическаго строя.

И чрезвычайно любопытно, что непосредственно за подавленіемъ революціи во всей странѣ,—за исключеніемъ, конечно, Венгріи,—какъ у нѣмцевъ, такъ и у славянъ, отчасти вслѣдствіе наступившаго утомленія, отчасти вслѣдствіе боязни утратить и тѣ пріобрѣтенія, которые такъ или иначе дала революція, восторжествовало мнѣніе, что достигнутыми результатами слѣдуетъ удовлетвориться. Октроированная конституція разсматривалась какъ залогъ дальнѣйшаго политическаго развитія страны, какъ первый, хотя и неполный, шагъ на пути къ свободной политической жизни. Выборы въ общинные совѣты, производившіеся зимой 1850 г., дали въ Вѣнѣ, въ Чехіи и во всѣхъ другихъ земляхъ Цислейтаніи почти повсюду большинство умѣреннымъ элементамъ. Политическій и національный радикализмъ совершенно отступили на задній планъ. И почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что еслибъ правительство дѣйствительно сдержало данное имъ обѣщаніе и созвало имперскій парламентъ, большинство, за исключеніемъ венгерскихъ депутатовъ, состояло бы изъ умѣренныхъ элементовъ, отъ которыхъ правительству нечего было бы бояться непримиримыхъ конфликтовъ. Можетъ быть, что парламентъ былъ бы дѣйствительно созванъ и Австрія не вернулась бы къ абсолютизму, еслибъ не одно случайное обстоятельство. Графъ Стадіонъ, единственный изъ министерскаго тріо,—Шварценбергъ, Стадіонъ, Бахъ,—искренне желавшій установленія конституціоннаго режима и для котораго осуществленіе реформъ было важнѣе удовлетворенія личнаго честолюбія, заболѣлъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ опубликованія конституціи 4 марта неизлѣчимымъ психическимъ разстройствомъ. Въ скоромъ времени обнаружилось, что надежды на исцѣленіе нѣтъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Бахъ, который постепенно становился все болѣе и болѣе покорнымъ орудіемъ реакціи. Стадіону, можетъ быть, удалось бы одержать побѣду надъ камарильей; Бахъ ж который разъ отвѣдавъ власти, ни за что не хотѣлъ уже съ нею разстатьс совершенно не былъ способенъ на борьбу, сопряженную съ болѣе и менѣе серьезными жертвами. Назначивъ Баха преемникомъ Стадіона, Шв

ценбергъ зналъ, что честолюбіе и безпринципность новаго министра внутреннихъ дѣлъ въ нужный моментъ окажутся сильнѣе конституціонныхъ симпатій давно минувшихъ дней его участія въ освободительномъ движеніи.

Одновременно съ опубликованіемъ октроированной конституціи былъ обнародованъ 4 марта 1849 г. патентъ объ отмѣнѣ феодальныхъ повинностей. Этимъ актомъ правительство санкціонировало одно изъ самыхъ крупныхъ мѣропріятій, вотированныхъ засѣдавшими во время революціи австрійскимъ и венгерскимъ парламентами, и добилось того, что крестьяне почувствовали себя удовлетворенными и стали равнодушными къ дальнѣйшему ходу революціи. Значеніе этого акта было до такой степени огромнымъ, что о сущности этой реформы нужно сказать нѣсколько словъ.

Обязанности крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ передъ революціей 1848 г. были различны въ различныхъ частяхъ имперіи. Въ Верхней Австріи барщина встрѣчалась уже около 1670 г. довольно рѣдко, но зато на крестьянахъ лежали многія натуральныя повинности. Въ Нижней Австріи барщина стала рѣдкимъ явленіемъ только въ XVIII столѣтіи, но и тамъ на крестьянскихъ земляхъ лежало много денежныхъ повинностей. Аналогично было положеніе въ Каринтіи. Въ Тиролѣ, классической странѣ свободныхъ и мужественныхъ крестьянъ, барщины не было уже въ XV вѣкѣ. Въ славянскихъ же и венгерскихъ земляхъ, наоборотъ, преобладалъ барщинный трудъ крестьянъ. Этимъ и объясняется то, что въ Австріи барщина обозначалась не нѣмецкимъ словомъ «Frohnde» и т. д., а славянскимъ терминомъ—«Robot».

Весьма неравномѣрны были и размѣры крестьянскихъ повинностей. Наиболѣе тяжелы они были въ Галиціи. Изъ данныхъ офиціальной статистики, относящейся къ 1847 г., явствуетъ, что, помимо другихъ повинностей, въ среднемъ каждый галиційскій крестьянинъ долженъ былъ обрабатывать землю помѣщика въ теченіе 32 дней въ годъ. Въ среднемъ въ Австріи (безъ Венгріи) считалось, что крестьянами ежегодно помѣщикамъ должны были выплачиваться, въ деньгахъ или натурой, 3% стоимости (по кадастру) всѣхъ земель. 15% получавшихся крестьянами продуктовъ принадлежали помѣщикамъ. Къ тому же 10% вьючнаго скота крестьянъ всегда находились въ пользованіи помѣщиковъ. Но это, конечно, только среднія цифры. А если принять во вниманіе, что очень многіе крестьяне въ Моравіи, въ нѣмецкой Чехіи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ были весьма зажиточны и совсѣмъ свободны отъ феодальныхъ повинностей, то станетъ ...ымъ, какою тяжестью ложились послѣднія на менѣе счастливыя сотни ...сячъ крестьянскихъ семействъ.

При отмѣнѣ феодальныхъ повинностей патентомъ 4 марта 1849 г. по...днія, въ полномъ согласіи съ постановленіями австрійскаго рейхсрата, ...ли разбиты на три группы. Первая,—судебныя и полицейскія прерог...ивы дворянства,—была уничтожена безъ всякаго вознагражденія помѣ...ковъ. Вторая группа,—повинности, лежавшія на принадлежавшей кре-

стьянамъ землѣ,—была отмѣнена съ вознагражденіемъ. При этомъ въ основу была положена норма, по которой цѣнность дня барщиннаго труда равнялась трети цѣнности трудового дня свободнаго работника. Но такъ какъ съ отмѣной барщины упразднялись и нѣкоторые расходы землевладѣльца, наприм., расходы по наблюденію за крестьянами, уплачивавшійся ими налогъ и т. д., то сумма, причитавшаяся помѣщику въ видѣ вознагражденія за упраздняемый даровой трудъ, уменьшилась на одну треть. Остальныя двѣ трети дѣлились, по регламенту 4 марта 1849 г., поровну на двѣ части, изъ которыхъ одну долженъ былъ уплатить заинтересованный крестьянинъ, а другую—управленіе данной области, т.-е. всѣ плательщики налоговъ данной мѣстности. Помѣщики получали причитавшіяся имъ суммы въ видѣ облигацій, погашавшихся въ теченіе 40 лѣтъ.

Третья группа,—повинности крестьянъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ (въ одной Чехіи въ 1850 г. считалось до 100,000 такихъ крестьянъ),—была упразднена, на другихъ основаніяхъ: крестьяне получали эти земли въ собственность при условіи полнаго возмѣщенія потерь, сопряженныхъ съ этимъ актомъ для помѣщиковъ. Изъ этой суммы тоже вычиталась одна треть, но остальныя двѣ трети должны были уплатить только одни крестьяне, казна же приходила на помощь только въ тѣхъ случаяхъ, когда размѣръ выкупныхъ платежей превышалъ опредѣленный процентъ дохода (по кадастру).

Въ Венгріи же и Галиціи всѣ выкупные платежи уплачивались казной, т.-е. изъ средствъ не однихъ крестьянъ, а всѣхъ плательщиковъ налоговъ. Въ Венгріи это произошло въ соотвѣтствіи съ постановленіемъ венгерскаго парламента, котораго австрійское правительство не рѣшилось нарушить, а въ Галиціи вслѣдствіе обѣщанія, даннаго въ началѣ революціоннаго броженія графомъ Стадіономъ,—тогда намѣстникомъ Галиціи, произвести выкупъ крестьянскихъ повинностей за счетъ казны. Графу Стадіону удалось такимъ образомъ привлечь галиційскихъ крестьянъ на сторону австрійскаго правительства и удержать ихъ отъ участія въ революціонномъ движеніи.

Полная ликвидація феодальныхъ отношеній завершилась въ земляхъ австрійской короны въ 1854 г., въ Галиціи въ 1857 г., а въ Венгріи нѣсколько позднѣе. Въ общемъ помѣщики получили въ Австріи 289,8 милліоновъ гульденовъ, въ Венгріи (съ Кроаціей, но безъ Трансильваніи) 304 милліона. Даже венгерскіе историки признаютъ, что эта реформа была проведена нѣмецкими чиновниками, подчиненными Баха, въ гораздо болѣе благопріятномъ для крестьянъ направленіи, чѣмъ еслибъ осуществленіе с зависѣло отъ мѣстныхъ комитетовъ, въ которыхъ преобладали дворян Австрійская аграрная реформа была осуществлена до такой степени удачн что извѣстный знатокъ аграрныхъ отношеній, Карлъ Грюнбергъ, слѣд ющимъ образомъ резюмируетъ свое мнѣніе о ней: «нигдѣ въ Европѣ дѣ освобожденія крестьянъ не было осуществлено столь скоро, съ такою эн гіей и послѣдовательностью, и съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Австр

Среди дворянъ аграрная реформа вызвала, конечно, сильнѣйшее раздраженіе. Образовалась враждебная министерству Шварценберга дворянская группа, во главѣ которой стоялъ князь Виндишгрецъ. О степени озлобленія дворянства можно судить по запискѣ, поданной Виндишгрецомъ молодому императору 22 февраля 1850 г. Въ мрачныхъ краскахъ въ ней рисуется будущее, ожидающее помѣщичье сословіе послѣ «ограбленія» (Beraubung), которому оно подверглось. «Невозможно,—говоритъ онъ въ запискѣ,—описать впечатлѣніе, которое производятъ такія событія на человѣка, любящаго право. Самые выдающіеся коммунисты не осмѣливались добиваться того, что на практикѣ совершило правительство вашего императорскаго величества... Слишкомъ поздно ваше величество поймете, въ какое безмѣрное горе ввергли указанные акты произвола тысячи семействъ, пользующіяся всеобщимъ уваженіемъ». Нужно имѣть въ виду то обстоятельсто, что Шварценбергъ былъ зятемъ Виндишгреца, и стоитъ лишь вспомнить политическую физіономію Шварценберга, чтобы получить представленіе о чувствахъ, воодушевлявшихъ дворянъ, разъ возможно было обвиненіе Виндишгрецомъ предсѣдателя совѣта министровъ въ коммунизмѣ, притомъ еще въ запискѣ, поданной императору. Еще большую ненависть вызывалъ къ себѣ Бахъ, котораго пострадавшіе отъ аграрной реформы дворяне все еще считали главой демократовъ и радикаловъ. Раздраженные аристократы объясняли проведеніе непріятной имъ аграрной реформы еврейскимъ происхожденіемъ Баха, несмотря на то, что предки Баха были несомнѣнными крестьянами и въ жилахъ его не было ни капли еврейской крови. Слухи объ этомъ «порочащемъ» Баха обстоятельствѣ дошли и до Бисмарка, когда онъ въ 1852 г. посѣтилъ Вѣну, гдѣ ему, какъ онъ разсказываетъ, «приходилось слышать жалобу на забравшую власть въ свои руки еврейскую компанію, во главѣ которой находится Александръ Бахъ».

Не менѣе основательными были и реформы административная и судебная. Онѣ являются въ значительной степени дѣломъ Баха, осуществившаго ихъ при ближайшемъ участіи министра юстиціи Шмерлинга. Основы этихъ реформъ были изложены въ императорскихъ указахъ отъ 14 іюня 1849 г. о судебныхъ учрежденіяхъ и отъ 26 іюня объ организаціи административныхъ учрежденій, за которыми послѣдовалъ еще длинный рядъ инструкцій для отдѣльныхъ областей.

До 1848 г. низшая стадія судопроизводства находилась въ рукахъ помѣщиковъ, а въ городахъ—магистратовъ. Исключеніе составляли только Тироль, гдѣ уже крестьянское возстаніе 1525 г. положило конецъ сеньеральнымъ привилегіямъ, и Ломбардія, и пріадріатическія области, гдѣ господство французовъ при Наполеонѣ I, хотя кратковременное, тоже отмѣнило феодальныя прерогативы. Эта патримоніальная юрисдикція была самымъ слабымъ мѣстомъ австрійскаго дореволюціоннаго судопроизводства. Соединеніе судей и заинтересованной стороны въ одномъ и томъ же лицѣ было особенно несправедливымъ и неестественнымъ при разборѣ дѣлъ, возникавшихъ на почвѣ сеньеральныхъ повинностей. Замѣна помѣщичьихъ

судовъ государственными судебными установленіями была одной изъ главныхъ основъ судебной реформы Баха-Шмерлинга. Не менѣе важнымъ улучшеніемъ явилось введеніе суда присяжныхъ для уголовныхъ преступленій по закону 17 января 1850 г. Суды эти стали функціонировать въ нѣмецкихъ областяхъ Австріи съ 1 іюля 1850 г.

Въ то же время Бахъ осуществлялъ административную реформу, начиная съ низшихъ и кончая высшими органами управленія, причемъ производилось полное отдѣленіе административной власти отъ судебной. Вмѣстѣ съ тѣмъ была проведена организація общиннаго самоуправленія, хотя и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, о которыхъ думалъ графъ Стадіонъ. У насъ здѣсь нѣтъ возможности излагать подробно всѣ измѣненія въ политическомъ строѣ Австрійской имперіи, внесенныя этими реформами, какъ нѣтъ возможности передать содержаніе реформы, осуществленной министромъ торговли Бруномъ въ сферѣ таможенной и экономической политики. Достаточно сказать, что административная организація, созданная Бахомъ, сохранилась въ Австріи и донынѣ почти безъ всякихъ измѣненій. Только въ Венгріи, которую эта централистски-германизаторская система стремилась превратить въ австрійскую провинцію, совершенно игнорируя какъ историческое прошлое, такъ и національныя особенности этой страны, она потерпѣла полное крушеніе.

Само собою разумѣется, что реакціонные круги были чрезвычайно недовольны этими реформами, лишившими дворянство положенія, которое оно занимало до 1848 г. И постепенно они стали тормозить реформаторскую дѣятельность министерства. Между военными властями, державшими почти всю страну на осадномъ положеніи, и министрами-реформаторами все время происходила упорная борьба. По мѣрѣ того, какъ страна успокаивалась, позиція реакціи становилась все сильнѣе. Пріятель Меттерниха, баронъ фонъ-Кюбекъ, пріобрѣлъ огромное вліяніе на молодого императора и былъ въ концѣ 1850 г. назначенъ предсѣдателемъ вновь образованнаго государственнаго совѣта. Все свое вліяніе Кюбекъ употребилъ на то, чтобы убѣдить императора въ необходимости окончательнаго упраздненія октроированной конституціи. Реакціонные придворные круги настойчиво требовали окончательной отмѣны конституціи 4 марта 1849 г. Членамъ кабинета, которые были искренними конституціоналистами, становилось все труднѣе оставаться у власти. Въ январѣ 1851 г. долженъ былъ подать въ отставку министръ юстиціи Шмерлингъ, которымъ Шварценбергъ уже давно тяготился, а въ іюлѣ того же года получилъ отставку министръ торговли Брунъ. Меньшую стойкость обнаружилъ Александръ Бахъ, кот рому власть пришлась такъ по вкусу, что онъ не былъ въ силахъ ней разстаться и вернуться къ скромной дѣятельности адвоката. Пос нѣсколькихъ нерѣшительныхъ попытокъ отстоять конституціонный жимъ, хотя бы въ видѣ сохраненія имперскаго парламента съ зако совѣщательнымъ голосомъ, онъ всецѣло капитулировалъ передъ реакціе сталъ служить ея интересамъ со свойственными ему энергіей и талант

Кромѣ Шмерлинга противъ государственнаго переворота изъ членовъ кабинета высказался еще министръ финансовъ Краусъ, главнымъ образомъ, по тѣмъ соображеніямъ, что отмѣна конституціи можетъ повредить государственному кредиту, такъ какъ капиталъ довѣряетъ только парламентскому контролю надъ финансами. Кюбекъ однако не смутился возраженіями министра финансовъ и представилъ по этому поводу записку, въ которой говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «у французовъ послѣ революціи появилась поговорка, гласящая: les écus sont éminemment monarchiques (экю—крайніе монархисты), они охотно направляются туда, гдѣ обезпечены порядокъ и собственность».

Одной изъ мѣръ, подготовившихъ отмѣну конституціи, былъ указъ, изданный 6 іюля 1851 г., съ цѣлью обузданія печати. Такъ какъ въ тѣхъ частяхъ имперіи, которыя не были объявлены на осадномъ положеніи, пресса пользовалась сравнительной свободой, ибо преступленія въ печати были подчинены юрисдикціи судовъ присяжныхъ, указомъ 6 іюля было предоставлено администраціи право закрывать въ административномъ порядкѣ газеты послѣ двухъ предостереженій за вредное направленіе. А такъ какъ бывали случаи, что присяжные выносили оправдательные вердикты преданнымъ суду редакторамъ, то бывшій участникъ освободительнаго движенія Бахъ исходатайствовалъ у императора право высылать неблагонадежныхъ лицъ въ административномъ порядкѣ. Такимъ образомъ былъ высланъ, напримѣръ, извѣстный чешскій журналистъ Гавличекъ въ Бриксенъ (въ Тиролѣ).

26 августа 1851 г. были опубликованы 4 указа императора, въ которыхъ министерству и государственному совѣту предписывалось представить свои соображенія по вопросу о возможности осуществленія конституціи. Въ напечатанномъ одновременно съ указомъ поясненіи къ нимъ ясно было высказано, что «фикціи сохраненія неисполнимыхъ законовъ долженъ быть положенъ конецъ, дабы было возможно взять оружіе изъ рукъ враговъ общественнаго порядка». Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что министры должны быть отвѣтственны исключительно передъ монархомъ. 19 сентября была отмѣнена обязательная для чиновниковъ присяга въ вѣрности конституціи (въ арміи она была упразднена еще раньше, 27 ноября 1850 г.). Когда же въ Вѣнѣ получилось извѣстіе о государственномъ переворотѣ, совершонномъ 2 декабря 1851 г. въ Парижѣ будущимъ императоромъ Наполеономъ III, реакціонные круги рѣшили больше не медлить и послѣдовать этому достойному подражанія примѣру. Коммиссія подъ эедсѣдательствомъ Кюбека, назначенная императоромъ для обсужденія проса объ образѣ правленія, поспѣшила закончить свои труды, высказась за отмѣну конституціи, равно какъ и за отмѣну судовъ присяжныхъ, инципа несмѣняемости судей и т. д. 31 декабря 1851 г. императоромъ лъ подписанъ патентъ объ отмѣнѣ конституціи.

Страна встрѣтила этотъ актъ съ полнымъ спокойствіемъ. Онъ никого ивилъ, такъ какъ его уже всѣ ожидали въ теченіе года. Осадное по-

ложеніе и военные суды удерживали населеніе отъ проявленія недовольства. Газета, которая осмѣлилась бы протестовать, была бы немедленно закрыта. «Революція 1848 г.,—писалъ нѣсколько лѣтъ спустя графъ Гартигъ,—медленно умерла отъ безсилія, безъ криковъ и конвульсій».

Такимъ образомъ всѣ политическія реформы были фактически сведены на нѣтъ; только передъ аграрной реформой остановился разрушительный походъ реакціи, которая не имѣла уже мужества возстановить опять феодальныя повинности. Мѣсто Шварценберга, умершаго скоро по упраздненіи конституціи, занялъ въ 1852 году Бахъ, до такой степени усердно служившій интересамъ абсолютизма, что вся система управленія получила названіе «Баховской системы». Политическое движеніе совершенно прекратилось. Прессѣ окончательно былъ зажатъ ротъ закономъ 27 мая 1852 г., согласно которому газеты должны были вносить залоги, представлять властямъ одинъ экземпляръ за часъ до выхода въ свѣтъ, запрещалась розничная продажа на улицахъ и т. д. Положеніе печати было настолько скверное, что высказывалось даже сожалѣніе объ отмѣнѣ предварительной цензуры. Въ Венгріи хозяйничали чиновники нѣмцы и чехи-германизаторы, которыхъ тамъ называли «Баховскими гусарами». Еще осенью 1850 г. Венгрія, не считая отдѣленныхъ отъ нея Кроаціи и Трансильваніи, была раздѣлена на пять административныхъ округовъ. Начальники этихъ округовъ (обергешпаны) получали предписанія не отъ венгерскаго намѣстника, а отъ министра внутреннихъ дѣлъ въ Вѣнѣ. Жалобы на дѣйствія обергешпановъ подавались также не намѣстнику, а министру внутреннихъ дѣлъ, который могъ, по своему усмотрѣнію, самъ разобрать дѣло или передать его намѣстнику.

Побѣда абсолютизма и германизаторско-централистической системы въ австро-венгерской монархіи казалась полной. По безмолвію страны можно было думать, что политическія и національныя требованія, выставленныя въ 1848 г., должны быть окончательно сданы въ архивъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока показатель внутренней несостоятельности политическаго режима, военныя неудачи, не обнаружили дѣйствительной слабости «Баховской системы». Абсолютизму въ Австріи положили конецъ побѣды французовъ надъ австрійцами при Маджентѣ и Сольферино въ 1859 г. Пораженіе австрійскихъ войскъ, а также полное разстройство финансовъ (когда въ 1860 г. былъ объявленъ заемъ въ 200 милліоновъ гульденовъ, только 75 милліоновъ были покрыты подпиской) заставили правительство пойти на уступки. Въ августѣ 1859 г. на мѣсто Баха, получившаго постъ посла при Ватиканѣ, премьеромъ былъ назначенъ бювшій галиційскій намѣстникъ Гол ховскій, выработавшій конституцію, изложенную въ «дипломѣ» 20 октяб 1860 г. Такъ какъ этотъ дипломъ признавалъ историческія права отдѣл ныхъ національностей, то венгерцы стали вести себя такъ, какъ бу бы была возстановлена конституція 1848 г., согласно которой Венг была связана съ Австріей лишь личной уніей. Увидѣвъ, что они сдѣл слишкомъ большую уступку и надѣясь еще спасти унитарный харак

австро-венгерской монархіи, правящіе круги поручили Шмерлингу, назначенному главой кабинета, составленіе новой конституціи, которая и была опубликована черезъ четыре мѣсяца послѣ диплома 20 октября. Конституція Шмерлинга была изложена въ «патентѣ» 26 февраля 1861 г. Согласно этой конституціи для всей имперіи учреждался центральный парламентъ, рейхсратъ, состоявшій изъ двухъ палатъ: палаты господъ и палаты депутатовъ. Первая состояла изъ потомственныхъ и пожизненныхъ, назначаемыхъ императоромъ, членовъ. Палата же депутатовъ должна была состоять изъ 343 членовъ, избираемыхъ сеймами отдѣльныхъ земель Австрійской монархіи. Но такъ какъ правительство считалось съ возможностью, что нѣкоторые сеймы, въ частности венгерскій, не захотятъ посылать депутатовъ въ центральный имперскій парламентъ, то оно оставляло за собою право предоставить избраніе депутатовъ рейхсрата непосредственно избирателямъ въ случаѣ отказа того или иного сейма отъ производства выборовъ.

Конституція эта вызвала рядъ столкновеній съ Венгріей, но всетаки просуществовала до 1867 г. Тогда, опять въ значительной степени подъ вліяніемъ уроковъ австро-прусской войны, т.-е. пораженій австрійцевъ при Садовой и Кениггретцѣ, и необходимости отказаться отъ Венеціи, которая перешла къ Италіи, была создана дуалистическая конституція, навсегда покончившая съ централистической системой въ Австро-Венгріи.

И. Левинъ.

Эдвардъ Григъ.

Мечта о всеобщемъ языкѣ, понятномъ всѣмъ людямъ,—давнишняя мечта человѣчества. Суждено ли этой мечтѣ сбыться во всей ея грандіозной полнотѣ, Богъ вѣсть. Но и въ настоящее время человѣчество, по крайней мѣрѣ, его европейски-культурная часть, обладаетъ языкомъ, доступнымъ всѣмъ людямъ, къ какому бы племени они ни принадлежали, какой языкъ ни считали бы роднымъ. Языкъ этотъ—языкъ звуковъ, музыка. Онъ не точенъ и не опредѣленъ, какъ языкъ словъ, на немъ нельзя вести дѣловой корреспонденціи, какъ на международныхъ языкахъ эсперанто или волапюкѣ, но тѣмъ сильнѣе и неотразимѣе способенъ онъ передать неуловимые оттѣнки настроенія, глубину обобщеннаго чувства.

Языкъ этотъ нѣкогда выросъ изъ народныхъ пѣсенъ, танцевъ и изъ церковныхъ напѣвовъ, которые также являются пережитками народной пѣсни. Эти элементы составляли во время оно *всю* музыку и, понятно, придавали музыкальному языку каждаго народа рѣзкій національный отпечатокъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ общеніе между различными народами увеличивалось. Международныя культурныя вліянія усиливались, а въ связи съ этимъ и музыка каждаго народа стала подвергаться нивеллировкѣ, сглаживанію національныхъ чертъ. Стала нарождаться новая музыка, въ которой безыменное народное творчество все далѣе отходило на задній планъ передъ творчествомъ отдѣльныхъ опредѣленныхъ лицъ, посвящавшихъ себя спеціально музыкѣ. Эти лица, «композиторы», вліяли другъ на друга. Особенности музыкальной рѣчи и мышленія, раньше свойственныя только одной какой-либо области или группѣ лицъ, переходили отъ одного композитора къ другому, изъ одной страны въ другую и постепенно, такимъ образомъ, дѣлались общимъ достояніемъ. Языкъ звуковъ отъ это углублялся и совершенствовался, но въ то же время подвергался даль нѣйшему «уравненію», дальнѣйшей «нивеллировкѣ». Дикіе, простые цвѣ народной музыки, дѣти лѣсовъ и луговъ, воскресали къ новой жизни пос прививки въ садахъ культурнаго искусства, или же осуждены были на в мираніе, ибо народъ подъ вліяніемъ всей совокупности условій новой жи въ концѣ-концовъ все равно забрасывалъ ихъ.

Само собой разумѣется, что процессъ этотъ раньше начался и острѣе развивался въ центрахъ европейской культуры, чѣмъ на ея окраинахъ. Въ Италіи, Германіи, Франціи старинная народная пѣсня, кромѣ нѣкоторыхъ глухихъ угловъ, нынѣ исчезла, хотя, конечно, не безслѣдно; перерожденная, прошедшая сквозь творчество индивидуальнаго генія, она запечатлѣлась навѣки въ созданіяхъ великихъ итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ. Наоборотъ, въ такихъ окраинныхъ странахъ, какъ Россія, Финляндія, отчасти Шотландія, Швеція, Испанія, настоящая старинная народная пѣсня сохранилась гораздо больше, хотя и здѣсь она давно уже подвергается процессу неизбѣжнаго угасанія. Къ числу государствъ, гдѣ народная пѣсня дошла до нашего времени въ наибольшей чистотѣ и оригинальности, относится также Норвегія.

Впрочемъ, и здѣсь давно уже, какъ и въ Россіи, народная пѣсня перестала развиваться и только передается изъ рода въ родъ.

Отдаленность и заброшенность Норвегіи, ея огромное протяженіе, трудные пути сообщенія, гордое самодѣятельное крестьянское населеніе, пользовавшееся почти анархической свободой въ ту эпоху, когда надъ остальной Европой нависъ гнетъ крѣпостного права и феодализма,—все это способствовало развитію и укрѣпленію оригинальнаго народнаго искусства. Въ норвежскихъ сказаніяхъ, пѣсняхъ и танцахъ отразилась многовѣковая жизнь этого даровитаго, свободнаго народа, выросшаго подъ суровымъ полуночнымъ небомъ, у бурнаго океана, изрѣзаннаго скалистыми фіордами, въ лѣсахъ, горахъ и долинахъ.

Какъ и всякое истинное народное искусство, норвежская народная музыка явилась плодомъ вѣкового коллективнаго подбора. Все мелкое, случайное въ ней отметалось; все яркое, типичное, общее закрѣплялось, переходило въ потомство. Не удивительно, что музыка эта заключаетъ въ себѣ рядомъ съ первобытно-элементарными моментами и цѣлый рядъ элементовъ тонко развитыхъ, своеобразно сильныхъ, такихъ, о которыхъ «и не снилось нашимъ музыкальнымъ мудрецамъ». Эти свѣжіе, проникнутые живымъ біеніемъ народнаго сердца элементы давно ждали возрожденія; давно ждали художника, который, впитавъ ихъ въ себя съ молокомъ матери, пріобщилъ бы затѣмъ къ высшей культурѣ и такимъ образомъ открылъ бы передъ міровымъ искусствомъ новые сіяющіе горизонты.

Такимъ художникомъ и явился Эдвардъ Григъ.

Григъ родился 15 іюня 1843 года въ Бергенѣ, крупнѣйшемъ—послѣ
истіаніи—городѣ Норвегіи. Отецъ его, англійскій консулъ въ Бергенѣ,
лъ шотландскаго происхожденія. Но уже прадѣдъ Эдварда Грига, пере-
ившійся въ Норвегію, сдѣлался норвежскимъ гражданиномъ, хотя и
:ался еще на англійскій манеръ Greig, а не Grieg, какъ назывались уже
потомки. Зато мать Грига, Хагерупъ—въ честь ея онъ и называлъ
я Эдвардъ Хагерупъ Григъ—была коренной норвежкой. Она происхо-

дила изъ зажиточной крестьянской семьи, была даровитой и образованной піанисткой, а также и поэтессой.

Каждую недѣлю у нея устраивались домашніе музыкальные вечера. Такимъ образомъ маленькій Григъ съ дѣтства росъ въ хорошей музыкальной атмосферѣ. Мальчикъ получилъ тщательное разностороннее воспитаніе. Шести лѣтъ онъ сталъ учиться музыкѣ у матери, а девяти лѣтъ написалъ свое первое сочиненіе подъ гордымъ заглавіемъ: «Эдвардъ Григъ, opus 1; варіаціи на нѣмецкую пѣсню». И досталось же будущему композитору за этотъ сожженный впослѣдствіи «первый opus»! Его нотныя каракули попали въ руки школьнаго учителя, который строго-настрого приказалъ мальчику больше не заниматься такими глупостями, да еще и наказалъ его. Конечно, маленькій сочинитель «глупостей» не оставилъ, но сталъ прятать ихъ подальше отъ учителя. Этотъ сухой педантъ-учитель былъ причиной того, что мальчикъ всячески старался увильнуть отъ школы. «Я теперь могу утверждать,—писалъ впослѣдствіи Григъ,—что эта школа развивала во мнѣ только то, что было въ моей натурѣ дурного, хорошіе же задатки она такъ и оставляла нетронутыми».

Тогда же въ Григѣ стала сказываться та особая чуткость къ красотамъ природы, которою онъ отличался во всю жизнь.

Шире и всестороннѣе познакомился со своимъ отечествомъ Григъ, когда ему исполнилось 15 лѣтъ. Онъ совершилъ тогда со своимъ отцомъ первое большое путешествіе по Норвегіи, ближе познакомившее его съ родной страной. Во время путешествія въ юномъ Григѣ окончательно сложилась рѣшимость посвятить себя искусству.

Мысль эта встрѣтила поддержку въ лицѣ знаменитаго норвежскаго скрипача О-ле-Буля, родиной котораго былъ также Бергенъ. О-ле-Буль былъ въ высшей степени оригинальной, эксцентричной натурой. Судьба его богата самыми разнообразными приключеніями. Въ это время онъ забросилъ свои концерты, давшіе ему всемірную извѣстность, и основалъ въ Бергенѣ (въ 1848 г.) первый норвежскій національный драматическій театръ. Руководителями дѣла вмѣстѣ съ О-ле-Булемъ были не кто иные, какъ два величайшихъ норвежца—Ибсенъ и Бьернсонъ, въ такой же мѣрѣ являющіеся создателями норвежской литературы, въ какой Григъ можетъ считаться создателемъ норвежской художественной музыки. Тогда и Бьернсонъ и Ибсенъ были еще совсѣмъ молодые люди. Тутъ, между прочимъ, впервые узналъ ихъ и 15-лѣтній Григъ, впослѣдствіи вдохновленный обоими поэтами на множество своихъ лучшихъ произведеній. Съ Бьернсономъ Грига всю жизнь связывала тѣсная дружба, съ Ибсеномъ онъ бы въ болѣе далекихъ отношеніяхъ.

О-ле-Буль, бывавшій въ домѣ Григовъ, сразу угадалъ въ юномъ Эдвар крупный талантъ. «Ты долженъ отправиться въ Лейпцигъ и сдѣлат музыкантомъ», заявилъ онъ,—и въ 1858 году мальчикъ дѣйствител поступилъ въ лейпцигскую консерваторію, озаренную сіяніемъ славы сво десятью годами раньше скончавшагося основателя Мендельсона.

Тамъ учителями Грига были Мошелесъ, Гауптманъ, Рейнеке, Рихтеръ. Но тепличная атмосфера этихъ вылинявшихъ преемниковъ мендельсоновскаго романтизма мало пришлась по душѣ молодому, свѣжему таланту, въ душѣ котораго звучали отклики родныхъ сѣверныхъ звуковъ, таилось полубезсознательное стремленіе пойти своимъ собственнымъ, неизвѣданнымъ путемъ. Стремленіе это крѣпло въ Григѣ, отчасти, надо полагать, и подъ вліяніемъ норвежскаго театра въ Бергенѣ, куда Григъ ежегодно ѣздилъ изъ консерваторіи. Такъ или иначе, но консерваторію Григъ окончилъ, и окончилъ, что называется, блестяще (въ 1862 г.). Это не помѣшало ему впослѣдствіи сказать: «изъ знаменитой лейпцигской консерваторіи я вышелъ такимъ же невѣждой, какимъ поступилъ туда. Можетъ быть, я самъ въ томъ виноватъ, но это фактъ». Слова эти надо, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, что консерваторія не развила въ немъ задатковъ оригинальнаго творчества, а снабдила только извѣстной техникой.

По крайней мѣрѣ, Григъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ и о нѣкоторыхъ положительныхъ сторонахъ пребыванія своего въ консерваторіи. Да и самъ онъ по поводу нѣсколько поздняго своего самостоятельнаго развитія замѣчаетъ: «Мы, норвежцы, развиваемся обыкновенно очень медленно. Раньше 18 лѣтъ рѣдко можно разглядѣть, что есть въ каждомъ».

Мучительны были дальнѣйшія попытки молодого композитора найти самого себя. Вскорѣ по окончаніи консерваторіи онъ отправился въ Копенгагенъ, гдѣ нѣкоторое время пользовался совѣтами Гаде. Этотъ датскій композиторъ (1817—1890 гг.) считался тогда основателемъ «скандинавской школы» *). Даровитый, изящный, онъ былъ однако слишкомъ мало самобытенъ, слишкомъ задавленъ вліяніемъ своего учителя Мендельсона, чтобы пробивать новые пути. Стиль его схваченъ Григомъ въ пьескѣ, носящей названіе «Гаде» (подобно тому, какъ стиль Шопена схваченъ въ «Карнавалѣ» Шумана въ пьескѣ «Шопенъ»). Знакомство съ Гаде, находившимъ, что Григъ пишетъ «слишкомъ по-норвежски», было полезно для молодого композитора, но рѣшающее значеніе имѣла для него дружба съ молодымъ, рано скончавшимся талантливымъ норвежскимъ композиторомъ Рихардомъ Нордрокомъ.

Самъ Григъ объ этомъ разсказываетъ такъ: «У меня какъ бы спала завѣса съ глазъ. Я постигъ всю глубину, всю ширину и мощь далекихъ перспективъ, о которыхъ не имѣлъ до того понятія; благодаря Нордроку я понялъ величіе народнаго норвежскаго творчества и собственное мое ризваніе и натуру. Мы возстали противъ дряблаго мендельсоновскаго кандинавизма Гаде и вступили съ одушевленіемъ на тотъ новый путь, по оторому шествуетъ теперь скандинавская школа». Отнынѣ (приблизительно

*) Норвегія близка Данія не только по языку и во многихъ отношеніяхъ по ьтурѣ, но въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (до 1814 г.) была связана съ ней и тически.

съ опуса 6-го «Humoresken») Григъ могъ отдаться творчеству свободно и радостно, безъ прежнихъ мучительныхъ сомнѣній и колебаній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Григъ много работалъ для музыкальнаго развитія своей страны. Съ 1866 г. восемь лѣтъ прожилъ онъ въ столицѣ Норвегіи, Христіаніи, гдѣ стоялъ во главѣ мѣстной музыкальной жизни, какъ дирижеръ концертовъ филармоническаго общества. Эту малодоходную должность онъ впослѣдствіи передалъ своему извѣстному товарищу Свендсену, имя котораго, разъ рѣчь идетъ о норвежской музыкѣ, всегда называется вторымъ послѣ Грига *). Первый концертъ, данный за свой страхъ Григомъ въ Христіаніи (въ 1866 г.), замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что это вообще былъ первый концертъ въ Норвегіи, вся программа котораго состояла исключительно изъ произведеній норвежскихъ композиторовъ: главнымъ образомъ самого Грига (скрипичная соната ор. 8, «Humoresken» для фортепіано ор. 6, фортепіанная соната ор. 7, романсы), а также Нордрока и Кьерульфа. Этому концерту и обязанъ былъ Григъ тѣмъ, что его выбрали дирижеромъ филармоническаго общества. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва Григъ недолго занималъ мѣсто дирижера концертовъ въ Бергенѣ, но съ 1882 г. не имѣлъ никакой постоянной должности.

Къ этому времени сочиненія Грига успѣли пріобрѣсти въ Европѣ и Америкѣ огромную популярность. Сдѣлалось это, конечно, не сразу. Пробиться Григу сначала было трудно. Первый выпускъ его романсовъ (опусъ 2-й) разошелся въ количествѣ... двухъ экземпляровъ. Дальше дѣло пошло немного лучше, хотя всетаки очень туго. А тутъ (въ 1867 году) Григъ успѣлъ жениться на своей двоюродной сестрѣ Нинѣ Хагерупъ, превосходной пѣвицѣ, никогда, впрочемъ, не выступавшей на сценѣ (для нея, кстати сказать, написаны многіе романсы Грига). Родилась дѣвочка—единственный ребенокъ Грига, скончавшійся 13 мѣсяцевъ. Молодымъ супругамъ приходилось добывать хлѣбъ тяжелыми уроками. И только когда Грига взялъ подъ свое крыло всемірно-знаменитый Листъ, очарованный его прелестной скрипичной сонатой ор. 8,—только тогда невѣдомый дотолѣ норвежецъ пошелъ въ ходъ **). Издателемъ его сдѣлалась извѣстная лейпцигская фирма Петерсъ. Сочиненія его стали исполняться и все сильнѣе начали расходиться. Въ началѣ 80-хъ годовъ они могли уже дать Григу матеріальное обезпеченіе, необходимое для того, чтобы онъ всецѣло могъ отдаться творчеству. Раньше этого онъ сталъ получать также пожизненную государственную пенсію въ 1,800 кронъ, которую назначилъ ему норвежскій стортингъ.

*) Іоганнъ Свендсенъ, род. въ 1840 г.; съ 1883 года придворный капельме стеръ въ Копенгагенѣ. Авторъ камерныхъ сочиненій, симфоній, симфонически поэмъ, 4-хъ норвежскихъ рапсодій для оркестра и другихъ сочиненій, частью и вѣстныхъ и у насъ.

**) Григъ не посылалъ своей сонаты Листу. Тотъ самъ гдѣ-то увидѣлъ ее и 1868 г. послалъ незнакомому ему тогда Григу въ высшей степени сочувственно поощрительное письмо, съ приглашеніемъ побывать у него въ Веймарѣ. Это пис было для Грига огромной моральной поддержкой.

Лѣто, да и вообще большую часть года Григъ проводилъ съ тѣхъ поръ обыкновенно въ своей виллѣ, въ Трольхаугенѣ, близъ Бергена—прелестномъ уголкѣ среди скалъ и лѣса, на берегу залива. Зимой Григъ вмѣстѣ съ женой нерѣдко выступалъ въ концертахъ на родинѣ и въ Европѣ, какъ піанистъ и какъ дирижеръ. Чаще всего Григъ концертировалъ въ Германіи и особенно въ Англіи. Въ 1902 году онъ управлялъ концертомъ изъ своихъ сочиненій въ варшавской филармоніи.

Весной 1907 года московская народная консерваторія черезъ одного изъ своихъ сочленовъ, жившаго за границей, обратилась къ Григу, бывшему тогда въ Мюнхенѣ, съ просьбой пріѣхать въ Москву и продирижировать здѣсь концертомъ изъ своихъ сочиненій. Больной композиторъ высказалъ по этому поводу свои теплыя симпатіи и къ русской музыкѣ, и къ новой нарождающейся Россіи, но пріѣхать весной отказался, такъ какъ чувствовалъ себя страшно слабымъ. Онъ сказалъ однако, что ему давно хотѣлось побывать въ Москвѣ, и что, можетъ быть, если онъ поправится, эта мечта осуществится. Увы, ей не суждено было осуществиться.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—22 августа 1907 года—Григъ скончался. Онъ умеръ 64 лѣтъ отъ роду, отъ болѣзни легкихъ. Еще въ юношескіе годы, учась въ консерваторіи, онъ перенесъ плевритъ, слѣды котораго остались на всю жизнь. Болѣзнь мучила его всю жизнь, и онъ не разъ говорилъ, что, если бы не хворость, онъ писалъ бы гораздо больше и можетъ быть иначе. При вскрытіи тѣла композитора оказалось, что одно легкое давно уже бездѣйствовало, совсѣмъ почти сморщилось и величиной было съ дѣтскій кулачокъ. Онъ жилъ, стало быть, однимъ легкимъ, да и это оказалось, при вскрытіи, сильно поврежденнымъ. Григъ умеръ въ родномъ Бергенѣ, на рукахъ жены, бывшей всю жизнь его лучшимъ другомъ. Дѣтей онъ не оставилъ. Похороны хотѣлъ припять на себя городъ, но долженъ былъ уступить эту честь государству. Тѣло покойнаго, согласно его завѣщанію, предано было сожженію. На похоронахъ, согласно тому же завѣщанію, исполнены были «Весна» Грига для струннаго оркестра и его же похоронный маршъ, написанный нѣкогда на смерть дорогого, рано скончавшагося друга, Рихарда Нордрока... Заря творческой жизни и ея роковой закатъ...

Можно было бы перейти теперь къ тому, что оставила намъ эта жизнь самаго близкаго и дорогого—къ музыкѣ Грига. Но прежде хочется сказать нѣсколько словъ о Григѣ, какъ человѣкѣ, о томъ впечатлѣніи, какое онъ производилъ при личномъ знакомствѣ. Вотъ какъ Чайковскій, въ автобіографическомъ описаніи своего путешествія за границу (въ 1888 г.) описываетъ свою первую встрѣчу съ Григомъ въ Лейпцигѣ, въ домѣ скрипача Бродскаго.

«Въ это время (когда репетировалось тріо Брамса) въ комнату вошелъ очень маленькаго роста человѣкъ, среднихъ лѣтъ, весьма тщедушной ком-

плекціи, съ плечами очень неравномѣрной высоты *), съ высоко взбитыми бѣлокурыми кудрями на головѣ и очень рѣдкой, почти юношеской бородкой и усами. Черты лица этого человѣка, наружность котораго сразу привлекла мою симпатію, не имѣютъ ничего особенно выдающагося, ибо ихъ нельзя назвать ни красивыми, ни неправильными; зато у него необыкновенно привлекательные, средней величины голубые глаза, неотразимо чарующаго свойства, напоминающіе взглядъ невиннаго прелестнаго ребенка. Я былъ до глубины души обрадованъ, когда, по взаимномъ насъ представленіи другъ другу, раскрылось, что носитель этой безотчетно симпатичной внѣшности оказался музыкантомъ, глубоко прочувствованные звуки котораго давно уже покорили ему мое сердце. То былъ Эдвардъ Григъ... Вмѣстѣ съ нимъ вошла въ комнату, гдѣ мы собрались, слегка сѣдѣющая женщина, наружностью похожая на него, такая же маленькая, тщедушная и симпатичная. Это была жена его, приходящаяся ему двоюродной сестрой, чѣмъ и объясняется ихъ сходство. Впослѣдствіи я имѣлъ возможность близко оцѣнить разнообразныя драгоцѣнныя качества г-жи Григъ. Во-первыхъ, она оказалась превосходной, хотя никогда не учившейся пѣвицей. Во-вторыхъ, рѣдко я встрѣчалъ болѣе свѣдущую и образованную женщину, между прочимъ превосходно знакомую и съ русской литературой. Въ-третьихъ, я очень скоро убѣдился, что г-жа Григъ такъ же благодушна, кротка, дѣтски чиста и незлобива, какъ и ея знаменитый супругъ...»

Насколько легко можно было принять Грига и его жену за дѣтей даже по внѣшнему виду, видно изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго Чайковскимъ же. Дѣло было на концертѣ въ Лейпцигѣ, гдѣ исполнялась сюита Чайковскаго. Чайковскій сидѣлъ близъ эстрады. Рядомъ съ нимъ сидѣли супруги Григъ. Одна дама, указывая на нихъ пальцами, совершенно серьезно сказала своей дочери: «Вотъ смотри, душенька, это сидитъ Чайковскій, а рядомъ съ нимъ его дѣти». «Да это и нисколько не удивительно, — замѣчаетъ по этому поводу Чайковскій, — ибо я въ 48 лѣтъ совершенно сѣдъ и старообразенъ, а Григъ, которому 45 лѣтъ, и жена его издали чрезвычайно моложавы и малы ростомъ».

Слѣдующія выдержки изъ писемъ Грига, не имѣютъ прямого отношенія къ его музыкальному творчеству, но интересны для характеристики композитора. Оба письма, напечатанныя въ *Die Musik* (1907 г.), адресованы къ другу Грига, швейцарцу, не пожелавшему назвать себя при опубликованіи писемъ. Первое письмо писано въ Трольхаугенѣ.

«3/VII, 1906. — Плохъ я сталъ на письма. Прежде я писалъ письма легко и быстро—какъ музыку; я чувствовалъ себя какъ рыба въ во[illegible] Болѣзнь и годы все это измѣнили. Тяжело и медленно течетъ кровь тѣмъ же темпомъ—увы,—свершается и работа духа... Къ счастью, ин[illegible] ресъ къ великимъ вопросамъ жизни во мнѣ такъ же живъ, какъ въ юности Я убѣжденъ, что церковь должна быть отдѣлена отъ государства и чт[illegible]

---

*) Вотъ оно, одно легкое-то!

насъ въ Норвегіи такое отдѣленіе совершится въ недалекомъ будущемъ. Но я радъ, что могу взять на себя смѣлость предсказать, что произойдетъ это не насильственно, какъ во Франціи, но само собой, безъ упорнаго противодѣйствія. Смотрите, какъ въ прошломъ году свершилось великое для Норвегіи событіе *), какъ нѣчто естественное, само собой подразумѣвающееся. Такъ же будетъ у насъ и съ отдѣленіемъ церкви отъ государства... По поводу вашихъ опасеній, что мнѣ придется еще писать коронаціонную кантату для норвежскаго короля (буде такого изберутъ), — я только посмѣялся. Нѣтъ, и снова нѣтъ! подобной вещи я никогда не сдѣлаю; и сдѣланное мнѣ въ этомъ смыслѣ предложеніе я уже рѣшительно отвергнулъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я получилъ изъ Англіи заказъ написать коронаціонный маршъ для короля Эдуарда,—но и отъ того предложенія я также безусловно отказался».

Другое письмо писано въ бергенскомъ госпиталѣ, куда перевезли Грига, когда онъ заболѣлъ своей послѣдней предсмертной болѣзнью. Оно написано уже больнымъ композиторомъ за 7 дней до смерти и, можетъ быть, является послѣднимъ письмомъ Грига. Адресовано оно тому же швейцарцу.

«28/VIII, 1907.

Чтобы говорить о своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, нужно обладать лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ я сейчасъ... Но вотъ вкратцѣ сущность. Въ 1888 г., когда я былъ въ Англіи, на меня глубокое впечатлѣніе произвели взгляды унитаріанцевъ (вѣра въ единаго Бога; отрицаніе понятія о Троицѣ). И вотъ съ тѣхъ поръ вотъ уже 19 лѣтъ, какъ я остаюсь при этихъ взглядахъ и этой вѣрѣ. Все другое на меня не производитъ впечатлѣнія. Чистая наука? Какъ средство для достиженія цѣли—превосходно; но какъ цѣль сама по себѣ, наука совершенно не удовлетворяетъ, меня по крайней мѣрѣ. Я долженъ сохранить для себя понятіе Бога, хотя оно слишкомъ часто приходитъ въ столкновеніе съ понятіемъ молитвы. Но это уже детали, а я долженъ кончать письмо!»

Рѣчь Грига, какъ и его письма, привлекала живостью, простотой, свѣжимъ юморомъ. Эти качества дѣлали изъ него привлекательнѣйшаго собесѣдника, но собственно «общества» Григъ не любилъ. Счастливѣйшими моментами его жизни были одинокія прогулки въ родномъ Трольхаугенѣ; часы работы за письменнымъ столомъ въ своей рабочей комнатѣ, откуда открывался чудный видъ на фіордъ, скалы и лѣса; импровизаціи за роялью.

То впечатлѣніе дѣтской чистоты, искренности, человѣчности въ лучшемъ смыслѣ слова, которое Григъ производилъ на всѣхъ, лично его знавшихъ, особенно интересно, если знать, какъ тѣсно самъ композиторъ сливалъ во всякомъ художникѣ артиста съ человѣкомъ.

Незадолго до смерти онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Я всегда

*) Отдѣленіе Норвегіи отъ Швеціи.

полагалъ, что тѣ, кто отдѣляетъ человѣка отъ артиста, заблуждаются. Артистъ и человѣкъ нераздѣльны. Въ человѣкѣ находишь всѣ черты, образующія физіономію артиста, даже самыя мелочныя». Еще ярче подчеркнута эта мысль и подтверждена затѣмъ поступкомъ, въ другомъ письмѣ Грига, написанномъ осенью 1904 года, т.-е. въ разгаръ нашей войны съ Японіей. Григъ получилъ тогда изъ Петербурга приглашеніе пріѣхать концертировать, подписанное между прочимъ Римскимъ-Корсаковымъ, Глазуновымъ, Лядовымъ и другими. По поводу этого приглашенія Григъ писалъ въ Петербургъ піанисту и дирижеру Зилоти: «Я не могу пріѣхать главнымъ образомъ потому, что при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ я ни подъ какимъ видомъ не желаю ѣхать въ Россію... Для меня загадка, какъ можно приглашать иностранныхъ художниковъ въ страну, въ которой почти каждая семья оплакиваетъ павшихъ на войнѣ. Быть можетъ, это вопросъ, о которомъ я не умѣю судить, но я долженъ поступать по своимъ убѣжденіямъ. А они запрещаютъ мнѣ покуда концертировать въ Россіи... Досадно, что такъ должно было случиться. Но прежде всего нужно быть человѣкомъ. Все истинное искусство выростаетъ только изъ человѣка».

Итакъ, *искусство,*—говоритъ Григъ,—*выростаетъ изъ человѣка.*

Не будемъ же забывать этого и мы, когда перейдемъ теперь къ Григу-художнику.

Каково же искусство этого художника? Чѣмъ оно характеризуется? Въ чемъ его сущность?

Одна изъ основныхъ чертъ творчества Грига, красной нитью проходящая черезъ его музыку, была уже нами подмѣчена. Это—тѣсная связь съ народнымъ творчествомъ. Помните собственный разсказъ Грига о томъ, какъ у него (въ 22 года) точно завѣса спала съ глазъ, какъ онъ постигъ величіе народнаго норвежскаго творчества, понялъ свое призваніе и вступилъ на тотъ «новый путь», по которому съ тѣхъ поръ шествуетъ скандинавская музыка?

Что̀ это за путь,—мы уже теперь имѣемъ понятіе. Но, ступивъ на этотъ новый путь, юный Григъ вовсе не отрекся отъ даровъ европейской музыкальной культуры, вошедшей въ его плоть и кровь путемъ тщательнаго изученія любимыхъ авторовъ, къ числу которыхъ между прочимъ относились, рядомъ съ Моцартомъ, Шопенъ и Шуманъ. Онъ только перешагнулъ черезъ указку рабовъ этой культуры, чтобы свободно и сознательно подчиниться ей. Забросивъ чуждыя, выхоленныя теплицы, молодой норвежскій орелъ всѣмъ существомъ своимъ отдался царившимъ въ его душѣ родным откликамъ и образамъ; и какъ только вольно и вдохновенно взвился о къ высотамъ давно манившихъ его родныхъ фіордовъ, сразу почувствовалъ свою силу и легкость.

Почти ко всему, что было написано композиторомъ съ тѣхъ по могло бы подойти заглавіе одной изъ его фортепіанныхъ пьесъ «На

родинѣ». Да и многія названія его лучшихъ сочиненій: «Картины изъ народной жизни», «Норвежскіе танцы», «Норвежскія пѣсни», «День свадьбы въ Трольхаугенѣ», «Тоска по родинѣ», «Пѣснь крестьянина», музыка къ «Перъ Гинту» Ибсена, къ «Олафу Тригвасону» и т. д., не говоря уже о романсахъ на слова норвежскихъ поэтовъ,—развѣ эти названія не говорятъ о тѣсной связи творчества Грига съ норвежской жизнью, норвежской поэзіей, норвежской природой?

Григъ любилъ свою родину и ея природу страстной, фанатической любовью. Сырой климатъ Бергена и тяжелый переѣздъ моремъ вредно отзывались на его слабомъ здоровьѣ, особенно въ послѣдніе годы, и тѣмъ не менѣе онъ ежегодно возвращался въ свой Трольхаугенъ.

Норвежскій музыкальный критикъ Шьельдерупъ находитъ даже, что все творчество Грига настолько глубоко связано съ природой Норвегіи, — и именно западной Норвегіи,—что внѣ этой связи его и вполнѣ понять невозможно. Неотразимое впечатлѣніе дикаго величія, — говоритъ Шьельдерупъ,—производятъ берега западной Норвегіи, открывающіеся передъ путникомъ послѣ утомительнаго морского путешествія. Суровые зубцы горъ съ окутанными туманомъ вершинами, могучіе ледники; изорванный, голый, скалистый берегъ въ одинокой вѣчной борьбѣ съ бурнымъ океаномъ... Но здѣсь мы не находимъ еще Грига. Онъ не эпикъ и не драматикъ. Эти грандіозныя линіи, говорящія о потрясающей драмѣ тысячелѣтій; величавый пессимизмъ вѣковѣчныхъ береговъ, гдѣ человѣкъ кажется такой ничтожной песчинкой; глубокія томленія «моряка-скитальца»—все это еще не Григъ.

Но вотъ корабль, направляясь къ Бергену, черезъ дикія шхеры входитъ въ фіордъ, гладкій какъ зеркало. Кругомъ идиллія: березовыя рощи, красненькіе домики съ бѣлыми оконными рамами и блестящими крышами; тамъ и сямъ рыжія коровы, овцы съ рѣзвыми ягнятами, козы; бѣловолосыя, краснощекія дѣти съ голубыми, любопытствующими глазами, крестьянки въ пестрыхъ платьяхъ; серьезные рыбаки въ мирной работѣ за сѣтями. Перспектива безпрерывно мѣняется: свѣтлая гладь водъ, застывшія скалы, веселые оазы съ пѣнящимися горными ручьями, живучія деревца, умѣющія пристроиться и на камнѣ,—и вдали, надъ горами, мерцаніе мощнаго ледника Фольгефондена, придающаго особую красоту всему этому прелестному пейзажу.

Но здѣсь, на родинѣ Грига, природа страшно перемѣнчива, очень часто модулируетъ. Освѣщеніе—здѣсь все. Тотъ же самый пейзажъ можетъ дѣй- ...овать на человѣка удручающе-меланхолически, когда облака лягутъ на ...ы, все покроется туманомъ и дождь зарядитъ на цѣлые дни, иногда ... цѣлыя недѣли и даже на цѣлые мѣсяцы. Но разогналъ вѣтеръ тучи, ... заиграло новыми красками, новой жизнью. Здѣсь-то—думаетъ Шьель- ...упъ—надо искать источникъ многихъ вдохновеній Грига. Здѣсь скла- ...алось его творчество, въ которомъ такъ чуется нѣчто природное, свѣ- ... простое, выросшее на здоровой, народной почвѣ,—и въ то же время

перемѣнчивое, склонное къ небольшимъ формамъ, къ постоянной смѣнѣ настроеній, къ игрѣ освѣщенія.

Самое привлекательное, что есть въ Григѣ, говоритъ одинъ изъ его критиковъ (Брейтгауптъ), это его «душа номада, душа крестьянскаго пастуха, полнаго ненасытнымъ стремленіемъ къ свѣту и воздуху, солнцу и пѣнію, всѣмъ сердцемъ возлюбившаго свои горы и долины, луга и фіорды». Не даромъ предки его (по матери) были простые коренные норвежскіе крестьяне. И этотъ здоровый основной духъ григовскаго творчества особенно обращаетъ на себя вниманіе, если вспомнить про личную болѣзненность композитора, всю жизнь дававшую себя знать.

Но рядомъ съ крестьянскимъ пастухомъ въ Григѣ живетъ и народный пѣвецъ, скальдъ, глубокій знатокъ народной души и народной старины. Въ пѣсняхъ его нашли музыкальное воплощеніе не только картины норвежской природы и жизни, но и герои древнихъ норвежскихъ сказаній, любимыя фигуры народной фантазіи, яркіе образы родныхъ поэтовъ. Самыя краски музыки Грига, ея контуры, рисунокъ, свѣтотѣнь, отличаются при этомъ какой-то особой самобытностью, которая невольно бросается въ глаза даже и не музыкантамъ.

По поводу этой самобытности Грига нерѣдко можно услышать вопросъ: кто собственно виноватъ въ ней, самъ ли композиторъ или норвежская народная музыка? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только двояко-утвердительно: оба. Въ этомъ отношеніи роль Грига по отношенію къ норвежскому искусству отчасти сходна съ ролью Глинки по отношенію къ русскому (или Сибеліуса по отношенію къ финскому); только Глинка по природѣ своей—больше классикъ, Григъ же—романтикъ. Безконечная гамма оттѣнковъ чувства и настроенія, отъ глубочайшей нѣжности до первобытной жесткости и суровости; грація и юморъ; безудержный порывъ веселья и горячая тоска,—все это сплошь и рядомъ выражено у Грига музыкальными средствами, коренящимися въ народной норвежской музыкѣ. Это видишь, какъ только начинаешь знакомиться съ послѣдней *).

Тамъ, въ народной норвежской музыкѣ, находишь и столь характерное для Грига смѣшеніе мажора и минора и «старинные» лады (особенно гиподорійскій, гиполидійскій, фригійскій), и типичные прообразы его мело-

*) Народная пѣсня и до Грига давно уже обратила на себя вниманіе норвежскихъ собирателей и композиторовъ. Національныя тенденціи первой половины XIX в. должны были найти себѣ особенно горячій откликъ въ этой демократической странѣ, гдѣ въ такомъ изобиліи сохранились памятники народнаго творчества. Первые сборники норвежскихъ народныхъ пѣсенъ относятся къ 30—50-мъ годамъ XIX вѣка (Лин[illegible] манъ, Гансенъ и др.). Но, какъ и первые сборники русскихъ пѣсенъ, они страдаю[illegible] стремленіемъ подогнать собранный матеріалъ подъ шаблонъ школьной выправки, [illegible] пониманіемъ того, что есть въ народной пѣснѣ самаго дорогого: ея самобытны[illegible] оригинальныхъ чертъ, расширяющихъ горизонты „культурной“ музыки. Изъ норв[illegible] скихъ композиторовъ, предшественниковъ Грига, особеннаго вниманія заслужива[illegible] талантливый Кьерульфъ (1818—1868 гг.), нѣкоторыя пьесы котораго запечатлѣ[illegible] яркимъ норвежскимъ колоритомъ.

дій—даже съ характерными украшеніями и нѣкоторыми специфическими скачками, и первобытную педаль на квинтѣ, столь усовершенствованную и очаровательно примѣняемую Григомъ, и быструю смѣну темповъ и ритмовъ. Открывается даже преемственное родство между нѣкоторыми элементами григовской мелодики и простыми, спокойными напѣвами древнихъ «Kjampevise» норвежскихъ былинъ, по характеру пѣнія кое-гдѣ напоминающихъ русскія былины.

Въ причудливыхъ ритмахъ Грига тамъ и сямъ начинаютъ проглядывать видоизмѣненія двухъ основныхъ ритмическихъ типовъ норвежскихъ народныхъ танцевъ, трехдольнаго Springdons'а *) и двухдольнаго Halling'а. Танцы эти, какъ и норвежскія пѣсни, очень богаты варіантами, ибо горный характеръ норвежской природы, а въ связи съ этимъ и трудности путей сообщенія обособляли жизнь каждой отдѣльной отрасли норвежскаго племени, даже каждой отдѣльной мѣстности. То ограничиваются они короткой темой, все быстрѣе повторяющейся, чтобы внезапно оборвать или повернуть въ нежданную сторону (знакомая намъ по русскимъ пѣснямъ манера!); то мелодія принимаетъ въ нихъ болѣе широкій полетъ; то сопоставляются двѣ или даже болѣе контрастирующихъ части, придающихъ другъ другу особую прелесть.

Норвежцы и по сію пору нерѣдко танцуютъ, какъ въ глубокой древности (и какъ это можно еще видѣть и у насъ въ Россіи), подъ пѣніе, а не подъ инструментальную музыку. Но широко употребляется (особенно при быстрыхъ танцахъ) также скрипка,—между прочимъ и въ своемъ старомъ, своеобразномъ норвежскомъ видѣ (Fele).

Но то же знакомство съ норвежской народной музыкой заставляетъ еще больше преклоняться передъ тонкой и самобытной художественной организаціей композитора, сумѣвшаго такъ много провидѣть въ этой музыкѣ, такъ слиться съ нею, такъ пересоздать ее, такъ пышно развить многое такое, что жило въ ней лишь потенціально. Не слѣдуетъ забывать, что народная норвежская музыка почти не знаетъ гармоніи и стало быть въ этой области Григъ—одинъ изъ оригинальнѣйшихъ гармонистовъ, которыхъ знаетъ міръ,—былъ предоставленъ больше всего самому себѣ. Примѣромъ могутъ служить хотя бы извѣстныя григовскія гармонизаціи параллельными большими терціями. Онѣ созданы имъ—можно думать—изъ мелодическихъ намековъ норвежской пѣсни, которые, однако, другими могли бы быть поняты (да и были понимаемы) иначе. И, разъ созданныя, онѣ побѣдоносно прошли всю землю, неотдѣлимыя отъ имени своего орца.

Да и вообще ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Григъ большей стью пользовался подлинными народными напѣвами. Изъ всѣхъ его по-

*) „Springdons“ (нѣм. Springtanz)—танецъ, при которомъ дѣлаются прыжки, на-ъ такъ въ отличіе отъ „Gangar“ (нѣм. Gehtanz“)—танца, движенія котораго умѣ-ѣй,—какъ при ходьбѣ. Оба часто встрѣчаются у Грига (какъ и Halling).

лутораста романсовъ, напримѣръ, только въ одномъ—мелодія прямо заимствована изъ народныхъ пѣсенъ. Нѣсколько чаще видимъ мы это въ его фортепіанныхъ пьесахъ и инструментальныхъ сочиненіяхъ. Въ предисловіи къ «17 крестьянскимъ танцамъ» (ор. 72) для фортепіано Григъ прямо заявляетъ, что его задачей въ данномъ случаѣ было «посредствомъ стильной гармонизаціи поднять эти народныя мелодіи до болѣе высокаго художественнаго уровня». Но всѣ подобные примѣры у Грига—наперечетъ. Сущность его «норвегизма», такимъ образомъ, заключается не въ томъ, что онъ обрабатывалъ подлинныя норвежскія народныя мелодіи, а въ томъ, что онъ самъ создавалъ музыку, родственную по духу и складу этимъ національнымъ мелодіямъ, изъ нихъ вытекающую. Въ этомъ отношеніи Григъ опять напоминаетъ Глинку, въ музыкѣ котораго подлинныя народныя мелодіи занимаютъ крайне ограниченное мѣсто, но творчество котораго запечатлѣно тѣмъ не менѣе своеобразнымъ народнымъ складомъ.

Слово «норвегизмъ» вмѣсто часто употребляемаго по отношенію къ Григу болѣе широкаго понятія «скандинавизмъ», соотвѣтствуетъ указаніямъ самого Грига. «Я,—пишетъ онъ,—представитель музыки не скандинавской, а норвежской. Національный характеръ трехъ народовъ—норвежцевъ, шведовъ и датчанъ—по существу различенъ. Также различна и ихъ музыка».

Но какъ ни оригинальны, какъ ни самобытны національныя черты творчества Грига—однѣхъ ихъ было бы недостаточно, чтобы дать григовской музыкѣ такую власть надъ сердцами чужеземцевъ. Если бы вся прелесть этой музыки заключалась въ ея «сѣверности», въ ея спеціально норвежскихъ чертахъ, то интересъ къ ней за предѣлами Норвегіи не могъ бы быть долгимъ. Но въ томъ-то и дѣло, что въ музыкѣ Грига привлекаетъ насъ не только ея этнографически-художественная сторона. Плѣняетъ самъ художникъ, смѣлый, сильный, сердечный, плѣняетъ яркость изложенія, задушевность тона; плѣняетъ то общечеловѣческое, что широкой волной разлито во всемъ творчествѣ Грига. Въ этомъ отношеніи Григъ напоминаетъ своего знаменитаго соплеменника Андерсена, сказки котораго, несмотря на обиліе чисто датскихъ чертъ, сдѣлались своими, родными во всемъ мірѣ.

Григъ не только чуткій, сильный народный рапсодъ, но и великій музыкальный лирикъ, можетъ быть самый теплый со временъ Шумана. Въ восьми тетрадяхъ «Лирическихъ пьесъ» и множествѣ другихъ пьесъ для фортепіано, въ романсахъ, отчасти въ камерныхъ и оркестровыхъ пьесахъ лиризмъ Грига нашелъ себѣ самое разностороннее и глубокое выраже[illegible]. Композиторъ не только переживаетъ въ звукахъ свои личныя чувс[illegible], онъ всецѣло захваченъ даже тѣмъ, что рисуетъ со стороны, и съ [illegible]і точки зрѣнія понятно включеніе въ число «Лирическихъ пьесъ» даже [illegible]кой, такъ сказать, живописующей музыки, какъ «Колокольный зво[illegible], «Крестьянскій маршъ» или «Шествіе карликовъ». Лиризмъ Грига—[illegible]ственный и крѣпкій, чуждый всякой наркотики и возбудительныхъ сре[illegible],

Въ немъ, правда, много минора, но миноръ этотъ, смѣняемый взрывами мажора, не болѣзненно-страстный, какъ у Шопена, а простой, стихійный, одинаково-здоровый, изливается ли онъ въ «Жалобѣ Ингридъ», тоскуетъ ли въ «Смерти Азы» (по-норвежски «Озы»), или готовъ перейти въ улыбку въ «Пѣснѣ Сольвейгъ».

Извѣстный нѣмецкій піанистъ и дирижеръ Бюловъ назвалъ когда-то Грига «сѣвернымъ Шопеномъ». Это опредѣленіе вѣрно въ томъ смыслѣ, что каждый изъ этихъ двухъ композиторовъ былъ одновременно и великимъ лирикомъ, и народнымъ рапсодомъ; каждый выразилъ въ звукахъ душу своего народа. Но въ Григѣ, при всей его изысканности, при всемъ французскомъ импрессіонизмѣ, нѣтъ ни французской «салонности» Шопена, ни растерзанности послѣдняго. Шопенъ разностороннѣе по содержанію, больше, субъективнѣе Грига; Григъ непосредственнѣе, здоровѣе Шопена, разностороннѣй съ внѣшней стороны *). Интересно, какъ каждый изъ нихъ отразилъ въ звукахъ свою отчизну. Въ то время какъ у Шопена почти всегда чувствуется тоска и скорбь по далекой родинѣ, и только воспоминанія о ея прошломъ рождаютъ мажоръ,—у Грига мысль о родной странѣ вызываетъ самыя жизнерадостныя, бодрыя картины... Да оно и понятно, если сравнить судьбы Польши и Норвегіи.

До извѣстной степени можно бы назвать Грига и «норвежскимъ Шуманомъ»,—такъ бросается въ глаза внутреннее родство между этими двумя великими мастерами миніатюры. Недаромъ Григъ такъ преклонялся передъ Шуманомъ и даже печатно не разъ выступалъ въ его защиту противъ нападокъ ярыхъ и одностороннихъ вагнеріанцевъ. Оба—романтики, только романтизмъ Грига ближе къ непосредственнымъ родникамъ народной фантазіи, тогда какъ романтизмъ Шумана, такъ сказать, больше литературнаго происхожденія; оба глубокіе лирики, оба склонны къ идилліи; оба прежде всего и больше всего—поэты въ звукахъ. Въ основаніе большинства сочиненій Грига, какъ и у Шумана, положена поэтическая идея, не связывающая фантазію слушателя, а только ее направляющая. Идея эта выражена большею частью коротко, однимъ заглавіемъ, но она всегда опредѣленна и характерна: «Раны сердца», «Послѣдняя весна», «Норвежскій свадебный поѣздъ», «Мотылекъ», «Въ горахъ», «Пѣснь любви», «Шествіе карликовъ» и т. д. Это—наименѣе крайній родъ программной музыки, отцомъ котораго, какъ извѣстно, является тотъ же Шуманъ; и шумановскій терминъ «Fantasiestücke» какъ нельзя лучше подходитъ ко множеству пьесъ Грига.

По мастерству въ обращеніи съ народной пѣснью Грига можно сопоавить изъ русскихъ композиторовъ отчасти съ Римскимъ-Корсаковымъ; › по основнымъ свойствамъ своей музыкальной *личности*, по своей теплтѣ, лиризму, иногда даже характеру мелодій Григъ, конечно, несравнен-

*) Шопенъ писалъ почти только для фортепіано; Григъ затронулъ и пѣніе, стръ и камерный ансамбль.

но ближе къ Чайковскому, которому однако уступаетъ по ширинѣ и разносторонности таланта. Подъ григовскими «Ранами сердца» могъ бы, пожалуй, подписаться Чайковскій; во вступленіи къ «Онѣгину» (тема Татьяны)—много григовскаго.

Мы уже видѣли, какую симпатію чувствовалъ Чайковскій къ личности и творчеству Грига; тѣмъ же платилъ ему и Григъ. Тѣмъ интереснѣе слѣдующій отзывъ Чайковскаго о музыкѣ Грига:

«Слушая Грига, мы инстинктивно сознаемъ, что музыку эту писалъ человѣкъ, движимый неотразимымъ влеченіемъ посредствомъ звуковъ излить наплывъ ощущеній и настроеній глубоко поэтической натуры, повинующейся не теоріи, не принципу, не знамени, взятому на плечи вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ случайныхъ обстоятельствъ, а напору живого, искренняго художническаго чувства. Совершенства формы, строгости и безупречной логичности не будемъ упорно искать у знаменитаго норвежца; но за то—что за прелесть, что за непосредственность и богатство музыкальнаго изобрѣтенія! Сколько теплоты и страстности въ его пѣвучихъ фразахъ, сколько ключомъ бьющей жизни въ его гармоніи, сколько оригинальности и очаровательнаго своеобразія въ его остроумныхъ пикантныхъ модуляціяхъ и въ ритмѣ, какъ и все остальное, всегда интересномъ, новомъ и самобытномъ».

Какъ и Чайковскій, «Григъ принесъ съ собой въ современную музыку то, по чемъ всѣ мы такъ стосковались—мелодію». Это не мелодія, питающаяся крохами прошлаго, не перепѣвы лейтмотивовъ Вагнера, и тѣмъ болѣе не рыночный товаръ типа итальянскихъ веристовъ, а настоящая, новая, собственная мелодія, чарующая тысячами новыхъ оттѣнковъ выразительности еще благодаря своей совершенно особой, небывалой раньше «григовской» гармонизаціи. Здѣсь, въ области столь преуспѣвшей въ XIX вѣкѣ гармоніи, Григъ, пожалуй, наиболѣе смѣлъ и самобытенъ и можетъ быть поставленъ вслѣдъ за такими великими мастерами и реформаторами гармоніи, какъ Шопенъ, Листъ и Вагнеръ.

Его непосредственная, свободная музыка сплошь и рядомъ смѣется при этомъ надъ такъ называемой чистотой стиля, ибо создаетъ свой собственный новый стиль; она нарушаетъ общепринятые музыкальные законы, потому что сама себѣ законъ; въ ея мозаичности, въ ея прихотливой разбросанности и заключается ея своеобразное единство и цѣльность.

То богатство контрастовъ, та быстрая смѣна настроеній, темповъ, ритмовъ, тональностей, мажора и минора, которыя такъ свойственны музыкѣ Грига, связаны, можетъ быть, не только съ особенностями народной но[р]вежской музыки и личнаго генія композитора, но и съ чертами норве[ж]скаго національнаго характера. На это, между прочимъ, указываютъ слѣдующія строки изъ письма Грига къ его швейцарскому другу, содерж[а]щія ссылку на Брандеса:

«Ибсенъ и Бьёрнсонъ понимаютъ и выражаютъ норвежскій націона[ль]ный характеръ каждый совершенно по иному. Но я могъ бы воскликну

по этому поводу словами одной старой норвежской комедіи Гольберга: «Господа! Вы оба правы!» Иными словами Бьёрнсонъ и Ибсенъ дополняютъ другъ друга. Норвежскому народу—народу крестьянскому по преимуществу—свойственны черты рѣзкаго контраста. И вотъ въ то время какъ оптимистъ Бьёрнсонъ возвеличиваетъ свой народъ, пессимистъ Ибсенъ бичуетъ его. Композиторъ можетъ воспринять въ себя обѣ эти противоположности, нисколько не отклоняясь отъ истины... Художникъ долженъ быть гибкимъ; задача его—давать художественное выраженіе противоположнымъ воззрѣніямъ,—все равно, чувствуетъ ли онъ къ нимъ личную симпатію, или нѣтъ».

Правда, Григъ иногда повторяется; его искрящійся, чуждый правильныхъ линій, зигзагообразный стиль порой начинаетъ напоминать «манеру», но это уже судьба всѣхъ лириковъ по преимуществу, начиная отъ Шумана и кончая Чайковскимъ. При всемъ томъ Григъ никогда не бываетъ баналенъ; какъ Шопена, его не смѣшаешь ни съ кѣмъ, узнаешь со второго такта.

Главное же, его полная мелодіи, полная вдохновенія музыка всегда остается прежде всего *музыкой*, т.-е. чѣмъ-то такимъ, сущность чего коренится въ глубочайшихъ тайникахъ души человѣческой и что въ то же время ничѣмъ другимъ въ мірѣ, кромѣ звуковъ, не можетъ быть выражено. Въ то время какъ «творческая энергія большинства европейскихъ композиторовъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Листа и Вагнера, въ послѣдніе полвѣка обратилась на сочиненіе музыки литературной, философской, исторической, экзотической, археологической, драматической, сверхчеловѣческой и т. п., Григъ, по выраженію новѣйшаго его критика Е. П—скаго, спокойно и увѣренно продолжалъ сочинять музыку просто человѣческую, просто «музыкальную»». За кѣмъ будущее—рѣшитъ потомство.

Григъ не принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ «плодовитыхъ» композиторовъ. Въ мудромъ самоограниченіи талантъ его почти не затрагивалъ широкихъ формъ оперы, симфоніи, ораторіи, но и въ маломъ умѣлъ быть великимъ, создавать небывалое, неподражаемое. Перечень его сочиненій заключаетъ, какъ принято говорить въ музыкальномъ мірѣ, 74 «опуса», да еще нѣсколько вещей, не вошедшихъ въ нумерацію опусовъ. Въ каждомъ изъ опусовъ обыкновенно по нѣсколько пьесъ (отъ 3—4 до 12). Большинство этихъ пьесъ—фортепіанныя вещи и романсы; есть сочиненія для камернаго ансамбля, оркестровыя произведенія, пьесы для пѣнія съ оркестромъ, хоры и др.

Крупнѣйшимъ среди фортепіанныхъ сочиненій Грига является пользующійся міровой извѣстностью концертъ (съ сопровожденіемъ оркестра). Здѣсь Григу удалось избѣжать обычныхъ недостатковъ подобнаго рода произведеній, которыя большей частью являются или парадно-виртуозной пьесой для піаниста, или же симфоніей съ выдвинутой фортепіанной пар-

тіей. Фортепіано и оркестръ одинаково самостоятельны и важны у Грига, что не мѣшаетъ имъ органически сливаться въ единое высшее музыкальное цѣлое. И какая при этомъ оригинальность содержанія отъ перваго такта до послѣдняго, какой блестящій, смѣлый и въ то же время простой фортепіанный стиль! Стиль, достойный занять самостоятельное мѣсто даже рядомъ съ фортепіаннымъ стилемъ Листа, который, несомнѣнно, кое въ чемъ на немъ отразился.

Григъ, кстати сказать, самъ былъ превосходный піанистъ (ученикъ матери, Венцеля и Мошелеса). Вотъ что говоритъ извѣстный вѣнскій критикъ Гансликъ объ игрѣ Грига: «Его совершенно особая, индивидуальная игра отличается удивительной мягкостью и прелестью; онъ играетъ, какъ поэтъ, видящій въ роялѣ своего интимнаго друга, а не какъ тиранъ инструмента и не какъ рабъ его. Техника его при этомъ безукоризненна и закончена». Неудивительно, что фортепіанныя сочиненія Грига такъ отвѣчаютъ природѣ инструмента, такъ удобны для хватки, такъ превосходно звучатъ.

Такимъ именно простымъ, звучнымъ и сподручнымъ является григовскій стиль и въ остальныхъ его фортепіанныхъ вещахъ, къ числу которыхъ относятся: соната, 10 тетрадей «Лирическихъ пьесъ», оригинальная сюита «Картинки народной жизни», премилая сюита въ старинномъ стилѣ «Изъ временъ Гольберга», народные танцы и пѣсни, баллада (норвежская тема съ варіаціями), фортепіанныя переложенія собственныхъ романсовъ и многое другое (всего около 150 пьесъ).

Въ народныхъ танцахъ и пѣсняхъ (op. 17, 35, 64, 66, 72) темы—подлинно-народныя, Григъ только излагаетъ ихъ. Но излагаетъ такъ оригинально, такъ свѣжо, что сразу накладываетъ на нихъ свою личную печать, не менѣе сильную, чѣмъ та печать, которую, въ свою очередь, налагаютъ на самого композитора народныя темы. Фортепіанная соната (съ восхитительнымъ менуэтомъ)—одно изъ раннихъ сочиненій Грига. При всѣхъ своихъ достоинствахъ она не относится къ числу наиболѣе оригинальныхъ его произведеній. На другихъ фортепіанныхъ сочиненіяхъ останавливаться не стану. Перечислю только нѣсколько выдающихся пьесъ (главнымъ образомъ изъ «Lyrische Stücke») для тѣхъ, кто мало знакомъ съ Григомъ и захотѣлъ бы пополнить этотъ пробѣлъ. Таковы брызжущій жизнью гимнъ веснѣ «An den Frühling»; живая, характерная картинка народнаго веселья «Hochzeitstag auf Troldhaugen» («День свадьбы въ Трольхаугенѣ»); полная глубокаго чувства пѣснь любви (не страсти!) «Erotik»; фантастически-живой «Zug der Zwerge» («Шествіе карликовъ»); причудливо эффектн «Перезвонъ» («Glockengeläute»); нѣжный «Мотылекъ» («Schmetterling» прочувствованное «На родинѣ» («In der Heimat»); полное мечтательны гармоній «Notturno»; изящный «Albumblatt»; «Norwegischer Brautzu («Норвежскій свадебный поѣздъ»); «Einsamer Wanderer»; «Elegie»; «Dan «Herzenswunden»; «Heimwärts»; «Volksweise» (Fis-moll); «Hirtenknabe» и Нѣсколько пьесъ Григъ написалъ также для фортепіано въ 4 руки: рома

съ варіаціями; превосходные «Норвежскіе танцы»; два «вальса-каприса»; «симфоническіе танцы». Онъ приписалъ также партію второго фортепіано къ 4 сонатамъ Моцарта.

Среди оркестровыхъ сочиненій Грига наибольшей извѣстностью пользуются двѣ сюиты къ «Peer Gynt'у» Ибсена, особенно первая. Нѣтъ, вѣроятно, того оркестра въ мірѣ, который не игралъ бы ее. Полуфантастическая пьеса Ибсена «Перъ-Гинтъ»—одно изъ тѣхъ произведеній, которыя могутъ быть поняты и оцѣнены только на родинѣ. Въ Норвегіи немало людей, которые считаютъ «Перъ-Гинта» чуть ли не величайшимъ произведеніемъ Ибсена, но внѣ предѣловъ Норвегіи пьеса эта не могла вызвать къ себѣ хотя бы вниманія. И если теперь имя «Перъ-Гинтъ» такъ популярно во всемъ культурномъ мірѣ, то, конечно, благодаря Григу, а не Ибсену. Перъ-Гинтъ—сынъ бѣдной Озы, причудливый, полудикій фантазеръ, мечтающій о томъ, чтобы сдѣлаться владыкой міра. Онъ похищаетъ Ингридъ съ ея свадебнаго торжества и черезъ день бросаетъ ее; покоряетъ сердце златокудрой, чистой духомъ Сольвейгъ, но, не въ силахъ противиться влеченію злыхъ началъ, покидаетъ ее; попадаетъ въ пещеру къ горному королю и его дочери-принцессѣ, гдѣ чуть не погибаетъ; какимъ-то образомъ оказывается въ Аравіи, гдѣ плѣняетъ сердце Анитры, дочери бедуинскаго шейха; и, наконецъ, послѣ множества приключеній попадаетъ обратно въ Норвегію, гдѣ и умираетъ на рукахъ вѣрной Сольвейгъ.

Къ «Перъ-Гинту» Григъ по предложенію Ибсена написалъ музыку, состоящую изъ 22 нумеровъ для оркестра и для пѣнія. Половина этихъ нумеровъ (мелкіе) до сихъ поръ не напечатаны. Изъ крупныхъ же нумеровъ сдѣланы двѣ сюиты. Каждая состоитъ изъ четырехъ частей. Первую составляютъ: идиллически-бодрое, свѣжее «Утро», полная безысходнаго горя «Смерть Озы», изящнѣйшая «Пляска Анитры», въ высшей степени характерная романтическая картинка «Въ пещерѣ горнаго короля»; вторую: «Похищеніе невѣсты», «Жалоба Ингридъ», «Арабскій танецъ», «Буря и возвращеніе Перъ-Гинта на родину», «Пѣсня Сольвейгъ». Кромѣ развѣ «Арабскаго танца», здѣсь, что ни пьеса, то вдохновенный шедевръ музыкальной выразительности и образности. Особенно хороши первыя четыре пьесы и послѣдняя, къ которой мы еще вернемся. Конечно въ полной своей силѣ и красѣ онѣ могутъ предстать только въ оркестрѣ, но понятіе о нихъ можетъ дать и превосходное фортепіанное переложеніе автора.

Изъ оркестровыхъ пьесъ Грига надо еще упомянуть объ увертюрѣ «Осенью» и о переложеніяхъ, главнымъ образомъ, для струннаго оркестра—)бственныхъ фортепіанныхъ пьесъ и романсовъ. Сюда относятся элегичекія мелодіи, лирическія пьесы, народные танцы, сюита въ старинномъ стилѣ Изъ временъ Гольберга» и др. Симфоній, какъ уже сказано выше, Григъ э оставилъ. Существуютъ только въ фортепіанномъ переложеніи двѣ части ъ его ранней неоконченной симфоніи,—такъ называемые «Zwei simphoіche Stücke» (въ 4 руки), и эта превосходная музыка, вмѣстѣ съ тонмъ мастерствомъ инструментовки, которое обнаружено Григомъ въ дру-

гихъ его оркестровыхъ сочиненіяхъ, заставляютъ призадуматься, дѣйствительно ли самоограниченіе Грига было въ этомъ отношеніи мудрымъ, какъ я его раньше назвалъ.

Для камернаго ансамбля (т.-е совмѣстной игры нѣсколькихъ инструментовъ) Григъ написалъ, по латинской поговоркѣ, non multum sed multa. Всего въ этой области создано имъ три сонаты для скрипки съ фортепіано, одна соната для скрипки съ віолончелью, да квартетъ для струнныхъ инструментовъ. Сочиненія эти принадлежатъ къ наиболѣе совершенному и сильному, что создано Григомъ. Композиторъ сумѣлъ здѣсь удивительно сочетать старыя классическія формы—въ ихъ основныхъ чертахъ—со свойственной ему безграничной свободой, новизной и смѣлостью содержанія. Это—какія-то полусонаты, полурапсодіи, дѣлающія одинаковую честь и простому норвежскому сердцу Грига и его изощренному, европейски-культурному «музыкальному уму».

Каждая изъ трехъ скрипичныхъ сонатъ не похожа на другую, хотя каждая—типичный Григъ. Жизнерадостная первая (ор. 8),—какъ бы созданіе юноши, видящаго только свѣтлыя стороны жизни. Вторая (ор. 13)—скорѣе твореніе мужа, познавшаго и оборотную сторону бытія—тоску и разочарованія. Въ ней чувствуется трагизмъ, и оттого, говоритъ Шьельдерупъ, «ее можно назвать болѣе норвежской, ибо норвежецъ, не вѣдавшій трагическаго настроенія, не настоящій норвежецъ». Третья соната (ор. 45) отличается наиболѣе широкимъ размахомъ, наибольшей оригинальностью, страстностью, силой. Это—настоящая «героическая соната». Поразительно смѣлъ струнный квартетъ Грига, во многомъ отступающій отъ старыхъ квартетныхъ традицій, но свѣжій, мощный, красивый.

Для пѣнія Григъ написалъ очень много, но оперы, какъ уже сказано выше, не сочинилъ ни одной. Въ этомъ отношеніи норвежскіе композиторы, причисляя къ Григу и такихъ видныхъ его товарищей, какъ Свендсенъ и Синдингъ, являются полною противоположностью русскимъ. Глинка, создавшій русскую музыку, прежде всего—оперный композиторъ; то же слѣдуетъ сказать и о его ближайшихъ современникахъ и преемникахъ: Даргомыжскомъ и Сѣровѣ. Норвежской же оперы и по сію пору почти не существуетъ.

Впрочемъ, Григъ думалъ написать оперу «Олафъ Тригвасонъ» и даже началъ ее. До этого Григъ уже написалъ музыку (соло, хоры и оркестръ) на два большихъ стиховоренія Бьёрнсона «Vor der Klosterpforte» и «Landerkennung». Эта превосходная музыка привела въ такое восхищеніе Бьёрнсона, что тотъ самъ предложилъ Григу написать для него оперное либретт[illegible] Скоро первый актъ либретто «Олафа Тригвасона» (на сюжетъ изъ древн[illegible] норвежской жизни) былъ готовъ, и Григъ взялся за работу. Но затѣм[illegible] Бьёрнсону сюжетъ «Олафа Тригвасона», повидимому, разнравился, онъ [illegible] бросилъ его и принялся за какую-то современную комедію. На чувст[illegible] тельнаго Грига это такъ подѣйствовало, что онъ на нѣсколько лѣтъ пе[illegible] сталъ встрѣчаться съ Бьёрнсономъ. Нѣсколько отрывковъ, написанн[illegible]

Григомъ къ «Олафу Тригвасону», приспособлены къ концертному исполненію и заставляютъ жалѣть, что Григъ, вслѣдъ за Бьёрнсономъ, забросилъ «Олафа Тригвасона».

Для пѣнія съ оркестромъ написаны Григомъ еще превосходныя пьесы «Der Bergentrückte» («Der Einsame»), «Sigurd Iorsalfar»; кромѣ того, большая сцена «Bergliot» для декламаціи съ оркестромъ и хоры безъ оркестра. Все это пьесы почти неисполняемыя и наименѣе извѣстныя у насъ, но вполнѣ достойныя иной, лучшей участи, которой, безъ сомнѣнія, когда-либо и дождутся.

Зато о романсахъ Грига нельзя сказать, чтобы они были у насъ невѣдомы. Впрочемъ, сколько перловъ и здѣсь скрыто еще для большой публики подъ спудомъ! По-искренности, тонкому совершенству формы и оригинальности музыкальнаго выраженія романсы Грига принадлежатъ къ лучшему, что когда-либо было создано въ этой области. Имя его здѣсь должно быть названо непосредственно вслѣдъ за именами величайшихъ романсистовъ Запада—Шуберта и Шумана.

Всего Григъ написалъ около 130 романсовъ, главнымъ образомъ на слова норвежскихъ и датскихъ поэтовъ (Ибсена, Бьёрнсона, Винье, Драхмана, Андерсена и др.).

Въ романсахъ этихъ любовь играетъ меньшую роль, чѣмъ въ романсахъ другихъ лириковъ; романсы въ этомъ родѣ относятся преимущественно къ раннему періоду творчества композитора и вдохновлены любовью къ Нинѣ Хагерупъ, ставшей впослѣдствіи его женой.

Извѣстнѣйшій изъ такихъ романсовъ, «Люблю тебя», въ шумановскомъ родѣ. Какъ онъ ни запѣтъ, но мало есть равныхъ ему по силѣ, благородству и теплотѣ выраженнаго чувства. Тѣми же достоинствами, но еще и поразительной оригинальностью отличаются также очень извѣстныя «Колыбельная Сольвейгъ» и особенно «Пѣсня Сольвейгъ» (изъ «Перъ-Гинта»). Въ этой пѣснѣ Сольвейгъ груститъ по миломъ, но затѣмъ просвѣтляется надеждой на встрѣчу. Это одна изъ самыхъ задушевныхъ и поэтическихъ пѣсенъ, которыя когда-либо были написаны; ея сложная простота, гармоническая тонкость, мелодическая свѣжесть въ высшей степени характерны для «лучшаго» Грига. Разъ узнавъ ее, нельзя не полюбить композитора, не заинтересоваться его другими сочиненіями!

Останавливаться на другихъ романсахъ Грига здѣсь нѣтъ возможности. Перечислю только нѣсколько выдающихся, причемъ, разумѣется, это перечисленіе требуетъ такой же оговорки, какъ и сдѣланное раньше перечисленіе фортепіанныхъ пьесъ. И тамъ, и здѣсь подборъ покажется ино-, пожалуй, слишкомъ субъективнымъ, неполнымъ. Это, можетъ быть, справедливо, но въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжно.

Да среди романсовъ Грига совсѣмъ слабыхъ и нѣтъ; есть только отно-гельно слабые, хорошіе и лучшіе. Къ послѣднимъ отношу глубокаго ебедя», «Принцессу», итальянское «Vom Monte Pincio», почти всѣ 12 ро-нсовъ въ 4-мъ альбомѣ (изд. Петерса, на слова Винье), особенно «Was sah», «Auf der Reise zur Heimat», «Der Frühling», «Der Verwundete»

(изъ этихъ двухъ сдѣланы также «Двѣ элегическія мелодіи для оркестра»); затѣмъ «Am schönsten Sommerabend», «Mit einer Primula veris»; «Dichters Herz», «Dank», «Verborgne Liebe» «Wieg' o Welle...» Нѣтъ, положительно невозможно указать все лучшее, ибо такъ много его!

Двѣ тетради романсовъ Грига остались послѣ его смерти неизданными и должны только теперь увидѣть свѣтъ. Въ бумагахъ покойнаго композитора нашлись еще болѣе или менѣе значительные отрывки фортепіаннаго тріо (законченное Andante), второго фортепіаннаго концерта, фортепіаннаго квинтета и кое-что изъ ораторіи «Миръ». Часть этихъ «посмертныхъ» сочиненій будетъ также напечатана.

Врядъ ли, однако, смогутъ они прибавить какія-либо существенно-новыя черты къ той характеристикѣ композитора, которую даютъ его уже извѣстныя сочиненія. Бо̀льшаго можно ждать отъ изданія писемъ композитора, которыя онъ, повидимому, писалъ въ изобиліи и въ которыхъ охотно бесѣдовалъ обо всемъ, что находило откликъ въ его отзывчивой, разносторонней душѣ.

У насъ, въ Россіи, Григъ пользуется особой любовью. Можетъ быть, здѣсь играетъ роль и то, что музыка его, какъ и наша русская, вспоена прежде всего родниками народнаго творчества, кое въ чемъ, можетъ быть, даже родственнаго нашему.

Непосредственность и искренность, характеризующія Грига, также намъ особенно дороги; въ этомъ отношеніи Григъ, какъ Ибсенъ и Бьёрнсонъ, составляющіе вмѣстѣ съ нимъ блестящую тріаду норвежскаго искусства, близокъ къ лучшимъ идеаламъ, завѣщаннымъ намъ исторіей русской литературы, русскаго искусства.

И если у Грига нѣтъ безстрашной, почти сверхчеловѣческой серьезности Ибсена, если онъ можетъ быть у̀же Бьёрнсона, къ которому однако гораздо ближе, чѣмъ къ Ибсену, по существу своего дарованія,—то все же съ неменьшей вѣрностью и очаровательностью, чѣмъ эти оба, сумѣлъ онъ воплотить въ своемъ искусствѣ духовный обликъ родного народа, его преданія, поэзію и природу.

Всѣмъ существомъ своимъ впиталъ онъ въ себя накопленную вѣками квинтъэссенцію народнаго творчества; пріобщилъ ее къ тысячелѣтней музыкальной европейской культурѣ, претворилъ въ душѣ вдохновеннаго пѣвца-рапсода, запечатлѣлъ печатью лирическаго генія,—и создалъ норвежскую художественную музыку, создалъ новую самостоятельную музыкальную школу.

Школа эта нашла уже своихъ преемниковъ и продолжателей: Свен-сена, Синдинга, болѣе молодыхъ Гальворсена, Шёгрена, Ольсена, Шьел-деруппа и другихъ.

Чѣмъ является эта музыка для родины Грига, мы видѣли,—и не даро[м] норвежцы боготворили Грига. Но она открыла также бездну новыхъ, [не]вѣдомыхъ красотъ и міровому искусству, въ исторіи котораго имя Гр[ига] навсегда останется однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ и оригинальны[хъ].

Ю. Эн[гель]

Профессіональная и политическая дѣятельность югославянскихъ учительскихъ союзовъ.

I.

Хорватскій союзъ.

Современный «Союзъ хорватскихъ учительскихъ дружествъ» образовался изъ «Учительской Задруги» (общества), основанной еще въ 1865 г. для матеріальной поддержки учительскихъ дѣтей, сиротъ. На съѣздахъ этой Задруги всегда чувствовалась учителями потребность объединиться на болѣе широкихъ задачахъ, на поддержкѣ общихъ интересовъ школы и учительства. По иниціативѣ Ивана Филипповича, загребскіе учителя организовали нѣсколько учительскихъ съѣздовъ—«скупштинъ» въ 1871—74 и 78 годахъ. Для организаціи ихъ самъ собою образовался центральный комитетъ—«одбор»; хотя и утвержденный администраціей, онъ носилъ чисто временный характеръ и не могъ руководить общей работой учителей. По резолюціи 2-го съѣзда (въ Петринѣ) стали организовываться отдѣльныя учительскія «дружества», но попрежнему чувствовалась крайняя нужда въ какомъ-нибудь общемъ руководящемъ центрѣ. Такую объединяющую ячейку создалъ тотъ же Иванъ Филипповичъ, предсѣдатель педагогическаго книгоиздательскаго общества въ Загребѣ. Онъ составилъ уставъ и созвалъ съѣздъ учителей въ 1884 г. въ честь десятилѣтія школьнаго закона 14 октября 1874 г. Уставъ былъ принятъ, и союзъ хорватскихъ учителей началъ функціонировать, объединяя въ себѣ учителей Хорватіи и Славоніи для достиженія общихъ цѣлей, для представительства передъ высшимъ начальствомъ путемъ петицій и ходатайствъ, какими успѣшно разрѣшались многоважные школьные и учительскіе вопросы. Союзъ соорудилъ въ Загребѣ цѣлый «Хорватскій учительскій домъ» въ 1889 г., который вмѣстѣ купленной подъ него землею обошелся учителямъ въ 208,975 кронъ. ...тъ домъ явился центромъ объединенія всего хорватскаго учительства; ...оря словами отчета построившаго его комитета: «онъ сталъ очагомъ, ...которомъ непрестанно горѣло живое яркое пламя, постоянно оживляю... и обогрѣвающее всѣ духовныя силы народныхъ учителей». Въ учи-

тельскомъ домѣ происходятъ засѣданія правленія союза, тутъ же помѣстилась прекрасно подобранная учительская библіотека и читальня; въ немъ собирается учительскій клубъ, тутъ же и книгоиздательское общество ведетъ свое широкое дѣло и размѣщаетъ свой богатый «школьный музей», имъ же пользуется и «общество вспомоществованія» и др. постепенно нарождающіяся кассы и общества для матеріальной и культурной помощи учителямъ. Изъ этихъ учрежденій особеннаго вниманія заслуживаетъ такъ называемый «хорватскій учительскій конвикатъ», или общежитіе для дѣтей учителей народныхъ школъ и учительскихъ школъ. Интересно слѣдить, какъ въ хорватскомъ учительствѣ самыя грандіозныя предпріятія созрѣвали всегда постепенно; такъ, первая идея о конвикатѣ была предложена предсѣдателемъ общества взаимной помощи учителей этой «Задруги» еще въ 1888 г. Степаномъ Бассаричкомъ, а въ 1900 г. на съѣздѣ Филипповичъ предложилъ разсмотрѣть правила конвиката; два года всѣ «дружества» разсматривали ихъ и на VII съѣздѣ утвердили въ 1892 г. и начали собирать средства для устройства этого дѣтскаго пріюта, привлекая членовъ-основателей, собирая добровольныя пожертвованія, устраивая разныя публичныя развлеченія и т. п. и, наконецъ, въ 1893 г. въ учительскомъ домѣ удѣлили нѣсколько комнатъ для временнаго первоначальнаго интерната учительскихъ дѣтей. Сначала принято было 6 питомцевъ, но съ каждымъ годомъ число желающихъ увеличивалось, и помѣщеніе оказалось слишкомъ тѣсно. Приходилось задумываться надъ расширеніемъ, и тотъ же предсѣдатель «Задруги» Степанъ Бассаричка предложилъ XIII съѣзду учителей построить отдѣльный домъ спеціально для интерната и получилъ разрѣшеніе съѣзда на собираніе денегъ и постройку дома. Средства даны были всѣми отдѣлами союза хорватскихъ учителей, но кромѣ того сдѣланъ былъ заемъ изъ государственнаго поземельнаго банка Хорватіи въ 24,000 кр., а весь домъ обошелся въ 58,277 к. и былъ уже черезъ годъ окончательно готовъ, въ 1899 г. Принято дѣтей учителей было до 60, но уже въ 1901 г. пришлось дѣлать пристройку, по окончаніи которой цѣнность дома и земли подъ нимъ будетъ въ 100,000 к. Управляетъ всѣми дѣлами интерната особый комитетъ, который назначаетъ и директора интерната.

Культурную помощь хорватскому учительству оказываетъ «книгоиздательское педагогическое общество»; оно основано было въ 1871 г. нѣсколькими учителями изъ Загреба и другихъ мѣстъ первоначально для изданія педагогическихъ книгъ, которыхъ на хорватскомъ языкѣ въ то время вовсе не было. Они начали свое книгоиздательство выпускомъ въ свѣтъ «Великой дидактики» Коменскаго, такъ какъ въ этомъ же 1871 г. празд[…]вался 200-лѣтній юбилей знаменитаго славянина-педагога. Составили [у]ставъ, получили разрѣшеніе отъ администраціи, обсудили новое предпрія[ті]е на общемъ учительскомъ съѣздѣ и принялись за работу. Новое общес[тв]о вступило въ сношенія съ иностранными учительскими книгоиздательств[ам]и и принялось составлять учительскую библіотеку. Пожертвованія книг[ам]и получены были очень богатыя отъ министра народнаго просвѣщенія въ [...]

дапештѣ и изъ Вѣны, изъ Бѣлграда отъ частныхъ лицъ и т. д. Рядомъ съ библiотекой правленiе общества собирало и предметы для педагогическаго музея (по физикѣ, минералогiи, анатомiи, географiи, ботаникѣ). Первыя изданiя хорватскаго книгоиздательскаго общества были школьными пособiями, книги и образцы для рисованiя для народныхъ школъ. Приходилось много хлопотать, чтобы эти пособiя одобрены были школьной администрацiей. Положенiе школьнаго дѣла, школьныя книги и учебники въ то время въ Хорватiи были въ самомъ плохомъ состоянiи. Общество энергично принялось за ихъ критику и требовало реформы всего школьнаго дѣла. Для этого ему необходимъ былъ постоянный перiодическiй органъ; оно купило издававшiйся съ 1859 г. въ Загребѣ журналъ *Napredk (Впередъ)* и сдѣлало его выразителемъ нуждъ всего хорватскаго учительства, выпуская его три раза въ мѣсяцъ.

Около этого времени австрiйское правительство пригласило представителей учительства всѣхъ австрiйско-венгерскихъ областей на съѣздъ и къ хорватскимъ учителямъ обратилось черезъ книгоиздательское общество, чтобы оно организовало представительство хорватскихъ учителей по два учителя отъ каждой жупанiи. Съѣхавшись въ Вѣнѣ, делегаты отъ книгоиздательскаго общества немедленно организовали совѣщанiе между всѣми учителями славянскихъ земель австрiйской имперiи. Въ этой конференцiи приняли участiе чехи, сербы, словинцы и хорваты. Все это поднимало духъ учительства, расширяло его горизонты, придавало энергiи для отстаиванiя общихъ интересовъ. Вслѣдъ за тѣмъ общими силами учителей издана была «Статистика хорватскихъ школъ», началъ издаваться дѣтскiй журналъ *Smilja* съ очень изящными иллюстрацiями, переведены были на хорватскiй языкъ дiететика д-ра Кленке, изданъ былъ трудъ С. Бассаричика: «Педагогiя» въ 3-хъ томахъ и много другихъ популярныхъ народныхъ книгъ. Къ концу 10 лѣтъ существованiя въ 1881 году книгоиздательство имѣло 320 дѣйствительныхъ членовъ и 1,005 соревнователей, своими взносами давшихъ до 8,000 гульденовъ. Дѣйствительными членами считаются только тѣ, которые, вступая въ общество, обязуются написать по порученiю его ту или иную книгу; соревнователи же распространяютъ изданiя общества и сами получаютъ ихъ безплатно за ничтожный взносъ 1 гульденъ въ годъ. Книгоиздательское общество пользовалось горячими симпатiями не только среди хорватскихъ учителей, но и въ Сербiи, Боснiи и друг. ближайшихъ славянскихъ странахъ, Далмацiи, Герцеговинѣ и др., откуда записывались въ члены общества и гдѣ распространялись его изданiя, такъ какъ они о брялись австрiйской школьной администрацiей къ употребленiю въ школ хъ и вытѣснили старые никуда негодные учебники. Въ 1886 г. на съѣздѣ ч нскихъ учителей и на обширной школьной выставкѣ въ Прагѣ особымъ п четомъ пользовались изданiя «Хорватскаго книжевного збора». Оно было е нственнымъ въ то время обществомъ во всей славянской Австро-Венг и, которое стояло во главѣ всего передового учительства и поддерживало в его нужды и передовые запросы народнаго образованiя. По его же

иниціативѣ на общемъ экстренномъ съѣздѣ учителей былъ пересмотрѣнъ весь школьный законъ 1874 г. Всѣ заключенія съѣзда по этому пересмотру были отпечатаны и въ *Napredku* и отдѣльной брошюрой и широко распространены и въ пародѣ и между всѣми общественными дѣятелями Хорватіи. Въ 1888 г. «Зборъ» объединился со всѣмъ союзомъ хорватскихъ народныхъ учителей и съ обществомъ взаимопомощи учителей и сообща съ ними заботился о постройкѣ вышеупомянутаго «учительскаго дома».

Преслѣдуя свое чисто профессіональное дѣло, «Зборъ» сумѣлъ стать такой крупной общественной національной хорватской организаціей, которая пользовалась большимъ нравственнымъ авторитетомъ и въ учительскомъ мірѣ всего юго-западнаго славянства, и передъ австрійской администраціей. Названное общество принимало участіе во всѣхъ національныхъ торжествахъ—въ чествованіи разныхъ писателей, сельско-хозяйственныхъ выставкахъ и т. п.; возрождало національное сознаніе своего народа, не только создавая ему независимую педагогическую учебную и дѣтскую литературу на его родномъ языкѣ, но и пробуждая національную эстетику, собирая и издавая народныя пѣсни, народныя игры, народные узоры,—изъ всего этого дѣлая могущественное педагогическое пособіе, національизирующее школу, вносящее въ школу живой элементъ народнаго творчества. «Оглядываясь за 30 лѣтъ на свою дѣятельность (говорится въ лѣтописи этого общества), «Зборъ» можетъ со спокойной совѣстью сказать себѣ, что работа его принесла много пользы хорватскому учительству, которое за эти тридцать лѣтъ—1871—1901 гг. далеко ушло впередъ: расширило свои интересы, подняло свое образованіе и умственное развитіе». Въ 1899 г., при перемѣнѣ предсѣдателя, новый президентъ «Збора» выставилъ XXVIII съѣзду хорватскихъ учителей цѣлый рядъ задачъ, какихъ онъ будетъ добиваться за время своего предсѣдательства: 1) объединеніе всѣхъ учительскихъ дружествъ и всѣхъ теченій въ средѣ ихъ; 2) направленіе ихъ всѣхъ къ одной задачѣ; 3) огражденіе и достоинства и интересовъ учительства; 4) основаніе «Posmertni zadruge», т.-е. кассы вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ учителей; 5) учрежденіе товарищескаго суда; 6) основаніе школьнаго музея; 7) составленіе школьныхъ книгъ по исторіи и библіографіи, по педагогикѣ, дидактикѣ и исторіи народныхъ школъ; 8) основаніе учительской типографіи для изданія своихъ книгъ, журналовъ, объявленій и т. п.; 9) усиленіе издательской дѣятельности «Збора»; 10) изданіе журнала для семейнаго чтенія; 11) объединеніе всѣхъ школьныхъ газетъ въ одинъ школьный органъ; 12) расширеніе программы *Napredka* и превращеніе его въ еженедѣльнй органъ; 13) возможно большее его распространеніе въ а-родѣ; 14) расширеніе библіотеки и учительской читальни.

Такая обширная программа доказываетъ работоспособность «Збор[illegible] и увѣренность въ своихъ силахъ. Дѣйствительно, уже черезъ годъ было [illegible]-ступлено къ устройству одного изъ самыхъ сложныхъ предпріятій, къ ш[illegible]-ному музею. Мысль объ устройствѣ этого музея высказывалась среди к[illegible]-наго «Збора» еще въ 70-хъ годахъ, но осуществить ее удалось [illegible]ко

въ 1900 году и непосредственнымъ толчкомъ къ этому послужила парижская всемірная выставка, на которой былъ прекрасный отдѣлъ хорватскаго народнаго образованія. Весь этотъ отдѣлъ, по возвращеніи его въ Загребъ, былъ переданъ министерствомъ въ распоряженіе книгоиздательскаго общества и послужилъ началомъ и основаніемъ 1-го хорватскаго школьнаго музея. Для помѣщенія его въ учительскомъ домѣ былъ отданъ цѣлый рядъ комнатъ во второмъ этажѣ. Пожертвованія предметами и деньгами поступали и отъ правительства, и отъ разныхъ учрежденій, и отъ частныхъ лицъ; для завѣдыванія имъ былъ избранъ отдѣльный комитетъ и выработанъ уставъ для его храненія, пополненія и пользованія имъ. Теперь въ этомъ школьномъ музеѣ заключается на 60,000 кр. предметовъ—педагогическихъ пособій по всѣмъ отраслямъ знанія, образцовъ народной техники и искусства, этнографическихъ фигуръ и т. п.—и книгъ на 2,555 кр. При этомъ музеѣ есть еще очень интересный архивъ разныхъ рукописей, школьныхъ записей, протоколовъ, писемъ и т. п. матеріаловъ, относящихся къ исторіи развитія школьнаго дѣла въ Хорватіи въ теченіе всего XIX вѣка.

Такова профессіонально-культурная дѣятельность хорватскаго союза учителей и находящагося съ нимъ въ непосредственной связи книгоиздательскаго общества. Ни въ отчетахъ, ни въ уставахъ ихъ нѣтъ никакого намека на политическую дѣятельность, видна лишь настойчивая единодушная работа къ одной опредѣленной цѣли: улучшеніе своей національной школы и умственный и экономическій подъемъ учительства. Въ такомъ же профессіональномъ направленіи, но далеко не такъ многосторонне и не съ такой выдержкой работаетъ сербскій учительскій союзъ, имѣющій два центра своей дѣятельности—Бѣлградъ и Крагуевацъ.

II.

Сербскій учительскій союзъ.

Сербскій союзъ учителей моложе хорватскаго, онъ только въ 1906 г. праздновалъ свой 25-лѣтній юбилей. Отчеты того и другого союза рѣзко различаются слогомъ: насколько у хорватовъ тонъ сухой, дѣловой и самоувѣренный, настолько у сербовъ постоянно звучитъ лирическая нотка: широкія объединительныя стремленія по отношенію не только сербскаго, но и всего юго-славянскаго учительства. Хотя его оба печатные органа *Учитель*—ежемѣсячный журналъ, издаваемый въ Бѣлградѣ, и *Просве*-.—еженедѣльная газета, выходящая въ Крагуевацѣ, стараются докагь, что всякій учительскій союзъ долженъ совершенно отказаться отъ иитическихъ партійныхъ задачъ и всецѣло заняться преслѣдованіемъ іѣхъ своихъ профессіональныхъ задачъ, но въ дѣятельности самаго со- ı въ теченіе 25 лѣтъ не разъ проявлялись и не профессіональныя выпленія, какъ, напримѣръ, резолюція XVIII общаго учительскаго съѣзда ı «скупштины» въ Бѣлградѣ о гоненіяхъ и несчастномъ положеніи сер-

бовъ въ Македоніи и Старой Сербіи въ 1901 г., или оказаніе помощи преслѣдуемымъ администраціей ученикамъ учительскихъ семинарій и т. п. Да и первая идея объ организаціи сербскаго учительства въ одинъ дружный союзъ вышла изъ кружка молодыхъ учителей, «одушевленныхъ соціалистическими радикальными началами», которые считали необходимымъ звать учителей къ знанію, къ образованію, къ пониманію народной жизни, къ служенію народному благу. Первое время, по словамъ отчета, правительство сербское очень подозрительно относилось къ учительскому союзу, сорганизовавшемуся въ 1881 году. «Учителя не могли не принимать участія въ той борьбѣ, которая велась въ то время въ Сербіи за свободу; учителя, какъ сознательные граждане, не могли оставаться къ ней равнодушны и являлись активными дѣятелями тѣхъ политическихъ прогрессивныхъ партій, какія боролись за осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ», и, конечно, правительство не щадило учителей и сыпало на нихъ своими притѣсненіями, карами и возмездіями.

Учителей, поступавшихъ въ союзъ, перемѣщали на худшія мѣста, повторяли эти перемѣщенія безъ всякаго повода, къ съѣздамъ учителей министръ народнаго просвѣщенія относился крайне неодобрительно, не хотѣлъ утвердить устава учительскаго союза, находя его несоотвѣтствующимъ задачамъ учительской организаціи. Самые видные дѣятели союза подвергались особенно сильнымъ преслѣдованіямъ и высылкамъ, такъ что часто въ первые годы жизни союза его правленіе не могло составиться изъ намѣченныхъ скупштинами наиболѣе полезныхъ людей, и они часто замѣнялись не вполнѣ подходящими. Все это, конечно, мѣшало благопріятному развитію союза. Особенно провинціальныя «дружества»—группы—подвергались притѣсненіямъ за свою солидарность съ борцами за политическую свободу Сербіи: много разъ приходилось союзной кассѣ поддерживать именно тѣхъ товарищей, которыхъ администрація лишала куска хлѣба, удаляя съ учительскихъ мѣстъ. Конечно, за 25 лѣтъ эти отношенія съ администраціей потеряли свою остроту, да и Сербія пользуется въ настоящее время лучшимъ политическимъ строемъ, чѣмъ за блаженную память князя Милана и его фамиліи.

Этимъ и можно объяснить ту горячую статью въ пользу исключительно профессіональной работы сербскаго учительства, какая напечатана въ декабрьской книжкѣ *Учитель*—«Одстранимо политику од учительског удруженьа».

Авторъ страшится причастія союза къ политикѣ, потому что оно повело бы за собой участіе учителей союзниковъ въ разныхъ политическихъ партіяхъ, а такъ какъ между партіями всегда идутъ несогласія, то э' несогласія переносились бы и на съѣзды союза и нарушали бы то нес ходимое единодушіе, стойкость организаціи, какія только и даютъ сил необходимую учительскому союзу для достиженія своихъ двухъ зада' улучшенія положенія народнаго образованія и улучшенія положенія роднаго учителя. «Учительскій союзъ,—говоритъ авторъ статьи,—мо

быть полезнымъ и имѣть успѣхъ только пока онъ остается строго профессіональнымъ союзомъ, пока служитъ только интересамъ школы и учительства, а вовсе не задается цѣлями политическихъ партій. Каждый учитель, вступившій въ нашъ союзъ, намъ милъ и дорогъ независимо отъ его политическаго самоопредѣленія. Отстранимъ же отъ нашего союза всякую политическую партійность! Этого требуютъ и наши профессіональные и наши національные интересы и постараемся въ одинъ прочный союзъ объединить не только все наше сербское, но и все юго-славянское учительство!»

Эта мечта объединенія южныхъ славянскихъ учителей выражалась сербскимъ учительскимъ союзомъ уже много разъ и въ настоящее время повидимому близится къ осуществленію: на 25-лѣтній юбилей учительскаго союза пріѣхали его привѣтствовать многіе братья-товарищи: изъ Босніи, Герцеговины, Черногоріи, Старой Сербіи и Македоніи, Хорватіи, Славоніи, Крайны, Далмаціи. Такимъ образомъ составился первый югославянскій учительскій съѣздъ, на которомъ представители каждой народности дѣлали очень интересные доклады о состояніи народнаго образованія въ этихъ славянскихъ странахъ и о положеніи учителя въ нихъ. Сколько общаго горя, общихъ страданій вскрылось тутъ, сколько наболѣвшаго національнаго горя звучало въ этихъ обзорахъ самаго дорогого для каждаго народа дѣла—его просвѣщенія. Сколько героевъ самоотверженно погибли, добывая своему народу такъ тѣсно связанное съ народной свободой народное національное образованіе. Всѣ почтили память погибшихъ въ этой славной борьбѣ учителей Македоніи и Старой Сербіи и совершенно естественно вынесли въ концѣ съѣзда резолюцію о необходимости широкаго объединенія учителей всѣхъ юго-славянскихъ національностей для общей цѣли поднятія интеллектуальнаго, матеріальнаго и правового положенія учителя и поднятія народной школы. Органомъ этого объединенія рѣшили признать журналъ *Учитель*.

А на другой день по окончаніи сербскаго учительскаго съѣзда представители разныхъ славянскихъ народностей составили небольшую конференцію (7 августа 1906 г.), на которой уже опредѣленно высказались, что «присутствовавшіе на сербскомъ съѣздѣ учителя сербы, хорваты, болгаре, словинцы выражаютъ единодушное желаніе организовать объединеніе между юго-славянскими учителями и предлагаютъ эту идею поднять и обсудить во всей славянской прессѣ съ тѣмъ, чтобы въ августѣ 1907 г. созвать уже вполнѣ полномочную югославянскую конференцію учителей».

Защищая идею объединенія юго-славянскаго учительства, главный ея иниціаторъ и защитникъ — Ивановичъ видитъ нѣкоторое препятствіе для ея практическаго легальнаго осуществленія въ томъ, что не во всѣхъ славянскихъ государствахъ школа пользуется одинаковыми національными правами—не вездѣ школа пользуется своимъ роднымъ языкомъ для преподаванія. «Но пора уже государственнымъ властямъ,—пишетъ Ивановичъ:—понять, что допущеніе родного языка въ школу только идетъ на пользу

государственнымъ интересамъ всѣхъ странъ. Самыя культурныя современныя государства: Швейцарія, Сѣверо-Американскіе Штаты (и Австралійскіе Штаты, прибавимъ мы), даютъ намъ наглядный примѣръ, какъ въ одномъ государствѣ въ полномъ довольствѣ могутъ развиваться разныя народности, достигая каждая своего высшаго культурнаго прогресса. Преслѣдованія народныхъ языковъ пора отнести къ старымъ традиціямъ, которыя давно должны смѣниться болѣе здравыми понятіями. Современная ступень человѣческой культуры съ непреодолимой силой топчетъ всѣ старыя, тѣсныя для нея начала и по всему свѣту водворяетъ новыя широкія начала народной (національной) свободы *).

Въ силу этого Ивановичъ думаетъ, что правительству (Австро-Венгріи и Турціи) нечего противодѣйствовать союзу, преслѣдующему однѣ культурныя задачи, которыя тѣсно связаны съ развитіемъ національнаго сознанія каждаго народа, а для сербовъ необходимо удовлетвореніе своихъ національныхъ правъ во всѣхъ земляхъ, гдѣ они живутъ. «По нашему твердому убѣжденію сербскіе учителя,—говоритъ дальше Ивановичъ,—не остановятся ни передъ какими препятствіями и затрудненіями, откуда бы они ни вставали: «Без муке се песма не испоjа». А для того, чтобы разогнать тьму народнаго невѣжества, чтобъ поднять высоко значеніе народнаго учителя, надо много и много работать на общемъ національномъ дѣлѣ».

Нельзя не видѣть въ этомъ совершенно естественномъ и нормальномъ стремленіи сербскаго учительскаго союза объединиться съ близкими славянскими товарищами не только профессіональное, но и политическое выступленіе огромной важности: южное славянство, такъ много выстрадавшее отъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей—турокъ, нѣмцевъ, мадьяръ и др., теперь въ лицѣ своихъ народныхъ учителей провозглашаетъ великій лозунгъ объединенія, «Дружества» вокругъ того именно дѣла, правильное развитіе котораго только и можетъ дать силу всѣмъ народамъ идти рука объ руку къ свободѣ и независимости. Югославянскіе учителя, борясь за народную школу, тѣмъ самымъ завоевываютъ мирнымъ путемъ національную независимость своихъ народовъ и ведутъ ихъ къ свободѣ черезъ школу. Ихъ примѣръ невольно заставляетъ и русскихъ учителей задуматься. Россія тоже не однородное тѣло: она населена самыми разнообразными народностями; централизмъ и произволъ администраціи заглушилъ много культурныхъ силъ разныхъ народностей, невѣжество и угнетеніе довели многихъ до озвѣрѣнія и вызвали братоубійственныя распри и столкновенія между сосѣдними народами—кому, какъ не учителямъ, начать велику работу примиренія и объединенія всѣхъ народовъ Россіи вокругъ незав симой, родной для каждаго народа школы.

Покрыть Россію цѣлой сѣтью національныхъ учительскихъ союзовъ

*) См. отд. оттискъ реферата Ивановича: „О сазиваньу општих Српских У тельских зборова“, Крагуевац, 1904.

вернуть всѣмъ народамъ Россіи то, что каждому народу дороже всего—его родную рѣчь и культуру—вотъ вѣрный путь для разсѣянія всякихъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ предразсудковъ и дружескаго объединенія всѣхъ народовъ Россіи...

Въ дѣятельности сербскаго учительскаго союза особое значеніе имѣли ежегодные съѣзды—скупштины, на рѣшеніе которыхъ подвергались всѣ дѣла союза. Они собирались не только въ Бѣлградѣ, но и по другимъ городамъ Сербіи, и вездѣ жители оказывали учителямъ самое широкое гостепріимство, сами приходили на засѣданія съѣзда послушать, о чемъ разсуждаютъ эти беззавѣтные труженики-учителя. Такое единеніе учительства съ провинціальнымъ обществомъ немало способствовало распространенію прогрессивныхъ идей и началъ дѣятельности союза. Одинъ изъ участниковъ такого съѣзда съ большимъ лиризмомъ отзывается о немъ на страницахъ того же *Учителя:*

«Трудно иному учителю выбраться изъ своего глухого угла до желѣзнодорожной станціи, отстоящей иногда и на 120 километровъ. Но онъ идетъ отъ холодныхъ стѣнъ своей одинокой «кучи» на братское собраніе; такъ долго одинокій, онъ встрѣчаетъ тамъ братьевъ и сестеръ, онъ самъ умственно пробуждается, у него точно крылья выростаютъ въ этой просвѣщенной средѣ; онъ начинаетъ сознавать свою роль просвѣтителя, счастьемъ и вѣрой переполняется его сердце въ этомъ единеніи съ столь многочисленными товарищами. То, о чемъ онъ только грезилъ во снѣ въ долгія осеннія ночи въ своемъ уединеніи, теперь стало дѣйствительностью, хотя бы и на короткое время. Не одинъ онъ идетъ тернистой дорогой, нѣтъ, многочисленное войско сѣятелей народнаго просвѣщенія идетъ стройно и дружно впередъ. Скоро пожнутъ они плоды своихъ тяжкихъ трудовъ, своихъ безсонныхъ ночей, своей жизни впроголодь, и пока они вмѣстѣ, будущее вездѣ будетъ имъ принадлежать. И бодро возвращается учитель въ свое село, въ свою школу для великаго дѣла любви и народнаго пробужденія» *)...

Въ настоящее время сербскій учительскій союзъ имѣетъ 1,120 членовъ (дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ), изъ нихъ неучителей почти $1/3$ (322 ч.). Союзъ за 25 лѣтъ собралъ 334,977 дин., а истратилъ 257,895 дин. Онъ имѣетъ свой союзный домъ въ Бѣлградѣ, свое книгоиздательство, свой школьный небольшой музей и свою учительскую библіотеку и читальню, въ которой получаются журналы и газеты всѣхъ славянскихъ земель. Къ сожалѣнію, самая крупная славянская страна—[illegible]сія—съ 1894 г. не присылаетъ сербскому учительскому союзу ника[illegible]ъ ни книгъ, ни газетъ, и только въ 1906—7 году всероссійскій [illegible]озъ учителей, вступивъ въ сношенія со всѣми славянскими учитель[illegible]ми союзами, сталъ посылать свои изданія и въ сербскія редакціи [illegible]*тель* и *Просвета*. Изъ своей кассы взаимопомощи союзъ поддержи-

---

См. *Учитель*, 1907 г., № 3.

ваетъ не только попавшихъ въ бѣду товарищей, но и вдовъ, и сиротъ умершихъ учителей. Въ союзѣ объединено 29 отдѣльныхъ группъ; интенсивность работы въ нихъ, конечно, очень разная; однѣ собирались за всѣ 25 лѣтъ раза 2—3, другія по 11, 15, 24, 27 разъ, причемъ на собраніяхъ читались самые разнообразные рефераты по педагогическимъ и соціальнымъ вопросамъ.

Изъ всего обзора дѣятельности очень симпатичнаго сербскаго учительскаго союза видно, какъ, несмотря на все свое стараніе удержаться въ рамкахъ чисто профессіональной дѣятельности, сербское учительство ради интересовъ самаго дѣла, которому оно такъ самоотверженно служитъ, отзываясь на настойчивые запросы народной жизни, неизбѣжно переходитъ неуловимыя грани, отдѣляющія учительскую профессіональную дѣятельность отъ политической и, защищая интересы народныхъ массъ, вынуждается вести борьбу со всѣми притѣснителями, которымъ выгодно народное невѣжество.

III.

Украинскій союзъ въ Галиціи и Буковинѣ.

Странно было намъ совершенно не встрѣчать на славянскихъ учительскихъ съѣздахъ въ Загребѣ и въ Бѣлградѣ представителей отъ учительства украинскаго народа изъ Галиціи и Буковины, входящихъ въ составъ того же государства, что Хорватія и другія юго-славянскія земли—Австро-Венгріи.

Между тѣмъ это учительство тоже сорганизовано и въ прошломъ году уже праздновало 25-лѣтній юбилей своего союза, носящаго названіе «Руске товариство педагогичне», во Львовѣ (Лембергѣ); въ Буковинѣ уже съ 72 г. существовало «Буковинске учительске товариство», болѣе извѣстное подъ его нѣмецкимъ названіемъ: «Bukowinaer Lehrerverein»; печатный органъ его издавался тоже на нѣмецкомъ языкѣ—«Bukowinaer pädagogische Blätter». Въ этомъ первоначальномъ педагогическомъ обществѣ объединялись всѣ учителя Буковины, какъ въ территоріальной, а не національной организаціи: нѣмцы, украинцы, румыны. Первое время въ ихъ печатномъ органѣ работали прекрасныя педагогическія силы, и онъ являлся выразителемъ интересовъ всего учительства, главнымъ образомъ, матеріальныхъ, такъ какъ до закона 1899 г. учителя получали слишкомъ уже ничтожное жалованье. Къ 80-мъ годамъ, съ пробужденіемъ въ Буковинѣ національнаго самосознанія, территоріальный учительскій сок ь не удовлетворялъ украинское учительство, новые запросы родной нац -нальной школы объединяли ихъ между собой, и товарищи-нѣмцы, без -знательно относившіеся къ національнымъ запросамъ украинскаго насе -нія Буковины и насиловавшіе его нѣмецкой, а поляки-учителя польскою ш -лой—переставали быть истинными товарищами для украинскихъ учителей, знавшихъ національныя нужды своего народа. Въ 1887 году по инициа

Омельяна Половича организовалось украинское учительское общество «Руска Школа», имѣющее уже болѣе 9 филій; оно сразу принялось за книгоиздательскую дѣятельность, издало много научныхъ и спеціальныхъ книгъ, учебниковъ и пособій для школъ на украинскомъ языкѣ и художественныхъ произведеній для молодежи. Черезъ два года подъ редакціей извѣстнаго галицкаго общественнаго дѣятеля Смаль-Стоцкаго общество стало издавать свою газету *Руска Школа.* И редакція, и правленіе *Руской Школы* выдвинуло далеко впередъ школьный вопросъ въ Буковинѣ, давало украинскимъ школамъ и денежную и нравственную помощь, подавало петиціи объ улучшеніи положенія учителей, устраивало народныя лекціи, рефераты, сельскія библіотеки. Въ 1904 г. для объединенія буковинскихъ и галицкихъ учителей украинцевъ въ небольшомъ городѣ Вашкивци, надъ рѣчкой Черемошъ, сталъ издаваться общій ихъ органъ *Промінь*, а въ 1905 г. во Львовѣ устроилось общество «Взаимопомощи галицкихъ и буковинскихъ учителей и учительницъ», и къ концу года, энергичнымъ распространеніемъ своихъ уставовъ и выясненіемъ идеи взаимопомощи, его правленіе объединило въ новонародившемся обществѣ 1,552 члена и собрало 14,910 кр.; благодаря такому успѣху, правленію удалось организовать кредитную кассу; кромѣ того, оно вступило въ соглашеніе съ разными крупными торговыми фирмами разныхъ школьныхъ пособій, чтобы снабжать ими школы по удешевленнымъ цѣнамъ, пока не удастся самому правленію завести собственный складъ книгъ, писчебумажныхъ принадлежностей и школьныхъ пособій. Рядомъ съ этимъ правленіе вступило въ переговоры съ огромной фирмой пищевыхъ продуктовъ въ Тріестѣ, чтобы доставлять учителямъ самую свѣжую и самую дешевую провизію. Къ концу года по Галичинѣ и Буковинѣ открылось такъ много мѣстныхъ отдѣловъ общества взаимопомощи, что правленіе созвало делегатовъ отъ каждаго отдѣла и организовало изъ нихъ центральный комитетъ украинскаго учительства и вступило въ сношенія съ «Краковскимъ союзомъ народныхъ учителей» (польскимъ), въ составъ котораго раньше входило немало и украинцевъ, чтобы въ общихъ вопросахъ и въ болѣе широкихъ предпріятіяхъ работать сообща. Для этого организованы были «союзныя делегаціи» изъ 16 членовъ (8 украинцевъ и 8 поляковъ); на обязанности этихъ делегацій лежало собираться два раза въ годъ и обсуждать мѣры для улучшенія положенія учителей, для оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ учителей, сокращенія лѣтъ учительской службы для выслуги пенсіона и т. п.

Кромѣ чисто матеріальной поддержки львовское общество взаимопомощи устраиваетъ на вакаціяхъ общеобразовательные курсы для учителей, а теперь озабочено мыслью устроить санитарную станцію въ Карпатскихъ горахъ для больныхъ учителей и учительницъ. Оно подаетъ въ министерство разныя петиціи и ходатайства для улучшенія правового положенія учительства какъ въ Буковинѣ, такъ и въ Галичинѣ.

Въ февралѣ текущаго года во Львовѣ засѣдало громадное учительское вѣче для обсужденія мѣръ для улучшенія положенія учителей. Со-

бралось свыше 1,000 не только украинскихъ, но и польскихъ учителей и учительницъ. Вѣче открылось рѣчью учителя Глюшевскаго: «Созывъ вѣча, — говорилъ онъ, — разбудилъ отъ летаргическаго сна все учительство, и вотъ оно собралось здѣсь, чтобы подсчитать свои силы и приготовиться къ борьбѣ. Здѣсь цѣлая армія; учительство поняло, что вся сила его въ объединеніи. Наши усилія не могутъ пропасть даромъ, потому что въ нашей борьбѣ идетъ дѣло не о насъ одних, а о будущности цѣлаго общества. Какъ ни тяжела наша работа, какъ ни вырываетъ изъ нашей среды голодная смерть товарищей—мы не падаемъ духомъ, ибо насъ одушевляетъ любовь къ народу, для котораго мы работаемъ. Мы служимъ не тому или другому слою общества, не той или другой партіи, а всему народу. Мы поняли великое значеніе солидарности, и беремся за борьбу соединенными руками. Наше учительство можетъ теперь опираться на такія сильныя организаціи, какъ «Взаимна Помощь» и «Krakowsky Zwiazek» *). Прежде сеймъ принималъ наши заявленія молча, съ ироніей. Теперь нашей судьбой вынуждены заняться даже противники народнаго просвѣщенія. Безъ общаго образованія теперь не можетъ правильно развиваться ни одинъ народъ, не можетъ безъ него добиться свободы. Главными піонерами народнаго возрожденія вездѣ являются школы и народные учителя. Великое значеніе нашей работы требуетъ со стороны общества улучшенія нашего положенія. Намъ говорятъ, что для увеличенія намъ жалованья «нѣтъ фондовъ!» Но есть же фонды на жалованья актеровъ и пѣвцовъ императорскихъ театровъ, на запросы роскоши. Нѣтъ, мы должны стать передъ сеймомъ съ твердымъ солидарнымъ запросомъ».

Были и другія сильныя рѣчи объ общественномъ значеніи учительства: «Старые боги и старый міръ валятся,—говорилъ посолъ Брайтеръ,—идутъ новыя времена, оживаютъ новые слои общества, и въ этой новой жизни вы, учителя, пойдете въ первыхъ рядахъ. Уже теперь, страшась вашего вліянія, старались васъ терроризировать. Намъ необходимо объединиться. Не дѣлитесь, и вы побѣдите. Идите вмѣстѣ съ народной массой, которая стремится къ новому строю жизни». Другой депутатъ австрійскаго парламента говорилъ: «Не вѣрьте, что у правительства нѣтъ фондовъ для вашего жалованья. Если государственная касса пуста, виновата въ томъ сама административная клика, а не богатая земля наша, которую они разоряютъ. Надо добиться, чтобы жалованье учителей уравнено было съ жалованьемъ чиновниковъ».

Резолюціи вѣча были переданы на разсмотрѣніе сейма, а впечатлѣніе отъ него много способствовало усиленію авторитета украинскаго учителя ства, соединившагося въ этотъ знаменательный моментъ и съ поляками, съ которыми у него издавна ведутся недоразумѣнія и столкновен

*) Въ Краковѣ выходитъ органъ объединеннаго польскаго учительства. Сог много работаетъ для демократизаціи польской національной школы въ Австріи и улучшенія положенія польскаго учительства.

на почвѣ національныхъ школьныхъ интересовъ. При томъ давленіи, какое оказываютъ поляки на всю мѣстную администрацію, русинамъ плохо приходится отъ ихъ національной гордости, въ силу которой они стремятся овладѣть всѣми дѣлами въ краѣ, и совершенно естественна та борьба, какую русинамъ-учителямъ нужно вести больше съ польскими общественными дѣятелями за свою украинскую школу, чѣмъ съ австрійской администраціей. Но въ политической борьбѣ противъ центральнаго правительства прогрессивные учителя и поляки, и русины идутъ сообща. Стоитъ прочитать *Проминь* за любой годъ, чтобы видѣть, какъ интенсивно ведется учителями борьба и за свои интересы, и за интересы народнаго образованія украинскаго населенія какъ въ Галичинѣ, такъ и въ Буковинѣ, и, конечно, эта борьба уже не только профессіональная, а прямо политическая, какъ это открыто и заявляетъ ихъ органъ *Проминь*. Въ противность органамъ сербскаго и хорватскаго учительскаго союза, изгоняющихъ политику изъ своей сферы дѣятельности, украинское учительство въ томъ же австрійскомъ государствѣ всегда было «одушевлено новыми прогрессивными общественными теченіями какъ въ сферѣ народнаго образованія, такъ и на политическомъ полѣ дѣятельности. Буковинское учительство поняло, что только самоотверженной работой внѣ школы можно повести народъ впередъ, а потому и работаетъ усердно надъ экономическимъ подъемомъ страны и политическимъ развитіемъ населенія. И этой-то внѣшкольной работой буковинское учительство и пріобрѣло себѣ довѣріе буковинскаго народа и благодаря этому сдѣлалось особенно въ послѣднее время важнымъ *политическимъ* дѣятелемъ въ странѣ» *). Съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права учительство украинское съ увлеченіемъ вступило на путь предвыборной агитаціи и проведенія въ парламентъ людей, дѣйствительно сознающихъ неотложныя нужды народнаго образованія и связаннаго съ нимъ неразрывно народнаго учительства.

Эта дѣятельность сблизила украинскихъ учителей съ народной массой, а къ этому сближенію они давно шли, понимая, что ихъ собственная судьба связана съ долею рабочихъ массъ.

Такое открытое заявленіе своей солидарности съ борющимися народными массами, конечно, вызывало противъ украинскихъ учителей преслѣдованія администраціи, и мѣстной жандармеріи приказано было строго слѣдить за «политической организаціей галицкихъ учителей», разузнавать, на какія темы ведутся у нихъ на собраніяхъ разсужденія и замѣчать имена [illegible]оводителей всякихъ собраній и—«подавить учительское движеніе». Но [illegible]цкіе учителя работаютъ въ истинно конституціонной странѣ, а потому на такой приказъ намѣстника Галиціи—графа Потоцкаго, они могли [illegible]ѣтить открытымъ протестомъ.

---

*) См. *І. Корбулицкій*: „Развій народнаго шкільництва на Буковинѣ“, стр. 111. [illegible] напечатано и въ *Проминь* за 1905 г.

Лучшимъ доказательствомъ того, что учителя не отказались отъ своихъ убѣжденій и не измѣнили своей тактики, можетъ служить ихъ организованное участіе въ выборахъ прошлою весною, послѣ изданія закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Въ 9 № *Проміня* читаемъ воззванія къ учителямъ для организаціи выборовъ въ интересахъ народовъ, а затѣмъ даются отчеты о цѣломъ рядѣ учительскихъ «вѣчъ», собиравшихся по самымъ маленькимъ городкамъ и по селамъ Галичины, работающимъ по регулятивѣ своего центральнаго комитета. Особенно горячо составленъ «Манифестъ до галицькаго учительства» во 2-мъ № текущаго года, и тамъ же обращеніе «учительницъ къ учительницамъ». «Товаришки! Ударилъ могучій вѣчевой колоколъ. Отъ Вислы до Сбруча раскатились его громовые звуки: они будятъ сонныхъ, они скликаютъ къ объединенію, призываютъ къ борьбѣ сотни и тысячи просвѣтителей народныхъ. Они зовутъ и насъ. Мы столько лѣтъ работали вмѣстѣ съ нашими товарищами-учителями и столько лѣтъ терпимъ общее съ ними горе и униженіе. Мы—духовныя матери, воспитательницы тысячей дѣтей, исполняемъ ту великую материнскую обязанность, которую общество такъ всегда высоко прославляетъ—мы должны идти наравнѣ съ товарищами, съ еще большей энергіей, чѣмъ они, такъ какъ наша доля еще печальнѣе ихней—всѣ какъ одна мы явимся въ великій день на учительское «вѣче» въ полной солидарности со всѣмъ организованнымъ учительствомъ».

Всѣ эти манифесты, протесты галицко-буковинскихъ учителей ясно показываютъ, что условія, въ какихъ имъ приходится добросовѣстно выполнять свои обязанности, какъ народныхъ просвѣтителей, принуждаютъ ихъ вести энергичную политическую борьбу со всѣми темными силами, обрекающими украинское населеніе Галиціи и Буковины на безграмотность и невѣжество, и проистекающихъ отъ нихъ безпомощность и безсознательность. Но политика всетаки не захватывала всецѣло украинскій учительскій союзъ и онъ изъ-за него не забывалъ свои профессіональныя задачи. Въ *Проміню* *) очень много цѣнныхъ статей о народныхъ университетахъ и народныхъ чтеніяхъ, о «вольной школѣ», объ учебникахъ, о школьной инспекціи, объ учительскихъ семинаріяхъ и т. п. спеціально-просвѣтительныхъ и школьныхъ вопросахъ. «Русске товариство» во Львовѣ содержитъ на свои средства частную женскую высшую школу имени Шевченка и женскую учительскую семинарію; кромѣ того на его средства существуютъ 2 интерната для иногороднихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, обучающихся въ львовскихъ гимназіяхъ, преимущественно для дѣтей учителей и селянъ, и библіотеку для учителей; кромѣ педагогическаго журнала *Учитель* «товариство» издаетъ еще единственный пока **) на украинскомъ языкѣ дѣтс[кій]

*) Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный учительскій органъ въ 1907 г. прекрат[илъ] свое существованіе за недостаткомъ денежныхъ средствъ, и до сихъ никѣмъ досто[йно] не замѣненъ.

**) Въ предѣлахъ Россіи, впрочемъ, съ 1908 г. началъ тоже выходить дѣт[скій] журналъ на украинскомъ языкѣ, подъ именемъ *Молода Україна*, но еще какъ [при]бавленіе при украинской газетѣ *Рідний Край*, а не самостоятельно.

журналъ *Дзвинок*, обслуживающій и нашу россійскую Украину. Нельзя не отмѣтить широкаго демократизма, лежащаго не только въ основѣ всей дѣятельности галицко-буковинскихъ учительскихъ организацій, но и въ существѣ объединяющихъ ихъ организаціи уставовъ, по которымъ членами учительскихъ обществъ могутъ быть и сочувствующіе задачамъ союза сельскіе священники и сознательные крестьяне. Вся трудная работа, требующая стольких жертвъ, ведется галицко-буковинскими учительскими организаціями съ настойчивостью и глубокимъ сознаніемъ ея обязательности и важности. Попираемыя то поляками въ Галиціи, то румынами въ Буковинѣ, права украинскаго населенія охраняются лучше всего именно его народными учителями, которые рука объ руку съ убогимъ сельскимъ населеніемъ, съ одной стороны, и съ представителями украинской литературы—съ другой, пробудили въ подавленной народной массѣ національное сознаніе, и ея творческія богатыя силы воплотились уже въ произведенія такихъ выдающихся художниковъ слова, какъ Франко, Стефаникъ, Федьковичъ и друг. Оглядываясь на прожитое Галиціей послѣднее 25-лѣтіе, можно смѣло сказать, что всѣ великія пріобрѣтенія въ области народныхъ правъ и общественной свободы пріобрѣтены населеніемъ при помощи и подъ руководствомъ организованнаго учительства, отдававшаго всѣ свои лучшія силы и профессіональной и политической работѣ въ средѣ своего народа.

IV.

Болгарскій учительскій союзъ.

О болгарскомъ учительскомъ союзѣ много говорить не приходится, такъ какъ изъ всѣхъ славянскихъ союзовъ онъ наиболѣе извѣстенъ въ Россіи (см. статью о немъ въ *Правдѣ*, 1905 г., № 9, 10, въ *Русской Школѣ* за 1907 г. и отдѣльную брошюрку, изданную вятскимъ земствомъ «Болгарскій учительскій союзъ» и друг.). Вся его исторія, его печатный органъ *Сознаніе* обнаруживаютъ ясно его политическую роль въ жизни болгарскаго народа. Великое освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига въ 70-е годы прошлаго столѣтія было совершено главнымъ образомъ работой болгарскихъ народныхъ учителей. Своею кровью, своей мученической смертью запечатлѣли они свое участіе въ освободительномъ движеніи родины. Много разъ окрѣпшая уже болгарская администрація разсѣивала своими преслѣдованіями болгарскихъ учителей, заточала ихъ въ тюрьмы и предавала смертной казни; много разъ диференціація соціальныхъ и политическихъ
лядовъ, начавшаяся уже въ болгарскомъ обществѣ, вносила раздѣленіе,
ры и разногласія въ среду болгарскихъ учителей: такъ въ 1900-е годы
ромъ съ основнымъ болгарскимъ учительскимъ союзомъ организовались
ительскій синдикатъ» и «Соціалъ-демократическій учительскій союзъ», но
ргія и гражданское самосознаніе болгарскаго учительства не слабѣли, и оно
должало всѣми силами бороться не только за свои права и за улучше-
своего положенія, а и за свободу болгарскаго народа. Тщетно прави-

тельство старалось убѣдить и «словомъ и дѣломъ» болгарскихъ учителей, что политическіе идеалы не входятъ въ ихъ компетенцію, а участіе въ политической жизни страны противно и ихъ профессіональнымъ обязанностямъ и всѣмъ государственнымъ законамъ. Болгарскіе учителя не считали себя обязанными быть нѣмыми и слѣпыми гражданами своей страны.

На 8 іюля назначенъ былъ конгрессъ, на которомъ долженъ былъ быть поднятъ вопросъ объ объединеніи болгарскаго учительства: слишкомъ для всѣхъ ясенъ весь вредъ раздѣленія и разногласій, для достиженія сколько-нибудь успѣшныхъ результатовъ какъ въ профессіональной, такъ и въ обще гражданской борьбѣ необходимо прежде всего объединеніе, сплоченіе и взаимныя уступки для одной великой цѣли: свободы народнаго просвѣщенія, а она можетъ быть достигнута, только когда устраненъ будетъ произволъ правительственный и установленъ будетъ законъ, когда права народа и права его просвѣтителей будутъ признаны во всей странѣ. На этомъ конгрессѣ между прочимъ прямо были поставлены вопросы: 1) оцѣнка всѣхъ способовъ борьбы въ настоящій моментъ; 2) установленіе необходимой постепенности въ примѣненіи ихъ; 3) указаніе всѣхъ тѣхъ областей училищно-административныхъ и общественныхъ, въ какихъ тѣ или иныя средства борьбы уже могутъ дѣйствительно быть примѣнены; 4) конгрессъ долженъ внести гармонію въ средства, въ инициативу борьбы, какая могла бы принести наибольше пользы для нашей цѣли; 5) конгрессъ долженъ, насколько возможно, направить весь союзъ со всѣми его дружествами къ одной задачѣ единовременно, скоро и энергично.

Особенной силой и прочностью организаціи отличаются союзы чешскаго учительства; сложились они еще въ 70-хъ годахъ, но всего энергичнѣе заработали, когда они объединились въ одну организацію Zemsky Ustredni Spolek. Конечно, главная задача этого союза—завоеваніе для Чехіи чешской школы, но въ уставѣ его нигдѣ нѣтъ ни единаго слова о національзаціи школы, а говорится о поднятіи правового, экономическаго и духовнаго состояніи учительства. Чешское учительство давно ведетъ упорную борьбу за національную школу для чешскаго народа и въ этомъ отношеніи его завоеванія очень значительны, но все же нѣмецкая администрація не стѣсняется отказывать чешской школѣ въ самомъ необходимомъ: если по законамъ австрійской конституціи всѣ націи имѣютъ право открывать школы съ преподаваніемъ на своемъ языкѣ, то нѣмецкой администраціи края никто мѣшаетъ тѣснить эту ненавистную ей національную школу; вотъ почему чешскія школы помѣщаются въ бѣдныхъ районахъ въ хлѣвахъ, а чешскій учитель находится въ самомъ стѣ-
ненномъ положеніи. Но организація оказываетъ громадную и нравстве
ную и матеріальную и правовую поддержку и учительству и школьно
дѣлу. Оно всѣми силами поднимаетъ умственное развитіе учителей, 6
ретcя съ администраціей, высвобождаетъ школу изъ-подъ вліянія като
ческой церкви и вырабатываетъ раціональную широкую программу для
родной школы. При всемъ этомъ земскій учительскій союзъ постоя

имѣетъ въ виду національныя особенности чешскаго народа и самую программу школы ставитъ въ связь съ народной психологіей, народнымъ творчествомъ и мѣстными потребностями населенія. Въ дѣлѣ объединенія всего австро-славянскаго учительства Zemsky Ustredni Spolek играетъ очень важную роль, вполнѣ сочувствуя федеративному соединенію всего южнаго славянскаго учительства, предложенному сербскимъ союзомъ. Zemsky Ustredni Spolek принимаетъ живое участіе во всѣхъ съѣздахъ славянскихъ союзовъ, а въ этомъ году его трудами организованъ громадный всеславянскій учительскій съѣздъ въ Прагѣ, на который съѣхалось до 6,000 учителей. Увы! несмотря на усиленныя приглашенія чешскаго организаціоннаго комитета ни украинское, ни бѣлорусское учительство, по своей несорганизованности не могло выслать на этотъ внушительный съѣздъ своихъ представителей. Главнымъ предметомъ обсужденій была конечно правильная постановка славянской національной школы и улучшеніе положеніе учителя.

Такимъ образомъ по всему славянскому міру дѣло народнаго образованія находится еще въ такихъ условіяхъ, что главнымъ его дѣятелямъ—народнымъ учителямъ, невозможно ограничиться одной профессіональной работой въ области культуры и просвѣщенія народныхъ массъ: современное невѣжество низшихъ слоевъ населенія, безправное, полуголодное существованіе народныхъ учителей—все это стоитъ въ слишкомъ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ народнаго безправія, народной бѣдности и правительственнаго произвола, какъ въ національно-политическихъ отношеніяхъ, такъ и въ вопросахъ административно школьныхъ. Партійность и политическая исключительность вредятъ во всякомъ широкомъ общественномъ дѣлѣ, и мы видимъ, что учителя всѣхъ славянскихъ союзовъ стараются ихъ избѣгнуть, видя и на примѣрѣ болгарскаго учительства, какъ ослаблена его сила и организованность внесеніемъ разныхъ программъ соціальныхъ и политическихъ въ его обязательно единую дѣятельность. Великое дѣло лежитъ въ рукахъ народныхъ учителей всѣхъ славянскихъ земель: созданіе свободной демократической національной школы для всѣхъ славянскихъ народностей. Въ этомъ дѣлѣ прежде всего нужно объединеніе, а потому нельзя не привѣтствовать попытки славянскаго учительства къ образованію учительской федераціи, и для насъ получаетъ особенный интересъ та славянская конференція, которая собиралась въ Прагѣ 9-го августа (нов. стиля). Въ народной школѣ заключены всѣ начала обновленія нашей народной жизни, а улучшеніе положенія народнаго учителя является первымъ актомъ самосознанія всякаго общества, вступающаго на путь обновленія и истиннаго просвѣщенія.

С. Русова.

Католическій модернизмъ и кризисъ современнаго сознанія.

I.

Когда присматриваешься къ французской культурѣ, то всего болѣе поражаетъ въ ней раздробленность, разъединенность, отсутствіе центра: нѣтъ властителей думъ и нѣтъ думъ властвующихъ надъ жизнью, нѣтъ сознанія единаго и органическаго. Внѣшній порядокъ жизни, внѣшнее національное единство, усовершенствованный механизмъ внѣшней культуры соединяются съ анархіей духа, съ опустошенностью народной души. Французы устроились и счастливы, не намъ чета. И намъ, русскимъ, несчастнымъ и больнымъ душою, трудно почувствовать живую душу Франціи. А въ Парижѣ все есть, по разнымъ уголкамъ великаго города каждый можетъ найти то, что его интересуетъ, чего его душа хочетъ. Но уголки эти оторваны отъ центра жизни, о нихъ можно ничего не узнать, проживъ всю жизнь въ Парижѣ. Обыватели Парижа обычно знаютъ только свой кварталъ и почти не знаютъ, чтó дѣлается въ кварталѣ сосѣднемъ. Такъ и въ жизни духа все дѣлится на кварталы, и люди одного квартала мало знаютъ о другомъ. Французы очень заняты политикой, каждый французъ считаетъ себя великимъ политикомъ и имѣетъ свой планъ спасенія отечества, а тѣмъ самымъ и міра. Это—во всѣхъ кварталахъ, это—общее въ жизни Франціи. Есть еще общее—литература, очень измельчавшая, романы, расходящіеся въ огромныхъ количествахъ экземпляровъ. Многіе думаютъ, что кромѣ романовъ и политики во Франціи сейчасъ нѣтъ ничего, а политика и романы ничѣмъ не одухотворены. Взглядъ этотъ на современную Францію слишкомъ общій и слишкомъ далекій. На таком разстояніи можно разсмотрѣть лишь общіе контуры и нельзя увидѣт важныхъ деталей, отдѣльныхъ уголковъ, въ которыхъ совершается кри зисъ современнаго сознанія.

На разстояніи мнѣ казалось, что въ современной Франціи нѣтъ ник кихъ признаковъ религіозныхъ движеній, нѣтъ никакой философской мысл что Франція почти сплошь настроена позитивистически, успокоилась

торжествующемъ духовномъ мѣщанствѣ. Это вѣрно лишь отчасти. Въ уголкахъ французской культуры можно замѣтить философское и религіозное броженіе и начинается гдѣ-то внутри кризисъ позитивизма. Есть сейчасъ во Франціи талантливый философъ Бергсонъ *), борецъ противъ интеллектуализма, провозглашающій философію дѣйствія и раскрывающій своей философіей двери мистикѣ и религіи. Бергсонъ дѣлается все болѣе и болѣе популяренъ, къ нему прислушивается молодежь, онъ страннымъ, на первый взглядъ совершенно непонятнымъ образомъ оказываетъ вліяніе на два разныхъ, противоположныхъ теченія французской жизни: на католиковъ модернистовъ и синдикалистовъ. Нео-католикъ Леруа и синдикалистъ Жоржъ Сорель сошлись на бергсоновской философіи дѣйствія, на его анти-интеллектуализмѣ. Какъ бы ни оцѣнивать эту философію, нельзя въ ней не видѣть отраженія кризиса позитивизма, протеста противъ интеллектуализма, которымъ заразилъ духовную атмосферу старый позитивизмъ **).

Существуютъ въ современной Франціи и нео-католики,—модернисты, какъ ихъ принято называть, и нео-протестанты. Издаютъ они журналы, устраиваютъ конференціи, которыя посѣщаются, впрочемъ, спеціальной публикой. Есть и соціально-католическое движеніе, которое группируется вокругъ общества «Sillon» и очень энергично въ своемъ стремленіи соединить ортодоксальное католичество съ демократіей, республикой и соціальными реформами ***). Но первое мѣсто среди этихъ теченій безспорно принадлежитъ католическому модернизму. Модернизмъ—движеніе по преимуществу умственное, но оно тѣсно связано съ кризисомъ западнаго католичества и кризисомъ современнаго европейскаго сознанія. А католичество и современное сознаніе—факты первостепенной важности въ развитіи міровой культуры. Модернизмъ привлекъ къ себѣ вниманіе широкихъ слоевъ общества и сталъ злобой дня благодаря папской энцикликѣ. Особенно нашумѣлъ аббатъ Альфредъ Луази, который недавно выпустилъ книгу «Simples réflexions sur le décret du Saint-Office et sur l'encyclique». Книга эта разошлась въ нѣсколько дней и вызвала волненіе въ католическомъ мірѣ. Въ книгѣ этой Луази не безъ гордости говоритъ, что тѣ, которыхъ теперь офиціально называютъ модернистами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ назывались луазистами, и онъ пытается отвѣтить за весь модернизмъ святой римской инквизиціи и папѣ, осудившимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ модернистовъ и всѣ ихъ книги.

Въ католическомъ модернизмѣ есть много оттѣнковъ, и Луази справедливо протестуетъ противъ смѣшенія всѣхъ оттѣнковъ въ общемъ осужденіи. Но можно всетаки установить два основныхъ теченія въ модернизмѣ: одно философское, другое экзегетическое. Соціальный католицизмъ съ Мар-

*) Главное сочиненіе Бергсона „L'évolution créatrice", въ которомъ онъ подвергъ глубокомысленной критикѣ эволюціонныя теоріи.

**) См. недавно вышедшую книгу извѣстнаго философа Бутру „Science et religion", въ которой есть цѣлая глава „La philosophie de l'action".

***) См. *L. Cousin*: „Vie et doctrine du Sillon".

комъ Санье во главѣ стоитъ въ сторонѣ отъ модернизма; этому теченію чужды модернистскія сомнѣнія и оно встрѣчаетъ болѣе снисходительное отношеніе папы, несмотря на свои соціально реформаторскія тенденціи *). Съ другой стороны, модернизму чужды соціальныя стремленія, это всетаки теченіе, хотя и протестующее противъ интеллектуализма, но по преимуществу интеллектуальное, его сфера—работа сознанія. Модернизмъ есть опытъ соединенія католичества съ новымъ духомъ, съ современнымъ научнымъ сознаніемъ, подобно тому какъ силлонизмъ пытается соединить католичество съ современной демократіей. По словамъ Луази модернисты потому стали модернистами, что они—современные люди, люди нашей эпохи, что современная культура вошла въ ихъ плоть и кровь, что ткань ихъ существа стала модернъ. А католическая церковь продолжаетъ стоять во враждебномъ отношеніи къ духу времени, находится въ вѣчной оппозиціи ко всему современному, къ философіи, къ наукѣ, къ прогрессу культуры. Офиціальной философіей католической церкви попрежнему остается философія Ѳомы Аквинскаго, интеллектуалистическая схоластика и въ XX вѣкѣ продолжаетъ опредѣлять католическое сознаніе. Нео-католики, зараженные духомъ времени, усомнились въ Ѳомѣ Аквинскомъ, какъ безраздѣльномъ властителѣ религіознаго и философскаго сознанія. Оставаясь католиками, модернисты захотѣли вкусить сладость той свободы изслѣдованія, которая давно уже утверждена была въ протестантизмѣ. Но можно ли остаться добрыми католиками, вступивъ на путь свободнаго философствованія и свободной экзегетики? У модернистовъ оказалось двѣ совѣсти—совѣсть католическая и совѣсть современная, и имъ остается колебаться между двумя истинами—истиной католической церкви, отъ которой они не въ силахъ отказаться, и истиной современной философіи и современной научной экзегетики, которой они заражены. Модернистовъ разъѣдаютъ философскія и экзегетическія сомнѣнія, ихъ болѣзненно поражаютъ возраженія современнаго сознанія противъ вѣры, противъ чуда и преданія. Ѳома Аквинскій не спасаетъ отъ этихъ сомнѣній, онъ ихъ лишь усиливаетъ и укрѣпляетъ. Нужно освободиться отъ Ѳомы, чтобы оправдать католическую вѣру передъ современнымъ сознаніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у модернистовъ бурлитъ старая католическая кровь, они срослись всѣмъ своимъ существомъ съ церковью и папой, авторитетъ церкви имъ дороже Христа, церковной іерархіей они дорожатъ, какъ великой культурно-исторической силой. Въ противоположность протестантамъ модернисты-католики видятъ въ церкви динамическую силу христіанства въ исторіи. Церковь для нихъ есть религіозное развитіе, живая исторія, и они не хотятъ возвращаться назадъ, къ Христу и первымъ вѣкамъ христіанства Эта привязанность модернистовъ къ церкви, эта бо́льшая ихъ близость къ церкви, чѣмъ къ Христу, ставитъ ихъ въ трагическое и безвыходное положеніе при столкновеніи съ папой.

---

*) Папа Левъ XIII былъ вдохновителемъ соціальнаго католицизма, и кардиналы сподвижники покойнаго папы, до сихъ поръ поддерживаютъ силлонистовъ въ Р[illegible]

Главнымъ сейчасъ представителемъ философской струи модернизма является Леруа, авторъ книги «Dogmes et critique», ученикъ Бергсона, остроумный метафизикъ, подвергнувшій философскому анализу идею догмата *). Леруа философски борется съ схоластикой, съ интеллектуализмомъ въ истолкованіи догматовъ, старое, раціоналистическое обоснованіе католической вѣры хочетъ замѣнить новымъ, волюнтаристическимъ обоснованіемъ, и приходитъ къ моральному догматизму, къ ученію о догматѣ, какъ источникѣ дѣйствія. Догматы для Леруа и философовъ модернизма имѣютъ не теоретическое, а практическое значеніе. Ясно, что тутъ духъ Канта побѣждаетъ духъ Θомы Аквинскаго. Модернисты въ этомъ вполнѣ модернъ, вполнѣ отражаютъ духъ времени и современное состояніе сознанія.

Главнымъ представителемъ экзегетическаго направленія въ модернизмѣ является Луази, авторъ серьезныхъ изслѣдованій по библейской и евангельской исторіи, католическій аббатъ, посмѣвшій отстаивать свободу экзегетики **). Луази совсѣмъ не философъ, онъ ученый историкъ христіанства. Онъ глубоко, всей католической своей кровью расходится съ Гарнакомъ и даже написалъ противъ Гарнака цѣлую книгу ***); но дѣлаетъ то же дѣло, что и Гарнакъ, и подобно послѣднему не въ силахъ философски защитить свою вѣру. «Das Wesen des Christentums», Гарнака и «L'Evangile et l'église» Луази—двѣ основныя книги, характеризующія модернизмъ протестантскій и модернизмъ католическій. Это два отвѣта на сомнѣнія, вызванныя современнымъ научнымъ духомъ, духомъ историческаго изслѣдованія, не знающаго пощады,—отвѣтъ нео-протестанта, который любитъ Христа, и нео-католика, который любитъ церковь. И оба не вѣрятъ въ богочеловѣчество Христа, одинъ съ нѣмецко-протестантской искренностью и правдивостью, другой съ французско-католической хитростью и двусмысленностью. Въ абсолютной религіозной истинѣ, въ религіозномъ реализмѣ одинаково усомнился и Леруа съ своей волюнтаристической философіей и Луази съ своей ученой экзегетикой. Истина современной философіи и современной исторической науки оказалась сильнѣе древней религіозной истины, казалось бы независящей ни отъ времени, ни отъ науки, ни отъ философіи. Почему же Леруа, Луази и всѣ эти модернисты такъ испугались духа времени, такъ пасуютъ передъ современнымъ сознаніемъ, такъ безсильны защитить свою вѣру отъ напора научныхъ и философскихъ сомнѣній? Потому что кровь ихъ слишкомъ заражена историческими грѣхами католичества, они отравлены вѣковѣчной раждой католической церкви къ прогрессу, къ наукѣ и философіи. Тѣ, ля кого Θома Аквинскій былъ послѣднимъ словомъ человѣческой культуры,

*) Въ томъ же направленіи во Франціи дѣйствовали Блондель и Лабертоньеръ, въ Англіи Нейманъ, одинъ изъ главныхъ вдохновителей модернизма.

**) „Les Evangiles synoptiques“, „Le quatrième Evangile“, „Histoire critique du te et des versions de l'Ancien Testament“ и друг.

**) См. „L'Evangile et l'église“.

высшей наукой и философіей, и тѣ объективно беззащитны отъ духа современности, когда усомнились въ абсолютномъ и послѣднемъ значеніи Ѳомы. Для тѣхъ, что впитали въ свою плоть и кровь идею абсолютнаго авторитета папы и съ идеей этой связали дорогую для ихъ сердца принадлежность къ Церкви Христовой, для тѣхъ свобода новаго духа имѣетъ особую соблазнительность. Современность, свобода науки и философіи пріобрѣли для модернистовъ ту же прелесть, какую имѣла запретная красота женщины для средневѣковаго монаха. Ѳома Аквинскій и папа Пій X стоятъ на пути къ этой чудной красавицѣ и не пускаютъ, грозятъ отлученіемъ и вѣчнымъ проклятіемъ. Но такъ ли прекрасна эта женщина, такъ ли привлекательна запретная современность?

Въ современности, въ сознаніи новаго человѣка, давно уже освободившагося и отъ Ѳомы, и отъ папы, и отъ всякой религіи, совершается кризисъ, обратный тому, который происходитъ съ Луази, Леруа и имъ подобными: современность жаждетъ вѣры, жаждетъ вновь обрѣсти утраченную святыню, идетъ разными путями къ религіозному возрожденію. Модернисты-католики запоздали въ своемъ опытѣ соединенія католичества съ духомъ времени, духъ времени уходитъ отъ себя и скоро окончательно оставитъ тѣ позиціи, на которыхъ они хотятъ укрѣпить свою подновленную вѣру. Современные католики хотятъ реформировать и обновить католичество той современностью, которая исторически сама есть продуктъ грѣховъ католичества и которая отъ своихъ новыхъ грѣховъ можетъ освободиться лишь новой и болѣе полной вѣрой. Старый католическій интеллектуализмъ хотятъ замѣнить современнымъ волюнтаризмомъ и тѣмъ вдохнуть жизнь въ дряхлѣющее католичество. Но современный волюнтаризмъ сталъ безнадежной слѣпотой, къ нему пришли люди изъ отчаянія, потерявъ всякую вѣру и всякое сознаніе смысла жизни.

Въ сущности Леруа усомнился въ догматѣ, современное сознаніе мѣшаетъ ему по-старому вѣрить въ догматъ, онъ почувствовалъ философскія препятствія и старая католическая философія не можетъ его защитить отъ духа времени. По всему видно, что Леруа искренно желалъ бы остаться добрымъ католикомъ, сердечно привязанъ къ вѣрѣ, но онъ слишкомъ «модернъ», его старая религіозность сочетается съ новымъ безрелигіознымъ сознаніемъ, а это сознаніе страшится чуда. Въ современномъ сознаніи культурныхъ европейскихъ народовъ живетъ та мысль, что невозможность чуда доказана и показана. Леруа прежде всего усомнился въ существованіи абсолютной истины и въ существованіи органа для ея воспріятія. Вслѣдъ за всей модернизированной философіей Леруа отве гаетъ большой, абсолютный разумъ, отрекается отъ наслѣдія разума, откр вавшагося въ исторіи человѣческаго сознанія. Современный волюнтари Бергсонъ ему ближе, чѣмъ великія философскія традиціи прошлаго, о утерялъ нить, которая тянется черезъ всю міровую культуру отъ П тона до Шеллинга. Леруа очень остроумный философъ, но ему чужды вѣты свободнаго богопознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Леруа вынужденъ пор

съ религіознымъ реализмомъ, онъ фатально идетъ къ религіозному символизму. Человѣкъ современнаго философскаго духа, ученикъ Бергсона, хотя и вѣрный сынъ католической церкви, не можетъ реалистически истолковывать догматовъ, не можетъ утверждать высшую разумность догматовъ. Для Леруа догматъ не столько *фактъ* мистическаго порядка, реально воспринимаемый вѣрой, реальный и объективный фактъ, лежащій внѣ человѣка, сколько субъективное состояніе самого человѣка, его моральная активность. Догматъ нуженъ для дѣйствія, для практики религіозной жизни. Pensée-action—вотъ основное слово. Моральный догматизмъ Леруа напоминаетъ практическій разумъ стараго Канта, хотя Леруа и не можетъ быть названъ кантіанцемъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Бергсонъ и Леруа, конечно, связаны съ духомъ кантовскаго практическаго разума, кантовскаго волюнтаризма, но отъ нѣмецкихъ нео-кантіанцевъ они отличаются, въ ихъ мышленіи есть національно-французскія особенности. Все это теченіе философіи дѣйствія родственно духу блестящаго американскаго философа и психолога Джемса *).

Кантъ оставилъ человѣка передъ страшной пустотой, отрѣзавъ пути къ воспріятію трансцендентныхъ реальностей. Абсолютная истина, какъ реальность, по Канту недоступна человѣку, религіозному реализму наступилъ конецъ, и несчастному, безпомощному человѣку оставлено лишь право усиліемъ воли, волевой активностью, моральнымъ дѣйствіемъ самому создать религіозную дѣйствительность. Объективно утерянную вѣру нужно субъективно возсоздать. Христіанскіе догматы, которые раньше воспринимались, какъ реальная и объективная дѣйствительность, для современнаго сознанія—утерянный рай. Но потребность въ религіи осталась, она необходима для жизни, для морали, и остается лишь возможность утверждать догматы—дѣйствія, догматы—моральные постулаты. Леруа слишкомъ католикъ, чтобы формулировать состояніе своего сознанія такъ, какъ я его формулирую, но сущность кризиса, который происходитъ съ людьми подобными Леруа, мнѣ думается, можетъ быть именно такъ выражена. Вѣра въ богочеловѣчество Христа и въ воскресеніе Христа нужна для религіозной жизни, для моральнаго дѣйствія, для осмысленной практики. Это такъ. Но реально, мистически-реально Богочеловѣкъ ли Христосъ, воскресъ ли Христосъ, искупаются ли грѣхи міра и спасается ли міръ фактомъ явленія Христа, фактомъ, въ объективности своей возвышающимся не только надъ всякимъ нашимъ человѣческимъ состояніемъ, но и надъ всѣмъ этимъ міромъ? Какъ добрый католикъ, Леруа вѣритъ, что Христосъ—Сынъ Божій и воскресъ, но какъ философъ, какъ «модернистъ», онъ смущенъ и неувѣренъ. Разумъ вѣчный и разумъ временный находятся въ разладѣ.

Луази,—представитель другого теченія модернизма, въ своемъ отвѣтѣ Гарнаку ставитъ церковь выше Христа. И это такъ характерно для его

*) См. William James: „L'expérience religieuse".

католической крови. Христосъ воспринимается только черезъ церковь, которая есть динамическая сила исторіи, Христосъ перешелъ въ церковь и въ ней растворился. Самого Христа нельзя ощутить, возвратъ къ Христу есть реакція, реставрація. Остается лишь одинъ путь—дальнѣйшее развитіе самой церкви. Но Луази одержимъ экзегетическими сомнѣніями, библейская критика соблазняетъ его. Исторія, т.-е. научная истина, незамѣтно принимаетъ для него характеръ верховнаго критерія. Онъ часто такъ выражается, что его можно заподозрить въ склонности къ двойной бухгалтеріи, для него какъ бы существуетъ двѣ истины—одна историческая, научная, другая религіозная, теологическая. Въ своей послѣдней книгѣ Луази защищается отъ этого подозрѣнія и прямо говоритъ: «то, что ложно исторически, то я считаю ложнымъ вездѣ» *). Послѣ этого откровеннаго признанія, которое ясно обнаруживаетъ, что экзегетическія сомнѣнія доканали его вѣру, онъ утѣшаетъ себя и насъ тѣмъ, что «легенда или миѳъ могутъ обозначать собою религіозную истину, могутъ выражать моральное чувство». Потерянную объективную истину Луази хочетъ потомъ возсоздать субъективно, какъ нѣчто морально нужное для жизни, для практики.

Какой же смыслъ имѣютъ экзегетическія сомнѣнія Луази? Я понимаю еще сомнѣнія философскія, но сомнѣнія историческаго изслѣдованія сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія для вѣры. Можно философски утверждать, что ко всякой религіи, въ томъ числѣ и къ христіанству, можетъ быть только одно отношеніе—историческое, что всякая религія есть лишь предметъ историческаго изслѣдованія. Тогда вы сознательно, философски отрицаете, что есть у человѣка органъ для воспріятія религіознаго въ исторіи кромѣ научно-историческаго изслѣдованія. Гарнакъ, самый замѣчательный, самый ученый спеціалистъ по христіанской экзегетикѣ, безнадежно запутался въ этомъ отношеніи. Онъ задался цѣлью опредѣлить при помощи историческаго изслѣдованія, за которымъ признаетъ значеніе верховнаго критерія истины, «сущность христіанства», которую заранѣе опредѣлилъ религіозно. Получается порочный кругъ: «сущность христіанства» есть религія Гарнака, добытая имъ непосредственнымъ религіознымъ чувствомъ, а историческое изслѣдованіе, несознавшее своихъ религіозно-философскихъ предѣловъ, дѣлаетъ видъ, что оно опредѣляетъ «сущность», которая для научнаго изслѣдованія всегда неуловима. Положеніе Луази еще хуже. Гарнакъ—протестантъ-раціоналистъ, онъ сознательно исповѣдуетъ христіанство, какъ моральное ученіе; Луази—католикъ (хотя и модернистъ), онъ приросъ къ церкви такъ, что никакія экзегетическія с[омнѣнія] не могутъ его отъ нея оторвать, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хочетъ пр[е]вратить научно-историческое изслѣдованіе въ верховный критерій истин[ы]. Что же сталось съ *религіознымъ воспріятіемъ*, съ ощущеніемъ Христ[а] какъ Спасителя, ощущеніемъ первичнымъ, ни отъ какой науки, ни [о]

* См. „Simples réflexions". стр. 62.

какой исторіи не зависящимъ! Реальное религіозное воспріятіе Гарнакъ отрицаетъ въ качествѣ раціоналиста, для него остается лишь моральное религіозное чувство. Луази какъ будто бы признаетъ религіозное воспріятіе по отношенію къ церкви и отрицаетъ его по отношенію къ Христу. Христосъ отдается во власть экзегетическихъ изслѣдованій. То, что въ Христѣ остается нетронутымъ историческимъ изслѣдованіемъ, то переходитъ въ католическую церковь, динамическую силу человѣческаго прогресса, которая выше Христа, перерастаетъ Христа и, быть можетъ, перерастетъ себя, какъ бы хотѣли модернисты. Болѣе безнадежной, колеблющейся и двойственной позиціи, чѣмъ та, на которой стоитъ Луази и ему подобные, трудно себѣ представить. Онъ не вѣритъ въ абсолютную религіозную истину и, держась за церковь, хочетъ противиться безраздѣльной власти релятивизма, исторической относительности всего, подвергающагося научному изслѣдованію. Отвѣтъ Луази папѣ и святой инквизиціи производитъ тяжелое впечатлѣніе. Чувствуется, что человѣкъ постепенно растерялъ свою вѣру, но боится въ этомъ признаться самому себѣ. Непонятно, почему онъ держится за церковь, почему старается оправдаться. Луази разсердился, тонъ у него такой, что невѣжественнымъ-де людямъ не подобаетъ разсуждать о его ученыхъ изслѣдованіяхъ. Но ученому человѣку, изслѣдователю христіанской исторіи нѣтъ надобности тратить время на объясненія съ папой и католической церковью.

II.

Русскія религіозныя исканія всѣхъ оттѣнковъ очень отличаются отъ того, что мы видимъ въ католическомъ модернизмѣ. Ткань нашей религіозной мысли совсѣмъ иная. Непосредственному нашему религіозному ощущенію Христосъ ближе, чѣмъ церковь; наше религіозное мышленіе утверждаетъ абсолютную истину; стремимся мы къ религіозному реализму, а не символизму; въ нашемъ исканіи Града грядущаго,—царства Божьяго на землѣ, больше дерзновенія, чѣмъ на Западѣ. Въ православіи никогда не было того интеллектуализма, который былъ въ католической схоластикѣ, и потому не можетъ быть такого мотива борьбы съ интеллектуализмомъ, какъ у модернистовъ. Намъ не нужно сокрушить авторитетъ Ѳомы Аквинскаго въ религіозномъ мышленіи. Намъ кровно ближе мистическое богословіе Діонисія Ареопагита и Максима Исповѣдника. Православная мистика проникнута духомъ сверхраціонализма, ей чуждъ и раціонализмъ и ирраціонализмъ. Самые замѣчательные русскіе богословы-философы, Хомяковъ, Вл. Соловьевъ, В. Несмѣловъ *), блестяще рѣшали проблемы, связанныя съ распрей вѣры и знанія, давали глубокую религіозную философію и многими головами стоятъ выше Леруа и ему подобныхъ. Хомяковъ и Со-

---

*) Неоцѣненный еще авторъ глубокаго и оригинальнаго сочиненія „Наука о человѣкѣ“, единственномъ въ своемъ родѣ опытѣ религіозной антропологіи.

ловьевъ органически восприняли идею абсолютнаго разума, раскрытую германскимъ идеализмомъ, претворили идеализмъ отвлеченный въ идеализмъ конкретный, и передъ судомъ большого разума дѣло вѣры было у нихъ выиграно. Лишь малый разумъ, господствующій въ современной философіи и современной культурѣ, подвергъ сомнѣнію права вѣры и реальность догматовъ. Хомяковъ и Вл. Соловьевъ вышли изъ философской школы большого разума, продолжали великія традиціи, которыя идутъ отъ Платона, черезъ нео-платониковъ, учителей церкви, философствующихъ мистиковъ, черезъ такихъ геніальныхъ средневѣковыхъ мыслителей, какъ Іоаннъ Скоттъ Эригена, до германскихъ идеалистовъ, Гегеля и Шеллинга. Леруа и модернисты игнорируютъ эту великую традицію, они вышли изъ школы малаго разума, изъ философскаго модернизма, который предалъ великія философскія традиціи прошлаго во имя духа позитивности. И слишкомъ искушаетъ модернистовъ этотъ духъ современной философіи, духъ малаго разума. Многому могли бы научиться модернисты у Вл. Соловьева, но они даже не знаютъ французской книги Соловьева «La Russie et l'eglise universelle», которая посвящена вопросу о соединеніи церквей и обнаруживаетъ тяготѣніе Соловьева къ католичеству. Они слишкомъ католики и слишкомъ модернисты, чтобы понять великаго русскаго теософа.

Для современнаго философскаго сознанія существуетъ лишь два исхода—интеллектуализмъ или волюнтаризмъ. Современный человѣкъ отдается или своему малому человѣческому разуму, или своей человѣческой волѣ, въ которой ищетъ спасенія отъ разсудочности. Современное сознаніе разорвано, все въ немъ разобщено, органическій центръ потерянъ, а центръ этотъ можетъ быть лишь сверхчеловѣческій. Интеллектуализмъ и волюнтаризмъ, раціонализмъ и ирраціонализмъ—это двѣ стороны одной и той же разорванности, оторванности отъ высшаго центра бытія. Воля утверждаетъ себя отдѣльно отъ интеллекта, интеллектъ отдѣльно отъ воли, и воля и интеллектъ утверждаютъ себя оторванно отъ абсолютнаго разума, отъ разума органическаго, въ которомъ интеллектуальное и волевое слиты въ высшемъ единствѣ. Модернисты всецѣло находятся въ предѣлахъ антитезъ современнаго сознанія, воля и разумъ для нихъ разъединены, вѣра и знаніе разорваны, абсолютной разумности догматовъ они не видятъ. Они даже не подозрѣваютъ о возможности того пути, по которому идетъ русская философская и религіозная мысль, пути *сверхраціонализма*. Догматы не теоріи, не спекулятивныя ученія,—въ этомъ Леруа, конечно, правъ. Онъ справедливо протестуетъ противъ интеллектуалистическаго истолкованія догматовъ. Догматы прежде всего факть факты не эмпирическаго, а мистическаго порядка. Для Леруа догмат имѣютъ по преимуществу моральное значеніе въ жизни, нужны для дѣі ствія, являются какъ бы практическими нормами. Въ книгѣ Леруа ес очень интересная глава о воскресеніи Христа, въ которой онъ приходи къ очень характерному выводу. Догматъ о воскресеніи значитъ, что должны относиться къ Христу такъ, какъ къ нашему современн

Много разъ подчеркиваетъ Леруа, что въ качествѣ добраго католика онъ вѣритъ въ воскресенье, какъ въ фактъ, вѣритъ и во всѣ догматы. Но мистическій смыслъ воскресенія отъ него совсѣмъ ускользаетъ. Признаетъ ли онъ объективную спасительность воскресенія Христова, какъ побѣды надъ первоисточникомъ зла въ мірѣ, надъ смертью. У Леруа воскресеніе истолковывается въ смыслѣ человѣческаго субъективнаго отношенія къ Христу, а не въ смыслѣ отношенія Христа къ человѣку и къ міру. Между тѣмъ какъ догматы-факты имѣютъ объективный міровой смыслъ, обнаруживаютъ отношеніе Божества къ міру, догматы-факты спасаютъ. Догматы-факты разумны въ высшемъ смыслѣ этого слова. Современное сознаніе, передъ которымъ такъ склоняются модернисты, игнорируетъ традицію свободнаго богопознанія, исторію теософіи. Идея разума, которая можетъ примирить интеллектуализмъ и волюнтаризмъ, знаніе и вѣру, связана съ ученіемъ о Логосѣ, столь чуждымъ духу модернизма и всего современнаго сознанія.

Передъ судомъ высшаго разума чудо—разумно, порядокъ природы—неразуменъ, безуменъ. Связь причины съ слѣдствіемъ въ порядкѣ природномъ—безсмысленна, ирраціональна, самъ этотъ порядокъ природы явился результатомъ отпаденія отъ разума, ирраціонализаціи бытія. Царство необходимости не есть царство разума, разумно и осмысленно лишь царство свободы *). Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ міровой жизни былъ только одинъ фактъ абсолютно разумный, абсолютно осмысленный—фактъ воскресенія Христа. Въ этомъ чудесномъ фактѣ отпавшій отъ разума міръ возвращается къ разуму. Чудо воскресенія, отмѣнившее порядокъ природы съ его закономъ тлѣнія,—осмысленно, разумно. Когда говорятъ о несовмѣстимости чуда съ разумомъ, о неразумности и безумности чуда, то судятъ малымъ разумомъ, человѣческимъ разсудкомъ, который самъ неразуменъ, самъ разобщенъ со смысломъ бытія. Въ современномъ передовомъ сознаніи Европы живетъ легенда о томъ, что окончательно доказана и показана несовмѣстимость чуда съ разумомъ, невозможность, безсмысленность чуда. Никогда и никѣмъ ничего подобнаго не было доказано и не могло быть доказано **). Положительная наука просто этимъ не занимается, это внѣ ея компетенціи и для нея неинтересно. Наука только говоритъ, что съ научной точки зрѣнія въ предѣлахъ закономѣрнаго порядка природы, которымъ она занята, чудо невозможно и чуда никогда не было. Но религія сама утверждаетъ, что по законамъ природы чудо невозможно, что оно возможно лишь какъ отмѣна порядка природы, лишь въ порядкѣ ...агодати. Силы же сверхприродныя лежатъ внѣ кругозора науки, и о нихъ ...ука не можетъ утверждать ничего положительнаго, какъ и ничего отри-

*) Кантъ понялъ это въ самой сильной части своей философіи, въ „Критикѣ ...актическаго разума“.

**) Н. Минскій въ статьѣ „Абсолютная реакція“ (въ „Словѣ“) строитъ свои ...ументы противъ возможности чуда на наивномъ смѣшеніи разума съ природной ...одимостью.

цательнаго. Философія интересуется вопросомъ о возможности чуда, изслѣдуетъ этотъ вопросъ. Но та философія, которая положила въ свою основу идею разума, именно она то чудо и признаетъ. Философія разумная, продолжающая традиціи разума, строившая ученіе о Логосѣ, онтологическое ученіе о смыслѣ бытія, допускаетъ возможность чуда; и не допускаетъ этой возможности философія ирраціональная, отрицающая самое идею разума. Ужъ, конечно, Шеллингъ или Вл. Соловьевъ больше признавали разумъ и исходили изъ разума, чѣмъ Милль или Когенъ. Современная научная, критическая философія отбрасываетъ идею разума, какъ устарѣвшую и ненужную. Разумъ есть идея онтологическая, а не гносеологическая, она связана съ признаніемъ положительнаго *смысла* бытія, верховнаго его центра и верховной цѣли. Позитивная, критическая, научная философія не имѣетъ права даже говорить о разумѣ и для нея не имѣетъ никакого смысла разговоръ о неразумности чуда. Современное сознаніе отрицаетъ чудо своимъ сердцемъ и волей, испугавшейся чуда, какъ чорта. Вопросъ объ отношеніи между знаніемъ и вѣрой въ современномъ сознаніи не только не рѣшенъ, но даже не поставленъ.

Наука есть частная форма знанія, не высшая и не окончательная, она всегда направлена на ограниченную область и, перейдя свои предѣлы, перестаетъ быть наукой, становится лже-философіей и лже-богословіемъ. Такъ, напримѣръ, позитивизмъ, который простираетъ свои сужденія за предѣлы научнаго знанія, есть лже-философія, а матеріализмъ можетъ быть названъ лже-богословіемъ. Вѣра заключаетъ въ себѣ полноту знанія, она не противо-научная, а сверхнаучная. Частная сфера научнаго знанія не отрицается религіозной вѣрой, а осмысливается, приводится въ связь съ цѣлымъ. Самъ предметъ научнаго знанія—эмпирическая природа для религіозной вѣры освѣщается свѣтомъ сверхприроднымъ. Но вѣра не можетъ стоять ни въ какой зависимости отъ науки, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ ею опредѣляться, ограничиваться или отрицаться. Міръ знанія и міръ вѣры прежде всего даны намъ, какъ разные совершенно порядки, которые могутъ быть сведены въ одну плоскость, но на почвѣ вѣры, а не знанія. Вопросъ объ отношеніи между знаніемъ и вѣрой очень остро стоитъ для современнаго сознанія и для всѣхъ формъ современнаго религіознаго движенія. Это предметъ религіозной гносеологіи, которая имѣетъ свои основы въ міровомъ развитіи человѣческаго самосознанія. Но разъ религіозная вѣра не можетъ ни въ какомъ смыслѣ зависѣть отъ научнаго знанія и ни въ какой степени имъ отрицаться, то тѣмъ самымъ падаетъ сама возможность экзегетическихъ сомнѣній въ Христѣ. Экзеге[тическія] сомнѣнія основаны на томъ предположеніи, что вѣра въ Хри[ста] можетъ зависѣть отъ научныхъ изслѣдованій о Христѣ и христіанст[вѣ]. Это лишь частный случай общаго вопроса о верховенствѣ науки въ [че]ловѣческомъ сознаніи. Если научность есть единственный критерій исти[ны], если наука есть не только наука, т.-е. частная и ограниченная сфера, [но] также и философія, и религія, т.-е. все, то никакого иного отношенія

Христу, кромѣ научно-историческаго и быть не можетъ. Идолопоклонство передъ наукой, превращеніе ея изъ части въ цѣлое, изъ подчиненной функціи въ верховную норму привели къ идоламъ «научной» философіи и «научной» религіи. Но, казалось бы, философія должна быть философской, религія должна быть религіозной, и только наука должна быть научной, если научность не есть единственный и высшій критерій. Теперь модно требовать научнаго обоснованія не только философіи, но и религіи. Требованіе, поражающее своей нелѣпостью. Наша философія и наша религія отрицаетъ верховенство науки, философія для насъ имѣетъ самостоятельный источникъ, а религія стоитъ выше всего. Какъ же мы можемъ «научно» обосновать нашу вѣру и нашу философію? «Научность» есть лже-богословскій идолъ нашей эпохи и нельзя «научно» этотъ идолъ разбить. Тутъ порочный кругъ. Философски и религіозно мы утверждаемъ лишь научность науки, а самое науку считаемъ сферой частной и ограниченной. Право свободнаго экзегетическаго изслѣдованія, которымъ такъ дорожитъ Луази, есть право священное, но судьба вѣры ни въ какомъ смыслѣ не можетъ отъ него зависѣть. Вѣра же самого Луази очень поддалась подъ напоромъ его собственныхъ изслѣдованій. Католичество дѣлаетъ человѣка безпомощнымъ противъ угрозъ свободы изслѣдованія, такъ какъ отрицаетъ эту свободу и боится ея.

Католическій модернизмъ недостаточно видитъ, что въ мірѣ накопилось новое сознаніе, еще болѣе новое, чѣмъ то, съ которымъ соединяются модернисты, въ которомъ они видятъ современность,—сознаніе религіозное. Это сознаніе оправдывается высшей философіей. Что же совершается внутри современной философіи? Волюнтаризмъ современной философіи (Бергсонъ, Джемсъ, многіе нѣмцы) есть кризисъ позитивизма, онъ изобличаетъ невозможность довольствоваться позитивистическимъ интеллектуализмомъ, который сдавливаетъ всѣ стремленія человѣка къ безконечности. Бергсонъ повліялъ даже на французскихъ синдикалистовъ, которые отрекаются отъ марксистскаго интеллектуализма и жаждутъ философіи дѣйствія. Въ синдикалистскомъ action directe происходитъ тайнодѣйство, это какъ бы откровеніе, добытое усиліемъ воли и непонятное со стороны. Въ сущности Бергсонъ, Леруа и имъ подобные утверждаютъ, что *истина рождается въ дѣйствіи*, что то и есть истина, что создается волей и нужно для воли. Это имѣетъ аналогію съ утвержденіемъ марксизма, согласно которому истина есть лишь нужное для процесса жизни, для дѣйствія, въ данную эпоху для пролетаріата—классовая мистика, которую дальше развиваетъ синдикализмъ. Подобная философія принуждена отрицать реальность истины и присутствіе абсолютныхъ нормъ въ сознаніи. Если въ сознаніи реально не присутствуетъ абсолютное и не является источникомъ истины, то остается лишь отдаться темной волѣ, въ надеждѣ, что ея дѣйственное усиліе приведетъ къ такому результату, который вмѣстѣ съ тѣмъ можно будетъ назвать истиной. Но путь этотъ ведетъ отъ ложнаго свѣта позитивизма къ полной тьмѣ, къ слѣпой мистикѣ. Само дѣйствіе, само волевое усиліе можетъ совер-

шаться лишь на абсолютныхъ основахъ, согласно даннымъ откровенія, религіознаго откровенія въ исторіи и естественнаго откровенія разума и совѣсти, тогда лишь дѣйствіе воли цѣлестремительно и ведетъ къ свѣту, къ абсолютной реальности. Бѣда въ томъ, что новый волюнтаризмъ остается въ предѣлахъ все того же раціонализма, ирраціонализмъ есть лишь вывернутый наизнанку раціонализмъ. Единственный свѣтъ разума, который допускаетъ волюнтаризмъ и ирраціонализмъ, есть все тотъ же старый свѣтъ малаго разума, все тотъ же раціоналистическій свѣтъ. Но свѣтъ этотъ не можетъ освѣтить міровъ иныхъ, не распространяется на сферу религіозную. Поэтому религіозная область остается неосвѣщенной и подвергается опасности со стороны свѣта разсудочнаго, свѣта науки и философіи. Вѣра нужна для волевой жизни, для практики, для дѣйствія, но она неразумна, она колеблется отъ напора современности, отъ властныхъ заявленій самодержавной науки и философіи. Та философія, за которую схватился Леруа и модернисты, не можетъ оправдать вѣры, быть введеніемъ въ возможность религіи и вѣры; эта философія изобличаетъ лишь кризисъ позитивизма и кризисъ католичества, не болѣе.

Въ католичествѣ давно уже исчезла истина, давно уже папа и церковная іерархія охраняютъ тайну великаго инквизитора. Говорю, конечно, не о томъ или иномъ папѣ, какъ человѣкѣ, не о томъ или иномъ іерархѣ церкви, а о духѣ папизма, о самомъ принципѣ іерархическаго авторитета. Папа Левъ XIII былъ замѣчательнымъ человѣкомъ и подлинно вѣрующимъ, вѣритъ, конечно, и Пій X, но оба они прикрываютъ тайну пустоты. Это исчезновеніе истины изъ католической церкви сказалось на модернизмѣ. Модернисты не въ силахъ мужественно порвать съ папой и іерархіей католической церкви, потому что не вѣрятъ въ абсолютную истину, не вѣрятъ въ идеальную природу человѣка. Они слишкомъ релятивисты, слишкомъ оппортунисты. Польскій модернистъ Маріанъ Здзѣховскій помѣстилъ въ *Московскомъ Еженедѣльникѣ* статью «Модернистское движеніе въ римско-католической церкви», въ которой дѣлаетъ странное признаніе, очень характерное для модернизма. М. Здзѣховскій горячій модернистъ, онъ восхищается книгами модернистовъ, превозноситъ Луази, самаго сомнительнаго въ смыслѣ католичества, а въ концѣ вдругъ заявляетъ: «вмѣшательство церковной власти лежало въ интересѣ общаго блага, предостерегательная энциклика со стороны папы оказалась необходимой. И она появилась: Пій X исполнилъ свой долгъ». Въ этихъ странныхъ словахъ сказалась вся двойственность модернизма. Модернисты боятся самихъ себя, не увѣрены, что свобода доведетъ ихъ до добра, подозрѣваю[illegible] себя въ религіозной незрѣлости. Дѣтямъ нельзя позволить слишко[illegible] баловаться, немножко можно позволить, а потомъ слѣдуетъ остановить наказать, а то баловство можетъ довести до бѣды. Можно себѣ позволи[illegible] философскія и экзегетическія изслѣдованія въ духѣ современности, но этомъ пути нѣтъ абсолютнаго критерія истины, легко провалиться въ п[illegible] пасть. Папа Пій X остается абсолютнымъ критеріемъ и можетъ спа[illegible]

погибающаго отъ эксцессовъ свободы даже въ томъ случаѣ, если онъ утерялъ вѣру въ Христа. Свобода, оказывается, ведетъ къ потерѣ вѣры въ Христа, но вѣра въ Пія X остается и спасаетъ отъ гибели. Весь ужасъ католичества, весь его провалъ—въ этой подмѣнѣ Христа папой. Христосъ—свобода, папа—авторитетъ. Католическая церковь—слишкомъ законченное, слишкомъ достроенное зданіе, слишкомъ матеріально осязаемое. Католичество снимаетъ съ человѣка бремя свободы, въ этомъ его сила и въ этомъ его ужасъ. Въ церкви православной нѣтъ этой матеріальной ощутимости, нѣтъ законченности, въ ней слаба была историческая динамика. Въ православіи никто толкомъ не знаетъ, гдѣ голосъ церкви и гдѣ границы церковнаго вѣроученія. Тутъ слабость православія, но тутъ же и возможная его сила. Въ легендѣ о «Великомъ инквизиторѣ» Достоевскій съ небывалой, необычайной силой постигъ тайну подмѣны Христа папой, свободы—авторитетомъ. Отъ соблазна великаго инквизитора модернисты хотѣли бы освободиться, но не имѣютъ силы, такъ какъ нехватаетъ имъ вѣры въ абсолютную истину, въ спасительность свободы, въ религіозный реализмъ. Католичество исключило путь свободы, окружило человѣка препятствіями, а духъ современности,—модернизмъ, исключилъ абсолютную истину, лишилъ реальности религіозной жизни. Католики-модернисты тогда лишь въ силахъ будутъ побѣдить реакціонный авторитетъ папы и іерархіи и осуществить свои новаторскія стремленія, когда станутъ менѣе католиками и менѣе модернистами, когда будутъ, прежде всего, свободно утверждать въ себѣ Христа. Вѣрю, что этотъ религіозный процессъ легче можетъ начаться въ Россіи, изъ православія *). Въ православіи хранилась святыня божественнаго, человѣческая же стихія была слабо выражена. Въ православіи не было исторической динамики Запада **), и эта слабость можетъ стать религіознымъ преимуществомъ въ тотъ часъ, когда исключительно человѣческая динамика станетъ безсмысленной и начнется богочеловѣческая динамика исторіи.

Религіозное броженіе въ Россіи гораздо интенсивнѣе, качественно выше, новѣе, чѣмъ во Франціи и другихъ странахъ. У насъ больше смѣлости и розмаха, больше религіознаго дерзновенія. Идей у насъ много, мы вдохновенно разрушаемъ старое и пророчествуемъ о новомъ, но исторической активности, способности къ реальному дѣйствію у насъ такъ мало, что страшно становится. Наше религіозное движеніе все еще напоминаетъ разговоръ Ивана Карамазова съ Алешей въ трактирѣ. И препятствія, которыя стоятъ у насъ на пути къ возрожденію Христовой вѣры и укрѣпленію но-аго религіознаго сознанія совсѣмъ не тѣ, что въ западномъ модернизмѣ. лавное препятствіе—не въ сознаніи, не въ интеллектуальномъ духѣ современной науки и философіи, а въ волѣ, первоначальной стихіи, въ ко-

*) Въ мистическомъ, а не историческомъ смыслѣ слова.

**) Миссіонерскій съѣздъ, Синодъ, отношеніе церкви къ Л. Толстому—все это іое и суевѣрное язычество.

торой не произошелъ еще окончательный выборъ пути. Наши главныя сомнѣнія не экзегетическія и не философскія, а скорѣе мистическія. Оригинальная русская философія не ставитъ никакихъ препятствій для вѣры. Почти всѣ русскіе философы были вѣрующіе, соединяли знаніе съ вѣрой. Величайшій русскій философъ Вл. Соловьевъ былъ философъ христіанскій и давалъ оправданіе вѣры лучшее, чѣмъ теперь даетъ Леруа и чѣмъ прежде давала схоластика. Русская философія признаетъ разумность христіанской вѣры, видитъ въ христіанствѣ единственное осмысленное міропониманіе и ей одинаково чуждъ отвлеченный интеллектуализмъ и отвлеченный волюнтаризмъ. Новое религіозное сознаніе должно опереться на традиціи русской философіи, а не современной европейской философіи. Бергсонъ, Джемсъ, Риккертъ и др. современные философы—интересны и талантливы, они—симптомъ кризиса позитивизма, но они не смутятъ того, кто продолжаетъ дѣло Вл. Соловьева и чувствуетъ свою связь съ великими философами прошлаго.

Въ русскомъ религіозномъ броженіи таится непосредственное чувство Христа, равно какъ и духа противнаго Христу. Это живое чувство Христа не убито у насъ исторической церковью, какъ въ западномъ католичествѣ, и потому оно можетъ стать основой новой церкви. Въ нашихъ религіозныхъ исканіяхъ очень силенъ соціальный моментъ, который совершенно чуждъ модернизму, въ нихъ живое чаяніе царства Божьяго на землѣ, наступленіе истинной теократіи. Всѣ русскіе богоискатели, начиная съ Чаадаева, шли къ вселенской церкви, въ которой будетъ полнота всего, въ которой осуществятся христіанскія пророчества и обѣтованія. Чаадаевъ и Вл. Соловьевъ,—величайшіе наши религіозные мыслители, имѣли уклонъ къ католичеству. Они вѣрили, что въ православіи дана абсолютная святыня, божественная основа церкви, но въ католичествѣ они хотѣли увидѣть ту человѣческую созидательную силу, силу историческую, которая должна осуществить общественную организацію царства Божьяго на землѣ; въ католичествѣ имъ видѣлось орудіе перенесенія божественной святыни православія во всеміpно-историческую жизнь. Въ соединеніи церквей, въ сочетаніи восточной правды православія съ западной правдой католичества Вл. Соловьевъ видѣлъ исходъ во вселенскую церковь. Модернистское католическое движеніе разочаровываетъ насъ въ этомъ. Въ немъ отсутствуетъ тотъ соціальный моментъ, который привлекалъ Чаадаева и Соловьева. Официальное же католичество остается коснымъ и реакціоннымъ. Все учитъ насъ тому, что святыня вѣчнаго, не временнаго, православія,—божественная основа вселенской церкви, должна соединиться не съ соціальной организаціей католичества, а съ европейской культурой и съ освобождающимъ гуманизмомъ общественнымъ, гдѣ уже произошло утвержденіе человѣческой стихіи, волевой человѣческой активности, столь недостающей христіанскому Востоку. Кризисъ современнаго сознанія идетъ этому навстрѣчу.

Николай Бердяевъ.

Вопросы государственнаго хозяйства и бюджета въ третьей Думѣ *).

Нѣсколько своеобразно было положеніе, занятое въ бюджетныхъ преніяхъ *министерствомъ народнаго просвѣщенія.* Здѣсь совсѣмъ не было какого-либо отказа въ кредитахъ, или значительнаго уменьшенія ассигновокъ. Наоборотъ, всѣ почти фракціи Думы высказывались за настоятельную необходимость значительнаго увеличенія ассигновокъ.

Тѣмъ не менѣе, рѣзкое осужденіе политики министерства сказалось неудержимо не только на скамьяхъ оппозиціи, но захватило центръ и даже умѣренно правыхъ.

Стойкими защитниками «тихаго» вѣдомства оказались лишь члены союза русскаго народа. Гг. Тимошкинъ, Пуришкевичъ, Марковъ 2-й и пр., съ особенной рельефностью демонстрировавшіе здѣсь свое пониманіе задачъ государства въ дѣлѣ просвѣщенія народа, «объяснявшіе», по словамъ Милюкова, «яснѣе смыслъ тѣхъ мыслей», которыя съ министерскихъ скамей не договариваются **)», старались превзойти самихъ себя.

Пренія по смѣтѣ министерства оказались изъ всѣхъ самыми продолжительными.

Чѣмъ-то безконечно-затхлымъ, рутиннымъ, безсильнымъ въ творчествѣ и движеніи, но чрезвычайно упорнымъ, тупо-неподвижнымъ вѣяло отъ правительственныхъ скамей въ этихъ преніяхъ и вызывало протесты и горячія реплики большинства депутатовъ. Ни передать ихъ вкратцѣ, ни даже охарактеризовать главныя изъ нихъ не хватило бы здѣсь мѣста. Для нашей цѣли необходимо лишь установить, что критика бюджетной смѣты вѣдомства вовсе не ограничилась узкими рамками параграфовъ и [...]меровъ расходовъ, что она при дружномъ содѣйствіи даже умѣренныхъ, [...] все же мыслящихъ думскихъ теченій, сразу выросла до истиннаго, го-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1908 г.

**) „Авангардная“ стычка, по выраженію октябриста Ф. Анрепа, началась еще [...] обсужденіи законопроекта объ открытіи въ Москвѣ народнаго университета [...]ни Шанявскаго, а бой по поводу смѣты продолжался въ дальнѣйшихъ *шести* за[...]чіяхъ Думы.

сударственнаго пониманія поставленной цѣли, вылилась въ явное требованіе полной перемѣны министерской политики и проведенія цѣлаго ряда назрѣвшихъ реформъ. Пожеланія бюджетной коммиссіи въ 21 пунктѣ рисуютъ цѣлый планъ переустройства низшей, средней и высшей школы.

«Школы неудовлетворительны и школы необходимо реформировать сверху донизу,—это есть задача неотложная,—говоритъ докладчикъ бюджетной коммиссіи М. Я. Капустинъ, и тотъ же мотивъ, съ разными варіаціями, въ разныхъ тонахъ звучитъ въ рѣчахъ многихъ ораторовъ, въ особенности у Ф. Анрепа, П. Н. Милюкова и Ф. И. Родичева. Какъ всегда сильно и ярко подчеркнулъ основныя мысли Ф. И. Родичевъ. Онъ оттѣнилъ между прочимъ связь народнаго образованія съ платежной способностью населенія, онъ требовалъ увеличенія кредитовъ на дѣло просвѣщенія.

«И мы требуемъ,—говорилъ онъ,—чтобы министерство требовало этихъ денегъ. Мы требуемъ, чтобы правительство понимало, что въ этомъ дѣлѣ промедленія быть не можетъ, ибо оно равносильно измѣнѣ. Да, вы требуете съ народа огромныхъ, небывалыхъ еще средствъ на вооруженіе, но помните, чѣмъ вы должны его вооружить прежде всего, прежде того оружія—дать ему въ руки оружіе знанія. Вы должны помнить, что вамъ и всей странѣ грозитъ разореніе отъ тѣхъ расходовъ, которые возлагаются нами, если на каждый рубль тѣхъ непроизводительныхъ расходовъ не будетъ немедленно ассигнованъ рубль производительныхъ. Мы не знаемъ, господа, какъ выраститъ въ будущемъ военный бюджетъ, откуда мы возьмемъ эти деньги. Мы ихъ можемъ достать изъ одного источника: если вы хотите имѣть деньги на войско, ассигнуйте ихъ на народное образованіе». Его рѣзкая критика рѣчи министра встрѣчала поддержку центра. Его заключительныя слова вызвали шумныя одобренія: «Нельзя не пожалѣть страну и народа, который въ данный моментъ обновленія находитъ не вождя, а дядьку», сказалъ онъ какъ бы резюмируя всѣ пренія по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія.

Пренія по смѣтамъ *министерства юстиціи* касались, главнымъ образомъ, недостатковъ мѣстнаго суда и внесенія политики въ судебныя установленія. Хотя ораторы большинства (докладчики Воейковъ 2-й, Антоновъ и др.) говорили преимущественно о недостаточности оплаты чиновъ судебнаго вѣдомства и необходимости реформы мѣстнаго суда и сената, тѣмъ не менѣе указанія представителей оппозиціи (Родичева и Черносвитова) на недопустимость проникновенія правительственной политики въ суды были приняты во вниманіе и въ центрѣ Думы. Фракціей народной свободы была внесена слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣ-ламъ: «Признавая важнѣйшимъ устоемъ нормальной дѣятельности судебныхъ установленій независимость и несмѣняемость судей, какъ главное условіе безпристрастнаго отправленія правосудія, и имѣя въ виду, что въ послѣднее время нерѣдко наблюдалось нарушеніе этихъ обязательныхъ гарантій нелицепріятнаго суда, Государственная Дума считаетъ необходимымъ возстановленіе ихъ во всей неприкосновенности и чистотѣ»

Октябристъ Антоновъ отъ имени своей фракціи заявилъ, что союзъ 17 октября «раздѣляетъ основное положеніе» этой формулы и только желалъ бы выпустить слова о нарушеніи указанныхъ принциповъ въ послѣднее время. Съ этой поправкой формула и была принята большинствомъ Государственной Думы.

По смѣтѣ *тюремнаго вѣдомства* пренія были обрывочны, и большинство руководящихъ партій спѣшно и молчаливо отдѣлалось отъ непріятной темы. Отдѣльныя и небольшія рѣчи членовъ оппозиціи не вызвали къ себѣ вниманія и поддержки. Дѣло ограничилось техническимъ предложеніемъ бюджетной коммиссіи объ исключеніи изъ смѣты суммы въ 1.900,000 р. на покрытіе перерасходовъ предыдущихъ лѣтъ. Было указано на полную недопустимость проводить въ смѣтномъ порядкѣ покрытіе прошлыхъ долговъ, требующихъ подробнаго выясненія и оправданія. Несмотря на возраженія представителя вѣдомства, Дума приняла предложеніе бюджетной коммиссіи, исключивъ изъ смѣты 1,9 милл. руб., и кромѣ того признала необходимымъ «приведеніе въ порядокъ финансовой стороны тюремнаго дѣла и принятіе мѣръ къ устраненію на будущее время образованія перерасходовъ и накопленія долговъ».

По смѣтѣ *св. синода* пренія, хотя и короткія, представляли какъ значительный общій интересъ, такъ и чисто смѣтный. Бюджетная коммиссія устанавливала рядъ пожеланій о прекращеніи исключительныхъ привилегій вѣдомства въ области контроля и расходованіи кредитовъ. Пожеланія говорятъ о томъ, чтобы правила отчетности государственнаго контроля распространялись на денежные обороты вѣдомства православнаго исповѣданія, чтобы остатки отъ кредитовъ, поступающихъ нынѣ въ спеціальныя средства св. синода, были обращаемы въ рессурсы государственнаго казначейства на общемъ основаніи и чтобы по смѣтѣ синода доставлялись свѣдѣнія о спеціальныхъ средствахъ и подробныя данныя о состоящихъ въ вѣдомствѣ капиталахъ. Не останавливаясь однако на этихъ чисто смѣтныхъ вопросахъ, коммиссія еще высказала свое сужденіе о необходимости установленія самостоятельности прихода въ хозяйственномъ отношеніи.

Противъ распространенія контроля на расходы синода протестовалъ въ Думѣ оберъ-прокуроръ, ссылаясь на нежелательность вмѣшательства государственной власти въ сферу церкви. Этотъ мотивъ, столь пренебрегаемый во всей современной постановкѣ дѣла, да еще раздавшійся изъ устъ какъ разъ представителя государственной власти въ сферѣ церковнаго управленія, былъ и страненъ и непонятенъ. Почему именно контроль ...къ опасенъ для автономности церкви при продолжающемся ея порабо...щеніе государственной властью въ остальномъ, осталось невыясненнымъ. ...ѣмъ не менѣе октябристы не выдержали и отреклись отъ перваго поже...анія бюджетной коммиссіи. Устами М. В. Родзянка они заявили о готов...ости вмѣсто распространенія дѣятельности контроля ограничиться не...предѣленной фразой «объ установленіи правильной отчетности для денеж...ыхъ оборотовъ вѣдомства православнаго исповѣданія». Остальныя пожела-

нія были Думою приняты. Интересно отмѣтить выступленія октябриста В. Н. Львова по вопросу о скорѣйшемъ созывѣ церковнаго собора, необходимаго для того, чтобы не было разговоровъ «о вторженіи государственной власти въ дѣла совершенно государственной власти не подвѣдомственныя, въ дѣла, церковныя, въ дѣла вѣры православной церкви». Его критика произвольнаго и неправильнаго расходованія ассигнуемыхъ синоду изъ государственнаго казначейства денегъ была весьма содержательна, а протестъ противъ роли оберъ-прокурора вполнѣ опредѣленъ. «Мы имѣемъ названіе—смѣта св. синода, но на самомъ дѣлѣ роль св. синода настолько умалена, что, мнѣ кажется, по существу дѣла это можетъ быть названо смѣтой оберъ-прокурора св. синода», заявилъ онъ съ трибуны.

По смѣтамъ главнаго управленія *земледѣлія и землеустройства* бюджетныя пренія мало коснулись основного вопроса земельной политики правительства. Отчасти тогда еще имѣлась въ виду возможность аграрныхъ преній по поводу доклада земельной коммиссіи о законѣ 9 ноября и споры откладывались до этого болѣе удобнаго момента; отчасти это произошло потому, что въ области земельной политики въ третьей Думѣ едва ли вполнѣ опредѣлилось настроеніе ея большинства; и во всякомъ случаѣ это настроеніе далеко не однородное.

Какъ бы то ни было, смѣты главнаго управленія не дали развернуться соотвѣтствующимъ преніямъ, только въ нѣсколькихъ случаяхъ дѣло ограничилось партійными деклараціями или индивидуальною критикою.

Основной и самый острый вопросъ русской государственной жизни въ этихъ преніяхъ почти не нашелъ себѣ отраженія. Это, пожалуй, и характерно для третьей Думы, которая передъ вопросами соціально-политическими, несмотря на ихъ громадную важность, стоитъ пока въ молчаніи.

Рядъ пожеланій бюджетной коммиссіи по смѣтѣ канцеляріи главноуправляющаго и департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ касается чисто техническихъ вопросовъ отчетности и пересмотра штатовъ (совѣта главноуправляющаго, губернскихъ землеустроительныхъ коммиссій и пр.). Члены оппозиціи подняли, конечно, вопросъ о *расширеніи крестьянскаго землевладѣнія* на счетъ частнаго (въ рѣчахъ Березовскаго, Розонова, Бѣлоусова), но это только вызвало неистовые выкрики съ крайнихъ правыхъ скамей. Марковъ 2-й прямо объявилъ всякія попытки уничтоженія частной собственности «безумными». «Пусть знаютъ всѣ тѣ,—выпалилъ этотъ несдержанный и откровенный депутатъ Курской губерніи,—кого соблазняютъ эти идеи, что такое владѣніе чужими землями не продержится и одного года, ибо не только отдѣльныя разбойничьи выступленія внутри государства несутъ соотвѣтствующія наказанія. Законъ возстановляется и въ международныхъ отношеніяхъ, и если бы въ міровомъ общеніи явилось такое государство или такое скопище людей, которое осуществило бы разбойничьи идеалы, то явились бы сейчасъ же міровые полицейскіе, въ видѣ разныхъ бронированныхъ иностранныхъ кулаковъ

которые немедленно вобьютъ въ эту голову желѣзными ударами сознаніе необходимости уважать право собственности и заставятъ это право разъ навсегда уважать».

Было бы интересно услышать отъ пылкаго представителя такой вѣры въ могучее дѣйствіе непререкаемаго закона, являлись ли «бронированные иноземные кулаки» только возстановлять право собственности, или «міровые полицейскіе» чаще помогали при этомъ попирать права и свободы населенія, отнятыя съ нарушеніемъ законовъ.

Его филиппики и послѣдующія разъясненія однако не вызвали програмныхъ заявленій центра, который даже послѣ протеста ораторовъ оппозиціи и бурнаго столкновенія, сохранилъ свое благоразумное молчаніе *). По смѣтѣ департамента земледѣлія бюджетная коммиссія намѣтила цѣлый рядъ необходимыхъ преобразованій вѣдомства: привлеченіе къ участію въ немъ представителей мѣстныхъ интересовъ, развитіе мѣстныхъ учрежденій, созданіе широкой и общедоступной организаціи сельско-хозяйственнаго и въ частности меліоративнаго кредита, распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія и пр. Рѣчи почти исключительно касались техническихъ вопросовъ, и только представители к.-д. и мирнообновленцевъ (И. Н. Ефремовъ) снова упомянули о томъ, что повышеніе производительности крестьянскаго хозяйства во многихъ случаяхъ немыслимо безъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ частновладѣльческаго.

Изъ отдѣльныхъ смѣтъ главнаго управленія земледѣлія приходится въ заключеніе сказать еще нѣсколько словъ по поводу *переселенческой* политики правительства. Сама переселенческая смѣта была подробно разсмотрѣна сначала въ переселенческой коммиссіи, потомъ уже въ бюджетной. Отъ имени коммиссій въ Думу былъ внесенъ цѣлый рядъ принципіальныхъ пожеланій о привлеченіи мѣстныхъ органовъ къ веденію переселенческаго дѣла, объ измѣненіи и улучшеніи условій передвиженія переселенцевъ, о созданіи необходимыхъ условій для ихъ культурно-экономическаго развитія, объ охранѣ правъ мѣстнаго населенія и пр. Члены оппозиціи (Дзюбинскій и особенно Виноградовъ) указывали на рѣзкіе недочеты въ переселенческомъ дѣлѣ, на путаницу и безпорядокъ, случайность и необдуманность мѣропріятій, тяжелое и безпомощное положеніе переселенцевъ, плохую постановку межевого и землеотводнаго дѣла, игнорированіе интересовъ старожильческаго населенія и пр. Виноградовъ требовалъ «коренного измѣненія политики переселенческаго управленія». Октябристъ Неклюдовъ доказывалъ необходимость законодательнымъ путемъ установить право земства участвовать въ переселенческомъ дѣлѣ. «Сама жизнь вырвалась наружу и земства уже вступили на путь помощи правительству въ дѣлѣ переселенія, но этого недостаточно. Требуется, чтобы законодательство пришло на по-

*) Послѣ этого протеста и произошло извѣстное столкновеніе гр. В. Бобринскаго и П. Н. Милюкова. Въ личныхъ объясненіяхъ послѣдній весьма рельефно оттѣнилъ взгляды партіи народной свободы на неизбѣжность рѣшенія земельнаго вопроса законодательнымъ путемъ въ опредѣленномъ направленіи.

мощь, чтобы законодательство догнало жизнь и удовлетворило ея потребности». Союзъ 17 октября,—заявилъ онъ далѣе по поводу пожеланій бюджетной коммиссіи,—считаетъ необходимымъ при переселеніи, «чтобы вообще не были нарушены права мѣстнаго населенія». Далѣе октябристы въ своей поправкѣ къ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ предлагали установить для сибирскаго землевладѣнія «возможность пріобрѣтать земли въ личную собственность и работать надъ устройствомъ своего благосостоянія въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія». Бѣгло сдѣланное предложеніе, заключающее въ себѣ два коренныхъ вопроса о формѣ землевладѣнія въ Сибири и объ организаціи сибирскаго земства, прошло торопливо, скомкано, но Думой было принято несмотря на возраженія оппозиціи.

Наконецъ, остается упомянуть еще о критикѣ въ бюджетныхъ преніяхъ самой молодой отрасли государственнаго управленія—*министерства торговли и промышленности.*

Оппозиція отнеслась къ нему довольно сурово. Вѣдомство, случайно появившееся въ концѣ 1905 года, живущее безъ опредѣленной программы и утвержденныхъ штатовъ, перемѣнившее 5 разъ своего руководителя, собственно говоря ничего почти не дѣлаетъ для торговли и промышленности, да и не можетъ дѣлать, ибо основные вопросы кредита, желѣзнодорожныхъ и таможенныхъ тарифовъ находятся въ вѣдѣніи министерства финансовъ, а вопросы неотложнаго рабочаго законодательства тормозятся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Безсильное и неорганизованное вѣдомство относится къ торговлѣ и промышленности «только по своему названію». Почти то же говорилъ и докладчикъ бюджетной коммиссіи И. В. Годневъ.

Представитель центра бар. Тизенгаузенъ въ своей необычайно длинной рѣчи, наполовину написанной по Менделееву, сначала совершенно отрекся отъ «такъ называемыхъ vieux baveur'овъ»; онъ указалъ, что «съ этой трибуны, въ особенности изъ устъ ораторовъ лѣваго крыла, мы только и слышали безконечные укоры, укоры и укоры отжившему режиму», онъ убѣждалъ бросить этотъ лейтъ-мотивъ брюжжанія, ибо государственная машина работаетъ пока такъ плохо въ силу старой рутины, въ силу инерціи. Тѣмъ не менѣе въ заключеніе, вопреки своимъ собственнымъ совѣтамъ, онъ прямо заявилъ: «Мы будемъ искать не покровительства, не льготъ, не исключеній, ни даже поощренія, мы будемъ только желать одного, *чтобы къ нашему голосу,* къ нашимъ заявленіямъ и запросамъ *относились чутко и жизненно,* чтобы министерство своей дѣятельностью показало на дѣлѣ, что оно существуетъ для населенія, а не населеніе д
него, какъ это было въ доброе и недавно прошедшее время. Полити
«держать и не пущать» должна быть сдана въ архивъ. Итакъ, наше мн
ніе, что министерство торговли и промышленности должно въ первую о
редь создать для своей дѣятельности атмосферу довѣрія и жизненно
и отказаться совершенно отъ формальной обстановки и на первыхъ
шагахъ своего новаго курса дать доказательство, что оно признаетъ

ствительно принципъ свободы хозяйственной дѣятельности населенія и ставить себѣ задачу устранить препятствіе къ росту этой дѣятельности».

Этотъ пробуждающійся голосъ либеральнаго манчестерскаго капитализма звучалъ довольно шаблонно и мирно; онъ, какъ и полагается, почти совершенно обошелъ острый рабочій вопросъ, упомянувъ только о новомъ лозунгѣ экономической политики Россіи, вмѣсто «набившаго всѣмъ оскомину клича» «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь»—долой пролетаріатъ. Къ сожалѣнію, средства къ осуществленію этого «новаго» лозунга (?) остались неотмѣченными ораторомъ.

Рабочій вопросъ былъ освѣщенъ лишь членами оппозиціи. Какъ и всегда въ соціальныхъ вопросахъ, большинство Думы сохраняло здѣсь глубокомысленное молчаніе. Тѣмъ не менѣе формула бюджетной коммиссіи съ предложеніемъ реорганизовать министерство торговли и промышленности по предварительно выработанному плану и указаніе на необходимость ускорить внесеніе въ Государственную Думу законодательныхъ предположеній о страхованіи рабочихъ и улучшеніи ихъ быта, было принято почти единогласно.

Этимъ, собственно говоря, и можно закончить нашъ по необходимости краткій обзоръ бюджетныхъ преній въ сферѣ государственнаго управленія и политики. Они далеко не во всѣхъ частяхъ полны, всесторонни и проникнуты истинными интересами народа. Недавній прошлый испугъ отъ революціи, близость къ правительству и классовые интересы нерѣдко мѣшали думскому большинству вести эти пренія съ большей широтой мысли, съ большей независимостью и прямотой. Но и въ нихъ уже разсѣяны во многихъ мѣстахъ начинающее сказываться отрезвленіе, протестъ противъ непрекращающихся репрессій, смутныя пожеланія обновленія стараго строя, требованіе отвѣтственности за прошлые грѣхи, желаніе вмѣшаться и поставить опредѣленныя условія вѣдомствамъ при отпускѣ кредитовъ или даже вотумъ недовѣрія съ отказомъ въ средствахъ. Наша цѣль преимущественно состояла въ томъ, чтобы эти теченія выдѣлить и подчеркнуть, сдѣлать ихъ болѣе замѣтными.

Въ дальнѣйшей части нашего обзора при разсмотрѣніи бюджетныхъ работъ въ области государственнаго хозяйства эти черты думскаго большинства останутся неизмѣнными и пріобрѣтутъ, пожалуй, даже большую опредѣленность.

IV.

Отрасли *государственнаго хозяйства* занимаютъ, какъ извѣстно, въ русскомъ бюджетѣ весьма замѣтное мѣсто. Владѣя до настоящаго времени колоссальными пространствами казенной земли, лѣсовъ, горными богатствами и крупными оброчными статьями, монополизировавъ торговлю алкоголемъ и создавъ обширную сѣть казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, Россія обзавелась соотвѣтственно громаднымъ и громоздкимъ государственнымъ хозяй-

ствомъ, составляющимъ крупнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ, весьма отличающихъ структуру ея бюджета отъ большинства западно-европейскихъ государствъ.

По бюджету 1908 г. въ отдѣлѣ V доходной смѣты поступленія съ казенныхъ имуществъ и капиталовъ предположены въ размѣрѣ 680,7 милліоновъ руб., т.-е. 28,5% всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ. Изъ этой суммы свыше 28 милл. приходится на долю оброчныхъ статей и промысловъ, 59,5 милл. лѣсного дохода, 550 милл. даютъ казенныя желѣзныя дороги, 15,5 милл. казенные заводы, техническія заведенія и склады, 26,4 милл. прибыли отъ казенныхъ капиталовъ и банковыхъ операцій и 1,3 милл. прибыли отъ участія въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Затѣмъ доходы отъ такъ называемыхъ правительственныхъ регалій (горный, монетный, почтовый, телеграфный и телефонный доходы и выручка отъ казенной винной операціи) сопряжены также съ нѣкоторой хозяйственной организаціей, особенно сложной и обширной въ винной монополіи. Между тѣмъ по одной этой послѣдней ожидается на 1908 годъ 790 милл. руб. дохода.

Такимъ образомъ, веденіе цѣлой массы отраслей государственнаго хозяйства, имѣющихъ чисто фискальное, общественно-правовое значеніе, приносящихъ свыше половины всей суммы доходовъ и поглощающихъ въ свою очередь чрезвычайно крупныя суммы по смѣтѣ государственныхъ расходовъ *), не могло не привлечь къ себѣ самаго серьезнаго вниманія бюджетной коммиссіи Государственной Думы. Ихъ вліяніе должно сказываться не только на бюджетѣ, но и на всемъ комплексѣ народно-хозяйственной жизни страны. Недаромъ многіе капиталисты-промышленники стали ворчать на ростъ «государственнаго соціализма» въ Россіи.

Какъ ведется это необъятное хозяйство? Экономно ли и раціонально ли тратятся испрашиваемыя средства, достаточенъ ли чистый доходъ и насколько правильно функціонируютъ важнѣйшія общественно-государственныя предпріятія? Вотъ тѣ вопросы, которые стояли, или, по крайней мѣрѣ, должны были стоять передъ бюджетной коммиссіей третьей Государственной Думы.

Исправленіе и усовершенствованіе бюджета—работа вообще чрезвычайно медленная, длительная и весьма не легкая. Она требуетъ не только приложенія опредѣленныхъ, строго продуманныхъ и неукоснительно проводимыхъ раціональныхъ принциповъ общей финансовой науки, но и детальнаго, солиднаго знакомства съ обширнымъ предметомъ, вѣрнѣе съ массою обширныхъ государственныхъ предпріятій и потребностей.

Если критика отраслей государственнаго управленія могла сразу ж проявиться шире и яснѣе, если общегосударственные правовые идеалы хотя бы и разсматриваемые съ чисто-партійной точки зрѣнія, легче могл

*) Одно желѣзно-дорожное хозяйство на казенныхъ дорогахъ требуетъ свы 500 милліоновъ, казенная винная операція поглощаетъ болѣе 210 милл. руб. и т.

быть установлены, и къ правительству могли быть предъявлены соотвѣтствующія требованія,—то въ области чисто бюджетно-хозяйственной предварительное и всестороннее изученіе вопросовъ особенно было необходимо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенно затруднительно.

Уже въ силу этого самаго обстоятельства бюджетныя работы Думы и коммиссіи въ этихъ областяхъ во время разсмотрѣнія *перваго* бюджета сталкивались съ значительными трудностями, а въ то же время представлялись особенно интересными и важными.

Если государственное хозяйство Россіи вообще очень велико, если значительныя доли ея бюджета пополняются этимъ хозяйствомъ и если вмѣстѣ съ тѣмъ государственныя потребности повелительно требуютъ для ихъ удовлетворенія все новыхъ и новыхъ источниковъ доходовъ, а ихъ изысканіе при бѣдности населенія, при крайнемъ и неравномѣрномъ обремененіи его наиболѣе обездоленныхъ классовъ налогами, при слабомъ развитіи промышленной жизни и малой интенсивности и производительности народнаго труда, является задачей весьма затруднительной,—то невольнымъ образомъ мысль обращается на обширныя отрасли хозяйства государственнаго и въ нихъ ищетъ дальнѣйшихъ возможностей увеличенія доходности, улучшенія эксплоатаціи, расширенія операцій и разумной экономіи въ расходахъ.

Это особенно понятно при нашемъ болѣе чѣмъ скромномъ бюджетномъ правѣ, когда, какъ было указано въ предыдущихъ страницахъ этого обзора, свыше 48% всего бюджета забронировано, и небронированными, т.-е. подлежащими свободному измѣненію, остаются по преимуществу расходы операціоннаго характера, главнымъ образомъ по отраслямъ государственнаго хозяйства.

Само собой разумѣется, что далеко не только въ этой области лежитъ оздоровленіе нашего бюджета, или, вѣрнѣе, не исключительно въ этой области оно должно лежать, но и она требуетъ самаго серьезнаго разсмотрѣнія и изученія.

Правда, существуютъ взгляды, говорящіе о постепенномъ уменьшеніи роли и значенія доходовъ съ государственныхъ доменъ въ бюджетахъ современныхъ государствъ.

Уменьшается количество казенныхъ имуществъ, особенно земельныхъ, при неудержимомъ ростѣ населенія, при развитіи промышленной жизни, постепенно исчезаютъ казенные лѣса, уступая мѣсто обработанной землѣ, развиваются иные налоги и доходы и т. д. Этотъ процессъ ярко выразился уже во многихъ государствахъ: доходы съ казенныхъ имуществъ Англіи, Франціи, Италіи сокращаются весьма значительно и безостановочно. Не въ этой области, казалось бы, слѣдуетъ намъ искать рѣшеній финансовыхъ задачъ будущаго.

Однако эти взгляды едва ли могутъ быть приняты къ руководству, особенно въ нашихъ бюджетныхъ работахъ. Каковъ бы ни былъ постепенный ходъ роста или уменьшенія государственныхъ имуществъ, они все

же должны приносить государству соотвѣтственный доходъ, хозяйство въ нихъ должно быть поставлено раціонально и экономно. Дума въ правѣ требовать, чтобы принадлежащія казнѣ имущества не лежали втунѣ, не истреблялись и не истрачивались бы зря, чтобы доходность ихъ соотвѣтствовала бы ихъ стоимости.

Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, если казенныя недвижимыя имущества и уменьшаются постепенно, если прежнее преобладающее вліяніе въ бюджетѣ собственно земельныхъ доменовъ и падаетъ, то это вовсе еще не значитъ, чтобы вообще значеніе государственно-хозяйственныхъ операцій уменьшалось. Наоборотъ, быстрое развитіе современной государственной жизни создаетъ массу новыхъ сложнѣйшихъ государственныхъ предпріятій.

Достаточно упомянуть про громадное развитіе казенной желѣзно-дорожной сѣти, расширяющуюся эксплоатацію горныхъ богатствъ, предстоящую въ близкомъ будущемъ эксплоатацію водяной движущей силы (этого бѣлаго угля будущаго, какъ ее называютъ) и т. п., чтобы понять, что современное развитое государство можетъ становиться во главѣ громаднѣйшихъ государственныхъ хозяйственныхъ и даже промышленныхъ предпріятій.

И до настоящаго времени домены и казенные промыслы въ бюджетѣ, наприм., германскихъ государствъ доставляли 48,69% общаго итога поступленій *), а казенныя желѣзныя дороги Пруссіи являлись крупнѣйшимъ источникомъ доходовъ.

Третья Дума и въ коммиссіи, и въ общихъ засѣданіяхъ вопросамъ государственнаго хозяйства удѣлила немало времени, хотя далеко не исчерпала всего обширнаго матеріала. Всего подробнѣе было разобрано ею желѣзно-дорожное хозяйство, но и здѣсь, констатировавъ фактъ крупной убыточности его, пришлось возложить всѣ надежды на дальнѣйшее изученіе и выясненіе вопроса. Болѣе или менѣе подробно было освѣщено лѣсное хозяйство, отчасти горное дѣло и казенные горные заводы. Остались почти незатронутыми доходы съ оброчныхъ статей и промысловъ и банковыя операціи. Впрочемъ, дѣятельность государственнаго банка всего менѣе подлежитъ воздѣйствію Думы.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи работъ Думы въ области хозяйственныхъ вопросовъ русскаго бюджета придется остановиться лишь на болѣе значительныхъ изъ нихъ, опуская массу мелкихъ подробностей и выдвигая общія основныя черты думской критики. Это изложеніе ради бо̀льшаго удобства и цѣльности общей картины государственнаго хозяйства едва ли слѣдуетъ строго проводить въ рамкахъ опредѣленныхъ доходныхъ статей съ доменовъ, регалій или государственныхъ предпріятій.

Вопросы хозяйственнаго порядка, вопросы, затрогивающіе операціонные

*) *Ф. Нитти:* „Основныя начала финансовой науки“, стр. 185. Данныя изъ „Statistik des Deutschen Reichs“, 2-й вып., 1902 г.

расходы того или другого вѣдомства или связанные для государства съ веденіемъ какого-либо обширнаго предпріятія, хотя бы и не ставящаго себѣ непосредственной цѣлью *доходъ* казначейства или имѣющаго къ нему лишь отдаленное отношеніе, все же могутъ дать яркіе образчики *веденія* отраслей *государственнаго хозяйства*, на которыхъ остановилось вниманіе Думы.

Итакъ, жертвуя нѣкоторой классификаціонной стройностью и ставя себѣ задачей вовсе не анализъ слагающихъ статей русскаго бюджета, а лишь изложеніе работъ третьей Думы, мы остановимся пока лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе интересныхъ вопросахъ.

Смѣта *главнаго управленія государственнаго коннозаводства*—одна изъ самыхъ маленькихъ смѣтъ. По ней имѣется 367,345 руб. дохода и было предположено 1.862,723 руб. расхода. Въ двухмилліардномъ бюджетѣ—это ничтожный по своему объему уголокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его значеніе для народнаго хозяйства могло бы быть весьма велико при правильной постановкѣ дѣла.

Достаточно указать, что конское населеніе Россіи, по даннымъ главнаго управленія, превышаетъ 30 милліоновъ головъ, тогда какъ во всей Европѣ, кромѣ Россіи, числится приблизительно 16 милліоновъ лошадей и почти такое же количество ихъ имѣется въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Иначе говоря, конское населеніе Россіи составляетъ почти половину всѣхъ лошадей Европы и Сѣверной Америки *), являясь колоссальнымъ народнымъ богатствомъ.

Членъ Думы Шубинскій, оцѣнивая въ среднемъ по 40 руб. лошадь, вычислилъ стоимость конскаго населенія Россійской имперіи въ 1,280 милліоновъ руб.

Правда, кн. Урусовъ указалъ, что составъ этотъ вовсе не такъ великъ относительно, ибо количество лошадей, приходящееся на 1 кв. версту, въ другихъ странахъ выше, чѣмъ у насъ.

Тѣмъ не менѣе абсолютное количество лошадей и ихъ исключительное значеніе для главнѣйшей отрасли народнаго труда придаютъ заботамъ вѣдомства, ставящаго себѣ задачею улучшеніе породы и увеличеніе цѣнности лошадей, характеръ серьезнаго государственнаго дѣла.

Въ какомъ же оно находится положеніи?

Докладъ бюджетной коммиссіи останавливается прежде всего на ничтожности производительныхъ расходовъ нашего бюджета въ этомъ отношеніи.

Весьма интересна сравнительная таблица, приводимая по этому поводу коммиссіей **).

---

*) Управляющій государственнымъ коннозаводствомъ въ засѣданіи Государственной Думы 27 марта сообщилъ даже, что „количество лошадей въ Россіи превышаетъ (?) половину конскаго населенія всего земного шара.

**) Данныя относятся къ 1906 г.

Государства.	Численность конскаго состава.	Бюджетъ гос. коннозаводства (въ рубляхъ).	Ассигновка на покупку лошадей производителей.
Россія . .	30.423,713 головъ	1.742,172	50,000
Франція .	2.899,131 »	2.994,073	487,500
Германія .	4.132,913 »	4.019,242	967,500
Австрія . .	1.547,931 »	1.811,718	298,800

Оказывается, что въ то время, какъ сосѣднія съ нами великія державы затрачиваютъ на дѣло государственнаго коннозаводства почти по 1 рублю на голову конскаго населенія, у насъ этотъ расходъ не превышаетъ 5—6 копеекъ.

При этомъ расходъ по покупкѣ цѣнныхъ производителей у насъ чрезвычайно ничтоженъ и, несмотря на громадную численность конскаго состава, онъ несравненно ниже (въ 6—18 разъ), чѣмъ въ другихъ государствахъ. Кромѣ того, нельзя забывать, что и частное коннозаводство у насъ развито весьма слабо. Итакъ, на это важное государственное дѣло тратимъ мы очень мало, несравненно меньше, чѣмъ это было бы необходимо по количеству имѣющихся у населенія лошадей. Оказывается далѣе, что и эти затраты (впрочемъ, не единственныя, у коннозаводства есть и другіе источники дохода) поставлены нераціонально и не даютъ результатовъ, которые возможно было бы отъ нихъ требовать.

Государственное коннозаводство имѣетъ при нѣкоторыхъ заводахъ обширные участки казенной земли. Такъ, при Хрѣновскомъ заводѣ земли имѣется 7,464 десятины, при 4 Бѣловодскихъ заводахъ—32,000 десят., при Оренбургской конюшнѣ—16,795 дес., при Тургайской—7,965 дес., при Кустанайской—37,570 дес. Всего коннозаводство владѣетъ весьма значительнымъ количествомъ земли, около 106 тысячъ десятинъ. Хозяйство на этой землѣ ведется, повидимому, самое примитивное.

«Полевое хозяйство,—говоритъ докладчикъ бюджетной коммиссіи,—ведется безъ всякой программы, и затѣмъ совершенно неизвѣстно, какъ велика посѣвная площадь, какія бываютъ перемѣны въ ней и какъ ведется хозяйство. *Отчетности нѣтъ никакой*».

Кромѣ этого огромнаго земельнаго имущества государственное коннозаводство получаетъ еще 10% отчисленій отъ валового поступленія съ тотализатора. Этотъ спеціальный доходъ съ 1901—1905 гг. далъ вѣдомству около 2 милл. рублей *).

Расходы непосредственно изъ государственнаго казначейства росли изъ года въ годъ. Въ 1882 г. смѣта равнялась всего 860 тыс. р., въ 1897 г. на дѣло ассигновывалось 1,401 тыс. р., въ 1900 г. превышало 2 м. р.

Членъ Думы Березовскій отмѣчаетъ въ своей рѣчи, что особенно вг

*) Въ 1901 г.—390 тыс., въ 1902 г.—384 тыс., въ 1903 г.—448 т., въ 1904 г. 455 тыс. и въ 1905 г.—282 тыс. руб. Суммы не вносились въ расходную смѣту в домства, составляя его спеціальныя средства.

росли расходы на наименѣе производительную часть дѣла—канцелярію, чиновничество, повысившись на 100%.

Вмѣстѣ съ тѣмъ общій ростъ дѣятельности вѣдомства повышался далеко не пропорціонально. «Въ 1896 году,—сказалъ тотъ же депутатъ,—трехлѣтняя лошадь государственному коннозаводству обходилась около 1,000 руб. и послѣ распредѣленія ея по заводскимъ конюшнямъ и другимъ мѣстамъ, излишняя и бракованная лошадь продавалась по цѣнѣ 167 руб. Въ 1905 г. эта лошадь обошлась... въ 1,734 руб. и бракованныя, оставшіяся для вольной продажи лошади, продавались по цѣнѣ даже ниже 100 рублей. Указанная цѣна составляется только изъ *денежныхъ* затратъ государственнаго казначейства, а если къ этому прибавить безвозмездное пользованіе громадными угодьями, то стоимость лошади государственнаго коннозаводства выражается цифрой много выше 1,800 руб., въ то время какъ частные заводы считаютъ возможнымъ продавать подобнаго же сорта лошадей за 500 руб. и, слѣдовательно, выращивать дешевле этой цѣны».

Онъ объясняетъ эти убыточные результаты—«нехозяйственностью и неумѣлостью веденія дѣла».

При этомъ было еще отмѣчено, что коннозаводство не даетъ установившихся породъ лошадей, очень часто мѣняетъ свою систему, производитъ метисовъ, не улучшаетъ и не занимается улучшенной выработкой стойкихъ мѣстныхъ породъ и весьма мало помогаетъ интересамъ массъ крестьянскаго населенія, часто увлекаясь спортивными цѣлями, поощряя развращающій населеніе тотализаторъ.

Членъ Думы Сыртлановъ оттѣнилъ и то обстоятельство, что улучшеніе кавалерійской лошади, каковую цѣль ставило себѣ государственное коннозаводство, не достигнуто. Наоборотъ, замѣчается ухудшеніе. «Происходитъ это потому,—сказалъ онъ,—что у этого вѣдомства *нѣтъ никакой системы*, нѣтъ никакой опредѣленной политики, которая въ концѣ-концовъ показала бы, къ чему же это вѣдомство стремится».

Еще болѣе опредѣленно указалъ на это к.-д. Бобянскій. «Изъ отчетовъ ремонтныхъ коммиссій видно, что эти коммиссіи ежегодно покупаютъ лошадей артиллерійскихъ до 5,000 и кавалерійскихъ до 7,000, значитъ 12 т. лошадей каждый годъ поступаетъ въ ремонтъ и ремонтная коммисія затруднена въ выборѣ этихъ лошадей. Съ каждымъ годомъ цѣны нужно увеличивать и затрудненія получаются все большія и большія.—Такъ стоитъ та сторона дѣятельности управленія, на которую обращаются главныя усилія коннозаводства. Я не говорю уже объ улучшеніи породы крестьянской лошади. Это дѣло поставлено совершенно неудовлетворительно. Исчезли когда-то знаменитые орловскіе рысаки, пропали битюги-тяжеловозы. Туда, гдѣ имѣются хорошіе мѣстные породы (вятки, шведки и проч.), посылаются рысаки, а мѣстныя породы пренебрегаются. Получилась крайняя разновидность и *порядка* въ этомъ дѣлѣ *нѣтъ*. Не удовлетворяется ни цѣль постановки лошадей въ армію, ни поднятіе коневодства въ населеніи».

Онъ считаетъ, далѣе, необходимымъ соединить это вѣдомство съ главнымъ управленіемъ земледѣлія и землеустройства, установить его связь съ мѣстными учрежденіями, приблизить его реальныя задачи къ нуждамъ населенія.

Особенно горячо нападаетъ онъ на связь «аристократическаго» учрежденія со спортовыми обществами, тотализаторомъ.

«Это безнравственная связь,—говоритъ онъ,—это связь, основанная на развратѣ. Ничто не вноситъ такого разврата, какъ эта публичная лоторея, которая по всѣмъ городамъ Россійской имперіи производится невозбранно. Кто изъ васъ хотя немного къ этому приглядывался, тотъ знаетъ, какая атмосфера лжи, обмана, безобразія, воровства царитъ около этого спорта. Всѣ мы знаемъ процессы, которые происходили, о подмѣнѣ рысаковъ, гдѣ были замѣшаны видныя аристократическія фамиліи. Это грязь, господа, и эту грязь надо вывести и съ этой грязью соприкоснулось наше государственное коннозаводство, оно получаетъ съ этого доходъ и доходы эти вываливаетъ опять въ ту же грязь».

Въ результатѣ преній картина получалась весьма неутѣшительная въ этомъ сравнительно небольшомъ уголкѣ государственнаго хозяйства.

Порядка и системы нѣтъ, результаты плачевны, въ веденіи хозяйства на коннозаводскихъ земляхъ нѣтъ никакой отчетности, нужды сельскаго населенія на заднемъ планѣ, «аристократическое» вѣдомство увлекается спортивными цѣлями, а ростъ расходовъ, въ общемъ и незначительныхъ, идетъ нераціонально, увеличивая лишь стоимость производимой лошади, невысокаго качества. Таковы итоги бюрократическаго завѣдыванія серьезнымъ хозяйственнымъ дѣломъ.

Бюджетная коммиссія выставила два главныхъ пожеланія для улучшенія организаціи. Ею было признано необходимымъ: 1) въ интересахъ правильнаго и успѣшнаго развитія такой важной отрасли сельскаго хозяйства, какъ коннозаводство и коневодство, дѣятельность главнаго управленія должна быть объединена съ дѣятельностью главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, и 2) въ распоряженіи казенныхъ конскихъ заводовъ должно быть оставлено лишь то количество земли, какое необходимо для веденія коннозаводскаго дѣла, и чтобы въ систему полевого хозяйства были введены болѣе совершенный сѣвооборотъ и правильная сельскохозяйственная отчетность.

Эти пожеланія, не очень опредѣленныя, все же указывали на полную несостоятельность вѣдомства и вызвали нѣкоторое волненіе въ думскомъ большинствѣ; особенно оспаривался вопросъ объ упраздненіи вѣдомственной самостоятельности.

Это,—noli me tangere всякой бюрократіи,—вызвало, повидимому, даже побочныя воздѣйствія, и центральныя думскія фракціи поспѣшили бить отбой, отказываясь отъ коммиссіоннаго предложенія.

Отъ имени октябристовъ депутатъ Дмитрюковъ въ длинной рѣчи даже прямо заявилъ, что «въ сущности и въ настоящей своей постановкѣ глав

ное управленіе государственнаго коннозаводства, на мой взглядъ, ведетъ политику правильную», почему и нѣтъ нужды въ какомъ-либо присоединеніи его къ другому вѣдомству и проч. Съ еще большею выпуклостью то же разсказалъ другой ораторъ октябристовъ—Шубинскій. Принятая Думою формула въ первомъ пунктѣ гласила лишь объ организаціи совмѣстныхъ совѣщаній главнаго управленія коннозаводства съ главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія, военнаго министерства, земствъ, коннозаводчиковъ и коневодовъ; второй пунктъ былъ принятъ безъ измѣненія. Что получится изъ организаціи такихъ совѣщаній въ будущемъ—предсказать пока затруднительно, да и не столь существенно.

Интересно отмѣтить лишь, что въ думскихъ преніяхъ по смѣтѣ этого небольшого вѣдомства какъ въ микрокосмѣ отразились всѣ типичныя черты современнаго русскаго государственнаго хозяйства: безсистемность, безхозяйственность, плохая или неясная отчетность, убыточность или безрезультатность. Неопредѣленность или недостаточная послѣдовательность принятыхъ думскихъ рѣшеній, вызванныя неустойчивостью думскаго большинства, вовсе не затушевываютъ и не уменьшаютъ характерности этихъ типичныхъ чертъ хозяйства стараго режима, проявляющихся настойчиво и неуклонно и въ большихъ и въ малыхъ государственныхъ дѣлахъ.

Онѣ встрѣтятся намъ въ наиболѣе яркой, въ наиболѣе бьющей глаза формѣ въ крупнѣйшихъ государственныхъ предпріятіяхъ и особенно по вѣдомству путей сообщенія и горному департаменту.

Смѣта *управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ* является примѣромъ наибольшей по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ смѣты. По ней министерствомъ испрашивалось 522.773,942 руб., при чемъ почти 80% этой громадной суммы,—417,8 мил. руб., составляютъ расходы по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, 20 мил. перерасходы прошлыхъ лѣтъ, 34 мил. руб. предназначались на усиленіе и улучшеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и 45 мил. руб. на пріобрѣтеніе подвижного состава и его принадлежностей.

Громадность затрачиваемой государствомъ на желѣзныя дороги суммы и капитальнѣйшее значеніе для нуждъ страны правильности функціонированія желѣзныхъ дорогъ особенно привлекли къ себѣ вниманіе Государственной Думы. Довольно обстоятельный очеркъ желѣзно-дорожнаго хозяйства былъ сдѣланъ еще въ бюджетной коммиссіи 2-й Думы *), несмотря на краткость времени, доставшагося ей въ удѣлъ. Члены бюджетной коммиссіи третьей Думы широко использовали этотъ матеріалъ въ своей критикѣ казеннаго желѣзно-дорожнаго хозяйства.

Хозяйство это грандіозно по своимъ размѣрамъ. Къ 1 января 1906 г. русская желѣзно-дорожная сѣть имѣла протяженіе въ 60,915 верстъ; кромѣ того Восточно-Китайская дорога имѣла 1,617 верстъ.

*) См. изданные М. П. Федоровымъ доклады бюджетной коммисіи 2-й Государственной Думы, стр. 120—220.

Изъ этого количества на долю Европейской Россіи приходилось 48,641 верста, при чемъ 9 частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ имѣли въ ихъ распоряженіи 17,022 версты, а 29,457 верстъ составляли протяженіе казенной желѣзно-дорожной сѣти.

Кромѣ того, въ Азіатской Россіи было 9,123 версты казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Такимъ образомъ изъ 58,307 верстъ желѣзныхъ дорогъ Европейской и Азіатской Россіи (считая Восточно-Китайскую и исключая финляндскія ж. д.) свыше 40 тысячъ верстъ приходилось въ концѣ 1905 г. на долю казенной сѣти.

Это огромное національное достояніе потребовало для своего устройства и оборудованія колоссальныхъ средствъ: по 1 января 1906 г., согласно свѣдѣніямъ государственнаго контроля, на постройку новыхъ дорогъ, усиленіе и приспособленіе ихъ было затрачено изъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства 4,24 милліарда рублей и около 1,68 милліарда стоили частныя желѣзныя дороги. Такимъ образомъ уже $2^1/_2$ года тому назадъ общая стоимость русской желѣзно-дорожной сѣти достигала почти 6 милліардовъ рублей. Одни платежи на затраченные (и преимущественно занятые) капиталы составляли къ тому времени 246 мил. рублей ежегодно, при чемъ изъ нихъ 176,2 мил. руб. приходилось по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ (включая сюда не только проценты по облигаціоннымъ капиталамъ, но и прочіе расходы).

Съ того времени объемъ этого хозяйства благодаря постройкѣ новыхъ линій и расширенію старыхъ только увеличился.

Въ какомъ же видѣ находится это колоссальное хозяйство?

Докладчикъ бюджетной коммиссіи сообщилъ въ Думѣ *), что облигаціонные долги правительства превышаютъ 2,69 милліарда рублей, за которые приходится платить 109.921,000 однихъ процентовъ; кромѣ того, въ силу недостаточной доходности частныхъ желѣзныхъ дорогъ—31.250,000 приходится выплачивать по гарантированнымъ облигаціямъ частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ. Такъ какъ остатокъ валового дохода по смѣтѣ министерства не превышаетъ 9,6 мил. руб., то общій убытокъ казны въ текущемъ году отъ всей сѣти желѣзныхъ дорогъ равняется 132 мил. р. приблизительно.

Таковъ, такъ сказать, валовой, весьма печальный финансовый итогъ хозяйства. Оно *убыточно* и убыточно въ значительной степени.

За послѣдніе годы убыточность возрастаетъ и довольно интенсивно. Это особенно будетъ замѣтно, если сравнить два пятилѣтія съ 95—99 гг и 1901—1905 гг.—До 94 года сѣть дорогъ также давала убытки, которые въ 93 году достигали даже $21^3/_4$ мил. руб. Въ 1894 г. убытокъ понизился до 4 милл. руб., а затѣмъ въ теченіе слѣдующаго пятилѣтія получался отъ дорогъ уже чистый доходъ. Сравнительныя данныя таковы:

*) Смѣта управленія желѣзныхъ дорогъ обсуждалась въ Думѣ въ 51 и 52 засѣданіяхъ (24 и 25 апрѣля).

Первое пятилѣтіе. Года.	Доходъ казны отъ желѣзныхъ дорогъ.
1895	1,75 мил. р.
1896	11,25 » »
1897	3,00 » »
1898	8,75 » »
1899	1,25 » »
Всего за 5 лѣтъ.	26 » »

Второе пятилѣтіе. Года.	Убытки (приплаты) казны по ж.-д. сѣти.
1901	35,1 мил. р.
1902	40,3 » »
1903	20,5 » »
1904	32,6 » »
1905	89,5 » »
Всего за 5 лѣтъ.	218,0 » »

Угрожающій ростъ убыточности сѣти, начавшійся съ 1900 г. и достигшій за пятилѣтіе 901—905 г. громадной суммы 218 мил. руб., не только не остановился послѣ 1905 г., но еще болѣе усилился. Въ 1906 г. убытка оказалось около 103 мил., въ 1907 г. ожидалось около 117 мил. и въ текущемъ 1908 г. свыше 130 мил. руб.

Обстоятельство тѣмъ болѣе серьезное, что въ будущемъ при постройкѣ новыхъ бездоходныхъ или малодоходныхъ линій (одна Амурская дорога чего будетъ стоить) дефицитъ отъ желѣзно-дорожнаго хозяйства долженъ вырасти еще значительнѣе.

Причины возрастающей убыточности весьма сложны и остались далеко не выясненными въ бюджетной комиссіи.—Справедливости ради слѣдуетъ отмѣтить, во-первыхъ, рѣзкое значеніе многихъ стратегическихъ линій, почти не имѣющихъ экономическаго значенія или пока еще не развившихъ грузового движенія, убыточность которыхъ, конечно, не по винѣ самого вѣдомства путей сообщенія, уменьшаетъ доходность сѣти.

Сюда въ первую голову относятся рельсовыя пути Сибири (Восточно-Китайская дорога *), часть Сибирской магистрали, Оренбургъ-Ташкентская и т. д.) и нѣкоторыя линіи Европейской Россіи (Бологое-Сѣдлецкая, Сѣверная и друг.). Однако, это далеко не единственная причина. Цифры прироста валового дохода и расходовъ по эксплоатаціи дорогъ показываютъ, что съ 1900 по 1908 г. валовой доходъ казенной сѣти возросъ на 15%, тогда какъ эксплоатаціонные расходы поднялись на 41,2%. Усиленный ростъ эксплоатаціонныхъ расходовъ объясняется отчасти удорожаніемъ

*) Эта дорога, имѣющая характеръ какъ бы частнаго предпріятія и не входящая оффиціально въ составъ казенной сѣти, находится въ вѣдѣніи Мин. финансовъ. Развивающееся на ней грузовое движеніе, особенно хлѣбное, начинаетъ понижать крупные убытки казны отъ ея эксплоатаціи и причитающихся долговыхъ обязательствъ.

строительныхъ матеріаловъ, топлива и повышеніемъ оплаты труда служащихъ, но и эти факторы при детальномъ анализѣ не объясняютъ всего объема явленія.—Многое находитъ себѣ основаніе въ самой организаціи желѣзно-дорожнаго хозяйства, въ *порядкахъ*, царящихъ въ этомъ обширномъ вѣдомствѣ.

Прежде всего само управленіе дорогами сложно, громоздко, пропитано обычнымъ бюрократическимъ началомъ рутины, безотвѣтственности, безконечной бумажной волокиты, обезличенія служащихъ, игнорированія ихъ иниціативы, ихъ интересовъ.

«Такое положеніе дѣла,—заявилъ докладчикъ бюджетной коммиссіи—опытный желѣзнодорожникъ Н. Л. Марковъ,—къ несчастью, довело Россію до того, что всѣ наши желѣзныя дороги, какъ вы изволите видѣть, дали дефицитъ свыше 100 мил. руб. и, конечно, что бы мы ни дѣлали, какъ бы мы ни развивали желѣзныя дороги, въ смыслѣ ли улучшенія профилей, въ смыслѣ ли улучшенія пути, въ смыслѣ ли увеличенія путевой и развитія пропускной способности,—все это будетъ ничто, когда у людей будетъ погашена иниціатива, когда у мѣстныхъ дѣятелей не будетъ никакого понятія ни о личномъ долгѣ, ни о своей отвѣтственности предъ государствомъ и страной, когда у нихъ будутъ между собою бездушныя формальныя отношенія, когда представители вѣдомствъ разными способами такъ или иначе совершенно безнаказанно могутъ тормозить дѣло, заявляя рядъ протестовъ въ отношеніи мелкихъ текущихъ вопросовъ желѣзно-дорожнаго хозяйства, которые почти всегда и составляютъ основы всего дѣла».

Октябристъ Герценвицъ, указавъ на то, что обычно всю убыточность желѣзныхъ дорогъ желаютъ объяснить стратегическими линіями, дороговизной матеріаловъ, топлива и рабочихъ рукъ, и, не отрицая этихъ причинъ, также находилъ, что имѣются еще другія, болѣе устранимыя причины неправильнаго положенія дѣлъ и одною изъ таковыхъ считалъ саму *организацію дѣла управленія*, которая «не обнаруживаетъ ни малѣйшаго стремленія къ болѣе бережливому и аккуратному расходованію тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя требуются ежегодно на содержаніе желѣзныхъ дорогъ».

Эта организація съ одной стороны весьма централизована, съ другой—на мѣстахъ совѣты и комитеты управленія желѣзныхъ дорогъ «привели только къ увеличенію канцелярщины»; они заваливаютъ въ Петербургѣ центральныя управленія разборомъ пререканій между ихъ членами, являясь тормозомъ для дѣла. Кромѣ того, дороги небрежны по отношенію къ н[illegible] селенію. Онѣ, «какъ коммерческое предпріятіе, должны весьма бережно [illegible] аккуратно относиться къ интересамъ лицъ, заинтересованныхъ желѣзны[illegible] дорогами въ видѣ пассажировъ, грузополучателей, грузоотправителей, т. [illegible] лицъ, дающихъ работу желѣзной дорогѣ и значитъ дающихъ доходъ [illegible] же дорогѣ. Но на практикѣ, какъ всѣмъ извѣстно, наблюдается сов[illegible]шенно противоположное явленіе: наши желѣзно-дорожныя управленія [illegible]

выкли считать, что пассажиры и грузы существуютъ для желѣзныхъ дорогъ, а не наоборотъ. Результатомъ этого являются также всѣмъ извѣстныя безчисленныя жалобы въ мѣстныхъ управленіяхъ». Очень рельефно и кратко отмѣтилъ вліяніе «системы» членъ Думы Жуковскій: «Тутъ дѣло не въ лицахъ,—сказалъ онъ,—а въ *системѣ*... Система эта представляетъ весьма интересное, могу сказать, сопоставленіе двухъ взаимно исключающихъ недостатковъ: *крайняго централизма и полной безотвѣтственности*».

Другимъ ораторомъ оппозиціи было указано, что вѣдомство путей сообщенія—эта terra incognita,—находится въ хаотическомъ состояніи; несмотря на громадное развитіе дѣла, оно не удосужилось даже выработать нормальные штаты своей центральной и мѣстной организаціи, не устроило и не урегулировало положенія милліонной арміи своихъ служащихъ. О необходимости штатовъ было ему указано еще въ 1870 г.; кое-какъ временно были устроены штаты центральныхъ управленій, но въ 1899 г. Государственный Совѣтъ снова жалуется на неустройство штатовъ. За 29 лѣтъ дѣло не подвинулось ни на одну іоту. 1906 и 1907 гг. штатовъ еще не было, и въ концѣ 1907 г. вѣдомство, даже съ нарушеніемъ законовъ, окольнымъ путемъ попыталось провести все еще *временные* штаты по центральному управленію. Положеніе массы служащихъ, особенно низшихъ, не урегулировано, не обезпечено, всѣ обѣщанія, данныя имъ прежде, свелись пока къ цѣлой кучѣ всякихъ циркуляровъ, и это положеніе является «однимъ изъ главныхъ камней преткновенія въ правильной эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, ибо безъ одушевленнаго, заинтересованнаго въ успѣхѣ работника, безъ работника, преданнаго дѣлу, не можетъ хорошо работать громадное хозяйство».

При всей дороговизнѣ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, при всей преувеличенности расходовъ на нихъ, ихъ *работа весьма несовершенна*, ихъ состояніе плачевно.

Министерство путей сообщенія въ особой запискѣ, представленной въ совѣтъ министровъ, исчисляетъ цѣлую массу неотложныхъ потребностей въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, требующихъ для своего осуществленія громадныхъ средствъ. Самимъ министерствомъ они исчислялись въ суммѣ 832.125,000 р. Затѣмъ эта сумма выросла до 916 мил. р.

Настоящее же положеніе дѣла обрисовано въ запискѣ въ весьма печальномъ свѣтѣ.

«Наши рельсовые пути въ настоящее время,—говоритъ записка министерства,—не стоятъ на высотѣ своего положенія, не удовлетворяютъ потребностямъ населенія, не могутъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію отечественной промышленности и торговли, и потому улучшеніе ихъ работы представляетъ неотложную государственную потребность». Работа эта, по словамъ той же записки, весьма плоха.

«Желѣзныя дороги чрезвычайно медленно и несрочно доставляютъ грузы, средняя нормальная скорость движенія товарныхъ поѣздовъ 6—8 верстъ

въ часъ. Поѣзда больше стоятъ на станціяхъ, чѣмъ находятся въ движеніи».

Эта, собственными словами сдѣланная вѣдомствомъ характеристика едва ли нуждается въ какихъ-либо разъясненіяхъ. Она говоритъ сама за себя. Достаточно упомянуть еще о хроническомъ бѣдствіи—громадности залежей на желѣзныхъ дорогахъ осенью и зимою, невозможности дорогъ справиться съ массовыми грузами (хлѣбъ, уголь) и пр., что отражается весьма гибельно на торговлѣ и промышленности. Само министерство упоминаетъ, что залежи продолжаются не менѣе 6—8 мѣсяцевъ въ году и ихъ размѣръ доходитъ до 100—200 тысячъ вагоновъ, массовые грузы ждутъ своей очереди 3—4 мѣсяца!

Нельзя, наконецъ, пройти молчаніемъ и рѣзкое возрастаніе уплатъ вознагражденія за личный вредъ, ущербы и убытки. Въ 1896 г. по казенной сѣти этотъ расходъ равнялся 1.745,000 р., въ 1905 г., черезъ десятилѣтіе, онъ выросъ до 6.476,000 р.

Едва ли слѣдуетъ приводить еще цифровыя данныя, столь обильныя и сложныя въ этомъ громадномъ дѣлѣ, едва ли нужно останавливаться еще дальше на массѣ техническихъ подробностей, дефектахъ путей, подвижного состава, недостаточной подъемной силѣ вагоновъ, нагруженности поѣздовъ и пр. и пр.

Все это можно найти въ матеріалахъ думской бюджетной коммиссіи, въ стенограммахъ ея длиннѣйшихъ засѣданій съ утомительнѣйшими преніями, посвященными этому вопросу, все это говоритъ за возможность упорядоченія дѣла при иныхъ порядкахъ *).

Не удивительно, если картины, прошедшія передъ Думою, были такъ убѣдительны, что въ оцѣнкѣ ихъ не было какихъ-либо крупныхъ разногласій; наоборотъ, было, по словамъ лидера умѣренно-правыхъ В. Бобринскаго, «то единодушіе, которое проявляетъ Государственная Дума въ своемъ взглядѣ на вопросы, связанные съ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ». Иначе и быть не могло при тѣхъ порядкахъ, которые въ нихъ царятъ. Гр. В. Бобринскій упомянулъ между прочимъ о грандіозныхъ *хищеніяхъ* на желѣзныхъ дорогахъ (Забайкальская). «Обязанность Государственной Думы—пролить на нихъ свѣтъ: либо разсѣять тотъ отвратительный туманъ недовѣрія русскаго общества къ русскому желѣзно-дорожному дѣлу, либо исправить его».

Это единодушіе сказалось затѣмъ и въ принятомъ Думою рѣшеніи.

Если громадная отрасль государственнаго хозяйства такъ плохо функціонируетъ, такъ нуждается въ улучшеніяхъ и такъ убыточна для казначей-

*) Интересно отмѣтить, что даже въ Пруссіи, гдѣ вообще желѣзно-дорожное хозяйство поставлено хорошо и доходно, министръ Тиленъ въ обзорѣ за 1890—1900 гг. указывалъ, что одно упрощеніе формъ управленія, преобразованіе и упрощеніе счетоводства и пр. и общее урегулированіе всего внутренняго распорядка повели къ сокращенію расходовъ на 20 милл. марокъ.

ства, то каковъ же путь къ устраненію этихъ грустныхъ и ненормальныхъ явленій?

Прежде всего интересно, что̀ думаютъ по этому поводу, или что̀ предпринимаютъ представители правительства.

Представитель министерства путей сообщенія въ Думѣ довольно долго доказывалъ сравнительную добропорядочность казенной сѣти, разъяснялъ «кажущуюся» ея убыточность и упоминалъ лишь о новыхъ и новыхъ ассигновкахъ на развитіе желѣзныхъ дорогъ, ибо, по его мнѣнію, «этотъ путь приведетъ Россію въ скорѣйшему достиженію культурныхъ и экономическихъ благъ».—Все сводилось къ формулѣ—все обстоитъ благополучно—и требовалось лишь исполненіе второй столь же прославленной формулы «денегъ дай и успѣха ожидай!»—Министръ финансовъ, въ одномъ изъ засѣданій финансовой коммиссіи (13 марта 1908 г.), когда обсуждался между прочимъ вопросъ объ улучшеніи желѣзно-дорожнаго хозяйства и уменьшеніи его убыточности, назвалъ большинство сужденій объ этой убыточности «примитивными», забывающими сложность дѣла, громадное значеніе дорогъ для развитія экономической жизни страны, которое не входитъ въ бюджетные расчеты стоимости дорогъ и т. д., и послѣ довольно интересныхъ разсужденій и защиты современнаго положенія дѣла находилъ въ немъ главный и чуть не единственный дефектъ: низкіе тарифы. «Поэтому,—сказалъ онъ,—я вовсе не касаюсь какихъ-либо частныхъ мѣръ по отношенію къ отдѣльнымъ обществамъ, такъ какъ мнѣ кажется, что только намѣченный общій путь, путь постепеннаго пересмотра и *увеличенія* тарифовъ, при условіи бережливаго отношенія къ экономическимъ устоямъ страны, можетъ вывести насъ на вѣрную дорогу».—Такъ какъ повышеніе и вообще измѣненіе тарифовъ, это, съ его точки зрѣнія, прекрасное лѣкарство противъ убыточности дорогъ, находится исключительно въ рукахъ административныхъ органовъ и преимущественно министерства финансовъ (оно вовсе не входитъ въ кругъ дѣлъ народныхъ представителей) и противъ такого порядка не разъ раздавались протесты, то министръ финансовъ не забылъ и это оговорить въ заключеніи.

«Теперь,—упомянулъ онъ,—когда передо мною стоитъ вопросъ программы финансовой коммиссіи о томъ, какъ сдѣлать, чтобы желѣзно-дорожное хозяйство входило не отрицательнымъ, а положительнымъ элементомъ въ составъ бюджета, нужно, чтобы финансовая сторона, т.-е. *тарифы, оставались въ вѣдѣніи финансоваго вѣдомства*».

Рѣшеніе и съ этой точки зрѣнія не сложно. Разъ есть убытки—повышай тарифъ, и всего надежнѣе сдѣлаетъ это министерство финансовъ.

Оно уже собственно это отчасти и сдѣлало и повышеніе тарифовъ п мѣняется имъ неукоснительно въ послѣднее время, несмотря на массу н еканій.—«Дѣлать дороги менѣе убыточными,—заявляетъ тотъ же министръ,—можно только постепенно, улучшая эксплоатацію и увеличивая и доходы, а послѣдняго можно достигать только однимъ путемъ: прод жая дѣлать то, что я дѣлалъ 4 года... Нужно повышать тарифы, но

не огульно, не однимъ почеркомъ пера на 10—20%, а пересматривая и повышая то, что можно повысить»...

Какъ извѣстно «почеркъ пера» все же былъ примѣненъ въ началѣ 1908 г., когда пассажирскій тарифъ былъ повышенъ почти въ полтора раза, а затѣмъ повышены и нѣкоторые грузовые тарифы. Очевидно, было рѣшено, что это «можно».

Какъ отзовется эта мѣра, можетъ быть и интересная для казначейства, на интересахъ населенія и промышленности, при громадномъ пробѣгѣ нашихъ грузовъ и проѣздѣ пассажировъ—это уже другое дѣло *).

Наконецъ, деп. Жуковскій указалъ и еще на одно практическое средство, примѣняемое правительствомъ и ожидаемое въ большемъ примѣненіи въ дѣлѣ упорядоченія желѣзныхъ дорогъ—политическую чистку служащихъ или вообще примѣненіе «политики» въ этомъ хозяйствѣ. Эта система дала массу печальныхъ результатовъ, которые особенно ему знакомы по Царству Польскому, но они не смущаютъ авторовъ, измышляющихъ особые «эксплоатаціонные» корпуса, проекты милитаризаціи желѣзныхъ дорогъ.

«Вѣдь понятно,—остроумно замѣтилъ этотъ депутатъ,—что авторы особаго эксплоатаціоннаго корпуса не сомнѣвались въ томъ, что отъ *приложенія административныхъ методовъ временъ Іоанна Грознаго къ эксплоатаціи желѣзно-дорожной* не могутъ выйти никакія для желѣзнодорожнаго хозяйства выгоды. Вѣдь тутъ былъ планъ совсѣмъ другой; планъ, который далеко не единственно въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ наблюдается, былъ планъ извѣстными политическими соображеніями затормозить дѣло финансовыхъ и административныхъ реформъ, выдвинутыхъ, какъ необходимые тезисы, жизненными требованіями».

Итакъ, даже будущія перспективы, освѣщенныя передъ Государственной Думой, были весьма не привлекательны. Само вѣдомство пребывало въ блаженномъ убѣжденіи, что все благополучно, и просило только новыхъ ассигновокъ, «кажущіеся» убытки его хозяйничанія рѣшено было покрывать новымъ поборомъ съ населенія въ видѣ повышенія тарифовъ, а для «обузданія» крамолы и недовольныхъ служащихъ виднѣлся въ отдаленіи призракъ «эксплоатаціоннаго корпуса».—Ничего иного не было. Что же удивительнаго, если даже третья Государственная Дума, столь смиренная и послушная во многихъ случаяхъ, по отношенію къ управленію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ оказалась «единодушной»—и въ первомъ же своемъ постановленіи весьма сурово охарактеризовала его порядки. Слѣдовало искать не того, что предполагалось правительствомъ; депутаты жаждали иныхъ путей и иного выхода изъ ненормальнаго положенія, но дѣло было ..ѳбенно сложно, предварительное изученіе его казалось особенно необх..ымымъ, и вотъ въ результатѣ почти единогласно Думою было принято: «...

*) Средній пробѣгъ 1 пуда груза у насъ 223 версты, въ Германіи 97, Фра..іи 120, Австро-Венгріи 101; средняя длина пути пассажира у насъ 102 версты, въ Германіи 22, Франціи 30, Австро-Венгріи 37. Очевидно, что для нашей бѣдной ст..ы измѣненіе тарифа значительно сильнѣе задѣваетъ интересы населенія.

знать, въ виду *безсистемности, неустройства и убыточности желѣзнодорожнаго хозяйства*, желательнымъ учрежденіе въ законодательномъ порядкѣ *особой коммиссіи* для производства *всесторонняго обслѣдованія современнаго положенія какъ казеннаго, такъ и частнаго желѣзно-дорожнаго хозяйства*, съ предоставленіемъ этой коммиссіи права приглашать свѣдущихъ и заинтересованныхъ лицъ».

Такова была конечная форма предложенія, принятаго по предложенію одного члена бюджетной коммиссіи (изъ фракціи к.-д.) сначала въ бюджетной коммиссіи, а затѣмъ и въ Думѣ. Она въ сущности совпадала съ мнѣніемъ доклада бюджетной коммиссіи второй Государственной Думы; тогда она была только немного короче и опредѣленнѣе: «учредить въ законодательномъ порядкѣ особую думскую (парламентскую) коммиссію для всесторонняго обслѣдованія современнаго положенія желѣзно-дорожнаго хозяйства и проектированія мѣръ къ его упорядоченію».

То, что предлагалось въ коммиссіи «крамольной» второй Думы, оказалось въ области хозяйственныхъ вопросовъ вполнѣ подходяще и для послушной третьей Думы.

Собственно говоря этимъ рѣшеніемъ Думы, характеризующимъ то состояніе хозяйства желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ оно оказалось передъ глазами народныхъ представителей,—и можно было бы закончить нашъ краткій обзоръ этого вопроса.—Остается только привести нѣсколько интересныхъ деталей по поводу смѣты *чрезвычайныхъ* расходовъ министерства путей сообщенія.

Все, что было изложено до сихъ поръ, касалось почти исключительно текущей работы сѣти, ея эксплоатаціи. Чрезвычайные расходы, наоборотъ, предназначены на *постройку* новыхъ линій или капитальную передѣлку, переустройство старыхъ.

Въ постройкѣ, какъ и во всемъ, что касается желѣзныхъ дорогъ, оказалась также своя удивительнѣйшая *система*, свои крупные непорядки, влекущіе за собою затѣмъ крупные добавочные расходы казны. Къ смѣтѣ чрезвычайныхъ расходовъ относятся, напр., предстоящая постройка Амурской дороги и переустройство многихъ горныхъ участковъ средне-сибирской магистрали и т. д. Эта послѣдняя весьма характерна: вслѣдствіе несовершенства первоначальной постройки линіи (крутыхъ подъемовъ, закругленій и пр.) приходится *бросать* старое полотно, и на протяженіи 574 верстъ будетъ вновь, даже въ иномъ мѣстѣ, строиться линія *).

Во что обойдется эта «передѣлка» прежней работы, пока точно опре-ить нельзя, но десятки милліоновъ должны быть выброшены зря, вслѣдіе первоначальныхъ ошибокъ и небрежностей. Передѣлка предстоитъ и Забайкальской дорогѣ; даже начало вызвавшей такъ много страстныхъ ровъ Амурской дороги было выбрано неудачно и должно быть заброшено силу рѣшенія Думы и Совѣта (такъ называемый Нерчинскій варіантъ).

---

*) См. рѣчь Н. Л. Маркова въ засѣданіи Думы 24 апрѣля.

Интересны приведенныя въ смѣтѣ чрезвычайныхъ расходовъ испрашиваемыя министерствомъ добавочныя ассигновки по давно разрѣшеннымъ и даже законченнымъ линіямъ: на улучшеніе путей и устройство сортировочныхъ станцій Московской окружной дороги, на устройство ст. Дебальцево, на развитіе станцій Николаевъ, Бологое, С.-Петербургъ и пр. и пр. Вновь необходимы многомилліонныя ассигновки, не фигурировавшія въ расцѣночныхъ вѣдомостяхъ при разрѣшеніи дорогъ, постройка которыхъ вызываетъ эти расходы по переустройству станцій, примыканію линій и пр. Въ преніяхъ по этому поводу въ бюджетной коммиссіи (30 апрѣля 1908 г.) къ изумленію ея членовъ выяснилось, что это не случайный пропускъ, не небрежность и недоконченность смѣтъ, а своеобразная «система», принятая вѣдомствомъ.

Начальникъ управленія сѣтью казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ прямо и заявилъ, что «это явленіе,—повторяющееся на всѣхъ почти постройкахъ, и объясняется не забывчивостью, а тѣмъ, что такое положеніе *систематически всегда проводилось* и проводится и имѣетъ на это свои очень серьезныя основанія».

Къ сожалѣнію, эти «серьезныя основанія» остались въ коммиссіи мало выясненными и не понятыми. Но зато результаты «системы» были налицо. Нѣкоторыя первоначальныя постройки перестраивались, строились безъ окончательныхъ проектовъ и смѣтъ, проекты пересматривались и передѣлывались во время постройки и т. д. Затягивалось на 3 года открытіе чрезвычайно дорого обошедшейся Московской окружной дороги, стояла безъ эксплоатаціи вторая Екатерининская дорога, вслѣдствіе замедленія при постройкѣ моста черезъ Днѣпръ, перестраивалась пассажирская станція Петербургъ, а затѣмъ вслѣдствіе примыканія Сѣверной дороги вновь должна перестраиваться, должны, въ избѣжаніе неудобствъ въ движеніи, перестроиться ст. Дебальцево и Бологое и т. д. и т. д.

Ни планомѣрности, ни законченности разработки проектовъ, *ничего похожаго на порядокъ и экономію государственныхъ средствъ,* ни тщательнаго обслѣдованія мѣста и выработки проектовъ, несмотря на очень длительное время. Что же удивительнаго, если даже составленіе плана и «изысканія» по соединенію Николаевской ж. д. съ Финляндской сѣтью, проходящее въ Петербургѣ, съ ничтожнымъ протяженіемъ, потребовало отъ какой-то спеціальной путейской коммиссіи 7 лѣтъ и ряда «варіантовъ» пути! Что страннаго, если даже уже одобренныя и Высочайше утвержденныя направленія линіи (Екатеринбургъ—Курганъ) вновь пересматриваются, направленіе измѣняется (Тюмень—Омскъ), а Думская спеціальная коми сія все же требуетъ производства дополнительныхъ изысканій, считая с ланную работу недостаточной.—Безпорядокъ въ постройкѣ, рѣзкое у рожаніе стоимости ея, а затѣмъ безпорядокъ въ эксплоатаціи и убыт ность ея—вотъ каковой оказалась краткая формула положенія желѣз дорожнаго дѣла въ завѣдываніи дѣятелей стараго режима при освѣще

критиковъ «доморощенныхъ» законодателей, какъ якобы уничтожающе окрестилъ депутатовъ одинъ завѣдующій морскимъ дѣломъ бюрократъ.

Несмотря на всю опытность патентованныхъ «старыхъ» законодателей, государственное управленіе и хозяйство оказались въ такомъ неблестящемъ состояніи, пришли въ такое разстройство, что призывъ «доморощенныхъ законодателей» сталъ неизбѣженъ для уврачеванія старыхъ недуговъ.

Постановленіе Думы о назначеніи особой коммиссіи для всесторонняго изслѣдованія желѣзно-дорожнаго хозяйства встрѣтило съ виду весьма сочувственное отношеніе правительства. Говорившій отъ его имени министръ финансовъ заявилъ, что «возраженій со стороны правительственной власти противъ того, чтобы была образована коммиссія, которая бы занялась изслѣдованіемъ современнаго положенія казеннаго и частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, нѣтъ и быть не можетъ».

Сомнительнымъ оставался лишь способъ составленія коммиссіи и объемъ ея дѣйствій. Правительство не представляло себѣ какой-то особой, да еще «парламентской» коммиссіи (у насъ парламента, слава Богу, еще нѣтъ... неловко оговорился министръ), оно «имѣло и имѣетъ въ настоящее время въ виду» образовать *свою* коммиссію изъ авторитетныхъ лицъ, допуская «возможно широкіе способы обслѣдованія» и даже, «если въ средѣ членовъ Государственной Думы имѣются люди, знанія которыхъ могутъ обезпечить успѣхъ этому обслѣдованію, то правительство съ полнѣйшей готовностью будетъ просить ихъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе и можетъ только благодарить, если они отвѣтятъ согласіемъ на приглашеніе, которое имъ будетъ сдѣлано».

Дума, какъ извѣстно, несмотря на всю любезность этого заявленія, все же осталась при своемъ намѣреніи учредить законодательнымъ путемъ особую коммиссію, составъ которой вовсе не являлся бы зависимымъ отъ милостиваго назначенія.

Это постановленіе пока еще одно изъ «благихъ пожеланій», проведеніе его въ жизнь можетъ встрѣтить, вѣроятно, еще не одно неожиданное препятствіе, но, принявъ его хотя бы принципіально, руководящее большинство третьей Думы взяло на себя обязанность всячески стремиться воплотить его въ дѣйствительность. Будущее покажетъ, насколько оно захочетъ и сможетъ это сдѣлать.

Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности остановиться на вѣдомствѣ путей сообщенія и его остальныхъ смѣтахъ подробнѣе. Общій характеръ ихъ мало чѣмъ отличается отъ управленія желѣзныхъ дорогъ. Приведемъ лишь нѣсколько данныхъ изъ преній по смѣтѣ управленія *внутреннихъ водныхъ и шоссейныхъ путей сообщенія.*

Внутренніе пути сообщенія, особенно водные, имѣютъ у насъ, на необъятномъ пространствѣ Россіи, съ ея классическимъ бездорожьемъ, громадное значеніе. Достаточно указать хотя бы на то, что изъ 6 милліардовъ пудовъ груза, который ежегодно провозится по всѣмъ нашимъ дорогамъ, цѣлая треть приходится на долю водяныхъ путей, а по количеству

пудо-верстъ *) водные пути почти равняются со всѣми желѣзными дорогами. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо Россія владѣетъ громадной внутренней водной системой, имѣющей протяженіе 220 тысячъ верстъ и заключающей въ себѣ крупнѣйшія рѣки. Сплавъ и судоходство производятся на протяженіи 160 тыс. верстъ и только ничтожно развиты искусственные водные пути: ихъ протяженіе около 2,000 верстъ.

Обширное хозяйство внутреннихъ водныхъ и шоссейныхъ путей сообщенія по смѣтѣ 1908 г. требовало 27.718,527 р. ассигнованія изъ государственнаго казначейства.

По объему лежащихъ на вѣдомствѣ задачъ и необходимости съ точки зрѣнія государственной пользы значительнаго расширенія затратъ на дѣло улучшенія внутреннихъ путей сообщенія, эта сумма не только не велика, но прямо была сочтена бюджетной коммиссіей недостаточной. Тѣмъ не менѣе даже и въ такой ассигновкѣ бюджетная коммиссія предлагала сдѣлать сокращенія на 1.279,264 р.

Подробно мотивировавъ необходимость этихъ сокращеній, докладчикъ коммиссіи октябристъ Герценвицъ заявилъ между прочимъ въ Думѣ: «коммиссія считаетъ необходимымъ отмѣтить, что даже тѣ незначительныя ассигнованія, которыя отпускаются ежегодно по этой смѣтѣ, расходуются *безъ* какого-либо опредѣленнаго *плана* или даже безъ простой, примитивной послѣдовательности. Дѣло ограничивается только палліативными и мелочными мѣрами, не достигающими результатовъ и ведущими *къ нецѣлесообразному расходованію казенныхъ денегъ*».

Ораторъ к.-д. Некрасовъ далъ цѣлый рядъ примѣровъ, въ какомъ состояніи находятся наши водные пути сообщенія и какъ ведетъ свое хозяйство вѣдомство. Каналъ, соединяющій системы рѣкъ Енисея и Оби между рѣками Большой Кассъ и Озерной, можетъ пропускать суда съ осадкой въ 6 четвертей, а по рѣкамъ, которыя имъ соединяются, лѣтомъ суда могутъ проходить только съ осадкой въ 2 четверти. «При такихъ условіяхъ каналъ—никакого значенія имѣть не можетъ».

Ревизія Приладожскихъ каналовъ правительственнымъ чиновникомъ обнаружила ихъ «отчаянное состояніе». Урегулированіе Волжскаго пути давало массу всякихъ несообразностей вродѣ Саратовскихъ водопадовъ, Сормовской дамбы и пр. Изысканія по воднымъ путямъ «невѣроятно плохи» и доходятъ, напр., до того, что при изслѣдованіи и съемкѣ рѣкъ Туры и Тобола *забыли* снять пойму, разливъ рѣки. Когда спроектировали искусственное сооруженіе, то «оказалось, что пойма не снята, нужны деньги на новыя изысканія, такъ какъ проектъ не годится; дѣло заглохло и т. д.

И въ этомъ вѣдомствѣ, внутри него самого полное неустройство. План дальнѣйшаго развитія и улучшенія водныхъ путей долженъ быть выр

---

*) Пудо-версты—величина, получаемая умноженіемъ вѣса провозимаго груза въ пудахъ на длину пути въ верстахъ.

ботанъ, но порученіе это должно быть дано «не той организаціи, которая имѣется въ настоящее время». Эта организація утверждена въ видѣ временной мѣры срокомъ на два года въ ... 1843 году, а съ тѣхъ поръ она такъ и осталась.

До 1852 г. еще было испрошено Высочайшее повелѣніе на ея временное продолженіе, а съ тѣхъ поръ она живетъ уже по инерціи. Даже смѣты и составъ лицъ, особенно въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, весьма мало отвѣчаютъ требованіямъ разумнаго управленія. Напр., начальники шоссейныхъ дистанцій, по изслѣдованію коммиссіи т. с. Иващенко, имѣютъ хозяйственныхъ расходовъ до 1,670 р., а получаютъ всего содержанія 1,850 р., не считая вычетовъ въ пенсіонный капиталъ. Вотъ что прибавляетъ къ этому Иващенко: «но такъ какъ должности начальника шоссейной дистанціи не пустовали никогда, то слѣдовательно надо было допустить, что были посторонніе доходы, было казнокрадство, дававшее возможность вѣдомству имѣть хорошихъ техниковъ, но дурныхъ людей...»

Приведя эти данныя, Некрасовъ прибавилъ: «Господа, эти вещи не должны укрываться въ тайникахъ канцеляріи, такія язвы, раны нельзя скрывать, онѣ должны быть обнажены предъ лицомъ народнаго представительства!» Припоминая тѣ судебные процессы, которые имѣли мѣсто по нѣкоторымъ округамъ путей сообщенія, ясно видя безсиліе отдѣльныхъ лицъ, даже стоящихъ во главѣ управленія, окруженныхъ «плотной бюрократической канцелярской средой», сквозь которую ничего не проникнетъ, ораторъ считалъ необходимымъ въ заключеніе всей критики—полную реорганизацію хозяйства общирнаго вѣдомства, но онъ также долженъ былъ еще сказать всей этой организаціи отъ имени народныхъ представителей, «что до тѣхъ поръ, пока они не уступятъ своихъ мѣстъ другимъ подготовленнымъ къ этой задачѣ, — кредитъ на реорганизацію не будетъ данъ».

Въ заключеніе Дума, потребовавъ упраздненія членовъ комитета управленія водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ, сокращенія состава инспекціи округовъ и др. чиновничьихъ должностей, поставила вѣдомству въ обязанность составленіе классификаціи рѣкъ, искусственныхъ водныхъ системъ и дорогъ и выработку общаго финансоваго и техническаго *плана* работъ по улучшенію и развитію водныхъ путей и устройству дорогъ.

Что исполнитъ вѣдомство «1843 года» и уступитъ ли оно свое мѣсто «другимъ», покажетъ будущее. Но пока его хозяйство, если и отличается отъ другихъ отраслей государственнаго управленія, то развѣ только въ [х]шую сторону.

Слѣдующая крупная область государственнаго хозяйства, которую мы [до]лжны теперь опять-таки вкратцѣ охарактеризовать по работамъ бюджет[но]й коммиссіи и Думы,—это *завѣдываніе казенными лѣсами.*

Россія владѣетъ громаднымъ пространствомъ государственныхъ лѣсовъ, [об]щее количество которыхъ равно 544 милліонамъ десятинъ.

[Из]ъ нихъ (по даннымъ доклада бюджетной коммиссіи):

Въ *Европейской Россіи* (безъ пяти сѣверныхъ губерній)	14.344,000 дес.
Въ губ. Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской и Пермской	91.795,000 »
На Кавказѣ	4.970,000 »
Въ *Азіатской Россіи* (безъ Приамурья и Якутской обл.)	126.000,000 »
Въ Приамурскомъ краѣ	107.000,000 »
Въ Якутской области около	200.000,000 »

Изъ этихъ почти необъятныхъ лѣсныхъ пространствъ—устроенныхъ лѣсовъ для раціональнаго лѣсного хозяйства весьма мало: всего 11,38 мил. дес. въ Европейской Россіи и 452 тыс. дес. на Кавказѣ. Вся остальная лѣсная площадь не только не устроена, но почти и не изслѣдована. Въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи неизслѣдованныхъ лѣсовъ $^{2}/_{3}$ всего пространства (60 мил. десятинъ), въ Азіатской Россіи изслѣдованныхъ лѣсовъ вовсе почти нѣтъ, и вся площадь въ 433 милліона десятинъ значится «неизслѣдованной» до настоящаго времени.

Коммиссія Думы обращаетъ особенное вниманіе на эту «*полную неосвѣдомленность* о нашихъ лѣсныхъ богатствахъ», на необходимость ихъ учета въ возможно недалекомъ будущемъ.

Въ ней всесторонне былъ освѣщенъ вопросъ о значеніи лѣсовъ для государственнаго хозяйства Россіи, о цѣломъ рядѣ упущеній и безпорядковъ въ лѣсномъ хозяйствѣ и въ особенности въ такъ называемыхъ лѣсныхъ хозяйственныхъ заготовкахъ вѣдомства и т. д.

Въ настоящее время по смѣтѣ лѣсного департамента было исчислено доходовъ 59,2 мил. рублей и 19,0 мил. р. расходовъ. Такимъ образомъ казенные лѣса даютъ государству чистый доходъ въ размѣрѣ почти 40 милліоновъ рублей ежегодно. Этотъ доходъ, принимая во вниманіе общую стоимость лѣсныхъ богатствъ государства, весьма невеликъ. Правда, большія лѣсныя пространства Сибири и отчасти Сѣвера Еропейской Россіи поставлены въ чрезвычайно неблагопріятныя условія эксплоатаціи въ силу отдаленности отъ рельсовыхъ путей и морскихъ портовъ, рѣдкости населенія и т. д., но тѣмъ не менѣе лѣсной доходъ, при правильномъ веденіи хозяйства, могъ бы играть въ государственномъ бюджетѣ еще большую роль и особенно въ будущемъ.

Вопросъ объ этомъ настолько привлекъ къ себѣ вниманіе членовъ Думы, что, помимо весьма тщательной разработки его въ бюджетной коммиссіи, онъ былъ спеціально поставленъ и въ финансовой коммиссіи участіи министра финансовъ. Этотъ послѣдній, хотя и оговорился, онъ не можетъ дать, какъ представитель другого вѣдомства, подробн разъясненій, все же долженъ былъ признать, что, напр., хозяйствен заготовка лѣса самимъ вѣдомствомъ уже давно и постоянно вызы противъ себя возраженія министерства финансовъ, ибо въ ней было сомнѣнное смѣшеніе функцій» и «то вѣдомство, которое пріуроче

охраненію лѣсовъ, къ завѣдыванію и къ управленію ими, само же является и хозяиномъ въ собственномъ дѣлѣ, эксплоатирующимъ лѣсъ и торгующимъ издѣліями изъ него». Такимъ образомъ и министру, также какъ и бюджетной коммиссіи, представлялось желательнымъ возможное сокращеніе этихъ хозяйственныхъ операцій. Что касается эксплоатаціи лѣсовъ при продажѣ ихъ съ торговъ дѣлянками частнымъ лицамъ, то это путь, по его мнѣнію, наиболѣе испытанный, но увеличенія дохода здѣсь въ ближайшемъ будущемъ ждать нельзя, ибо расширеніе продажи въ мѣстахъ близкихъ къ дорогамъ и рынкамъ ждать нельзя, вслѣдствіе истощенія запаса лѣсовъ, а всѣ остальныя лѣсныя пространства въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири допускаютъ весьма слабую ихъ эксплоатацію. Изслѣдованіе и изученіе лѣсовъ, конечно, необходимо, но это требуетъ большихъ затратъ и при нынѣшнемъ положеніи казначейства затруднительно.

Многіе депутаты весьма подробно указывали на необходимость именно устроенія и изслѣдованія не только лѣсовъ, но и изученія условій лѣсной торговли.

Членъ Думы Жуковскій указалъ, что міровой лѣсной рынокъ требуетъ все больше и больше лѣсныхъ матеріаловъ, а запасъ ихъ вовсе не такъ великъ. На этомъ рынкѣ главные поставщики—Россія и Канада; Европейскій лѣсной рынокъ поглощалъ ежегодно около 20 мил. тоннъ, изъ нихъ Америка доставляла около $1^1/_2$ мил. тоннъ, а $18^1/_2$ приходилось на долю Европейскихъ странъ, т.-е. преимущественно Россіи, Австріи, Швеціи и т. д. Въ ближайшемъ будущемъ для нашихъ лѣсныхъ богатствъ создается исключительно благопріятное положеніе почти монопольныхъ поставщиковъ на всемірномъ рынкѣ, почему «необходимо обратить вниманіе руководителя нашей финансовой политики» на значеніе для бюджета Россіи лѣсного хозяйства.

Бюджетная коммиссія изслѣдованіе и устройство лѣсовъ поставила въ основу своихъ пожеланій по смѣтѣ лѣсного департамента.

Она признала необходимымъ для вѣдомства: а) выработать программу по изслѣдованію лѣсовъ Азіатской Россіи и Приамурскаго края, разсчитанную на десятилѣтній періодъ изслѣдованія; б) выработать такую же программу изслѣдованія лѣсовъ Якутской области съ разсрочкой изслѣдованія на 20 лѣтъ, и в) закончить изслѣдованіе лѣсовъ Европейской Россіи и Кавказа въ ближайшій, не болѣе чѣмъ пятилѣтній срокъ, считая таковой съ будущаго 1909 года. Кромѣ того, надлежитъ къ будущему 1909 году выработать программу возможно большаго расширенія и ускоренія лѣсостроительныхъ работъ.

Въ работахъ коммиссіи лѣсное хозяйство и эксплоатація устроенныхъ лѣсовъ были подвергнуты весьма большому обсужденію и оцѣнка ихъ для вѣдомства оказалась весьма неблагопріятна; эксплоатація лѣсовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заставляетъ сомнѣваться въ ихъ сохранности особенно въ бойкихъ рыночныхъ мѣстахъ. Коммиссія полагала, что «различные внѣшніе признаки указываютъ на то, что казенное лѣсное хозяйство во вся-

комъ случаѣ не ведется въ настоящее время *ни съ* той *планомѣрностью*, ни съ той степенью интенсивности въ тѣхъ частяхъ, гдѣ это позволяютъ запасы лѣса, какъ это было бы желательно». Многія обстоятельства, и среди нихъ плохое изслѣдованіе и устройство лѣсовъ, «мѣшаютъ тому равномѣрному и правильному росту лѣсного дохода, который несомнѣнно оказался бы при надлежащемъ веденіи лѣсного хозяйства, тщательно соображенномъ съ интересами какъ казны, такъ и потребителей и приноровленномъ къ условіямъ внутренняго и внѣшняго рынковъ сбыта».

Къ казенной хозяйственной заготовкѣ лѣса коммиссія отнеслась совершенно отрицательно; оно, по мнѣнію ея, невыгодно для казны и «грозитъ нормальному развитію лѣсопромышленнаго дѣла». Необходимо приступить «къ подробному изслѣдованію положенія этого предпріятія на мѣстахъ и постепенной ликвидаціи его тамъ, гдѣ это не вызывается нуждами самого лѣсного хозяйства или интересами населенія». Въ Государственной Думѣ нѣкоторые вопросы были освѣщены еще подробнѣе и убѣдительнѣе. Положеніе лѣсного хозяйства, по словамъ депутата Жуковскаго, представляется далеко не «въ розовомъ свѣтѣ». «Лѣсной доходъ,—заявилъ онъ,—не можетъ никакъ повыситься до суммы 1903 г.; онъ дошелъ тогда до 63 мил. руб. и остается все ниже этой предѣльной суммы. Лѣсной отпускъ изъ Россіи, хотя постоянно увеличивается, но увеличивается главнымъ образомъ по вывозу необдѣланнаго лѣса, при все понижающейся цѣнѣ. Вывозъ же лѣса обработаннаго, т.-е. наиболѣе выгоднаго, остается довольно стаціонарнымъ. Затѣмъ въ стоимости и въ количествѣ отпуска на всемірномъ рынкѣ за послѣднія 7 лѣтъ Россія уступила мѣсто Швеціи и Австро-Венгріи и даже вывозъ изъ Финляндіи догоняетъ отпускъ изъ русскихъ таможенъ на всемірные рынки. Картина сводится къ тому, что усиленный вывозъ неотдѣланнаго лѣса изъ Россіи, на которомъ наживаетъ большую торгово-промышленную выгоду Германія, идетъ именно главнымъ образомъ въ ея пользу».

Конечно, во всемъ этомъ нельзя винить только лѣсное вѣдомство. Оно получало нищенскія суммы для своихъ культурныхъ производительныхъ расходовъ. Но и оно само инертно.

Вѣдомство вовсе не изучаетъ условій лѣсной торговли, особенно за границей, не стремится къ преобладанію русскихъ товаровъ на рынкѣ. Въ своемъ собственномъ дѣлѣ оно мало что сдѣлало. Въ то время какъ въ Германіи, во Франціи расходы на лѣсоустройство достигаютъ 20% валового дохода, у насъ тратится не выше 3—4%.

Облѣсенія казенныхъ земель во многихъ необходимыхъ мѣстахъ не пр изводилось, лѣсокультурныя работы ничтожны, отчужденіе вѣдомства о мѣстныхъ условій и мѣстныхъ людей—значительное и напр., «несомнѣ ное ухудшеніе состоянія казенныхъ лѣсовъ въ царствѣ Польскомъ, і торое произошло за 40 лѣтъ, должно поставить въ пассивъ мѣстно лѣсному управленію».

Всю нераціональность постановки хозяйственныхъ лѣсныхъ опера

особенно въ Сибири, гдѣ казна входитъ въ столкновеніе и серьезныя недоразумѣнія съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, влекущія за собой убытки для того же лѣсного вѣдомства, указалъ далѣе другой ораторъ оппозиціи.

Дума въ своей формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ приняла почти всѣ пожеланія бюджетной коммиссіи. Въ нихъ содержится и требованіе объ ускореніи изслѣдованія лѣсовъ Россіи и Кавказа и программа такого изслѣдованія ихъ въ Сибири и «составленіе такого *плана* лѣсного хозяйства, который обезпечивалъ бы какъ доходъ отъ эксплоатаціи лѣсовъ, такъ и *сохраненіе* ихъ». Далѣе признавалось необходимымъ реорганизовать мѣстные лѣсоохранительные комитеты, съ «предоставленіемъ возможно большаго вліянія на дѣла» губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій; предлагалось постепенно ликвидировать хозяйственную заготовку лѣса и проч. Такимъ образомъ и лѣсное хозяйство не выдѣлилось благопріятно на общемъ фонѣ казеннаго хозяйства.

Въ смѣтѣ лѣсного департамента довольно случайно пріютилась ассигновка на Гагринскую климатическую станцію (она помѣщается въ гагринскомъ казенномъ лѣсничествѣ), на которую общая сумма затратъ на 1908 г. изъ казны равна 168 тыс. руб. слишкомъ. Эта сравнительно хотя и не большая сумма, ассигнуемая на почти безконтрольное, безотвѣтственное, безхозяйственное и весьма убыточное для казны предпріятіе, поглотившее уже немало казенныхъ денегъ, вызвала противъ себя справедливыя нареканія, и Дума, согласно предложенія бюджетной коммиссіи, признала необходимымъ «упорядоченіе» дѣлъ Гагринской станціи. На болѣе опредѣленное предложеніе, внесенное со стороны фракцій к.-д., говорившее о необходимости «реорганизовать правленіе и хозяйственную часть» станціи, съ цѣлью прекращенія непроизводительныхъ и крупныхъ расходовъ, большинство октябристской Думы не пошло. Устами своего представителя, Неклюдова, оно ради осторожности сочло ненужнымъ «сгущать краски» въ деликатныхъ вопросахъ.

Этотъ небольшой самъ по себѣ вопросъ, эта мелочь государственнаго хозяйства, обратившая на себя вниманіе почти легендарнымъ способомъ управленія и хозяйничанья, съ крупными и нецѣлесообразными затратами казенныхъ средствъ, составляетъ хорошій переходъ къ смѣтѣ крупнѣйшей отрасли государственнаго хозяйственнаго управленія—*горному департаменту*, въ которомъ сосредоточено управленіе горными промыслами, нефтеносными землями, казенными горными заводами и казенными минеральными водами.

А. Шингаревъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

О Владимірѣ Короленкѣ.

I.

Не знаю, почему, я былъ сильно удивленъ, когда замѣтилъ, какъ часто и охотно Короленко изображаетъ смерть. Кажется, нѣтъ ни одного художника, который питалъ бы такое пристрастіе къ этому ужасному сюжету. Если бы въ настоящей жизни свирѣпствовала такая громадная смертность, какая свирѣпствуетъ въ разсказахъ Короленки,—міръ давно пересталъ бы существовать.

Въ очеркѣ «Рѣка играетъ» семеро мужиковъ-песочинцевъ утопаютъ въ рѣкѣ. Въ «Сказаніи о Флорѣ» римляне избиваютъ шесть тысячъ триста человѣкъ. Въ разсказѣ «Убивецъ» разбойникъ нападаетъ на женщину, разбойника убиваетъ ямщикъ, ямщика убиваетъ бродяга. Въ разсказѣ «Морозъ» замерзаетъ одинъ человѣкъ, а другой идетъ за нимъ на поиски и тоже замерзаетъ.

Въ разсказѣ «Лѣсъ шумитъ» лѣсникъ убиваетъ помѣщика. Въ разсказѣ «Сонъ Макара» священникъ сгораетъ живьемъ. Въ разсказѣ «За иконой» мордва убиваетъ схимонаха. Въ разсказѣ «Безъ языка» вѣшается въ паркѣ безработный.

Въ «Исторіи моего современника»,—которая уже третій годъ печатается въ *Русскомъ Богатствѣ*,—мальчикъ гимназистъ умираетъ въ карцерѣ, помѣщикъ обливаетъ крѣпостного на морозѣ водой, а парубки досмерти избиваютъ полѣньями молодого кучера Антося. (*Рус. Бог.*, 1907, I, и 1908, II и VIII.)

Въ разсказѣ «Съ двухъ сторонъ» человѣка раздавливаетъ поѣздъ. Въ «Послѣднемъ лучѣ» ссыльный падаетъ въ пропасть въ ту самую минуту какъ къ нему издалека пріѣзжаетъ его жена. Въ «Атъ-Даванѣ» чинов никъ стрѣляетъ въ генерала. Въ «Государевыхъ ямщикахъ» ямщик Фролъ замучиваетъ до смерти жену и насилуетъ пассажирку. Въ «Сок линцѣ» арестанты халатами удушаютъ троихъ товарищей, затѣмъ уби ваютъ шестерыхъ солдатъ, а офицеру ножомъ отрѣзаютъ голову и с размаху бросаютъ ее въ море.

И что поразительнѣе всего,—изъ этого сонмища покойниковъ *ни одинъ у Короленки не умеръ естественной смертью!*

Короленко какъ будто и не знаетъ, что есть люди, мирно умирающіе у себя въ постели. Онъ ни разу пе изобразилъ намъ домашней комнатной смерти, той самой, которая, напримѣръ, у Толстого такъ часто пугаетъ насъ.

Короленкѣ, какъ беллетристу, нужно, чтобы люди не просто умирали, а тонули бы, попадали подъ поѣзда, замерзали, вѣшались, душили другъ друга, сгорали бы въ огнѣ, гибли бы подъ ножомъ. Изо всѣхъ сотенъ и сотенъ умершихъ въ его книгахъ только одна дѣвочка Маруся («Въ дурномъ обществѣ») умерла своей смертью,—да и то собственно не своей, а отъ страшнаго «сѣраго камня» въ подземельи. И совсѣмъ недавно, въ послѣдней книжкѣ «Рус. Бог.», онъ упоминаетъ о смерти своего отца, но именно упоминаетъ, а не описываетъ ее.

Во всѣхъ же остальныхъ вещахъ Короленкѣ какъ будто мало одного ужаса смерти, и къ нему онъ пристегиваетъ еще ужасъ той обстановки, при которой совершилась смерть. Получается ужасъ удесятеренный, до какого умѣли добираться только такіе знатоки и смакователи ужаса, какъ Гойя, Бодлеръ, Эдгаръ По.

Вотъ теперь, какъ разъ кстати, въ «Шиповникѣ» изданъ альбомъ офортовъ Гойи. Перелистайте ихъ, вы увидите, что у этого демоническаго художника тоже нѣтъ мертвецовъ, умершихъ естественной смертью. Ему этого тоже какъ будто мало. Онъ тоже только и знаетъ, что зарѣзанныхъ, четвертованныхъ, посаженныхъ на колъ, разстрѣлянныхъ, сожженныхъ, повѣшенныхъ. И не отказался бы, я думаю, Гойя отъ того, напримѣръ, кошмарнаго образа, который созданъ Короленкою въ «Смиренныхъ», отъ человѣка, сидящаго на цѣпи десять лѣтъ.

Или этотъ отвратительный безрукій, который (въ разсказѣ «Парадоксъ») творитъ ногою крестное знаменіе,—развѣ онъ не достоинъ того, чтобы творцомъ его былъ Гойя? Или другой безрукій, еще болѣе страшный, тотъ, что перерѣзалъ и погубилъ столько народу (въ «Очеркахъ сибирскаго туриста»)—чѣмъ онъ не созданіе Гойи, на этомъ своемъ «дьявольскомъ» сѣромъ конькѣ? Или, наконецъ, эта темная подлѣсная деревушка, почти сплошь состоящая изъ сифилитиковъ, которые (въ книгѣ «Въ голодный годъ») съ зловонными ртами и провалившимися носами, въ молчаніи, оцѣпенѣніи и ужасѣ, покорно гніютъ и разлагаются въ курныхъ, закопченныхъ избахъ,—нѣтъ, самому Гойѣ не выдумать ничего кошмарнѣе!..

II.

Но почему же, чѣмъ дальше я это пишу, тѣмъ болѣе меня возмущаетъ кдая моя строчка?

Короленко—поэтъ ужаса, смерти и крови!? Да развѣ это возможно! Да ць стоитъ только назвать это имя, и вы тотчасъ же вспомните что-то

милое, задушевное, полузабытое, какъ именины въ далекомъ дѣтствѣ. Словно по бархату водишь рукою, когда читаешь его! Да вѣдь это, можетъ быть, уютнѣйшій уголокъ во всей россійской словесности, а ужъ что безмятежнѣйшій, такъ это даже навѣрное! Однѣ синенькія обложечки этихъ книгъ, и тѣ настраиваютъ какъ-то особенно мирно. Даже заглавія у нихъ какія-то ласковыя: «Лѣсъ шумитъ», «Рѣка играетъ», «Марусина заимка», «Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ». И вдругъ, оказывается, въ этомъ чистенькомъ уголкѣ, гдѣ положительно только розовой лампадки нехватаетъ, цѣлая навалена куча гнуснѣйшихъ какихъ-то труповъ, уродовъ, монстровъ, утопленниковъ и удавленниковъ, слѣпыхъ, безрукихъ, калѣкъ,— а мы этого и не замѣчали.

И вотъ спрашивается, почему же мы этого не замѣчали, какимъ образомъ удалось Короленкѣ скрыть отъ читателя весь этотъ ужасъ, сдѣлать такъ, какъ будто ужаса нѣтъ совсѣмъ и никогда не бывало, зарыть мертвецовъ въ землю, смрадъ замѣнить благовоніемъ—и весь міръ претворить въ ласковую и свѣтлую улыбку?

Какимъ чудомъ онъ, вѣчно стоящій на грани ужаснаго, вѣчно влекущійся ко всему трагическому, такъ легко и весело преодолѣваетъ это ужасное и трагическое, и снова и снова побѣждаетъ его?

Недавно вышла новая его книжка «Отошедшіе». И въ ней онъ тоже подошелъ вплотную къ ужасному и трагическому.

Книжка посвящена воспоминаніямъ о трехъ глубоко несчастныхъ людяхъ: объ Успенскомъ, сошедшемъ съ ума; о Чеховѣ, который, умирая медленно и долго, ясно видѣлъ надвигавшуюся смерть, и о Чернышевскомъ, задушенномъ сибирскими казематами. Словомъ, будто нарочно самое ужасное, грустное и обидное выбралъ Короленко для своихъ воспоминаній. И онъ зоветъ «трагической» судьбу Успенскаго, говоритъ о «страшной трагедіи» Чернышевскаго и въ послѣднихъ годахъ Чехова видитъ «неутолимую печаль» (стр. 48, 77, 101).

Но здѣсь-то и начинается чудо.

Едва только эти трагическіе люди попали на страницы къ Короленкѣ— они какимъ-то страннымъ колдовствомъ превратились въ людей идиллическихъ.

Чернышевскій, по воспоминаніямъ Короленки, оказался своеобычнымъ и остроумнымъ старикомъ, съ бодрою рѣчью и шутливыми повадками, и мы какъ будто слышимъ со страницъ этой книжки его напряженно-веселый голосъ:

— Ну вотъ, *очень радъ,* милая вы моя. Это *отлично,* право. Это *очень хорошо.* Я *очень радъ*, что узналъ васъ... Я вѣдь знаете, [illegible]ь поцѣловалъ у васъ руку—изъ *галантности.* А-а, а вы не знали: я [illegible]ь галантнѣйшій *кавалеръ.*

Глѣбъ Успенскій тоже изображенъ Короленкой въ тѣ мгновенія, к[illegible]а онъ былъ какъ можно дальше отъ трагедіи и какъ можно ближе къ и[illegible]-ліи. Вотъ онъ сидитъ на чемоданѣ, безъ копейки денегъ, и вокзал[illegible]й

сторожъ покупаетъ ему на свой счетъ билетъ. Вотъ онъ лѣзетъ ночью въ окно, чтобъ тайкомъ убѣжать на откосъ. Вотъ онъ беззаботно раздаетъ направо и налѣво кредитныя бумажки, вотъ онъ говоритъ смѣшное про журнальную мочалку, вотъ онъ помогаетъ рестораннымъ пѣвичкамъ, вотъ онъ дѣлаетъ изъ множества папиросъ одну,—все идиллія, идиллія, идиллія, а трагедія отошла куда-то въ сторону; она гдѣ-то есть, но такъ далеко, что намъ и разглядѣть ее издали трудно.

Съ Чеховымъ у Короленки вышло то же самое. Всѣ другіе вспоминавшіе о Чеховѣ,—Горькій, Ѳедоровъ, Бунинъ, Купринъ,—знали покойнаго писателя только въ послѣдній «неутолимо-печальный» періодъ жизни, и сохранили намъ «неутолимо-печальный» его образъ. Короленкѣ же и здѣсь наиболѣе запомнилась «самая счастливая полоса» его жизни, «радостная,—какъ онъ самъ выражается,—идиллія».

И все это у Короленки выходитъ фатально, иначе и выйти не можетъ: неизбѣжно его талантъ влечется къ трагедіи, и неизбѣжно же претворяетъ ее въ ея противоположность.

III.

И если бы все это значило, что Короленко идиллическій писатель,—на этомъ бы можно было и кончить. Но въ томъ-то и дѣло, что темы и сюжеты у Короленки, какъ мы видѣли, почти сплошь трагическіе, страшные, бурные, и только, попавъ въ его художественную мастерскую, они послѣ долгой обработки выходятъ оттуда какъ бархатные: гладкіе, мягкіе и пріятные.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ на минуту, что гдѣ-нибудь, ну хотя бы въ романѣ Уэльса, существуетъ такая фантастическая мастерская и что надъ дверьми у нея даже вывѣска:

Передѣлка и перекройка
смерти и ужаса
въ бархатъ, шелкъ и атласъ

и что мастерскою этой завѣдуетъ великій художникъ, большой знатокъ этого дѣла, который посвятилъ ему всю свою жизнь и всѣ свои силы, и давайте придумывать, какія художественныя средства станетъ онъ употреблять для достиженія этой фантастической цѣли.

Можетъ онъ, напримѣръ, сдѣлать такъ: взять что-нибудь самое страшное и разсказать его какъ шутку, какъ анекдотъ, съ беззаботнымъ смѣхомъ, чтобы страшнаго никто и не замѣтилъ, а всѣ заразились бы весельемъ.

Короленко именно такъ иногда и дѣлаетъ. Онъ беретъ, напримѣръ, того священника, который сгорѣлъ заживо въ печи, и пишетъ про него улыбаясь:

«Всѣ жалѣли добраго попа Ивана. Но такъ какъ отъ него остались однѣ только ноги, то вылѣчить его не могъ уже ни одинъ докторъ въ мірѣ. Ноги похоронили, а на мѣсто попа Ивана назначили другого». («Сонъ Макара».)

И это достигаетъ своей цѣли: ужасъ ужаснаго событія уже не ужасаетъ васъ, и вамъ остается одно: улыбка. Мастерская выполнила свой заказъ превосходно.

А вотъ и еще подобный случай: утонуло семь человѣкъ въ рѣкѣ: сколько вдовъ, сиротъ, матерей, сколько слезъ и ужаса. Но снесите этотъ ужасъ въ Короленковскую мастерскую, и у васъ получатся такія строки:

«Пошли семеро песочинцевъ въ село Благовѣщеніе желѣзо чинить: лемеха тамъ, сошники, серпы и прочее деревенское орудіе. Ну, починили, идутъ назадъ къ рѣкѣ, и сумы съ желѣзомъ въ рукахъ несутъ. А рѣка, вотъ какъ и теперь же, приплескиваетъ сильно, играетъ, да еще вѣтеръ по рѣкѣ ходитъ, волну раскачалъ. А лодка-то, извѣстно, верткая. «А что, братцы вы моё,—говоритъ одинъ,—какъ лодку у насъ ковырнетъ, вѣдь желѣзо-то, пожалуй, утопнетъ. Давай, робяты, кошели къ себѣ привяжемъ, кабы желѣзо не потопить».—«И то молъ дѣло!...» Такъ и сдѣлали. Къ рѣкѣ шли—желѣзо въ рукахъ несли; въ лодку садиться—давай на себя навязывать. Выѣхали на середину, рѣка лодку-то и начни заливать, лодка и опрокинься. Ну желѣзо-то крѣпко къ спинамъ привязано, не потерялось. Такъ вмѣстѣ съ желѣзомъ хозяева ко дну и пошли, всѣ семеро!» («Рѣка играетъ»).

Опять, вмѣсто ужаса, смѣхъ: навязали на себя желѣза, чтобы получше утонуть. Такіе смѣшные люди. Смерть, гдѣ жало твое! Нѣтъ этого жала и пропала смерть; фантастическая мастерская снова сдѣлала свое дѣло чудесно.

Пускай даже дьяволъ попадетъ туда, такъ и то изъ самаго страшнаго Мефистофеля, демона, сатаны онъ, подъ властью Короленковскаго смѣха, превратится въ милаго и ласковаго чорта,—напримѣръ, въ «честнаго еврейскаго чорта Хапуна», простодушнаго добряка, который тащитъ еврея въ пекло, даетъ ему тамъ безъ всякихъ патентовъ торговать, и черезъ годъ тащитъ разбогатѣвшаго на землю, какъ это произошло въ разсказѣ «Іомъ Кипуръ». Правда, иной «чертяка», пролетая по небу, несетъ подъ мышкой кошницу съ проклятыми панами и сыплетъ ихъ, какъ сѣмена, на землю и сѣетъ ихъ среди идиллическихъ хохловъ, но и онъ выглядитъ какимъ-то добрякомъ предъ смѣющимся взоромъ Короленки.

Иногда ихъ цѣлая свора, этихъ «мелкихъ проказниковъ, съ хвостами крючкомъ и смѣшными рожками»,—столь непохожихъ на Сологубова мелкаго бѣса,—и они то прячутся въ рукомойники, то принимаютъ видъ дѣвицъ, ящерицъ или свиней. Монахи ихъ безо всякаго страху ловятъ наказываютъ, какъ собачатъ, и опять отпускаютъ на волю.

А иногда—и того смѣшнѣе!—это просто переодѣтый попъ, который, какъ разсказываетъ Короленко въ «Исторіи своего современника»,—

шутку прицѣпилъ себѣ бычачьи рога, а они и приросли къ нему навѣки.

Самое страшное пугало вселенной, которое художники всѣхъ поколѣній и племенъ съ испугомъ воплощали въ величавыхъ и грозныхъ образахъ, выходитъ изъ мастерской Короленки смѣшнымъ огороднымъ чучеломъ, котораго не боятся и воробьи.

И здѣсь эта мастерская сдѣлала свое дѣло прекрасно. Самый адъ оказался у нея нестрашнымъ, смѣшнымъ и уютнымъ.

IV.

Но не всякій же ужасъ можно уничтожить смѣясь. У Короленки для этой цѣли имѣются и другія, болѣе изощренныя средства. Вотъ въ очеркѣ «Лѣсъ шумитъ» лѣсникъ убиваетъ помѣщика,—и смерть эта, конечно, ужасна, но какое намъ дѣло до этой смерти, если очеркъ «Лѣсъ шумитъ»—есть легенда, а время дѣйствія въ легендѣ всегда такъ отъ насъ далеко, и самое дѣйствіе совершается въ легендѣ такъ гармонично и размѣренно, и вся легенда покрыта такимъ прекраснымъ туманомъ, что, поистинѣ, у Короленки нѣтъ болѣе вѣрнаго средства для борьбы съ ужаснымъ, роковымъ и трагическимъ, чѣмъ именно легенда.

И не даромъ поэтому такъ много у Короленки легендъ!

Мордва убила монаха, который стрятался отъ нея на колокольню и тащила его за ноги внизъ, и голова его билась о ступени лѣстницы,—и это было бы ужасно, если бы это была не легенда. Но, Боже мой, это, именно, легенда, далекая и прекрасная,—объ Оранскомъ Богородицкомъ монастырѣ,—вставленная въ разсказъ «За иконой».

Римляне избиваютъ шесть тысячъ человѣкъ,—и это бы тоже ужаснуло насъ, еслибъ это тоже была не легенда, не далекое и прекрасное «Сказаніе о Флорѣ».

Ахъ, Короленко такъ любитъ легенды, преданія, сказки: ему такъ хочется видѣть ужасъ жизни расцвѣченнымъ и раскрашеннымъ! Нѣтъ почти ни одной его вещи, гдѣ бы не было, хоть въ видѣ эпизода, какой-нибудь прекрасной легенды.

Въ «Отошедшихъ» разсказана легенда о Шамилѣ. Въ очеркѣ «Ночью» о «жидовскомъ чортѣ Хапунѣ». Въ разсказѣ «Іомъ Кипуръ» о немъ же. Въ «Слѣпомъ музыкантѣ» о поэтѣ казацкомъ Юркѣ и о славномъ ватажкѣ Игнатѣ Каромъ. Въ «Сказаніи о Флорѣ»—объ Ангелѣ Скорбнаго Пониманія.

Въ «Исторіи моего современника» разсказаны легенды о чортѣ, попѣ и мужикѣ (*Современность*, 1906, I), а также о чертенятахъ, являвшихся печерскимъ подвижникамъ (*Совр. Зап.*, 1906, I). Въ «Послѣднемъ лучѣ»—о знатномъ ссыльномъ, который упалъ въ пропасть. Въ «Морозѣ»—о замерзшихъ и оттаявшихъ словахъ. Въ книгѣ «Въ голодный годъ»—объ антихристовой прелести.

Но не только вставляетъ Короленко въ свои разсказы отдѣльныя легенды, многіе разсказы онъ даже пишетъ въ видѣ легендъ. Таковы: «Судный день», «Сонъ Макара», «Лѣсъ шумитъ», «Тѣни». Легендарною жизнью не живешь, ею только любуешься издали; и не страшенъ легендарный ужасъ, онъ плѣнителенъ и красивъ. Прошлое всегда прекрасно и никогда не бываетъ трагично. Трагично одно настоящее.

V.

И вотъ почему Короленко такъ любитъ прошлое, вотъ почему онъ такъ любитъ вспоминать. Недаромъ всѣ сибирскіе разсказы,—гдѣ ужаснаго больше всего,—написаны имъ въ видѣ воспоминаній. Изъ всѣхъ русскихъ писателей онъ писатель наиболѣе мнемоническій. У него есть какой-то геній поэтической памяти. И всегда его тянетъ не къ тому, что онъ пережилъ недавно, а къ тому, что онъ пережилъ давно, что, за отдаленностью времени, успѣло уже кристаллизоваться, очиститься, облагородиться, покрыться какимъ-то ровнымъ туманомъ,—что успѣло уже превратиться въ легенду.

Для него вспоминать—это значитъ, именно, творить все новыя и новыя легенды, это значитъ съ новой силой дѣлать то дѣло, къ которому инстинктивно всегда устремляется его дарованіе: искоренять изъ нашей жизни трагедію, изображать человѣчество изъятымъ изъ-подъ ея губительной власти.

И его поэтическая память великая пособница ему въ этомъ стремленіи. Если бы Шекспиръ не изобразилъ намъ страданія Отелло такъ, какъ будто они совершаются сію минуту, если бы муки Ромео и Джульеты были намъ переданы, какъ далекія, полу-легендарныя воспоминанія дѣтства, то мы сидѣли бы въ театральныхъ креслахъ и улыбались имъ, а не мучились бы ими за-ново изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

И Короленко знаетъ это свойство воспоминаній. И потому, смотрите: «Исторія моего современника»—есть его *воспоминанія* о себѣ, а «Отошедшіе»—его *воспоминанія* о другихъ. И изъ этихъ *воспоминаній* мы узнаемъ, что и прочія вещи Короленки есть въ сущности тоже *воспоминанія*. Мы узнаемъ, напр., что большеголовый мечтательный мальчикъ Голованъ изъ разсказа «Ночью» есть воспоминаніе автора о самомъ себѣ, что и дядя Генрихъ изъ того же разсказа, и фантастическій «Зеленый господинъ», и даже тараканы, фигурирующіе въ этомъ разсказѣ,—все это—сладкое воспоминаніе изъ далекаго дѣтства Короленки. Оттуда же мы узнаемъ, что тотъ самый судья, который изображенъ «Въ дурномъ обществѣ», есть воспоминаніе Короленки о своемъ отцѣ; что развалившійся древній дворецъ, играющій такую большую роль въ этомъ разсказѣ, есть воспоминаніе о Ровенскомъ дворцѣ князей Любомірскихъ. И кучеръ Іохимъ изъ «Слѣпого музыканта» оказывается воспоминаніемъ, и учитель Падоринъ изъ разсказа «Не страшное», и панъ Уляницкій изъ «Парадокса», и Ми-

кеша изъ «Государевыхъ ямщиковъ»—все это воспоминаніе, и, когда описывалось Короленкой въ различныхъ разсказахъ, было для него прекрасной и умилительной легендой.

Именно поэтому Короленко всегда изображаетъ свой вчерашній день и ни разу не изобразилъ какого-нибудь своего «сегодня»,—иначе ему пришлось бы отбросить ту радужную призму, сквозь которую теперь столь обаятельнымъ кажется ему міръ. Ибо эта обаятельность міра ему нужнѣе всего. И никогда не высказывая того, что онъ чувствуетъ въ эту минуту, онъ съ великою обстоятельностью повѣствуетъ о тѣхъ чувствахъ, которыя были у него двадцать, тридцать и сорокъ лѣтъ назадъ.

Какъ Леониду Андрееву, напр., всегда нужно писать только о томъ, что онъ переживаетъ сейчасъ, и совершенно неинтересно писать о своемъ прошедшемъ, такъ Короленко всегда влечется исключительно къ своему прошедшему и съ необычайной силой отталкивается отъ настоящаго.

Не только событія, но и душевную свою жизнь Короленко изображаетъ съ отдаленнѣйшихъ точекъ времени: это значительно облегчаетъ работу его фантастической «мастерской».

VI.

И что еще помогаетъ ему въ достиженіи этой странной цѣли, которую онъ безсознательно поставилъ себѣ—это стилизація его вещей. Стилизаціи не зналъ никто изъ писателей его поколѣнія. Но у него «Сказаніе о Флорѣ» звучитъ, какъ латинская хроника. У него діалектика «Тѣней» выдержана въ стилѣ платоновскихъ діалоговъ. «Лѣсъ шумитъ» и «Іомъ-Кипуръ»—написаны въ украинскомъ стилѣ. И каждую свою легенду онъ любитъ писать въ особенномъ, спеціальномъ тонѣ, очень дорожа ея общимъ колоритомъ.

И подъ этимъ прикрытіемъ стиля намъ становится въ мірѣ еще уютнѣе. Стилизованныя страданія, вѣдь, такъ далеки отъ настоящихъ и стилизованное отчаяніе такъ отличается отъ нестилизованнаго...

Но мастерская, о которой мы говоримъ, не могла бы выполнить ни одного заказа и давно бы уже закрылась, если бы у Короленки не было одного свойства, очень помогающаго ему въ его задачѣ: громаднаго, гипнотическаго таланта. По смерти Чехова у Короленки въ русскомъ искусствѣ нѣтъ соперниковъ, и главная черта его дивнаго дарованія—это гипнозъ. Короленко—художникъ-гипнотизеръ. И въ лучшихъ своихъ вещахъ онъ съ первыхъ же строкъ умѣетъ навѣять на читателя такую атмосферу непобѣдимаго благодушія, безхитростной мечтательности и смиреннаго, безсознательнаго юмора, что потомъ, что бы ни попало въ эту атмосферу, все начинаетъ нести на себѣ отблескъ ея очарованія.

Попадаетъ ли туда перевозчикъ Тюлинъ пьяный, лѣнивый, вороватый и глупый,—и тотчасъ же, словно изнутри, весь онъ начинаетъ свѣтиться какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, и что бы ужъ онъ ни сталъ дѣлать, мы, гипнотизированные заранѣе, говоримъ въ умиленіи: милый Тюлинъ!

Юрьевчане, хотѣвшіе раскидать «на затменіи» телескопы, — милые Юрьевчане! Соловьихинцы, таскавшіе прохожаго къ проруби,—милые Соловьихинцы! И тѣ, что посадили больного на цѣпь,—милые, трижды милые люди! И Андрей Ивановичъ, дергавшій за носъ купца,—милый Андрей Ивановичъ! И Лозинскій, хватающій каждаго прохожаго за руку и холопски ее цѣлующій—милый Лозинскій! Здѣсь какое-то колдовство великаго гипнотическаго таланта, и сколько бы ни творилось вокругъ него зла, насилія, мерзости, все это онъ вовлечетъ въ какую-то нѣжащую мелодію, и, силою своего внушенія, претворитъ въ умилительную, наивную красоту.

И начнетъ казаться, что весь міръ—это наивный пейзажъ, и наивный Андрей Ивановичъ, и наивная рѣчка Ветлуга, и наивныя тучи на небѣ, и наивный столбъ на прибрежьи съ наивною надписью:

Пожертвуйте проходящіи на колоколо Господне.

И исчезнетъ изъ міра ужасъ, и вотъ уже все уютно и ясно, какъ въ комнатѣ. Вы ѣздите, вслѣдъ за Короленкой, за тысячи-тысячи верстъ, но комнатная уютность міра ни на минуту не покидаетъ васъ. Въ какомъ-то разсказѣ Короленко воскликнулъ однажды:

— Какихъ чудесъ не можетъ случиться вонъ въ этой божьей хаткѣ, что люди называютъ бѣлымъ свѣтомъ!

И подъ гипнозомъ его таланта вѣришь на мгновеніе: да, да, весь міръ—это, именно, божья хатка, гдѣ все убрано, чисто, знакомо, и гдѣ такъ хорошо, когда «лѣсъ шумитъ», и «рѣка играетъ», и песочинцы тонутъ, и сгораетъ сибирскій попъ, и римляне избиваютъ шесть тысячъ человѣкъ, и Успенскій сидитъ на чемоданѣ, и Чернышевскій цѣлуетъ у дамы руку и говоритъ ей смѣясь:

— А вы и не знали: я галантнѣйшій кавалеръ!

И подъ этимъ гипнозомъ великаго таланта, какъ подъ луннымъ сіяніемъ, вдругъ на минуту повѣришь, что жизнь—это скрытая легенда, сказаніе, святочный разсказъ, и, посмотрите по сторонамъ, вглядитесь внимательнѣе въ окружающихъ людей: какъ удивительно они вдругъ перемѣнились! Какъ красивы стали ихъ движенія и нѣжны слова, и поэтичны поступки. О, конечно, люди грабятъ попрежнему и попрежнему насильничаютъ,—но все это гдѣ-то такъ далеко, и такъ давно, и все это вовсе не страшно, и все это вовсе не главное, а самое главное и единственное, что на самомъ дѣлѣ дѣлаютъ люди въ этомъ волшебномъ короленковскомъ царствѣ: они упоенно и неутолимо мечтаютъ.

VII.

Міръ Короленкѣ не страшенъ: онъ полонъ мечтателей и фантазеровъ

Мечтаетъ ямщикъ Микеша, и въ глазахъ у него Короленко подмѣтилъ какую-то «грустную растерянность и темное безсознательное стремленіе неизвѣстно куда».

Мечтаетъ писарь Гавриловъ въ разсказѣ «Черкесъ»; мечтаютъ арестанты и мечтаютъ часовые въ очеркѣ «Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ». И въ смутномъ бормотаніи спящаго бродяги-Соколинца Короленкѣ опять-таки слышатся «неопредѣленные вздохи о чемъ-то». И «какъ грибы въ тѣнистомъ мѣстѣ» растутъ странныя мечты двухъ малолѣтнихъ мечтателей изъ очерка «Парадоксъ». Даже тотъ помѣщикъ, который въ «Исторіи моего современника» обливаетъ крѣпостного на морозѣ водой,—тоже у Короленки оказывается фантазеръ.

А «синіе и глубокіе» глаза ямщика Силуяна изъ разсказа «Въ облачный день» свѣтятся опять-таки «живо, умно и нѣсколько мечтательно». И дѣвушка, которую везетъ мечтательный Силуянъ, тоже мечтательница и мечтаетъ она о юношѣ съ «мечтательными глазами» (кн. III, 318).

Какое-то удивительное царство синихъ мечтательныхъ глазъ,—эта огромная Россія, которую такъ хорошо знаетъ Короленко отъ Якутска и до Житоміра.

У Матвѣя Лозинскаго-Дышла, который «безъ языка» отправляется въ Америку, все такіе же голубые задумчивые глаза, и въ головѣ у него носятся все тѣ же мечты «смутныя и неясныя, глубокія и непонятныя».

У Тюлина-перевозчика тѣ же «голубые глаза» и, конечно, тѣ же мечтанія. И у той дѣвицы, Раисы Павловны, изъ «Атъ-Давана», которая столько мечтала о Гуакѣ, Францылѣ-Венецыянѣ и о маркграфиняхъ бранденбургскихъ, тоже непремѣнно были голубые глаза, хоть писатель и не говоритъ намъ объ этомъ. И развѣ тѣ мужики-песочинцы, которые такъ наивно утонули въ родной рѣченкѣ, могли не имѣть голубыхъ глазъ? Или сгорѣвшій сибирскій попъ, развѣ могъ бы онъ безъ голубыхъ глазъ такъ наивно и пріятно сгорѣть?

Голубоглазость обязательна для обитателей этихъ синенькихъ книжекъ, и мнѣ сдается, что у героевъ Вл. Короленки даже самыя души голубоглазыя.

О чемъ мечтаютъ эти голубоглазыя души, для Короленки все равно. Лишь бы онѣ мечтали. Среди мечтателей ему легко и не страшно, мечтатели лучше всего помогутъ ему перестроить вселенную въ «божью хатку». И онъ проститъ и полюбитъ все: и невѣжество, и жестокость, и глупость, но не проститъ человѣку одного: если этотъ человѣкъ не мечтатель.

Человѣка безъ голубыхъ глазъ, лишеннаго какихъ бы то ни было мечтаній,—вотъ кого онъ единственно чуждается и къ кому, какъ художникъ, онъ чувствуетъ отвращеніе.

На рѣкѣ Ветлугѣ, которая «играетъ», все мечтательно и все голубоглазо, и поэтому все получаетъ отъ Короленки его благословеніе. Не мечтательны тамъ одни только начетчики-уреневцы, и потому Короленко ни за что не даетъ имъ пріюта въ своей «божьей хаткѣ».—«Отчего,—спрашиваетъ онъ,—такъ тяжело мнѣ было тамъ, на озерѣ, среди книжныхъ народныхъ разговоровъ, среди «умственныхъ» мужиковъ и начетчиковъ, и такъ легко, такъ свободно на этой тихой рѣкѣ, съ этимъ стихійнымъ,

безалаберным, распущенным и вѣчно страждущим отъ похмельнаго недуга перевозчиком Тюлиным?»

И старательно избѣгаетъ Короленко этихъ разрушителей его идиллическаго, голубоглазаго міра, который обошелся ему такъ дорого. Нелегко было Короленкѣ построить этотъ міръ, и теперь, когда съ такими усиліями этотъ міръ, наконецъ, построенъ, Короленко естественно боится всякаго посторонняго вторженія...

Поразительно: даже у моралиста-Толстого, развѣнчателя всѣхъ легендъ и обольщеній жизни, сумѣвшаго даже религію основать безъ грезы, безъ фантазіи, безъ мистики, и соціальное ученіе—безъ утопіи,—даже у этого трезвѣйшаго изъ аскетовъ отыскалъ Короленко «прекрасную мечту, навѣянную чуднымъ, волшебнымъ сновидѣніемъ», даже его превратилъ онъ въ «мечтателя» (см. «Рус. Бог.» 1908, VIII. *«Левъ Николаевичъ Толстой»*, ст. Вл. Короленки). И какъ же ему было иначе. Иначе страшенъ ему Толстой, иначе нѣтъ ему доступа къ Толстому, для котораго торчкомъ торчатъ всѣ скелеты жизни, столь старательно прикрываемые Короленкой. Полюбить Толстого, и «простить» Толстого Короленко могъ только въ томъ случаѣ, если и у Толстого окажутся все тѣ же «голубые, мечтательные глаза», которые оправдали, въ глазахъ Короленки, и Тюлина, и Силуяна, и Микешу.

VIII.

Итакъ, мы видимъ, что всѣ свойства короленковскаго таланта какъ будто кѣмъ-то нарочно направлены на то, чтобы вытравить изъ жизни ужасъ, вывести его оттуда, какъ выводятъ пятно изъ бѣлоснѣжной скатерти.

Кажется, что сама природа вооружила Короленку противъ ужаса всѣми возможными средствами.

Онъ смотритъ на ужасъ сквозь воспоминанія, а отъ воспоминанія ужасъ смягчается и прихорашивается.

Онъ смотритъ на ужасъ, какъ на легенду, а легенда украшаетъ и расцвѣчиваетъ ужасъ.

Онъ стилизуетъ сказанія объ ужасѣ, а стилизація отчуждаетъ ихъ отъ насъ.

Онъ часто склоненъ ужасное претворять въ идиллію, и идиллія примиряетъ насъ съ ужаснымъ.

Чаще всего онъ готовъ улыбаться, и не разъ встрѣчалъ трагедію улыбкой, отъ которой таяла и исчезала трагедія.

И всю силу своего художественнаго гипноза, который даетъ его творчеству такую власть надъ нашими душами, онъ обращаетъ опять-таки на то, чтобы вырвать, вытравить, выгнать изъ нашего міра ужасъ.

Дѣлаетъ онъ это безсознательно и часто противъ воли. Иногда онъ даже пытается бороться съ этими инстинктивными устремленіями своего

таланта, и, имъ наперекоръ, себѣ самому въ отместку, пишетъ, напр., разсказъ «Не страшное», чтобы показать, что и онъ способенъ чувствовать ужасъ, и что даже въ *не страшномъ* онъ можетъ видѣть *страшное*. Но талантъ его и здѣсь остается вѣренъ себѣ и волѣ художника не подчиняется: *не страшное* такъ у него *не страшнымъ* и остается!

И страшно Короленкѣ безъ страшнаго. Міръ безъ ужаса мертвый міръ, и человѣкъ безъ трагедіи покойникъ. Если чортъ не страшенъ, если адъ не страшенъ, если не страшна ни жизнь, ни смерть, то нужно насильно создать себѣ что-нибудь страшное, выдумать, изобрѣсти его. И Короленко пытается испугать себя хоть «не страшнымъ». Но поздно: слишкомъ ужъ прилежно работалъ онъ всю жизнь надъ искорененіемъ страшнаго и слишкомъ онъ усердствовалъ въ этомъ дѣлѣ. Ему ли ворочаться назадъ? Онъ такъ далеко зашелъ: когда онъ увидѣлъ, что слѣпому музыканту страшно, такъ сейчасъ же повелъ его подъ вѣнецъ, и великую муку слѣпоты захотѣлъ разсѣять веселой свадьбой! Это ли не кощунство надъ ужасомъ! И проститъ ли слѣпой музыкантъ Короленкѣ, что этотъ ужасъ вѣчно нависшей надъ нимъ темноты онъ такъ просто и легко преодолѣлъ семейной идилліей.

И всѣ страданія Матвѣя Лозинскаго, изъ повѣсти «Безъ языка», Короленко тоже искупаетъ все той же веселою свадьбой. Какимъ угодно способомъ, но онъ исполнитъ заказъ своей удивительной мастерской! Въ «Іомъ-Кипурѣ», какъ ни страдаетъ «вдовына дочка Галя»,—онъ на послѣдней страничкѣ ведетъ и ее подъ вѣнецъ, и вотъ уже снова въ мірѣ нѣтъ страданій. Пусть эти свадьбы не настоящія, а беллетристическія, тѣ самыя милыя свадьбы, которыя почему-то во всѣхъ плохихъ повѣстяхъ и романахъ всегда происходятъ на послѣдней страничкѣ, — для Короленки лучше безвкусица, чѣмъ ужасъ. Онъ лучше испортитъ свой великолѣпный разсказъ «Морозъ» и придѣлаетъ къ нему банальнѣйшій конецъ, а на могилѣ трагически-погибшаго тамъ человѣка поставитъ - таки идиллическій крестъ, и продѣлаетъ съ этимъ идиллическимъ крестомъ все, что требуется по шаблону третьестепенной беллетристики—лишь бы хоть какъ-нибудь загладить и затушевать трагическую судьбу этого лежащаго подъ крестомъ человѣка. Пускай шаблонъ, пускай безвкусица, пускай дешевый беллетристическій эффектъ, на все согласится Короленко, на все пойдетъ, только бы чѣмъ-нибудь, только бы какъ-нибудь заслониться отъ страшнаго.

И весь этотъ необъятный человѣческій матеріалъ, какъ будто цѣликомъ сотканный изъ страданія,—и сибирскій попъ, и песочинцы, и слѣпой музыкантъ, и Глѣбъ Успенскій, и соколинецъ, и тысячи другихъ,—простятъ ли всѣ они Короленкѣ, что онъ строитъ себѣ «божью хатку» на ихъ человѣческихъ костяхъ, не возмутятся ли, не отмстятъ ли? Не отмстили ли уже?

Смотрите: Короленко съ его огромнымъ поэтическимъ даромъ могъ бы быть великій писатель, но онъ только талантливѣйшій и любимѣйшій изъ современныхъ беллетристовъ,—и это отмстили они, тѣ страдальцы, у ко-

торыхъ онъ такъ легко и поспѣшно отнялъ ихъ страданія, и которыхъ онъ, желая осчастливить, унизилъ и оскорбилъ. Множество человѣческихъ чувствъ и страданій исключилъ Короленко изъ своего кругозора, и все только потому, что они не умѣщались въ его «божьей хаткѣ»; этимъ онъ обкарналъ, сузилъ и даже кастрировалъ человѣческую личность. Гдѣ у него изображена страсть, ревность, гдѣ изображены муки творчества, гдѣ трагедія бытія, трагедія власти, познанія, любви? О, я нимало не зараженъ тѣмъ фетишизмомъ трагедіи, который имѣлъ свой raison d'être въ до-революціонную эпоху, а теперь есть не что иное, какъ историческій пережитокъ, уже потерявшій смыслъ.

Нѣтъ. Но, при всемъ томъ, не во имя какого-нибудь фетиша, а во имя полноти человѣческой личности, я не могу не жалѣть, что прекрасный талантъ художника обращается только на нѣкоторыя стороны души человѣческой, а о многихъ, самыхъ завѣтныхъ, умалчиваетъ. Неужели несчастны только безрукіе, слѣпые, посаженные на цѣпь? Неужели всѣ зрячіе и не сидящіе на цѣпи счастливы и не заслуживаютъ его состраданія? Не оскорбительно ли это для насъ, которые не слѣпы и не посажены на цѣпь, а все же бываемъ достойны участія? И Короленко—не потому ли?—хоть и будетъ всегда нашимъ любимымъ писателемъ, но нашимъ завѣтнымъ—никогда.

IX.

Короленко такъ страстно отбивается отъ трагедіи, такъ «увиливаетъ» и убѣгаетъ отъ нея, такъ усиленно прячется отъ нея за первый попавшійся предметъ, что уже самыя усилія, съ которыми онъ дѣлаетъ это, показываютъ, какъ безумно ему этого хочется и *какъ мало онъ этого достигъ*.

Должно быть, трагическій міръ чрезвычайно властителенъ надъ нимъ, разъ онъ съ такими усиліями обороняется отъ трагическаго міра. И это напряженное отрицаніе трагедіи—не кажется ли оно трагичнымъ? Развѣ тотъ, кто на самомъ дѣлѣ спокоенъ, сталъ бы такъ заботиться о своемъ спокойствіи? Зачѣмъ бы ему было громоздить ужасъ на ужасъ, трупъ на трупъ, отчаяніе на отчаяніе и, нагромоздивъ, разворушивать эту груду, если бы онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ увѣренъ, что «лѣсъ шумитъ» и «рѣка играетъ», что всякая трагедія разрѣшается свадьбой и надъ каждой могилой воздвигнется бѣлый крестъ? И зачѣмъ бы ему было *создавать* идиллію, если бы и безъ его усилій и прежде его усилій міръ былъ для него идиллія. Нѣтъ, не живетъ онъ самъ въ этой «божьей хаткѣ», куда такъ ласково зазываетъ другихъ, и, чѣмъ ласковѣе онъ зазываетъ, тѣмъ яснѣе намъ слышится изъ его синенькихъ книжекъ странный крикъ:

— У! уу! у!

Этотъ крикъ мы уже слышали отъ толстовскаго Ивана Ильича, когда тотъ метался въ предсмертномъ ужасѣ—и смыслъ этого крика: «не хочу-у!» Такое отталкиваніе, отпрядываніе отъ ужаса не есть ли оно величайшій ужасъ, какой только выпадаетъ на долю душѣ человѣческой.

И вотъ что странное приходитъ въ голову. Сейчасъ въ Россіи есть писатель, который какъ бы взялъ патентъ на ужасное и трагическое,— Леонидъ Андреевъ. Въ «*Мысли*» онъ вывелъ трагедію познанія, въ «*Красномъ Смѣхѣ*»—трагедію войны, въ «*Жизни Человѣка*»—трагедію смерти, въ «*Проклятіи Звѣря*»—трагедію города, въ «*Царь-Голодѣ*»—трагедію голода, въ «*Такъ было*»—трагедію власти, въ «*Жизни Василья Ѳивейскаго*»—трагедію вѣры и т. д. и т. д.—Трагедію города?—Могу! Трагедію голода?—Могу! Трагедію власти?—Могу! Трагедію страсти?—Могу! Трагедію вѣры, познанія, бытія?—Чего угодно, все могу. Съ ужасами и безъ...

И публика не торгуется, валомъ валитъ, нарасхватъ покупаетъ,—но вы вотъ на что обратите вниманіе. Чѣмъ больше Андреевъ сочиняетъ трагедій, тѣмъ яснѣе и яснѣе становится для всѣхъ, что у него, у самого, нѣтъ и не можетъ быть никакой своей собственной трагедіи. Иначе всѣ эти ужасы не сыпались бы изъ него, какъ изъ мѣшка, а былъ бы у него какой-нибудь одинъ, постоянный, ужасъ, какая-нибудь одна, постоянная, трагическая тема.

И здѣсь громадное поле для интереснѣйшихъ выводовъ. Почему тотъ, кто отталкивается отъ ужаса и открещивается отъ трагедіи, и вѣчно влечется къ идиллическому,—наиболѣе трагиченъ изо всѣхъ современныхъ художниковъ? А тотъ, кто шагу не можетъ ступить безъ десятка различнѣйшихъ трагедій, кто торгуетъ ужасами оптомъ и въ розницу,—безмятеженъ и веселъ, какъ дитя? И почему эти два крайніе полюса человѣческой психики,—Короленко и Леонидъ Андреевъ,—должны были столкнуться въ одну эпоху? И что знаменуетъ это столкновеніе для насъ? Одинъ судорожно убѣгаетъ отъ ужаса, другой судорожно прибѣгаетъ къ нему—и тамъ и здѣсь судорога, и мы либо съ тѣмъ, либо съ другимъ, и вся современная жизнь, и вся современная литература либо съ тѣмъ, либо съ другимъ. Середины для насъ нѣту—и скоро ли будетъ середина? И будетъ ли? И что нужно сдѣлать, чтобы она была? Вѣдь не бѣгалъ же Пушкинъ ни отъ ужаса, ни къ ужасу, и Тургеневъ не бѣгалъ, и Толстой. Они ровнымъ шагомъ проходили по жизни,—и чего бы теперь мы не отдали за этотъ ровный ихъ шагъ!

К. Чуковскій.

Новый трудъ по теоріи познанія.

И. Лапшинъ. «Законы мышленія и формы познанія». Спб. XII + 327 + + 93 + 9 стр. Ц. 2 р.

Книга эта была представлена авторомъ С.-Петербургскому университету для полученія степени магистра философіи. Факультетъ, уже отъ себя, присудилъ И. И. Лапшину степень доктора. Задача, которую поставилъ себѣ авторъ, есть расширеніе Кантовскаго феноменализма. По Канту, «вещи въ себѣ», т.-е. подлинная самостоятельная дѣйствительность, заслонены отъ познающаго духа такъ называемыми «формами познанія», т.-е. временемъ, пространствомъ и категоріями. Лапшинъ, слѣдуя нѣкоторымъ западнымъ примѣрамъ (напримѣръ Э. Лаасу), хочетъ сдѣлать еще шагъ дальше и объявляетъ субъективными формами не однѣ только апріорныя интуиціи и категоріи (пространство, время, причинность и т. д.), но и такъ называемые законы мышленія, т.-е. основоположенія логики. Къ обоснованію такого крайняго феноменализма и сводится вся цѣль его книги.

Говоря проще: если познаваніе въ формахъ времени, пространства и причинности объясняется устройствомъ нашего ума и поэтому обладаетъ не абсолютнымъ, а всего только относительнымъ и субъективнымъ значеніемъ, то тѣмъ же устройствомъ нашего ума объясняется и невозможность для насъ мыслить что-либо «наперекоръ логикѣ», наперекоръ законамъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Если мы не выносимъ противорѣчія, то это значитъ, что такъ устроенъ нашъ умъ. Что же касается подлинной дѣйствительности, то такъ какъ она находится внѣ насъ и внѣ воздѣйствія субъективнаго устройства нашего ума—у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить, подчинена ли она законамъ мышленія, выноситъ ли или не выноситъ противорѣчія. Кантъ утверждалъ, что примѣнимость интуицій и категорій ограничена областью нашего опыта. Лапшинъ желалъ бы доказать то же самое относительно «законовъ мышленія». Изъ того, что въ сферѣ моего опыта я не могу къ одной и той же вещи прилагать два противорѣчивыхъ утвержденія, еще не слѣдуетъ, чтобы такое же правило распространялось и на «вещи въ себѣ». Лапшинъ, напротивъ, увѣренъ, что къ нимъ вполнѣ приложимы взаимоисклю-

чающіяся опредѣленія. Про нихъ, напримѣръ, можно сказать, что они существуютъ и въ то же время не существуютъ, что они безконечны и конечны, матеріальны и нематеріальны и т. д.

Сама по себѣ эта мысль не нова. Заслуга Лапшина—въ той рельефности, съ которой онъ высказываетъ ее, сдѣлавъ основной темой своей книги, и въ томъ способѣ—несомнѣнно оригинальномъ—при помощи котораго онъ ее обосновываетъ.

Способъ этотъ далеко уже не чисто кантіанскій. Методъ, примѣняемый Лапшинымъ, можно опредѣлить, пожалуй, всего точнѣе, какъ равнодѣйствующую между имманентной философіей (въ формулировкѣ Шуппе, а не Кауфмана, не Леклэра и даже не Шуберта-Зольдерна!) и правовѣрнымъ кантіанствомъ. Съ имманентной философіей Лапшина тѣсно связываетъ признаніе апріорныхъ элементовъ познанія (пространства, времени, категорій) за абстрактные признаки всякой эмпирической данности (идея совершенно не кантовская) и стремленіе показать, что опытъ, въ которомъ не содержалось бы этихъ признаковъ, есть не болѣе какъ отвлеченная фикція, своего рода мнимая величина. Съ ортодоксальнымъ же кантіанствомъ автора сближаетъ скопированная съ аналогій опыта дедукція причинности и субстанціальности, а также всюду просвѣчивающее, но нигдѣ ясно не высказанное стремленіе истолковать формы познанія и законы мышленія въ смыслѣ нормативнаго критицизма, какъ предпосылки, которыя мы обязаны признавать, разъ желаемъ обезпечить себѣ возможность объективнаго познанія, т.-е. знанія, обладающаго всеобщимъ и необходимымъ значеніемъ.

Говоря о томъ, что высказываемые И. И. Лапшинымъ взгляды представляютъ собою какъ бы равнодѣйствующую между двумя и даже тремя философскими направленіями (всѣ эти три направленія во многомъ, впрочемъ, родственны между собою, какъ видно хотя бы на примѣрѣ Г. Риккерта, нормативиста и ученика Виндельбанда,—во многомъ приближающагося къ «имманентной философіи»),—мы вовсе не хотимъ упрекнуть автора въ эклектизмѣ. Нѣкоторый, скорѣе безсознательный и ненамѣренный эклектизмъ у Лапшина, дѣйствительно, замѣчается, что вполнѣ объяснимо его рѣдкой философской начитанностью. Но основная мысль его книги *объ абсолютно-нерасторжимой связи между законами мышленія* (т.-е. аксіомами формальной логики) и *формами познанія* (апріорными интуиціями и категоріями) продумана совершенно самостоятельно, и дѣлаемая ссылка на Канта (на стр. 91) скорѣе всего—результатъ скромности, въ данномъ случаѣ не вполнѣ даже умѣстной, потому что Кантъ едва ли согласился бы хотя бы съ тѣмъ утвержденіемъ Лапшина, что «законы мысли зависятъ отъ категоріи качества», а тѣмъ болѣе—«отъ пространственныхъ синтезовъ».

Въ настоящее время дѣйствительно назрѣваетъ необходимость согласовать выводы имманентной философіи съ ортодоксальнымъ кантовскимъ критицизмомъ, можетъ быть, найти синтезъ между этими двумя направле-

ніями и во всякомъ случаѣ внести кантіанскія поправки въ современную *монистическую* гносеологію (представленную не одной школой Шуппе, но и психологистами, въ лицѣ Штумпфа и Липпса, и Джемсомъ, и у насъ Н. О. Лосскимъ и наиболѣе глубокими изъ эмпиріокритицистовъ, какъ, напримѣръ, Корнеліусъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ предстоитъ пересмотрѣть и отношеніе всѣхъ этихъ теченій къ нормативизму. Попытку Ив. Ив. Лапшина синтезировать кантіанство съ имманентной философіей мы поэтому считаемъ долгомъ привѣтствовать, и если будетъ намъ позволено выразить сожалѣніе, то только по поводу того, что авторъ оказался слишкомъ мало кантіанцемъ и проведенная имъ равнодѣйствующая черезчуръ близка къ имманентной философіи.

Особенность точки зрѣнія Шуппе, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что онъ совершенно отбрасываетъ въ сторону, какъ неподлежащій абсолютно-достовѣрному рѣшенію, вопросъ о генезисѣ нашихъ содержаній сознанія и исходитъ изъ наличнаго опыта, какъ единственной непосредственно намъ данной, а поэтому несомнѣнно существующей реальности. Затѣмъ Шуппе анализируетъ эту реальность и находитъ въ ней *абстрактные признаки*, которые, если брать ихъ обособленно, внѣ того конкретнаго цѣлаго, какимъ является нашъ непосредственный опытъ, превратились бы въ пустыя абстракціи, въ словесныя обозначенія безъ соотвѣтствующаго предмета, въ своего рода мнимыя величины, и поэтому могутъ существовать только въ *нерасторжимой связи* съ остальными абстрактными признаками, опыта. Такъ, Шуппе въ каждомъ переживаніи различаетъ тотъ его признакъ, что оно обладаетъ извѣстной качественной опредѣленностью, т.-е. является опредѣленнымъ содержаніемъ, и тотъ признакъ, что оно всегда является элементомъ или составной частью сознанія, что оно дается въ видѣ сознаваемой реальности. Такимъ образомъ обосновывается положеніе, высказанное въ свое время еще Беркли, что существовать значитъ существовать въ сознаніи (to be=to be perceived). Это старинное идеалистическое положеніе получаетъ только новое обоснованіе, дедуцируется такимъ образомъ, что качественность всякаго содержанія только мысленно отдѣлима отъ того его признака, что оно есть *сознаваемое* содержаніе, и потому «несознаваемое содержаніе», точно такъ же, какъ «незаполненное сознаніе», представляются пустыми абстракціями, словосочетаніями съ мнимымъ значеніемъ. Такимъ же способомъ разсматриваются у Шуппе и всѣ формы познанія. Такъ, апріорность пространственнаго созерцанія онъ обосновываетъ на томъ доводѣ, что какъ пространство, незаполненное ощущеніями, такъ равно и безпространственныя ощущенія (непротяженныя чувственныя воспріятія) являются пустыми абстракціями существуютъ же на самомъ дѣлѣ только размѣщенныя въ пространствѣ (эвклидовскомъ) протяженныя ощущенія. Аксіомы пространственнаго созерцанія суть для Шуппе необходимыя условія конкретности непосредственныхъ переживаній. Поэтому, уклоненія отъ этихъ аксіомъ представляются только мнимыми словосочетаніями и нигдѣ не могутъ быть реали

зованы. Такимъ же образомъ Шуппе разсматриваетъ и время, а также разсудочныя категоріи, изъ которыхъ онъ, подобно Шопенгауэру, на первый планъ выдвигаетъ причинность. Что касается законовъ мышленія, то и они, по мнѣнію Шуппе, суть условія конкретности опыта: если отвлечься отъ различеній и отождествленій, то весь опытъ становится невозможнымъ, превращается въ пустую абстракцію. Не можетъ быть ощущеній неразличенныхъ, какъ не можетъ быть ощущеній непротяженныхъ. Аксіома противорѣчія есть выраженіе того факта, что не можетъ существовать содержаній, не отграниченныхъ отъ другихъ, не сознаваемыхъ какъ нѣчто отъ нихъ отличное, отдѣльное, самостоятельное. Шуппе могъ бы подписать утвержденіе, что законъ тождества и законъ противорѣчія суть не болѣе какъ необходимость переживать каждое содержаніе, какъ нѣчто качественно-опредѣленное. Такимъ образомъ, основная мысль имманентной философіи можетъ быть резюмирована въ томъ смыслѣ, что связь между апріорными элементами нашего опыта носитъ характеръ *нерасторжимой связи отвлеченныхъ признаковъ*, составляющихъ въ своей совокупности нѣкоторое конкретное цѣлое. Любопытно, что аналогичные взгляды всплываютъ и въ другихъ направленіяхъ: у Джэмса, Липса и Штумпфа, въ Россіи—у Н. О. Лосскаго. При такихъ условіяхъ «дедукція категорій», стоившая столько труда Канту, становится какъ будто ненужной: разъ признано, что стоитъ, напримѣръ, выдѣлить изъ опыта причинность, и онъ тотчасъ же превращается въ нѣчто мнимое, то ясно уже само по себѣ, что весь опытъ, на всемъ своемъ протяженіи, долженъ подчиняться причинности, ибо мнимое, фиктивное, не конкретное, разумѣется, не можетъ переживаться. И дѣйствительно, дедукція категорій—центральный пунктъ кантовскаго критицизма,—совершенно отсутствуетъ въ новыхъ школахъ (напримѣръ, у Шуппе—дедукція причинности у Шуппе своего рода философскій курьезъ—или психологистовъ). Лапшинъ, въ методѣ своемъ тѣсно примыкающій къ Шуппе, сохраняетъ кантовскую дедукцію: въ этомъ сказывается его половинчатость. Разъ указано, что формы познанія связаны *нерасторжимою* связью съ чувственнымъ матеріаломъ опыта, то спрашивается: къ чему понадобилась дедукція? Вмѣсто нея проще было бы повторить: нерасторжимое не можетъ быть расторгнуто, а потому вездѣ, гдѣ есть чувственный матеріалъ, обязательно налицо и категорія.

Пользованіе понятіемъ нерасторжимой связи—ахиллесова пята имманентной школы и вмѣстѣ съ тѣмъ, на мой взглядъ, πρῶτον ψεῦδος построенія Лапшина. Вся аргументація Лапшина опирается въ концѣ-концовъ на ту мысль, что такъ назыв. «законы мышленія»—одна изъ отвлеченныхъ сторонъ той *конкретной* цѣлостности, которою представляется нашъ опытъ. У Лапшина есть даже буквенная схема, которою онъ иллюстрируетъ эту мысль. Нашъ опытъ,—утверждаетъ Лапшинъ,—есть сочетаніе слѣдующихъ элементовъ: SKFE. S—законы мышленія, K—категоріи, F—формы интуиціи, E—чувственный матеріалъ. Лапшинъ увѣренъ, что въ сочетаніи SKFE—элементы, составляющіе его, связаны *нерасторжимою* связью,

такъ что стоитъ выдѣлить одно изъ нихъ и все сочетаніе дѣлается мнимымъ. Если только допустить эту мысль, то получится, что законы мышленія настолько же немыслимы внѣ опыта, какъ интуиціи или чистыя ощущенія. Тогда уже съ полнымъ правомъ можно будетъ сказать, какъ это дѣлаетъ Лапшинъ (вѣроятно, скандализируя многихъ парадоксальностью своихъ словъ), что примѣнимость закона тожества и противорѣчія *зависитъ отъ пространственныхъ синтезовъ.*

Я не спорю противъ выводовъ Лапшина: весьма возможно, что въ конечномъ счетѣ онъ правъ. Меня интересуетъ только его аргументація и ее то я и считаю вполнѣ ошибочной. Она основана (подобно многимъ новѣйшимъ теоріямъ) на смѣшеніи двухъ видовъ связи: связи между отвлеченными признаками (*логической* связи) и связи между тѣсно-сочетанными между собой конкретными содержаніями (*реальной* связи). Образцомъ перваго вида связи можетъ служить, напримѣръ, «нерасторжимая» связь признаковъ звука (тембра, высоты, интенсивности) въ любомъ конкретномъ звуковомъ ощущеніи. Примѣръ связи второго вида—хотя бы, напримѣръ, постоянная связь между зрительнымъ ощущеніемъ яркаго солнечнаго диска и воспріятіемъ исходящаго отъ него тепла. Вполнѣ ясно, что интенсивность, тембръ или высота, являясь лишь *абстрактными* сторонами нѣкотораго конкретнаго цѣлаго, не могутъ существовать самостоятельно, т.-е. отдѣльно отъ того цѣлаго, въ которомъ ихъ улавливаетъ вниманіе. Ясно также, что *конкретное* содержаніе, какъ бы тѣсно оно ни было слито съ другимъ, конкретнымъ же содержаніемъ (напримѣръ, цвѣтъ съ запахомъ и т. п.), всегда, хотя бы въ фантазіи, можетъ быть отдѣлено отъ него. На этомъ между прочимъ основано, что въ то время, какъ исключенія изъ положеній, построенныхъ на связи между собой абстрактныхъ признаковъ нашихъ содержаній сознанія, не могутъ быть реализованы въ воображеніи (*непредставимы*),—исключенія изъ такихъ положеній, въ которыхъ говорится о постоянныхъ связяхъ между *конкретными* содержаніями, легко могутъ быть реализованы и *представлены*. Непредставимы, напримѣръ, исключенія изъ геометрическихъ аксіомъ; зато вполнѣ представимы исключенія изъ закона причинности и, какъ вѣрно замѣчалъ еще Юмъ, легко можно себѣ представить, какъ шаръ, безъ всякаго внѣшняго импульса, покатился по билліардному полю. *Повѣрить* въ этотъ фактъ мы не можемъ. Но *вообразить* его можемъ легко.

Ошибка Лапшина въ томъ, что онъ прямо, безъ предварительнаго анализа, отождествляетъ оба вида связей, приравниваетъ реальныя къ логическимъ. Несомнѣнно, напримѣръ, что связь между пространственными синтезами и хотя бы закономъ противорѣчія носитъ только реальный, можно сказать, чисто психологическій характеръ: между тѣмъ, въ изслѣдованіи Лапшина связь эта разсматривается, какъ логическая, т.-е. пространство и логическій актъ превращаются изъ *двухъ различныхъ переживаній* въ двѣ *отвлеченныхъ стороны* одного цѣлаго. Такой взглядъ требуетъ особаго доказательства, котораго, къ сожалѣнію, мы въ кни

Лапшина не находимъ, какъ напрасно стали бы искать его, хотя бы, напримѣръ, у имманентныхъ философовъ. Въ этомъ смыслѣ кантовскій критицизмъ глубже, ибо на-ряду съ первымъ своимъ вопросомъ: «какъ возможна чистая математика?» (т.-е. знаніе объ *абстрактныхъ* связяхъ), онъ ставитъ обособленно и второй: «какъ возможно чистое естествовѣдѣніе?» (т.-е. знаніе о *реальныхъ* связяхъ), и знака равенства между этими двумя вопросами не ставитъ.

Проблема о законахъ мышленія не разрѣшается простымъ указаніемъ на необходимую ихъ *психологическую* связь со всей цѣлостностью нашего опыта. Признавая даже связь эту фактомъ, все же можно оставаться при взглядѣ, что законы нашей логики трансцендентны; для доказательства же ихъ имманентности (если таковое возможно), необходимо было бы показать не только ихъ фактическую, психологическую, но и болѣе глубокую и неразрывную, *логическую* связь съ условіями нашего опыта. Необходимо было бы показать, что они имѣютъ значеніе *только* для того опыта, который, подобно человѣческому, по существу есть опытъ частичный, развертывающійся въ пространствѣ и времени, опытъ ограниченный, лимитированный, а не всеобъемлющій, безвременный и безпространственный. Но подобное доказательство—дѣло будущаго и пониманіе человѣческаго познанія, какъ системы «ограниченной данности» (System der limitirten Gegebenheit), должно еще найти своего выразителя.

Леонидъ Галичъ.

Изъ моихъ воспоминаній.

Очерки.

III.

Теперь о матушкѣ. Въ разсказѣ о ней постараюсь, какъ сумѣю, выдѣлить, пожалуй, и неважныя подробности, которыя, однако, кромѣ личнаго и семейнаго значенія, не лишены общественной окраски времени.

Мать моя—дворянскаго, стариннаго рода Тимирязевыхъ, ведущихъ свое начало отъ татарскихъ князей, отъ которыхъ пошли три рода: Тимирязевы, Урусовы и Юсуповы. Тимирязевы происходили отъ ордынскаго князя Темира-Гази, воевавшаго въ XIV ст. съ Литвой. Въ XVII стол. Тимирязевы служили воеводами въ Перемышлѣ, Черни, Крапивнѣ и Мосальскѣ—въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ родилась матушка (въ Чернскомъ уѣздѣ). Имѣнія старшихъ Тимирязевыхъ были расположены въ томъ же Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губ. и въ Лихвинскомъ, Калужской губ. Въ послѣднемъ до сихъ поръ уцѣлѣли «за нами» крошечные остатки матушкинаго имѣнія (ея приданаго), при с. Жереминѣ, когда-то очень большомъ цѣльномъ помѣстьѣ, а потомъ разбитомъ на части между нѣсколькими родственными семействами.

Въ недалекомъ родствѣ съ матушкой состояли: отецъ московскаго профессора К. А. Тимирязева, а также и И. С. Тимирязевъ, бывшій астраханскимъ генералъ-губернаторомъ, или вѣрнѣе полновластнымъ сатрапомъ, а потомъ, послѣ долгой опалы, сенаторомъ въ Москвѣ. Любопытное совпаденіе: въ Мосальскомъ уѣздѣ одинъ изъ предковъ матушки воеводствовалъ въ то время, когда тамъ же, на Перекшѣ, священствовали Щепкины **),—предки моего отца. Брачнымъ союзомъ отца съ матерью были скрѣплены эти два столь противоположные рода. Бывало, когда матушка съ привычнымъ почитаніем разсказывала что-нибудь изъ жизни гр. Остермановъ и Толстыхъ, съ кот рыми была лично связана по своему воспитанію, то мы, молодежь, по

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1908 г.

**) Въ первой глава воспоминаній (іюнь, стр. 134) неправильно напечата о времени происхожденія Щепкиныхъ. Родъ Щепкиныхъ восходитъ къ началу XVI

смѣиваясь, замѣчали: «Что-жъ, матушка! Вѣдь и мы тоже не лыкомъ шиты—прямо отъ Тимура-мурзы Золотой Орды!» Да, мало ли и теперь еще аристократическихъ семействъ величаются своимъ «знатнымъ» происхожденіемъ прямо отъ какого-нибудь Игоря. «Мы отъ Игôря» (Igor по французскому руководству русской исторіи), похвалялась мнѣ своимъ славнымъ предкомъ покойная княжна Е. А. Гагарина, а это значило, что родъ Гагариныхъ древнѣе и знатнѣе самихъ Романовыхъ. А чѣмъ же, спрашивается, Тимуръ-мурза хуже какого-нибудь разбойника-язычника, побивавшаго Печенѣговъ? Однако татарское происхожденіе матушкинова дворянскаго рода подкрашивалось недалекимъ родствомъ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, а ужъ это и совсѣмъ хорошо!

Итакъ, съ мужской стороны—священникъ, крѣпостной человѣкъ, славный художникъ и ученый профессоръ, а съ женской — дворянская бѣлая кость, татарщина и русскій фельдмаршалъ. На охотника тутъ есть чѣмъ гордиться.

Семья Тимирязевыхъ была очень большая—у бабки, сказывали, было до 15 дѣтей. Но средства, видно, не соотвѣтствовали семейной производительности, и вотъ младшая изъ дочерей, Клавдія Николаевна, моя мать, была взята на воспитаніе гр. Толстыми, сосѣдями Тимирязевыхъ по тульскому имѣнію. Бабка была въ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Толстыхъ. Гр. П. А. Толстой—лицо историческое: онъ дѣйствовалъ въ швейцарскихъ походахъ Суворова, а въ 1807 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижъ, съ воцареніемъ императора Николая, назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, участвовалъ во многихъ важнѣйшихъ дѣлахъ правительства, пользуясь особымъ довѣріемъ Государя. Жена гр. Толстого Марья Алексѣевна—будто бы та самая важная московская «княгиня Марья Алексѣевна», обращеніемъ къ которой Грибоѣдовъ окончилъ свою геніальную комедію. Но какъ бы знатны и богаты ни были эти господа, а всетаки даже скромнаго образованія въ ихъ семействѣ не замѣчалось; по крайней мѣрѣ свою воспитанницу они ничему не научили. О музыкѣ, модномъ искусствѣ въ знатныхъ семействахъ даже и позднѣе, и говорить нечего: матушка сама научилась кое-какъ брянчать на клавикордахъ двѣ піесы: «Помощникъ и покровитель» и «Ѣхалъ казакъ за Дунай». Кажется, что и изъ молодыхъ графинь только одна Софья Петровна, выданная потомъ за В. С. Апраксина, училась музыкѣ и слыла въ семействѣ музыкантшей. Что касается до общаго развитія, то Грибоѣдовская комедія дала яркое изображеніе умственнаго и нравственнаго уровня московскаго барства. Спасибо и за то, что бѣдная дѣвушка не нашла въ своей новой семьѣ фамусовскихъ правилъ жизни. Какъ бы то ни было, а благодаря отсутствію въ семействѣ гр. Петра Александровича выдѣланной методы воспитанія—нѣтъ худа безъ добра!—моя мать, сохранившая до послѣднихъ минутъ жизни чувство великаго уваженія ко всѣмъ Толстымъ, осталась сама собою въ главныхъ основахъ своего существа.

Тамъ, въ средѣ этого крупнаго аристократическаго семейства, мой отецъ

давалъ уроки молодымъ барчукамъ и познакомился съ своей будущей женой. «1823 г. августа 19 была моя помолвка съ Клавдіей Николаевной», отмѣчено имъ въ его записной книжкѣ, а 2 сентября того же года они были обвѣнчаны въ церкви села Ускова, подмосковной старика Толстого. Невѣстѣ въ то время было уже 23 года, и отецъ, какъ видно, нашелъ въ ней подходящія условія для совмѣстной, счастливой жизни—недостатокъ серьезнаго образованія не помѣшалъ молодому ученому связать съ нею судьбу свою. Семейная жизнь потекла мирно, счастливо. Случаи разлуки счастливыхъ супруговъ были чрезвычайно рѣдки: въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ только одинъ разъ, въ 1828 г., отецъ на продолжительное время уѣзжалъ въ Петербургъ, сопровождая, по порученію университета, молодыхъ кандидатовъ для поступленія въ открывавшійся тогда дерптскій профессорскій институтъ. Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, Н. И. Пироговъ и П. Г. Рѣдкинъ, потомъ профессоръ нашего университета, извѣстный юристъ и философъ; подробности этой любопытной поѣздки разсказываетъ Пироговъ въ своихъ записках. Сохранившіяся за время разлуки письма свидѣтельствуютъ, между прочимъ, съ какою предупредительною нѣжностью мать и отецъ относились другъ къ другу.

Но отецъ, какъ видно, не принадлежалъ къ числу быстро возбуждавшихся натуръ: немало времени присматривался онъ къ избранной имъ подругѣ жизни и находился съ ней, до объявленія ихъ женихомъ и невѣстой, въ перепискѣ. Не могу не привести здѣсь собственноручнаго письма отца, имъ же набѣло переписаннаго. Оно помѣчено такъ: «Москва, 30 ч. (?) 1819 г. Замоскворѣчье». Слѣдовательно, писано еще за 4 года до свадьбы. Привожу здѣсь это письмо, какъ образчикъ изысканнаго языка, съ которымъ 80 лѣтъ тому назадъ тогдашніе кавалеры обращались къ своимъ барышнямъ.

Милостивая государыня

Клавдія Николаевна!

„Столь многія причины внушили въ меня дерзость обезпокоить васъ письмомъ своимъ, что я не знаю, чѣмъ начать его, и въ смущеніи чуть было не заговорилъ... о погодѣ, вы думаете? Да; впрочемъ не лишнее вамъ знать, что въ Москвѣ теперь холодно и уныло отъ ...траура (?)—Попробую сперва выпросить у васъ себѣ прощеніе за самую смѣлость писать къ вамъ, нарушающую, можетъ быть, строгіе законы какого-то общественнаго приличія—законы, утвержденные одною силою варварскихъ предразсудковъ. Двухлѣтнее (?) знакомство, которымъ имѣю щастіе отличаться, вооружило меня надеждой, что не безъ извиненія могу пренебречь сіи несносные уставы; а добродушіе, ярко блестящее въ нѣжности вашего характера, льститъ мнѣ совершеннымъ прощеніемъ: мнѣ мечталось, что оно можетъ лоскутку сему снискать ваше вниманіе.—Не столь легко могу оправдаться въ важнѣйшемъ своемъ проступкѣ—въ п[illegible] небреженіи (такъ вамъ можетъ казаться) того приказанія, которымъ вы чрезъ ([illegible] зачеркнуто) почтили меня, и за которое теперь съ полнымъ усердіемъ благод[illegible] васъ. Что можетъ быть для меня пріятнѣе того удовольствія, какое нахожу въ ис[illegible]неніи сего порученія? Занимаясь имъ, я присваиваю себѣ высокое титло служит[illegible] вашего къ русской литературѣ и титла сего не желалъ бы промѣнять на са[illegible] титло отличнаго литератора. Ежели за всемъ этимъ, впродолженіе цѣлой [illegible] дѣли, не выполнилъ я вашего желанія имѣть Танкреда, то конечно мѣшали до[illegible]

точныя причины: я понадѣялся на книгопродавца, обѣщавшаго мнѣ доставить книгу къ послѣднему вторнику и по обману его пропустилъ тяжелую почту. Вотъ оправданіе! Достойно ли оно уваженія? Если нѣтъ, то опять прибѣгаю къ вашему снисхожденію. Вы, будучи великодушнѣе самой Аменаиды, ужели безъ милости исключите меня изъ своего вниманія и отставите отъ той службы вашему вкусу, которою только что началъ я гордиться? Это жестоко. Любимая дочь добродѣтели—Кротость, которую понимаю не иначе, какъ васъ представляя себѣ, мнѣ будетъ покровительствовать. Надѣюсь и прошу не лишить меня любимой службы. Въ слѣдующую почту непремѣнно удовлетворю ваше желаніе. Если не добуду новой книги, то рѣшусь прислать вамъ собственную, съ которою доселѣ никакъ не могъ дозволить себѣ разстаться по одной тайной привязанности. Вы смѣетесь надъ моею странностію, не понимая ее. Она, право, основательна. Выслушайте. Книга сія въ оберткѣ такого цвѣта, который мнѣ нравится, и притомъ досталась мнѣ отъ ... ну, хоть послѣ дѣдушки, на десятую часть, и содержитъ въ себѣ многія доказательства его любви къ Танкреду—доказательства, любезныя родственному сердцу, также уважающему героевъ сего сочиненія.—Теперь сами разсудите, какъ не быть мнѣ привязану къ сему памятнику нѣжнаго вкуса. У всякаго свои слабости. Небольшія изъ нихъ простительны всякому, а особливо кто годомъ старше Елизаветы Ивановны *).—Итакъ несмотря на сію причудливость, въ случаѣ неудачи достать другую книгу, моя готовится къ вашимъ услугамъ, какъ она ни драгоцѣнна.

„Вотъ небольшая часть того, что почелъ я нужнымъ пересказать—написать—бишь вамъ. При семъ письмѣ сопутствуетъ записка отъ (имя зачеркнуто). Вчера ввечеру въ обыкновенномъ кружку ихъ пилъ я чай съ ними, что̀ случилось въ Москвѣ въ первый разъ и напомнило Уское, гдѣ бывало въ эту пору споривали или сговаривались о вечернихъ прогулкахъ. Какъ не представить себѣ тотчасъ сосновой рощи, Каньковскаго колодца, Chateau de M-r, собиранія сноповъ у „прешпекта“, спора о щастіи и проч. и проч.

„Въ заключеніи прошу васъ покорно поручить кому-нибудь дать мнѣ знать, сколь великую досаду сдѣлалъ я вамъ своимъ болтовствомъ. Наказываясь выговоромъ, я стану думать, что помаленьку отмстится то безпокойство, которое невольно нанесъ вамъ.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю
„называться вашимъ
„Милостивая Государыня
„покорнымъ слугою“
(Подпись зачеркнута).

Какъ далеко ушли мы отъ этого стараго добраго времени, когда молодой человѣкъ, обращаясь къ дѣвушкѣ и, можетъ быть, даже увѣренный во взаимности, изыскивалъ самыя утонченныя выраженія и не жалѣлъ цвѣтовъ дикаго, по нашему, краснорѣчія, чтобы дать хотя слабый намекъ на зародившіяся въ немъ чувства. Не правда ли?

Продолжаю прерванный разсказъ.

Только 13 лѣтъ счастливо прожили молодые супруги: въ 1836 г. отецъ скончался отъ аневризма сердца, и матушка осталась вдовою 36 лѣтъ съ шестерыми дѣтьми на рукахъ, четырьмя сыновьями, изъ коихъ я оказался младшимъ, и двумя дочерьми и притомъ при денежныхъ средствахъ

*) Не Иракліонова ли жена Ивана Максимовича, близкаго человѣка къ семьѣ С. П. Апраксиной и занимавшаго впослѣдствіи должность предсѣдателя коммиссіи по постройкѣ Храма Спасителя въ Москвѣ?

совсѣмъ ничтожныхъ. Въ эту-то трудную пору жизни не оставляли матушку безъ помощи и личнаго участія сверстницы, ея пріятельницы, въ особенности С. П. Апраксина, А. П. Бахметева и А. П. Мордвинова, въ дѣвичествѣ гр. Толстыя, и это еще болѣе поддерживало въ ней горячую, искреннюю преданность ко всѣмъ Толстымъ. Какъ высоко цѣнилъ и мой отецъ дружбу этого семейства, видно, между прочимъ, изъ того, что въ записной книжкѣ его, подъ 1826 г. 25 дек. отмѣчено: «скончалась моя благодѣтельница графиня М. А. Толстая».

Привлекательный нравственный образъ матушки сталъ вырисовываться передъ мною, хотя и въ чертахъ еще довольно смутныхъ, не ранѣе, какъ при поступленіи моемъ въ гимназію въ 1842 г. Такъ какъ семилѣтній гимназическій курсъ, до самаго вступленія моего въ университетъ, я провелъ въ семьѣ, а послѣ 1860 г., когда два старшихъ брата и вышедшія замужъ сестры всѣ разбрелись въ разныя стороны, мнѣ пришлось жить съ матушкой уже вдвоемъ до женитьбы моей въ 1867 г., то въ это-то время нашего близкаго сожительства я и могъ составить себѣ уже отчетливое представленіе объ этой самобытной и хорошей по своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ женщинѣ.

Наконецъ, послѣднія 5 лѣтъ своей жизни матушка, уже преклонной старухой, провела въ моей семьѣ. Жена моя и дѣти чтили и любили ее, какъ самаго дорогого имъ человѣка, и я былъ счастливъ, что за великое добро, какое она сдѣлала мнѣ, я могъ успокоить, угрѣть ее въ послѣдніе годы ея жизни, предъ отходомъ ея къ вѣчному покою. Съ чувствомъ глубокаго душевнаго удовольствія вспоминаю теперь, какъ она была довольна окружавшею ее средою. «Чего еще мнѣ нужно, мой другъ,—говаривала она въ минуты откровенности;—я покойна, счастлива, лишь бы Господь привелъ мнѣ умереть спокойно, причастившись св. таинъ». Это желаніе матушки исполнилось: она мирно скончалась 17 апрѣля 1897 г., безъ болѣзни и страданій, какъ будто уснула сномъ праведницы: въ понедѣльникъ на Святой Недѣлѣ она по обыкновенію легла «отдохнуть», пролежала, закрывши глаза, не ѣвши и не пивши 4—5 дней, и въ пятницу живой духъ ея отлетѣлъ... Смерть—чисто физіологическая, «естественная», какъ выражается Мечниковъ,—бренное тѣло отказалось служить. Исполнилось и другое завѣтное желаніе матушки—умереть на Св. Недѣлѣ, такъ какъ умершіе на Пасхѣ, по обычному народному повѣрью, не будутъ обречены на адскія мученія...

Матушка скончалась на 98-мъ году жизни: «я живу съ вѣкомъ,—говаривала она въ отвѣтъ на вопросъ—сколько ей лѣтъ? сама не сознавая внутренняго смысла своихъ словъ. Да, она, точно, жила съ вѣкомъ, и родилась въ 1800 г., и несмотря на недостатокъ образованія и знан сумѣла, благодаря своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ, идти ровень съ потребностями своего времени, ею прожитаго, и не только о нить великіе переломы въ государственной и общественной жизни, но прожить до глубокой старости, ни въ чемъ не нарушая условій «нова времени, и подъ старость сдѣлаться изъ бывшей «крѣпостной барын

поклонницей освобожденія крестьянъ, публичныхъ судовъ и общественнаго самоуправленія. Личное участіе въ новыхъ учрежденіяхъ ея сыновей и ближайшей къ семьѣ нашей молодежи облегчало ей процессъ внутренняго возрожденія. Она первая въ своемъ уѣздѣ пошла навстрѣчу крестьянской свободѣ, поплатившись большею частью своего небольшого достоянія, чѣмъ заслужила великую признательность и любовь своихъ крестьянъ, до сихъ поръ, уже во второмъ поколѣніи, чтущихъ ея память, и возбудила ненависть мѣстныхъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, прославившихъ ее еще въ 60-хъ годахъ «красной соціалисткой.» (?) Окружавшая ее университетская молодежь поддерживала врожденную ей способность не только прилаживаться къ новому порядку, но и воспринимать новыя начала жизни, при чемъ преимущества стараго, вскормившаго ее быта, сами собою отпадали отъ нея, какъ непригодные наросты отъ здороваго тѣла. Сохранившееся отъ совмѣстной жизни съ отцомъ почитаніе университета и его лучшихъ представителей вселило въ нее убѣжденіе, что образованіе—единственный источникъ всего добраго и благого для молодыхъ поколѣній. Всякое увлеченіе молодежи, всякое проявленіе въ ихъ средѣ крайнихъ сторонъ не служило въ ея глазахъ доказательствомъ необходимости стѣснить свободу обученія и университетскую самобытность. Этою стороною своей натуры она ближе всего подходила къ дядѣ Михаилу Семеновичу Щепкину, который, несмотря также на полный недостатокъ образованія и лишь благодаря своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ и великимъ дарованіямъ, сдѣлался въ Москвѣ средоточіемъ кружка, привлекавшаго къ себѣ ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и вообще представителей высокой культуры. Къ университету матушка имѣла какую-то священную привязанность—онъ былъ словно живымъ, близкимъ для нея существомъ. Вотъ что писала она мнѣ изъ деревни въ 1862 г. послѣ извѣстныхъ студенческихъ «безпорядковъ»:

„Что-то у васъ (въ Москвѣ) дѣлается? Я, читавши *Современную Лѣтопись*, ужасалась объ университетахъ, петербургскомъ и московскомъ. Что же это за профессора, что не умѣютъ поддержать молодежь и удержать ее отъ такихъ ребяческихъ порывовъ. Жалкіе студенты!... Если будетъ времечко, напиши всѣмъ намъ (матушка жила въ деревнѣ вмѣстѣ съ обѣими дочерьми) объ университетѣ. Страшно мнѣ жалко молодежъ! Я вспомнила вчера давній разговоръ съ однимъ изъ аристократовъ и, когда я защищала университетскихъ, то онъ сказалъ мнѣ: попомните меня, что надпись надъ этимъ великимъ домомъ, т.-е. надъ университетомъ, уничтожится, а будетъ стоять надпись: *Се море пространное, въ немъ же гадъ нѣсть числа.* И все это величіе могли поддержать профессора и начальники—никто болѣе. И онъ мой голубчикъ, университетъ, упадетъ. Ты, я думаю, удивляешься моимъ разсужденіямъ объ университетѣ—право, онъ мнѣ, какъ кажется, сродни, и мнѣ жаль его“.

Для болѣе полнаго изображенія нравственнаго облика этой женщины позволю себѣ привести еще выписки изъ ея письма ко мнѣ, отъ 15 октября 1856 г.

„Никогда я такъ не сочувствовала твоему горю, другъ мой, въ потерѣ Грановскаго, какъ при полученіи письма отъ Юліи (Юлія Петровна—жена брата моего Николая Павловича), что Грановскій умеръ. Это было для тебя великое и первое, мнѣ кажется, горе въ твоемъ возрастѣ. Я жалѣла отъ души, что не стало этого се-

милаго человѣка... Одно мое желаніе, это—чтобы Богъ успокоилъ тебя и далъ возможность смягчить горе съ людьми, которые будутъ чтить покойнаго. Кто послалъ это горе, Тотъ пусть и утѣшитъ тебя, а смертному въ утѣшеніе сказать нечего".

Въ слѣдующемъ году на письмо мое о тревогахъ, которыя пришлось испытать мнѣ передъ магистерскимъ экзаменомъ и о серьезныхъ затрудненіяхъ (жизнь въ чужомъ домѣ, «на урокѣ»), не дававшихъ мнѣ возможности приготовиться такъ, какъ бы хотѣлось, я получилъ отъ матушки такой отвѣтъ, преисполненный необыкновенной нѣжности къ сыну, принужденному жить въ чужихъ людяхъ, вдали отъ своего семейства.

„Отъ 30-го сентября письмо твое получила, мой неизмѣнный другъ Митроша. Читавши его, у меня сжалось сердце, и я вся переселилась къ тебѣ—чего бы я не сдѣлала для тебя, чтобы облегчить твою душу и сердце. Но что могу сдѣлать я, ничтожная? Ничего. Могу пожалѣть о многомъ, чего не уловишь—время протекло невозвратно. Ты вѣрно, спросишь; что же такое? Это то, что, когда ты окончилъ курсъ, мнѣ не должно было разлучаться съ тобою, не должна была пускать тебя по чужимъ домамъ; тогда было бы все другое—ты былъ бы магистръ и шелъ бы тою дорогой, по которой ты былъ назначенъ *). Въ этомъ я виновата, и тогда никто не умѣлъ и не догадался толкнуть меня, чтобы я не засыпала и не забывала, что у меня не одна обязанность—дочери, но что есть еще сынъ. Но мнѣ этого никто не сказалъ, и я заснула и теперь только пробуждаюсь. Цѣлый годъ эта мысль меня мучаетъ, и тогда, когда ты говорилъ мнѣ о мѣстѣ, которое занимаешь теперь, мнѣ должно было настоять, чтобы ты его не бралъ, предложить бы тебѣ свою голову закабалить, и ты бы окончилъ свое поприще лучше, нежели убиваешь себя въ этой тьмѣ, гдѣ не на чемъ остановиться, не съ кѣмъ отдохнуть. Прости меня, душа моя, за то, что не умѣла сдѣлать для тебя того, что должна была сдѣлать. Вотъ правда, что человѣкъ заднимъ умомъ уменъ. Я часто вечеромъ, оставшись одна въ постелѣ, думаю о тебѣ—и нельзя ли вытащить тебя изъ пропасти *вонючихъ* (?!) **) газетъ; но истинно не придумаю (ничего), кромѣ того, чтобы предложить тебѣ всю себя—располагай мною; мы еще можемъ поправиться; ты остался у меня одинъ, который откровенно говоришь про тяжелыя минуты своего существованія; я цѣню эти откровенія и благодарю тебя, мой милый другъ. Вотъ и тебѣ—моя душа, которую открыла во всей ея наготѣ. Ты вѣрно никогда не подозрѣвалъ, что я мучилась твоимъ положеніемъ и что это я его испортила. Но вотъ тебѣ вся истина моя. Пожалуйста, не будемъ больше говорить объ этомъ".

Драгоцѣнныя для меня эти строки, хотя по содержанію и не соотвѣтствовали личному положенію, въ какомъ я находился. Такова безпредѣльная, жгучая материнская любовь къ сыну!

---

*) Матушка мечтала, что хоть я, младшій изъ братьевъ, буду профессоромъ,—она просто увлекалась мечтою, что я, окончивъ курсъ въ 1854 г., черезъ два года могъ уже быть магистромъ. Старшіе братья въ то время были на службѣ и занимали независимыя положенія. Почти ровесникъ мой Степанъ Павловичъ служилъ на югѣ. Я оставался одинъ на глазахъ матушки и естественно, что на мнѣ сосредоточились ея нѣжности.

**) Для матушки газетное дѣло было непонятно—она видѣла въ немъ только внѣшнюю сторону, неотличающуюся чистоплотностью. Живя потомъ со мною вмѣстѣ въ домѣ университетской типографіи она была хорошо знакома съ этою непригля|ною стороной печатнаго дѣла.

IV.

Изъ ближайшихъ родныхъ отца я не засталъ никого въ живыхъ, кромѣ брата его—Петра Степановича, еще бодраго, крѣпкаго старика, проживавшаго съ «сестрицей» своей Анной Степановной, въ родовомъ домикѣ за Москвой рѣкой, въ приходѣ Николы, что̀ въ Голутвинѣ.

Дядей Дмитрія и Ивана Степановичей я не видалъ — они скончались раньше, чѣмъ явился я на свѣтъ Божій *).

Что касается до Петра Степаныча, то онъ прожилъ долго и имѣлъ не малый вѣсъ въ нашемъ семействѣ, какъ «старшій въ родѣ» и главное—какъ нашъ опекунъ, завѣдывавшій дѣлами матушки послѣ кончины отца. Но дядя и самъ по себѣ, по своему внѣшнему и внутреннему складу, заслуживалъ вниманія какъ своеобразный плодъ своего времени—такихъ какъ онъ, немного было и въ то старое время. По-истинѣ яркій прототипъ нашихъ приказныхъ чиновниковъ, или по нынѣшнему—бюрократовъ. Это—существо особаго рода, крайне упористое, не поддающееся никакому дѣйствію времени и общества, а скорѣе стремящееся поглотить ихъ въ себѣ самомъ. Вообще, представить себѣ это существо живущимъ въ наше время ни физіологически, ни исторически невозможно. Правда, жили такіе люди когда-то прежде давно, предавно и не могли бы жить теперь—вотъ и все. А если бы дядя живьемъ уцѣлѣлъ до нашихъ дней, то его приняли бы не за человѣка, а за какое-нибудь допотопное существо, чудомъ уцѣлѣвшее отъ прожитыхъ человѣчествомъ вѣковъ.

Очень высокаго роста, крѣпко скроенный, съ такой объемистой подъ гребенку обстриженной головой на широкихъ плечахъ, что шляпа для нея, низкая съ широкими полями, пріобрѣталась по особому заказу у извѣстнаго въ то время мастера Кучкера (на Москворѣцкой улицѣ), Петръ Сте—чъ былъ одаренъ недюжиннымъ умомъ, но не получилъ ровно никакого образованія и грамотѣ учился «на мѣдные гроши у приходскаго дьячка». И такому-то человѣку приходилось вращаться и дѣйствовать въ средѣ либеральнаго семейства Михаила Семеновича и университетскихъ профессоровъ. Онъ чаще всего награждалъ своими посѣщеніями профессора Д. М. Перевощикова особенно по лѣтамъ на дачѣ, на Филяхъ—оба они любили помногу часовъ бродить въ окрестностяхъ Москвы и въ видѣ прогулки обходили ее по Камеръ-Коллежскому валу.

Въ ранней молодости П. С—чъ былъ зачисленъ въ гражданскую службу; болѣе тридцати лѣтъ просидѣлъ въ межевой канцеляріи, проходя всѣ должности отъ «кописта» до «табуретки начальника»—такъ обзывалъ онъ мелкихъ чиновниковъ канцеляріи, кичившихся своимъ служебнымъ положеніемъ. Дослужившись до члена «Присутствія», онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ титулярнаго совѣтника съ «пенсіономъ» и орденомъ святыя

*) Они скончались въ 1830 г. Д. С. Щепкинъ служилъ секретаремъ въ Московскомъ уѣздномъ судѣ.

Анны въ петлицѣ. Изъ семейныхъ отмѣтокъ видно однако, что выходъ дяди въ отставку былъ вынужденъ. Отецъ мой въ одномъ изъ писемъ къ брату предупреждалъ его, что присланный изъ Питера ревизоръ московской межевой канцеляріи далъ одному изъ знакомыхъ отца «невыгодный отзывъ» о служащихъ въ ней, и въ томъ числѣ о П. С—чѣ: «ревизоръ называетъ васъ подьячими, не вѣритъ честному по службѣ поведенію и положивъ въ умѣ своемъ заставить тебя оставить службу...—одно де знакомство твое съ Милюковымъ (?) тебя мараетъ, ибо Милюковъ паче всѣхъ извѣстенъ дурно». Прошеніе объ отставкѣ «по разстроенному здоровью»,—дядя, въ теченіе своей долгой жизни, никогда боленъ не былъ!—было подано въ началѣ 1836 г. Въ указѣ канцеляріи помянуто о безпорядкахъ, раскрытыхъ ревизоромъ, но прибавлено: «хотя (П. С—чъ) и признанъ виновнымъ въ безпорядкахъ по дѣламъ, находившимся на его отвѣтственности въ 1808 и 1809 гг., а также въ недостаточномъ надзорѣ за подчиненными по должности члена Присутствія, однако сенаторъ Пейкеръ, за силою манифеста 22 августа 1826 г. «оставилъ все то безъ дальнѣйшаго изслѣдованія». Дядя былъ уволенъ 21 августа 1836 г. и награжденъ пенсіей въ 800 р.—всей службы его было 29 л. и 10 мѣс. Это само по себѣ ничтожное частное дѣло можетъ прибавить довольно яркую черту къ общему изображенію приказныхъ нравовъ того времени. Ревизія производилась въ 1834 г., а безпорядки, которые преслѣдовались, были совершены въ 1808 и 1809 гг., т.-е. за 25 лѣтъ до ревизіи, и за это время виновный чиновникъ, поощряемый начальствомъ, былъ повышаемъ и за отличную службу былъ возведенъ въ члены присутствія, награжденъ орденомъ и пряжкой за безпорочную службу. Вотъ поистинѣ глубокая приказная мудрость, которой не уразумѣть простому человѣку. А далеко мы ушли теперь отъ этого строя?

Петръ С—чъ величался своею вѣрноподданною службой и такъ дорожилъ своимъ знакомъ отличія, что часто прицѣплялъ его къ своему праздничному «кафтану»—такъ называлъ онъ особаго покроя долгополый сюртукъ, спускавшійся до «сихъ временъ», какъ выражался гоголевскій семинаристъ.

Межевая канцелярія была для П. С—ча всѣмъ—и училищемъ, гдѣ онъ навыкъ писать, и университетомъ, въ которомъ усвоилъ себѣ канцелярскія начала жизни, и общественной средою, въ которой сложилось его канцелярское міровоззрѣніе. Изъ нея вышелъ онъ настоящимъ «юристомъ» по умѣнію сочинять канцелярскія «бумажки» въ произвольное разъясненіе дѣйствующихъ законовъ, а вѣдь въ этомъ-то и состоитъ приказное умѣн .
Этою стороною своей дѣятельности онъ приходился какъ разъ по пле у тогдашняго общества. Опытнымъ дѣльцомъ-адвокатомъ считали его в ,
имѣвшіе какія-нибудь дѣла съ тогдашними присутственными мѣстами и поручавшіе П. С—чу веденіе своихъ «претензій». Частныя дѣла дос -
вляли ему заработокъ, который онъ умѣлъ присовокуплять къ капитал ,
нажитому еще на службѣ разными «благодарностями», а кто въ ту п у

не имѣлъ дѣла по размежеванію, самому путанному изъ всѣхъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію тогдашняго канцеляризма? Кто не нуждался въ разъяснительныхъ справкахъ межевого архива, и кому такой премудрый дѣлецъ, какъ П. С—чъ не могъ оказать дѣйствительной услуги? По духу времени задача такого адвоката заключалась не въ томъ, чтобы разобрать, а еще хуже разрѣшить дѣло по его существу, а въ томъ, чтобы сумѣть во-время «пустить заковыристую писульку» или «эпистолу», способную затормозить всякое движеніе и поставить въ тупикъ всякое присутственное мѣсто. Такими способами, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ взыскивалъ нашъ семейный адвокатъ, отъ имени матушки, деньги, которыя Михаилъ Николаичъ Муравьевъ *), прославленный потомъ графъ, укротитель поляковъ, остался долженъ отцу моему.

Умственный кругозоръ П. С—ча былъ не широкъ. Далѣе непогрѣшимыхъ *Московскихъ Вѣдомостей* онъ ничего не зналъ да и знать не хотѣлъ—изъ нихъ однихъ почерпалъ онъ свою мудрость и знакомство съ тѣмъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ: вѣрно, истинно было только то, что тамъ было напечатано. Обвинять дядю за такое поклоненіе единственной въ то время въ Москвѣ университетской газетѣ врядъ ли было бы справедливо. Хорошо еще, что онъ выписывалъ и усердно читалъ ее, когда и теперь еще найдется не мало людей изъ такъ называемаго образованнаго круга, повѣряющихъ себя и свои воззрѣнія на жизнь съ патріотическими во вкусѣ охраннаго отдѣленія возглашеніями прославленныхъ арендаторовъ этого печатнаго органа всероссійскаго мракобѣсія.

Вотъ забавный случай такого боготворенія знаменитой газеты. Въ 50-хъ годахъ было сильно распространено въ Москвѣ занятіе столоверченіемъ и вызываніемъ разныхъ стукающихъ и пишущихъ духовъ. Находились и очень образованные люди, которые внимательно слѣдили за шалостями невѣдомыхъ духовъ; въ домѣ одного изъ профессоровъ университета не мало упражнялись въ этомъ плодотворномъ занятіи и даже вели что-то вродѣ протокольныхъ записей о производившихся опытахъ, а одинъ изъ моихъ товарищей-пріятелей А. Н. Костылевъ, часто бывавшій и въ нашемъ семействѣ, давалъ объ этихъ опытахъ краткіе отчеты въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* какъ о дѣлѣ новомъ и будто бы важномъ. Читалъ ихъ, конечно, и дядя П. С—чъ, и какъ бы ни были невѣроятны разсказывавшіяся въ нихъ небылицы о краснорѣчіи являвшихся на вызовъ духовъ, онъ вѣрилъ этимъ небылицамъ потому, что о нихъ говорилось въ его непогрѣшимой газетѣ—тутъ неопровержимъ былъ фактъ, ею удостовѣренный.

— А читали вы, что напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,— спросилъ дядя въ одно изъ своихъ воскресныхъ посѣщеній,—просто непостижимо—токъ электрическій по рукамъ проходитъ, столы двигаются и духовъ вызываютъ!

---

*) Гр. М. Н. Муравьевъ былъ товарищемъ отца по университету, который они вмѣстѣ окончили въ 1811 г.

Сколько ни доказывали старику нелѣпость такого объясненія, ничто не дѣйствовало—напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и баста.

— Да вѣдь нельзя же,—говорили ему,—вѣрить на слово всему, что пишется въ газетахъ, надо же и разобраться. А знаете ли, дядя, кто объ этомъ пишетъ въ газетѣ?

— А кто?—спросилъ П. С—чъ.

— Костылевъ, товарищъ Митрофана!

— Какъ? Костылевъ!—воскликнулъ П. С—чъ, оторопѣлъ, вытаращилъ глаза, по обыкновенію плюнулъ и прибавилъ: «Вотъ тебѣ и разъ! Вотъ и вѣрь послѣ этого—мальчишки писать стали!» Съ этихъ поръ *Московскія Вѣдомости* сильно упали въ глазахъ старика: изъ-за Костылева онъ чуть было не лишился надежнаго руководительства въ своихъ міровоззрѣніяхъ.

Самодержавіе и *православіе*—вотъ двѣ главныя основы міровоззрѣнія П. С—ча,—*народности* не хватило ему до полнаго уразумѣнія русской жизни по трехчленному лозунгу, пущенному въ ходъ Погодинымъ и Шевыревымъ. О народности дядя помалкивалъ,—онъ понималъ ее только въ образѣ мужицкой сермяги и лаптей. Но любопытно, что въ то же время онъ не былъ раболѣпнымъ слугою власти; не былъ и слѣпымъ поклонникомъ церкви—ту и другую онъ чтилъ по привычкѣ, по завѣту «покойнаго родителя» и не оставлялъ ни той, ни другой безъ своей подчасъ злой критики и осужденія въ частныхъ случаяхъ. Вообще, тутъ не было мѣста никакимъ разсужденіямъ по существу, ни истинной вѣрѣ; да онъ и не задавался вопросомъ о томъ, что̀ такое самодержавная власть, представлявшаяся ему только въ образѣ всемогущаго Николая I, и во что именно онъ вѣрилъ, какъ сынъ православной церкви. Да и что такое православная церковь дядя не разумѣлъ, а истинныхъ истолкователей вродѣ нынѣшнихъ хоругвеносцевъ и ихъ «союзниковъ» въ то время не было. Самодержавная власть осуществлялась для него въ распоряженіяхъ мѣстныхъ градоправителей, не исключая и приснопамятнаго квартальнаго надзирателя, а церковь—въ отправленіи духовенствомъ церковно-служебныхъ обрядовъ. И тутъ-то, на почвѣ чисто-житейской, его мысль не пропускала случая давать отпоръ уклоненіямъ отъ «порядка», котораго онъ требовалъ ради своего личнаго благополучія и покоя. Все, что было въ его глазахъ нарушеніемъ внѣшняго порядка въ управленіи столицей, со стороны полиціи, или въ отправленіи церковныхъ обрядовъ самимъ духовенствомъ—не во-время и не дружно въ ночь св. Пасхи зазвонили въ колокола; невѣрно возгласилъ діаконъ эктинію; безсмысленно козлопѣвствовалъ дьячекъ у Николы въ Голутвинѣ и т. д.—встрѣчалъ П. С—чъ съ ядовитою насмѣшкой. Въ такихъ случаяхъ не было отъ него никому пощады, ни приходскому священнику *), ни даже самому митрополиту Филарету. При всемъ

*) О. Апполосъ (фамиліи не припомню) былъ женатъ на сестрѣ проф. П. Н. Кудрявцева.

уваженія къ этому іерарху—крупная власть, какъ же было не почитать его!—П. С—чъ не давалъ ему спуску за принятый имъ на себя обликъ тѣлесно слабѣйшаго изъ земныхъ существъ—при служеніи маленькую фигурку митрополита чуть не носили на рукахъ здоровенные протодіаконы, и П. С—чъ со злобною насмѣшкою замѣчалъ по этому поводу, что «Филарету ноги даны для фасона»,—но еще болѣе за его жестокое обращеніе съ духовенствомъ. Несчастный случай внезапной смерти, поразившей, можетъ быть, со страху одного священника въ ту минуту, когда онъ справлялъ земной поклонъ грозному начальнику, давалъ обильную пищу для обвиненій и насмѣшекъ *). Сильно доставалось Филарету за его поблажки монашествующей братіи, доходившей, правду молвить, до невѣроятнаго разгула и открытаго разврата въ Троице-Сергіевой лаврѣ **) подъ личнымъ управленіемъ святѣйшаго, тишайшаго и нижайшаго архипастыря и его сподручника, намѣстника Антонія. Монахи были любимою мишенью злобныхъ нападокъ дяди, разсказывавшаго про нихъ самыя забавныя небылицы, ссылаясь иногда на извѣстнаго археолога проф. И. М. Снегирева, бывшаго раболѣпнымъ слугою митрополита, что̀ не мѣшало ему однако распускать про него невѣроятныя сплетни.

О мѣстной администраціи и въ особенности о полиціи и говорить нечего: стоило только послѣ обѣда за чашкою чая съ ромомъ—этотъ любимый П. С—чемъ напитокъ, пуншъ, въ гостяхъ въ праздничные дни мѣтко прозывался имъ «говоруномъ»—стоило только хорошенько завинтить словоохотливаго старика, и тогда не было конца его разоблаченіямъ—живая хроника полицейскихъ подвиговъ! Администрація и правительство сливались въ его представленіи въ одно нераздѣльное понятіе о власти, и обличитель ихъ становился тогда настоящимъ бунтаремъ, за что теперь своеобразному старику-либералу досталось бы не меньше любого студента-забастовщика.

Понятіе о «народѣ» было, какъ сказано, недоступно П. С—чу: въ деревнѣ онъ никогда не жилъ и мужицкаго житья не зналъ; онъ былъ истымъ горожаниномъ и подъ словомъ «народъ» разумѣлъ только встрѣчавшихся ему на улицѣ мужиковъ и бабъ, изъ которыхъ приходилось ему нанимать дворника или кухарку, «работника» или «работницу», какъ технически въ то время въ его кругу называлась прислуга. Ни о какихъ гражданскихъ правахъ такого «народа» ему и не грезилось, и никакіе слухи о назрѣвшемъ еще въ 50-хъ годахъ освобожденіи крестьянъ не доходили до «Голутвинскаго скита». Какъ въ прежніе годы П. С—чъ съ спокойною совѣстью сочинялъ крѣпостные акты о продажѣ «непутной и

*) Жестокую, но справедливую характеристику этого заживо причисленнаго барынями къ лику святыхъ іерарха далъ С. М. Соловьевъ въ своихъ запискахъ (1907 г.).

**) Говорили, что тамъ, почти подъ стѣнами монастыря разраслась „монастырская“ слободка, населенная женщинами и дѣтьми расчесанныхъ и распомаженныхъ иноковъ.

вздорной» дѣвки Арины или двороваго Тихона, такъ и потомъ безмятежно перенесъ онъ свою приказную работу на другіе предметы купли и продажи.

1812-й годъ и «нашествіе французовъ» было любимымъ предметомъ разсказовъ этого допотопнаго человѣка—это крупнѣйшее событіе въ русской и въ особенности московской жизни глубоко врѣзалось въ его памяти: *до* и *послѣ* французовъ было своего рода эрою, вродѣ бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину, и не для одного только П. С—ча, а и для многихъ москвичей, доживпшхъ до новой поры обновленія русской жизни. Но стоитъ отмѣтить, что ни отъ него, ни отъ его сверстниковъ никакихъ достойныхъ вниманія подробностей изъ ихъ личныхъ наблюденій и воспоминаній нельзя было услышать—повторялась только на разные лады анекдотическая сторона частныхъ событій, «случаевъ», и даже выдавалось за дѣйствительно бывшее то, что создавало разстроенное событіями воображеніе. Поройтесь въ какихъ хотите запискахъ, воспоминаніяхъ того времени, и вы не найдете въ нихъ связныхъ разсказовъ о великомъ событіи. Такова психологія! Памятенъ мнѣ въ этомъ отношеніи разсказъ П. С—ча о томъ, какъ онъ «съ родителемъ» выѣзжалъ изъ Москвы, отвозя документы межевой канцеляріи *) во Владиміръ и Нижній-Новгородъ, и какъ онъ при послѣднемъ прощаніи съ Москвою видѣлъ два солнца—дурное предзнаменованіе для столицы, преданной огню до вступленія въ нее полчищъ двунадесяти языковъ. Подобные разсказы, поистинѣ смѣхотворные, имѣютъ свое значеніе, какъ черта тогдашняго общественнаго настроенія. «Цѣлый день собирали мы,—повѣствовалъ въ сущности далеко не простодушный и не наивный старикъ,—нашъ домашній скарбъ и на другой день (6 сентября) рано утромъ потянулись за нагруженными возами къ выѣзду изъ города; когда мы измученные подъѣхали къ заставѣ, то гурьбою вошли вслѣдъ за родителемъ отдохнуть и «подкрѣпиться» въ близъ стоявшую харчевню, гдѣ набралось много галдѣвшаго и также спѣшившаго скрыться изъ Москвы народа. Въ то время первое, что гостепріимно встрѣчало каждаго въѣзжавшаго въ Москву гостя или провожало выѣзжавшаго изъ нея обывателя, это—кабакъ и кабацкій сторожъ съ желѣзнымъ прутомъ-щупаломъ для проѣзжавшихъ экипажей—не спрятана ли въ нихъ водка. Многое множество возовъ тѣснилось на улицѣ у самой заставы. «Посидѣли, закусили, попили чайку, и вотъ, какъ теперь помню, только что вышли мы на крылечко, взглянули—два солнца, ну, какъ есть два солнца на небѣ! Не къ добру, сказали мы, перекрестились, потянулись за родителемъ—прощай матушка Москва!» Вотъ и знаменательное событ изъ исторіи 1812 года.

Семья Щепкиныхъ вернулась въ Москву по частямъ въ 1813—1814 гг а отецъ мой проживалъ въ то время на урокѣ у кн. Грузинскаго, въ и вѣстномъ селѣ Лысковѣ, Нижегородской губерніи. Что застали они тог

*) Въ 1812 г. П. С. Щепкинъ былъ секретаремъ межевой канцеляріи.

въ Москвѣ? Полный разгромъ имущества, оставленнаго въ городѣ. Изъ объявленія, посланнаго дѣдомъ 8 мая 1813 года въ полицію, видно, что Голутвинскій домъ «сгорѣлъ безъ остатку», а съ нимъ сгорѣла или разграблена была вся движимость, и въ томъ числѣ принадлежавшія отцу книги «на русскомъ и иностранныхъ языкахъ», крѣпостные документы, векселя и проч. Ради обрисовки положенія не лишне отмѣтить, что часть цѣннаго имущества, «съ позволенія Ставропигіальнаго Донского монастыря настоятеля, отца архимандрита и кавалера Іоанна», въ двухъ укладкахъ и комодѣ, были переданы на храненіе въ тотъ монастырь. Монастырь вродѣ сохраннаго банка—любопытное явленіе времени. Насколько исполнялъ онъ вообще свои обязанности и за плату ли какую-нибудь или безвозмездно—не извѣстно. Изъ поданнаго дѣдомъ объявленія видно, что онъ, по возвращеніи въ Москву, не досчитался многаго изъ своего имущества, а найденное оказалось въ видѣ совершенно негодномъ. Но относится ли этотъ отзывъ до монастыря—тоже не видно. «Итакъ, я лишился,—объявлялъ дѣдъ тогдашней полиціи, своей и дѣтей своихъ, еще не возвратившихся, собственности, разграбленной и пожаромъ истребленной, по крайней мѣрѣ на 10,000 руб.». Въ составленномъ въ то время «реестрѣ» погибшихъ вещей значилось «книгъ духовныхъ», историческихъ, юридическихъ, классическихъ (?) на разныхъ діалектахъ и картъ на 560 р.».

Окончу затянувшуюся рѣчь о дядѣ—этомъ своеобразнѣйшемъ человѣкѣ своего времени, достойномъ участія въ знаменитой Грибоѣдовской комедіи. Тихо, безболѣзненно доживалъ онъ свой вѣкъ одинъ—«сестрица» А. С—на скончалась гораздо ранѣе—въ своемъ, вновь отстроенномъ послѣ пожара 1812 г., Голутвинскомъ скиту; недаромъ самъ П. С—чъ подписывалъ свои письма изъ Нижняго—«Уединенный», т.-е. скитникъ. Въ скиту своемъ хранилъ онъ и свою денежную казну, состоявшую, какъ говорили тогда, изъ одного или двухъ десятковъ тысячъ рублей. Скупъ онъ былъ по-Плюшкински, мало въ чемъ уступая знаменитому Гоголевскому скрягѣ, и тѣмъ возбуждалъ великое негодованіе Михаила Семеновича: «ну, на что, куда копишь ты свои деньги, хоть бы племянницамъ и племянникамъ давалъ что-нибудь,—говаривалъ этотъ добрѣйшій, совсѣмъ иного закала человѣкъ. Насъ, дѣтей, матушка важивала изъ почтенія въ Голутвино, гдѣ П. С—чъ угощалъ «дорогихъ гостей» окаменѣлыми мятными пряниками да шапталой. Очень неохотно ѣздили мы туда—почти всегда возвращались оттуда съ сильною головною болью, угарали отъ особаго способа топленія печей: «я, сестрица,—такъ называлъ П. С—чъ [illegible] гушку,—всегда самъ топлю печи; надо умѣть топить ихъ; берегучи дрова, [illegible] закрываю ихъ еще съ синимъ огонькомъ—такъ теплѣе». Желѣзная на[illegible]ра П. С—ча не знала головной боли, а насъ, дѣтей, замертво увозили [illegible] мой.

П. С—чъ мирно скончался уже дряхлымъ старикомъ въ 1867 году и [illegible] послѣдніе годы жизни впалъ въ дѣтство, не отличая правой руки отъ [illegible]вой. Послѣ смерти его не осталось ничего изъ нажитаго имъ долгою

жизнью достатка, кромѣ полуразрушеннаго домика, который онъ предоставилъ во владѣніе «старшему въ родѣ», брату моему Сергѣю Павлычу *), такъ что матушкѣ пришлось хоронить дядю на свой счетъ. Какъ все это произошло—кто знаетъ?

Семейная подозрительность обвиняла родного племянника умершаго—Петра Иваныча: несмотря на недружелюбныя отношенія къ себѣ покойнаго, онъ съ истинно-подъяческимъ умѣніемъ такъ поддѣлался къ старику, что въ послѣдніе годы жизни его поселился у него въ домѣ. Умолчать здѣсь объ этомъ миломъ родственникѣ значило бы опустить одну изъ своеобразныхъ сторонъ тогдашняго московскаго управленія. П. И—чъ служилъ въ канцеляріи оберъ-полицеймейстера по громкому въ то время «Чижевскому дѣлу». Оно состояло въ томъ, что представители богатаго купеческаго рода преусердно занимались производствомъ фальшивыхъ ассигнацій въ большомъ фабричномъ помѣстьѣ своемъ. При фабрикѣ былъ большой садъ съ прудомъ, на пруду—островокъ, а на островкѣ бесѣдка—въ ней-то будто бы и работала мастерская для заготовленія государственныхъ бумагъ. Громко говорилось тогда въ Москвѣ объ этомъ выгодномъ коммерческомъ предпріятіи, а вѣрны или невѣрны были ходившіе о немъ въ городѣ слухи—кто знаетъ? Важно и своеобразно было уже то, что они занимали общественное вниманіе: въ то время легко вѣрилось такимъ слухамъ, бывало и не оберешься такихъ невѣроятныхъ дѣяній въ мало разборчивой столицѣ. Припомнимъ хоть старое дѣло о злостномъ банкротствѣ купца Мазурина—какъ торжественно водили его подъ колокольнымъ звономъ къ Иверской Божіей Матери и на Красную площадь всенародно присягать въ томъ, что онъ ничего не утаилъ изъ своего богатаго имущества. О времена, о нравы!

Какъ бы то ни было, а разсказывали, что богатые фабриканты-монетчики были накрыты неусыпною полиціей и привлечены къ отвѣтственности. И вотъ началось безконечное дѣло-волокита, которое, конечно, не кончилось ничѣмъ—оно просто заглохло, а для московскаго управленія даже и не было надобности совсѣмъ-то прекращать начатое преслѣдованіе: въ канцеляріи оберъ-полицеймейстера, какъ слышно было, въ особомъ «столѣ» береглось это хлѣбное дѣло, а въ этомъ самомъ столѣ и служилъ будто бы мой неразборчивый кузенъ. Когда оказывалось пусто въ чиновничьихъ карманахъ, то производились внезапные наѣзды на фабрику точь-въ-точь какъ въ извѣстномъ разсказѣ Михаила Семеновича—«Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ», а то и просто пускалась туда внушительная «бумажка», своего рода чекъ, по которому производилась всегда вѣрная уплата в- дѣльцами фабрики—эта операція простого текущаго счета была изобрѣ- на еще ранѣе, чѣмъ стали дѣйствовать въ Москвѣ хитроумные банки. У -

*) Этотъ домикъ съ очень небольшой землей былъ потомъ проданъ братомъ м- сковскому купечеству и пошелъ подъ расширеніе содержимой имъ богадѣльни, на у Якиманки и Голутвинскаго пер.

вляться тутъ нечему—каждое время изобрѣтательно по-своему: не совершалось тогда, какъ теперь, выгодныхъ преобразованій съ новыми остатками и усиленными окладами содержаній — всякому приходилось самому промышлять о себѣ.

Подобные же порядки водились тогда, какъ слышно было, и въ канцеляріи генералъ-губернатора, при владычествѣ приснопамятнаго гр. Закревскаго: сказывали, что при немъ состояли особыя должностныя лица, вродѣ «попечителей» раскольничьяго Рогожскаго кладбища, — лакомый для нихъ кусокъ! — куда по временамъ въ минуты жизни трудныя наѣзжали эти «бѣленькіе» люди за такими же вѣрными оплатами изъ богатой общественной кассы старообрядцевъ.

Разсказывая здѣсь эти любопытныя подробности общественныхъ и служебныхъ нравовъ, я оговариваюсь вездѣ словами: «говорятъ», «слышно было», «будто бы» и проч., а на самомъ дѣлѣ я вѣрилъ и вѣрю, что почти все это было такъ, какъ разсказывали—поголовное невѣжество и отсутствіе нравственныхъ правилъ въ людяхъ служебнаго долга оправдывали такую увѣренность. На все свое время, свои порядки, свои понятія.

Семья наша вообще чуждалась этого ближайшаго родственника, но отвадить его совсѣмъ не удалось; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось принимать за раннимъ утреннимъ чаемъ до противности невзрачную фигуру кузена, являвшагося поздравить съ праздникомъ или со днемъ ангела «дорогую тетушку» и облобызать ея ручку.

Вотъ и всѣ родственники по отцу, которыхъ приходилось знать. О Михаилѣ Семеновичѣ и его семействѣ пока умолчу—о немъ не разъ придется мнѣ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ: этотъ замѣчательный человѣкъ высокаго ума, таланта и общественнаго значенія, въ своемъ окруженіи, имѣлъ на меня лично, на выработку моего характера и общій складъ очень сильное вліяніе.

М. Щепкинъ.

Политическія партіи въ современной Турціи.

I.

Какъ подготовлялся турецкій государственный переворотъ? Быть можетъ, неожиданно для читателя мы должны начать отвѣтъ па этотъ вопросъ съ очерка... турецкаго театра.

Меджидъ, а затѣмъ Азизъ султаны были страстными любителями театра. При Меджидѣ старинные спектакли, дававшіеся въ открытыхъ амфитеатрахъ и напоминавшіе собой цирковыя представленія, замѣняются настоящими театральными представленіями: при дворцѣ Долма-Бахчэ учреждается казенный театръ, и вслѣдъ за этимъ въ Константинополѣ одна за другой появляются французскія и итальянскія драматическія и оперныя труппы.

Національныя турецкія труппы, мало чѣмъ отличавшіяся отъ придворныхъ шутовъ, не привлекали вниманія султапа Меджида и его дворцоваго гарема. Отсутствіе сильныхъ, талантливыхъ драматурговъ и воспрещеніе религіей сценической дѣятельности мусульманкѣ долгое время тормозили развитіе турецкаго драматическаго искусства. Расцвѣтъ турецкаго театра начинается только при султанѣ Азизѣ.

Къ этому времени появляются на турецкомъ языкѣ Шекспиръ, Шиллеръ и всѣ произведенія Мольера въ переводѣ Ахмедъ-Вэфикъ-паши, великаго визиря. Это даетъ сильный толчокъ турецкому драматическому творчеству. Поэтъ Экемъ-бей выступаетъ съ оригинальной пьесой «Афивъ Анджеликъ» («Скромная Анджелика»).

Эта первая оригинальная пьеса на турецкомъ языкѣ оказалась первымъ камнемъ въ фундаментѣ современнаго освободительнаго движенія въ Турціи. Ярко, талантливо написанная пьеса, разыгранная на сценѣ лучшими турецкими и армянскими сценическими дѣятелями, произвела сильное впе[...]тлѣніе. Отъ начала до конца всѣ діалоги этой пьесы били въ одну цѣ[...] То былъ мощный, горячій протестъ противъ многоженства, противъ б[...]правнаго положенія мусульманки. По окончаніи спектакля султанъ Ази[...], утирая слезы, сказалъ своимъ приближеннымъ: «Экемъ-бей задумалъ [...]нять женскій бунтъ въ Турціи и для начала избралъ Константинопо[...] мой гаремъ. Я долго не рѣшусь теперь показаться своему гарему».

Пьеса «Афивъ Анджеликъ» («Скромная Анджелика») была воспрещена и до Мурада V оставалась совершенно изъятой изъ репертуара. Но это обстоятельство не остановило новаго литературнаго теченія. Одинъ за другимъ поэты, беллетристы, публицисты и даже литературные критики выступаютъ съ новыми пьесами. Кемалъ-бей, властитель современныхъ думъ, ставитъ свои пьесы: «Ватанъ» («Родина»), «Акифъ-бей», «Зэвалъ Чоджукъ» («Бѣдный мальчикъ»), «Кюль Нигаль» («Цвѣтеніе розы»), затѣмъ Наджи-бей выступаетъ съ пьесами: «Тарикъ» («Тиранія»), «Эчфиръ», «Духтари Инду» и «Сагара» («Пустыня»). Въ довершеніе всего Бедри-бей и Рифатъ-бей захватнымъ путемъ, помимо цензуры, выпускаютъ сборникъ своихъ пьесъ подъ названіемъ: «Тэмаша» («Сцена»). Это движеніе замыкается пьесами извѣстнаго государственнаго дѣятеля, политическаго борца и творца турецкой конституціи, Ахмэдъ Митхада, который изъ мѣста своего заключенія, изъ тюрьмы Гродосъ снабжалъ турецкую сцену такими драмами, какъ: «Интигамъ» («Месть»), «Кюрдъ Кизъ», «Эозенделеръ» и проч.

То былъ моментъ самаго сильнаго расцвѣта турецкаго театра, турецкой драматической литературы, въ которой получала свое выраженіе политическая мысль турецкаго либерализма. Такъ молодая Турція при помощи сцены начала борьбу съ невѣжествомъ, предразсудками, суевѣріемъ, религіознымъ фанатизмомъ, и, мрачными красками рисуя безправное, голодное положеніе народа, заставляла слушателей плакать надъ горькой судьбой родины.

Всѣ литературныя силы—старыя и только что нарождающіяся—отдавались драматической литературѣ, прекрасно сознавая, что пьеса послѣ перваго представленія, благодаря цензурѣ, будетъ похоронена навсегда. Но люди шли стойко, зачастую изъ-за одной пьесы расплачиваясь тюрьмой, ссылкой и даже жизнью.

Такой лихорадочной политической жизнью прожилъ турецкій театръ на протяженіи пяти лѣтъ при султанѣ Азизѣ.

Съ этимъ совпадаетъ сильное развитіе художественной и публицистической литературы. Вокругъ періодическихъ изданій группируются не только литературныя школы, но и политическія теченія. Такъ, Кемалъ-бей договаривалъ въ статьяхъ то, что не удавалось сказать со сцены, страстно обличая недостатки общественнаго строя Турціи и шагъ за шагомъ развивая свое политическое credo. Экремъ-бей, талантливый критикъ, пользовался всякимъ удобнымъ предлогомъ для популяризаціи здравыхъ политическихъ идей и соціальныхъ ученій. Конституціоналистъ и демократъ до мозга костей, онъ съ педантической добросовѣстностью излагалъ различныя доктрины и, между прочимъ, знакомилъ читателей съ русскимъ общественнымъ движеніемъ 60-хъ гг., со статьями Чернышевскаго, съ нарождавшимся русскимъ народничествомъ.

Встревоженное правительство зорко слѣдило за этимъ подъемомъ общественной мысли. Ни въ чемъ неповинный Ахмедъ-Вэфикъ-паша, великій визирь, переводчикъ Мольера, принужденъ былъ выйти въ отставку; только возвращенный изъ ссылки Ахмедъ-Митхатъ, по раскрытіи его литера-

турнаго псевдонима, высылается въ далекую Аравію, и затѣмъ реакція, собравшись съ силами, обрушивается всей своей грубой силой на театръ и на литературу и производитъ въ ея рядахъ страшное опустошеніе; всѣ выдающіеся литераторы очутились кто на днѣ Босфора, какъ Надней-бей, кто въ вѣчномъ заточеніи, кто въ ссылкѣ.

Настало господство ничѣмъ не сдерживаемой реакціи. Театръ, идейный театръ былъ замѣненъ театромъ порнографіи, низменныхъ инстинктовъ. Поэты начали пѣть беззаботно о розахъ, соловьяхъ и любви, публицистика превратилась въ сплошную оду въ честь сильныхъ дворцовыхъ чиновниковъ и властей. Въ высшей школѣ каѳедра литературы, за устраненіемъ Экремъ-бея, была упразднена.

Изъ оставшихся на свободѣ одни примирились съ реакціей, другіе доканчивали свой вѣкъ въ изгнаніи. Кипучая натура Кемалъ-бея не поддалась общему унынію, реакція еще болѣе подняла его энергію, и онъ бѣжалъ съ мѣста ссылки въ Лондонъ, гдѣ при матеріальномъ содѣйствіи Мустафа-Физилъ-паши началъ издавать газету «Гюрріетъ» («Свобода»). Эта первая нелегальная газета скоро нашла сторонниковъ и сгруппировала приверженцевъ политическихъ реформъ подъ именемъ *младо-турокъ*. Но реакція такъ свирѣпствовала въ то время, что нельзя было и мечтать о какой-нибудь активной дѣятельности на мѣстѣ. Общественная жизнь Турціи замерла, притихла и представляла собой безнадежную пустыню. Казалось, все умерло навсегда. Исподволь, день за днемъ «Гюрріетъ», органъ новообразованной революціонной организаціи младо-турокъ, расширялъ и углублялъ свою дѣятельность, вербуя послѣдователей въ высшихъ слояхъ бюрократіи и турецкой аристократіи. Не захватывая своимъ вліяніемъ широкихъ слоевъ населенія и арміи, эта пропаганда ограничилась только высшими военными учебными заведеніями, офицерами, командующими частями столичнаго гарнизона и флотомъ, на который такъ разсчитывалъ и которымъ дорожилъ султанъ Азизъ.

Жестокость Азиза, неудержимый разгулъ реакціи и пламенныя статьи Кемалъ-бея приблизили развязку. Молодая партія младотурокъ, еще не имѣвшая опредѣленной политической программы, произвела дворцовый переворотъ, умертвила султана Азиза и возвела на престолъ искренняго сторонника конституціи Мурада V. Мурадъ V вернулъ всѣхъ изъ ссылки, возвратились Ахмедъ-Митхатъ-паша, Кемалъ-бей, Экремъ-бей.

Въ то время какъ подготовлялась и расчищалась почва для опубликованія конституціи, лидеры младо-турецкой партіи, не покладая рукъ, усиливали и скрѣпляли свою партію. Начинается оживленная агитація въ на-
леніи и арміи, театръ возвращается къ былымъ традиціямъ. Всѣ запрещ
ныя пьесы извлекаются на свѣтъ Божій, Митхатъ-паша ставитъ свои нов
трагедіи. Пьесы «Арнаудларъ» («Албанцы»), «Зейбэклэръ», «Ченкин
(«Танцующая женщина»), «Чаушъ» историческая драма, «Муртусъ Ки
(«Проклятая дѣвушка»),—большинство изъ нихъ представляло собой п
стые политическіе памфлеты,—одновременно и пробуждали политич

самосознаніе народа и затемняли его, разжигая грубый шовинизмъ. Политическіе дѣятели, если выдѣлить Кемалъ-бея, не снисходили къ толпѣ, не популяризировали свое политическое credo и только пробуждали общее стремленіе къ какой-то отвлеченной свободѣ, безъ конкретнаго содержанія, не говоря уже о разрѣшеніи тѣхъ наболѣвшихъ вопросовъ и острыхъ нуждъ, подъ тисками которыхъ задыхались городское мѣщанство и крестьянство. Это была безсознательная борьба нарождающейся новой жизни съ средневѣковыми пережитками.

За грубую ошибку, призваніе на престолъ халифа и султана Абдулъ-Гамида, за игнорированіе жизненныхъ вопросовъ, за непривлеченіе широкихъ массъ къ дѣлу политическихъ преобразованій, вскорѣ пришла расплата для турецкихъ конституціоналистовъ въ лицѣ немногочисленной группы, которая называлась младо-турецкой организаціей.

Такъ, на развалинахъ молодой партіи и молодого парламента выросло и окрѣпло правительство Абдулъ-Гамида, которое затягивало въ реакціонную петлю всю страну, убило ея сухопутныя и морскія военныя силы, уничтожило высшее и низшее народное образованіе, нравственно разложило прессу и всю литературу, подорвало промышленную жизнь страны, расточило народныя и государственныя богатства, возвело въ принципъ продажность и тѣмъ привело страну къ полному разоренію.

Послѣ русско-турецкой войны въ Турціи прекратилась всякая политическая жизнь. Очень долго, на протяженіи многихъ лѣтъ не возникало никакихъ организованныхъ оппозиціонныхъ группъ, за исключеніемъ попытокъ экс-патріарха Хримяна, который въ Ванѣ организовалъ международный комитетъ изъ представителей курдовъ, турокъ и армянъ. Этому комитету не суждено было долго существовать.

II.

Отсутствіе обще-турецкой оппозиціонной партіи, недавній примѣръ освобожденія Болгаріи, общій невыносимый режимъ, отъ котораго вдвойнѣ страдали христіане,—все это способствовало росту сепаратизма окраинъ и національностей. Подъ этими вліяніями зарождаются въ Турціи двѣ армянскія партіи «Гинчакъ» и «Дашнакцутюнъ», албанскій и арабскій комитеты и внѣшняя македонская организація. Всѣ эти партіи преслѣдовали одну и ту же цѣль,—путемъ частичныхъ возстаній и демонстрацій вызывать вмѣшательство европейскихъ державъ въ дѣла Турціи и не дать заглохнуть ближне-восточному вопросу.

Въ 1884 году впервые организуется въ Женевѣ и Лондонѣ партія «Гинчакъ», съ органомъ того же названія. Насколько мало эта партія была связана съ страной, можно видѣть изъ того, что ея лидеры въ *Neue Zeit* и въ прочихъ соціалъ-демократическихъ органахъ серьезно рисовали Турцію, какъ страну съ развитой промышленной жизнью, съ обширнымъ контингентомъ пролетаріата, готоваго воспринять соціалъ-демократическое уче-

ніе. Но какъ и слѣдовало ожидать, партія осталась соціалъ-демократической только въ территоріальныхъ предѣлахъ Лондона, а на мѣстахъ проявляла себя какъ заурядная буржуазно-націоналистическая партія, организуя въ портовыхъ и большихъ городахъ Анатоліи демонстраціи, протесты, чтобъ тѣмъ еще разъ оживить армянскій вопросъ передъ европейской дипломатіей. Эта партія рекрутировалась только изъ интеллигентныхъ слоевъ турецкихъ и кавказскихъ армянъ. Офиціальная программа названной партіи ничѣмъ не отличалась отъ соціалъ-демократической, но на практикѣ всѣ ея стремленія сводились къ автономіи шести армянскихъ вилаэтовъ (губерній), съ непремѣннымъ вассальнымъ армянскимъ княземъ во главѣ.

Затѣмъ въ 1891 году организуется «Дашнакцутюнъ» изъ разрозненныхъ одиночныхъ революціонныхъ и культурныхъ работниковъ на мѣстахъ, съ программой, рѣзко отличной отъ первой, безъ всякихъ соціальныхъ требованій, съ однимъ стремленіемъ къ образованію обще-національной партіи, ставящей себѣ цѣлью осуществленіе реформъ, предначертанныхъ въ 61 ст. берлинскаго конгресса.

Названная партія, какъ и первая, больше всего полагалась на европейскую дипломатію и зорко слѣдила за ея комбинаціями и сообразно съ этимъ вызывала то тамъ, то здѣсь возстанія или учиняла внушительныя демонстраціи, вродѣ взятія оттоманскаго банка и прочее.

Избираемыя ею средства борьбы придали своеобразную физіономію этой организаціи. Пользуясь широкимъ вліяніемъ среди армянъ всѣхъ слоевъ и всѣхъ странъ, она первая разрѣшила вопросъ о гайдукскихъ группахъ, называемыхъ въ Македоніи четничествомъ, широко организовала эти шайки и время отъ времени въ разныхъ углахъ имперіи давала о себѣ знать турецкому правительству и Европѣ—о существованіи армянскаго вопроса. Въ силу этого эта партія превратилась въ хорошо вооруженный военный лагерь. Но эта сила разряжалась постоянными сраженіями съ курдами, нѣкоторыя племена которыхъ были организованы въ иррегулярныя войска, называвшіяся по имени нынѣшняго султана «Гамидіэ».

Сепаратистское броженіе вначалѣ проявлялось и среди христіянъ арабовъ, но оно долгое время не могло отлиться въ организованную силу, благодаря тому, что арабы-мусульмане относились къ этому движенію враждебно или, въ лучшемъ случаѣ, оставались индиферентными. Но впослѣдствіи и тѣ и другіе объединились подъ общимъ флагомъ. Ниже я еще вернусь къ характеристикѣ и дальнѣйшему развитію этой партіи. Пока укажу лишь на то, что арабскій комитетъ преслѣдовалъ тѣ же цѣли, и вышеупомянутыя партіи, и держался того же метода борьбы.

Албанскій комитетъ никогда не представлялъ собою организованн оппозиціонной силы, это скорѣе всего—группа сторонниковъ нѣкоторы родовитыхъ албанскихъ фамилій, претендентовъ на никогда не сущест вавшій албанскій престолъ.

Наконецъ, внѣшняя македонская организація по своему названію

дѣляетъ свое назначеніе. Та же ссылка на статуты берлинскаго конгресса, и явное, ничѣмъ не прикрытое ея тяготѣніе къ самостоятельной Болгаріи. Эта организація является точной копіей партіи дашнакцутюнъ, съ тѣми же гайдукскими группами. Благодаря близости къ Европѣ и частымъ демонстраціямъ въ Салоникахъ и Монастырѣ, она не давала заглохнуть македонскому вопросу. Эта партія сразу завоевала широкое вліяніе среди учителей, духовенства и городского населенія Македоніи.

Какъ видно изъ всего изложеннаго, всѣ указанныя партіи почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Программы ихъ слишкомъ несложны и ограничиваются или проведеніемъ реформъ, обѣщанныхъ берлинскимъ конгрессомъ, или просто требованіемъ автономіи (арабы и партія «Гинчакъ»), или полной политической самостоятельностью, съ возстановленіемъ древней династіи (албанскій комитетъ).

III.

Чисто турецкой оппозиціонной организаціи за это время не существовало, но все же высшая бюрократія и аристократія выдѣляла протестующіе элементы, которые немедленно устремлялись за предѣлы досягаемости для турецкихъ властей, и основывались въ Аѳинахъ, Каирѣ, Парижѣ и Женевѣ. Это эмиграціонное движеніе росло съ каждымъ годомъ, но практически оно было безсильно проявить себя, если не считать нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ изданія газетъ. Насколько эти эмигранты, которые назывались младо-турками, представляли серьезную оппозиціонную силу, можно судить по одному тому, что многіе изъ нихъ очень скоро поддавались обѣщаніямъ Ильдисъ-Кіоска и возвращались на родину, окончательно распрощавшись съ своими либеральными мечтаніями. Каждый чиновникъ, высокопоставленное лицо, обиженное правительствомъ, переѣзжало границу и грозило объявить себя младо-туркомъ.

Турецкій консулъ въ Брюсселѣ, долго не получавшій положеннаго жалованія, послѣ неоднократныхъ просьбъ наконецъ прибѣгъ къ испытанному средству и объявилъ себя младо-туркомъ. Словъ нѣтъ, что догадливый чиновникъ скоро получилъ слѣдуемое жалованіе за два года и конечно былъ удовлетворенъ. Такъ послѣ фактическаго упраздненія конституціи и уничтоженія дѣйствительныхъ конституціоналистовъ, партіи Кемалъ-бея и Митхатъ-паши, имя младо-турокъ стало устрашающимъ жупеломъ въ рукахъ разныхъ авантюристовъ и недовольныхъ службой чиновниковъ.

Отсюда ясно, что, когда въ 1897 г. Ахмедъ-Риза основалъ въ Парижѣ [illegible]ету *Mechveret* и впервые на страницахъ этой газеты появилась про[illegible]мма центральнаго комитета партіи «Единенія и Прогресса», револю[illegible]нныя націоналистическія партіи не могли отнестись къ этому предпрія[illegible] иначе, какъ съ недовѣріемъ. Вначалѣ вся программа этой партіи [illegible]ажалась въ одномъ лишь требованіи возстановленія конституціи 1876 г., [illegible]ая должна была, по мнѣнію названной организаціи, укрѣпить, оздо-

ровить разлагающійся государственный организмъ Турціи и тѣмъ отстранить вмѣшательство Европы въ дѣла Турціи. Въ то же время центральный комитетъ заявлялъ: «Но тотъ, кто подымаетъ знамя сепаратизма, является нашимъ злѣйшимъ врагомъ. Да будетъ всѣмъ извѣстно, что мы и при конституціонномъ режимѣ не можемъ представить нашъ тронъ безъ нынѣ царствующей династіи». Въ первое время названный комитетъ не только не скрывалъ враждебнаго отношенія къ націоналистамъ иновѣрцамъ, но даже не давалъ себѣ труда уяснить причины ихъ появленія и всѣ сепаратистическія вѣянія и вспышки въ предѣлахъ Турціи объяснялъ, какъ и султанское правительство, происками европейской дипломатіи. Поэтому нечего было ожидать притока силъ изъ порабощенныхъ національностей, въ партію «единенія и прогресса», да и сама партія не домогалась этого. Ряды этой партіи комплектовались исключительно изъ высшихъ слоевъ турецкаго общества, арміи и бюрократіи, она была слишкомъ далека отъ жизни. И въ теченіе долгаго времени она являлась мертворожденной организаціей, вся сила которой выражалась въ нѣсколькихъ десяткахъ сочувствующихъ беевъ и пашей и въ газетѣ *Mechveret*.

Но вотъ послѣ грандіозной массовой рѣзни армянъ, за которой послѣдовала усиленная эмиграція христіанъ въ Россію, Америку, Персію, Болгарію и въ Грецію, постепенно торговля начала переходить въ руки мусульманъ. Богатая анатолійская скотопромышленность и все растущій экспортъ скота въ Англію, Францію, Германію и Италію сосредоточились въ рукахъ купцовъ-турокъ.

Но тотчасъ же турки-предприниматели встрѣтились съ новой опасной конкуренціей: иностранными капиталистами, легко добывавшими себѣ всякія привилегіи у продажнаго Ильдисъ-кіоска.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ промышленность страны быстро оживаетъ. Въ послѣднее время желѣзнодорожно-строительная горячка дошла до апогея. Въ настоящій моментъ общая сложность желѣзнодорожной сѣти въ Турціи превышаетъ 6,000 километровъ. Всѣ эти дороги, кромѣ геджакской, построены иностранными капиталистами, которые при содѣйствіи своихъ правительствъ и продажности Ильдисъ-кіоска добивались концессій на явно разорительныхъ для страны условіяхъ. Въ этомъ отношеніи рекордъ побила дружественная Турціи Германія, монополизируя въ своихъ рукахъ право эксплоатаціи всѣхъ природныхъ богатствъ, начиная отъ порта Гейдаръ-паши до Персидскаго залива, по всей линіи отчужденія багдадской желѣзной дороги, при чемъ эта пресловутая линія отчужденія толковалась слишкомъ произвольно. Такъ, Германія оказалась хозяино ь богатыхъ нефтяныхъ залежей близъ Ширина и Алепа. Нѣмецкіе капи- листы расхватали всѣ концессіи на эксплоатацію желѣзныхъ, мѣдны , марганцевыхъ залежей и наконецъ на разведеніе хлопка на обширной п- щади Месопатаміи въ 4 милліона гектаровъ; нѣмцамъ разрѣшался своб- ный ввозъ разныхъ машинъ, чего никакъ не могли добиться турки пр- приниматели. Тогда-то турецкіе промышленники почувствовали на себѣ

невыносимыя условія, отъ которыхъ путемъ отложенія отъ Турціи стремились освободиться христіанскія національности. Такъ яснѣе, рельефнѣе обозначилась для нихъ пагубность административнаго произвола, вредоносность для страны существующей налоговой системы и другихъ сторонъ стараго государственнаго устройства.

Оппозиціонное настроеніе стало пускать корни въ разныхъ слояхъ населенія. Само правительство косвенно содѣйствовало проникновенію этого настроенія и въ ряды войска.

За послѣднія 30 лѣтъ турецкая аристократія, которая не разъ бывала зачинщицей дворцовыхъ переворотовъ, признанная политически неблагонадежной, оказалась въ опалѣ, и Абдулъ-Гамидъ постепенно выживалъ ея представителей изъ арміи и другихъ учрежденій, выдвигая людей изъ народа, производя солдатъ въ офицеры. Вмѣсто «политическаго оздоровленія» арміи отъ этой системы получились обратные результаты. Пропаганда «Комитета Единенія и Прогресса» нашла теперь благодарную почву среди офицеровъ и чиновниковъ, вышедшихъ изъ народа, близко знающихъ его нужды. Это обстоятельство усугублялось переселеніемъ въ Турцію нашихъ кавказскихъ горцевъ, дворянство котораго, воспитанное въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и на русской прогрессивной литературѣ, пережившее или знакомое по памятникамъ съ нашими движеніями 60—70 гг., пополняло собой ряды турецкихъ войскъ. Такимъ образомъ начался притокъ новыхъ свѣжихъ силъ въ партію «Единенія и Прогресса», сейчасъ же отразившійся какъ на составѣ этой организаціи, такъ и на ея программѣ. Органы этой партіи *Mechveret* и *Шураиръ Османіе* такъ формулировали ея новыя задачи:

1) Неотложное введеніе реформъ, приноровленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ и содѣйствующихъ тѣмъ національнымъ особенностямъ, которыя являются залогомъ прогресса и развитія каждой націи.

2) Созданіе путемъ взаимныхъ уступокъ національностей сплоченнаго единства, скрѣпленнаго искренней любовью къ отечеству и общечеловѣческими идеями.

3) Сознавая, что только широкая конституція, подъ сѣнью которой всѣ національности будутъ счастливы, явится фундаментальнымъ камнемъ политической независимости Турціи, мы требуемъ возстановленія конституціи 1876 г.

„Хотя эта конституція ограничиваетъ самодержавіе султана, регламентируетъ участіе страны въ законодательствѣ, даетъ необходимыя свободы, но мы считаемъ необходимымъ дополнить и расширить ее, установивъ отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ, бюджетное право національнаго собранія, полную независимость суда, возвращеніе всѣхъ конфискованныхъ земель у христіанскихъ общинъ и частныхъ лицъ“.

„Мы неуклонно будемъ заимствовать у Запада все, что ведетъ человѣчество къ свѣтлому будущему“.

„Нашъ девизъ—единство, цѣльность, нераздѣльность Турціи, сохраненіе оттоманской царской династіи, равенство всѣхъ передъ закономъ, независимость суда, свобода совѣсти, слова и печати, участіе страны въ законодательствѣ путемъ всеобщаго, равнаго, тайнаго избирательнаго права, свобода обществъ и союзовъ, возстановленіе системы управленія страной Блистательной Портой, уничтоженіе дворцовой камарильи. Отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ и признаніе за

послѣдней бюджетныхъ правъ, отвѣтственность чиновниковъ передъ закономъ. Вотъ вся наша программа".

„Проведеніе всего вышеизложеннаго въ жизнь выведетъ всѣ національности изъ угнетеннаго положенія, уничтожитъ междуплеменный антагонизмъ и освободитъ страну отъ постояннаго вмѣшательства иностранныхъ державъ, сохранитъ національныя богатства, расхищаемыя въ видѣ разныхъ концессій и дастъ возможность свободнаго развитія родной промышленности".

Партія «Единенія и Прогресса», пріобрѣтая широкое вліяніе въ арміи, «лѣвѣетъ», расширяетъ свою программу и снисходитъ къ нуждамъ другихъ народностей.

Съ начала 1900 года приливъ новыхъ силъ въ эту партію еще болѣе усиливается, выдвигаются практическіе политики, которые, не покладая рукъ, ведутъ усиленную пропаганду. Практическая дѣятельность вначалѣ сосредоточивается въ константинопольскомъ, смирнскомъ, филиппопольскомъ, монастырскомъ гарнизонахъ. Затѣмъ, когда съ ростомъ дѣятельности названной партіи усиливается полицейская дѣятельность правительства и идетъ безпрерывное перемѣщеніе офицеровъ изъ названныхъ гарнизоновъ въ армію, расквартированную по Малой Азіи, политическое броженіе перебрасывается по всѣмъ частямъ турецкаго войска независимо отъ ихъ мѣстоположенія. Движеніе захватываетъ и другіе слои населенія, главнымъ образомъ состоятельное купечество. Численный ростъ младо-турецкой партіи приводитъ въ 1903 году къ выработкѣ партійнаго устава, по которому—«районныя организаціи выбираютъ изъ своей среды представителей въ центральный комитетъ, который реорганизуется на представительномъ началѣ съ непремѣннымъ присутствіемъ въ немъ двухъ выборныхъ лицъ отъ заграничныхъ организацій партіи». Этимъ руководство партійной дѣятельностью отъ заграничныхъ эмигрантскихъ колоній, состоявшихъ преимущественно изъ высшихъ чиновниковъ и пашей, передается въ руки средняго офицерства, по положенію своему болѣе дѣятельнаго и заинтересованнаго въ скорѣйшемъ осуществленіи конституціи. Одновременно съ этимъ организуется болѣе радикальная группа принца Сабагэддина, съ широкой программой, въ своей политической части приближающейся къ программѣ нашихъ конституціоналистовъ-демократовъ. Эта программа намѣчаетъ радикальное разрѣшеніе національныхъ вопросовъ путемъ созданія губернскихъ представительныхъ собраній,—и удѣляетъ много вниманія налоговымъ реформамъ. Политическая часть программы выражается въ возстановленіи и расширеніи конституціи 1876 г. Группа принца Сабагэддина имѣла органъ *Тэракъ*, редактировавшійся самимъ принцемъ, кстати сказать—ученымъ экономистомъ. Къ этой организаціи болѣе близко подходит партія «Лига османскихъ конституціоналистовъ», представляющая собс междунаціональную организацію. Въ отличіе отъ названныхъ партій оі признаетъ политическій терроръ. Руководителемъ «Лиги османскихъ ко ституціоналистовъ» является докторъ, бывшій профессоръ константин польской высшей медицинской школы Абдулла-Джэвэдъ-бей. Партійны органомъ лиги является газета *Иджіатъ*, издаваемая въ Каирѣ, и F *Фикръ*, выходящая внутри страны.

Объектомъ дѣятельности всѣхъ этихъ партій являлись армія, чиновничество и нарождавшаяся буржуазія. Въ 1902 году возникаетъ внутри самой страны партія «мусульманской федераціи», которая своей программой и дѣятельностью пополняетъ пробѣлъ въ общеосвободительномъ движеніи Турціи. Программа этой партіи—сводка требованій широкихъ слоевъ населенія. Вотъ какъ мотивируетъ «мусульманская федерація» свое обращеніе къ революціоннымъ дѣятелямъ:

„Товарищи, если вы въ вашей дѣятельности помните интересы трудового населенія страны, если вы хотите спасти родину отъ разложенія, если вы стремитесь, чтобъ другія національности, наши соотечественники, во взаимной враждѣ не изошли кровью, если, наконецъ, мечтаете, чтобъ и наша родина вступила въ ряды цивилизованныхъ государствъ—присоединяйтесь къ требованіямъ „федераціи османскихъ революціонеровъ", которыя выражаются въ слѣдующемъ":

I.

1) „Необходимо издать канунъ эсасъ (основные законы). Въ Константинополѣ созывается безъ различія націй и религіи меджлисъ миліэтъ (національное собраніе); выбранное отъ всѣхъ слоевъ населенія Турціи, оно должно законодательнымъ путемъ закрѣпить полное народовластіе и управленіе страной черезъ представителей національностей.

2) Центральное правительство находится въ Константинополѣ и должно руководствоваться общими интересами страны.

Эти интересы выражаются въ слѣдующемъ:

Внѣшняя политика, военное дѣло, финансы, таможенная политика, почта и телеграфъ и гармоническая связь вилаэтовъ (губер.).

3) Каждая губернія, для удовлетворенія своихъ мѣстныхъ нуждъ имѣетъ вилаэтъ меджлисъ (губернское собраніе). На обязанности этихъ собраній возлагаются школьное дѣло, проведеніе дорогъ, оросительные каналы, развитіе земледѣлія, учрежденіе банковъ и страховыхъ обществъ.

4) Полная независимость суда. Судьи несмѣняемы и выбираются населеніемъ.

5) Годовой бюджетъ правительства разсматривается и утверждается національнымъ и губернскими собраніями.

II.

1) Свобода слова, совѣсти и печати, передвиженія и профессіи. Упраздненіе паспортной системы.

2) Неприкосновенность личности, жилища и частной переписки.

3) Полная амнистія политическихъ борцовъ.

III.

Всѣ османцы равны какъ въ своихъ правахъ, такъ и въ обязанностяхъ.

IV.

1) Упраздненіе нынѣшней системы налоговъ, при чемъ введеніе новыхъ налоговъ должно основываться на принципѣ, при которомъ налогъ не долженъ превысить 10% урожая или 1% со всего дохода.

2) Лица, годовые доходы которыхъ не превышаютъ 5 лиръ, совершенно освобождаются отъ несенія налоговыхъ обязанностей, сохраняя право участія въ политической жизни страны.

3) Вездѣ и всякаго рода налоги собираются особыми сборщиками, избранными отъ населеніемъ.

V.

1) За мириба *), безземельными крестьянами, закрѣпляются тѣ участки земли, которые они обрабатывали въ теченіе пяти лѣтъ.

2) Малоземельные крестьяне получаютъ дополнительные надѣлы за счетъ казенныхъ земель (арази мири).

VI.

1) Увеличеніе заработной платы и установленіе 10-часового рабочаго дня.

2) Вознагражденіе пострадавшихъ во время работы за счетъ предпринимателя.

3) На случай инвалидности и старости на средства рабочихъ, правительства и предпринимателей учреждаются рабочія пенсіонныя кассы.

Эта программа также останавливается на распредѣленіи государственныхъ доходовъ, при чемъ значительная часть ихъ предназначается на народное образованіе и на учрежденіе общеполезныхъ заведеній, распредѣляя эту сумму пропорціонально между націями. Затѣмъ она касается срока службы въ арміи, жалованья и требуетъ введенія всеобщей воинской повинности, не исключая и христіанъ, и уничтоженія военнаго налога.

X.

1) Учрежденіе мелкаго кредита для нуждъ крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ лавочниковъ.

2) Государственное страхованіе на случай засухъ, градобитія и падежей скота.

3) Учрежденіе общественныхъ мельницъ, амбаровъ и пекаренъ.

Я болѣе подробно остановился на этой программѣ, такъ какъ она является наиболѣе цѣльной и въ возможной степени исчерпывающей нужды страны и главнымъ образомъ трудового населенія. Этимъ и объясняется то широкое вліяніе, которымъ «федерація» пользуется въ крестьянствѣ, среди рабочихъ, ремесленниковъ и среди мелкихъ торговцевъ и мѣщанства. За сравнительно короткое существованіе эта партія покрыла всю Малую Азію густой сѣтью организацій, вовлекла и растворила въ себѣ организаціи христіанскихъ національностей. Во всѣхъ крупныхъ городахъ Анатоліи ею были организованы профессіональные союзы. Она блестяще выполнила походъ противъ новаго налога, такъ называемаго «личнаго», взбудоражила, разбудила отъ летаргическаго сна все мусульманское и христіанское населеніе и на практикѣ показала, какъ удачно скомбинированными лозунгами можно объединить все населеніе безъ различія націи и религіи.

Она вызвала къ жизни и содѣйствовала организаціи комитетовъ «турецкихъ либераловъ» изъ тѣхъ элементовъ, которые по своему положенію не могли вступать въ ея ряды. Такъ появились названные комитеты въ Трапезундѣ, Бабертѣ, Бейрутѣ, Кастемурѣ, Эрзерумѣ, Дамаскосѣ, Діарбекирѣ, Ванѣ, Багдадѣ и въ прочихъ крупныхъ и мелкихъ городахъ Малой Азіи. Это движеніе ознаменовалось сильнымъ петиціоннымъ увлечені[ем]ъ

*) Мириба—это сельскій пролетарій, искусственно созданный правительст[вомъ] стараго режима, которое ревностно насаждало большія помѣстья за счетъ крест[ьян]скихъ земель. Такъ, цѣлыя сельскія общества объявлялись безземельными, и[ными словами] говоря—конфисковались у нихъ земли и передавались или дворцовымъ фаворит[амъ] или курдскимъ бекамъ и пашамъ.

Прим. автор[а].

въ 1907 году осенью. Вотъ какого рода требованія повсемѣстно выставляли комитеты «турецкихъ либераловъ», которые состояли исключительно изъ вліятельныхъ купцовъ и помѣщиковъ:

1. Налоги, взыскиваемые въ данной губерніи, должны расходоваться на мѣстахъ и не подлежатъ отправкѣ въ государственную казну, которая всецѣло находится въ рукахъ хищниковъ. Часть налоговъ должна идти на аккуратное выплачиваніе жалованья чиновникамъ и войскамъ, расквартированнымъ въ данной губерніи, а остальная часть доходовъ употребляется на нужды и благосостояніе губерніи.

2. Упраздненіе иррегулярныхъ курдскихъ войскъ, присвоившихъ названіе „Гамидіэ", которыя наравнѣ съ прочимъ населеніемъ имперіи подлежатъ несенію налоговой и воинской повинности.

3. Число представителей городской полиціи и чиновниковъ прочихъ правительственныхъ учрежденій подлежитъ сокращенію на 50%.

4. Содержаніе губернатора сокращается на половину.

Это движеніе захватило всѣ высшіе круги провинціальныхъ городовъ и такъ осложнилось, что правительство сочло нужнымъ прибѣгнуть къ оружію, но войска вездѣ отказались поднять оружіе противъ своихъ согражданъ и вслѣдъ за этимъ изъ всѣхъ вышеназванныхъ городовъ населеніемъ были изгнаны губернаторы.

Такъ, партія «федерація османцевъ», не замыкаясь въ узкія программныя рамки, старалась использовать недовольные элементы и тѣмъ пріобщить къ освободительному движенію всѣ слои общества. Она съ самаго начала своего зарожденія отрицательно относилась къ зарубежной дѣятельности отечественныхъ партій, и поэтому всѣ ея высшія партійныя учрежденія были сосредоточены внутри страны. Два ея партійныхъ органа—«сабагъ-юль-хайръ» и «рэгберъ-умуръ-ватанъ» (курьеръ отечества)—печатались въ гор. Ванѣ и Эрзерумѣ. Эта партія, получившая въ народныхъ массахъ названіе «партія народныхъ нуждъ», всю Анатолію наводняла своими брошюрами, даже Константинополь не избѣгъ ея воздѣйствія.

IV.

Такое оживленіе дѣятельности всѣхъ турецкихъ оппозиціонныхъ партій и группъ вызвало самокритику въ націоналистическихъ партіяхъ. Начался переломъ въ сепаратистическомъ движеніи націй. Такъ, въ Каирѣ начинаетъ выходить на армянскомъ языкѣ газета *Лусаберъ*, подъ редакціей извѣстнаго публициста и бывшаго лидера партіи «гинчакъ» Арпіаръ Арпіаріана, и въ Тифлисѣ газета *Еркри Дзайнъ*. Обѣ эти газеты рѣзко осуждаютъ существованіе отдѣльныхъ армянскихъ революціонныхъ организацій и довольно резонно доказываютъ возможность и необходимость одной общей демократической партіи, которая только одна можетъ справиться съ турецкимъ деспотизмомъ. Сепаратистскія стремленія націоналистическихъ партій только отпугиваютъ турецкія массы отъ освободительнаго движенія и тѣмъ задерживаютъ культурный ростъ страны и въ частности привходящихъ народовъ. Общегосударственныя коренныя реформы, по мнѣнію этихъ газетъ,

облегчать какъ невыносимое положеніе христіанъ, такъ и мусульманъ. Эти идеи все больше и больше завоевываютъ популярность и пріобрѣтаютъ въ средѣ революціонныхъ организацій сторонниковъ. Въ «внѣшней македонской организаціи» происходитъ на этой почвѣ расколъ, и благодаря этому до того слабая «внутренняя организація» пріобрѣтаетъ доминирующее вліяніе въ Македоніи.

Послѣдняя партія въ виду сильнаго роста освободительнаго движенія въ турецкихъ массахъ рѣзко и категорично отказывается отъ идей отложенія отъ Турціи и присоединенія къ Болгаріи. Настолько это было твердымъ рѣшеніемъ партіи Санданскаго, что она не остановилась передъ кровавой развязкой, жертвой которой пали вожди «внѣшней организаціи» Сарафовъ и Гаравановъ. А въ Каирѣ отъ рукъ націоналистовъ-сепаратистовъ палъ жертвой идеи обще-турецкой организаціи Арпіаръ Арпіаріанъ.

Его убійство вызвало внутри страны сильное негодованіе противъ партіи «гинчакъ».

Среди арабовъ эта идея находитъ ревностныхъ послѣдователей и способствуетъ сліянію организацій мусульманъ и католиковъ арабовъ, что сильно увеличиваетъ силы арабскаго комитета. Кромѣ того, этой организаціи удается основать въ Лондонѣ на арабскомъ языкѣ органъ *Хіафэти*, а въ Парижѣ—на французскомъ языкѣ газету подъ редакціей Нэджибъ Азури-бей, автора книги «Пробужденіе арабовъ», поставившей себѣ цѣлью объединеніе всѣхъ оппозиціонныхъ организацій, дѣйствующихъ въ предѣлахъ Турціи.

Всѣ партіи, дѣйствующія въ Турціи, постепенно проникаются сознаніемъ необходимости согласованнаго дѣйствія. Эта идея совершенно созрѣла, въ особенности для націоналистическихъ организацій, благодаря тому обстоятельству, что партія «федерація» съ каждымъ днемъ росла за счетъ всѣхъ національностей, которыя пополняли ея ряды своими лучшими, активными силами.

По иниціативѣ партіи дашнакцутюнъ, въ декабрѣ 1907 г. былъ созванъ конгрессъ представителей оппозиціонныхъ организацій, оперирующихъ въ Турціи. Конгрессъ состоялся въ Парижѣ. На съѣздѣ могли участвовать только тѣ партіи, которыя имѣли и заграничныя организаціи, такимъ образомъ ни «внутренняя македонская организація», ни партія «федерація османскихъ революціонеровъ» не могли имѣть тамъ своихъ представителей.

На съѣздѣ была выработана согласительная минимальная программа. Націоналистическія организаціи отказались отъ своихъ сепаратистически стремленій, партія «единенія и прогресса» уступила въ смыслѣ гаран свободы и свободнаго культурнаго развитія націй, признавъ пропорц нальное распредѣленіе между національностями суммъ, ассигнуемыхъ на н родное образованіе (требованіе партіи «федераціи»), организація Саб эддина отказалась отъ автономіи областей, остановившись на децен лизаціи административной власти, отвѣтственности чиновниковъ и

жденіи губернскихъ собраній, напоминающихъ наши земства, съ болѣе расширенными рамками.

Съѣздъ призналъ далѣе необходимость въ Турціи государственнаго переворота. При этомъ для успѣшнѣйшаго достиженія общей цѣли болѣе лѣвыя партіи не только пошли на широкій компромиссъ, чтобы не разбивать, не расчленять освободительнаго движенія, но по требованію комитета «единенія и прогресса» рѣшили всецѣло передать въ его руки дѣло переворота и отказаться отъ всякаго выступленія вплоть до водворенія правового строя въ Турціи, оставляя за собой право контроля надъ дѣйствіями комитета,—рѣшеніе, продиктованное поистинѣ глубокимъ политическимъ смысломъ.

На парижскомъ съѣздѣ участвовали слѣдующія партіи и группы: «комитетъ единенія и прогресса», организація армянскихъ революціонеровъ «дашнакцутюнъ», «лига децентрализаціи и конституціи», «египетскій еврейскій комитетъ», арабская организація «Хайфэтъ», редакція газеты *Арменія*, газета *Размикъ*, революціонный органъ, редакція газеты *Айреникъ*, революціонный органъ (Америка), и «комитетъ Анди-Османи» (Египетъ).

Впослѣдствіи къ постановленіямъ этого съѣзда присоединились партія «федераціи османскихъ революціонеровъ», «внутренняя македонская организація» и «центральный комитетъ турецкихъ либераловъ», который за время этого съѣзда образовался отъ вліянія комитетовъ турецкихъ либераловъ разныхъ городовъ. Программа этой партіи составляетъ нѣчто среднее между программой «комитета единенія и прогресса» и партіи «федераціи».

Политическій переворотъ, начатый и руководимый «комитетомъ единенія и прогресса», и дальнѣйшія событія, которыя съ такой удивительной послѣдовательностью развертываются передъ всѣмъ міромъ, и позиція, занятая другими партіями, въ особенности могущественной «федераціей», которая такъ стойко воздерживается отъ всякихъ эксцессовъ, доказываютъ политическую зрѣлость организацій, дѣйствующихъ въ Турціи.

Всѣ турецкія партіи до сихъ поръ съ замѣчательнымъ самообладаніемъ выжидаютъ упроченія новаго строя, подъ сѣнью котораго, по словамъ лидера «комитета единенія и прогресса», Ахмеда Риза, пути всѣхъ этихъ объединенныхъ организацій разойдутся, какъ представителей болѣе или менѣе противоположныхъ интересовъ. Въ виду такого положенія вещей хочется вѣрить, что политическое возрожденіе Турціи укрѣпится на твердомъ основаніи.

А. Теръ-Арутюновъ.

Третій интернаціональный конгрессъ историковъ.

(Берлинъ, 6—12 августа 1908 г.)

Пять лѣтъ прошло съ шумныхъ, оживленныхъ, многолюдныхъ (до 2,000 участниковъ) засѣданій интернаціональнаго историческаго конгресса въ вѣчномъ Римѣ, и новый, *третій* по счету, конгрессъ собрался въ Берлинѣ.

Нечего, какъ будто, говорить о значеніи подобныхъ собраній, а между тѣмъ на этотъ счетъ, какъ повѣдали сами организаторы берлинскаго съѣзда, существуетъ рядъ открытыхъ, спорныхъ вопросовъ. Что является цѣлью? Къ чему стремиться организаторамъ, чего ожидать конгрессистамъ?

Ясно, что въ области расширенія науки, обмѣна научными новостями—книга и спеціальный журналъ далеко превосходятъ по значенію любой конгрессъ, собирающійся хотя и періодически, но чрезъ большіе все же промежутки. Нѣтъ, на первомъ планѣ, очевидно, стоитъ не столько сама наука, сколько *люди* науки, непосредственное ихъ ознакомленіе другъ съ другомъ, сближеніе ихъ.

Это—не конгрессъ докладовъ, а конгрессъ встрѣчъ.

Организаціи такихъ *встрѣчъ* всякій конгрессъ и долженъ поэтому удѣлить чуть ли не наибольшее вниманіе, и за строго-учеными засѣданіями должны слѣдовать непринужденныя, уютныя товарищескія собранія. И не даромъ о *такомъ* сближеніи, въ бесѣдахъ и пирушкахъ, ратовалъ именно знаменитый Масперо: живя въ цѣлительномъ, но далекомъ Каирѣ, онъ сильнѣе другихъ чувствовалъ потребность непосредственныхъ встрѣчъ, теплыхъ товарищескихъ рукопожатій.

И невольно, поэтому, у всѣхъ членовъ конгресса первымъ вопросом было—*кто пріѣхалъ*, а не кто что читаетъ.

Съѣхалось много (хотя и далеко не такъ много, какъ ожидали), и, первый взглядъ, интернаціональность конгресса была какъ бы внѣ с мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, стеклись не только со всей Европы, отъ П тербурга и Христіаніи до Лиссабона, Константинополя и Аѳинъ, не тол изъ Луксора и Каира, Соединенныхъ Штатовъ и Торонто (Канада), н

изъ Робертсона (Капландія), Ріо-де-Жанейро, Токіо. Пріѣхали ученые, архиваріусы, учителя, просто интересующіеся; на-ряду съ ученымъ бенедиктинцемъ и величественнымъ, но слишкомъ увѣшаннымъ орденами, «апостольскимъ протонотаріемъ», былъ и антиподъ ихъ, профессоръ-«модернистъ».

Въ крупныхъ, блестящихъ именахъ тоже не было недостатка. Изъ Англіи: Mahaffy, Pollock, П. Г. Виноградовъ, Grenfell, Hunt, Gardner, Sayce, Oman; Италіи—Pais, Comparetti, Rajna; Франціи—Maspero, Esmein, Espinas, Girard, Viénot; Бельгіи—Cumont, Pirenne, Des-Marez; Скандинавіи—Fahlbeck, Carlson, Danielsson; Россіи—Э. Р. ф-Штернъ, В. П. Бузескулъ, М. И. Ростовцевъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, М. А. Дьяконовъ, Б. А. Тураевъ; Германіи—Lamprecht, Kurt Sethe, Wilcken, Mitteis, Seeliger, Krumbacher, Kornemann, Schrader, не считая замѣчательныхъ представителей Берлинскаго университета, какъ—Ed. Meyer, v. Wilamowitz-Möllendorf, Brunner, Gierke, Delitzsch, Harnack, Schmoller, Sachau, Tangl, Wölfflin.

Но..., несмотря на это, впечатлѣніе получалось такое, что конгрессъ болѣе «нѣмецкій», чѣмъ «интернаціональный», и извѣстное разочарованіе плохо скрывалось за любезными улыбками и трубными звуками берлинской прессы. А въ концѣ конгресса, въ *послѣднемъ* его засѣданіи, когда назначалось мѣсто слѣдующаго и было оглашено и принято приглашеніе Англіи, предсѣдатель конгресса, дѣйствительный тайный совѣтникъ Koser какъ бы офиціально закрѣпилъ это уже давно сложившееся впечатлѣніе: онъ, предсѣдатель *интернаціональнаго* конгресса, благодарилъ англичанъ отъ лица *нѣмцевъ!*

Такова навязчивость общаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что за вѣрность его говорятъ достаточно краснорѣчиво и факты конгрессной статистики: Берлинъ далъ 452 члена конгресса, вся остальная Германія вмѣстѣ съ Австро-Венгріей—291, а всѣ прочія страны, вмѣстѣ взятыя,—276.

Но важны и дальнѣйшія наблюденія и впечатлѣнія. Отсутствовали почти цѣликомъ «ученые славянской рѣчи», во главѣ съ академикомъ Ягичемъ (въ этомъ видѣли «результатъ» обще-славянскаго съѣзда въ Прагѣ), и, повидимому, отсутствовали демонстративно, такъ какъ доклады ихъ были уже намѣчены, и ни большое количество французовъ, ни комплименты (Масперо) по адресу «noble nation» и «испытаннаго гостепріимства» нѣмцевъ не могли спасти положенія.

Такъ, въ строгую, уравновѣшенную атмосферу научнаго торжества врывались національно-политическіе счеты и страсти. Ярко, ненужно ярко отразилась, напримѣръ, все растущая размолвка между Германіей и Англіей, и многіе руководящіе участники конгресса слишкомъ часто, неумѣренно и неосторожно затрагивали этотъ деликатный и, нужно думать, далекій сюжетъ, разувѣряя болѣе или менѣе талантливо, что порохомъ еще не пахнетъ. Д-ръ Рейке, бургомистръ Берлина, на *первомъ* же торжественномъ засѣданіи убѣждалъ, что «каждый интернаціональный конгрессъ въ то же время и конгрессъ *мира*», а на *заключительномъ* засѣданіи самъ предсѣ-

датель, отвѣчая на любезное приглашеніе 22 *англійскихъ* ученыхъ засѣдать въ 1913 г. въ Лондонѣ, нашелъ умѣстнымъ указать, что «подобное обращеніе лишній разъ документируетъ... *мирное сближеніе* двухъ націй» (говорилъ онъ, какъ ужъ сказано, почему-то какъ председатель *нѣмецкаго* конгресса); на томъ же заключительномъ засѣданіи, наконецъ, уже прямо говорили о пріѣздѣ короля Эдуарда и министра Ллойдъ Джоржа для «укрѣпленія дружескихъ связей».

Политика, слѣдовательно, и открывала, и закрывала ученый конгрессъ, гдѣ, казалось, ей менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, было мѣста; и причину этого нужно искать не только въ повышенной впечатлительности и нервности современнаго человѣчества, не только во всепроникающемъ значеніи политики, но еще болѣе въ той благопріятной почвѣ, которую представляли изъ себя взгляды многихъ членовъ «организаціоннаго комитета», отражающіе, въ свою очередь, лишь общіе берлинскіе, прусскіе, а то и того болѣе распространенные взгляды.

Дѣло въ томъ, что внесеніе политики въ самое историческую *науку* признавалось многими явленіемъ естественнымъ, желательнымъ, необходимымъ. Представленіе о томъ, что историческая наука имѣетъ *утилитарное*, *прикладное* лишь значеніе, высказывалось неоднократно (и не встрѣчало отпора), то нѣсколько иносказательно, въ видѣ афоризма, что «сами историки дѣлаютъ исторію», то болѣе прямо (министръ v. Bethmann-Hollweg), что она—«учительница современности» (онъ же, по-карамзински, видитъ въ ней великую *утѣшительницу*, ибо «при сравненіи съ прошлымъ и современность покажется не бѣдной»), то уже совершенно откровенно въ видѣ навязыванія ей задачи, ничего общаго съ наукой не имѣющей,—обузданія. Historia militans—воинствующая исторія,—эта новая муза съ «бронированнымъ кулакомъ» находила на конгрессѣ немало сторонниковъ, и даже своего «Гомера», упомянутаго уже бургомистра Рейке. Онъ пѣлъ, что «въ настоящее время, когда слишкомъ свободное, иногда, быть можетъ, даже легкомысленное обращеніе съ политическимъ и экономическимъ горючимъ матеріаломъ, особенно со стороны извѣстной части прессы, слишкомъ ужъ легко вызываетъ раздраженіе»,—вмѣшаться должна исторія; она же должна спасти (католическое «compelle intrare»!) отъ «безконечнаго множества ошибокъ» «теперешнее молодое поколѣніе, которое въ школахъ получаетъ техническую, но и только, подготовку», зато «въ серьезныхъ случаяхъ національной жизни» находится «безъ надлежащей опоры». Характерна, наконецъ, и большая близость къ подобнаго рода темамъ *перваго* доклада, прочитаннаго на конгрессѣ, доклада американскаго посла Hill'я объ *этическомъ* вліяніи историка и исторіи.

Такова одна изъ особенностей конгресса и, нужно сказать, она ма способствовала успѣху: огромный организмъ конгресса все время разд жался этимъ маленькимъ введеннымъ въ него постороннимъ тѣломъ. В сены были и диссонансъ, и сухая, насторожившаяся сдержанность, нужны были необычное умѣніе и недюжинное желаніе, чтобъ сгладить

шероховатости, пріостановить начавшуюся разслойку, слить конгрессистовъ воедино.

Отсюда возникаетъ второй основной вопросъ: какова была *организація* конгресса, каковы были пріемы?

Оставляя пока въ сторонѣ организацію научной части, разсматривая лишь дѣловую, нельзя не отмѣтить рядъ своеобразностей и странностей, мелкихъ иногда по существу, но непріятныхъ, сугубо раздражающихъ и неудовлетворяющихъ. Ненужная, смѣшная даже, дисциплинировка, назойливая регламентація, доходящая въ мелочахъ до виртуозности, слишкомъ много казенной и слишкомъ мало индивидуализированной любезности и прямой, отъ человѣка къ человѣку, симпатіи; не сухая даже «дѣловитость», а натянутая, застывшая въ офиціальной улыбкѣ «корректность». Все било на внѣшность.

Сплошнымъ, напримѣръ, недоразумѣніемъ былъ «органъ» конгресса, ежедневно выходившій *Kongress-Tageblatt,* сообщенія котораго должны были быть тѣмъ важнѣе, что конгрессъ рѣшилъ на этотъ разъ не издавать трудовъ, а помѣщать лишь «краткіе протоколы» засѣданій въ своемъ *Tageblatt*'ѣ. Что же давалъ Дневникъ? Въ немъ стереотипно перепечатывались изо дня въ день общія правила конгресса, его организація, свѣдѣнія о весьма сложной и съ очевидной любовью выработанной іерархіи розетокъ разныхъ цвѣтовъ и величинъ (почти страница in 4°!), сообщенія о различныхъ «пожертвованіяхъ», включая сюда и... каталоги, и проспекты, присланные издательскими фирмами, и ни слова о самомъ главномъ, о *работахъ* конгресса; обѣщанный «краткій протоколъ» оказался просто *перечнемъ* читанныхъ докладовъ, да притомъ еще опаздывалъ дня на два. Затруднительно вообще сказать, зачѣмъ съ такой похвальной настойчивостью издавался этотъ *Tageblatt*, раздаваемый «ровно въ 12 часовъ» (до этого момента, какъ пришлось убѣдиться многимъ, его не раздавали, хотя онъ тутъ же стоялъ правильными стопками); не менѣе затруднительно было убѣдиться въ необходимости фаланги общихъ и секціонныхъ «секретарей» съ ихъ большимъ штатомъ «помощниковъ».

Но этимъ своеобразности не кончаются. Уже «чисто-прусскимъ» нужно признать любопытное, откровенное заявленіе, что есть конгрессисты и конгрессисты, что иная слава солнцу, иная звѣздамъ. Вотъ два примѣра; оба находятся въ «Программѣ» конгресса, въ основныхъ, такъ сказать, его законахъ. На стр. 45 этой «Программы» многіе съ изумленіемъ читали: «Въ пятницу, 7 августа, въ 8 час., *нѣкоторая часть* членовъ [ко]нгресса будетъ принята городомъ Берлиномъ въ ратушѣ. Будутъ разо[сл]аны спеціальныя приглашенія. Для *остальныхъ* членовъ... у Кролля бу[де]тъ представленіе-гала... Послѣ пріема въ ратушѣ и представленія имѣетъ [бы]ть *общее* (gemeinsames) непринужденное собраніе въ саду Кролля». То самое повторяется (и изо дня въ день печатается въ *Tageblatt*'ѣ) относ[ит]ельно двухдневной поѣздки въ Гамбургъ, къ которой «высокій сенатъ [ок]азываетъ благожелательный интересъ». И здѣсь «пріемъ въ ратушѣ

и обѣдъ» «лишь для немногихъ» (nur eine kleine Zahl), а «остальные» могутъ поѣхать за городъ. И такъ—безъ конца; «ein Theil» и «die übrigen», «alle»—все время противопоставляются, и никому изъ организаторовъ, повидимому, не приходила на мысль неумѣстность такихъ назойливо-подчеркнутыхъ расклассировокъ; достаточной «гарантіей», казалось, были бы уже «именные пригласительные билеты».

Прусскими, или уже чисто-берлинскими, нужно считать также и поразительную мелочность и удивительное для такого грандіознаго предпріятія крохоборство. На той же, напримѣръ, стр. 45 «Программы» члены конгресса оповѣщались, что «во вторникъ, 11 августа, въ 3 часа, состоится поѣздка въ Ванзее и Потсдамъ; карты для поѣздки, по *50 пфенниговъ* за штуку, можно получить въ бюро». Правда, на самомъ дѣлѣ, «50 пфенн.» превратились потомъ въ 8 марокъ, тѣмъ не менѣе надъ предполагавшимся «четвертакомъ» (лепта конгрессиста! съ ней нужно идти въ бюро, ждать «очереди», получить карту) смѣялись, и смѣялись зло, не мало.

А вотъ и другое заявленіе: тогда-то посѣщеніе обсерваторіи въ Трептовѣ, причемъ «вслѣдствіе спеціальнаго соглашенія съ дирекціей вмѣсто марки лишь 50 пфенн. за входъ». Но вниманіе конгрессиста останавливаетъ уже не эта попечительная забота о его карманѣ, а спеціальное указаніе, что посѣщеніе обсерваторіи—*для дамъ*.

Почему же не для *мужчинъ*-конгрессистовъ, и почему даже обсерваторію не разрѣшается посѣщать «обоимъ поламъ?» Отвѣтить не такъ просто, ибо тутъ цѣлая сѣть, цѣлая запутанная система, своего рода «женскій вопросъ» на конгрессѣ, рѣшенный столь же по-нѣмецки, сколь не мудро.

Предполагалось, что пріѣдутъ на конгрессъ и дамы, что̀ при теперешнемъ положеніи, когда доцентовъ и даже профессоровъ-женщинъ становится все больше, не такъ уже было невозможно.

Но... ждали не ученыхъ женщинъ, а просто «дамъ», и готовились встрѣтить ихъ съ извѣстной, приличествующей помпой. Учрежденъ былъ спеціальный «дамскій комитетъ», весьма многочисленный, даже слишкомъ многочисленный для съѣхавшихся 40 дамъ *), со спеціальной задачей озаботиться, «чтобы дамамъ конгресса, особенно иностранкамъ, облегчить (?) пребываніе и сдѣлать его пріятнымъ», для чего выработать рядъ развлеченій, поѣздокъ и осмотровъ, «имѣющихъ для дамъ особый интересъ».

Не знаю, довольны ли остались пріѣзжія, «особенно иностранки», такими заботами, увѣренъ лишь, что это спеціально дамское времяпрепровожденіе представляло «особый интересъ» для каждаго непредубѣжденн[illegible]

*) Опять любопытная „статистика“:

Изъ Берлина	26
Остальной Германіи . . .	9
Иностранокъ	5

Такимъ составомъ, быть можетъ, объясняется, что законоположенія о дам[illegible] не встрѣтили серьезнаго протеста.

наблюдателя. Вотъ эта «дамская» программа: посѣщеніе питомника въ Шарлоттенбургѣ, «чай» въ Тиргартенѣ, больница Вирхова, королевскій дворецъ, мавзолей въ Шарлоттенбургѣ, осмотръ кораблестроительной выставки, разнообразные музеи, ботаническій садъ, посѣщеніе универсальнаго магазина Вертгейма, образцовая кухня, Pestalozzi-Fröbelhaus, зоологическій садъ, большая художественная выставка и т. д. Ни системы, ни подбора, ни, я рѣшаюсь сказать, уваженія къ дамамъ-*конгрессисткамъ*, ибо бо́льшая часть этой «дамской» программы назначена была какъ разъ на время *засѣданій*, и этимъ какъ бы заранѣе было опредѣлено, *чѣмъ* дамы «особенно» могутъ «интересоваться»,—очевидно всѣмъ, кромѣ засѣданій конгресса!

Mulier taceat in ecclesia!

Если же прибавить, что помимо этой quasi-«дѣловой» программы была еще и чисто-«увеселительная», съ исключеніемъ мужчинъ (въ обратномъ случаѣ *Tageblatt* услужливо прибавлялъ, что тогда-то «могутъ принимать участіе и конгрессисты-мужчины»), что для «дамъ» были устроены *отдѣльныя* посѣщенія (Damenführungen) нѣкоторыхъ берлинскихъ коллекцій, что «дамы» были... исключены изъ «общаго банкета» 10 августа и для нихъ была устроена спеціальная Festlichkeit,—то невольно приходишь къ заключенію, что изъ всѣхъ неудачно рѣшенныхъ вопросовъ, «дамскій» вопросъ рѣшенъ былъ наиболѣе неудачно, но, пожалуй, и наиболѣе типично для прусской столицы.

Да простятъ мнѣ, что я такъ подробно остановился на цѣломъ рядѣ отрицательныхъ явленій. Я не хотѣлъ быть «хулителемъ» конгресса, я, какъ и многіе, не могу лишь хладнокровно относиться къ своеобразностямъ, легко отчасти отвратимымъ, присутствіе которыхъ тяжело отразилось на всемъ конгрессѣ, въ значительной степени затормозивъ и помѣшавъ самому главному—взаимному сближенію, установивъ холодность и натянутость.

«Банкетъ», напримѣръ, собралъ нѣсколько менѣе... 200 человѣкъ, да и вообще конгрессисты чѣмъ дальше, тѣмъ больше разсыпались по «націямъ». *Конгрессъ встрѣчъ* не удался, или удался менѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

Но пора перейти къ другой сторонѣ, къ чисто-*ученой* дѣятельности конгресса, отъ которой уже апріорно можно ожидать совершенно иныхъ впечатлѣній.

Конгрессъ слушаетъ, а не обсуждаетъ—вотъ общее правило, подтвердившееся и на сей разъ. Заслушано было безъ малаго 180 докладовъ—громное количество для 6 дней засѣданій. Конечно, для «дискуссій» почти го совсѣмъ не было времени; даже болѣе того: и самые доклады нерѣдко омкались, эксцепировались. Но таковъ уже естественный недостатокъ всяаго *большого* конгресса, и противоядія пока не найдено.

Неудачно было нѣчто другое, именно предварительное распредѣленіе ого громаднаго матеріала докладовъ по «секціямъ». И здѣсь, какъ и въ

общей организаціи, сказались нѣкоторыя типическія черты, извѣстная рутина, въ лучшемъ случаѣ—милыя, но старыя привычки. Чѣмъ инымъ, напримѣръ, объяснить установленіе третьей («*политическая* исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени») и четвертой («*культурная* исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени») секцій? Чѣмъ объяснить, при *современномъ* положеніи дѣла, присоединеніе археологіи къ секціи... исторіи искусства!

А неудачное дѣленіе на секціи дало и неудачное распредѣленіе докладовъ по секціямъ. Въ третьей секціи, по *политической* исторіи, читались, напримѣръ, доклады о «Вліяніи классификаціи источниковъ на ходъ изслѣдованія», о «Юношескихъ годахъ Бисмарка», о «Государствѣ и помѣстьѣ въ германской исторіи», о «Скандинавской политикѣ въ августѣ 1814 г.» и т. п., т.-е. методологическія, «культурныя», экономическія, дипломатическія темы—всѣ были смѣшаны воедино.

Такая неустойчивость и расплывчатость секціонныхъ границъ была присуща и другимъ секціямъ, и лишь немногія (первая—исторія Востока; пятая—правовая и экономическая исторія), имѣя опредѣленное, точно ограниченное содержаніе, а вслѣдствіе этого и компактный, постоянный составъ членовъ, работали особенно хорошо и успѣшно,—тутъ было время и для преній, краткихъ, но мѣткихъ, нерѣдко весьма оживленныхъ. Въ большинствѣ же секцій обсужденіе докладовъ почти совершенно отсутствовало, а если и бывало замѣтное оживленіе, то эти рѣдкія случайныя вспышки еще болѣе подчеркивали, сколько интересныхъ, назрѣвшихъ вопросовъ осталось безъ разсмотрѣнія и обсужденія. Два раза, напримѣръ, разгорались страсти по поводу «архивнаго голода», по поводу слишкомъ ревностнаго охраненія старыхъ уже архивныхъ «тайнъ»; ученый итальянскій прелатъ и шотландецъ Mc. Kinnon одинаково сѣтовали на подобную «утайку» матеріаловъ, на «лишеніе духовнаго хлѣба» историковъ новаго времени, и плохо отбивался тайный совѣтникъ Bailleu, директоръ Тайнаго государственнаго архива въ Берлинѣ. Обыкновенно же нужна была недюжинная, скажемъ, «оригинальность» доклада, чтобъ разжечь, расшевелить; таковъ былъ докладъ проф. Haupt'a (Baltimore) объ «Исторіи Галилеи», который, оспаривая еврейское происхожденіе Христа, «допускалъ», что «онъ, быть можетъ, былъ даже потомкомъ Зороастра»; пренія разгорѣлись необычайно, но наврядъ ли къ удовольствію докладчика.

Нѣтъ, конечно, никакой возможности реферировать по существу хотя бы часть 180 докладовъ, произнесенныхъ на конгрессѣ, докладовъ крупнаго пошиба и важныхъ, мелко-детальныхъ и просто мелкихъ и незначительныхъ, докладовъ о «Малоизвѣстномъ врачѣ фараоновъ Iwti», объ «Ограниченіи египетскаго наслѣдника въ выборѣ жены», о «Теоріи княжескаго воспитанія въ разныя времена», «Стратегикѣ Никифора Деспота», «Отношеніи Фридриха Вильгельма IV къ Меттерниху въ 1842 г.», и докладовъ огромной научной важности и значительности темъ. Любопытный лозунгъ, данный проф. Röthe, предсѣдателемъ 4-й секціи—«Andacht zum Kleinen»

къ счастію, далеко не всегда и не вездѣ примѣнялся, и можно лишь еще разъ пожалѣть о нежеланіи издать «Труды» конгресса, а также о ненужныхъ «Краткихъ протоколахъ» Tageblatt'a, въ силу чего никто не могъ получить общаго, исчерпывающаго впечатлѣнія о дѣйствительно громадной работѣ конгресса.

Остановлюсь лишь на двухъ-трехъ докладахъ, которые особенно врѣзались въ память.

На каѳедрѣ могучій старикъ, съ львиной гривой; это—извѣстный спеціалистъ по исторіи университетовъ, бреславльскій профессоръ Георгъ Кауфманъ. Онъ говоритъ о «Самоуправленіи нѣмецкихъ университетовъ въ XIX вѣкѣ»; тема и изложеніе захватываютъ слушателей всецѣло, не безъ вліянія остается и переживаемый моментъ—слишкомъ безцеремонно стали обращаться съ автономными университетами и кое-гдѣ на Западѣ. Докладчикъ проситъ не забывать, что и теперь, какъ и въ средніе вѣка, «университетъ» не только учебное заведеніе, но и ученая *корпорація* съ цѣлымъ рядомъ исторически сложившихся и посему неотъемлемыхъ правъ. Правовое положеніе профессора—вотъ кардинальный пунктъ; абсолютизмъ XVIII в. такъ же, какъ и эпоха реакціи въ началѣ XIX в. показали, что «наука можетъ расцвѣсти лишь при свободѣ», это же время выковывало желѣзныхъ людей, носителей этой «святой истины»,—на смѣну «изгнаннымъ» Христіанамъ Вольфамъ приходили Фихте, Шлейермахеры... Отражаются всякіе натиски, университеты не поддаются, а наоборотъ, пріобрѣтаютъ новыя вольности (напримѣръ, право «рекомендаціи»—«Vorschlagsrecht»).

Но... наступаетъ 1870 годъ, годъ упоенія неслыханными побѣдами, а вмѣстѣ съ тѣмъ понятнаго при войнѣ одичанія; государственныя, центральныя власти достигаютъ гигантскаго вліянія, и «министерство становится сильнѣе факультета, этой исторически выработавшейся правомочной корпораціи». Въ такомъ положеніи дѣло и теперь: «вторженія» продолжаются, Vorschlagsrecht нарушается, университетамъ предстоитъ новая и, безъ сомнѣнія, удачная борьба. Но на бой нельзя идти со старымъ оружіемъ; нужно ясно сознавать рядъ крупныхъ, ослабляющихъ университетъ, недостатковъ. Необходимо учрежденіе новыхъ ординаріатовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіе разницы ординатуры и экстраординатуры), такъ какъ старая каѳедральная система отстаетъ отъ успѣховъ науки; нужно консолидировать корпорацію преподавателей, изгнать все архаичное, бюрократическое, разслаивающее, несправедливое (отмѣна гонорара съ улучшеніемъ общаго вознагражденія). Не нужно закрывать глаза ни на собственные недостатки, ни на опасности со стороны. Заканчиваетъ Кауфманъ свою сильную рѣчь словами Савиньи, «ученаго и министра», что «свободу университетовъ разрушить не трудно, но сомнительно, что ее можно будетъ чѣмъ-либо замѣнить».

А вотъ другой докладъ, тема котораго на... 4,000 лѣтъ отстоитъ отъ предыдущаго. Говоритъ Германъ Гункель, проф. въ Гиссенѣ, объ

«Египетскихъ параллеляхъ къ Ветхому Завѣту». Исходитъ онъ изъ положенія, что Израиль не былъ, конечно, «оазисомъ», а жилъ среди другихъ народовъ, подвергался самому перекрестному вліянію. Одно изъ такихъ вліяній, вавилонское, теперь раскрыто во всей почти полнотѣ, но не надо забывать и другое—египетское.

И хотя Гункель и остороженъ, хотя онъ «ставитъ лишь вопросы, а не даетъ отвѣтовъ», хотя онъ говоритъ не о «заимствованіяхъ» прямо, а о «параллеляхъ», тѣмъ не менѣе онъ развертываетъ грандіозную картину, полную красокъ и убѣдительности.

Еврейскій языкъ полонъ «египтизмами»; сказанія, миѳы, сказки (исторія Іосифа)—общи обоимъ народамъ, такъ же какъ и миѳологическій матеріалъ пророковъ; царица неба, преслѣдуемая чудовищемъ (въ Апокалипсисѣ)—египетскій сюжетъ, да и вообще любопытно сравнить еврейско-христіанскую апокалиптику съ египетской; въ области поэзіи сходны не только сюжеты, но и техническіе пріемы, стиль (Яхве-гимнъ какъ и гимнъ египетскій—въ причастіяхъ), все построеніе (въ благодарственныхъ пѣсняхъ типическое чередованіе—напасть, молитва, спасеніе, исповѣданіе могущества божества); все провербіальное творчество подъ сильнѣйшимъ египетскимъ вліяніемъ; рѣчи въ книгѣ Іова въ еврейской литературѣ не имѣютъ параллелей, въ египетской же діалогъ—характерная форма религіозно-философскихъ размышленій; эсхатологія, особенно народная, взята цѣликомъ изъ Египта.

Особенно же важно прослѣдить сходство представленій египтянъ о загробной жизни съ поздне-еврейскими и христіанскими. Въ обоихъ случаяхъ это—палингенезія. Въ Египтѣ «умершій воскресаетъ, какъ воскресъ нѣкогда Озирисъ»; въ египетскихъ мистеріяхъ рядъ мѣстъ, вродѣ:

Какъ живъ Озирисъ, такъ и онъ (мертвецъ) живъ будетъ.

Какъ не исчезъ Озирисъ, такъ и онъ не исчезнетъ.

И здѣсь и тамъ «благочестивые возносятся на небо и сіяютъ какъ звѣзды», «благочестивый смертью своей становится вторымъ Озирисомъ, ибо и Озирисъ путемъ смерти вошелъ въ вѣчную жизнь».

Грандіозная идея о вѣчной жизни, о конечномъ соединеніи съ божествомъ выработалась въ Египтѣ.

Но докладчикъ идетъ далѣе, еще и еще ставитъ онъ свои «вопросы», раскрываетъ еще цѣлый рядъ крупныхъ заимствованій-параллелей. На-ряду, напримѣръ, съ крупнымъ расхожденіемъ въ пониманія царской власти (Израиль не знаетъ египетскаго обожествленія), есть и значительное сходство: мелкій царь Іерусалима не хотѣлъ быть хуже великаго фараона, г иллюстраціей къ псалму 2, 8—«дамъ народы въ наслѣдіе тебѣ»—могут служить египетскія изображенія, гдѣ божество тоже «даетъ» народъ, не рѣдко даже... въ связанномъ видѣ.

Присутствующимъ ясно, что открываются новыя перспективы, и обращеніе Гункеля къ «египтологамъ-спеціалистамъ» было встрѣтено прямо-та съ энтузіазмомъ.

Но останемся еще нѣкоторое время въ области давно минувшихъ тысячелѣтій, въ обаяніи раскрытія такихъ фактовъ и связей, которые еще нашимъ дѣдамъ казались бы сказкой.

Египетъ, мы видѣли, во многомъ является *учителемъ* «избраннаго народа», но гдѣ и какъ учился самъ учитель, каковы его первые шаги?

Лѣтъ шесть тому назадъ на это не дали бы отвѣта. Конечно, уже давно предполагали, что и египетская культура не могла сложиться сразу, но до раскопокъ Флиндерса-Петри въ 1895 г. (самъ онъ, впрочемъ, еще не оцѣнилъ значенія своихъ находокъ) не было фактовъ, были лишь гипотезы на этотъ счетъ. Теперь же, особенно благодаря учености и счастью извѣстнаго Курта Зете, жизнь *доисторическаго* Египта передъ нами почти что на ладони.

Давно ли самъ *историческій* Египетъ, эпоха «древняго царства», казался намъ чѣмъ-то доисторическимъ, чѣмъ-то лежащимъ за предѣломъ историческаго наблюденія, гдѣ фактъ незамѣтно переходилъ въ легенду, а легенда—въ прямую сказку. Теперь же къ услугамъ членовъ конгресса была великолѣпно подобранная спеціальная выставка (Sonderausstellung), гдѣ воочію можно было убѣдиться, каковы *первые шаги* великаго, культурнаго Египта.

Культуру Египта мы можемъ прослѣдить теперь на лишніе 1,500 лѣтъ, до 5-го тысячелѣтія! Это то время, когда знакомые намъ «изящные» египтяне еще... не знали одеждъ, татуировались, раскрашивали тѣло, когда, какъ теперь у дикарей центральной Африки, дебелость и полнота считались красотой, когда у нихъ, на ряду съ каменными, но уже отлично полированными, орудіями была лишь мѣдь. Но въ то же самое время у этихъ нагихъ «варваровъ» уже имѣются... письмена, прототипъ позднѣйшихъ іероглифовъ (отчасти уже дешифрировано), несомнѣнное стремленіе къ изящнымъ формамъ (великолѣпныя рѣзныя вещи изъ слоновой кости), замѣчательное умѣніе схватить природу; у нихъ уже государство, значительно централизованное, съ большимъ чиновничьимъ аппаратомъ (какъ можно судить по разнообразнымъ титуламъ на «печатяхъ»), пышный царскій дворъ съ легіономъ слугъ, карлами, сворами собакъ; у нихъ есть уже развитое сношеніе моремъ, астрономическія наблюденія, есть уже (съ 4241 года) годъ въ 365 дней.

Словомъ, уже въ *5-мъ тысячелѣтіи* передъ нами не *«дикари!»* Культура, въ самомъ опредѣленномъ смыслѣ, уже имѣла мѣсто, и головокружительная хронологія этихъ открытій лишній разъ подтверждаетъ, что «первобытную дикость» приходится продвигать почти на геологическія разстоянія. Медленъ, страшно медленъ шагъ культуры.

Необычайно поучительна, увлекательна была эта «Sonderaustellung» (а ихъ было нѣсколько: по археологіи, собраніи папирусовъ, нѣмецкому и нидерландскому гольцшнитту XV вѣка), и въ этомъ отношеніи германская наука показала себя во весь ростъ. Не организація съѣздовъ, а организація самой науки—вотъ въ чемъ ея сила.

Разъѣхались ученые во всѣ стороны, но на конгрессѣ положено начало цѣлому ряду крупнѣйшихъ коллективныхъ работъ (на первомъ мѣстѣ, конечно, нужно упомянуть предполагаемое новое изданіе «фрагментовъ греческихъ историковъ»; затѣмъ еще—«Germania Sacra», «Corpus der Sarkophagreliefs», «Dizionario biobliografico Italiano», 476—1900), которыя какъ нельзя лучше показываютъ солидарность всей res publica academica.

Много было недочетовъ на конгрессѣ, но они касались его организаціи, отчасти и организаторовъ, самъ же конгрессъ, его идея, его значеніе, его импозантная работа—выше всякихъ нареканій. И да здравствуетъ будущій конгрессъ въ Лондонѣ, въ 1913 г.!

Еще два слова. Живое и плодотворное участіе русскихъ ученыхъ на конгрессѣ не могло остаться незамѣченнымъ: лондонскій конгрессъ будетъ *пятиязычнымъ*—наравнѣ съ нѣмецкимъ, англійскимъ, французскимъ и итальянскимъ, право гражданства на интернаціональномъ конгрессѣ отвоевалъ себѣ и *русскій языкъ*. Замкнутый, особливый человѣкъ, блестящій ученый, v. Wilamowitz-Möllendorf выставилъ это требованіе, и оно было встрѣчено съ воодушевленіемъ. Еще одно окно прорублено въ Европу.

Д. Егоровъ.

По ст. 1001.

Для нѣкоторой, правда небольшой, части прогрессивной журналистики старая знакомая ст. 129 угол. улож. начинаетъ замѣняться новой, статьей 1001, выплывающей изъ мрака древняго «уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ». Давно ли каждый прогрессивный журналистъ могъ ночью съ просонокъ процитировать: виновный... въ распространеніи... сочиненія... или изображенія возбуждающихъ: 1) къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія; 2) къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя и т. д. и т. д. Теперь слышится другая рѣчь: если кто-либо будетъ... распространять... сочиненія, имѣющія цѣлію развращеніе нравовъ или явно противныя нравственности и благопристойности...

Наказанія по обѣимъ этимъ статьямъ несоизмѣримы. Наибольшее наказаніе, которому могутъ подвергнуться привлеченные по 1001 ст., это денежное взысканіе не свыше 500 руб. или арестъ на время отъ 7 дней до 3 мѣсяцевъ. Никакого лишенія правъ не полагается, и порнографъ, присужденный къ высшей мѣрѣ наказанія, все же можетъ съ гордымъ челомъ войти въ залу Государственной Думы, куда, по разъясненію сената, навѣки закрытъ доступъ Муромцеву, Набокову, Петражицкому и др. За 129 полагается не только крѣпость и исправительный домъ, но и лишеніе политическихъ правъ.

Несмотря однако на такую легкость наказанія, прогрессивные журналисты, ознакомившіеся со ст. 1001, не особенно хвастаютъ этимъ знакомствомъ. И когда недавно такая судьба выпала на долю одного петербургскаго толстаго журнала, его друзья постарались замазать въ газетахъ случившійся грѣхъ, и читатели узнали, что книжка журнала конфискована и редакторъ привлеченъ къ суду, но за что—осталось для нихъ тайной. Секретная политическая болѣзнь...

Эти «порнографическіе» процессы волнуютъ и тревожатъ общественную совѣсть и вызываютъ много разговоровъ. Явленіе это на самомъ дѣлѣ болѣе сложное, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Остановимся на немъ ненадолго.

Если какой-нибудь иностранецъ просмотрѣлъ бы тѣ повѣсти и разсказы, которые признаны «порнографическими» и даже заштемпелеваны 1001 статьей, онъ пришелъ бы въ удивленіе. То ли печатается за границей! Конечно, у авторовъ этихъ разсказовъ ничего кромѣ сладострастныхъ мыслей и образовъ за душой нѣтъ, но они вѣдь не отрѣшились отъ фиговаго листка, ставятъ гдѣ надо многоточія. Къ тому же—прибавилъ бы иностранецъ, если бы ему пришлось говорить съ прокуроромъ—вы преслѣдуете сравнительно невинные разсказы о томъ, какъ племянникъ изнасиловалъ тетку, женщина—мужчину, гимназистъ—гимназистку, въ то время какъ у васъ совершенно спокойно существуютъ и даже процвѣтаютъ спеціальныя издательства, открыто поставившія цѣлью распространеніе порнографіи подъ видомъ научныхъ, художественныхъ, медицинскихъ книгъ и т. д.

Что отвѣтилъ бы на такое фактически вѣрное заявленіе г. прокуроръ—мы, конечно, не знаемъ. Но отъ русскаго интеллигентнаго общества иностранецъ могъ бы выслушать непонятныя для его уха объясненія. Видите ли—сказали бы ему—тѣ журналы, въ которыхъ теперь стала печататься такъ называемая порнографія, совсѣмъ особые журналы. Когда иностранецъ говоритъ о «толстыхъ» журналахъ, онъ думаетъ о *Revue des Deux Mondes*, *Nouvelle Revue*, нѣмецкой *Rundschau*, англійскомъ *Rewiew*. У насъ совсѣмъ не то. Отчасти съ *Отечественныхъ Записокъ* Бѣлинскаго, но въ полной силѣ—съ шестидесятыхъ годовъ, такъ называемые «толстые журналы» пріобрѣли въ Россіи совсѣмъ особое значеніе, неизвѣстное на Западѣ.

Когда въ ноябрѣ 1861 г. цензоръ Никитенко писалъ доносъ на *Современникъ* и *Русское Слово*, онъ вполнѣ правильно указывалъ, что эти журналы «пріобрѣли особый вѣсъ и значеніе между юношами въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ, въ старшихъ классахъ гимназій и даже въ военныхъ корпусахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, писалъ онъ, что настоящее молодое поколѣніе большей частью воспитывается на идеяхъ *Колокола, Современника* и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ *Русскаго Слова*. Вотъ въ чемъ дѣло! Толстые журналы до послѣдняго времени были нашей высшей школой, куда принимались лица обоего пола безъ различія вѣроисповѣданія, національности и возраста и съ образовательнымъ цензомъ, равнымъ приблизительно V—VI классамъ гимназіи. И, въ сущности говоря, это была единственная школа въ Россіи, имѣвшая воспитательное и образовательное вліяніе на своихъ питомцевъ.

За границей воспитываетъ семья, во многихъ случаяхъ не утратившая еще своего крѣпкаго быта и частью здоровыхъ традицій, церковь, продолжающая еще формировать сильные отряды католической молодежи, наконецъ школа. У насъ все это въ развалѣ. Семья у насъ въ большинствѣ случаевъ гнилая, и талантливый честный юноша почти всегда начинаетъ свою жизнь съ борьбы противъ семьи. Церковь не оказываетъ воспитательнаго вліянія ни на народъ, ни на молодежь и держится только

лицейской силой, внѣшнимъ принужденіемъ и запретомъ свободной пропаганды. Школа, отъ высшей до низшей, пропитана безжизненнымъ бюрократизмомъ и, давая «права», составляетъ для учащагося тяжелую «обязанность», которую надо отбыть, но къ которой онъ не чувствуетъ ни любви, ни уваженія. И наша молодежь давно бы превратилась въ культурныхъ дикарей, если бы ея не спасала наша «журналистика». Это—особая журналистика съ ея особой наукой, публицистикой, критикой, беллетристикой. Это былъ живой родникъ, питавшій всѣхъ жаждущихъ. Сюда чистая сердцемъ молодежь приносила свой большой запасъ любви, уваженія, послушанія. Преподаваемымъ здѣсь наукамъ она внимала съ трепетомъ благоговѣнія, не упуская ни одного слова; проповѣди здѣшнихъ первосвященниковъ принимались за слово истины. И слово здѣсь не расходилось съ дѣломъ. Наука, преподававшаяся въ нигилистическихъ, народническихъ, якобинскихъ, марксистскихъ журналахъ, воплощалась въ общественное дѣло.

Правительство употребляло всѣ усилія, чтобы закрыть эти «самочинныя» школы, но усилія эти ничего не могли подѣлать съ жаждой настоящей жизни, пробивавшейся наружу. Понятно, что вліяніе такой своеобразной школы не лишено было крупныхъ недостатковъ. Прежде всего, оно рѣзко выдѣляло въ особую немногочисленную когорту наиболѣе яркую и талантливую молодежь, дѣлая ее чуждой массѣ какъ грамотнаго, такъ и неграмотнаго народа, т.-е. ненаціональной и въ конечномъ счетѣ безсильной. Понятно, что наша своеобразная общественная школа не дала Россіи и сотой доли того, что Германіи, Франціи, Англіи дали разумная школа, прочная семья и свободная общественная жизнь. Но безъ этой нашей русской вольной школы, безъ своеобразныхъ русскихъ толстыхъ журналовъ наша жизнь была бы еще бѣднѣе, несноснѣе и отвратительнѣе...

Съ 60-хъ годовъ въ нашей культурной жизни рѣзко выступаетъ указанное раздвоеніе. Въ университетахъ читаютъ лекціи, но это «наша университетская наука», казенная, жрецы которой не знаютъ истины или скрываютъ ее... И въ противовѣсъ этой наукѣ выдвигается своя, особая. Рядомъ съ романами и разсказами И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ѳ. М. Достоевскаго, печатающимися въ такихъ глубоко-антипатичныхъ для молодежи журналахъ для взрослыхъ, какъ *Вѣстникъ Европы* или *Русскій Вѣстникъ,* своя особая «художественная» литература Чернышевскаго («Что дѣлать?»), Шеллера-Михайлова, Бажина, Гирса, Каронина, Омулевскаго и многихъ другихъ, имена которыхъ теперь не всякій историкъ литературы знаетъ, но которые когда-то заставляли такъ сильно биться сердца юношей и дѣвицъ, читавшихъ *Русское Слово*, *Современникъ*, *Отеч. Записки*, *Дѣло*, *Слово*, *Устои* и т. д.

Существовало двѣ литературы, двѣ журналистики. Были, правда, попытки перебросить между ними мостъ. Такой попыткой являлся, напр.,

Современникъ въ концѣ 50-хъ годовъ и особенно *Отечественныя Записки* въ 70 и 80-хъ, но характерно, что когда въ разгаръ боевого періода начала 80-хъ годовъ *Отечественныя Записки* стали занимать болѣе реалистическую позицію, «молодые» отъ нихъ захотѣли отдѣлиться. Поднятъ былъ «бунтъ» противъ «генераловъ». Отъ *Отечественныхъ Записокъ* отдѣлились сецессіонеры. Но наше правительство скоро все привело въ порядокъ и, уничтоживъ «молодыхъ», закрыло и *Отечественныя Записки.*

Нѣсколько лѣтъ русская молодежь оставалась безъ школы. Возникшій въ 1885 г. *Сѣверный Вѣстникъ* никакъ не могъ овладѣть положеніемъ и попасть въ точку, а, перейдя въ руки А. Л. Волынскаго, захирѣлъ и зачахъ. Разбитыя остатки *Отечественныхъ Записокъ* послѣ долгихъ скитаній укрѣпились, наконецъ, въ погибавшемъ въ рукахъ Л. Е. Оболенскаго *Русскомъ Богатствѣ*, томъ самомъ журналѣ, куда удалились въ 1880 г. сецессіонисты изъ *Отеч. Зап.*, крайніе изъ крайнихъ во главѣ съ... Л. А. Тихоміровымъ, черезъ семь лѣтъ очутившимся въ *Москов. Вѣдомостяхъ*. Но время народничества, видимо, прошло. *Русское Богатство* и въ особенности статьи Н. К. Михайловскаго читались усердно, но такого вліянія, какимъ пользовались старые «толстые журналы», *Русское Богатство* не пріобрѣло. Школой для молодежи оно не стало, такъ какъ не давало отвѣтовъ на основные запросы. Имъ были недовольны съ двухъ сторонъ: и молодежь, нащупывавшая дорогу къ марксизму, и старики, оставшіеся вѣрными народнической догмѣ. Послѣдніе (В. В., Кривенко и др.) выдѣлились и основали *Новое Слово*, которому суждено было скоро попасть во «вражескія» руки и блестяще возстановить традиціи стараго толстаго журнала. Молодежь опять пріобрѣла свою высшую школу, только курсъ наукъ въ ней измѣнился: учили марксизму. На смѣну скоро закрытому *Новому Слову* пришла *Жизнь*. Эти два журнала имѣли огромное вліяніе на нашу молодежь, подобнаго которому никогда не имѣлъ ни одинъ университетъ. Имъ не дали долго существовать: въ апогеѣ своего вліянія они были закрыты. На нѣсколько времени молодежь опять осталась безъ школы. Но теперь она жила такою интенсивной духовной жизнью, что долго подобное состояніе не могло продолжаться. Сложилась комбинація, которая, какъ яркій общепонятный символъ, рисуетъ смыслъ русскихъ толстыхъ журналовъ. Начальство тогда было строгое и получить разрѣшеніе на изданіе новаго журнала было дѣломъ почти безнадежнымъ. Разрѣшеніе дано было только на изданіе *Начала*, да и то потому, что во главѣ журнала былъ полицейскій провокаторъ. Не разрѣшая новыхъ толстыхъ журналовъ, начальство, однако, было снисходительнѣе къ пед гогическимъ журналамъ и къ журналамъ для юношества, для самообраз ванія. И вотъ «журналъ для юношества» *Міръ Божій* (впослѣдствіи *С временный Міръ*) и журналъ педагогическій *Образованіе* постепенно пр вратились въ «толстые журналы». Конечно, они оба приняли маркси скую окраску. Опять у молодежи появилась своя высшая школа, кото функціонировала вплоть до революціи...

Какъ бы ни относиться къ качествамъ того «искусства» и той «науки», которыя преподавались на страницахъ этихъ журналовъ, какъ бы ни смотрѣть на развивавшіяся тамъ идеи, одного нельзя не признать: духомъ высокаго идеализма вѣяло оттуда. Эти журналы, дѣйствительно, воспитывали. Они подымали душу молодежи высоко надъ землей и нерѣдко на всю жизнь наполняли ее запасомъ нравственнаго благородства, общественнаго героизма, душевной чистоты. Если они вели юношу къ страданіямъ, то они же давали ему силы мужественно перенести эти страданія, закалиться въ нихъ. Это были святыя книги, рождавшія въ юныхъ душахъ святыя мысли и чувства, укрѣплявшія героическія стремленія, даже тогда, когда онѣ яко бы отрицали героизмъ личностей, превознося энергію массъ...

И вдругъ съ каѳедры одного изъ такихъ «толстыхъ журналовъ» заговорилъ «Санинъ». Тамъ, гдѣ Рахметовъ Чернышевскаго спалъ на гвоздяхъ, готовясь пожертвовать своей жизнью за человѣчество, гдѣ благородный Свѣтловъ Омулевскаго, точно рыцарь изъ сказки, разрушалъ ковы злыхъ людей, боролся самъ, звалъ всѣхъ на борьбу и всюду сѣялъ вокругъ себя сѣмена счастья и радости,—тамъ вдругъ появился потертый господинъ съ гнусненькой улыбкой, вся душа котораго заполнена похотливыми ощущеніями и мыслями. Подъ видомъ героя, спасающаго человѣчество, выступилъ господинъ, насилующій женщинъ, которыя отъ его любви бросаются въ воду... Только человѣкъ, лично воспитавшійся на нашихъ толстыхъ журналахъ, имъ обязанный своими лучшими моментами, благородными порывами, подымающими душу и дающими иллюзію полноты существованія, можетъ понять, что̀ произошло въ душѣ русскаго интеллигента при видѣ такой «эволюціи» толстыхъ журналовъ. На мѣстѣ святѣ мерзость запустѣнія. Въ храмѣ—лошадиный постой. Вмѣсто героевъ—арцыбашевскіе «жеребцы» и «кобылы». Въ двѣнадцатомъ году не надо было быть вовсе вѣрующимъ человѣкомъ, чтобы возмутиться кощунствомъ французовъ: достаточно было вѣрить въ молодости и сохранить въ душѣ воспоминаніе о былой вѣрѣ.

Дальше—хуже. Половая зараза съ чрезвычайной быстротой охватывала всѣ части тѣла, и скоро стало казаться, что въ высшей публицистической школѣ молодежи всѣ науки и всѣ запросы духа упразднены, а преподаются и слушаются со вниманіемъ только «вопросы пола». Тутъ-то и пошла современная беллетристика. «Писатели» задавали и разрѣшали глубокіе вопросы: а что будетъ, если женщина покажется мужчинѣ безъ одежды? а какъ бравый мужчина беретъ женщину въ поѣздѣ? какъ гимназистъ—гим-н[illegible]зистку послѣ причастія, какъ племянникъ насилуетъ тетку? Словомъ, с[illegible]ный «Санинъ» былъ разложенъ на составныя части и каждая подвергл[illegible]сь внимательному анализу.

Интеллигентъ сначала былъ ошарашенъ, но вскорѣ опомнился и за-в[illegible]ичалъ: порнографія! Этимъ задумали воспользоваться казенные охрани-т[illegible]и, которымъ показалось, что если революціонныя выступленія удалось

потопить въ грязи убійствъ, грабежей и другихъ злодѣяній, то нельзя ли попытаться скомпрометировать революціонную мысль въ грязи процессовъ о порнографіи. Заработала ст. 1001, примѣнявшаяся сплошь и рядомъ къ такимъ произведеніямъ, въ которыхъ юридическаго состава преступленія не было.

Представимъ себѣ, что съ трибуны французской академіи вдругъ раздалась бы рѣчь на парижскомъ арго. Говорить на арго парижскихъ мошенниковъ юридически не есть преступленіе, но говорить на арго во французской академіи болѣе чѣмъ преступленіе. Какой-нибудь Аскархановъ выпускаетъ изданія, по своей порнографичности въ сотни разъ превосходящія шедевры современной беллетристики,—но на нихъ интеллигенція не обращаетъ никакого вниманія. Но когда «товаръ» появился въ ея школѣ, въ ея храмѣ, она закричала отъ боли, запротестовала... Казенное гоненіе сыграло и тутъ, какъ въ другихъ случаяхъ, только отрицательную роль. Запрещеніе арцыбашевскаго «Санина» только закрыло уста критикѣ и придало этому роману ореолъ, котораго онъ раньше не имѣлъ. Можно было думать, что правительство стремится придать извѣстный блескъ ст. 1001 и при ея помощи сократить число преступленій по ст. 129 и инымъ. Къ счастью, это не удалось. Литературные торгаши съ такой ревностью накинулись на пикантные сюжеты, что ст. 1001 стала символомъ не «протеста», а нравственной распущенности, литературнаго разврата и гешефтмахерства. Заболѣвшіе ею стыдятся ея, какъ дурной болѣзни.

Но что будетъ дальше? Въ этомъ и лежитъ центръ тяжести всего вопроса о «порнографіи». Натискъ, и не безуспѣшный, безыдейныхъ литературныхъ торгашей, насаждающихъ «порнографію», на «толстые журналы» стараго типа свидѣтельствуетъ о кризисѣ, переживаемомъ этой высшей русской школой. Кризисъ этотъ или временный, скоропреходящій, и тогда молодежь избавится отъ болѣзни и ея «университетъ» снова сдѣлается школой полноты «знанія» и благородства чувствъ, или же этотъ кризисъ приведетъ къ смерти. Быть можетъ, онъ означаетъ, что лучшая молодежь въ своемъ отъединеніи отъ остальной націи, не отъ ея «интересовъ», но отъ ея чувствъ, мыслей и вѣрованій, исчерпала себя всю до дна, что у нея въ душѣ не осталось ничего, кромѣ «проблемъ пола», кромѣ оголеннаго полового инстинкта. Если справедливо послѣднее, на серьезной, взрослой части образованнаго общества съ правящими классами во главѣ лежитъ задача найти средства для сближенія молодежи со всѣмъ народомъ, для использованія ея душевнаго благородства и силъ въ общенаціональныхъ интересахъ. Если бы наша революція повела къ такому результату, если бы образовалось національное сознаніе, она сдѣлала бы великое, огромное дѣло, которымъ искупила бы всѣ свои политическія ошибки и неудачи.

Если же этого не произойдетъ, намъ предстоитъ пережить эпоху ужасающаго духовнаго анархизма, не знающаго никакихъ сдержекъ, никакихъ сверхъ-индивидуальныхъ цѣлей. Образуется ли въ результатѣ этого анархическаго штурма опять какое-нибудь новое вѣроученіе для молодежи, которая снова уйдетъ ото всего народа на Авентинскую гору и тамъ создастъ для себя свои школы, храмы, свою науку, свое искусство, или же господство анархическаго духа ничего, кромѣ хаоса, не дастъ—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ народу, какъ цѣлому, государству, какъ народной организаціи, будетъ нанесенъ страшный ударъ.

А. С. Изгоевъ.

Иностранная политика.

Въ серединѣ прошлаго мѣсяца по Европѣ, какъ глубокій вздохъ облегченія, пронеслось: миръ! Впечатлѣніе, произведенное страсбургской рѣчью императора Вильгельма, показало, прежде всего, какъ всеобщи и сильны были опасенія за ближайшее будущее Европы. Для всѣхъ, кто не хочетъ закрывать глаза на происходящее, было ясно, что давно уже не скоплялось надъ европейскими народами болѣе мрачной тучи.

Къ сожалѣнію, теперь, когда первый моментъ облегченія прошелъ и наступила возможность трезвой оцѣнки положенія, нельзя, по нашему мнѣнію, найти достаточно данныхъ для такого оптимистическаго прогноза. Болѣе, чѣмъ когда-либо, Европа похожа на рядъ враждебныхъ вооруженныхъ лагерей; засѣдающая въ Берлинѣ конференція мира походитъ на тѣ международныя конференціи, которыя такъ часто ознаменовывали начало войнъ, и гдѣ въ варьируемомъ на всѣ лады словѣ «миръ» звучалъ грохотъ выѣзжающихъ на позиціи батарей и бряцаніе оружія.

Общая картина европейской политики за послѣдній мѣсяцъ представляла съ внѣшней стороны безпрерывный рядъ свиданій монарховъ, премьеровъ, министровъ и дипломатовъ. Чѣмъ-то лихорадочнымъ вѣяло отъ короткихъ и, по мѣрѣ возможности, безличныхъ офиціозныхъ телеграммъ, сообщавшихъ каждый день, что въ томъ или другомъ пунктѣ Европы два или три лица, держащихъ въ своихъ рукахъ ближайшія судьбы тѣхъ или иныхъ народовъ, имѣли «продолжительную бесѣду и пришли къ полному соглашенію по всѣмъ обсуждавшимся вопросамъ».

Мы возобновимъ въ памяти читателей ходъ этихъ дипломатическихъ разъѣздовъ за минувшій августъ.

Послѣ свиданія съ императоромъ Вильгельмомъ въ Кронбергѣ и Францемъ-Іосифомъ въ Ишлѣ, король Эдуардъ ѣдетъ въ Маріенбадъ, гдѣ п[...] ходитъ курсъ. Съ этого момента та группа минеральныхъ источниковъ, [...] которую входитъ Маріенбадъ, пріобрѣтаетъ, повидимому, особенную [...]лебную силу для многихъ премьеровъ и дипломатовъ.

Въ Маріенбадъ пріѣзжаетъ сэръ Гардингъ, имѣвшій передъ тѣмъ [...]

Ишлѣ продолжительную бесѣду съ барономъ Эренталемъ, результатомъ которой явилась, повидимому, австрійская нота 8 августа, содержащая въ себѣ отвѣтъ на нашу ноту 24 іюля о македонскихъ дѣлахъ и возстанавливающая для Россіи, Англіи и Франціи возможность солидарныхъ дѣйствій съ Австро-Венгріей въ дѣлахъ Ближняго Востока.

10 августа нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ пріѣзжаетъ въ Маріенбадъ, совѣщается съ Эдуардомъ VII и уѣзжаетъ въ Карлсбадъ, гдѣ уже лѣчится къ этому времени Клемансо.

11 августа въ Карлсбадѣ продолжительное совѣщаніе между Извольскимъ и Клемансо.

На слѣдующій день туда же пріѣзжаютъ французскій посолъ въ Вѣнѣ Кроазье и румынскій министръ-президентъ Стурдза.

Снова идутъ совѣщанія.

Черезъ четыре дня въ Карлсбадъ пріѣзжаетъ изъ Лондона нашъ посолъ графъ Бенкендорфъ. Стурдза уѣзжаетъ въ Берлинъ. Клемансо и Извольскій ѣдутъ къ Эдуарду въ Маріенбадъ и имѣютъ съ нимъ «короткую бесѣду».

Это—серія маріенбадско-карлсбадскихъ совѣщаній.

Параллельно имъ членъ англійскаго министерства Ллойдъ-Джорджъ совершаетъ поѣздку въ Германію съ цѣлью «изучить постановку страхованія рабочихъ», Титтони видится въ Берхтесгаденѣ съ статсъ-секретаремъ фонъ-Шеномъ, подготовляется свиданіе итальянскаго министра съ представителемъ другой участницы тройственнаго союза, барономъ Эренталемъ, которое и состоялось 22 августа.

Офиціально о всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ извѣстно главнымъ образомъ, что разговаривавшіе всегда приходили «къ полному соглашенію по всѣмъ обсуждавшимся вопросамъ». Сопоставляя успокоительный тонъ, почти ничего, кромѣ этого тона, не дававшихъ офиціальныхъ сообщеній съ страсбургской рѣчью императора Вильгельма, можно было бы, дѣйствительно, облегченно вздохнуть, рѣшивъ, что дипломатіи удалось смягчить рѣзко противорѣчивые взгляды, обойти острые углы, выяснить ко всеобщему удовольствію пункты разногласій и т. д., и т. д. Всему этому было бы очень пріятно вѣрить, если бы дѣйствительность не противорѣчила офиціальному успокоительному тону и хорошимъ словамъ.

2 августа, т.-е. задолго еще до мирной манифестаціи германскаго императора, органъ французской республиканской буржуазіи, умѣренный и всегда взвѣшивающій свои слова *Temps* отвѣтилъ на рядъ полемическихъ выпадовъ со стороны «весьма освѣдомленной» *Norddeutsche Zeitung* замѣчательной статьей, въ которой «дѣйствительность» проглянула самымъ реальнымъ и неудобозабываемымъ образомъ.

Полемика между французской и германской газетами началась уже съ ревельскаго свиданія. Темой ея служилъ пресловутый вопросъ объ агрессивномъ характерѣ системы соглашеній, созданной англійскимъ королемъ.

«Вокругъ Германіи»? «Противъ Германіи»? Мы въ свое время подробно останавливались на этомъ вопросѣ, такъ обострившимъ политическое положеніе въ Европѣ. Въ упомянутой статьѣ *Temps*, бывшій уже съ начала іюня открытымъ сторонникомъ превращенія entente cordiale въ настоящій союзъ, прямо ставитъ вопросъ объ англо-французской военной конвенціи. Замѣтимъ, что наши союзныя отношенія съ Франціей и послѣднія соглашенія съ Англіей предопредѣляютъ роль и мѣсто Россіи при этой возможности, если это до сихъ поръ остается возможностью, а не стало фактомъ...

«Итакъ,—говоритъ газета, — предположимъ, что военная конвенція между Франціей и Англіей подписана. Слѣдуетъ ли изъ этого, что война неизбѣжна, неминуема? Слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ косвенный вызовъ? Отвѣчая отрицательно на эти вопросы, *Temps* дѣлаетъ поразительно вѣрную оцѣнку положенія, которая сводитъ, однако, къ минимуму оптимистическія надежды.

«Въ англо-французскомъ военномъ соглашеніи Германія не должна видѣть угрозы для своей независимости.

«Тройственный союзъ ничего не потеряетъ въ своемъ престижѣ и даже въ своемъ могуществѣ рядомъ съ тройственнымъ соглашеніемъ.

«*Смыслъ и значеніе тройственнаго соглашенія—обезпеченіе мира въ Европѣ не на основѣ силы одной державы, а на основаніи желанія всѣхъ европейскихъ народовъ*».

Таковы тезисы заключенія французской газеты. По нашему мнѣнію, таково и наиболѣе вѣрное опредѣленіе современной политической коньюнктуры. Борьба съ обѣихъ сторонъ ведется во имя мира. Это несомнѣнно. Даже храбраго и неустрашимаго «германца, который дерется лучше всего тогда, когда на него нападаютъ со всѣхъ сторонъ», нельзя заподозрѣть въ дѣйствительномъ желаніи проявить свои военныя доблести въ настоящее время, когда это стоитъ такъ дорого во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Вильгельмъ былъ вполнѣ искрененъ въ Страсбургѣ, но онъ былъ искрененъ и на бортѣ парохода «Oceana» въ гамбургскомъ портѣ и въ деберицкомъ лагерѣ. Суть дѣла въ томъ, что между страсбургской и гамбургской рѣчами императора нѣтъ никакого противорѣчія. Да, императоръ горячо желаетъ мира. Но какого? Именно того мира, который еще недавно былъ такъ прочно обезпеченъ милитаристической гегемоніей Германіи, мира, «основаннаго на силѣ одного». Бронированный прусскій кулакъ, съ желѣзной силой сжимающій трепетную масличную вѣтвь—наиболѣе подходящая эмблема для этой характерно-реакціонной концепціи, ясной и несложной, несмотря на туманный нал[illegible]тъ мечтаній о «Соединенныхъ Штатахъ Европы подъ предсѣдательствомъ г[illegible]рманскаго императора». Это—романтизмъ, отъ котораго былъ свободе[illegible]ъ, можетъ быть, только Бисмаркъ. Но онъ не мѣшаетъ ничему. Суть про[illegible]а: единое стадо щелкающихъ другъ на друга зубами народовъ, пасомое [illegible]и-

нымъ съ головы до ногъ вооруженнымъ пастыремъ. Это, конечно, миръ. Полный, обезпеченный миръ. Не то: quos ego!

Такой по существу монархической концепціи европейскаго мира противопоставлена глубоко демократическая идея мира, основаннаго на общемъ желаніи всѣхъ европейскихъ народовъ. Мы не хотимъ утверждать, что такая идеологія была сознательно вложена Эдуардомъ VII въ свою политику. Этого мы не знаемъ. Но что въ исторической перспективѣ отличіе идейнаго содержанія его политики отъ германской именно таково,—это представляется намъ несомнѣннымъ. Путь, которымъ пришелъ «величайшій дипломатъ нашего времени» къ сознанію своевременности и необходимости такихъ глубокихъ перемѣнъ въ политическомъ положеніи Европы, вполнѣ объяснимъ съ этой точки зрѣнія. Цѣлью начатой борьбы было несомнѣнно желаніе облегчить бремя милитаризма. А такъ какъ главнѣйшей, и теоретической, и фактической, защитницей милитаризма является Германія, то борьба—незамѣтно, можетъ быть, для самихъ ея участниковъ—переходитъ уже на другую плоскость, встрѣчаясь съ тѣмъ принципомъ, который обусловливаетъ непримиримо милитаристическую позицію пруссифицированной, если можно такъ выразиться, Германіи. Изъ массы внѣшнихъ фактовъ, временныхъ напряженій и ослабленій борьбы, затемняющихъ для наблюдателя основной смыслъ событій, выдѣляется теперь ихъ внутренняя сторона, ихъ идеологія, демократическая и прогрессивная съ одной стороны и монархическая и реакціонная—съ другой.

Съ этой точки зрѣнія многое изъ дѣйствій и настроеній борющихся на исторической аренѣ силъ пріобрѣтаетъ особо симптоматическое значеніе. Съ самаго начала не возникало сомнѣній, что причиной вмѣшательства Англіи въ континентальную политику не было желаніе установить свою гегемонію вмѣсто германской. Англія выступила противъ гегемоніи въ Европѣ вообще, слѣдовательно, *противъ* германскаго политическаго міровоззрѣнія. Въ результатѣ этого выступленія явилось противоположеніе тройственнаго соглашенія тройственному союзу.

Тройственный союзъ основанъ на первенствѣ Германіи; она главенствуетъ въ союзѣ, она его центръ, она направляетъ его политику. Ея могущественная поддержка всегда компенсировалась служеніемъ ея видамъ, ея цѣлямъ, слѣдовательно, потерей извѣстной доли самостоятельности въ внѣшней политикѣ.

Созданное Англіей тройственное соглашеніе—союзъ равныхъ; ни Англія, ни Россія, ни Франція не пріобрѣтаютъ исключительнаго положенія ни въ соглашеніи, ни внѣ его. Политика всѣхъ трехъ державъ измѣняется соглашеніемъ именно въ тѣхъ частяхъ и постольку, гдѣ и поскольку она была въ противорѣчіи съ общими всѣмъ тремъ миролюбивыми стремленіями и, притомъ, измѣняется съ полнымъ признаніемъ равнаго для всѣхъ трехъ сторонъ права на самостоятельность въ предѣлахъ этого принципа.

По нашему убѣжденію, именно тройственное соглашеніе можно назвать

оборонительной системой охраны мира, система же тройственнаго союза можетъ быть характеризована, какъ наступательная, а не наоборотъ. Коротко говоря, тройственное соглашеніе сознательно внесло въ политику не новый уже, но послѣдовательно не примѣнявшійся принципъ, который мы попытаемся формулировать такъ: *«тамъ, гдѣ интересы двухъ или болѣе европейскихъ державъ сталкиваются, должна быть признана во имя желаемаго всѣми ими мира совмѣстимость этихъ интересовъ и найдена почва для ихъ полюбовнаго разграниченія»*. Въ эту формулу укладывается все фактическое содержаніе тройственнаго соглашенія, исторія котораго выразилась именно въ постепенномъ полюбовномъ разграниченіи и совмѣщеніи интересовъ договорившихся сторонъ тамъ, гдѣ они сталкивались, и въ стремленіи провести тотъ же принципъ и дальше.

Такое соглашеніе, не подавляя политической самодѣятельности сторонъ, ставитъ ей условными предѣлами только интересы другихъ и вліяетъ на нее именно какъ реально выраженный принципъ охраны общаго мира.

Можно ли примирить съ этой системой, стремящейся къ *равновѣсію интересовъ, слѣдовательно, правъ*, существовавшую доселѣ систему милитаристической гегемоніи или, въ лучшемъ случаѣ, *равновѣсія силъ?* Отвѣтъ ясенъ. *Temps* безусловно правъ, что ни престижъ, ни могущество тройственнаго союза не пострадаютъ отъ существованія тройственнаго соглашенія, что интересы мира безусловно выиграютъ, если миръ будетъ основанъ «не на силѣ одного», а «на желаніи всѣхъ», но необходимой предпосылкой такой перестройки должно явиться добровольное или принужденное отреченіе Германіи отъ своей политической идеи, отъ своего современнаго политическаго облика.

Въ этомъ весь трагизмъ положенія.

Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ становится все яснѣе, что гордіевъ узелъ европейской политики—не во временныхъ затрудненіяхъ, не въ мароккскомъ, не въ македонскомъ и т. п. вопросахъ. Милитаризмъ—вотъ истинный, ежедневно всплывающій «проклятый вопросъ». И въ конечномъ итогѣ станетъ яснымъ, что основная линія политики европейскихъ державъ опредѣляется ужъ съ добрый десятокъ лѣтъ тѣмъ или инымъ ихъ отношеніемъ къ этому вопросу.

Нечего вспоминать исторію почина первой и второй гаагскихъ конференцій и всѣхъ иныхъ менѣе извѣстныхъ пасифистскихъ попытокъ, чтобы считать доказаннымъ, что всѣ желанія европейскихъ народовъ въ этомъ направленіи до сихъ поръ разбивались объ упорное противодѣйствіе Берлина. Тѣ круги, которые правятъ объединенной Германіей, не хотятъ прекращенія или сокращенія вооруженій, потому что основой руководимой ими германской политики является именно милитаризмъ, именно вооруженный миръ, именно военная гегемонія. Равновѣсіе, поддерживаемое германской политикой,—равновѣсіе ужаса. Вѣчный кошмаръ, опредѣляющій политику государствъ, не безличенъ; онъ имѣетъ лицо и даже мундиръ. У того

призрака на головѣ остроконечная каска, на немъ прусскій мундиръ и онъ открыто хвастается своимъ родствомъ съ «бичемъ Божіимъ», съ Аттилой, или, по новѣйшей прусской транскрипціи, Этцелемъ.

Повторяемъ, согласиться съ тѣми основами международной политики, которыя выдвинуты противъ милитаризма, современная Германія не можетъ, не обновивъ всего своего политическаго облика. А мы знаемъ, что такое обновленіе приходитъ или снизу или извнѣ. Будемъ надѣяться, что оно придетъ снизу.

Вотъ почему мы такъ долго останавливались на оцѣнкѣ общаго положенія. По нашему мнѣнію, оптимистическое настроеніе, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Данныя для оптимистическихъ выводовъ можетъ дать только общественное движеніе въ самой Германіи; такіе же факты, какъ страсбургская рѣчь Вильгельма II, производятъ, въ концѣ-концовъ, тревожное впечатлѣніе. Пора сознать, что дѣло идетъ не о томъ, будетъ ли сохраненъ въ Европѣ миръ вообще, а сохранится ли «германскій», вооруженный миръ, который à la longue ужаснѣе десятка войнъ, или водворится дѣйствительный миръ, такой, какого желаютъ народы.

Невольно напрашивается выводъ о возможности войны за прогрессъ, войны во имя общаго мира. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы мы допускали возможность чего-нибудь вродѣ крестоваго похода противъ Германіи во имя пасифистской идеи. Конечно, въ чистомъ видѣ этого быть не можетъ. Но пасифизмъ есть только отвлеченное выраженіе весьма реальныхъ и, что важнѣе всего, повседневныхъ и будничныхъ интересовъ, нарушеніе которыхъ чувствуется сильнѣе всего и болѣе всего способно создавать объединеніе. Припомнимъ выводъ Бліоха, что первой начнетъ европейскую войну та держава, которой ея финансовое положеніе не дастъ возможности продолжать далѣе вооружаться, т.-е. которая первой будетъ окончательно истощена милитаризмомъ. Мы полагаемъ, что опасность европейской войны не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока идея разоруженія не будетъ принята Германіей; и чѣмъ сознательнѣе будутъ ощущать народы тяжесть милитаризма, чѣмъ грознѣе будетъ эта опасность. До той поры будетъ всегда достаточно поводовъ считать непрочными всѣ тѣ культурныя и экономическія пріобрѣтенія, существованіе и прогрессъ которыхъ неразрывно связаны съ миромъ. При настоящемъ положеніи вещей всегда можно ждать, что губительный смерчъ европейской войны смететъ матеріальныя, а, можетъ быть, въ значительной части и культурныя сбереженія народовъ Европы.

Въ рѣшительной постановкѣ этой проблемы заключается смыслъ текущаго момента, и перипетіями завязавшейся вокругъ нея борьбы объясняется небывалая лихорадочность европейской политической жизни.

Послѣ мимолетнаго подъема оптимизма, вызваннаго страсбургской рѣчью, появилось снова обостреніе тревожныхъ симптомовъ. На сценѣ опять по-

явился марокккскій вопросъ, уже чуть не вызвавшій въ свое время крупнѣйшаго международнаго столкновенія.

Послѣ алжезирасской конференціи, явившейся первымъ дипломатическимъ пораженіемъ Германіи, Франція и Испанія получили, какъ извѣстно, порученіе водворить спокойствіе въ прибрежной части Марокко. Извѣстно также, какъ далеко завела Францію эта колоніальная экспедиція и какъ ревниво относилась Германія ко всѣмъ тѣмъ инцидентамъ, которые носили на языкѣ германской прессы общее дружелюбное названіе «нарушеній алжезирасскихъ актовъ». Съ того момента, какъ запутанное положеніе дѣлъ въ Марокко осложнилось появленіемъ претендента Мулай-Гафида, Германія стала проявлять удвоенное вниманіе къ вопросу. Забыта была помпезная поѣздка Вильгельма II въ страну мавровъ, и германская печать создала фикцію о «германскомъ султанѣ», Мулай-Гафидѣ, и «французскомъ», Абдулъ-Азисѣ. Одинъ моментъ было основаніе предполагать, что эта, выгодная, прежде всего, для Германіи, фикція найдетъ достаточно сторонниковъ въ французскихъ правящихъ кругахъ, чтобы Франція открыто начала поддерживать злополучнаго любителя граммофоновъ и автомобилей, навлекла на себя объявленный Мулай-Гафидомъ газаватъ (священную войну) и создала себѣ неисчислимыя затрудненія и въ Марокко и, какъ, можетъ быть, надѣялись въ Берлинѣ, въ своихъ собственныхъ африканскихъ владѣніяхъ. Но въ истекшемъ мѣсяцѣ, ко времени битвы подъ Маррокешемъ, отдавшей все Марокко въ руки Мулай-Гафида и заставившей несчастнаго Абдулъ-Азиса бѣжать подъ защиту франко-испанскихъ властей въ Казабланку, во Франціи возобладалъ единственно разумный взглядъ на династическую распрю въ Марокко, какъ на внутреннія дѣла, по отношенію къ которымъ дѣйствуетъ обычный политическій принципъ невмѣшательства. Рѣшеніе это было принято послѣ долгой борьбы какъ въ парламентѣ, такъ и внутри министерства. Извѣстно, что въ министерствѣ дѣйствительными противниками марокккской авантюры являлись только Клемансо, Бріанъ и Вивіани. Въ палатѣ депутатовъ «еженедѣльная рѣчь Жореса по марокккскому вопросу» встрѣчала сочувствіе только въ 50 соціалистахъ и у незначительной части радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ. За возможное развитіе авантюры были почти всѣ остальные депутаты и министры; за авантюру велась съ барабаннымъ боемъ и всяческой шумихой громадная организованная кампанія, которой руководили такъ называемые «колоніалы», т.-е. всевозможные дѣльцы финансоваго и политическаго міра, фланкируемые всякаго рода реакціонерами, начиная отъ розовыхъ республиканцевъ и кончая забрызганными грязью боевого націонализма участниками всѣхъ крупныхъ политическихъ неурядицъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій.

Между тѣмъ, затянувшаяся экспедиція стоитъ Франціи уже немал[illegible]. Изъ опубликованныхъ недавно цифръ мы узнаемъ, что непосредственн[illegible] расходы на экспедицію выразились въ 22 милліонахъ франковъ, на у[illegible]леніе и вооруженіе флота, связанное съ экспедиціей, ушло 100 милліон[illegible]

франковъ и на *«расходы, вызванные дипломатическимъ столкновеніемъ съ Германіей»—223 милліона*. Особенно многозначительна послѣдняя цифра. Она яснѣе всякихъ словъ показываетъ, какими опасностями чреватъ марокскій вопросъ.

И вотъ, когда въ дипломатическихъ кругахъ стало извѣстно, что Франція рѣшила послѣ побѣды Мулай-Гафида держаться по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ Марокко строгаго нейтралитета и не выходить изъ предѣловъ дѣятельности, предназначенной ей совмѣстно съ Испаніей алжезирасскими актами, Германія неожиданно вмѣшалась въ марокскія дѣла и притомъ въ крайне вызывающей формѣ. 19 августа въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* появилось официальное сообщеніе германскаго правительства объ его точкѣ зрѣнія на марокскія дѣла. Обращаясь къ державамъ, подписавшимъ протоколы алжезирасской конференціи, Германія объясняетъ, что, по ея мнѣнію, слѣдуетъ немедленно признать Мулай-Гафида марокскимъ султаномъ. Конечно, въ Берлинѣ и до 19 августа знали, что между Франціей и Испаніей ведутся переговоры объ условіяхъ признанія Мулай-Гафида, что въ принципѣ признаніе это рѣшено, что вопросъ идетъ объ опредѣленіи гарантій соблюденія имъ алжезирасскихъ актовъ. Слѣдовательно, самая поспѣшность германскаго выступленія была обдуманнымъ шагомъ. Значеніе этой поспѣшности не трудно понять. Она была выстрѣломъ, которымъ берлинскіе дѣлатели міровой политики хотѣли убить двухъ зайцевъ: раздражить Францію, чтобы заставить ее изъ понятнаго чувства обставить признаніе Мулай-Гафида болѣе сложными условіями и создать себѣ этимъ, можетъ быть, новую борьбу въ Марокко, а съ другой стороны—показать Мулай-Гафиду, что единственные друзья его—въ Берлинѣ. Эта политика «единственной дружбы» не новость для императора Вильгельма. Въ результатѣ мерещилась новая конференція и всякія болѣе или менѣе радужныя перспективы.

Между тѣмъ, стало извѣстнымъ, что Испанія, случайно получившая благодаря алжезирасской конференціи давно уже непривычную ей роль въ крупной дипломатической коллизіи, колеблется въ виду новаго обостренія вопроса. Это произвело замѣтное впечатлѣніе въ Берлинѣ. Очень возможно, что мы въ скоромъ времени будемъ свидѣтелями внезапнаго прилива дружескихъ чувствъ къ Испаніи и ея монарху, который охватитъ экспансивныхъ вершителей германской политики. Однако, не слѣдуетъ забывать, что всего два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Испанія вошла въ сферу англо-французскаго соглашенія, и что дѣятельная дипломатія Эдуарда VII не станется въ сторонѣ, если дружелюбные взгляды Берлина обратятся за Пиренеи.

Характерному и любопытному контрасту между страсбургской рѣчью и германскимъ communiqué 19 августа суждено было иллюстрироваться курьезнымъ инцидентомъ. Объѣзжая Эльзасъ, императоръ Вильгельмъ заѣхалъ

къ французской границѣ и изъявилъ желаніе ее переѣхать. Весь политическій міръ Франціи былъ только что взволнованъ внезапнымъ вмѣшательствомъ Германіи въ марокискія дѣла. Понятно, какое впечатлѣніе произвело это возвѣщеніе о неожиданномъ визитѣ. Выходъ былъ найденъ высоко-дипломатическій. На границѣ приготовились встрѣтить императора ...полицейскій комиссаръ и восемнадцать жандармовъ. Визитъ не состоялся. «Императоръ Вильгельмъ отказался отъ визита, который онъ намъ самъ навязалъ», ядовито замѣтилъ на слѣдующее утро *Matin*. Какими неожиданными побужденіями руководился императоръ, рѣчи и телеграммы котораго такъ часто объявляются офиціозами непроизнесенными и неотправленными? Можетъ быть, князю Бюлову извѣстны люди, которые горько сожалѣютъ, что нѣтъ возможности дѣлать того же самаго и относительно нѣкоторыхъ дѣйствій.

Впрочемъ, въ «черной серіи» неудачъ, преслѣдующихъ германскую политику, начиная съ алжезирасской конференціи и кончая турецкой революціей, въ августѣ, повидимому, былъ, по не вполнѣ провѣреннымъ, впрочемъ, свѣдѣніямъ, небольшой просвѣтъ. Это результаты поѣздки императора Вильгельма въ Швецію.

По слухамъ, между Германіей и Швеціей заключена военно-морская конвенція. Слухи эти не только нуждаются въ провѣркѣ, они требуютъ ея. Россія не можетъ оставаться безучастной къ такого рода соглашеніямъ, которыя прямо направлены противъ нея, тѣмъ болѣе, что, разсуждая a priori, къ упомянутымъ слухамъ нельзя отнестись съ особымъ недовѣріемъ. Припомнимъ, какую тревогу возбудилъ въ Швеціи вопросъ объ Аландскихъ островахъ въ началѣ текущаго года.

Читатели не забыли, можетъ быть, что во время переговоровъ о международныхъ соглашеніяхъ относительно status quo на прибрежьяхъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей, была рѣчь о желаніи Россіи признать уничтоженнымъ добавленіе къ парижскому договору, которымъ нами было принято на себя обязательство не укрѣплять Аландскихъ острововъ и не пользоваться ими ни какъ стоянкой, ни какъ угольной станціей для нашего военнаго флота.

Добавленіе это было подписано Франціей и Англіей, и поэтому и вопросъ офиціально касался ихъ. Въ связи съ намѣтившейся уже въ началѣ года перегруппировкой державъ, извѣстіе это вызвало въ Швеціи взрывъ опасеній. Хотя въ дальнѣйшемъ мы рѣшительно ничѣмъ не дали возможности предполагать въ насъ агрессивные замыслы, настроеніе о въ Швеціи удержалось. Германія его, видимо, старалась использова . Стоитъ припомнить, какъ шумно и демонстративно было обставлено п- бываніе шведскаго короля въ Берлинѣ въ самые дни исторической вст- чи на ревельскомъ рейдѣ.

Итакъ, повторяемъ, намъ не слѣдуетъ забывать, что у насъ на -

верѣ Европы есть сосѣди, дорожащіе своей независимостью такъ же, какъ всякое живое государство, малое или большое. Этихъ сосѣдей должно разъ навсегда убѣдить, что съ нашей стороны имъ не грозитъ ничего. Но и этого мало. Намъ ихъ вообще не слѣдуетъ считать внѣ поля нашей политики. У насъ нѣтъ основаній не быть въ дружбѣ со Швеціей; а разъ нѣтъ основаній не быть въ дружбѣ, то, значитъ, слѣдуетъ прочно и активно дружить. Это азбука политики. Тѣмъ болѣе, что въ связи со слухами о германо-шведской военно-морской конвенціи, невольно вспоминается недавнее отрицательное отношеніе Швеціи къ предложеніямъ международной гарантіи ея вѣчнаго нейтралитета. Чѣмъ руководилась тогда Швеція, кѣмъ она инспирировалась, осталось не вполнѣ выясненнымъ.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о нашей политикѣ на скандинавскомъ полуостровѣ слишкомъ важенъ, чтобы не воспользоваться такимъ случаемъ указать на него, пренебрегая опасеніемъ, что слухи о германско-шведской конвенціи окажутся ложными.

Изъ внутреннихъ дѣлъ государствъ наибольшій интересъ продолжаютъ привлекать къ себѣ турецкія событія.

Истекшій мѣсяцъ показалъ, прежде всего, какъ неосновательны были пессимистическія предсказанія о непрочности побѣды конституціоналистовъ. Младо-турки продолжали дѣятельно работать надъ укрѣпленіемъ своихъ позицій. Министерство Кіамиль-паши, отъ имени котораго исходятъ всѣ распоряженія, является, въ дѣйствительности, исполнительнымъ органомъ комитета «Единеніе и прогрессъ» и послѣдовательно и твердо проводитъ намѣченныя младо-турками мѣропріятія. Къ числу главнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ, относятся повсемѣстно назначенные новые выборы членовъ городскихъ управленій. Эта мѣра вызвана была попыткой увольняемыхъ администраторовъ стараго режима повліять на выборы въ будущій парламентъ путемъ пополненія желательными имъ членами городскихъ управленій, въ которыхъ по закону будетъ сосредоточена вся выборная процедура. Это представляло тѣмъ бо̀льшую опасность, что и безъ того старый режимъ создалъ весьма односторонній подборъ членовъ городскихъ управленій.

Другой серьезной мѣрой министерства было циркулярное сообщеніе всѣмъ административнымъ и судебнымъ властямъ, что всѣ прежнія распоряженія и инструкціи, противныя духу законовъ, тѣмъ самымъ признаются недѣйствительными. Это распоряженіе явилось блестящимъ и простѣйшимъ выходомъ для министерства, не желающаго проводить временныхъ законовъ до созыва парламента и сталкивающагося съ законодательнымъ наслѣдіемъ и административной практикой стараго режима, стоящими часто въ коренномъ противорѣчіи не только съ конституціей, но и съ элементарными принципами права.

Дѣятельные переговоры, которые ведутся младо-турками съ представи-

телями тѣхъ народностей, которымъ предстоитъ составить вмѣстѣ съ турецкимъ населеніемъ «двадцатипятимилліонную націю оттомановъ», привели къ выработкѣ проекта измѣненія конституціи, выражающагося въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право съ пропорціональнымъ представительствомъ. Однопалатная система народнаго представительства. Парламентарное министерство. Децентрализація управленія. Автономное мѣстное самоуправленіе общинъ и округовъ. Равноправіе въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи мѣстныхъ языковъ съ общегосударственнымъ, турецкимъ. Общая воинская повинность; командный языкъ — турецкій. Обязательное всеобщее народное образованіе на государственномъ языкѣ съ преподаваніемъ въ начальной школѣ мѣстнаго языка. Переходъ къ государству султанскихъ и церковныхъ земель всѣхъ вѣроисповѣданій. Выкупъ и парцелляція крупныхъ помѣстій. Недопущеніе иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи.

Кромѣ того, вырабатывается обширная программа упорядоченія финансовъ, для осуществленія которой приглашается, по слухамъ, Рувье.

Значительную долю вниманія новому турецкому правительству приходится удѣлять на борьбу съ мятежными элементами въ Аравіи и въ Эрзерумскомъ округѣ. Кочевыя арабскія племена Іемена, всегда только номинально подчинявшіяся центральному правительству, подняли теперь возстаніе, которое, по нашему мнѣнію, ошибочно считаютъ антиконституціоннымъ. Нѣтъ надобности въ долгихъ историческихъ экскурсахъ, чтобы напомнить читателямъ, что эти племена никогда не чувствовали своей связи съ государствомъ такъ, какъ это понимается и чувствуется болѣе культурными народностями. За послѣднія десятилѣтія полудикіе кочевники Аравіи не разъ возставали и противъ правительства стараго режима. Достаточно искры, чтобы вспыхнуло вѣчно тлѣющее тамъ пламя мятежа. Бедуинскіе безпорядки слѣдуетъ поэтому считать не антиконституціонными, а антигосударственными. Такимъ положеніемъ воспользовались въ своихъ цѣляхъ сознательные реакціонеры, вродѣ мекксваго шерифа и мятежнаго вали Геджаса, но это не мѣняетъ общаго характера арабскаго возстанія. Наиболѣе дѣйствительной мѣрой противъ движеній такого рода явится децентрализованное управленіе и автономное самоуправленіе, лучшая школа государственности. Обновляющемуся государственному организму не грозитъ съ этой стороны серьезной опасности.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ курдами, такими же некультурными кочевниками, какъ и бедуины, но сильно развращенными прежнимъ режимомъ. Какъ извѣстно, Ильдизъ-Кіоскъ систематически поддерживалъ осс баго рода дружескія отношенія съ курдскими бегами и ханами. Пользуяс почти полной безнаказанностью, курдскіе аширеты (племена) были грозс всего осѣдлаго населенія Ванскаго, Эрзерумскаго и Діарбекирскаго окр говъ. Они пользовались и при деспотическомъ режимѣ всѣми свободам

резюмировавшимися для нихъ въ одной: въ свободѣ грабежа. Взамѣнъ этого отъ нихъ требовалось направлять свою хищническую дѣятельность противъ тѣхъ, кого указывали турецкія власти.

Такъ было въ кровавые годы армянской рѣзни, такъ было въ послѣдніе три года, когда турецкіе курды вторглись въ предѣлы Персіи, какъ добровольный авангардъ турецкихъ оккупаціонныхъ отрядовъ. Понятно, что государственный переворотъ не сулитъ вождямъ курдскихъ племенъ ничего, равносильнаго былому привилегированному положенію. Въ настоящее время возстаніе охватило почти всѣ курдскія становища Эрзерумскаго округа, гдѣ къ нимъ присоединилось и незначительное число войскъ во главѣ съ командующимъ генераломъ Верни-пашой. Возможно, что возстаніе разрастется.

Осложняющимъ обстоятельствомъ могутъ явиться тѣ таинственныя сношенія, которыя доконституціонное турецкое правительство завело съ курдскимъ населеніемъ Азербейджана. Извѣстно, какую роль играли весь минувшій годъ персидскіе курды въ турецко-персидской пограничной распрѣ. Если курдское возстаніе разрастется и продлится, оно можетъ найти извѣстный отзвукъ и въ персидскомъ Курдистанѣ. Но это еще гадательно, а пока оставшееся вѣрнымъ конституціонному правительству большинство турецкихъ войскъ Эрзерумскаго и Ванскаго округовъ довольно успѣшно дѣйствуетъ противъ мятежниковъ.

Не улеглись безпорядки и въ 4 армейскомъ корпусѣ, носящіе явно антиконституціонный характеръ. Но между неподчиняющимися новому режиму войсками нѣтъ достаточнаго единодушія, чтобы слѣдовало придавать этимъ волненіямъ серьезное значеніе.

Національный вопросъ, отъ способа рѣшенія котораго безусловно зависитъ будущее новой Турціи, былъ весь истекшій мѣсяцъ главнымъ пунктомъ политической работы младо-турокъ. Мы уже привели выше измѣненія конституціи, которыя имѣютъ цѣлью удовлетворить справедливыя требованія народностей и «создать націю».

Острымъ вопросомъ является школьный. Младо-турки, не скрывая своихъ объединительныхъ побужденій, безусловно настаиваютъ на преподаваніи въ государственныхъ школахъ всѣхъ предметовъ на государственномъ языкѣ. Это вызываетъ рядъ осложненій, какъ съ греческимъ патріархатомъ, такъ и съ болгарами. Греки склонны, повидимому, къ уступкамъ.

Черной точкой на политическомъ горизонтѣ продолжаютъ, къ сожалѣнію, оставаться турецко-болгарскія отношенія. Пресловутый инцидентъ съ Гешовымъ, болгарскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Константинополѣ, не получившимъ письменнаго приглашенія на парадный обѣдъ, данный министерствомъ дипломатическому корпусу, обнаружилъ возможность треній съ обѣихъ сторонъ. Младо-турки намѣрены, повидимому, держаться теоріи вассальности Болгаріи. Въ Софіи же настроены, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, скорѣе враждебно къ новому режиму, разбившему надежды на

созданіе «Великой Болгаріи». Двусмысленная политика, которую вела последніе годы Болгарія, позволяетъ думать, что берлинскіе дипломаты не останутся безучастными къ возможности замутить воду на Балканахъ. Надо, впрочемъ, надѣяться, что тройственное соглашеніе сумѣетъ обезпечить спокойствіе. Отношенія тройственнаго союза съ новой Турціей осложнились затрудненіями, возникшими въ Ново-базарскомъ санджакѣ, въ Плевле, въ районѣ совмѣстной австро-турецкой оккупаціи. Въ связи съ сильнымъ анти-австрійскимъ движеніемъ стоитъ бѣгство Солеймана-паши, командующаго тамъ турецкими войсками, большого друга австрійцевъ. Поднимается вопросъ объ очищеніи округа австрійскими войсками.

Большого вниманія заслуживаетъ и другой крупный политическій вопросъ, серьезно ставшій на очередь въ связи съ турецкими событіями. Это—египетскій вопросъ. Номинально вассальная область Турціи, Египетъ находится подъ настолько всестороннимъ и полнымъ управленіемъ англичанъ, что фактически могъ до сихъ поръ считаться англійскимъ владѣніемъ. Декоративный верховный сюзеренъ—султанъ и декоративный вассальный правитель—хедивъ, повидимому, мирились съ такимъ положеніемъ. Зачатки конституціонныхъ учрежденій, существующіе въ Египтѣ въ видѣ такъ называемыхъ законодательнаго совѣта и народной палаты, были до сихъ поръ вполнѣ безличны и также только декоративны. Лишенный законодательной иниціативы и не имѣющій иныхъ правъ, кромѣ совѣщательныхъ, совѣтъ состоитъ изъ 30 членовъ, изъ которыхъ 14 назначаются. Народная палата состоитъ изъ членовъ совѣта, министровъ и 46 депутатовъ. Функціи того и другого учрежденія строго ограничены обсужденіемъ бюджета и финансовыхъ мѣропріятій. Народная палата въ сущности обладаетъ только правомъ veto: безъ ея согласія не могутъ быть введены новые прямые налоги или увеличена земельная рента. Но, несмотря на такой характеръ государственнаго строя, политическая жизнь въ Египтѣ существуетъ. Она сосредоточивается въ дѣятельности такъ называемой національной партіи, основатель и лидеръ которой, Камиллъ-Мустафа-паша, только нѣсколько мѣсяцевъ не дожилъ до турецкаго обновленія. Партія вовсе не стремится стать органической частью Турціи; ея программа: «Египетъ для египтянъ». Послѣднія турецкія событія произвели громадное впечатлѣніе въ Египтѣ, и партія развила настолько успѣшную агитаторскую дѣятельность, что въ Лондонѣ призадумались. Лучшіе государственные умы предлагаютъ дать Египту автономное конституціонное устройство, аналогичное устройству большинства англійскихъ колоній. Если это будетъ осуществлено, египетскій вопросъ получитъ наименѣе опасное для общеевропейскихъ интересовъ разрѣшеніе. Прекращеніе англійской оккупаціи, правда, можетъ попутн‹ возбудить нѣкоторыя дипломатическія затрудненія, потому что Франція напримѣръ, пользуется до сихъ поръ компенсаціями взамѣнъ своихъ прав‹ на участіе въ оккупаціи Египта. Но тѣ отношенія, которыя существуют теперь между нею и Англіей, служатъ залогомъ, что это не вызоветъ н какихъ осложненій.

Среди согласнаго хора сочувственныхъ отзывовъ о турецкихъ событіяхъ рѣзкимъ диссонансомъ прозвучало мнѣніе итальянскаго государственнаго дѣятеля и виднаго публициста Чезаре Галли.

Престарѣлый участникъ войнъ за освобожденіе и объединеніе Италіи, сподвижникъ Гарибальди, Галли удивляется, чему тутъ радуются европейскіе народы. Лучшіе люди Европы въ теченіе вѣковъ считали безусловной необходимостью удаленіе изъ ея политическаго организма того инороднаго тѣла, которое называется Турціей. Лучшія силы ея уходили на эту борьбу. Почему? Потому что «Европа для европейцевъ». Нечего поэтому радоваться, что закрѣпощеніе европейскихъ и христіанскихъ народностей подъ магометанскимъ игомъ перемѣнило архаичную форму на новый конституціонный обликъ «націи равноправныхъ оттомановъ».

Мы останавливаемся на мнѣніи Галли, потому что оно, дѣйствительно, способно наводить на размышленія. Магометанскій міръ несомнѣнно пробуждается. Турецкія, персидскія и марокккскія событія неразрывно связаны между собою, если взглянуть на нихъ въ доступной намъ, современникамъ, исторической перспективѣ. Вопросъ въ томъ, какія отношенія возможны между европейской христіанской и возрождающейся восточной исламистской культурами, въ томъ, возможна ли «единая культура». Это сложная и малоизслѣдованная проблема, которую ходъ событій ставитъ передъ нами рѣшительно и настойчиво и на Ближнемъ, и на Дальнемъ Востокѣ. Мы не можемъ здѣсь подробно обосновать нашего взгляда на этотъ вопросъ и ограничимся указаніемъ, что именно въ виду новаго выступленія народовъ Востока на историческую арену интересы Европы будутъ, можетъ быть, болѣе обезпечены тѣмъ, что въ ея составъ войдетъ промежуточное полумагометанское, полухристіанское, полуазіатское, полуевропейское по племенному составу государство современнаго демократическаго типа.

Въ Персіи положеніе все болѣе и болѣе осложняется. Турецкія событія влили новую бодрость въ ряды сторонниковъ канунъ-эссаси (конституціи). Конституціонная пропаганда значительно усилилась, принимая все болѣе и болѣе антидинастическій характеръ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на народныя массы воззваніе наиболѣе чтимой въ Персіи религіозной корпораціи—маджарскихъ муштеидовъ. Они объявили, что, уничтожая канунъ-эссаси, шахъ совершилъ преступленіе противъ религіи, равное оскорбленію ислама.

Шахъ продолжаетъ жить въ укрѣпленномъ, какъ крѣпость, дворцѣ Багэшахъ, окруженномъ дикими полчищами кочевниковъ шахсевеновъ, бахтіаръ и др., привлеченныхъ эмиромъ Дженгомъ со всѣхъ концовъ Персіи двусмысленными обѣщаніями поживы на счетъ мирныхъ жителей. Эти защитники престола оказываются въ концѣ-концовъ опаснѣе фидаевъ. Не получая разрѣшенія жечь и грабить, они считаютъ себя обманутыми и съ ними становится все труднѣе и труднѣе справляться. Немногочисленное шахское регулярное войско, казачья бригада «диктатора» Ляхова, при-

ковано къ резиденціи необходимостью зорко слѣдить за буйными ордами «приверженцевъ династіи». Между тѣмъ, шаху болѣе, чѣмъ когда-либо, нужно войско. Непокорный Тавризъ все еще находится во власти конституціоналистовъ. Реакціонные кварталы не въ состояніи сами вести борьбу съ великолѣпно вооруженными и все болѣе и болѣе свыкающимися съ военной дисциплиной отрядами Саттаръ-хана и Бахръ-хана, главарей конституціоналистовъ. Грозное выступленіе принца Эйнудъ-доулэ пока оказалось такимъ же покушеніемъ съ негодными средствами, какъ и попытки натравить на Тавризъ макинскихъ кочевниковъ.

По сообщеніямъ изъ Персіи, тамъ все болѣе и болѣе склонны признавать, что въ Тавризѣ рѣшаются судьбы страны.

Стойкость азербейджанцевъ, превосходство ихъ силъ надъ посылаемыми па нихъ ордами, послѣдовательность ихъ конституціонныхъ требованій могутъ оказать на страну и особенно на ея повелителя болѣе серьезное вліяніе, чѣмъ дипломатическія представленія, съ которыми онъ, повидимому, не желаетъ считаться. Англо-русская нота о созывѣ въ назначенный срокъ меджилиса не встрѣтила никакого отзвука у правителей Персіи, что возбудило уже не мало толковъ и волненій.

Положеніе шаха, дѣйствительно, становится съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ. Примѣръ Тавриза вызвалъ уже возстаніе въ Ширазѣ, въ Испагани. Были уже примѣры изгнанія новыхъ правителей. Разогнанные энджумены вновь организуются.

Если Тавризъ устоитъ, шаху останется только сдаться и созвать меджилисъ.

Л. Гальберштадтъ.

Письма въ редакцію.

I.

Я приступилъ къ составленію біографіи Владиміра Сергѣевича Соловьева. Главнѣйшее затрудненіе, съ которымъ пришлось здѣсь столкнуться—это почти полное отсутствіе литературныхъ свѣдѣній о его жизни. А между тѣмъ чрезвычайно цѣнный біографическій матеріалъ разбросанъ по рукамъ его многочисленныхъ знакомыхъ.

Въ виду этого я позволяю себѣ обратиться чрезъ посредство вашего уважаемаго изданія ко всѣмъ имѣющимъ тѣ или иныя свѣдѣнія о жизни Владиміра Сергѣевича Соловьева, не опубликованныя въ печати, съ покорнѣйшей просьбой помочь моей работѣ.

Даже самыя незначительныя и случайныя свѣдѣнія будутъ приняты мною съ глубокой благодарностью. Всякаго рода письменные документы (письма, стихотворенія и проч.) по снятіи съ нихъ копіи будутъ немедленно возвращены въ цѣлости.

Первый томъ біографіи (всего предположено два тома) долженъ выйти въ свѣтъ не позже весны 1910 года (къ десятилѣтію со дня смерти); въ виду этого я убѣдительно просилъ бы откликнуться на мое обращеніе не откладывая.

Другія изданія прошу перепечатать.

(Адресъ: Москва, Остоженка, д. Бѣлова. Лично по средамъ и воскресеньямъ отъ 5—8 час. веч.)

Вал. Свенцицкій.

II.

Лиссабонскій международный постоянный комитетъ литературы, искусства и мира, выполняя задушевную миссію водворенія международнаго согласія и любви, съ истиннымъ энтузіазмомъ избралъ своимъ почетнымъ членомъ властителя современной мысли графа Льва Николаеви-

ча Толстого, и воодушевленный возвышенными чувствами общечеловѣческой солидарности, шлетъ сердечный привѣтъ мыслящей Россіи и проситъ представителей ея, безъ различія національностей: писателей, художниковъ, артистовъ, дѣятелей печати какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, прислать свои фотографіи съ собственноручными подписями и, если возможно, съ нѣсколькими строками біографическихъ свѣдѣній, для международнаго альбома, издаваемаго въ Лиссабонѣ, благоволя направлять ихъ къ уполномоченному для всей Россіи лиссабонскаго международнаго комитета литературы, искусства и мира, члену международной ассоціаціи печати Тиграну Назарьяну. Адресъ: Тифлисъ, Т. Я. Назарьяну.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Сентябрь 1908 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія.—Философія.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Народное образованіе, педагогика.
II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го августа по 1-е сентября 1908 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Корона. Альманахъ.—*Лира.* Сборникъ произведеній русской художественной лирики. Собралъ М. Л. Бинштокъ.

Корона. Альманахъ. I. Москва, 1908 г. Стр. 161. Ц. 1 р. Альманахъ „Корона" объединилъ на своихъ страницахъ писателей, обыкновенно не появляющихся вмѣстѣ и нерѣдко даже относимыхъ къ нѣсколько непріязненнымъ между собою лагерямъ. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ здѣсь Андрея Бѣлаго, Александра Блока и Б. Садовского, т.-е. обычныхъ сотрудниковъ „Вѣсовъ", рядомъ съ Н. Поярковымъ, В. Стражевымъ и Дм. Крачковскимъ, несомнѣнно принадлежащими къ болѣе поздней литературной формаціи, игнорируемой „Вѣсами". Но содержаніе альманаха тѣмъ не менѣе нельзя признать богатымъ. Стихи, какъ это обыкновенно теперь у насъ бываетъ, перевѣшиваютъ прозу и и по количеству и по качеству. Въ 8 стихотвореніяхъ Бѣлаго, составляющихъ циклъ „Усталость", много великолѣпныхъ частностей, убѣдительно красивыхъ строкъ, пышныхъ образовъ. Но все же кое-гдѣ стираютъ впечатлѣніе нѣкоторая растянутость и туманность, да какой-то архаично превыспренній языкъ. Кое-что интересное чувствуется и въ стихотворныхъ изліяніяхъ Ив. Рукавишникова, хотя почти нигдѣ нельзя открыть въ нихъ слѣдовъ какого-нибудь эстетизма, развитаго художественнаго вкуса, критической работы. Все прозаично и случайно: ни одного изысканнаго или вдохновеннаго образа, ни одного тонкаго поэтичнаго выраженія или мѣткаго мазка настоящаго художника. Но все же есть какая-то сила и самобытность въ этой риѳмованной некультурности.

Въ отдѣлѣ прозы привлекаетъ вниманіе разсказъ Н. Пояркова „Красный цвѣтокъ", хотя онъ и значительно слабѣе нѣкоторыхъ другихъ его разсказовъ, помѣщавшихся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Лучшими качествами этихъ разсказовъ была какая-то свѣжесть и непосредственность ихъ, лишенная всякой ходульности или надуманности и сопровождаемая вѣрностью тона и живостью изображенія. Кое-что изъ этихъ качествъ встрѣчается и здѣсь, но въ общемъ разсказъ безформененъ, легковѣсенъ и сбивается на фельетонъ. Лучшею прозою въ книгѣ являются все же „Смерти"—Дмитр. Крачковскаго, рисующія пять различныхъ, но одинаково трагичныхъ ухода изъ жизни. Можетъ быть,

лишь слишкомъ внѣшне, со стороны подходитъ художникъ къ своимъ драмамъ: являясь слишкомъ много наблюдателемъ, эпикомъ и живописцемъ и слишкомъ мало психологомъ, анатомомъ человѣческой души или лирикомъ...

Викторъ Гофманъ.

Лира. Сборникъ произведеній русской художественной лирики. Собралъ и составилъ М. Л. Бинштокъ. Спб., 1908 г. 209 стр. Ц. 1 р. Съ цѣлью, задачами и взглядами автора этого сборника, поскольку они выражены въ предисловіи къ нему, можно до извѣстной степени согласиться. Составитель говоритъ, что хотѣлъ собрать воедино произведенія русскихъ поэтовъ, представляющія безусловную художественную цѣнность, при чемъ подъ „художественною цѣнностью" онъ разумѣетъ „произведеніе искусства, въ которомъ форма или выраженіе совершенно неотдѣлимы отъ художественной идеи (содержанія), такъ что онѣ представляютъ какъ бы органическое цѣлое, и кажется невозможнымъ данное содержаніе выразить иначе"—пониманіе, съ которымъ можно согласиться, хотя оно выражено и не совсѣмъ удачно. Что же касается до самаго выполненія предпринятой задачи, то тутъ приходится сдѣлать нѣсколько замѣчаній и указаній.

Прежде всего не совсѣмъ понятно, почему составитель начинаетъ свою антологію только съ Пушкина. Вѣдь и до Пушкина были въ русской литературѣ поэтическія произведенія, за которыми нельзя не признать художественной цѣнности. Вѣдь до Пушкина у насъ были такіе поэты, какъ Державинъ, Рылѣевъ, Батюшковъ, Жуковскій, Вяземскій и др. Но если здѣсь можно еще подыскать какія-нибудь основанія, то уже совершенно непонятными остаются другіе пропуски въ книгѣ уже въ самой пушкинской школѣ. Какъ можно, напр., совсѣмъ вычеркнуть изъ русской поэзіи Баратынскаго, Полежаева, Огарева, Щербину, Никитина...

Не нужно думать, что указанные пропуски необходимо вызваны малыми размѣрами книги. Если бы это было такъ, то слѣдовало бы пожертвовать такими далеко не безусловными величинами, какъ М. Л. Михайловъ, представленный цѣлыми 20 *переводными* (!) стихотвореніями, П. Вейнбергъ, точно такъ же фигурирующій съ переводами изъ Гейне, Н. А. Добролюбовъ, Сафоновъ, Шестаковъ, Вольkенштейнъ и др. Неужели въ самомъ дѣлѣ Шестаковъ и Михайловъ значатъ для русской поэзіи болѣе, чѣмъ Баратынскій, Полежаевъ и Никитинъ? Кромѣ того, очень много сомнѣній возбуждаетъ и обильное помѣщеніе въ книгѣ переводныхъ вещей, каковы, напр., всѣ вещи Михайлова, Вейнберга и др. Вѣдь, прежде всего, врядъ ли можно примѣнить къ переводамъ то опредѣленіе художественной цѣнности, которое даетъ самъ составитель—нераздѣльность формы и содержанія. Стихотвореніе, отвѣчающее этому требованію, будучи переведено на другой языкъ, т.-е. принявъ новую форму, обычно не можетъ ему уже удовлетворять, ибо трудно предположить, что одно и то же содержаніе можетъ быть нераздѣльнымъ с двумя различными формами. Отсюда понятна невозможность абсолютн совершенныхъ переводовъ.

Самый выборъ стихотвореній свидѣтельствуетъ въ общемъ о нес мнѣнномъ эстетическомъ вкусѣ, хотя и здѣсь напрашиваются кой-какі быть можетъ, и нѣсколько субъективныя замѣчанія и возраженія.

Уже въ выборѣ Пушкинскихъ стиховъ, напр., не все убѣдительн Нѣтъ такихъ великолѣпныхъ вещей, какъ: „Къ морю", „Брожу ли я вдо улицъ шумныхъ", и есть безусловно менѣе значительные и случайные

рывки, вродѣ восьмистишія: „Я думалъ сердце позабыло“, „Аріонъ“. Неудаченъ выборъ изъ Тютчева: лучшихъ вещей не находишь („День и ночь“, „Фонтанъ“). Удачнѣе представленъ Лермонтовъ, но и тутъ не досчитываешься нѣсколькихъ безусловно совершенныхъ вещей, каковы: „Молитва“, „Бородино“, „Споръ“, „Русалка“, „Парусъ“. Изъ Алексѣя Толстого слѣдовало бы взять хоть одну былину или пѣсню, какъ родъ творчества для него наиболѣе характерный. Изъ лирическихъ стихотвореній отсутствуетъ чарующее: „Ты помнишь ли вечеръ—какъ море шумѣло“.

Фету отведено почетное мѣсто, но и здѣсь нельзя со всѣмъ согласиться. Нѣтъ, напр., такихъ шедевровъ, какъ: „Ласточки“, „Роза и соловей“, „Солнца лучъ между липъ былъ жгучъ и высокъ“; „Какое счастіе—и ночь и мы одни“, „На лодкѣ“, „Бабочка“, „Надъ озеромъ лебедь въ тростникъ протянулъ“, „Шопотъ, робкое дыханье“, „Среди звѣздъ“, „Музѣ“, „Теперь“, „Какъ богатъ я въ безумныхъ стихахъ“, „Alter ego“ и др.

Плохо представлены Случевскій, Апухтинъ (всего по 1 стихотв.). Жестоко поступлено съ Некрасовымъ, изъ котораго взято всего 2 незначительныхъ стихотворенія. Небезспоренъ выборъ изъ Минскаго и Мережковскаго (нѣтъ „Леды“).

Что же касается новѣйшей поэзіи, то здѣсь тѣ же упущенія. Врядъ ли наиболѣе характерны для современной русской лирики Башкинъ, Волкенштейнъ и Шестаковъ. Правда, Бальмонтъ и Брюсовъ не забыты, но изъ перваго, напр., взяты, какъ нарочно, наиболѣе ранніе и слабые стихи, не дающіе никакого представленія о настоящемъ Бальмонтѣ...

Въ общемъ, сборникъ г. Бинштока можно привѣтствовать, такъ какъ составитель его приложилъ къ поэзіи мѣрило поэзіи,—а это въ Россіи заслуга не изъ малыхъ...

Викторъ Гофманъ.

ИСТОРІЯ.

Эрнестъ Ренанъ. Исторія израильскаго народа. Переводъ подъ ред. С. М. Дубнова. Т. I. В. I.

Эрнестъ Ренанъ. Исторія израильскаго народа. Переводъ съ французскаго подъ редакціей, съ примѣчаніями и вступительной статьей С. М. Дубнова. Томъ первый. Выпускъ I (до царствованія Давида). Сбп. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. 1908 г. Стр. VIII+199. Цѣна выпуска 1 р. 50 коп. По исторіи древняго еврейства 5-томный трудъ Ренана не является послѣднимъ словомъ исторической науки. Въ западно-европейской литературѣ существуютъ труды, болѣе удовлетворяющіе научнымъ требованіямъ, чѣмъ книга Ренана (нап мѣръ, труды германской школы Вельгаузена), но тѣмъ не менѣе пер одъ книги именно Ренана можно вполнѣ объяснить и оправдать. Ред торъ русскаго перевода книги справедливо замѣчаетъ, что „къ Рен у, какъ историку евангельскаго христіанства и библейскаго іудаизма, н льзя предъявлять требованій, умѣстныхъ по отношенію къ обыкновен н у ученому“. Одушевленная вѣра въ необходимость свободы научной к тики, соединенная съ горячей религіозностью, нерѣдко лишаетъ соч енія Ренана научнаго объективизма и придаетъ имъ въ нѣкоторыхъ м тахъ характеръ скрытой или открытой пропаганды свободы научнаго и дованія и свободы вѣры; но именно этотъ субъективно-психологи-

ческій отпечатокъ, придаетъ работамъ Ренана необыкновенную привлекательность; благодаря этому субъективизму въ книгахъ Ренана отразилась его глубоко интересная личность, выстрадавшая свое религіозное міровоззрѣніе въ тяжелой борьбѣ, послѣ ряда душевныхъ переживаній, проникнутыхъ чрезвычайной силой и искренностью.

Сила Ренана заключается не въ объективно-научномъ изученіи древнихъ источниковъ, не въ филологическомъ анализѣ библейскихъ текстовъ, не въ научной критикѣ еврейской письменности, а въ той исторической интуиціи, которой онъ богато одаренъ, и которая даетъ ему возможность проникнуть въ глубину народнаго религіознаго творчества, и этимъ геніальнымъ проникновеніемъ возсоздать яркую картину жизни древнихъ евреевъ. Не даромъ самъ Ренанъ называлъ себя „провидцемъ“, для котораго „не важно знать, какъ совершались событія, а важно представить различные способы, какими они могли совершаться“ (6 стр.). Этотъ субъективный методъ историческаго изслѣдованія далъ Ренану возможность постигнуть многое такое, что̀ для другихъ изслѣдователей осталось скрытымъ (напримѣръ, патріархальный элогизмъ древнихъ евреевъ въ періодъ пастушескаго быта), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ввелъ его въ рядъ заблужденій. Источникомъ ихъ является вдохновляющая Ренана идея, заключающаяся въ томъ, что специальной миссіей еврейскаго народа онъ считаетъ созданіе міровой религіи соціальной справедливости, лишенной всякаго мѣстнаго культа, чуждой всякаго національнаго отпечатка. Свободомыслящій критикъ, историкъ-эволюціонистъ, Ренанъ все еще стоитъ на точкѣ зрѣнія провиденціализма и безсильно пытается вырваться изъ тенетъ традиціоннаго теологическаго міровоззрѣнія. Редакторъ русскаго перевода поэтому имѣлъ полное право назвать Ренана „ясновидцемъ съ повязкой на глазахъ“. Онъ судитъ всю исторію еврейскаго народа съ своей, проникнутой духомъ стариннаго провиденціализма точки зрѣнія. Отступленіе еврейскаго народа отъ его, самимъ Богомъ указанной миссіи и стремленіе его стать территоріальной и политической націей является въ глазахъ Ренана источникомъ всякихъ бѣдствій для евреевъ. Защитникъ историческаго эволюціонизма, здѣсь онъ какъ бы не хочетъ понимать, что евреи, вырабатывая идею національнаго Бога, жестокаго къ чужеземцамъ и безпричинно покровительствующаго Израилю, подчинились только общимъ законамъ историческаго развитія, и что съ переходомъ отъ пастушескаго быта, имѣвшаго мѣсто въ золотой вѣкъ патріарховъ, къ осѣдлости у евреевъ должно было пробудиться національное самосознаніе, и космополитическій *элогизмъ* долженъ былъ уступить мѣсто узкому племенному *ягвеизму*. „Культъ Ягве,—говоритъ Ренанъ,—есть результатъ отчужденія власти Элогима въ пользу Израиля—отчужденія кощунственнаго, но въ извѣстномъ смыслѣ послѣдовательнаго. У великаго Деміурга отнынѣ есть лишь одна забота—доставить израильскому народу торжество надъ врагами... Еслибъ Израиль *имѣлъ призваніе* только создать націю, мы бы не колеблясь должны были одобрить этотъ актъ наивнаго эгоизма... Но національная идея въ связи съ культомъ особаго божества на самомъ дѣлѣ была только временнымъ заблужденіемъ народа. Грозные разрушители-пророки, унаслѣдовавшіе истинный духъ расы, разрушатъ впослѣдствіи по частямъ представленіе о жестокомъ, пристрастномъ, злопамятномъ Ягве; они возвратятся, послѣ цѣлаго ряда упорныхъ, все усиливающихся толчковъ, къ первоначальному элогизму, къ патріархальному божеству, къ истинному богу—Элу, богу великаго шатра. Содержаніе исторіи Израиля исчерпывается одной фразой: вѣковое стремленіе отказаться

ложнаго Бога—Ягве и вернуться къ первобытному Элогиму" (122 стр.). Эта длинная цитата даетъ полное представленіе объ историческомъ міровоззрѣніи Ренана, въ основѣ котораго лежитъ мысль объ изначальной предуказанности человѣческихъ судебъ. Телеологическое пониманіе исторіи не давало ему возможности въ достаточной степени проникнуться духомъ эволюціонизма, построеннаго на признаніи закономѣрности историческихъ явленій.

Изъ провиденціалистическаго пониманія Ренаномъ еврейской исторіи вытекаетъ и другой недостатокъ его труда: онъ хочетъ всю исторію израильскаго народа объяснить исключительно изъ фактовъ религіознаго порядка. Сущность исторической эволюціи еврейскаго народа Ренанъ видитъ исключительно въ измѣненіи его вѣрованій; этимъ онъ какъ бы отрицаетъ возможность независимыхъ отъ религіи эволюцій: соціальной, экономической, политической и культурной.

По плану русскаго изданія громадный пятитомный трудъ Ренана предполагается умѣстить въ двухъ большихъ томахъ, по нѣсколько выпусковъ въ каждомъ. Первый томъ будетъ законченъ эпохою вавилонскаго плѣненія, а второй—возникновеніемъ христіанства. Пока вышелъ лишь первый выпускъ перваго тома (до царствованія Давида).

Книга снабжена короткой, но содержательной статьей С. М. Дубнова и его же цѣнными примѣчаніями.

В. Перцевъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Христофъ Зигвартъ. Логика. Перев. І. А. Давыдова. Т. І.

Христофъ Зигвартъ. Логика. Перев. І. А. Давыдова. Томъ І. Спб., 1908 г. Стр. XXIII+481. Ц. 2 р. 50 к. Переводъ книги Зигварта на русскій языкъ является извѣстнаго рода роскошью. Такъ неимѣющій необходимаго часто позволяетъ себѣ расходовать послѣднія средства на пріобрѣтеніе предметовъ роскоши. Едва ли Зигвартъ можетъ сыграть даже такую роль, какую въ свое время сыгралъ Милль, котораго, если и не читали, то всетаки клали на видное мѣсто. А между тѣмъ книга Зигварта, дѣйствительно, явленіе выдающееся. Если она и не „дѣлаетъ эпохи", то все же достаточно подготовляетъ почву для рѣшительнаго переворота въ наукѣ о наукахъ,—такъ какъ, нѣтъ сомнѣнія, Зигвартъ несравненно сильнѣе въ части критической, чѣмъ созидающей. Собственная позиція Зигварта свидѣтельствуетъ однако и о недюжинныхъ творческихъ способностяхъ автора. Примыкая къ Канту черезъ Шлейермахера, Зигвартъ одинаково далекъ какъ отъ слѣпого ему подражанія, такъ и отъ произвольной интерпретаціи въ духѣ новѣйшаго неокантіанства. Одинаково чужда Зигварту какъ формалистическая, такъ и трансцендентальная схоластика. Только духъ критицизма связываетъ Зигварта съ Кантомъ,—это нить психологическая, а не вербальная. Характерно для Зигварта опредѣленное утвержденіе за психологіей мышленія той основы, на предварительное изученіе которой только и можно опираться при выполненіи основной задачи логики: установленія условій и нормальнаго выполненія функціи мышленія, установленіе необходимости въ мышленіи. Конечный постулатъ, на который опирается логическое мышленіе, есть хотѣніе мыслить сообразно цѣли, произвольное мышленіе. Логика Зигварта, такимъ образомъ, становится телеологической. Главную и ко-

нечную цѣль логики Зигвартъ видитъ въ ученіи о методахъ, которое, по его справедливому замѣчанію, обычно трактуется въ видѣ дополненія. Но это еще не превращаетъ логику Зигварта въ логику гносеологическую въ узкомъ смыслѣ слова. Напротивъ, поскольку гносеологическая логика имѣетъ въ виду познаніе чисто теоретическое, она узка для Зигварта, потому что она забываетъ о мышленіи, руководящемъ нашими поступками. Съ другой стороны, это и не логика метафизическая, такъ какъ, не будучи въ состояніи обойтись безъ предпосылокъ, она тѣмъ не менѣе интересуется не дѣйствительностью данныхъ предпосылокъ, а правильностью перехода отъ нихъ. Въ этомъ отношеніи логика Зигварта формальна. Но опять-таки Зигвартъ не допускаетъ возможности разсматривать мышленіе, какъ просто формальную дѣятельность, изолированную отъ всякаго содержанія. Для логики телеологической это, конечно, и не нужно. Зигвартъ идетъ еще дальше и прямо протестуетъ противъ „конструированія", когда во второмъ томѣ указываетъ на необходимость для ученія о методахъ обращаться прямо къ *исторіи науки* (вып. II, § 63), требованіе, которое, кстати, было выполнено самимъ Зигвартомъ, любовно изучавшимъ кромѣ философскихъ наукъ математику, астрономію, физику и т. д.

Предлагаемый читателю первый томъ „Логики", какъ видно изъ предыдущаго, не основной, такъ какъ въ немъ содержится ученіе о сужденіи и выводѣ, а ученіе о методахъ—предметъ второго тома. Его болѣе спеціальный характеръ можетъ оттолкнуть многихъ непривычныхъ къ философскому чтенію. Въ дѣйствительности это сокровищница ума и критической способности. Нѣтъ буквально ни одного положенія старой логики, которое Зигвартъ не освѣтилъ бы съ новой точки зрѣнія. Большая часть тома занята въ сущности психологіей сужденія, въ которомъ, по Зигварту, завершается всякое мышленіе. И собственно вторая, „нормативная", часть посвящена непосредственной задачѣ логики: выясненію условій логически совершеннаго сужденія, опредѣленности понятія и обязательности вывода. На нашъ взглядъ, наиболѣе интересны соображенія Зигварта о значеніи единичныхъ сужденій, вообще игнорируемыхъ формальной логикой (хотя и въ послѣдней, наприм., у Дробиша, можно найти признаки сознанія того, что не все обстоитъ тутъ благополучно), ученіе объ отрицаніи и, въ особенности, новое ученіе о выводѣ. Послѣдній вопросъ—одинъ изъ самыхъ трудныхъ въ логикѣ. Неудовлетворительность аристотелевской классификаціи выводовъ давно чувствовалась, но дальше робкихъ попытокъ къ реформѣ, вродѣ попытки Джевонса, не шли, если не считать трудной и сложной классификаціи М. Каринскаго, въ исходномъ пунктѣ, впрочемъ, согласнаго съ Зигвартомъ. Для Зигварта существенно единство акта сужденія, и въ выводѣ—не результатъ его въ видѣ заключенія, какъ въ фигурахъ формальной логики, а самый процессъ вывода, „движеніе мысли". Сообразно этому основной формулой вывода, къ которой сводятся всѣ другія, для Зигварта является условный выводъ съ его основнымъ постулатомъ, что слѣдствіе слѣдствія есть слѣдствіе основанія.

Здѣсь нельзя входить въ болѣе или менѣе подробное изложені тѣмъ болѣе критику Зигварта. Нужно только пожелать, чтобы читат для книги нашелся,—это будетъ свидѣтельствовать объ успѣхахъ фи софскаго образованія въ Россіи. Вѣдь не для тѣхъ она переводила кто обязанъ изучать Зигварта на его родномъ языкѣ. Что касается пе вода, то надо замѣтить, что его достоинства и недостатки объясняю однимъ: буквальностью. Это ведетъ къ точности, но иногда къ н

нятности въ построеніи фразы. Наприм., легче понять по-нѣмецки, чѣмъ по-русски: „Данный видъ или зрѣлище пробуждаетъ оставшееся отъ прежде и связанное со словомъ представленіе, и оба они объединяются, какъ одно цѣлое“ (стр. 59). Переводчикъ въ своемъ предисловіи сожалѣетъ о неустановленности русской философской терминологіи и имѣетъ цѣлью внести извѣстное постоянство въ нее, однако не вездѣ можно съ нимъ согласиться. Наприм., едва ли удаченъ уже предлагавшійся, но не привившійся переводъ Anschauung черезъ „единичное представленіе“, или неуклюжее „значимость“, которое и для переводчика оказалось не вполнѣ „значимымъ“ (ср. стр. 372 и сл.). Непонятно, почему einzeln значитъ „отдѣльно“ (наприм., § 7), гдѣ его очень удобно перевести „единично“. Къ очень неуклюжимъ построеніямъ иногда приводитъ передача Subjectswort и Subjectsvorstellung (idem Prädicats), черезъ „слово и представленіе, служащее субъектомъ“, когда совершенно точно (ср. § 5) можно передать: грамматическій и логическій субъектъ (предикатъ). Наконецъ, едва ли можно die erzählenden Urteile (повѣствовательныя сужденія) переводить черезъ „описательныя сужденія“ (§ 9 и сл.),—у Вундта такъ можно было бы передать das beschreibende Urteil, да и у Зигварта „описаніе“ имѣетъ свое спеціальное значеніе (ср., наприм., т. I, стр. 178, 302 и B. II, S. 331 u. a.). Нехорошо: „состояніе висѣнія“ (Schwebe) (стр. 59), „въ выдающемся смыслѣ логическія сужденія“ (in eminenten Sinne—въ высшемъ смыслѣ) (стр. 266). Очевидно, опечатка, будто обращеніе E требуетъ измѣненія количества (стр. 385).

Г. Шпеттъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Эд. Бернштейнъ. Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Перев. І. В. Постмана.— *А. И. Ярошевичъ.* Очерки экономичечской жизни Юго-Западнаго края. Вып. I. Къ освѣщенію хуторского вопроса.—*Л. Б. Будинъ.* Теоретическая система Карла Маркса въ свѣтѣ новѣйшей критики. Перев. подъ ред. Засуличъ.—*Вернеръ Зомбартъ.* Почему нѣтъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Перев. Панина.

Эд. Бернштейнъ. Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Авторизованный переводъ І. В. Постмана. Спб., 1908 г. Стр. 465. Цѣна 2 руб. Хотя настоящая работа обнимаетъ рабочее движеніе въ одномъ только Берлинѣ, но это нисколько не умаляетъ ея общаго интереса: въ Берлинѣ, все время являвшемся центромъ политической жизни и рабочаго движенія Германіи, зарождались и наиболѣе ярко переживались важнѣйшія стадіи профессіональнаго, политическаго и соціалистическаго движенія германскаго рабочаго класса. Книга Бернштейна представляетъ лишь первую часть предпринятаго имъ труда, обнимающаго послѣдовательно три эпохи: отъ 1848 г. до изданія закона противъ соціалистовъ, двѣнадцать лѣтъ дѣйствія закона и періодъ отъ 1890 г. до 1905 г., т.-е. до организаціи центральнаго органа соціалъ-демократическихъ союзовъ Берлина. Весьма увеличиваетъ цѣнность книги то, что авторъ, наряду съ обычными литературными источниками, пользуется своими личными воспоминаніями и данными, сообщенными ему другими видными участниками соціалистическаго движенія. Послѣднее обстоятельство даже даетъ автору поводъ называть трудъ до извѣстной степени коллективнымъ. Изслѣдованіе носитъ строго фактическій характеръ, пожалуй, даже слишкомъ фактическій: Бернштейнъ, пожалуй, злоупотребляетъ фактическими подробностями, часто малозначительными, оставляя въ то же время безъ должной оцѣнки важные и крупные факты дви-

женія. Впрочемъ, онъ оговаривается въ предисловіи, что считаетъ умѣстнымъ свое личное отношеніе къ излагаемому отодвигать на второй планъ, такъ какъ трудъ этотъ порученъ ему соціалъ-демократическими уполномоченными Берлина, заранѣе столковавшимися съ авторомъ насчетъ характера книги. Благодаря этому книга мѣстами пріобрѣтаетъ характеръ сводки сырого матеріала, собраннаго авторомъ изъ разныхъ источниковъ и расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ.

Бернштейнъ излагаетъ исторію рабочаго движенія въ тѣснѣйшей связи съ событіями политической жизни. Наибольшій интересъ поэтому представляетъ въ его изложеніи рабочее движеніе 48 г., на которомъ авторъ и останавливается съ исключительнымъ вниманіемъ. Въ частности для русскаго читателя эта эпоха тѣмъ болѣе интересна, что наталкиваетъ на рядъ параллелей съ только что пережитымъ или, вѣрнѣе, переживаемымъ еще временемъ. Бернштейнъ и самъ иногда дѣлаетъ соотвѣтствующія сближенія. Разсматривая взаимоотношенія между рабочими и буржуазной демократіей, онъ обнаруживаетъ достаточное безпристрастіе. Вѣрный своему заявленію въ предисловіи, онъ не беретъ на себя роли „придворнаго исторіографа“ рабочаго класса. Конечно, авторъ еще достаточно подчиненъ офиціальной догмѣ и проявляетъ столь свойственную ему нерѣшительность и двойственность въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ, но въ общемъ и цѣломъ онъ придерживается правильной оцѣнки вещей. Обвиняя прогрессивную демократію 48 г. въ рядѣ грѣховъ, якобы спеціально-классовыхъ, вродѣ политической нерѣшительности и дряблости, излишней довѣрчивости къ обѣщаніямъ короля и пр., Бернштейнъ въ концѣ-концовъ признаетъ, что эти черты были общимъ грѣхомъ времени. Разсматривая дальнѣйшія историческія стадіи, авторъ не оставляетъ безъ оцѣнки шовинизма, равно охватившаго всѣ классы населенія въ періодъ побѣдоносной франко-прусской войны и, въ частности, замѣтно ослабившаго соціалъ-демократическое движеніе въ рабочемъ классѣ. Любопытны, между прочимъ, доводы, которыми швейцарскій *Соціалъ-демократъ* прикрывалъ свой шовинизмъ: побѣда Германіи надъ Наполеономъ III поможетъ, молъ, французскому пролетаріату стряхнуть съ себя буржуазное иго.

Очень содержательны и поучительны тѣ страницы, на которыхъ излагается возникновеніе и развитіе лассальянскаго теченія среди рабочихъ, борьба его съ другими соціалъ-демократическими направленіями (эйзенахцевъ), расцвѣтъ и упадокъ либеральнаго направленія среди рабочихъ. Интересно отношеніе автора къ тактикѣ срыванія собраній, усердно практиковававшейся подъ вліяніемъ партійныхъ руководителей, соціалъ-демократическими рабочими по отношенію къ „эйзенахцамъ“ и рабочимъ союзамъ прогрессистской партіи,—тактикѣ, вслѣдствіе которой соціалъ-демократы даже въ рабочей средѣ получили кличку „грубыхъ буяновъ“. Бернштейнъ никогда не забываетъ, что въ такихъ случаяхъ всегда имѣется налицо tertius gaudens. Онъ отмѣчаетъ, что реакціонная власть испытывала большое удовлетвореніе при видѣ раздоровъ между соціалъ-демократами и прогрессистами, ея традиціонными врагами: обычно весьма ревнивая къ охраненію „порядка“ на общественныхъ собраніяхъ, распускавшихся при малѣйшемъ его нарушеніи, она благосклонно допускала бурныя столкновенія и скандалы на смѣшанныхъ собраніяхъ соціалъ-демократовъ и прогрессистовъ.

Много мѣста удѣляется, разумѣется, авторомъ мощному росту избирательнымъ побѣдамъ соціалъ-демократіи, наведшихъ было паник на власть и господствующіе классы и побудившихъ Бисмарка сначал

напустить на соціалъ-демократовъ знаменитаго Тессендорфа, а затѣмъ провести исключительный антисоціалистическій законъ, придравшись къ двумъ террористическимъ покушеніямъ на короля. Бернштейнъ убѣдительно доказываетъ полную непричастность германской с.-д. партіи къ этимъ анархистскимъ покушеніямъ. Указывая на грандіозный ростъ соціалъ-демократіи, онъ справедливо связываетъ его съ упадкомъ прогрессистской партіи, претерпѣвшей рѣзкую эволюцію съ 48 г. Онъ правъ также въ томъ, что послѣдняя вполнѣ заслужила свою жалкую участь. Германскіе прогрессисты, дѣйствительно, страдаютъ отсутствіемъ политической независимости и истиннаго демократизма, чѣмъ они, между прочимъ, рѣзко отличаются отъ соотвѣтствующихъ теченій во Франціи и Россіи.

Л. Шифъ.

А. И. Ярошевичъ. Очерки экономической жизни Юго-Западнаго края. Вып. I. Къ освѣщенію хуторского вопроса. Кіевъ, 1908 г. 61 стр. и карта. Ц. 35 к. Какъ это ни покажется странно, но Юго-Западный край для насъ—въ полномъ смыслѣ слова terra incognita: мы знаемъ о немъ гораздо меньше, нежели о Сибири, Закавказьѣ или киргизскомъ краѣ. Уже въ виду этого приходится привѣтствовать появленіе I-го выпуска „очерковъ" такого несомнѣннаго знатока Юго-Западнаго края, какъ А. И. Ярошевичъ. Тема же, выбранная г. Ярошевичемъ для этого I-го выпуска—хуторской вопросъ, представляетъ жгучій современный интересъ въ виду предпринятаго правительствомъ г. Столыпина, при безпредѣльномъ сочувствіи 3-й Государственной Думы, „насажденія" хуторовъ и отрубного землевладѣнія. Правительство, какъ извѣстно, „насаждаетъ" хутора по всему лицу русской земли, совершенно не считаясь со всѣмъ разнообразіемъ хозяйственныхъ, этнографическихъ, культурныхъ условій. Но несомнѣннымъ можетъ считаться одно: если гдѣ—въ предѣлахъ чисто-русскихъ областей существуютъ благопріятныя для хуторского хозяйства условія, то это именно въ Юго-Западномъ краѣ, а потому анализъ имѣющихся для этого края данныхъ о хуторскомъ движеніи представляетъ не только мѣстный, но и обще-русскій интересъ.

Г. Ярошевичъ прежде всего анализируетъ, опираясь главнымъ образомъ на данныя А. А. Кофода, условія и результаты хуторского движенія въ Волынской губерніи; онъ констатируетъ, что особая интенсивность здѣсь этого движенія объясняется совершенно специфическими, топографическими, историческими и экономическими условіями края, причемъ современное хуторское движеніе является здѣсь лишь завершеніемъ очень продолжительной, постепенной эволюціи. Результатомъ такой же параллельной эволюціи являются и тѣ хозяйственныя улучшенія, которыя наблюдаются на Волыни не только у хуторянъ, но и у всего вообще крестьянства и которыя ярыми поклонниками хуторовъ совершенно напрасно ставятся въ специфическій активъ хуторского разселенія. Затѣмъ г. Ярошевичъ переходитъ къ близко ему знакомой Подольской губерніи. Здѣсь приходится считаться съ совершенно иною совокупностью условій, какъ географическихъ или, точнѣе, топографическихъ, такъ экономическихъ и аграрныхъ,—совокупностью, которая, вопреки ходячему мнѣнію, гораздо менѣе благопріятствуетъ хуторской формѣ разселенія. И въ соотвѣтствіи съ этимъ среди крестьянства совершенно не наблюдается движенія на хутора, наблюдается только кампанія въ пользу хуторовъ, ведомая дворянствомъ и духовенствомъ, въ ясно сознанныхъ классовыхъ интересахъ. И, несмотря на отсутствіе хуторского движенія,

замѣчается весьма опредѣленная эволюція крестьянскаго хозяйства въ направленіи къ интенсификаціи, тѣсно связанная со свеклосахарнымъ производствомъ и культурою сахарной свекловицы, откуда прямой выводъ, что агрономическій прогрессъ не стоитъ ни въ какой необходимой причинной связи съ наличностью или отсутствіемъ хуторского разселенія.

Само собою разумѣется, что изложенные выводы, убѣдительные для однихъ, покажутся совершенно непріемлемыми другимъ. Во всякомъ случаѣ, однако, данныя и соображенія г. Ярошевича представляютъ интересъ для всякаго, кто интересуется хуторскимъ вопросомъ и вообще вопросомъ объ отношеніяхъ между формами землевладѣнія и культурно-хозяйственнымъ прогрессомъ.

А. Кауфманъ.

Л. Б. Udинъ, д-ръ правъ. Теоретическая система Карла Маркса въ свѣтѣ новѣйшей критики. Переводъ съ англійскаго, подъ ред. В. И. Засуличъ. Спб., 1908 г. Книгоизд. „Новый Міръ". Стр. 283. Ц. 1 р. 50 к. Подъ громкимъ заглавіемъ скрывается не научное изслѣдованіе, а защитительно-обличительная рѣчь адвоката. Обличаетъ г. Будинъ гг. „ревизіонистовъ", а защищаетъ „теоретическую систему Карла Маркса", которую онъ, въ подражаніе, очевидно, знаменитому слову Клемансо о французской революціи, объявляетъ „блокомъ", который надлежитъ или цѣликомъ принять, или цѣликомъ отвергнуть.

Догматизмъ г. Будина очень наивенъ по формѣ и мелокъ по содержанію. Въ предисловіи онъ, напр., защищаетъ матеріалистическое пониманіе исторіи тѣмъ соображеніемъ, что многіе „трудные вопросы отнюдь не представляютъ специфической особенности данной философской системы, а остаются проблемами философіи вообще" (стр. 5). Это не мѣшаетъ г. Будину черезъ нѣсколько страницъ утверждать, что „марксизмъ не абстрактная философія, это, наоборотъ, конкретная наука и въ качествѣ таков[illegible] онъ является наслѣдникомъ и преемникомъ всей философіи" (стр. 20)—и пѣть отходную „философіи вообще". Сильнѣйшимъ доводомъ противъ „ревизіонистовъ" въ устахъ г. Будина является упрекъ, что, критикуя систему Маркса, они не предлагаютъ взамѣнъ ея никакой другой, столь же законченной, дающей отвѣты на всѣ вопросы системы, остаются, какъ онъ выражается, „нигилистами". Это—типично-богословскій пріемъ полемики, свойственный всѣмъ догматикамъ, видящимъ въ своей системѣ единоспасающую истину.

Но догматизмъ г. Будина очень наивенъ, такъ какъ онъ простодушно не усматриваетъ никакихъ „проблемъ" тамъ, гдѣ другіе тратятъ много силъ на ихъ разрѣшеніе. Въ собственныхъ разсужденіяхъ г. Будинъ до того не умѣетъ связать концы съ концами, что сплошь и рядомъ, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ смертельный грѣхъ ревизіонизма. Г. Будинъ, напр., опредѣляетъ цѣнность количествомъ рабочаго времени, общественно-необходимаго для *воспроизводства* даннаго предмета, совершенно не подозрѣвая, что по работамъ К. Маркса остается спорнымъ, опредѣляется ли цѣнность вещи временемъ, необходимымъ для ея *воспроизводства* въ каждую данную минуту или *производства* во время фабрикаціи. Толк я, что цѣна въ отличіе отъ цѣнности „служитъ выраженіемъ индивиду ль-ной оцѣнки и потому опредѣляется индивидуальными соображені и" (стр. 74), г. Будинъ какъ бы не догадывается, что онъ въ сущн ти только повторяетъ зады, заимствованные у тѣхъ ревизіонистовъ, кото ые Марксову теорію пытались примирить со взглядами психологиче ой школы.

Некритичность г. Будина сказывается очень рѣзко, когда онъ подходитъ къ соцiалистическому элементу теорiи Маркса. Г. Будинъ никакъ не можетъ догадаться, что соцiализмъ Маркса есть въ сущности идея объ организованномъ крупномъ производствѣ, идея, лежащая и въ основѣ всего его экономическаго зданiя, всѣхъ его „среднихъ", „общественно-необходимыхъ" и т. д. величинъ и категорiй, прiобрѣтающихъ реальность только при разумно и цѣлесообразно организованномъ производствѣ и представляющихъ фикцiю при режимѣ свободной конкуренцiи и анархiи производства.

Разсужденiя г. Будина становятся удивительно курьезными, когда онъ начинаетъ говорить о „соцiальной революцiи" по марксизму. Несомнѣнно раздѣлявшагося Марксомъ (хотя не всегда и нерѣдко съ отступленiями) гегелiанскаго понятiя о революцiи, какъ о внезапномъ переходѣ количественныхъ различiй въ качественныя г. Будинъ совершенно не понимаетъ. Недаромъ онъ постоянно отождествляетъ „дiалектическiй методъ" съ „эволюцiоннымъ"—что̀ сказалъ бы на это Энгельсъ, что скажетъ Плехановъ? Ругательски ругая ревизiонистовъ, г. Будинъ, трактуя о соцiальной революцiи, вкладываетъ Марксу чисто ревизiонистское ученiе о постепенномъ проникновенiи соцiалистическихъ идей въ буржуазное общество, о замѣнѣ философiи индивидуализма философiей коллективизма и т. д. Г. Будинъ идетъ даже такъ далеко, что въ трестахъ, въ производимомъ ими „уничтоженiи частной собственности" видитъ „разрушенiе основъ капитализма и возведенiе на его почвѣ соцiалистической системы общества" (стр. 233). Вопросъ однако не такъ простъ, какъ кажется г. Будину, и Рокфеллеръ всетаки не превращается въ „соцiалиста", несмотря на курьезную бутаду г. Будина, что „великiй Дж. Рокфеллеръ, владыка великаго Standard Oil и всѣхъ его областей, имѣетъ такъ же мало правъ на какую бы то ни было часть собственности громаднаго общества, которымъ управляетъ, какъ и послѣднiй носильщикъ, служащiй въ одномъ изъ его зданiй". Между „соцiализацiей производства" г. Рокфеллера и демократической соцiализацiей соцiалистовъ—дистанцiя огромнаго размѣра. Чтобы пройти ее, понадобятся годы, и о томъ, ка̀къ пройти эту дистанцiю, и идетъ споръ между соцiалистами разныхъ толковъ.

Въ качествѣ „правовѣрнаго марксиста" г. Будинъ не могъ, конечно, не пропѣть акаѳиста пролетарiату, хотя у него и слышатся новыя ноты, навѣянныя синдикализмомъ. Рѣдкое въ наши дни отсутствiе критицизма дозволило г. Будину обойти полнымъ молчанiемъ вопросъ о расчлененiи самого пролетарiата и лишнiй разъ подтвердить догматъ о единствѣ „грядущей силы" и т. д. Разсужденiя г. Будина о теорiи обнищанiя—простой курьезъ.

Если прибавить къ этому, что и теорiя Маркса усвоена г. Будинымъ весьма поверхностно (напр., онъ утверждаетъ, что Марксъ зналъ только „два рода цѣнности", потребительную и мѣновую" (стр. 100); это безусловно ложно, такъ какъ Марксъ зналъ и „третiй родъ": цѣнность просто, какъ затрату общественно-необходимаго труда), то станетъ ясно, что отъ перевода этой книги „ортодоксы" мало выиграли, а „ревизiонисты" мало проиграли. Скорѣе даже можно сказать, что выиграли именно ревизiонисты. Адвокатъ сказалъ очень плохую рѣчь и, насколько было въ его силахъ, способствовалъ проигрышу своего дѣла.

А. С. Изгоевъ.

Вернеръ Зомбартъ. Почему нѣтъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Панина. Библіотека „Общественной Пользы". Серія II. № 36. Вопросъ, поставленный въ оглавленіи книги В. Зомбарта, имѣетъ первостепенное *соціологическое* значеніе. Соединенные Штаты—страна, въ которой капитализмъ по общему, никѣмъ не оспариваемому признанію получилъ болѣе широкое развитіе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, но также несомнѣннымъ является и то, что „духъ соціализма" марксистской чеканки является совершенно чуждымъ подавляющему большинству американскихъ рабочихъ. Изъ этого вытекаетъ рядъ въ высшей степени важныхъ соціологическихъ вопросовъ, которые Зомбартъ и ставитъ въ своей книгѣ: въ правѣ ли мы разсматривать возникновеніе соціализма, какъ необходимое слѣдствіе развитія капитализма? Если условія капиталистическаго развитія одинаковы повсюду, то ведутъ ли они по направленію къ соціализму (какъ это происходитъ въ Европѣ), или же, наоборотъ, отклоняютъ отъ него (какъ это наблюдается въ Америкѣ). Очевидно, что отвѣтъ на эти вопросы долженъ быть данъ въ зависимости отъ того, является ли настоящее антисоціалистическое настроеніе американскаго рабочаго временнымъ, долженствующимъ вскорѣ смѣниться другимъ, болѣе благопріятнымъ для развитія соціализма, или же, наоборотъ, оно связано съ самымъ существомъ широко развитого капитализма, дальнѣйшій ростъ котораго еще болѣе будетъ отталкивать рабочихъ отъ соціализма. Если справедливо первое предположеніе, то современная Европа должна явиться страной будущаго для Америки, если справедливо второе, то Америка должна быть страной будущаго для Европы.

Зомбартъ склоняется къ первому предположенію. Съ удивительной ясностью онъ отмѣчаетъ тѣ моменты, которые задерживали до настоящаго времени развитіе соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Прежде всего онъ указываетъ на то, что у американскаго рабочаго нѣтъ ни ненависти къ современному обществу и государству, ни классоваго сознанія, отчуждающаго его отъ другихъ классовъ. Къ общественнымъ отношеніямъ современной Америки американскій рабочій не настроенъ рѣзко враждебно, потому что капитализмъ приноситъ для него высокую заработную плату и даетъ ему возможность жить въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живетъ европейскій рабочій. По образу жизни, привычкамъ и внѣшнему виду американскій рабочій ничѣмъ не отличается отъ нѣмецкаго бюргера средней руки; онъ совсѣмъ не носитъ на себѣ того принижающаго клейма класса, который носятъ на себѣ почти всѣ европейскіе рабочіе. Вслѣдствіе этого американскій рабочій не относится враждебно къ системѣ капиталистическаго хозяйства, какъ таковой. Онъ вѣритъ въ возможность улучшить свое положеніе и при системѣ наемнаго труда. Онъ готовъ даже признать принципіальную гармонію между интересами капитала и труда, и въ его глазахъ предприниматели и рабочіе являются дольщиками одного и того же дѣла.

Поэтому въ Америкѣ нерѣдко рабочій предается капитализму тѣломъ и душой и скорѣе идетъ за буржуазными соціалъ-реформистами, чѣ[...] за настоящими соціалистами.

Еще менѣе основаній у американскаго рабочаго относиться вражд[...]-но къ существующему государству, построенному на базѣ народнаго [...]-веренитета. Радикально-демократическая конституція ставитъ его на [...]-сокое общественное мѣсто, и рабочій, къ голосу котораго прислу[...]-ваются всѣ власти, чувствуетъ себя королемъ въ своей странѣ. Поэт[...] въ немъ сильно развито національное, соединяющее всѣ классы со[...]

ніе, и слабы центробѣжныя чувства, приводящія общество къ разложенію на отдѣльныя классовыя группы.

Помимо высокаго политическаго и экономическаго положенія американскаго рабочаго Зомбартъ объясняетъ отсутствіе соціализма въ Америкѣ и тѣми неудобствами, съ которыми приходится считаться всякой вновь возникающей тамъ партіи. Только принадлежность къ одной изъ двухъ большихъ партій—демократической или республиканской, каждая изъ которыхъ всегда можетъ разсчитывать на побѣду, можетъ дать реальныя выгоды всякому избирателю, въ томъ числѣ и рабочему. Побѣдители на выборахъ изливаютъ на своихъ сторонниковъ всякія благодѣянія, давая имъ возможность участвовать въ дѣлежѣ добычи. Особенно охотно дѣлаютъ большія партіи разнаго рода уступки въ пользу рабочихъ, такъ какъ ихъ голоса вслѣдствіе своей многочисленности имѣютъ особенно большое значеніе на выборахъ. Поэтому американскихъ рабочихъ не легко склонить къ голосованію въ пользу какой-либо третьей партіи, обѣщающей, быть можетъ, очень широкія, но зато невѣрныя реформы въ будущемъ, вмѣсто тѣхъ вполнѣ реальныхъ выгодъ въ настоящемъ, которыя могутъ датв и даютъ уже сформировавшіяся большія партіи.

Надѣяться же на побѣду самостоятельной чисто рабочей партіи американскій рабочій пока не можетъ, такъ какъ избирательная кампанія въ Америкѣ стоитъ очень дорого и ведется подъ сильнымъ давленіемъ чиновниковъ, принадлежащихъ въ громадномъ большинствѣ или къ демократамъ, или къ республиканцамъ.

Послѣ очень обстоятельной, почти исчерпывающей обрисовки тѣхъ моментовъ, которые задерживали до сихъ поръ развитіе соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ, Зомбартъ приходитъ, однако, къ заключенію, что эти моменты „находятся въ процессѣ исчезновенія или начинаютъ оказывать противоположное дѣйствіе, и что въ силу этого соціализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ долженъ, по всѣмъ видимостямъ, достигнуть въ ближайшемъ поколѣніи полнѣйшаго расцвѣта“.

Но доказать это на основаніи „обстоятельнаго анализа всего государственнаго и общественнаго строя въ Америкѣ и въ особенности американскаго народнаго хозяйства“ Зомбартъ обѣщаетъ только въ будущемъ. Пока же читателю остается повѣрить ему на слово.

- Работа Зомбарта первоначально появилась въ видѣ отдѣльныхъ этюдовъ въ Archiw für Socialwissenschaft und Socialpolitic и отчасти является дополненіемъ къ его крупному сочиненію „Соціализмъ и соціальное движеніе“, въ послѣдней главѣ котораго есть уже старый очеркъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ.

Несмотря на свой незаконченный видъ и на отсутствіе доказательствъ для заключительнаго вывода, книга Зомбарта читается съ глубокимъ интересомъ и по своему содержанію является одной изъ наиболѣе интересныхъ книгъ, появившихся въ текущемъ году на книжномъ рынкѣ.

В. Перцевъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Проф. Мультонъ. Эволюція солнечной системы.—*Проф. Арреніусъ.* Образованіе міровъ. Перев. подъ ред. К. Д. Покровскаго.

Проф. Мультонъ. Эволюція солнечной системы. Переводъ съ англійскаго съ 12 рисунками. Стр. 82. Одесса, 1908 г. Ц. 50 к. Лежащая передъ нами небольшая книжка не есть нѣчто цѣльное; это

переводъ одной изъ главъ книги проф. Мультона „Введеніе въ астрономію“.

Какъ извѣстно, существовавшая до сихъ поръ гипотеза Канта-Лапласа о созиданіи міровъ, находитъ все больше и больше противниковъ; гипотеза эта учила, что первоначально солнечная атмосфера вращалась вокругъ своей оси, подобно всякому твердому тѣлу. Мало-по-малу подъ вліяніемъ потери тепла на окраинахъ, оболочка эта суживалась, и отъ общей массы, вслѣдствіе скорости вращенія, отрывались кольца, на разстояніи нынѣшнихъ планетъ. Теорія эта опровергается теперь рядомъ данныхъ и вмѣсто нея выдвинуты двѣ: первая, принадлежащая Lockyer'у, учитъ насъ объ образованіи міровъ изъ метеоритовъ, это такъ называемая метеоритная гипотеза; и вторая,—гипотеза спиральной туманности, принадлежащая проф. Чемберлину и нашему автору (иначе называемая—планетезимальная), предполагаетъ начало мірозданія изъ спиральныхъ туманностей „путемъ привлеченія болѣе мелкихъ частицъ“ къ планетамъ.

Авторъ не вполнѣ увѣренъ въ справедливости предложенной гипотезы: „прежде всего нужно остерегаться принимать только что... очерченную теорію за окончательную“ (стр. 81). „Можно только съ увѣренностью сказать, что въ настоящее время эта гипотеза удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ успѣшной теоріи гораздо лучше, чѣмъ какая бы то ни была изъ ея предшественницъ“ (стр. 82).

Лица, интересующіяся Космосомъ и его исторіей несомнѣнно прочтутъ съ удовольствіемъ трудъ проф. Мультона; цѣна книги можетъ только содѣйствовать ея распространенію.

А. Лѣтникъ.

Проф. Аррeніусъ. Образованіе міровъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. К. Д. Покровскаго. Изд. Mathesis. IV+199 стр. Одесса, 1908 г. Ц. 1 р. 75 к. Издательство „Mathesis“ выпускаетъ на русскомъ языкѣ уже вторую книгу проф. Арреніуса; „Физика неба“ того же автора была уже разобрана нами на страницахъ *Русской Мысли*.

Проф. Арреніусъ строитъ весь свой трудъ на совершенно новомъ основаніи; въ то время, когда другія книги, трактующія этотъ вопросъ, освѣщаютъ его съ уже извѣстныхъ точекъ зрѣнія, давая или общую концепцію или приводя взгляды извѣстныхъ ученыхъ, авторъ означеннаго труда предпринялъ вполнѣ оригинальную работу. „...Я понялъ, что давленіе свѣтовыхъ лучей, которое до сихъ поръ оставалось незамѣченнымъ, можетъ быть съ успѣхомъ примѣнено для уясненія значительной части тѣхъ явленій, которыя раньше съ трудомъ поддавались объясненію“ (пред. I). Эта новая попытка имѣла огромный успѣхъ; научный міръ заинтересовался объясненіемъ проф. Арреніуса и призналъ его выводы чрезвычайно важными. Ободренный этимъ, авторъ издаетъ теперь уже книгу для широкаго круга читателей, популяризируя свои спеціальныя работы по этому предмету.

„Проблема развитія міра, въ самомъ дѣлѣ, всегда возбуждала особенный интересъ въ мыслящей части человѣчества. Безъ сомнѣнія, она будетъ занимать самое главное мѣсто среди всѣхъ вопросовъ, которы не имѣютъ прямого практическаго значенія“ (пред. II). До сихъ пор имѣла преобладаніе гипотеза Канта-Лапласа, гипотеза, учащая насъ об образованіи міровъ изъ мірового тумана; теперь противъ нея высказа только важныхъ истинъ, что врядъ ли она можетъ удержаться въ рс ѣнца космогоническаго ученія“. Проф. Арреніусъ допускаетъ по пов

этой теоріи слѣдующее выраженіе. „Стараться, подобно Канту, составить себѣ понятіе о томъ, какъ изъ безпорядочнаго хаоса могла возникнуть вполнѣ правильная система небесныхъ тѣлъ, это значитъ — стремиться къ разрѣшенію проблемы совершенно неразрѣшимой въ этой формѣ" (пред. III). Гораздо болѣе вѣроятна гипотеза, предложенная Гершелемъ, получающая все большія подтвержденія, гипотеза объ образованіи міровъ изъ туманностей.

Авторъ не сразу приступаетъ къ изложенію своей теоріи, а постепенно, путемъ указанія на тѣ или другія явленія природы, приводитъ насъ къ принятію его выводовъ Главы I, II и III вводятъ насъ въ теорію космогоніи, знакомятъ съ вулканическими явленіями, небесными тѣлами, лучеиспусканіемъ солнца и его строеніемъ. IV глава, составляющая основу взглядовъ автора о лучевомъ давленіи, является наиболѣе существенной въ книгѣ, равно какъ и VI глава—„Гибель солнца и возникновеніе туманностей".

Здѣсь проф. Арреніусъ знакомитъ насъ съ жизнью планетъ, съ ихъ движеніемъ въ небесномъ пространствѣ, съ ихъ столкновеніями другъ съ другомъ; послѣднее даетъ въ результатѣ образованіе туманностей.

Книга написана вполнѣ яснымъ, популярнымъ языкомъ; изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

А. Лѣтникъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ, ПЕДАГОГИКА.

Г. А. Фальборкъ. Всеобщее образованіе въ Россіи.—*Компейре.* Жанъ Масе и обязательное образованіе. Перев. П. Д. Первова.—*Марсель Брауншвигъ.* Искусство и дитя. Пер. Чарнолуской.

Г. А. Фальборкъ. Всеобщее образованіе въ Россіи. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1908 г. 212 стр. Ц. 1 р. Вопросъ о введеніи въ Россіи всеобщаго образованія въ данный моментъ является очереднымъ, и, не впадая въ преувеличеніе, можно сказать, что даже нынѣшнему главѣ министерства народнаго просвѣщенія придется—nolens-volens—предпринять рядъ мѣръ, если и не разрѣшающихъ окончательно самаго вопроса, то, по крайней мѣрѣ, такъ или иначе подготовляющихъ осуществленіе того акта, котораго такъ долго и такъ тщетно ждетъ страна. Работа г. Фальборка представляетъ „попытку намѣтить путь разрѣшенія важнѣйшаго вопроса" и помочь Государственной Думѣ „провести его въ первую очередь".

Изъ четырнадцати главъ, составившихъ книгу г. Фальборка, только семь послѣднихъ имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ плану осуществленія всеобщаго образованія; первыя семь главъ заключаютъ въ себѣ или пересказъ частями плана, или разсужденія о пользѣ образованія, прошломъ и современномъ положеніи его въ Россіи или, наконецъ, экскурсіи въ ту же область къ ближнимъ и дальнимъ сосѣдямъ. Съ этими разсужденіями далеко не вездѣ можно согласиться. Желая убѣдить читателя, что школа должна только учить, отбросивъ въ сторону воспитаніе своихъ учениковъ, г. Фальборкъ заявляетъ, напримѣръ, что „Ушинскій и Пироговъ пришли къ отрицанію пользы воспитанія въ школѣ" (15 стр.). Однако, если мы заглянемъ въ „Родное Слово", книгу для чтенія въ школѣ, составленную тѣмъ же Ушинскимъ, то увидимъ, что добрая половина этой книги отведена статьямъ, какъ чисто воспитательному матеріалу и, мало того, какъ матеріалу для *религіозно*-нравствен-

наго воспитанія. Должна ли школа ограничить свою дѣятельность исключительно образовательной задачей, совершенно игнорируя воспитательную—это вопросъ серьезный и очень сложный, и касаться его à vol d'oiseau—значитъ ничего не сказать. Равнымъ образомъ, врядъ ли помогутъ серьезной работѣ по осуществленію всеобщаго образованія такія умозаключенія г. Фальборка: „въ настоящее время англійскій рабочій получаетъ больше, чѣмъ въ какой-либо странѣ Европы, столько, сколько рабочіе невѣжественныхъ и безправныхъ странъ не могли бы получить, если бы въ нихъ произведенъ былъ даже соціальный переворотъ (!), при настоящемъ состояніи ихъ образованія“ (стр. 147). Говоря серьезно, неужели г. Фальборкъ рекомендуетъ отложить осуществленіе соціальныхъ реформъ впредь до того времени, когда каждый рабочій пройдетъ школу первой и второй ступени? Въ своемъ стремленіи произвести извѣстное впечатлѣніе на чувства читателя составитель книги часто не считается ни съ историческими фактами, ни съ исторической перспективой. Никто, конечно, не станетъ отрицать весьма существеннаго значенія образованія и съ точки зрѣнія интересовъ государственной обороны, но для доказательства этого врядъ ли слѣдовало говорить, что во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. „Россія не занесла позорныхъ страницъ въ свою военную исторію“ только потому, что военный министръ гр. Милютинъ „главное свое вниманіе обращалъ на развитіе образованія“ (125 стр.), такъ что можно подумать, что армія въ 1878 г. имѣла болѣе грамотныхъ солдатъ, чѣмъ въ 1904 г. (г. Фальборкъ имѣетъ въ виду русско-японскую войну).

Переходя къ „дѣловой“ части книги, пытающейся отвѣтить на практическій вопросъ: какъ осуществить въ Россіи всеобщее образованіе, слѣдуетъ оговориться, что какъ основы школьнаго законодательства, такъ и планъ осуществленія всеобщаго образованія авторъ беретъ у Лиги образованія, о чемъ и дѣлаетъ соотвѣтствующую оговорку. Въ основу плана всеобщаго обученія положенъ принципъ „единой школы“ (детально разработанный московскимъ областнымъ отдѣломъ Лиги образованія, о чемъ г. Фальборкъ не упоминаетъ) четырехъ ступеней: 1-я ступень соотвѣтствуетъ нынѣшней начальной школѣ съ 4-хгодичнымъ курсомъ, 2-я—прогимназія (тоже 4 г. ученья), 3-я—старшимъ классамъ среднихъ учебныхъ заведеній и 4-я—университетъ. Всѣ расчеты пріурочены къ 1914 г.; они построены на всеобщности только школы *первой* ступени; что касается школы остальныхъ ступеней, то они имѣютъ въ виду лишь часть дѣтей соотвѣтствующаго возраста. Эти расчеты не свободны отъ ошибокъ. Такъ, для школы 2-й ступени (какъ бы младшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній) число это опредѣляется 20%, для школы 3-й ступени—5%, для 4-й (университетъ) 1/60 числа лицъ въ возрастѣ 19—22 лѣтъ. Откуда взялись эти 20% и почему 20%? Въ настоящее время такихъ учениковъ въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній 15,1%; предполагается, что съ введеніемъ всеобщаго обученія оно увеличится *вдвое* (почему?), затѣмъ говорится, что „процентъ этотъ долженъ равняться не менѣе 19%“ (откуда это отношеніе?), затѣмъ ссылка „на *тридцать* различныхъ государствъ“ и въ результатѣ—утвержденіе, что число школъ 2-й ступени должно соотвѣтствовать 20% дѣтей въ возрастѣ отъ 12—15 лѣтъ. При этомъ данныя „тридцати различныхъ государствъ“ не приведены, не указано, почему эти данныя должны быть закономъ и для Россіи; равнымъ образомъ не указаны данныя, на основаніи которыхъ получаются тѣ 15,1%, которымъ яко бы выражается въ настоящее время отношеніе числа уча...

въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній къ каждой сотнѣ учениковъ начальныхъ училищъ, хотя въ книгѣ и есть таблицы по другимъ вопросамъ. Приведенный примѣръ, къ сожалѣнію, далеко не единиченъ, а потому къ статистическимъ выкладкамъ г. Фальборка приходится относиться съ осторожностью, особенно къ его ссылкамъ, ничѣмъ не подкрѣпляемымъ. Было бы желательно, чтобы Лига образованія опубликовала всѣ матеріалы, легшіе въ основу ея работъ по вопросу о введеніи въ Россіи всеобщаго образованія.

А—въ.

Компейре. Жанъ Масе и обязательное образованіе. Перев. П. Д. Первова. М., 1908 г. 62 стр. Ц. 25 к. Біографія Жана Масе можетъ служить примѣромъ того, какъ человѣкъ, вовсе не особенно выдающійся надъ уровнемъ своихъ современниковъ, благодаря неутомимой энергіи и настойчивому преслѣдованію взятой имъ на себя задачи, можетъ принести большую пользу своему народу. Масе не высказалъ какихъ-нибудь широкихъ оригинальныхъ взглядовъ на воспитаніе, не проложилъ новыхъ путей въ дѣлѣ педагогіи, подобно Руссо или Песталоцци. Мысль, съ такой настойчивостью проводимая имъ въ теченіе всей его жизни, была не новая и не мудреная мысль о необходимости образованія для всего народа. Можетъ быть, онъ даже слишкомъ далеко заходилъ въ оцѣнкѣ ея важности, противопоставляя всеобщее образованіе праву всеобщаго голосованія и говоря, что, „прежде чѣмъ установить всеобщее голосованіе, нужно было бы лѣтъ тридцать потратить на обязательное образованіе. Направленная къ одной цѣли дѣятельность Масе принимала довольно различныя формы. Онъ былъ и практическимъ учителемъ, хорошимъ, но не самымъ образцовымъ. Ученицы Бебленгеймскаго женскаго пансіона говорили про него, что „онъ былъ очень ворчливъ, когда давалъ себѣ волю; но онъ возмѣщалъ этотъ недостатокъ своей чрезвычайной добротой. Онъ написалъ также довольно много дѣтскихъ книгъ, частью имѣющихъ въ виду популяризацію естественныхъ наукъ, какъ, напр., извѣстную русскимъ читателямъ въ переводѣ „исторію кусочка хлѣба“, частью ставящія своей задачей нравственные и религіозные уроки.

Почти всѣ его произведенія дѣйствительно популярны и легко читаются, но въ то же время не избѣгаютъ нѣкоторой приторности и слащавости, столь обычныхъ въ этого рода сочиненіяхъ. Но не въ непосредственномъ учительствѣ и не въ сочиненіи популярныхъ книгъ главная заслуга Масе. Важнѣйшимъ его дѣломъ было созданіе „французской лиги образованія“. Начало ея было самое скромное. На первый призывъ Масе въ 1861 г. отвѣтили только три представителя рабочаго народа, въ томъ числѣ одинъ городовой.

Въ январѣ 1870 года лига имѣла уже 17,856 членовъ, въ 1902 году въ ней было уже почти два милліона членовъ и 2,787 филіальныхъ отдѣленій. Въ такой же пропорціи увеличились и средства лиги. Лига начала свое существованіе съ капиталомъ въ 15 франковъ, а въ 1901 г. одинъ парижскій совѣтъ лиги владѣлъ капиталомъ въ 1.437,730 франковъ. При этомъ учредителямъ и въ особенности Масе приходилось бороться не только съ общественнымъ равнодушіемъ, но и съ противодѣйствіемъ клерикаловъ и реакціонеровъ, съ нетерпимостью и недобросовѣстностью противниковъ, наконецъ, съ подозрительностью правительства. По идеѣ Масе школа должна была быть свѣтскою и республиканскою, между тѣмъ начало и первая половина дѣятельности лиги образованія были во время второй имперіи. Требовались поэтому со стороны

дѣятелей лиги не только энергія и постоянство, но и большая ловкость, чтобы не возбуждать правительственной подозрительности больше, чѣмъ это было неизбѣжно. „Онъ оставилъ намъ поучительный примѣръ воли, которая не отступаетъ ни передъ какимъ затрудненіемъ, которую не можетъ обезкуражить никакое препятствіе", говоритъ о Масе въ похвальной рѣчи президентъ сената Шальмель-Лакуръ. Въ смыслѣ такого примѣра біографія Масе можетъ быть поучительна и ободрительна и для русскихъ дѣятелей по народному образованію, которымъ приходится тоже бороться съ еще большими препятствіями и которые поэтому нуждаются въ еще большей энергіи и выносливости.

В. Линдъ.

Марсель Брауншвигъ. Искусство и дитя. Очеркъ эстетическаго воспитанія. Пер. съ франц. Е. М. Чарнолуской. „Знаніе". Спб., 1908 г. Стр. 206. Ц. 1 р. Книга Брауншвига—первый полный, точнѣе—относительно полный трактатъ по эстетическому воспитанію, появляющійся на русскомъ языкѣ. Авторъ предпосылаетъ своей книгѣ очеркъ развитія художественной педагогики въ современныхъ передовыхъ странахъ. Зародилось это движеніе, иногда называемое въ руководствахъ по общей эстетикѣ также „эстетической культурой", повидимому, въ Германіи, причемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, раздѣляемому и Брауншвигомъ, движеніе художественнаго воспитанія въ Германіи тѣсно связано съ экономическимъ движеніемъ, съ развитіемъ художественной промышленности. Изощряя эстетическое воспитаніе юношества, нѣмцы, повидимому, имѣютъ въ виду поставить на надлежащую высоту художественную промышленность. Брауншвигъ мрачными красками рисуетъ роль искусства въ современномъ обществѣ и проводитъ ту мысль, что только истинное художественное образованіе даннаго народа можетъ высоко поставить искусство въ глазахъ общества, сдѣлать его однимъ изъ факторовъ общественной жизни. Но истинное художественное образованіе народа имѣетъ корни въ эстетическомъ воспитаніи дѣтей и съ него должно начинаться.

Книга распадается на двѣ части—теоретическую (краткія свѣдѣнія изъ общей эстетики) и практическую.

Первая часть начинается съ такого положенія: реальная красота постигается *чувствами*, фантастическая же—воображеніемъ. Чтобы оцѣнить это положеніе въ приведенной формулировкѣ, припомнимъ незамысловатый аргументъ второстепеннаго французскаго эстетика Шербюлье: положимъ, что человѣкъ и быкъ смотрятъ на ландшафтъ. Процессъ въ сѣтчаткѣ и процессъ воспріятія одинъ и тотъ же, но въ одномъ случаѣ воспріятіе сопровождается эстетическимъ чувствованіемъ, въ другомъ же—нѣтъ. Въ рѣшеніи вопроса—какія ощущенія эстетичны по своей природѣ и какія нѣтъ, Брауншвигъ, вслѣдъ за Гюйо, примыкаетъ къ англо-итальянскому направленію, согласно которому всѣ ощущенія эстетичны. Нѣмецкая же школа со времени Фишера (старшаго) считаетъ эстетическими чувствами лишь слухъ и зрѣніе. Наиболѣе поучительна въ этом вопросѣ средняя позиція, занятая Фехнеромъ и Лотце. По Фехнеру, ни шія ощущенія также эстетичны, но благодаря ассоціаціямъ, по Лотце всѣ ощущенія могутъ принимать эстетическій характеръ, но только ког мы разсматриваемъ вещи, какъ „живыя дѣятельности" (lebendige Tl tigkeiten), когда мы „вчувствуемъ" самихъ себя, наши внутреннія пеј живанія въ вещи, воспринятыя съ помощью того или другого орга чувствъ. Если вдуматься въ обозначенныя ниже курсивомъ слова въ п мѣрахъ Гюйо и Брауншвига, то станетъ яснымъ, что они неправ

ощущенія вкусовыя, обонятельныя и осязательныя становятся эстетическими лишь побочно, чрезъ связь съ высшими. Гюйо: „пилъ это молоко, куда *горы вложили* весь свой ароматъ. Это была цѣлая пастушеская симфонія, воспринимаемая вкусомъ". Брауншвигъ: „глотокъ вина *можетъ воскресить* предъ нами позлащенные солнцемъ склоны, гдѣ зрѣетъ виноградъ". Не имѣя возможности указать всѣ замѣченныя сомнительныя мѣста, укажемъ нѣкоторыя: что ранѣе воспринимаетъ ребенокъ, цвѣтъ или форму? По Спенсеру—цвѣтъ. По Фребелю—цвѣтъ и форму вмѣстѣ. Брауншвигъ говоритъ, что это пока не изслѣдовано. Но Конрадъ Ланге („Художественное воспитаніе въ дѣтской") обстоятельно доказалъ, что формы воспринимаются раньше и что первыя дѣтскія картинки не должны быть раскрашены. На стр. 34 Брауншвигъ говоритъ правильно, что ребенокъ рисуетъ не то, что видитъ, а то, что знаетъ. А на стр. 31 говорится: „ноги на рисункѣ просвѣчиваютъ сквозь платье, п. ч. *нѣтъ еще представленія о непроницаемости вещей*". Но въ такомъ случаѣ Брауншвигъ долженъ признавать, что у египтянъ также не было представленія о непроницаемости вещей и мн. др. Изъ общихъ вопросовъ эстетики очень, наоборотъ, удался Брауншвигу разборъ связи эстетическаго воспитанія съ моральнымъ.

Брауншвигъ скептически относится къ „*мнимой* серьезности и силѣ нѣмцевъ", Франція, по его мнѣнію, „безспорно заслужила пальму первенства въ художественномъ отношеніи". Онъ недостаточно обращаетъ вниманія на первоклассные нѣмецкіе труды. На стр. 41 Брауншвигъ говоритъ, что отношеніе ребенка къ его выдумкамъ и играмъ очень походитъ на наше отношеніе къ театру, не подозрѣвая, повидимому, что эта мысль лежитъ въ основѣ извѣстной теоріи „сознательнаго самообмана" Конрада Ланге („Das Wesen der Kunst"). Другой примѣръ: (63) „надѣвая торжественный черный сюртукъ, наше обращеніе становится болѣе натянутымъ" (оставляемъ неприкосновенною конструкцію переводчицы). „Съ головой въ фуражкѣ мы разговариваемъ просто, съ головою въ цилиндрѣ—выдержаннѣе". Опять-таки Брауншвигъ, видимо, не знаетъ, что это мысли одной изъ самыхъ изящныхъ главъ „Микрокосма" Лотце.

Та же особенность наблюдается и въ практической части книги: она опирается, преимущественно, на французскую и итальянскую литературу, менѣе на американскую и еще менѣе на нѣмецкую. Въ виду того, что въ Россіи наиболѣе распространено знакомство съ нѣмецкой литературой, этотъ, по существу, недостатокъ книги превращается въ ея достоинство. Такъ, изъ исторіи методовъ обученія рисованію (Равэссонъ, Гильомъ, Гастонъ Кенью, Лекокъ де-Буа Бодранъ, Либерти Тэддъ) читатель узнаетъ, что многія мысли, которыя общепринято считать новыми и идущими изъ Америки, были уже давно и въ законченной формѣ высказаны во Франціи (Гастонъ Кенью). Въ практической части книги обсуждается обученіе рисованію, пѣнію, поэзія, дѣтская литература, искусство въ домѣ, школѣ, игры и игрушки, красота городовъ и природы. Въ особомъ приложеніи указано, гдѣ можно пріобрѣтать нужныя художественныя пособія и книги, съ обозначеніемъ цѣнъ. Paul Gaultier (Le sens de l'art 1908) называетъ книгу Брауншвига *гидомъ* практики эстетическаго воспитанія.

Н. Самсоновъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 августа по 1 сентября 1908 г.

Авчинниковъ, А. Календарь-ежегодникъ „Приднѣпровье". Екатеринославъ, 1908 г. Ц. 75 к.
Аккерманъ, Ф. Первая книжка стиховъ. Тифлисъ, 1908 г. Стр. 145. Ц. 60 к.
Анучинъ, Вл. Казнь Якова Стеблянскаго. М., 1909 г. Стр. 84. Ц. 35 к.
Астровъ, П. И. Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ. Сергіевъ-Посадъ, 1908 г.
Барскій, Л., и Лучанскій, П. Завязь. Спб., 1908 г. Стр. 116. Ц. 75 к.
Бинштокъ, М. Л. Лира. Сборникъ произведеній рус. худож. лирики. Спб., 1908 г. Стр. 199. Ц. 1 р.
Бомштейнъ, д-ръ, и Лунцъ, д-ръ. Вскармливаніе ребенка до пятилѣтняго возраста. М., 1908 г. Стр. 214. Ц. 1 р. 50 к.
Боринъ, Я. Сказки и были Л. Н. Толстого. Для школъ и народа. М., 1908 г. Стр. 270. Ц. 60 к.
Бруцкусъ, Б. Д. Профессіональный составъ еврейскаго населенія Россіи. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.
Бѣлоконскій, И. Разсказы. Т. III. Изд. 2-е. М., 1908 г. Стр. 235. Ц. 1 р.
Вахтеровы, В. и Э. Міръ въ разсказахъ для дѣтей. М., 1908 г. Стр. 319. Ц. 50 к.
Вэйнбергъ, Б. П. Общій курсъ физики. Изд. Сытина. М., 1908 г. Стр. 612. Ц. 3 р. 50 к.
Винеръ, В. В. Отчетъ шатиловской с.-хоз. опытной станціи Новосильск. у. Вып. II и III. Спб., 1907 и 1908 гг.
Вульфъ, Г. Симметрія и ея проявленіе въ природѣ. М., 1908 г. Стр. 134. Ц. 40 к.
Гольденвейзеръ, А. Преступленіе—какъ наказаніе, а наказаніе—какъ преступленіе. Кіевъ, 1908 г. Стр. 229. Ц. 1 р. 25 к.
Грустный, Сергѣй. Въ безсонныя ночи. Стихотв. М., 1908 г. Стр. 564. Ц. 3 р.
Деруновъ, К. Н. Примѣрный библіотечный каталогъ. Спб., 1908 г. Стр. 158. Ц. 1 р. 25 к.
Дрентельнъ, Н. С. Пособіе для практическ. работъ по физикѣ въ средн. школѣ. Съ 63 рис. Изд. Сытина. М., 1908 г. Стр. 208. Ц. 90 к.
— Простые физическіе опыты и приборы. Съ 48 рис. Изд. Сытина. М., 1908 г. Стр. 51. Ц. 40 к.
Елистратовъ, А. И. Проблемы обществ. обезпеченія дѣтства. Казань, 1908 г. Ц. 15 к.
Журналъ перваго съѣзда областн. земск. переселенческой организаціи. Полтава, 1908 г.
Записной, И. О самообразованіи. Кронштадтъ, 1908 г. Стр. 82. Ц. 15 к.
Засодимскій, П. Отецъ и дочь. Изд. Сытина. М., 1908 г. Ц. 60 к.
Измайловъ, А. Левъ Толстой. Избр. разсказы, сказки, притчи для дѣтей. М., 1908 г. Стр. 119. Ц. 20 к.
Исторія Россіи въ XIX в. Изд. т-ва Гранатъ Вып. II. М.
Исторія Россіи въ XIX в. № 12. Из т-ва Гранатъ. М.
Исторія русской литературы. Подъ р Аничкова, Бороздина и Овсянико-І ликовскаго. Т. II, вып. VII. М., 1908
Исторія русской литеретуры XIX в. П редакц. Овсянико-Куликовскаго. И т-ва „Міръ". Вып. II. М., 1908 г.
Катаевъ, И. Учебникъ русской и ріи. Вып. I. Стр. 23. Ц. 50 к. Вы Стр. 263. Ц. 80 к. М., 1909 г.

Корецкій, Н. В. Пѣсни ночи. Изд. ред. жур. „Пробужденіе". Спб. Стр. 124. Ц. 1 р.

Левенштейнъ, Л. Домовѣдѣніе. Руководство для женск. учебн. заведен. Изд. 2-е, ч. I. М., 1909 г. Стр. 248. Ц. 1 р.

Литературный сборникъ „Вѣнокъ". Памяти поэта И. В. Клягина. Воронежъ, 1908 г. Стр. 242. Ц. 65 к.

Лиховицеръ, Г. С. О качествѣ известняковъ, примѣн. на русск. сахарн. заводахъ. Кіевъ, 1908 г.

Лукашевичъ, Кл. Школьный праздникъ въ честь Л. Н. Толстого. Съ рис. и нотами. М., 1908 г. Стр. 175. Ц. 60 к.

Махъ, Э. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Изд. Скирмунта. Стр. 307. Ц. 1 р.

Монтелли, А. К. Органы чувствъ и внѣшній міръ. Николаевъ, 1908 годъ. Ц. 15 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Развѣнчанная царица. Очерки Венеціи. М., 1908 г. Стр. 431. Ц. 1 р. 25 к.

Никитинъ, Н. Наканунѣ свадьбы. М., 1908 г. Ц. 30 к.

Огіевскій, В. Д. Труды по лѣсному опытному дѣлу въ Россіи. Вып. IV—X. Спб., 1908 г.

Овсянико-Куликовскій, Д. И. Левъ Николаевичъ Толстой. Спб., 1908 г. Стр. 160. Ц. 60 к.

Островеръ, Л. Жертвы любви. Плоцкъ, 1909 г. Ц. 25 к.

Пановъ, В., и Соколовъ, Н. Букварь. „Охота пуще неволи". М., 1909 г. Стр. 72. Ц. 20 к.

Пекаторосъ, Г. Діалоги искреннихъ людей. Одесса, 1908 г. Стр. 88. Ц. 50 к.

Петровъ, М. Западная Сибирь. М., 1909 г. Стр. 205. Ц. 40 к.

Пушкинъ. Вып. IV—VI. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб., 1908 г. Стр. 640.

Сасинъ, М. 1) Дѣвушка въ бѣломъ. 2) На зарѣ. Оренбургъ, 1908 г.

Семеновъ, Вл. Расплата. Изд. т-ва Вольфъ. Спб. Стр. 420. Ц. 3 р.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Вып. III. Изд. Ксидо. Спб. Ц. 1 р.

Струве, Ю. Книга для чтенія. М., 1909 г. Стр. 265. Ц. 1 р.

Тарѣевъ, М. М., проф. Христосъ. Сергіевъ-Посадъ, 1908 г. Стр. 368. Ц. 2 р.

Тацына, Л. Искорки. Вильна. Изд. 2-е.

Тенеромо, И. Живыя рѣчи Л. Н. Толстого. 1885—1908 гг. Одесса, 1908 г. Стр. 395. Ц. 1 р. 50 к.

Tchobanian Archag. Poèmes. Paris, 1908, prix 3 fr. 50.

Тимоѳеевъ, М. Азбука. Одесса, 1909 г. Стр. 64. Ц. 20 к.

— Естественный звуковой методъ. Одесса, 1909 г. Стр. 81. Ц. 50 к.

Трохинъ, Г. Среди баши-бузуковъ. М., 1909 г. Стр. 47. Ц. 12 к.

Трояновскій, И. Курсъ природовѣдѣнія. Ч. I. М., 1909 годъ. Стр. 224. Ц. 80 к.

Трубицынъ, Н. Общественная роль женщины въ изображеніи новѣйшей русской литературы. Спб. Стр. 106. Ц. 40 к.

Шаховъ, А. Гёте и его время. Изд. 4-е исправ. и дополн. Спб., 1908 г. Стр. 291. Ц. 1 р.

Шохоръ-Троцкій, С. Геометрія на задачахъ. Вып. I. М., 1909 г. Стр. 342. Ц. 90 к.

Ястребовъ, Н. В. Этюды о П. Хельчицкомъ и его времени. Спб., 1908 г. Стр. 258. Ц. 2 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Библіографическаго отдѣла.

I. Книги.

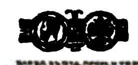
МЫСЛИ ДИКАРЯ
АДАМА.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, Суворина, Карбасникова и др.

Цѣна 50 коп.

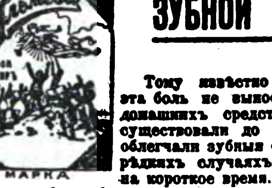

Кто страдалъ

ЗУБНОЙ БОЛЬЮ.

Тому извѣстно на сколько эта боль не выносима· Масса домашнихъ средствъ, которыя существовали до сихъ поръ— облегчали зубныя страданія въ рѣдкихъ случаяхъ или только на короткое время.

Съ изобрѣтеніемъ-же совершенно безвреднаго средства подъ названіемъ „эл. Альмеза" эта тяжко-переносимая боль успокаивается „Альмезой". въ нѣсколько минутъ и не возвращается въ большинствѣ случаевъ цѣлыми мѣсяцами.

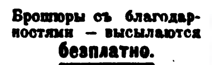
Кромѣ того „Альмеза" при разслабленіи зубовъ и десенъ, дѣйствуетъ на нихъ укрѣпляющимъ образомъ. Масса полученныхъ благодарностей, часть которыхъ прилагается при каждомъ флаконѣ, служатъ доказательствомъ дѣйствительности этого превосходнаго средства.

Способъ употребленія и брошюры съ благодарностями прилагаются при каждомъ флаконѣ.

Во избѣжаніи подражаній и подделокъ на каждой коробкѣ и каждомъ флаконѣ обязательно должна быть вышепоказанная марка и каждый флаконъ долженъ имѣть пломбу со словомъ „Альмеза".

Брошюры съ благодарностями — высылаются **безплатно.**

Требуйте во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна обык. фл. 1 р. 20 к. (Пробн. фл. 40 к.).

За пересылку отъ 1 до 6 фл.—85 коп.

Высылка иногороднимъ наложен. платежомъ.

Адресъ: Москва, Рождественскій бульваръ, домъ Андреева, к. 17, скл. „Альмезы".

